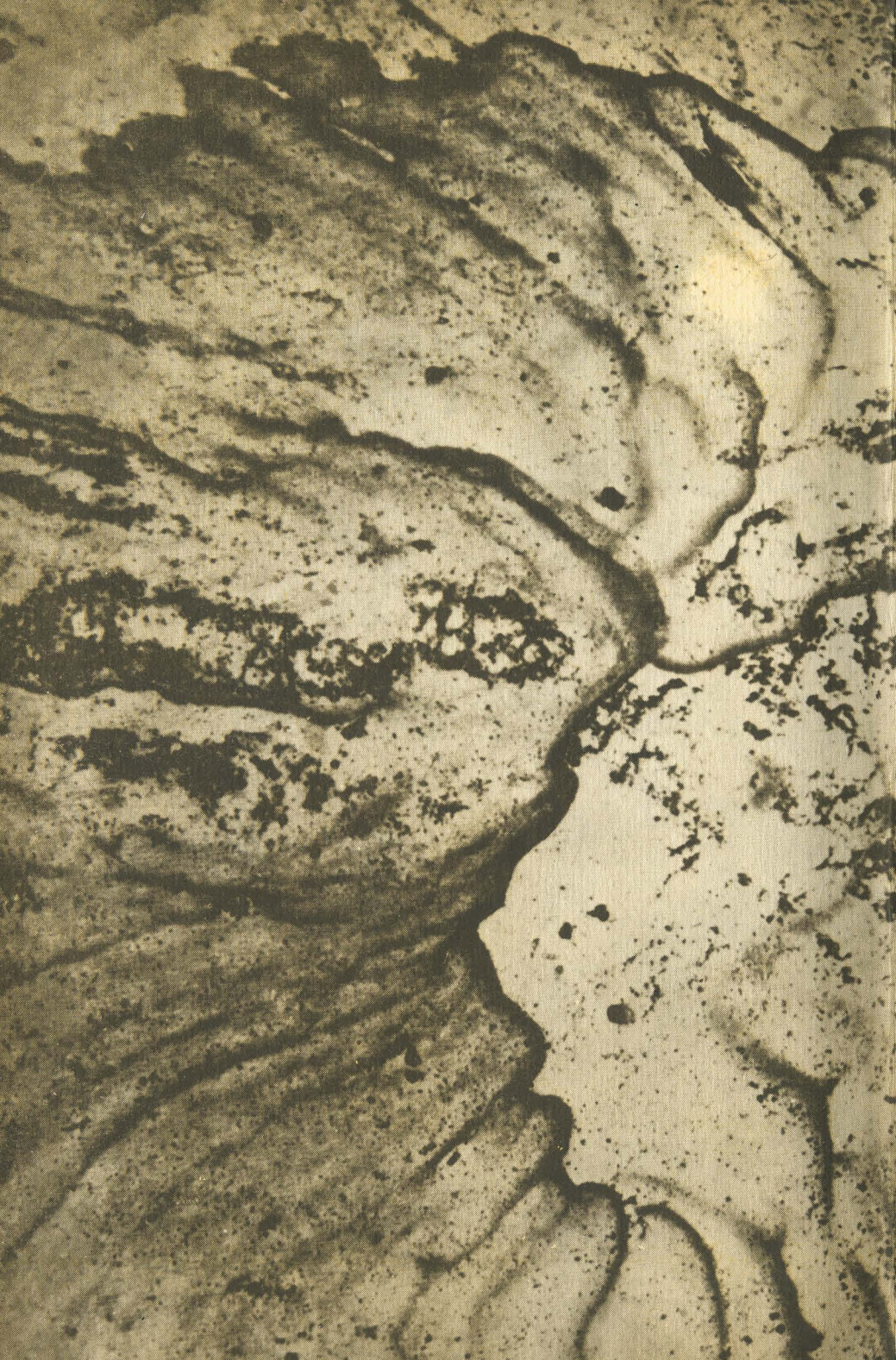

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XXI

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1998

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XXI
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1998

ББК 63.3(2)
С 60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Указатель составлен Л. П. ЖЕЛОБАНОВОЙ

Художник издания А. Б. КОНОПЛЕВ

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00881-1

- © Издательство «Мысль». 1998
- © Ю. В. Сокортова. Составление и подготовка текста. 1998
- © В. Ю. Станковская. Перевод иностранных текстов. 1998
- © А. Б. Коноплев. Оформление. 1998

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Завершив выпуск основных трудов С. М. Соловьева в 18 книгах, издательство продолжает работу над творческим наследием этого виднейшего российского историка. Уже изданы две дополнительные книги. В очередную, XXI, вошли интереснейшие популярные курсы лекций и статьи из журнала «Отечественные записки»; причем важно отметить, что включенные в книгу «Лекции по русской истории» до сих пор существовали только в виде литографированного рукописного экземпляра, практически недоступного читателю.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

(1873/1874 гг.)

ЛЕКЦИЯ 1 и 2

Русская история разделяется на древнюю и новую. Разделом служит деятельность Петра Великого. Так как основой деления служит деятельность одного исторического лица, то здесь является большое затруднение в определении исторического значения этого разделения и отсюда вытекают различные недоразумения, толки и споры. Если бы переход народа из древней истории в новую обозначался деятельностью не одного только лица, то пред этим делом, делом, очевидно, целого народа, смолкли бы все толки, споры и недоразумения, но здесь резко выделяется деятельность одного лица и потому по естественной недоворчивости к силам одного человека является вопрос: правильно ли этот человек поступал, не ошибался ли он, как свойственно одному человеку? Если в истории какого-либо народа совершается переход из одной эпохи в другую вследствие деятельности не одного только лица, то по крайней мере вследствие деятельности только нескольких лиц; ибо народы никогда не действуют массово, а всегда чрез своих представителей, так сказать, вожakov, передовых людей, которые говорят слово, совершают дело, и если это дело освящается историей, временем и народом, то оно называется народным, необходимым, вытекающим из потребностей народа. А так как каждому человеку свойственно ошибаться, то к деятельности каждой эпохи, в которой совершается переход, можно относиться с недоверием, и ответ всегда будет тот, что вообще дело шло правильно, необходимое дело, но в частностях были ошибки. Поэтому, видя в нашей истории резко выдающуюся деятельность одного лица, мы не должны смущаться более, чем если бы видели в ней многих деятелей.

Несмотря на то, эта выдающаяся деятельность одного лица стала источником многих недоразумений, толков, споров и вопросов. Какой же вопрос можно задать при изучении этого перехода русского народа из древней в новую историю, что можно возразить против этого разделения русской истории? Самый важный вопрос: так ли удовлетворено было потребностям народа, как должно, не было ли излишней ломки старым обычаям в пользу новым? Для решения этого вопроса должно строго

сосредоточиться в научной сфере, уяснить явление посредством сравнения с подобными явлениями в жизни других народов. Только этим путем сравнения добудем ясное представление о явлении, правильно его оценим. Итак, посмотрим на другие народы, не было ли у них подобного перехода, чего-либо такого, что было в России в конце XVII и начале XVIII в., что мы называем эпохой преобразований. Разумеется, мы должны обращаться к народам — ровесникам нашему, к народам, государства которых основаны почти в одно время с нашим, которые сходны с нами по идеям, по религии, — одним словом, к народам романским и германским, которые ведут историческую жизнь с времени, как древняя народность отходит на задний план и является христианская история.

В судьбе этих народов мы видим также редкое разделение на две половины, имевшее место в XV и XVI веках, когда в среде этих народов обнаружилось сильное движение, после которого виден весьма большой переворот в их умственной жизни, отразившийся и в других сферах. Они называют эту эпоху эпохой Возрождения, усиленной умственной деятельности, расширения сферы знаний. Это та эпоха, когда они начали изучать произведения открытого ими древнего умственного мира и стали по ним формировать свой умственный склад, умственный строй.

При изучении этого явления видим, что оно обще всем историческим развивающимся народам. Как в жизни отдельных людей, так и в жизни целых народов повторяется то явление, что происходит развитие от сообщения одного человека или народа с другим, когда юнейший, менее опытный заимствует плоды деятельности у другого, более опытного. Как отдельные люди учатся друг у друга жизни, так и целый народ учится у другого. И в древнем, классическом мире видим то же самое. Греки развились от столкновения с другим, более опытным, более развитым народом. Римляне получили свое образование от греков. Так и новые, христианские народы в известное время стали учиться у других народов, исчезнувших политически, но оставивших после себя богатое умственное наследство, материалы для умственного развития. Понятно, что это возрождение чрез знакомство с духом классического мира отразилось во всех сферах народной жизни, и первым следствием этого знакомства было сильное религиозное движение — Реформация.

Итак, эпоха Возрождения, знакомства с древним миром определяет время перехода древней истории в новую, но здесь встречается особенность в истории западных народов. У них новая история не противопоставляется, как у нас, древней. Название новой истории остается, но ей уже противопоставляется не древняя, а средняя. Слово «средняя», само по себе очень неопределенно, показывает, что человек не умел определить чего-то. Имея в виду

два предмета и два свойства их, он останавливается в недоумении пред третьим и называет его «средним». Так поступили и западные народы. В эпоху Возрождения и после нее они так тесно соединились с древним миром, что составили с ним одно целое, признали, что живут общей духовной жизнью с ним, что история греков и римлян есть их древняя история. Разумеется, каждый из этих народов имеет свою собственную древнюю историю, но они так увлеклись новыми началами своей жизни, этим изучением древнего мира, что позабыли свою прежнюю историю и даже отреклись от нее, отнесли к ней как к чему-то не имеющему значения, варварскому, непонятному. Они давали значение только истории древнего мира и своей с того времени, как соединились с ним, они как будто стыдились средневековой эпохи, считали этот век темным, из которого вышли только благодаря знакомству с древним миром. И вот западные народы и называли свою древнюю историю «средними веками». Признавая все значение движения, господствовавшего на Западе в начале новых веков, мы не можем не заметить, что страстное увлечение этим движением, высказавшееся в отвращении к явлениям средних веков, перешло границу, отделяющую ученическую преданность от умственного рабства. Западные народы страстно спешили перенимать понятия древних своих учителей, стремились писать и говорить их языками и, таким образом, совершенно сформироваться по ним.

Вследствие этого случилось то, что совсем не соответствовало началам их исторической жизни; в науку, в искусство вошло много такого, что ложилось мертвой массой, замедлявшей развитие, что толкало на пути неправильные. Через несколько веков произошла реакция, как обыкновенно бывает, когда известное увлечение оказывает свои горькие плоды; явились вопросы: хорошо ли, что последовали новому началу, что так страстно увлекались? Далее явилось мнение, что движение, происшедшее в эпоху Возрождения, было неправильное. Вследствие этого оставили новое и обратились к средневековой истории. В этой реакции была как хорошая сторона, так и темная. Действительно, нужно было отстать от нового увлечения и посмотреть на свою собственную древнюю историю. Это изучение истории средних веков пролило ясный свет на настоящее положение западных народов, но они, отвергнув прежнее движение, увлеклись средневековыми явлениями. Вследствие этого явилась чрезмерная любовь к средневековым явлениям, что нарушало правильное представление о них. Сюда же присоединилось служение национальному началу, вредный для науки народный аристократизм: явилось в литературе особенное направление — романтическое, писатели приобрели ненаучную привычку — представлять происхождение своего народа как можно более благороднейшим, выставять

благородство этого происхождения пред другими народами, указывать, что их народ и в младенчестве своем не был младенцем, искать в младенчестве его задатков чего-то великого; не довольствовались этим, стали вводить в историю вымышленные явления, как бы результаты трудной и сильной исторической жизни. В особенности этим стали отличаться немцы. Но германофильство не знало и не знает пределов; они начали себе присваивать введение новых начал в общественную жизнь, например начало свободы, которым и, очевидно, обязаны христианству; по их мнению, и настоящая женщина, как она должна быть, появилась прежде всего в германских лесах.

Итак, мы видим, что и западные народы имеют свою древнюю и новую историю и что переход из первой во вторую путем образования чрез столкновение их если не с самыми древними народами, то с их произведениями. Если мы говорим, что народ перешел из древней в новую историю, то это значит, что народ этот, не живший естественной жизнью, получил толчок умственного развития от столкновения с другим народом, более его образованным, и начал у него заимствовать то, что удовлетворяло его народным потребностям.

В этом отношении мы разделяем народы на исторические и неисторические. Первыми мы называем такие народы, которые при столкновении с другими, более образованными заимствуют у них то, что у тех есть лучшего, например романские народы при столкновении с произведениями классических народов учились у них жизни. Это явление есть необходимое следствие историчности народа, а как скоро оно необходимо, то заключаем, что оно вытекает из потребностей самого народа.

ЛЕКЦИЯ 3

В прошлый раз мы говорили о значении общеупотребительного выражения «новая русская история». Мы видели, что разумеется под этим выражением, и доказали, как необходимо обращать внимание на историю других народов, современных нам, потому что и у них находятся те же явления, и у них существует разделение истории на древнюю и новую, только с некоторыми особенностями, которые объясняются из особенного хода их истории, из отношения их к историческим народам, уже исчезнувшим, но оставившим по себе богатое наследство. Мы объясним только необходимость этого явления, общего всем развивающимся народам. Необходимо иметь в виду, что здесь, как в жизни отдельного человека, так и целого народа, происходит естественное развитие, переход из возраста чувств в возраст, в котором преобладают ум и мысль. Мы видели, как на Западе смотрели в этом отношении на свою историю, как там, увле-

кшись новым движением, новыми началами, получившими господство, долгое время относились недоброжелательно к своей древней истории, которую обыкновенно называют средними веками; как произошла там потом реакция и новое увлечение стало на место старого.

И у нас повторяется то же явление. Мыслящие русские люди не без влияния западного движения (мы давно живем общей умственной жизнью) также отнеслись враждебно к движению, господствовавшему в новой русской истории, начали увлекаться привязанностью к явлениям, господствовавшим в древней русской истории, и перессорили древнюю историю с новой. Эти люди в своем увлечении, толкуя о достоинствах своего народа, отняли у него это достоинство, показав в нем народ, который позабыл свое лучшее и вследствие толчков устремился на путь неправильный. К такому народу, который позволил подобное, можно относиться только с недоверием. Наука не может успокоиться на подобных противоречиях, ее дело — выяснить истину и показать законы, которым она следует.

Законы эти общи — это переход из одного возраста в другой. Но почему, однако, могло произойти заблуждение, на которое я только что указал? Это нам нужно уяснить, чтоб самим быть свободными от подобных ошибок. Эти заблуждения проистекают оттого, что каждая эпоха, каждый возраст имеют свои светлые и темные стороны.

Всегда можно на основании светлых сторон известной эпохи превозносить эту эпоху в укор другой и, наоборот, на основании темных осуждать ее, превознося иную. Человек мужает, умственные силы его развиваются, он приобретает массу знаний, он живет полной человеческой жизнью, исполненной внутренних и внешних гражданских достоинств, это возраст в полном смысле мужества, а между тем при этом мужестве, при этом совершенстве человек нередко жалеет о своей юности, о своем отрочестве. Человек в действительности жалеет о мечтах, человек крепкого разума жалеет о заблуждениях. Ясно, что в том возрасте, который он покинул, были такие стороны, о которых жалеют, которые имеют необыкновенную прелесть. Да, при переходе из одного периода в другой человек приобретает кое-что, но также и кое-что теряет, и теряет безвозвратно. То же и в жизни целого народа. При переходе народа из одного возраста в другой известные хорошие свойства его теряются, другие сохраняются. Вот почему ежедневно встречаются люди, которые хвалят свое прошедшее в укор настоящему. И те и другие имеют известную долю правды. Наука требует не смущаться подобными столкновениями, спорами, но смотреть на дело спокойно, узнать известный закон и приложить его.

Неудивительно, что на Западе в известное время вследствие известной реакции нашли очень много хорошего в своей древней

истории, неудивительно, что и на Руси русский человек, особенно чем-нибудь недовольный настоящим, может найти некоторые такие хорошие стороны в древней русской жизни, каких нет в новой, и об этом отсутствии будет жалеть. Из этого, однако, не следует, чтобы мы человека, который, оставляя юность и отрочество, переходит в возраст мужества, чтобы мы этого человека стали упрекать в том, что он повинуется общему закону развития. И, найдя, наоборот, в младенчестве и юности известные недостатки, не станем упрекать ни человека, ни его возраст младенчества, потому что этому возрасту присущи подобные недостатки. В строгой исторической науке не может быть места такому явлению, как на Западе романтизм и германофильство, а у нас славянофильство. Мы должны следить за переходом русского народа из одного возраста в другой, причем необходимо одно: при каких условиях совершался этот переход, ибо они действовали на весь ход русской истории, даже и новейшей, потому что вся цепь явлений с самого начала народной жизни — такая цепь, звенья которой связаны между собой крепко, неразрывно.

Новую историю нельзя понимать без древней; древняя находит себе повтор в новой. Антагонизма между ними быть не может.

Итак, господа, зная, что такое наша древняя и новая история, мы приступим теперь к уяснению явлений, которые встречаются при переходе русского народа из древней жизни в новую. Но, имея в виду уяснение этого вопроса и зная, что вопрос лучше всего уясняется чрез сравнение и противоположение, мы не должны покидать сравнительного метода, но обращаться к истории других, современных нам народов. Мы видим, что эти современные нам народы перешли в известное время (в XVI в.) из своей древней истории (каковы средние века) в новую. Переход совершился по известным законам: народ молодой, с задатками к развитию переходит из эпохи юности к отрочеству главным образом благодаря тому, что умел развить в себе умственные способности, что достигается ученьем. Народ молодой пошел в ученье к старым народам. Этих старых народов не было налицо, но они оставили по себе богатое умственное наследство, по которому пришлось теперь новым народам заниматься, учиться и развиваться. Увлеченные, озаренные новым светом, пораженные новым миром, перед ними раскрывшимся, — миром идей, новые народы чересчур стали послушными учениками. Усваивая с лихорадочной страстью чужое, новые народы позабывали часто свое, позабывали то, что должны были развивать, пользуясь только помощью, данною древними народами. Все это совершалось в XV в., в русской истории мы видим подобное в конце XVII и начале XVIII в. С первого раза поражает это различие во

времени— XV и XVIII века, и на всех устах естественно слово «отсталость». Русский народ в своем развитии (а мы знаем, как происходило это развитие) отстал от своих европейских собратьев. Для русского историка первая обязанность — указать причины этой отсталости, причины того явления, что Восточная Европа, представляемая русским народом, перешла от древней истории к новой гораздо позднее, чем Западная. Причины эти открываются при первом взгляде на карту Европы. Каждого поражает различие между Востоком и Западом.

Запад — разветвленная Европа. Европа каменная, раздробленная на множество отдельных частей, из которых каждая должна составлять отдельное государство; Западная Европа отличается здоровым климатом, большим разнообразием в народонаселении и природе, близостью к морю, большой береговой линией — всякого, говорю, должна поражать Западная Европа, обладающая благоприятными условиями для развития. И Восточная, которая в этом отношении совсем не походит на свою соседку, которая представляет громадную равнину, однообразную, с ничтожной сравнительно береговой линией; равнину, которая примыкает к небольшим, большей частью неудобным морям; равнину, которая не имеет гор, которые пересекали бы ее и условливали отдельные государства, вследствие чего равнина эта, как бы она громадна ни была, стремится стать одним обширным государством.

В Восточной Европе преобладает дерево в противоположность Западной, где преобладает камень: Западная Европа каменная, Восточная деревянная. И это различие в материалах, которые человек употребляет для обыденных работ и для удовлетворения высших стремлений — воспроизводить человеческие фигуры из камня, — и это различие огромной важности. Так же точно если рассматривать дело с географической точки зрения, то наша страна не имеет ничего общего с Западом. Географически наш народ не европейский народ, но одна природа, одни географические условия не имеют полновластия в жизни народов, не имеют исключительного влияния, и множество ошибок в исторических исследованиях происходит от этой односторонности, вследствие которой природным условиям дают огромное влияние, и даже исключительное.

Эта односторонность вредит науке; только возможная многосторонность спасает от грубых ошибок, говорю — «возможная многосторонность», потому что всесторонности не существует, кроме Высшей Силы — всезнающей, но мы обязаны стремиться к многостороннему пониманию, а не приписывать все влияние одним только природным географическим условиям. Они имеют важное влияние, с них должно начинать, но не должно давать им этого всевластия, этого всемогущества в народной жизни.

Второе условие, которое действовало так же могущественно, как и географическое положение и бедность страны, и в человеке, существе нравственном, действовало еще могущественнее,— это человеческая природа, это внутренние, духовные, нравственные качества, характер, с которым народ является в историю, как является каждый отдельный человек. Народы не рождаются в известной стране, в которой действуют, но переходят, иногда очень поздно приходят в ту страну, в которой совершается их история. Они приходят уже готовые, каждый со своим образом мыслей, со своим характером. Хотя они не могут не подчиниться условиям страны, в которой поселились, но, с другой стороны, вследствие образовавшегося уже своего характера они сами влияют на природу. Природные условия, препятствия не составляют такого явления, которому народ должен подпасть; напротив, он борется с этими препятствиями и преодолевает их. Итак, второе условие— это природа человека, его характер, вопрос, к какому племени он принадлежит, потому что в истории мы знаем племена, одаренные способностью к исторической жизни, и есть такие, которые не одарены. Наш народ— славянского происхождения и принадлежит к арийскому племени, любимцу истории, племени, которое господствует в истории. Следовательно, как бы ни были неблагоприятны условия природные, географические, в которых будет потом действовать народ, он будет развиваться, он будет народом историческим.

И наш народ, не будучи европейским в географическом отношении, есть народ европейский в этнографическом; вы увидите, как последнее важно и важно первое. Из этого ясно, что, несмотря на неблагоприятные географические условия, наш народ— народ европейский, исторически развивавшийся, народ, готовый в известное время совершить переход из одного возраста в другой, но этому он обязан своей природе. Как я уже сказал, природные условия не могут остаться без влияния, и без существенного влияния. Если эти влияния, эти условия неблагоприятны, а народ, живущий в них, исторический, то мы должны ожидать сильной борьбы с препятствиями, которые поставили им природные и исторические условия. Но понятное дело, что, когда условия для совершения дела благоприятны, оно совершается скорее, когда неблагоприятны, оно совершается медленнее. А так как для Запада условия благоприятны, а для Востока нет, то из этого заключаем, что русская история должна была отстать на известное время от истории западноевропейских народов. Вы видите ясно отсюда, как при этом чисто научном, спокойном взгляде, когда историк обращает внимание на условия развития, отвлекается от взгляда в порыве чувств, пристрастий,— как при этом дело идет удовлетворительно во всех отношениях и как исчезают фразы избитые, но для некоторых все-таки имеющие значение,

как исчезают фразы о недостатках русской истории, русского народа, когда дело об отсталости, напротив, объясняется так легко. У одного больше препятствий для развития, у другого меньше.

Один бежит к цели по ровной земле, не стесняясь тяжелой одеждой; другому мешает шероховатость почвы, он отягчен тяжелой одеждой. Кто первый прибежит? И кто стал бы упрекать отставшего за то, что отстал? Напротив, приняв во внимание, что и стесненный в своих действиях столь тяжелыми условиями также достиг цели, беспристрастный исследователь отдаст ему преимущество над тем, который прибежал первый, которому все условия благоприятствовали, который не был ничем стеснен. При внимательном исследовании явлений, при совершенной беспристрастности, разумеется, очень часто то, на что прежде смотрели как на выгоду, является не выгодой, а наоборот. Во время младенчества нашей истории обыкновенно выставляли на вид изумительно громадные пространства русской области. Ни одно государство ни в древнее, ни в новое время не было так обширно. И понятно первое впечатление: Россия так велика, следовательно, должна быть так сильна и могущественна! Но этот первый вывод ошибочен. Рассматривая внимательно, мы находим, что величина часто не соответствует силе, а находится с ней в противоположности.

ЛЕКЦИЯ 4

Я остановился на обширности русской государственной области и заметил, что, следовательно, то, на что часто указывают как на выгоду, при внимательном исследовании явлений оказывается невыгодой. Так точно и обширность государственной области в известное время, во время слабости народа, является больше невыгодой и чрезвычайно замедляет развитие. Известно, что небольшая страна, но развивающаяся под благоприятными условиями развивается гораздо быстрее, чем страна обширная; известно также, что государство обширное нуждается в такой форме правления, которая также в свою очередь замедляет развитие. Дело понятное, что в небольшой государственной области, где все, так сказать, под руками, дело может идти гораздо быстрее, чем в обширной государственной области, в которой внимание правительства, в какой бы форме оно ни было, должно непременно равлекаться, послабляться. Ведь небольшую комнату, небольшое помещение можно привести в порядок, сообщить ему известное изящество скорее и с меньшими средствами, чем большое помещение. Область государственная является обширной и в то время, когда силы ее слабы; отсюда-то в обширном государстве, именно у нас, то любопытное явление, что

правительство переходит из одной части в другую, туда, где происходит скопление сил, туда, где больше занятий, где больше и [неразб.]; оттого только в больших государствах и бывает перенесение центров правительства, столиц.

После Римской империи только у нас да в Польше еще видим подобное перенесение столиц. Характеристическим явлением нашей истории является обширность государственной области, но соединенная с внутренней слабостью. В Римской империи явилось перенесение столиц, когда империя внутренне ослабла, но слабость Римской империи произошла вследствие одряхления; в России оно происходило вследствие молодости, юности государства. Явления юности очень часто совпадают с явлениями старости и происходят от одной и той же причины — слабости. Когда человек сидит в небольшом помещении, то он, не сходя с одного места (особенно, если оно центральное), может легко обозреть все свое помещение, может видеть беспорядки; когда же он находится в обширном, то он уже не в состоянии обозреть всего, он должен неизбежно двигаться и останавливаться в известном углу, который обращает на себя его внимание, и, только устроившись здесь, он двигается снова. Так бывает в обширных государствах. Правительство не может оставаться на одном месте; оно должно перемещаться то в один угол, то в другой. Надеюсь, ясно, что обширная государственная область должна была затруднять отправление государственной жизни и чрезвычайно много содействовала этой отсталости в развитии.

Понятно, мы не должны останавливаться тут и считать вопрос решенным, мы не должны только упускать этого из виду, не рассмотрев всех сторон по возможности. Я уже заметил, я уже ограничил свое положение, говоря, что обширность государственной области вредила, замедляла развитие и явилась в то время, когда народ еще был слаб, когда народ находился еще в младенчестве. Конечно, когда государственная область обширна при зрелости народа, при достаточном количестве народонаселения, при всех средствах, которые дает цивилизация, то обширность не вредит, но приносит пользу. Большое государство сильнее малого — при условии, чтобы обширности величины соответствовали внутренние силы. Но в том-то и дело, что в нашей истории во все ее продолжение, даже теперь, когда цивилизация более или менее развита, обширности государственной области постоянно не соответствует количество народонаселения, что земли всегда было больше, чем населения. И теперь поразительно несоответствие между количеством квадратных миль и населенностью; но, чем дальше вглубь, чем древнее, тем более поразительно это явление. Для каждого понятно, какие препятствия для народной жизни полагает то обстоятельство, когда на одном пространстве рассеяно редкое, малочисленное население.

Здесь опять обратимся к средневековым явлениям, понятным для каждого. Что условливает развитие? Общение человека с человеком, общение его с подобными себе; одиночество всегда бесплодно. Какими бы способностями ни был одарен человек, он не разовьет их в отдалении от всего: только обмен мыслей, результат деятельности будет способствовать развитию его сил. Понятно для каждого, что человек может сообщаться с человеком, а следовательно, и развиваться, когда он вместе с ним, когда громадное пространство не отделяет их, когда сообщение между ними легко и удобно. Эти законы применимы и к жизни целых народов. Мы видим раннее развитие в тех странах, где на небольшом пространстве живет значительное количество народа, члены которого находятся в беспрестанном общении друг с другом, где существует постоянный обмен мыслей. Только при таких условиях возможно разделение занятий — первое проявление цивилизации. Ибо что это такое, цивилизация? Человек живет в варварском быте, когда изолирован, когда принужден добывать пищу для себя сам. Цивилизация начинается разделением занятий. Один человек избирает себе известный круг деятельности и совершенствуется в нем, другой избирает себе особый. Но так как результаты их деятельности необходимы им обоим, то они и меняются ими. Отсюда происходит и совершенство работы и, с другой стороны, завязывается тесная зависимость одного человека от другого, ибо для каждого человека нужны результаты деятельности, добытые другим. Здесь начало цивилизации. Разделение занятий отличает цивилизованного человека от варвара.

Итак, говорю, у того народа мы замечаем раннее развитие, у которого на небольшом пространстве сосредоточено много народа, отсюда такое преимущество дается городам, отсюда представление о цивилизации нераздельно с представлением о городе и противоположно селу, деревне. Только в городе на небольшом пространстве сосредоточивается множество народа, здесь очень возможен обмен мыслей, здесь человек встречается с другими, сталкивается с многообразными результатами их деятельности, и сфера его умственного кругозора, понятно, расширяется — он приобретает множество понятий. Другое дело в селе, где на обширном пространстве мало народа, где все почти занимаются одним делом. Каждый день одни и те же лица, одни и те же дела. Отсюда неразвитость в сравнении с развитием горожан. Теперь вполне ясно, что значит, когда на небольшом пространстве много народа и наоборот. В первом случае является быт городской, цивилизованный, развитой; во втором — быт сельский, цивилизация слаба, в развитии отсталость.

Следовательно, в тех странах, где на обширном пространстве мало народонаселения, мало городов, преобладает быт сельский,

земледельческий: движение совершается медленно, происходят частые остановки. Государство с земледельческим бытом — государство отсталое в сравнении с тем, где города. Там имеет место духовная и материальная производительность человека, там процветает наука, торговля — то, что мы называем цивилизацией. Цивилизация зависит от разделения занятий; разделение возникает там, где мало пространства и много народонаселения. И если Россия, которая и теперь бедна населением, а в глубокую древность имела его еще меньше, развивалась при таких условиях, то мы прямо заключаем, что это развитие должно было быть очень медленным, так как условия эти представляли большое препятствие для народа и для правительства. Остановлюсь на последнем — препятствии для правительства. Достаточное количество народа живет в одном месте при постоянном сообщении друг с другом. Понятно, что здесь скоро обнаружатся нужды, станут ясны, по крайней мере для большинства, интересы людей, и большинство это, будучи развито вследствие своего положения, вследствие обмена результатов духовной и материальной деятельности, большинство это, говорю, может принять к сердцу свои выгоды и интересы, улаживать свои дела и помогать правительству, в какой бы форме оно ни существовало. Если представить себе на небольшом пространстве малочисленное народонаселение, то, конечно, одно место населенное не имеет понятия о выгодах и интересах целого народа. Ясно, что тут участия и сильной помощи для правительства ожидать нельзя.

Когда-то еще узнает это населенное место о чем-нибудь; а когда узнает, может ли обсудить дело удовлетворительно? Узнать, посоветоваться и предпринять — все это должно быть разделено большими промежутками во времени, а меж тем, если стоит опасность, она не будет ждать. И вот почему была необходима эта внешняя централизация, диктатура, эта обязанность правительства — начинать и делать самому все, такая обязанность при отсутствии помощи со стороны народа. Все, следовательно, должно делать правительство; при нужде, при опасности оно должно толкнуть, сгонять, так сказать, все это разбросанное население к одной общей деятельности. Всякий почин, инициатива должны идти от правительства. Народонаселение разобщено, об общих интересах имеет оно неясное понятие. Вот почему я сказал, что разбросанное, немногочисленное народонаселение на громадном пространстве препятствует правительству, замедляет действия, замедляет отправление государственной жизни. Вследствие этих же причин Русское государство в продолжение многих и многих веков развивалось чрезвычайно медленно, носило характер чисто земледельческого, сельского государства, а не городского. И здесь-то опять является резкое различие между Востоком и Западом Европы.

Западная Европа представляет государство городское; Восточная Россия, а в прежнее время и Польша представляют государства земледельческие. Городов было мало, они были худо населены, не имели характера центров промышленности и торговли. Промышленность и торговля были слабы на Руси. Надо удивляться сведениям, какие имеем мы о малочисленности городов. В допетровской России нас удивляет малочисленность городов и промышленного населения, так называемых посадских людей. Так, на юге, в Украине вовсе не было промышленного населения, а было только военное, и города продолжали иметь значение огороженного места, укрепленного места, крепости. Итак, главное препятствие, замедлявшее развитие Русского государства, во-первых, было препятствие географическое, в связи с которым стоят эти основные препятствия,— обширность государственной области и малочисленность народонаселения. Сюда присоединяется еще открытость границ: и здесь природа была мачехой для России, и здесь природа не дала своих границ Русской земле, а положила всю тягость — защищать родную землю — на народ, на его нравственные и физические силы. Легко представить, как тяжела была эта обязанность — защищать народ от внешних врагов при обширном местоположении, растянутости границ, при малом развитии промышленности и торговли, когда у правительства не было доходов. Следовательно, в стране нет ни людей, ни денег, а государственные потребности увеличивались, и главное — это внешняя защита.

Всякий легко поймет, какие удобства для государства, если границы его хорошо защищены. Каждому из вас твердили, что Англия обязана своим развитием, богатой цивилизацией тому, что она находится на островах, что доступ к ней для врага очень труден. Это, с одной стороны, обеспечивает английский народ, дает ему возможность заниматься устройством внутреннего быта, с другой — возможность сбывать произведения своей промышленности за моря. Отсюда это быстрое развитие цивилизации, которая сообщилась потом и на материк Европы. Но совершенную противоположность с Англией в этом отношении представляет Россия. Англия — государство островное, морское; Россия — государство континентальное, а известно, что государство континентальное имеет большие невыгоды в сравнении с государством морским, потому что обязано содержать большое войско, должно вести частые войны для защиты своего местоположения, для содержания своего места среди других держав. Ни одно из континентальных государств не обнажено так, как Россия, и все это при обширности государственной области и малочисленности народонаселения, при отсутствии промышленности в областях, при отсутствии подвижности денег.

Теперь понятно, что когда народ стал вырастать и начал чувствовать потребность перехода из одного возраста в другой,

перехода из своей древней истории в новую, то прежде всего должно было пробудиться в нем сознание этой слабости своего положения, своих невыгод. Последовало стремление отстранять эти невыгоды, стремление приобрести то, что сравняло бы его с западными собратьями и дало ему их выгоды. И здесь-то, в пробуждении сознания о своих невыгодах, высказывается благородная натура народа, способная к истории. Народ, не способный к истории, не сознает своих невыгод даже при столкновении с более развитыми; он не обращает ни на что внимания, считает свое положение случайным и остается при нем. Напротив, народ исторический как только заметит в другом что-нибудь лучшее, какое-нибудь удобство, то старается принять его, сравняться с этим народом. Народ, сталкиваясь с другим, имеющим больше выгод, научается подражать ему, и этим-то обозначается известный переход его из одного возраста в другой, из его древней истории в новую.

ЛЕКЦИЯ 5

В прошедший раз было указано на главные препятствия, обуславливавшие медленное развитие нашей истории: это громадность государственной области с чрезвычайно малочисленным народонаселением, нисколько не соответствующим этой громадности. Разбросанное на обширном пространстве, это народонаселение само собой не могло соединиться для общей деятельности, для отправления народной жизни и потому нуждалось в сильной власти, которая бы сосредоточила население, сосредоточила силы народа для общего действия. При обширности государственной области, малочисленности и, следовательно, разбросанности народонаселения, при открытости со всех сторон границ природа не дала ничего России для защиты: всю защиту должно было принять на себя малое народонаселение.

На долю его выпала чрезвычайно трудная обязанность: отстаивать свою независимость при весьма неблагоприятных условиях. Границы растянуты и легкодоступны, народонаселение малочисленно, государство бедно и носит земледельческий характер; а между тем враги со всех сторон, война необходима, но для нее нужны люди и деньги, а их-то и мало в государстве. Вот положение древней России. Из этого вы уже поймете все затруднительное положение Российского государства, русского народа, поймете, какое значение имеет в нашей истории вопрос о войске, о его содержании. То государство развивается скорее, быстрее достигает благосостояния, которое не нуждается в усилиях защиты, которое на этот счет довольно обеспечено; равно как отдельный человек, обеспеченный в своем материальном благосостоянии, может отдаться работе умственной, общественным делам,

а как скоро не достиг достаточного обеспечения относительно насущного куска хлеба, то уже не до умственной работы ему, не до дел общественных — так и относительно целого народа, ибо что справедливо относительно одного человека, то справедливо и относительно всего народа. А главное благо народа заключается в его самостоятельности, в его независимости. Народ борется изо всех сил, чтобы отстоять свою самостоятельность, свою жизнь. Отсюда первая задача исторического народа — это обрести и отстоять свою самостоятельность; другая же — это занять почетное место среди других народов, разумеется, народов исторических, заимствовать все блага общей народной жизни и с своей стороны внести свою долю в эту общую историческую жизнь.

Первая задача предшествует другой, и все величие народа измеряется его усилиями и успехами в решении этих двух задач. Я уже указал, как в этом отношении различна судьба двух государств, расположенных на противоположных концах Европы, — Англии и России. Известно, что Англия обязана своим благосостоянием и быстрым своим развитием тому обстоятельству, что с самого начала была обеспечена относительно первой задачи народного бытия — защиты самостоятельности и независимости. Следовательно, эта нация (англичане) могла посвятить свое время внутренним делам, достижению второй цели, решению второй народной задачи — удержать за собой важное место в общей системе европейских государств. Совершенно противоположное явление представляет Россия, где население разбросано на огромном пространстве, где природа отказала во всем том, что ускоряет развитие истории, — отказала в море, в длинной береговой линии и для большого замедления исторической жизни дала огромную область. Если море так ускоряет развитие народа, если морское государство есть передовое в развитии, что для вас вполне понятно, и если континентальное государство развивается гораздо медленнее именно потому, что должно обращать внимание на удержание своих границ и на охранение своей независимости, то Россия есть континентальное государство преимущественно. И если Англия есть морское государство по преимуществу, то Россия, повторяю, континентальное.

Из этого вы прямо выводите, что, сколько в Англии удобств для развития исторической жизни, столько в России препятствий. Но если эти условия, условия положения страны, имеют такое громадное значение в истории народа, если, как сказано, первая задача народа состоит в приобретении и сохранении своей самостоятельности, а другая — в приобретении и удержании почетного места среди других народов, то этим самым уясняется другой вопрос — об отношении так называемой внутренней и внешней истории народа. Вследствие недостаточно многосто-

ронней обработки истории являются иногда мнения, высказываемые, по-видимому, авторитетами, которые смущают умы, проводят совершенно ложный взгляд и надолго вредят успехам науки. Иногда эти взгляды имеют свое оправдание, являясь реакцией взглядам противоположным, доведенным до крайности. Очень недавно еще начали проповедовать, что надо преимущественно заниматься внутренней историей народа, оставляя в стороне внешнюю. Здесь умственной смуте помогли самые слова «внутренний» и «внешний», ибо слово «внутренний» указывает на что-то более существенное, тогда как «внешний» — на что-то неважное, без чего можно обойтись. И вот, толкуя о внутренней и внешней истории народа, притом разумея под внешней — общественную жизнь народа в кругу других народов, умели уменьшить значение ее, отдавая преимущество внутренней истории, внутренней жизни народа, жизни частной, домашней.

Оправдание этого взгляда заключается в злоупотреблении, которое, как указывали, позволяли себе историки прежнего времени, занимаясь одной внешней историей и нисколько не обращая внимания на внутреннюю. Но злоупотребление — односторонность — не заставляет еще нас вдаваться в другую односторонность, бросаться из одного угла в другой. Чтобы уяснить дело, нужно уяснить, что такое внутренняя и внешняя история. Но опять для уяснения вопроса в жизни целого народа лучше всего обратиться к явлениям в жизни отдельных людей. Мы знаем, что каждый человек живет в обществе и развивается только благодаря своему общению с другими. Бесспорно, что развитие обуславливается тем, что человек вступает в известные сношения с другими, кое-что заимствует от них и в свою очередь дает свою долю в общую жизнь. Главный признак цивилизации — разделение занятий, обуславливаемое только общей жизнью, общественной деятельностью; и потому, разумеется, никто не станет говорить, что для человека важна только его домашняя, внутренняя жизнь, жизнь семейная и что его общественная деятельность, его связи с другими членами общества имеют ничтожное значение, что ими и заниматься не следует. Конечно, это односторонне, и такое странное мнение поразило бы каждого. Всякий знает, что домашняя, семейная жизнь очень важна для человека; здесь, дома, в семье, человек получает первое воспитание, здесь отдыхает и укрепляется для жизни общественной; всякий знает, что то, что человек выносит из жизни домашней, имеет влияние на его общественную деятельность, но из этого не следует, чтобы самая общественная жизнь его теряла значение.

Всякий знает также, что если домашняя жизнь влияет на общественную, то в свою очередь и общественная влияет на домашнюю, и потому нельзя толковать о преимуществах одной в упрек другой. Всякий знает, что человек есть, по древнему

изречению, животное общественное, что его развитие зависит от его общественной деятельности и что он живет для себя и для других. Никто, следовательно, повторяю, не станет толковать о преимуществах домашней жизни и уменьшать значение общественной. Отсюда прямо выводим: странно было бы толковать в жизни целых народов о преимуществах их домашней жизни пред общественной, то есть жизнью их среди других народов, ибо народ, как отдельный человек, может развиваться только при общении с другими народами, только в связи с ними, и чем эта связь сильнее, тем более народ достигает своих целей, достигает благосостояния. Толковать об этом много нечего. У всех на устах одно — все говорят, что европейские народы достигли высшей степени благосостояния, что европейские народы господствуют над другими потому, что народы эти живут в тесном общении друг с другом, меняются плодами умственной жизни, умственной цивилизации.

Но если такое значение имеет внешняя история, объясняющая общественную жизнь народов, то смешно толковать, что она должна уступить свое место внутренней, домашней истории. Как смешно толковать об этом, когда мы знаем, что у народа две главные неразрывные задачи: во-первых, приобрести и сохранить свою самостоятельность и, во-вторых, охранять свое место среди других народов, участвовать в общении с ними и жить с ними одной общей европейской жизнью!

Еще недавно слышались воззрения, которые даже и теперь повторяются некоторыми, а именно — историки обращают свое исключительное внимание на одну только сторону государственной жизни, толкуя о том, что говорят и делают государи, их министры и правители, и забывая, как живет и о чем толкует народ. С другой стороны, историков упрекают в том, что они, предпочитая внешнюю историю, занимаются преимущественно войнами, дипломатическими сношениями и им, особенно первым, посвящают большее количество страниц, забывая опять народ, его внутреннюю жизнь, как она идет, что народ терпит, отчего беден, отчего младенствует. Указать несправедливость всех этих упреков легко, хотя сначала надо сказать, что эти упреки имели некоторую долю правды, потому что в старину некоторые историки действительно отличались односторонностью — говорили о деятельности правителей, при этом забывали досказать, какие имели результаты для массы те или другие распоряжения правительства; и затем совершенно верно, что и относительно внешней истории некоторые слишком много давали места описанию сражений, войн. Но, как я уже сказал, одна односторонность никоим образом не дает права впадать в другую. Для уяснения вопроса должно определить значение правительства.

Правительство, какие бы формы его ни были — это решительно все равно, — есть выделение известных потребностей народа в известное время. Форма правительства является не сама собой, она составляет результат народной жизни при известных условиях. Следовательно, если мы имеем в данное время известную форму правительства, то главная обязанность историка состоит в том, чтобы уяснить, каким образом эта форма возникла. После этого разъяснения историк не должен успокаиваться, он не должен упускать из виду этого правительства, ибо от него, от его распоряжений зависит благосостояние народа. Первое же условие благосостояния народной жизни — это разумная деятельность правительства. Как же теперь уяснить себе народную жизнь, когда историк позволит себе не обращать внимания на правительство, на его распоряжения? Разумеется, эти распоряжения должны стоять на первом плане. Действия, мысли, слова, в которых выражаются взгляды правительственного лица, всегда для историка должны быть важны, какой бы титул ни носило правительство: будет ли это неограниченная монархия, конституционная или республиканская.

Слова, взгляды, намерения, стремления абсолютного монарха так же важны для историка, как решения депутатов, избранных народом в палату, ограничивающую власть государя; так же важны, как действия, мнения, взгляды и слова ответственных министров в конституционной монархии. В какой бы форме правительственная деятельность ни проявлялась, мнения, стремления лица, поставленного в чем народа (так в тексте. — *Ред.*), в каких бы отношениях он ни был поставлен, для историка всегда должны быть на первом месте, ибо от них зависело благосостояние и неблагосостояние народа в известный момент. Наконец, чтобы этот вопрос сдать в архив человеческих заблуждений и не обращаться к нему больше, надо обратить внимание и на средства историка. В истории господствует представление; никогда массы не действуют сами по себе и никогда не выражают сами своих стремлений, своих желаний, своих целей. Однако в то время, когда, по-видимому, массы двинутся, в их числе найдутся вожаки, передовые люди, которые их ведут, их двигают, которые выражают их желания, их потребности. Следовательно, история всегда имеет дело с народными представителями, с отдельными лицами, выделившимися из массы, и только их голоса слышит. В спокойное время, когда народом повелевает правильное правительство, или в бурное время народных движений — все равно историк имеет дело с отдельными лицами, стоящими наверху, их советы только слышит, их слова только может записать. Масса нема. Она может двигаться, и историк запишет, что в известное время она двигалась, но, пока лучший человек из одной массы не скажет своего слова, историк не уразумеет этого движения, его цели.

Следовательно, в истории всегда будут на первом плане отдельные силы, стоящие наверху. В спокойное время это будет правильное правительство, в беспокойное — вожди масс, но все же это будут отдельные лица, которые высказывают потребности народа, потребности масс. Правильно или неправильно действуют эти правители, это другой вопрос, но, повторяю, только их слова историк может записать.

Что касается так называемой внешней истории, истории войн, дипломатических сношений, истории общественной деятельности народа или его правительства, что все равно, то она выражается главным образом в двух формах: или в форме борьбы, или в форме мирных дипломатических сношений, когда вопрос о столкновении между народами, между их правительствами решается мирным путем, путем переговоров. Для каждого ясна важность той и другой формы. Необходимо для историка обращать на них особенное внимание, многое объясняется здесь очень легко и верно. Каждому из вас понятно очень хорошо все страшное и великое значение слова «война». Произносится это слово, и вся эта внутренняя, домашняя жизнь народа, на которую нам велят обращать исключительное внимание, останется в тени. Происходит замешательство во всех отправлениях народной жизни. Народ отвлекается от внутренних интересов, и его внимание поглощается этим событием — войной. Дело известное, на что во время войны обращается внимание всех, что служит предметом общего разговора, — первое слово встретившихся это о том, что делается на войне, какие известия с театра войны. Все интересы народа сосредоточиваются здесь, а от историка требуют, чтобы он не обращал внимания на этот главный интерес народной жизни, требуют, чтобы он не обращал внимания на положение народа, который находится в таком возбужденном состоянии. Требование бессмысленное. Оно показывает только, что человек, высказывающий это, не имеет никакого понятия о народной жизни, что он выдвигает свои требования, не основываясь на близком изучении народной жизни, а сидя в закулустье, в углу своего кабинета и нисколько не обращая внимания, как живет народ, чем живет народ, — и толкует после этого о народе, его требованиях?!

Вот как надо остерегаться общаться с подобными господами, которые употребляют разные звучные, священные имена и прикрывают ими свое невежество. Нет ничего легче, как произнести звучную фразу и обратить на себя этим внимание. Сначала кажется, что человек говорит о народе, но при внимательном взгляде оказывается, что он о народе-то и понятия не имеет. Но как это можно уверять, что историк не должен говорить о войне, когда во время войны народ живет самой напряженной жизнью; как может он уменьшать значение войны, если подумать, что

главная обязанность народа — защищать свою самостоятельность и свое место в обществе других народов; обязанность, которую чувствует хорошо каждый живущий, способный к исторической жизни, и что эта обязанность есть главная обязанность в жизни народов. Все прочее зависит от того, как эта задача решена, как эта потребность удовлетворена. Вот почему историк, который наблюдает народную жизнь и способствует ей, как скоро возгорается война, ставит ее на первый план и главным образом потому, что она стоит на первом плане и для самого народа. Прекращается война, народы получают досуг заниматься внутренними вопросами, и эти внутренние вопросы становятся на первый план, но и тут общественная жизнь народа, его положение среди других народов требуют усиленной деятельности со стороны правительства, деятельности, которая выражается в дипломатических сношениях. Понятно, что эти дипломатические сношения, которые разрешаются мирным образом или ведутся без войны, требуют большого внимания от историка. Но кроме того, эти дипломатические сношения, эти переговоры мирные имеют то еще значение, что здесь народные представители высказывают мысли, стремления, которые прямо вытекают из истории народа, из его общественной жизни. Каждая нота дипломатическая имеет важное значение для историка, верно или неверно она передает интересы народа, его потребность.

Л Е К Ц И Я 6

Из сказанного в прошедшем разделе следует, что нет никакого основания поднимать вопрос о преимуществе истории внутренней перед внешней. Это две стороны народной жизни, которые тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой, их разграничивать подобным образом нельзя, точно так же как нельзя разграничивать жизнь отдельного человека на чисто внешнюю и исключительно внутреннюю. Во внешней истории являются вопросы первой важности (история не может обойти их, не затемнивши всего) — два главных интереса народной жизни: охранение своей самостоятельности и своего места среди других народов. Предстоят эти вопросы для внешней истории, и важность их очевидна. Если внутренняя жизнь народа имеет могущественное влияние на его внешние дела, на его общественную жизнь, то, с другой стороны, эта внешняя жизнь имеет влияние на его внутреннее устройство. Нечего распространяться, какое влияние имеет большая, сильная борьба народа на его внутреннюю жизнь. Ветх, дряхл народ — одна борьба восстанавливает его внутренние силы, прочищает его атмосферу, выводит к новым формам, к новой жизни.

Следовательно, историк должен иметь в виду обе половины, обе стороны этой народной жизни, не давая преимущества ни

той, ни другой. Он должен только обращать усиленное внимание на одну из них, смотря на время, зная, что, когда война, все внимание народа сосредоточивается на ней, и историк, который хочет быть верным народной жизни, также обязан сосредоточивать свое внимание на ней, а в мирное время он должен с напряженным вниманием следить за мирной жизнью народа, должен следить, какое влияние оказала общественная жизнь народов на внутреннюю жизнь того народа, историей которого он занимается, как это влияние зависит от положения народа среди других и какие изменения происходят в этом положении или путем борьбы, или путем мирных переговоров. В свою очередь, разумеется, он не должен отвлекать своего внимания от вопросов внутренней жизни, ибо когда появляется война, то она представляется мерилом сил народа, а эти силы одинаковым образом зависят и от внутренней жизни. Так все здесь тесно связано, так все неразрывно! И потому эти вопросы о преимуществах той или другой стороны в истории суть вопросы праздные. Если когда историк позволит себе односторонность, то надо избегать вдаваться в другую крайность. Другое дело в разграничении общей истории народа от специальной. Я уже упомянул, что неумение различить себе правительство (так в оригинале.— *Ред.*) повело к известной умственной смуте. Если историк занимается общей жизнью народа, имеет его общую историю, то он не должен входить в подробности сражений, военных действий, потому что эти подробности составляют предмет так называемой военной истории, истории уже специальной. Его дело смотреть на войну как на мерило сил народа; причем он должен пользоваться военной историей, чтобы объяснить, каковы результаты того или другого сражения, в какой мере оно явилось мерилом сил народа. Подробности для этого не нужны, и если историк, занимаясь общей историей, вдается в эти подробности, то он, значит, не уяснил себе предмета общей и специальной истории; он уже внес в свою историю очень много из военной. Точно такой же упрек сделали бы историку, если бы он, занимаясь описанием просвещения в известной стране в известную эпоху, вдавался бы в некоторые литературные подробности, которые имеют место в специальной истории, истории литературы. Но все-таки историк обязан обращать внимание на войну и на мир; другое дело в подробности в них он не должен входить, его не должны занимать ни подробные движения войск, ни подробности литературные, ни подробности юридические.

Сказанное мной было необходимо для уяснения вопроса о том, в какое невыгодное положение поставлен был русский народ, Русское государство касательно внешней защиты и относительно сохранения своего места среди других народов, ибо известно, что место это занято было Россией очень поздно. Это

было также необходимо и для того, чтобы объяснить, что это обхождение России, эта жизнь ее в обществе других народов началась у нас очень поздно и главная причина этого замедления заключается в известных обстоятельствах: в обширности государственной области и малочисленности народонаселения. Для каждого понятно, что здесь народу, его правительству была более трудная, более тяжелая работа, чем правительству и народу в небольшой стране, защищенной самой природой и обладающей удобным путем сообщения морем. Всякий поймет, в чем дело, коли узнает хотя из самого поверхностного изучения нашей истории, что главным явлением в истории народа русского в продолжение почти всей его древней истории была борьба с дикими народами, степными варварами,—борьба, которая не окончилась еще и теперь.

Борьба эта была необходимым историческим явлением и уясняется при первом же взгляде на карту России. Что вы видите? Громадную равнину, непрерывно тянущуюся далеко на восток, к Азии. Русское государство лежит между Европой и Азией, оно открыто со стороны Азии, и со стороны именно степной Азии. Следовательно, Россия должна была выдерживать на себе все эти натиски степных орд, и, разумеется, это удерживание подобных натисков было тем разрушительнее, чем малочисленнее был народ, чем слабее было государство. Так было и в нашем государстве: было время, когда слабая, малочисленная Россия должна была находиться под властью степных варваров, должна была платить дань татарам. Русскую историю, историю Русского народа, лучше всего сравнить с историей народа, который живет на низменном морском берегу: его земля беспрестанно подвергается наплывам волн морских, все, что ни сделает народ, что ни посеет, ни взрастит, всему грозит опасность со стороны волн моря; нахлынут эти волны и разрушат все, что народ создавал с такими затруднениями. Но народ, живущий в таком печальном положении,—народ сильный, стойкий, способный к развитию; он не позволит преодолеть себя этим напорам стихии и не отказывается от своих стремлений, но мало-помалу начинает борьбу с морем. Напряжение рождает развитие умственных сил; наука приходит к ним на помощь, и народ мало-помалу воздвигает плотину, которая защищает его от моря; он в то же время до того развился, окреп, что не боится моря; он поставил плотину, и что ни делает теперь—все прочно. И страна, представлявшая печальное зрелище, является цветущей, покрытой богатými городами и селами. В таком грустном положении находился русский народ, поселившийся на берегу песчаного моря, на берегу степей.

Эти степи высылали постоянно против него волны варваров, которые не давали ему покоя, истребляли все, что он ни делал. Прочтите летописи, и вы увидите это печальное положение

новорожденной России на берегу степей. «Выйдет ли крестьянин весной на работу, откуда ни возьмись степной варвар, который застрелит его, войдет в его жилище, уведет его жену и детей в плен» — вот как один из самых лучших князей русских — Мономах — описывает положение этой Украины, этой собственной Руси, где началась наша история, Руси Днепровской. Это относительно земледельческой работы. А вот другое известие, о торговле, положение которой также невзрачно. Днепр, эта золотая дорога из Древней Руси, ведет в Черное море, в богатую Византию, и Киев цветет чрез свою торговлю, но вот в каком положении она находится. Купцы, чтобы подняться вверх по Днепру, должны подступить к середине степей, а в степях — хищные варвары, которые их караулят. Князья, которые живут этой торговлей, в отчаянии; съехавшись, они говорят, что так, пожалуй, скоро варвары-половцы отнимут у них все, что поэтому нужно дружно защищать пути торговли; и вот они собираются и идут сторожить, защищать своих купцов. Эти два известия, которые мы находим в летописи, всего лучше указывают на печальное положение Руси на берегу песчаного моря, на берегу степей. Что же делает народ, способный к истории, народ живучий? Вся обстановка против него, но он не отчаивается, он работает, и работает черную работу, тогда как другим приходится работать белую. Русский народ в продолжение целых веков, в продолжение всей своей древней истории должен был обречь себя на эту черную работу. Все другие интересы отошли для него на задний план — нужно отстоять независимость своей страны, нужно прежде всего обезопасить себя со стороны внешних врагов! Когда эта главная задача исполнена, народ может спокойно заниматься другими вопросами. И вот народ строит нравственную плотину, собирает, копит силы и мало-помалу вступает в борьбу со степью, с ее хищниками, одолевает их и прогоняет от себя все дальше и дальше.

Все это Московское государство, перешедшее в XVIII в. в Российскую империю, есть не что иное, как крепкая плотина, созданная русским народом против степных варваров, плотина не для одного русского народа, но для целой Европы. С этой стороны на всю русскую историю нужно смотреть как на строение этой плотины против степей, плотины, имевшей такое значение в общеевропейской истории. Вы знаете из общей истории, какая с начала средних веков страшная борьба шла между Европой и Азией, между европейским населением, которое занимало области империи и полагало новые поселения в соединении с древними, греко-римскими; борьба между этим населением и степными варварами, которые являлись, как бич Божий, которые являлись только для разграбления. Здесь обозначается различие между народами — любимцами истории, которые умели

создать эту европейскую историю, и между теми степными варварами, которые могли только разрушать, но не могли ничего создавать. Вы знаете об известном движении гуннов. Гунны врываются в самую глубину Европы, врываются в западные континентальные области Галлии, готовящейся сделаться Францией, но здесь усилия народа, остатков древнего общества и народов новых, с европейским характером, останавливают самое страшное нашествие хищных азиатских орд. Заметьте эту границу, как она близка к западным окраинам Европы, к океану. На Каталонских, Ашмонских полях были остановлены гунны, это крайняя граница нашествия азиатских степных орд, крайняя граница, до которой могло достигнуть это море на европейской почве.

За гуннами следовали авары, за аварами — мадьяры, за мадьярами — татары или монголы, все это волны степного моря; и заметьте, что они останавливаются все дальше и дальше на востоке, если начать с пункта первого гуннского нашествия: авары были остановлены восточнее, чем гунны, мадьяры — восточнее, чем авары, наконец, монголы заняли Восточную Европу, всю Россию. И вот на долю русского народа предоставлено было строить плотину, которая обеспечила бы и Россию и Европу от подобных нашествий. И что же делала Россия? Мало-помалу эту границу она отвлечала на восток; все это движение русского народа в прежние пустые страны по Великой Волге, Дону, все это движение Европы, цивилизации на счет Азии, варварства. То же движение идет и в Сибири: от Уральских гор до великих окраин. Это движение Европы в Азию обратно тому движению, которое мы видели из Азии в Европу, начавшемуся с гуннов. В XVIII в. покорен был Крым, это последнее разбойничье владение на европейской почве, которое не позволяло или, лучше сказать, мешало населению южных частей наших владений. С падением Крыма торжество Европы на европейской почве окончательно, и одна Южная Россия, которая была притоном хищнических орд, где нельзя было прежде ни хлеба сеять, ни торговать, эта Южная Россия становится житницей Европы благодаря усилиям русского народа, Русского государства, благодаря тому что плотина, которую строил русский народ и которая составляет одно из его главных действий в жизни всеобщей истории, что плотина эта крепко создана и хорошо служит своим целям. Это движение на восток не остановилось на Волге, Дону, но перешло за Урал, Яик и потом на Сыр- и Аму-Дарью, и недавно еще мы торжествовали успешное движение русских войск в степи и усмирение такого же разбойнического гнезда, наполненного русскими пленными, каким был Крым, а до Крыма — Казань.

Вы видите, как история народа была последовательна самой себе и как последние результаты деятельности нельзя понимать,

не изучив деятельность прежнего, древнего времени. Взятие Хивы есть не что иное, как взятие Казани, Астрахани, разгромление Сибирского улуса Кучумова, завоевание Крыма. А все это факты европейской истории, общей истории Европы. А все это показывает значение России, русского народа в этой общей европейской деятельности. Все это есть не что иное, как постепенное формирование громадной плотины со стороны Европы против наплыва азиатских орд. Что маленький народ — голландцы — сделал для себя, соорудив громадную плотину против моря, то сделал для себя и для целой Европы великий народ русский, соорудив своего рода плотину против степей — этого песчаного моря. Если о голландцах говорим мы в похвалу им, что они завоевали свою страну у моря, то о России можно сказать, что она завоевала свою страну у степи. Вы поймете значение русской истории хотя с одной стороны, но очень важной, если проследите это постепенное удаление азиатских нашествий кочевников, начиная с гуннов, разбитых на Ашлонских полях, и продолжите до 1873 г., до взятия Хивы, — это одна история, одна деятельность народная; в этой истории одни и те же общие интересы для всех народов, для цивилизации. Разумеется, мы теперь с торжеством, с гордостью можем говорить об этом, указывая на значение русской деятельности в истории всех народов; но мы должны обратиться назад и посмотреть, чего стоило народу соорудить эту плотину, это постепенное обведение рвом своей земли от Азии. Я сказал, что все силы народа должны были устремиться на эту борьбу, а силы материальные в Древней Руси были невелики, почти ничтожны, а нужно было защищать обширную страну с малочисленным населением. Из этого-то и познаются, этим-то и измеряются нравственные силы народа, ибо подобным внешним препятствиям нужно было противопоставить нравственные человеческие силы. Отсюда станет понятна вся односторонность того взгляда, по которому природное влияние, природные условия занимают не только важное место, но преимущественно обуславливают историческое движение. В нашей истории природная обстановка печальна — верно. Теперь, что дало народу средства при такой обстановке совершить то, что он совершил?

Именно то, чем он разнился от степных дикарей, от этих гуннов, аваров, татар, а разнился он племенем, своим происхождением, тем, что был арийского происхождения, тем, что по происхождению принадлежал к историческим народам, и вот это-то происхождение и обуславливало его торжество в борьбе с дикарями. Таким образом, это этнографическое торжество произвело то, что на равнинах, где господствовали разные кочевники, явилась европейская цивилизация.

Вот как, следовательно, могущественна сила племенная и как ничтожны перед нею силы мертвые, слепые, силы физические!

Как человек, богато одаренный духовными силами, может бороться с этими мертвыми силами природы—это всего лучше доказывает русская история, история русского народа, ибо ни один народ благородного арийского племени не был поставлен в такие тяжкие условия, которые, однако, он победил. Эта борьба проходит чрез всю русскую историю, как древнюю, так и новую. Но и эта борьба, как великое явление русской народной жизни в известную эпоху, резко разграничивается именно в XVIII в. Различие происходит именно оттого, что в эту эпоху народ получил новые средства для своей деятельности, то было время, когда народ переходил из одного возраста в другой—в возраст умственного развития, в возраст занятия науками, этим могущественным средством, которое удесятерит человеческие силы и средства. Мы видели причины, которые замедлили движение русского народа; в следующий раз займемся описанием того, при каких обстоятельствах произошел этот переход из одного возраста в другой.

ЛЕКЦИЯ 7

Мы посвятили значительное время уяснению тех препятствий, которые встречает в своем развитии русское народное шествие. Понятное дело, что признаком народного созревания, признаком умственного движения, умственного напряжения и усилий, которыми должна была начаться новая жизнь народа, переход этого народа из одного возраста в другой, из древней жизни в новую, признаком всего этого, говорю, должно было служить более или менее ясное сознание о том, что препятствовало ходу народного и исторического развития и какими средствами можно было отстранить эти препятствия. Разумеется, это умственное пробуждение, это сознание о том, что нужно сделать народу, чтобы встать на новый путь, должно было начаться только тогда, когда народ перестал работать черную работу, работу, которая держала его в черном теле, не давала ему подумать о высшем развитии, позаботиться о высших интересах. Эта черная работа заключалась в защите родной страны от азиатских варваров. Мы видим, что Русь с самого начала своего исторического существования должна была представлять военное поселение, линию (я употребляю это выражение, разумея под ним линию степную, населенную казаками, укрепленную крепостями, этот живой оплот, который защищал Восточную Россию от набегов хищных азиатских варваров).

Такую-то линию, такое-то военное поселение представляла Россия с самого начала своей истории. Что такое Древняя Русь, что такое эти княжества—Киевское, Черниговское и Переяславское? Это военные поселения, это именно линия степная, ряд

маленьких городков, маленьких крепостей, которые защищают европейское население от хищных варваров. Что такое эта деятельность наших южных князей, притом самых знаменитых, как не эти богатырские подвиги в степях со степными кочевниками?

Азия выжила, можно сказать, русских из этой линии, этих укреплений на довольно продолжительное время. Русь ушла на северо-восток, ушла в леса, в болота, в страну непривлекательную, чтобы там удобнее защищаться от кочевых орд, чтобы найти там хоть какой-либо природный оплот. Человек защищается — первая мысль его выбрать удобное местоположение, из-за которого ему было бы легче защищаться, выбрать, на что можно бы опереться. На юге, в Южной, собственно Руси, Руси Киевской, Днепровской не было таких крепких мест, удобных для защиты со стороны хищных кочевников. Случился известный напор монголов, и Русь должна была уйти на северо-восток, чтобы найти там точку опоры для своей защиты. Наполненная лесами, наполненная болотами и реками, непроходимая летом, эта страна давала желанную точку опоры; здесь можно было легче защищаться, сюда не любят ходить татары — они заплутаются в этих лесах. Леса здесь заменяют горы. То, что делают горы для других народов, какую они там подают помощь в защите, такую помощь оказали леса русскому народу. Разумеется, при этой природной помощи, при помощи лесов, Русское государство, государство Московское, не могло быть покойно, когда под самой Москвой начиналась Украина, начинались степи, из которых приходили громители. Вам известно, сколько раз эта столица новой России, эта Москва претерпела от татарских нашествий, сколько раз горела она от них. Тохтамыш, Давлет-Гирей, Махмед-Гирей, Казы-Гирей — вот эти черные имена в нашей истории, в истории Москвы. Несмотря на то, однако, Русь крепла около Москвы, собирала, сосредоточивала свои силы и начинала не только сбрасывать с себя татарское иго, выражавшееся в уплате дани и в покупке ярлыка, но и начинала наступательное движение против татар. Вследствие этого наступательного движения были покорены Казань, Астрахань, были перейдены Уральские горы и начато движение в Средней Азии и Сибири. Хотя крымская орда еще беспокоила почти постоянно границы русские, но все же относительно Востока Россия отдохнула. Но как скоро народ живой, умеющий жить, народ исторический отдохнул хоть немного относительно этой черной работы — самозащиты, когда русский человек не мог быть представлен в ином образе, как в виде человека, который одной рукой ведет соху, а в другой держит оружие для защиты самого себя и своей мирной работы от хищников, — как скоро, говорю, русский народ хоть немного отдохнул от этой работы, то сейчас же в нем явилась мысль, потребность других интересов.

Но всякая мысль, всякая потребность является естественно необходимой в человеке и в целом народе, когда он видит другого, упражняющегося в этой мысли, удовлетворяющего этой потребности. И следовательно, пробуждение этого сознания о необходимости покончить черную работу, выйти на другой путь, более широкий, должно было явиться у русских людей при первом столкновении с другими народами, стоящими выше него, при первом взгляде на Западную Европу. Так как русский человек мог хотя на время отвернуться от Востока, который перестал его беспокоить, то, понятно, он сейчас же обернулся на Запад, и в народе живом, народе развивающемся сейчас же является потребность сравнить свой быт и быт восточный, довольно ему известный, с бытом западным; и в этом народе сейчас же является сознание о том, что на Западе люди, народы живут несравненно лучше, чем эти народы жили там впредь. Понятно, что в народе живом, чувствующем свои силы сейчас же является потребность взять у этих людей то, что кажется ему лучшим, перенести к себе и сравняться с этим народом.

Здесь выказываются лучшие свойства народа благородного, исторического арийского племени. Если бы этот народ принадлежал к другому племени, то он замкнулся бы в пределах, очерченных прежней его жизнью, и оттолкнул бы от себя всякую мысль о движении, о заимствовании, но, с одной стороны, народ был способный к развитию, исторический и потому он не мог китайскими глазами взглянуть на быт, представлявший лучшие стороны. С другой стороны, этот быт западноевропейских народов при всем различии народностей развивался по одним общим началам, которые были одинаковы и с русской народной жизнью; вся эта европейская цивилизация была вместе и русской цивилизацией. Вот почему русский народ не взглянул и не мог взглянуть на новые начала как на нечто недоступное, невозможное и враждебное. Китаец так именно и смотрит, как смотрел до сих пор, на европейскую цивилизацию, потому что у него была своя цивилизация, сфера которой закончилась; и китаец сел в своем заколдованном кругу, и всякие другие явления цивилизации представляются ему враждебными, отталкивающими. Но русский человек, разумеется, не мог смотреть таким образом на европейскую цивилизацию, ибо он сам принадлежал к тому племени, к которому принадлежали и европейские народы. Точно так же как западные народы в эпоху Возрождения, начав изучать произведения греко-римского мира, нашли здесь много своего, родного и потому с такой страстью стали усваивать себе его, так и русский народ, взглянув на западноевропейскую цивилизацию, нашел здесь свое, родственное. Вот почему здесь то самое, что сделали западноевропейские народы в отношении греко-римской цивилизации, то сделал

народ русский относительно цивилизации общеевропейской. И так, повторяю, как скоро русский народ отдохнул от своей черной работы, как скоро хоть немного мог отвернуть свою голову от востока и обратиться на запад, то тотчас же он увидел новое поле, новое поприще для себя: сблизиться с Западной Европой, заимствовать то, в чем она опередила, и, достигнув этого, продолжать дальше дело общей европейской цивилизации.

Таким образом, русская история делится с известной стороны резко на две части: на азиатскую и европейскую, восточную и западную, степную и морскую. До известного времени, до второй половины XVI в., русский человек был занят Востоком, он обращен передом к Азии, спиной к Европе. С XVI в. он начинает поворачиваться, становится более и более боком к Азии, потому что задом к ней он не может встать, так как он находится перед Азией и Европой, да притом это была бы односторонность — он должен стоять боком. Но до сих пор он стоял все передом к Азии; с известного времени он начинает поворачиваться от Азии к Европе. И вот в конце XVII и начале XVIII в. происходит этот поворот целой стороной уже к Европе. Разумеется, в истории все совершается постепенно.

Источником заблуждения для русских людей, очень печального заблуждения, служит незнание своей истории, вследствие которого многие думали, что все было сделано у нас петровской эпохой, внезапно, что вдруг, по капризу, по воле одной сильной средствами личности совершился перелом в России, революция, вдруг один человек обернул Россию задом к Азии и передом к Европе. Это невозможно. Наблюдайте над самими собой и близкими людьми, и вы увидите, что иной раз кажется, что вот вдруг человек переменяет образ мыслей, но не останавливайтесь на этом первом впечатлении, изучайте внимательнее, и вы увидите, что этот переворот совершился не вдруг, что он долго готовился в прежней жизни человека. Так и в жизни целого народа переворот совершается не вдруг, все в истории, повторяю, идет постепенно. И этот переворот, который привыкли называть петровским преобразованием, совершался постепенно, приготовлялся раньше Петра, лежал в самой сущности вещей и основывался на законах исторического развития каждого народа, на законах непреложных. Только к известному времени, к известному царствованию приготовляются такие средства, потребность переворота так усиливается, что, обладая ею, исходя из нее, один гениальный человек может вдруг произвести очень многое. Вообще надо избегать этого заблуждения, этих ошибок в изучении всего хода истории. Не на одно петровское время у нас существует этот ошибочный взгляд, и в прежней, древней, допетровской Руси раскалывают нашу историю на две половины: на историю до Иоанна III и историю после него. Именно выделяют Иоанна III

как лицо, которое вдруг начало собой новую историю, и выделившие это лицо оболестились его деятельностью, поставили его наравне с Петром и даже выше последнего. И тот и другой явились какими-то чудовищами, которые устремили свой народ к новой деятельности. Известен приговор, данный Карамзиным истории Иоанна III,—отсель, говорит он, история наша начинает носить характер истинного государства.

Бессилие прекращается, и все начинает нести новый характер—величия, мудрости и т. д., и все это приписывается Иоанну III. Порвана была естественная и необходимая связь событий, историк не имел времени взглянуть полнее и увидеть, что все было приготовлено еще до Иоанна III и что заслуга его состоит в том, что он первый успел воспользоваться приготовленным положением дел. Так точно, еще с большим оправданием, извинением смотрели на так называемое преобразование петровское, не имея времени вникнуть внимательнее в событие и увидеть, что все здесь приготовлено прежде и что потребность преобразования стала все сильнее и сильнее и наконец дошла до такой степени, что нельзя было откладывать дальше ее удовлетворение, и что заслуга Петра главным образом состоит в том, что он, уразумев силу потребности, старался удовлетворить ей—частная сила его, его гениальность дали ему возможность исполнить это. С Ивана III начинается первое знакомство Восточной России, Московского государства с Западом. Московский государь начинает уже пересылаться посольствами с западными государствами, но посольства эти не имеют никакого политического значения. Интересы России, жившей так долго особняком, не имели ничего общего с интересами Западной Европы. Но все-таки эти посольства, посылка русских людей за границу и появление иностранцев в Москве имели значение как начало этого общения с Западом. Это общение далее усиливалось более и более, и русский человек имеет возможность вглядываться все внимательнее и внимательнее в этот чуждый образ, образ западного европейского человека. До сих пор он знал только образ восточного человека, к нему он привык, теперь он видит противоположный—образ западного. Распространяется торговля, западные люди являются в виде купцов. Явление их в виде послов не могло произвести такого впечатления, как появление в виде гостей-купцов. Посол—лицо важное, народ увидит его издали, когда он торжественно въезжает в Москву, и увидит одну внешность, и только. Иное дело—появление купцов, имеющих сношение уже с самим народом. Появление купцов иностранных, особенно англичан, относится к царствованию Иоанна Грозного, когда англичане открыли берега Белого моря и завели торговлю с Россией, вследствие чего северная часть от Москвы до Северной Двины, можно сказать, процветала

сравнительно с другими частями государства. Здесь явились относительно богатые города: Юрьев, Ярославль, Вологда, Устюг, Архангельск—это был торговый путь из Белого моря к Москве, но значение его недостаточно выяснено. Впрочем, надо заметить, что кроме материального благосостояния, которое дала беломорская торговля, эта торговля имела еще другое значение—она сблизила русских людей с этими иностранными гостями—англичанами, голландцами. Сблизившись с ними, русский человек мог гораздо внимательнее рассмотреть эти новые образы и увидеть, что они отличаются от русских. Интересы, которые тут были, материальная, торговая, денежная прибыль—все это было близко для понимания русского человека, это не превышало понятий его.

Следовательно, ученье началось доступным, наглядным образом для русского человека. Он видел перед собою иностранного купца, который приехал продать свой и купить чужой товар. И азиатские купцы приезжали за тем же самым, чтобы продать свои произведения и купить русские. Но русский человек именно тут-то, в этой сделке, имел возможность сейчас же увидеть все различие между западным купцом и восточным. Стоя между ними посредине, будучи очень похожим на восточного, потому что до сей поры так и жил с ним, но по благородству своего племени чувствуя потребность отстать от восточного и сравняться с западным, русский человек благодаря появлению иностранных купцов с их средствами, с их ловкостью и умением вести дело ясно ощутил в себе сознание о том, как далеко Западная Европа опередила Восточную. Западный купец притом приплыл искать барышей, выгоды и получил ее, очевидно, несмотря на то что на этот приход истратил большие деньги. Его товары гораздо дороже русских товаров, русский купец может предложить ему только одно сырье—мех, поташ, пеньку. Иностранный купец привез товары, на которые наложено искусство человека, товары выделанные, и выделанные хорошо, красиво, прочно. Таким образом, русский человек видел в иностранном человеке существо высшее, которое умело силы человеческие, свою способность употребить для творчества, для произведения новых вещей, которых не дает природа.

Русский человек воспользовался своими человеческими средствами, чтобы осилить зверя, чтобы убить его стрелой, пулей, содрать с него кожу, и эту только кожу он мог предложить иностранцу. Иностранец стоит выше, он предлагает товар, в котором видно творчество человеческое, искусство, поднявшееся далеко. Таким образом, сейчас русского человека поражает разница в том виде, который представляет он и который представляет иностранец-купец. Потом второе, что должно было поразить русского человека, это богатство западного гостя, капиталность

его. Западный гость привез большой капитал, мог, как говорится, сорить деньгами; русский человек, русский купец был беден, и он сейчас же по естественному ходу вещей становится в зависимость от иностранного купца, как всегда бедный становится в зависимость от богатого, сейчас же становится в унижительное положение относительно него и приучается смотреть из рук же этого богатого иноземного гостя. Тот начинает управлять русским купцом, задает ему задачи, употребляет его, как своего слугу. Русскому человеку это выгодно — он сознает это, но у него не может исчезнуть сознание своего унижительного положения, сознание — иностранец богаче его — щемит его сердце. «Нам с ними не стянуть!» — отзывался он об иностранцах торжественно на соборах царских. — Нам с ними не стянуть».

ЛЕКЦИЯ 8

Я говорил в прошлый раз, с чего началось знакомство русского человека с западным европейцем. Познакомился русский человек с западным европейцем преимущественно в купце по близости интересов, по наглядности отношений. Русский человек самый наглядным, «карманным», так сказать, образом увидел превосходство западного европейца над собой. Западный европеец являлся с товаром, в котором очевидно, наглядно было искусство, которого русский человек не имел. Западный европеец, западный купец являлся с деньгами, в которых русский человек так нуждался, и потому шел в подчинение, кабалу к иностранному купцу. В самой торговле, способе ее ведения западный европеец выказывал необходимое искусство, ловкость, умение вести дела общими силами, предусматривать все, соглашать все и действовать дружно. Русский человек видел, что этого ему недостает, что русские люди привыкли жить розно, не умеют действовать дружно, общими средствами, а в этом умении состоит высшая цивилизация, в этом обнаруживается ее результат, самый благотворный. Вот почему во всех столкновениях русский человек должен был сознаться, что ему с западным европейцем не стянуть. Потом, самым наглядным образом представлял русский человек средства, которыми западный европеец приобрел все эти преимущества. Разные купцы приходили с разных сторон и имели дело с русскими, но отличавшиеся особым богатством, особым искусством в ведении своих дел были купцы морские — английские, голландские, гамбургские, ганзейские, любекские и т. п.; именно те купцы, которые вели заморскую торговлю, которые приплывали в Россию на корабле. Самое это явление, явление корабля, этой машины, в которой выказался преимущественно гений человека, силы его духа, — машины, которая преодолевает страшную стихию, преодолевает океан, это должно

было поражать русского человека, и в нем коренится убеждение, что море дает богатство, что оно дает народу уменье, искусство. И русский человек не ошибся в этом. Как известно по научным выводам, именно море содействует развитию народа.

Вот почему с самого начала у русского человека является представление о необходимости приобрести искусство и богатства западного человека, и все это приобрести посредством моря. Таким образом, естественно необходимо совершался этот переворот русского человека от Востока, от степей, к Западу, к морю. В нем явилось сознание, что главный недостаток, препятствовавший развитию России, это чрезмерная континентальность Русского государства, это отсутствие морских берегов, что осуждало это государство на постоянный земледельческий характер, а народ — на постоянную бедность. Но такие условия могущественный народ принять не мог, он не мог осудить себя на постоянную бедность, на неразвитость. Он очень хорошо понимал, чего недостает России. Недостает ей именно промышленности, торгового движения, и недостает потому, что нет моря.

Словом, все сводилось для русского человека к этой односторонности России, к этой чрезмерной континентальности, и в нем зарождалось стремление уничтожить эту односторонность, приблизившись к морю, к Западу, и приобрести от европейцев искусство, науку.

Дело шло прямо, естественно. Человек богат тем, что торгует за морем, а для этого нужно строить корабль, чтобы построить такой корабль, нужно особое искусство, особое знание, наука. Западные европейцы сильны наукой, наука есть могущественное средство, и ее-то нужно приобрести. Вы видите, как необходимо одно представление вызывает другое, одна осознанная потребность притягивает другую. И вот в половине XV в. начинают являться иностранцы в Москве: в княжение Иоанна III строят церкви, палаты для великих князей, башни, вследствие чего Москва принимает другой вид, отличный от вида других городов, представлявших массу сероватого цвета. Московский кремль делается каменным, и Москва — «белокаменной», хотя последнее название присуще одному Кремлю, так как другие части Москвы представляют ту же однообразную серую массу. Но Кремль уже совершенно другой. Это во второй половине XV в., а в половине XVI в. — другой. Иван Васильевич IV, царь, хочет во что бы то ни стало добыть море. Он ведет для этого долгую ожесточенную войну, войну не по силам его бедному государству, разоряется вполне в этой войне, которая оканчивается для него полнейшей неудачей. Все, что он сделал, чтобы добыть море, отнял счастливый соперник его, Стефан Баторий. Но эта война, эти успехи Батория, наконец, отнятие Ливонии у России служили новым побуждением к исканию западной науки, западного искусства.

Баторий победил Россию, разрушил все ее замыслы главным образом благодаря своему искусному войску, тогда как у Иоанна IV войско было азиатское, которое не могло сладить с более образованным врагом, не могло остановить успехи Батория. Тут, в этой войне с Баторием, опять уясняется потребность самая нудящая, потребность сближения с Европой, чтобы организовать более искусное войско. Так, все эти потребности вяжутся друг с другом, составляют заколдованный круг, из которого русские никак выйти не могут. Чтобы отстоять свою самостоятельность, чтобы приобрести морские берега, чтобы освободиться от континентального характера, необходимо хорошее войско, но, чтобы оно действовало с успехом, нужно, чтобы оно было искусно обучено, имело искусных офицеров, полководцев. Русское войско могло сладить только с татарами, но было разбиваемо при встрече с европейцами, хотя малочисленными. Для образования искусного войска нужно было сблизиться с Западной Европой и приобрести оттуда учителей; для этого нужны были деньги, их не было. Можно было приобрести их торговлей. Одним словом, куда ни обратится русский человек, всюду встречает — одно связано с другим; начнет одно, приходится иметь дело с другим, и все сходится к одной потребности — к сближению с Западной Европой, к заимствованию плодов западной цивилизации.

Иоанн IV передал эту мысль своему преемнику, но это не была мысль Иоанна, это была мысль целого народа, ибо образование западноевропейское было постоянно присуще русскому человеку и он не мог отвертеться от мысли о превосходстве западных европейцев, о том, что русскому человеку не стянуть с этими европейцами. Смутное время помешало исполнению замыслов Иоанна IV. При Михаиле Федоровиче опять схватились за эту потребность сближения, ибо нужно было образованное войско, потому что благодаря неисправности своего войска Россия должна была уступить Польше и Швеции русские владения. И вот стали вызывать иностранных офицеров и генералов; платят им большие деньги, начинают вводить наемную дружину, начинают хлопотать о том, как бы от той военной дружины и русское войско получило бы свое военное образование, но этот опыт мало удался. Это была, говоря евангельскими словами, «новая заплата на ветхом рубище»; она только ряздирала рубище». Все эти попытки замечательны тем, что приготовили русского человека к преобразованиям; они, их самая неудача, неуспешность или по крайней мере ничтожная успешность показывали, что необходимо действие очень сильное, дружное, которое бы вдруг, хотя бы чрезмерными усилиями, удовлетворило этим потребностям, которые так переплетались друг с другом. К концу XVII в., с одной стороны, происходит сближение с Западной Европой, заимствование от нее разных

явлений, например спектакля, театра при дворе Алексея Михайловича, заимствование новых обычаев, нового образа воспитания царских детей, а с другой стороны, потребность переворота, решительного переворота во всех частях чувствуется все более и более. Разумеется, прежде всего дает чувствовать себя бедность земледельческого государства, не имевшего развитой торговли и промышленности, государства, платившего вместо денег звериными шкурами, которые поставляли леса восточной Европейской России и Северной Азии или Сибири. То государство, которое платит вместо денег шкурами и содержит земельными участками войско, то государство напоминает начало средних веков, когда и в других государствах Западной Европы земля, землевладение, была единственным средством содержания, условием богатства и знания.

Но Западная Европа благодаря своему положению, своему морю скоро приобретает другое условие богатства — подвижность, деньги. Деньги явились вследствие развития торговли, а ее-то не было в России, понятно, что откуда же могла явиться и эта подвижность. Континентальное государство по преимуществу, Россия была вместе с тем земледельческим государством, где ни промышленности, ни денег не было. Мало того, в обширной стране народу почти не было, жителей было очень мало. И вот для того чтобы войско получало содержание за службу и могло обрабатывать свою землю, которую получало вместо жалованья, принуждены были закрепить крестьян. Это явление закрепления крестьян в XVI в. служит резким доказательством этого банкротства древней России, служит доказательством необходимости выхода из этого одностороннего положения, — выхода, который и произведен был преобразованиями Петра.

Счеты между древней Россией, закреплением крестьян, и новой Россией, освобождением их, счеты сведены, и значение эпохи преобразования ясно. Денег не было; войну сколько-нибудь продолжительную вести было нельзя, она разорила бы вконец государство. Польская война Алексея Михайловича кончилась бы именно этим разорением: если бы еще год какой продолжалась эта война, то Русь должна была бы заключить мир на всей воле Польши. Только благодаря расстройству государственного организма Польши, только благодаря тому, что там настала междоусобная война, Россия могла кончить Андрусовским перемирием и оставить за собою часть Малороссии и Киев на западном берегу Днепра. Понятно, что при таком положении, при сознании такого банкротства, правительство и лучшие люди обращали самые тоскливые пожелания к морю. Доказательством этих пожеланий служат переговоры Алексея Михайловича с курляндским герцогом, нельзя ли в гавани курляндской построить русский корабль. В отчаянии строят ко-

рабль для Каспийского моря, строят долго, с приемами сметными, обещающими полное неумение взяться за дело и показывающими опять потребность другой деятельности, другого деятеля, более сильного, у которого все это приведено было бы в движение и приведено к главной цели. Потребность была так сильна, что все ее чувствовали; чувствуя, и двигались, протягивали руки, чтобы схватить то, что удовлетворяло этой потребности, но движения их были угловаты, бесполезны, руки протягивались не в том направлении.

Чувствуя потребность, они не имели умения, сил удовлетворить ей; и потребность была жгучая; и вот в такую минуту являются люди, одаренные силами, гении, которые принимаются удовлетворить этой народной потребности и удовлетворяют ей. Таким человеком и был Петр Великий. Из сказанного понятно, следовательно, что Петр Великий явился не как нечто случайное, но как порождение этой древней Руси, чувствовавшей жгучую потребность нового, потребность преобразования, чувствовавшей свое полное банкротство материальное и нравственное, но не умевшей найти средства удовлетворить этой потребности, делавшей постоянно попытки, но попытки неудачные. Нужен был человек, который соединил бы все силы народа и устремил бы их к одной цели, который дал бы народу страшные силы и помог бы ему вытянуть, поднять на другой берег тяжесть и выпихнуть ее. Сознали потребность поднять эту тяжесть, но не имели сил, по крайней мере не создавали, как эти силы соединить, сосредоточить для поднятия тяжести. Явился человек, который помог это сделать. Вот значение Петра, вот в чем состоит его величие! Он не задумал что-нибудь новое, он родился, воспитался среди общества, которое только и толковало о необходимости нового, о несостоятельности старого. Природа дала ему страшные силы, энергию, но он употребил их для осуществления того, о чем толковали, что вошло в его плоть и кровь, что составляло его существо.

Вот и причина его успеха, потому что если бы то, что он задумал, было делом только одной его личности, его каприза, то это дело разрушилось бы сейчас же после его смерти, как это и предсказывали люди злонамеренные, иностранцы, испуганные выраставшим значением России. Они прямо говорили, что преобразование—дело личности Петра и что все рухнет с его смертью. Немногие только из них понимали дело яснее и предсказывали этому делу прочность, говоря, что народ, над которым царствует Петр, который употребляет Петр для своих целей,—народ живучий, что народ этот сделал много, прошедши тяжкие испытания, и стал способным пережить и это тяжчайшее из испытаний—переход из одного возраста в другой. Я сказал «тяжчайшее из испытаний»—почему же это так? Переход из

одного возраста в другой как в жизни отдельных людей, так и в жизни целого народа бывает необходимо тяжек для организма. В жизни отдельных людей есть болезни телесные, которые сопровождают этот переход и которые не всякий организм может перенести. Сколько людей именно погибает от этих болезней, сопровождающих переход из одного возраста в другой! Кроме болезней физических, телесных есть и болезни нравственные, которые сопровождают этот переход и которые бывают так губельны! Это уже показывает, что как для отдельного человека, так и для целого народа переход из одного возраста в другой бывает тяжек.

Разумеется, болезненный переход уменьшается при благоприятных обстоятельствах и усиливается при неблагоприятных. Вот почему одни люди переносят этот переход легче, чем другие. Если переход совершается при благоприятных обстоятельствах, совершается постепенно, не требуя от организма особого напряжения, то, разумеется, этот переход легче; но если при этом переходе нужно особенное напряжение, особенное усилие, если тут захватывает целый организм, то переход этот страшно тяжел. И ни для одного исторического народа, сколько мы их знаем, этот переход из одного возраста в другой, из периода младенчества в период мысли, не был так тяжел, как для народа русского. Как в жизни отдельных людей видим, что некоторые более слабые организмы не выдерживают этого перехода и умирают, точно так же мы видим, и некоторые народы, которым досталось в известное время переходить из одного возраста в другой, благодаря внешнему влиянию вымирали. Такое явление представляет нам вымирание разных племен Америки и Австралии, вымирание, происходящее при прикосновении этих племен с европейцами, с их цивилизацией. Явление это до сих пор не объяснено, потому что старались его объяснить слишком одно-сторонне.

Целые массы краснокожих в Америке, туземцев в Австралии вымирали и теперь вымирают. Недавно еще газеты уведомляли об этом страшном вымирании туземцев на Сандвичевых островах. Пройдет несколько лет, и ни одного туземца не останется на этих островах. Явление это, повторяю, объясняли одно-сторонне, болезнями, которые будто бы приносили европейцы к этим несчастным дикарям, водкой, на которую дикари будто бы набрасывались с жадностью и которая была губельна для их организма. Но это все слишком одно-сторонне, чтобы на этом остановиться. Дело объясняется легче, именно: дикари не способны по своей природе к перевороту, вдруг столкнувшись с цивилизацией. Опять обращаю ваше внимание на явления из частной жизни человека, потому что это объяснит ответ на наш вопрос лучше. Мальчика неспособного начали учить, и учить вдруг всяким

наукам — разумеется, он не выдержит, захиреет и, если его будут продолжать учить, умрет. То же и с целым народом. Дикари вдруг получают много понятий при столкновении с цивилизованными народами. Вдруг дикарей засаживают в эту школу европейской цивилизации; их слабый мозг не может вынести наплыва многих новых идей, он изнемогает под этим наплывом, его слабый физический организм не может дать помощи, и вот дикари вымирают, они просто-напросто не вынесли европейской цивилизации, как слабый ребенок не мог вынести сильной, разнообразной школы.

ЛЕКЦИЯ 9

Прошлый раз я сказал, что ни один народ не выдерживал такого тяжкого переворота, какой выдержал наш народ в конце XVII и начале XVIII в. Если все народы, разумеется исторические, выдерживают подобные перевороты, если уже это в законе развития, то, понятно, есть известные обстоятельства, замедляющие дело развития или облегчающие его. Для русского народа обстоятельства были затруднявшие, увеличивавшие тяжесть перехода. Эти обстоятельства состояли главным образом в быстром переходе из одного возраста в другой, в отсутствии, так сказать, постепенности. Долгое время толковали о вреде этой внезапности, о вреде отсутствия постепенности и, как обыкновенно бывает при младенчестве исторической науки, складывали всю вину на одного человека, на одного деятеля, которого имя выдается выше других имен в истории преобразования,—на Петра Великого. Но теперь, когда возмужала наша наука, когда обстоятельно рассмотрены все условия жизни народной, разумеется, историк не позволит себе этого смешного поступка, этого странного мнения—не позволит себе сложить всю вину на одного человека, на одного деятеля. Быстрота, отсутствие постепенности в переходе условливались именно медленностью предшествовавшего развития, а причины этой медленности нам известны. Как всегда, так и тут, в этом случае, я обращаю ваше внимание на сравнение явлений в жизни народа с явлениями жизни отдельного человека. Когда при благоприятных обстоятельствах относительно ребенка употребляют самые действительные средства к развитию, нисколько не насилуя природы ребенка и в то же время нисколько не останавливая этого развития, когда у ребенка, у его родителей есть средства к этому правильному развитию движения, то и само движение совершается вполне правильно, не вредя естественному росту ребенка, и он без сильных потрясений, нравственных и физических, вредных для организма, относительно спокойно переходит из одного возраста в другой. Но бывают другие явления, иного рода. Бывает, что развитие, воспитание

человека обставлено разными неблагоприятными условиями. Человек вырастает, крепнет, не получает должного воспитания, образования, и вот в годах уже очень и очень зрелых, почувствовав необходимость образования, он начинает к нему стремиться. Вы поймете тяжкое положение такого человека. Быть может, многие из вас знают таких людей и знают затруднительное их положение. Как бы ни были велики способности этого человека, это приобретение образования вдруг, преимущественно самообразованием будет все-таки чрезвычайно тяжело. И вот по известным обстоятельствам русский народ так же, как отдельный человек, долгое время был лишен средств образования, был лишен общественной жизни с другими образованными народами, был принужден жить особо.

Но, увидев другие образованные народы и поняв особенно значение этого образования, он захотел усвоить себе это могущественное орудие, захотел усвоить себе западноевропейское образование. Понятное дело, он должен был спешить: эта поспешность проистекала необходимо из организации общественной, потому что нельзя было начать одного дела, не увидав необходимости сейчас же начинать и многие другие, так как в организме народной жизни все эти потребности находились в самой тесной связи. Я говорил: в таком заколдованном кругу находились русское правительство, русский народ относительно этих первых нудящих потребностей. Для того чтобы выйти из одностороннего положения степного, нужно было приобрести море, расширить торговлю, промышленность, нужно было войско, нужен был флот. С одной стороны, для войска и флота нужны были деньги, а их не было; с другой стороны, для того же войска и флота нужно было военное искусство, которого также не было. За что бы ни взялся народ в подобном положении, он сейчас же видел необходимость приниматься за все разом, вдруг. Следовательно, эта поспешность, эта необходимость приниматься разом за все вытекала из самого порядка вещей, была естественной необходимостью. Невозможно себе представить человека любознательного, человека живого, одаренного способностями, когда перед ним открылся новый мир явлений, чтобы он не разбросался, так сказать, не бросился вдруг на все с этой благородной жадностью понять, усвоить весь этот разнообразный мир явлений. Отсюда, чем живее, способнее, выше человек, тем сильнее в нем будет потребность вдруг узнать все, усвоить как можно больше явлений. В таком положении был и наш народ, когда пред ним разорвалась завеса, скрывавшая западный цивилизованный мир, и он увидел тысячи явлений, которые с жадностью бросился усваивать, зная их пользу и необходимость для своей жизни. Здесь воля одного лица совершенно ни при чем. Все эти явления были необходимым следствием известного положения

народа. Но здесь, разумеется, деятельность гениального человека, поставленного в челе народа, имела важное значение в том отношении, что этот человек при таком стремлении народа усвоить как можно больше явлений, открывшихся перед его глазами, помог своему народу всеми силами своего гения. Но эта быстрота перехода, разумеется, была страшно тяжка. Она была необходима, но эта необходимость не уничтожает, понятно, тяжести и не освобождает нас от взгляда на этот переход как на явление, очень тяжелое в жизни народа.

Принято в педагогии, что ребенка нельзя слишком развлекать, что вредно для ребенка водить по музеям, по картинным галереям, потому что тут внимание его поражается множеством предметов; голова, еще не окрепшая, чувствует на себе всю тяжесть этих разнообразных впечатлений. И потому педагогическое правило: окружать ребенка возможной простотой, чтобы около него не было слишком много разнообразных явлений, развлекающих его внимание. Отсюда педагогическое положение, что дети небогатых родителей, дети, окруженные с малолетства простой обстановкой, совершают свое развитие правильнее, чем дети богатых родителей, дети, которые с малолетства окружены разнообразными предметами; они внутри у себя, в детской и покоях своих родителей, встречаются с множеством предметов и таким образом с малолетства слишком развлекаются. И вот молодой народ наш вдруг вдвинулся, так сказать, в новый мир, в эту громадную галерею, которую называли тогда цивилизованной Европой, и был поражен множеством предметов. Я говорил в прошедший раз, как народы, малоспособные, слабые физически и умственно, не могут выдержать натиска цивилизации, натиска этого множества разнообразных понятий, которые доставляет цивилизация, и вымирают, как слабые дети, которые не могут выдержать развития, образования. Если наш народ выдержал это, то, разумеется, это уже показывает большую крепость в нем, способность к цивилизации. Но из этого не следует, чтобы он не потерпел от этого перехода, этого развития, чтобы оно было для него легко. Что русский человек не упал под тяжестью цивилизации, вдруг на него нахлынувшей, это правда, но что у него, выражаясь вульгарно, голова затрещала от этого наплыва, это также правда. Иначе и быть не могло. Что у русского человека и до сих пор голова трещит от этого, и это также правда,—мы должны сознаться в этом. Другая тяжесть положения происходила от особых условий. Мы знаем, что западные народы также проходили этот период, что в так называемую эпоху Возрождения они пошли в ученье к древним народам, грекам и римлянам, и увлеклись своим новым положением, увлеклись богатством идей, которые вскрыла им древность, увлеклись страстно, во многом позабывали все свое, самих себя, свою

историю и хлопотали только о том, чтобы сделаться настоящими греками и римлянами. Но при этом естественном явлении мы видим то благоприятное для западных народов обстоятельство, что они в известном смысле были на своих ногах, и потом, ведь они пошли в ученики к мертвым народам, что для народа было очень легко: они стали учиться из книг, живая помощь, которую оказывали западным народам греки, переселившиеся с Востока, из Византии, на Запад, не имела особенного значения, это было явление частное, кратковременное.

Следовательно, ни народная самостоятельность, ни народные интересы нисколько не страдали здесь от этого подчинения понятиям других народов, но умерших уже и не могших воспользоваться своими преимуществами пред народами-учениками. Легко было западному человеку-ученику преклоняться так долго и страстно пред этими Сципионами, Эпаминондами, когда эти Сципионы и Эпаминонды давно уже гнили в могиле и не могли дать этим своим поклонникам почувствовать материальную силу свою. Но иное было положение русского народа. Он отстал по известным обстоятельствам от западных своих собратий и потом, получив достаточно досуга на Востоке, повернулся лицом к Западу. Понятно, он увидел свою отсталость и должен был пойти в ученье народам, опередившим его, должен был поступить к ним в ученики. Но эти опередившие были народы живые, которые относились к России со своими интересами, со своими взглядами. Подчиняться живому учителю-иностранцу, чуждому русской жизни, русских интересов, было страшно тяжело, тяжко для народной самостоятельности, могло быть даже и вредно. Учитель мог найти свои интересы, чтобы воспользоваться своим положением учителя и подчинить себе своего ученика и не так его учить, как следует. Западные народы учились из книг, а живыми учителями были свои же; хотя известное время итальянцы и господствовали в качестве учителей, но это время было очень непродолжительно. Итак, русский человек должен был брать знание, образование от этих живых учителей-чужестранцев, подчиняться, следовательно, волей-неволей чужим национальностям. И тут, разумеется, требовалось чрезвычайное искусство от руководящего человека в пользовании этими чужими учителями, в указании им надлежащего места и значения; и, как увидим в своем месте, Петр Великий оказал здесь большое искусство. И вот эти старые возгласы о том, что Петр понавел иностранцев, немцев, разбиваются сами собой при свете науки, при внимательном изучении источников. Но как бы то ни было, все это тяжкое положение русского народа, должествовавшего идти в ученье к чужим, живым народам, несомненно. Когда западные народы пользовались результатами умственной деятельности древних народов, то у них не было вопроса о своем и чужом, и вот почему это

усвоение, это познание было так легко для западных народов. Все эти западные народы в прошедшем греков и римлян видели общечеловеческое наследство. У нас же при пользовании плодами образованности из рук живых народов, напротив, этот вопрос является сейчас же и, разумеется, смущает русского человека, страшно смущает его.

Вам известно, что естественным результатом движения, обнаруживавшегося в эпоху Возрождения на Западе, было движение религиозное, отторжение многих и многих народов от католицизма, от папства, от римской церкви, появление новых вероисповеданий или исповеданий. Каким же путем произошло это явление? Как обыкновенно бывает, у народов неразвитых, не обладающих сильной цивилизацией, во всех сферах деятельности отсутствует разделение занятий. Вот почему только на первой ступени развития мы встречаем обыкновенно то явление, что жрец, священник есть вместе и учитель всякого другого знания, потому, разумеется, всякое знание в этот период ограничивается религиозным светом. Наука есть покорная служительница религии, как это после и выразилось в схоластической философии средних веков, и священник есть учитель; нет различия между знанием религиозным и знанием светским, так сказать. На Западе этот период знаменуется преобладанием латинского языка как языка священного, церковного. Народный язык, как язык профанный, так сказать, не имеет значения: он — для жизни всегдашней, ежедневной, будничной; произведения, написанные на этом языке, не пользуются уважением, не пользуются правом гражданства. Все высшее, все достойное особого внимания предлагается на языке священном, на языке, который преимущественно употребляют учителя. А эти учителя — священники и наставники всяких знаний. Священник и ученый суть синонимы. С течением времени, с развитием народной жизни начинается разделение занятий, отделение светских учителей от духовных учителей, и, как естественно ожидать, отделение это в самом начале своем должно сопровождаться борьбой между учителями, соперничеством между ними, ибо они хотят делать одно дело, одно занятие, бывшее в одних руках.

Именно такая-то борьба между учеными, учителями светскими и духовными и произошла в эпоху Возрождения, в начале новой истории. В эту эпоху вообще в умственной жизни западных народов обнаруживается сильное движение, светские учителя обратились к языческой мудрости древних народов и в этом обращении столкнулись с учителями христианскими, с духовными. Последние начали, очевидно, проигрывать свое дело, во-первых, потому, что создали, пользуясь своим положением, целый ряд интересов, чуждых религии христианской; во-вторых, начали проигрывать свое дело потому, что как светские учителя расширили

круг своих знаний, так учителя духовные, надеясь на прочность своего положения, пренебрегли своим знанием и отстали от своих ученых соперников. Отсюда эта борьба католических монахов, старых учителей, с новыми, так называемыми гуманистами, борьба, кончившаяся торжеством последних, а это торжество прямо и повело к церковной реформе, к Реформации, к появлению Лютера. Старые учителя оказались недостаточными и в то же время повели себя враждебно относительно новых учителей.

То, что новые учителя восторжествовали над своими соперниками, естественно, должно было подорвать последних в их основании, в их религиозном основании, должно было вооружить против их преимуществ, основанных на религиозном учении, должно было вооружить против их прав священства освященных свыше; отсюда ясно направление протестантизма, обнаружившегося прежде всего в этой вражде к священству, к этому освященному авторитету. Новые учителя поспешили сказать своим соперникам: «Вы не имеете права господствовать над нами, это право не имеет оснований — вы его выдумали, вы такие же люди, как и мы!» Отсюда это демократическое стремление, говорю, в Реформации.

Вторая характеристическая черта этой эпохи переворота, переворота в жизни западных народов, состоит в этом движении к морю, движении, которое ознаменовалось большим накоплением богатств, богатств движения денег; а эта движимость произвела переворот в экономическом быте и, следовательно, политическом. Западные государства в начале средних веков — по преимуществу государства земледельческие, без значительно развитой промышленности и торговли, отсюда и преобладание земельной собственности, отсюда и аристократия высшая пользуется известным положением, основанным на землевладении. Промышленность и торговля занимают положение очень низкое; движимость не имеет силы, недвижность — земля — господствует; отношения, которые характеризуют это время, — феодальные отношения — основаны на землевладении. Феодализм имеет дело только с землевладением. А с течением времени при благоприятных условиях известной страны начинают развиваться промышленность и торговля; страна начинает богатеть — поднимаются города, являются деньги, движимость, которая начинает соперничать с недвижностью, с землей. То время, которое именно и вводит в новую историю, время этого Возрождения: время, с одной стороны, борьбы старых учителей с новыми, духовных со светскими; с другой стороны, это время знаменуется развитием промышленности и торговли и стремлением к морю, мореплаванием, открытиям новых земель.

ЛЕКЦИЯ 10

Мы видели, что новая история на Западе, этот переход западных народов из одного возраста в другой, из возраста чувства в возраст, в котором преобладает мысль, знаменуется усиленным движением к морю: развитием мореплавания, открытием новых земель, открытием новой части света — Америки, вследствие чего Атлантический океан становится в своем роде Средиземным морем, получает значение Средиземного моря. В то же время и европейская сфера расширяется, и северное «Средиземное» море — море Балтийско-Немецкое — получает то же значение, какое в древности имело южное Средиземное море; народы, приседающие этому морю, становятся сильными, богатыми, становятся торговыми, промышленными, и цивилизация здесь распространяется чрезвычайно быстро.

Итак, вы видите, что все эти явления идут рука об руку, дружно, идут рядом. Пробуждение умственной жизни и в то же время сильное действие промышленного и торгового переворота в экономическом мире уничтожают эту односторонность в жизни народа, при которой недвижимость, земельная собственность исключительно были господствующими.

То же самое мы должны предположить и в нашей истории. В самом деле, если мы посмотрим в перемену положения нашего народа, посмотрим в его переход от одного известного возраста в другой и проследим положение его на новом пути, то мы увидим здесь одни и те же явления (как и на Западе) — стремление народа уничтожить эту односторонность, которая так долго его давила; превратить, хотя отчасти, свое земледельческое государство в государство, где этот характер земледельческий умеряется промышленностью и торговлей, чтобы эти промышленность и торговля внесли бы богатство движимое в народную жизнь, произвели бы экономический переворот, дали бы государству новую жизнь, новые силы. И в то же время идет само собой умственное движение, развитие, то есть разделение занятий, появляется новый орган — наука светская, которая стремится стать подле науки духовной. Являются светские учителя, и хотя подле них стоят учителя духовные, но последние должны выдержать сильную борьбу за свой до сих пор нетронутый, исключительный авторитет. Эта борьба производит сильное движение в религиозной сфере: образуется раскол, распадение, значительная масса народонаселения отказывается от господствующей церкви. Но, однако, как же это произошло? Это движение было нормальным и необходимым последствием роста народа, совершившегося по естественным законам развития; поэтому мы должны предполагать его самостоятельным, действовавшим издавна, и притом действовавшим последовательно и постепенно, а не должны

предполагать его следствием каприза отдельных лиц. Как только началось книгопечатание, так сейчас же начались религиозные движения. Книгопечатание, это одно из тех громадных по своему значению открытий, которые именно знаменуют переход западных народов из одного возраста в другой, из древней истории в новую,—книгопечатание по своему характеру не могло остаться без важных последствий и на Востоке, у нас в России, как только явилось, как только было введено.

Если изобретение огнестрельного оружия, изобретение пороха было так важно в Западной Европе, что изменило всю военную систему, систему укреплений и дало господство Европе над Америкой и другими частями света, то это же самое изобретение огнестрельного оружия, пороха, перенесенное на Восток, к нам в Россию, условило именно этот поворот в силе, которой Россия восторжествовала над Востоком, покончила с ним свои счеты, расширила свои владения на севере Азии до Восточного океана и получила возможность успокоиться несколько на Востоке и обратиться на Запад. Все явления великой важности, которые указывает история на Западе, перенесенная на Восток, оказывали важное влияние и здесь, и здесь имели громадное значение. Но так же как изобретение книгопечатания на Западе окрыляло умы, так сказать, сделало науку, можно сказать, общим достоянием и дало возможность, следовательно, большой массе, большому числу народа заняться наукой, приобретать знания—вследствие чего необходимо народ должен был скоро выставить светских учителей и пошло это разделение занятий,—точно такое же значение должно было иметь книгопечатание и у нас. Размер тут ничего не значит. Семя пало и должно произвести плод. С тех пор как Иван IV завел в Москве типографию, с тех пор уже обозначился этот переворот, обозначилось это движение, которые должны были пройти чрез XVI, XVII вв. и дойти до XVIII в.

Книгопечатание в самом начале как на Западе, так и на Востоке, у нас, должно было служить прежде всего церкви, религии. Первая книга, вышедшая из печати, должна была быть церковная; типография прежде всего должна была служить орудием в руках духовных, служить интересам церкви. Но для типографии сейчас же потребовались известные ученые приемы: нужно было напечатать церковную книгу, но как это сделать? Где взять оригинал? Где взять рукопись, которая была бы лучше, правильнее других? Рукописей много, но в них варианты, различия, в одной сказано так, в другой иначе. Что правильно и что неправильно, кто решит? Русское духовенство имело ли способность решить этот вопрос, могло ли оно оказаться состоятельным ответить перед этим вызовом со стороны страшной силы, которая называется скромным именем типографского станка? Русское духовенство с самого начала оказалось несостоятель-

ным, не могущим ответить на вызов новой силы, и сейчас же, как только началось поворачивание типографского станка, это поворачивание типографского станка потребовало поворачивания целого народа. Если, с одной стороны, в то время порох, пушки давали возможность русскому человеку победить восточного дикаря, сражавшегося еще не огнем, а лучшим боем, если они давали возможность, говорю, победить восточных дикарей и, восторжествовав над ними, обратиться на Запад при большем досуге, то в то же время типографский станок, с другой стороны, толкал русское общество, русский народ туда же к Западу и показывал явную необходимость знания, науки. Надобно исправить рукопись, прежде чем отдать ее в типографию. Отсюда вопрос об исправлении книг церковных получил такое важное значение в нашей истории. Пробуждение умов, возбуждение движения в народе — все это результаты неисчислимого по своим последствиям явления, которое называется изобретением книгопечатания. Книгопечатание повело к распространению знаний, распространению сочинений древних авторов и вместе с тем повело к борьбе светских учителей с духовными.

Вследствие появления типографии, книгопечатания, церковь русская первая должна была поднять вопрос о необходимости знания, науки, необходимости лучших искусных людей, которые могли бы поправить рукопись для типографии. До тех пор пока не было этих людей, нельзя было успокоиться и церкви. Где же взять искусных ученых людей для удовлетворения этой нудящей потребности? Для этого нельзя было прямо обратиться к западным народам, искусным во всяких других делах, но неспособным помочь русской церкви в деле книжного исправления главным образом потому, что западные народы были другого, чуждого, исповедания. Оставалось одно: нужно было обратиться к образованным грекам и к малороссиянам, которые прежде завели еще у себя школы. И это обращение, несмотря на то что греки и малороссыяне принадлежали к одному исповеданию, было весьма затруднительно. Подозревали греков в том, что и у них православие не во всей чистоте, что они под игом турок обращались за образованием на латинский Запад, и в то же время подозревали и малороссийских ученых по близости их к католическому латинству, что и у них православие не в совершенной чистоте. Хотели обратиться к грекам и малороссиянам только в чрезвычайной крайности. Попробовали было поручить исправление книг своим. Было несколько авторитетных людей, на которых указывали, что они люди знающие, ученые, искусные, поручили им исправление книг, но оказалось, что они не способны к этому делу по самой простой причине — по незнанию того языка, на котором первоначально были написаны священные книги, и вообще по незнанию необходимых ученых приемов

в таком важном деле, как исправление книг. Наконец принуждены были обратиться к иностранным ученым: грекам, малороссиянам. Исправители явились из этих народов и указали на невежество, на неспособность старых исправителей. В то же время произошло другое явление. Исправители, ученые монахи, вызывались из Киева, из других мест Малороссии — значит, там есть наука, есть там чему поучиться, есть что узнать. А это стремление учиться, стремление к знанию явилось в русских людях давно; уже давно явилось в них это беспокойство, недовольство тем, что вот русский человек читает важную для него книгу, от которой зависит его спасение, — читает священную книгу и останавливается на чем-нибудь непонятном, хочется ему объяснить это место, которое для него так важно, и он обращается к духовному лицу, а тот объяснить не может, не умеет. Таким образом, это движение, как естественно необходимое, началось в той сфере, которая была господствующей, в сфере религиозной. Наука вся заключалась в религиозной сфере.

Пытливый ум русского человека прежде всего, разумеется, обратился к книге, священной, требовал ее изучения, требовал удовлетворительного решения тех вопросов, которые возникли в нем при чтении этой книги; прежде всего он потребовал религиозного образования для себя от своего естественного учителя, наставника, отца духовного, но удовлетворения этой потребности он здесь не нашел. Духовный, естественный его наставник остается нем при его вопросе, смотрит на этого странного ученика, странного духовного сына недоумевающими глазами. Откуда вдруг пришла охота заниматься тем, чем занимаются только духовные лица, и заниматься как? Предлагать вопросы, требовать объяснения... Это беспокойство, волнение, любознательность, которая проявилась теперь в России, побуждала русского человека обратиться в другую сторону, но, разумеется, все-таки не к иноверным учителям. Русские люди услышали, что в Киеве есть школы, есть ученые люди, духовные учителя, которые им объясняют то, чего в Москве не могли объяснить московские духовные, и вот эти любознательные русские люди потянулись в этот Киев. Возвратившись из Киева, они уже видят превосходство свое над московскими духовными, над своими духовными отцами. И тут в первый раз слышатся возражения против духовных отцов: «Ты и это не так толкуешь, и это ты не так понимаешь — вот как надо понимать, вот как надо толковать; вот как понимают и толкуют ученые!»

С этого началось дело, и вы легко поймете, какое важное значение имело такое начало. Самых ученых людей духовных выбрали, чтобы исправить книги, и они оказались неспособными. Светские лица съездили в Киев, выучились там, приехали назад и должны были с невольной улыбкой сострадания или даже презрения обращаться к этим своим старым наставникам, к этим

духовникам, оказавшимся совершенными невеждами. Таким образом, подле учителей духовных явились лица светские, которые знали больше, чем эти духовные отцы. Не то ли же самое произошло на Западе, когда подле духовных учителей стали светские, знавшие больше и лучше дело, обладавшие богатыми средствами науки, потому что обладали лучшим знанием древних, и преимущественно греческого языка, столь необходимого в деле религиозного образования. И у нас, следовательно, на Востоке по одним и тем же причинам должна была повториться та же борьба между обскурантами и гуманистами, разумеется, в своем виде, своем образе, но по сущности одинаково. Разумеется, все эти люди, из рук которых вырвали такое могущественное орудие, как знание, то есть прежние наставники, и преимущественно духовные отцы, не могли спокойно перенести этого движения, когда люди светские, ни для кого не авторитетные, принимаются сами учительствовать и позволяют себе упрекать прежних учителей в самом страшном упреке для учителя — в невежестве. Шло дело о полном извращении отношений: ученик становился выше учителя и упрекал его в невежестве. Упрек подобный, понятно, должен был быть обращен от учителей к ученикам, а не наоборот. Старые учителя не могли спокойно перенести такого своего положения и решились защищаться... какими средствами?

«Вы — люди новые, которые нас упрекаете в невежестве, откуда вы получили это право? Вы думаете, что вы знаете больше нас — где вы учились, откуда принесли вы свою мудрость, свои знания? Мы получили свое знание по преданию, так отцы наши думали и так толковали и оставили такие свои толкования. Признавая такие толкования, многие старые люди стали святыми, спаслись и считаются угодниками Божиими. А вы теперь позорите те книги, те объяснения и те толкования, которыми пользовались эти святые люди. Мы стоим при своем, при наших преданиях, освященных примером угодников Божиих, а вы, съездив куда-то в чужую сторону, где господствует латинство, привезли нам свои толкования, свои требования — да мы их принимать не хотим, мы их исполнять не будем, потому что они чужды, враждебны православию. Хотят нести чужое, хотят в самую священную религиозную сферу нести новизны, перенятые от чужих народов, иноверческих народов, еретиков? Что нам греки? Греки давно уже под игом турок; у греков и своей типографии-то нет, греки печатают свои священные книги в чужих, иноверческих типографиях, в католических странах. Что нам авторитет греков? Мы должны соображаться с своими книгами древними, в которых именно сохраняется православие во всей чистоте, которые не были испорчены, заражены ничем чужим, никакою ересью».

Таким образом, образовалось две стороны; правительству гражданскому и церковному предстояло решить вопрос: какую

сторону принять? И оно приняло сторону новых людей, так сказать; оно повиновалось этому естественно необходимому движению, оно преклонилось пред знанием, наукой, представителями которой явились ученые греки, ученые малороссияне и те москвичи, которые ездили в Малороссию и познакомились с тамошним учением, с тамошними школами. То, что правительство гражданское и церковное — царь и патриарх — приняли сторону нового, ясно показывает уже направление движения. Правительство давно сознало необходимость науки вообще, как могущественного средства, которое должно восстановить Россию, дать ей силы, дать ей значение, и уже по инстинкту самосохранения, так сказать, правительство должно было принять сторону нового и явиться представителем народных потребностей и того движения, которое стояло на очереди. Но старые учителя, и именно наиболее оскорбленные из них, потерпевшие полное поражение, те, которые провозглашены были прежде авторитетными, которым поручено было исправление книг и о которых потом стали говорить, что они невежды, — эти люди не могли спокойно смотреть на поражение относительно своего авторитета. Они первые должны были поднять этот вопрос о том, что старое русское православие хотят уничтожить и заменить новым; они первые провозгласили эту борьбу в религиозной сфере за старое в противоположность разным «новшествам», как тогда выражались, которые правительство гражданское и церковное хотели ввести в эту сферу.

Понятное дело, как должны были вздрогнуть русские люди, когда авторитетные лица обратились к ним с страшным вопросом, указывая на странное явление, что в религиозную сферу вводят новизны с проклятого латинского Запада. Понятно, сколько людей должно было отозваться на голос этих авторитетов, на призыв их к защите самого существенного для народа — его веры. Недавно, еще в начале XVII века, русские люди собрались, как один человек, под религиозным знаменем отстаивать свою веру от поляков, от польского короля-латинянина, а теперь свое правительство хочет их олатынить. Понятно, какое движение должно было произойти вследствие этого.

ЛЕКЦИЯ 11

Прошлый раз мы говорили о расколе и уяснили это явление, аналогичное с явлением Западной Европы и совершившееся в такое же время, именно в эпоху Возрождения, то есть во время перехода народа из одного возраста в другой, из древней истории в новую. Потребность движения, пересмотра должна была прежде всего явиться в церкви как здесь, так и там. Книгопечатание, типография как здесь, так и там дали первый толчок. Типография

заставила пересмотреть и исправить книги; исправление книг указало несостоятельность образования учителей, наставников — духовных лиц. Исправление книг заставило вызвать других учителей из Греции, Малороссии; а вызов учителей указал любознательным русским людям дорогу в тот край, где есть школы, наука, где знают больше, чем в Москве. Русские люди, возвратившись из Киева, начинают тосковать о несостоятельности отцов духовных, своих старых учителей. Эти старые учителя оскорбились, началась борьба. Старые учителя, видя, что у них отнимают авторитет, значение, объявили новых учителей еретиками, людьми, старавшимися вводить новшества, как тогда обыкновенно выражались, в самую священную сферу, сферу религиозную. Отсюда — это движение, которое мы называем расколом. Как на Западе явились люди, которые объявили, что все должно оставаться по-старому, которые отстраняли всякий вызов к преобразованию, которые затыкали уши, чтобы не слышать никаких доказательств необходимости этого преобразования, которые сказали: «*Ut est aut non sit*» („Да будет, что есть, или да не будет”), — так точно в соответствии с этим людям у нас на Востоке являются так называемые раскольники, старые, которые объявляют, что каждая буква в старых книгах священна, что ее переменить нельзя. Какой-нибудь Аввакум, начальник раскольников, выражает точно такие мнения и толкования о невозможности трогать что-либо из старой церкви, как на Западе приверженцы старины держатся католицизма со всеми его злоупотреблениями, неправдами, хотя и обличенными. Но на Западе, с одной стороны, католицизм, католическое церковное правительство оставалось при своем, а с другой стороны, благодаря этому упорству оставаться при своем, протест, желание исправления, приняло такую резкую форму, обнаружившуюся в лютеранстве, и потом, идя все далее и далее по покатому пути отрицания, он разделился на несколько радикальных учений.

На Западе было много причин для этого явления: упорство католицизма, с одной стороны, не допускавшего никакого изменения, исправления, необузданность протестантизма — с другой, дошедшая до анабаптизма и других странных увлечений.

Я сказал, что на Западе было много причин такого явления: во-первых, правительственная католическая церковь была очень сильна, крепка, самостоятельна, независима. У нее сложились в продолжение веков свои интересы, которые она и хотела защитить во что бы то ни стало. Понятно, что одна светская власть могла бы заставить церковное правительство сделать известные уступки, чтобы предохранить страну, народ от этого раскола церкви и от всех следствий его — страшных смут, кровопролитных войн. Известно, что некоторые императоры, стоявшие по крайней мере номинально во главе европейских

государств, первенствующие, так сказать, защитники веры,— Карл V, Максимилиан, видя, что католицизм страдает большими недостатками, чувствовали справедливость многих требований протестантизма; эти императоры, разумеется, желали соглашения, желали, чтобы протестантизм и католицизм сошлись и сделали взаимные уступки. Эти императоры, по-видимому, были очень благочестивы; они хорошо понимали, что нельзя признать католицизм с теми недостатками, которые он упорно удерживает, но они не хотели крайностей, реформ, которые вызывались этим упорством католицизма в сохранении его недостатков.

Дело в том, что Карл V и его преемники были слишком слабы, чтобы настоять на этом примирении, утушить раскол посредством сделок, посредством преобразований в самом католицизме. Вам известно, что Карлу V не удалось усилить свою власть. Нет сомнений, что если бы ему удалось стать сильно в Германии, то он принудил бы обе стороны к соглашению. Преемники его были еще слабее; им оставалось не принимать ни той, ни другой стороны, обращаться с упреками и к той, и к другой стороне, становиться в это печальное положение и не сделать ничего для примирения церкви. Когда, таким образом, драгоценное время прошло, когда не оказалось ни одной силы, которая бы привела к этому примирению, которая заставила бы католицизм уступить, а протестантизм сдержать свои крайности, то люди, которые не любят колебаний (люди не любят вообще находиться в колеблющемся положении), окончательно стали на две стороны: одни — на сторону католицизма, на сторону авторитета и не сочувствовали крайностям реформы, другие не могли примириться с недостатками католицизма, ушли на сторону реформ. Таким образом, Западная Европа разделилась на две половины — католицизм и протестантизм.

Но у нас при поднятии церковного вопроса были другие обстоятельства: у нас чрезвычайно сильна светская власть в особе царя, государя, самодержца, без воли которого ничто не могло совершиться, который, ставши на какую-нибудь сторону, положив свой скипетр на чашку весов, страшным образом перевешивал. Следовательно, то, что хотели сделать на Западе Карл V, Максимилиан и не могли сделать по своему бессилию, то именно мог сделать на Востоке царь. Царь Алексей, при котором вскрылся раскол, царь Феодор, царь Петр совершенно действовали точно так же, как действовали или по крайней мере хотели действовать Карл V и Максимилиан на Западе. Они видели для церкви невозможность оставаться при старине и сейчас же стали на сторону новых учителей и заставили большинство духовенства, начиная с патриарха, последовать указаниям новых учителей, исправителей книг. Они поэтому вооружились всеми своими светскими средствами против людей, которые противились

исправлению книг,—объявили новую церковь еретической, отложились от патриарха, духовенства. Но с другой стороны, и патриарх, и большинство духовенства, ставшие, по-видимому, на сторону новых учителей, на сторону преобразования, исправлений, отличались большим невежеством, слабостью при таком великом движении. В них самих было много такого, что облегчало раскол, они мало отличались от раскольников. Если раскольники говорили, что надо креститься двумя перстами, а не тремя, если говорили, что перестановка букв в имени Иисус (Исус) есть страшная ересь, если раскольники обнаруживали такое грубое пристрастие к форме, к букве, то и православное духовенство при своей противоположности внешнему, видимому расколу отличалось таким же узким взглядом, таким же пристрастием к форме, к внешности. Патриарх, осуждая раскол за употребление дуперстного сложения, за употребление Исус вместо Иисус, страшно вооружался против тех, которые позволяли себе ничтожнейшие изменения во внешнем виде, страшно вооружался за покрой платья, бритье или стрижку бороды. Я говорил, что на Западе католическое духовенство проиграло свое дело в борьбе с гуманистами по своему невежеству, не признавая необходимости образования; и у нас на Востоке духовенство точно по той же причине проиграло дело, не признавая образования. Отсюда для верховной власти, которая не хотела религиозного раскола, религиозных смут вообще, которая хорошо предвидела, что русская церковь должна иметь дело не с одними раскольниками, но с врагами, которые гораздо опаснее,—с учеными иноверцами—протестантами, которые должны были явиться в качестве светских учителей. Правительство, желая сохранить народную веру, должно было стремиться к тому, чтобы дать образование духовенству, если оно не хочет волею, то заставить. На Западе впоследствии, когда протестантизм вскрылся и усилился, догадались, в чем дело, и новым орудием для борьбы с протестантами явился орден иезуитов, который признал образование необходимым для своих членов, чтобы захватить в свои руки образование светских людей; с этой целью заводятся школы и у нас на Востоке, правительство признало это и потребовало от духовенства образования, и в этом отношении цари шли одинаковым путем, и меры Петра в этом отношении были только энергичнее мер, как увидим, его предшественников.

Итак, вы видите, что то, что хотели сделать на Западе, но не могли вследствие бессилия, то русские цари сделали на Востоке у нас, потому что были сильны; как на Западе, так и у нас переход из одного возраста в другой, переход из древней истории в новую, знаменуетесь сильным религиозным движением, не сдержанным в своих крайних границах на Западе и сдержанным в России вследствие силы светской власти, власти

государственной. Благодаря этой силе дело преобразования проведено, и проводилось оно постепенно; образование духовенству дано, но, с другой стороны, целостность церковной основы не была подорвана. Мы знаем также, что на Западе этот переход народа из одного возраста в другой, из их древней истории в новую, знаменуется сильным движением к морю, к мореплаванию, к открытиям, вследствие чего была открыта Новая часть света. В России переход народа из древней истории в новую знаменуется явлением тем же самым — движением к морю, заведением флота. Западная Европа открыла Америку при начале новой истории, Россия в том же стремлении к морю открыла для себя Западную Европу в начале своей новой истории. И то и другое в общих половинах Европы ознаменовало силу движения и мощь народную. Как открытие Нового Света для западноевропейских народов расширило их сферу и усилило их деятельность умственную и вот так точно это движение в России должно было усилить деятельность народа, расширить его сферу. Русским Колумбом был, как известно, Петр. Я уже говорил о том, каково было значение деятельности этого человека. Деятельность этого человека является результатом всей прошлой истории народа и удовлетворением потребности народа при переходе его из древней истории в новую.

Программа действий Петра была начертана гораздо прежде него, он был только ее исполнителем; причем громадные личные свойства Петра, его гений давали ему возможность, право на это руководство народом, тяжкое в минуту перехода, в минуту переворота. Если скажут, что Петр боролся и встретил препятствия в своем народе, то как же назвать его исполнителем, удовлетворившим народную потребность? В истории все великие дела, удовлетворение народной потребности, сопровождаются всегда страшной борьбой. Большинство сначала не хотело принимать и христианства, что же это доказало против пользы христианства? И христианство должно было утвердиться страшной борьбой повсюду.

Всякие новые начала, как бы благодетельны они ни были, встречают сопротивление, утверждаются с борьбой, и, чем выше начало, тем сильнее она. «Я принес вам нож», — сказал основатель религии Христос. Действительно, он принес разделение. Вследствие его учения мира, любви отец встал на сына, сын — на отца. Христианство у нас в России встречало сопротивление, утверждалось медленно, но это не доказательство против христианства. Борьба, которую должен был вести Петр и одинаково с ним думавшие, смотревшие, нисколько не доказывает того, что Петр нисколько не удовлетворял потребностям истории своего народа. Великое дело, которого Петр был руководителем, по общим законам требовало великой борьбы. Как при напоре

новых начал христианства происходит разделение, отец идет на сына, сын — на отца, так и при этих новых началах, которые должны были приняты на русской почве, произошло разделение: открылись различные взгляды на дело: одни кинулись вслед за руководителем, другие протестовали. Это явление естественно необходимо и смущать нас не должно. Прочность великого дела, оказывается, повторяется последствиями. Если дело принялось, значит, оно пришлось по почве; если народ остается при этом, то, значит, оно удовлетворяет его потребностям; если дело рушилось, то значит, что оно велось насильно, вследствие произвола, каприза одного сильного лица; исчезни это сильное лицо, и исчезнут его дела.

Но дела Петра не исчезли. Мы ими живем, до сих пор развивались, значит, оно соответствовало жизненным потребностям народа. Петр родился сыном самодержавного государя, это, разумеется, давало ему громадные средства. Самодержавие вытекало из условий исторической жизни народа. Я уже говорил, как эта форма сделалась необходимой вследствие основных условий древней русской истории, огромности государственной области, чрезвычайно малочисленного, рассеянного населения, не имевшего возможности сгущиваться в большие поселения и таким образом развивать самодетельность, самодержавие. Все, что живет разрозненно, требует для своего направления, для соединения сил, для достижения известных целей внешнего направления, внешних сил. Я живу уединенно, ничего не знаю, другой живет в далеком расстоянии, также ничего не знает. Является общая опасность, нужна другая сила, которая бы нас уведомила и, соединивши нас, заставила действовать вместе. Отсюда разрозненное положение требует действия третьей силы, высшей силы, которая бы нас соединяла, направляла, которая бы смотрела, ибо горизонт человека, живущего особняком, одиноко, чрезвычайно тесен. Отсюда — закон, по которому среди народа, разбросанного на большом пространстве, необходимо это внешнее, центральное правительство, централизация, ибо внутренняя централизация, внутреннее объединение могло бы быть только при сгущивании большого населения на небольшом пространстве.

Л Е К Ц И Я 12

Я сказал, что первыми причинами, установившими самодержавие у нас в России, были — это главное условие древней истории нашей — обширность государственной области и малочисленность населения; отсюда естественно необходима была для соединения разбросанного населения внешняя сила, которая именно направляла бы это разбросанное население для общих целей. Второе обстоятельство усиления центрального

самодержавия—это открытость границ, беспрестанная опасность от неприятельских вторжений, присутствие постоянной борьбы. Известно, что общество в таком положении требует необходимо крепкой власти; известно, что власть монархическая если она является поздно даже у некоторых народов, то является вследствие именно этой потребности в защите от внешних врагов, если последние многочисленны. Вспомните знакомую вам историю еврейского народа! Там главным побуждением к избранию царя в народе была эта потребность защиты в постоянной борьбе с хищными соседями. Даже республика Римская при большой военной опасности нуждалась в диктатуре и вручала одному лицу полную, неограниченную власть.

Но в таком государстве, где на большом пространстве разбросано малочисленное народонаселение, государстве, которому грозит постоянная опасность извне, народ нуждается в крепкой власти, диктатуре и дает своему вождю, как вождю военному для защиты от врагов, эту крепкую власть, эту диктатуру. Эта крепкая власть есть власть военного вождя. Война требует дисциплины. Народ, который принужден постоянно воевать, устраивает у себя такую военную власть с таким сильным подчинением, и таким образом является крепкое самодержавие; наоборот, народ, который не чувствует потребности внешней защиты, постоянной борьбы, обыкновенно стремится ограничить верховную власть. Мы видим в этом отношении противоположность России с крайней западноевропейской державой, Англией. Вот почему в Англии так рано началось движение для ограничения королевской власти, для устройства народного представительства, а у нас в это время верховная власть пользуется все большей и большей силой. Таким образом, история указывает причину явлений, постепенное развитие их и уничтожает этим все эти дикие возгласы, нарекания, что такой-де народ требует по характеру своему большой власти, а другой—меньшей. Народ устраивает ту или другую форму власти вследствие отсутствия сильного развития других элементов. Она усиливалась, как в природе все усиливается, если не встречает препятствия в усилении других тел, других элементов, называйте как хотите. Всякая сила в природе стремится развиваться до бесконечности, если не встречает препятствий в стремлении к развитию в других силах. Так и у нас в древней истории верховная власть развивалась необходимо кроме означенных причин вследствие того, что другие элементы не получили должного развития.

Так, не было препятствия со стороны церкви, потому что церковь православная, носящая характер Восточной церкви, не сложилась в силу самостоятельности, которая могла бы, хотя несколько, препятствовать усилению светской власти. С самого начала митрополитом был грек, чужой человек, без языка, следо-

вательно, не мог обнаружить большого влияния, хотя по положению своему среди борющихся князей митрополит мог бы чрезвычайно усилить свою власть, ибо он был один митрополит для всей России; но он был иностранец — грек, а народ иностранцев не любил. Потом татарский разгром, бедствия тяжелого времени основания государства на Севере заставили митрополитов стараться усилить светскую власть всеми средствами, чтобы в ней иметь подпору и защиту. В конце концов, когда образовалось Московское государство, митрополит, отрезанный от Византии бедственными последствиями взятия Константинополя турками и не находя у себя самостоятельной, незыблемой почвы, естественно, становится в зависимое положение от царя, который скоро собрал землю и соединил власть в своих руках.

Другое ограничение происходило от аристократии. У нас аристократия не развилась вследствие того, что люди, окружавшие князя, чрезвычайно долго сохраняли свою первоначальную форму дружины. В то время как на Западе дружина уселась, получила земельные владения и могла, таким образом, действовать самостоятельно в качестве землевладельцев, устроив все свои отношения на землевладении, у нас дружина является кочевой. И кочевой является она в предшествовавшие века опять вследствие того, что земли было очень много, что она не имела поэтому ценности, без народонаселения, а народонаселения было очень мало; и вот дружина остается около князя, пользуется во время княжеских междоусобий большими выгодами, большими льготами, переходит от одного князя к другому и не заботится о другом дне. Когда этот день пришел, когда на Севере княжества усилились и князья уселись на своих местах, когда явилось здесь новое государство и нельзя было переходить от одного князя к другому — дружины оказались на мели, их права гарантированы были возможностью перехода, а когда явилось это единое государство и возможность перехода исчезла, то у них не оказалось никаких прав, из вольных людей должны были перейти в холопей великого князя, государя. Разумеется, главной гарантией их прав могла бы быть земля, но этого не было, напротив, при общей бедности, при отсутствии майората, при разделении вотчин между всеми сыновьями и дочерьми, да еще при обыкновении отдавать часть земли на помин души, вотчины мельчали и землевладельцы должны были смотреть из рук царя, брать у него поместья для содержания себя и своего народа. Таким образом у нас не могла образоваться аристократия.

При образовании Московского государства служилое сословие, начиная с бояр, является в виде холопей государя. Посельские люди, окольные думные бояре жили в Москве, и, чем кто ближе жил к царю, тем он был знатнее. С утра до вечера толпились они во дворце и ожидали ласкового слова государя,

сюда сходились они поутру, являлись после обеда и не смели даже на вечер отлучаться без спроса и таким образом находились в полнейшей зависимости от царя. Царь, располагая землей, наделял ею ратного человека, который должен был служить царю, и отсюда образовалась толпа помещиков, служилых людей, которые кормились от царя, были его покорными слугами, холопами. На Западе сильные землевладельцы пользовались независимостью, ограничивая в той или другой степени власть своего сюзерена, своего короля. Живя в своих неприступных замках на высоких горах, они могли считать себя независимыми, только большими выгодами, большими льготами они могли переманиться к королевскому двору, да и здесь довольно долго они не теряли своего самостоятельного характера. С другой стороны, там, на Западе, поднялись скоро промышленность, торговля, города, явилась движимость, деньги. Чтобы не нуждаться в войске землевладельцев, король нанимает себе войско, для этого ему нужны деньги, и он входит в сделку с городами, является городской элемент и получает сильное развитие.

У нас в древней истории государство имело постоянно характер земледельческий, без развития промышленности и без значительных городов. Это государство бедно; движимости, денег в нем нет; земля составляет единственное богатство. Таким образом, то, что было на Западе в начале средних веков, у нас продолжалось очень долго. Цари создают войско посредством земли, посредством наделов земель помещиков, и этим средством держат это войско в полной зависимости от себя. Это войско не наемное, это войско национальное. Горда разбросаны, города не развиты, их притом очень мало, торговое и промышленное население в них почти ничтожно, поэтому и они с своей стороны не могут никаким образом ограничить верховную власть. Таким образом, вследствие неразвитости всех этих элементов — духовенства, земледельческого и городского сословий — верховная власть не встречает себе препятствий и развивается очень быстро; повторяю, быстро развивается при сказанном условии развития, именно: при неразвитости духовенства, земледельческого и городского сословий, ибо хотя бы и существовала главная причина развития верховной власти — обширность царственной области, но при достаточном препятствии со стороны названных элементов верховная власть развивалась бы медленно. Но у нас не было этих препятствий, верховная власть развивалась чрезвычайно быстро.

Такую-то сильную, неограниченную власть наследовал от своих предков человек, которому назначено было быть преобразователем России. Понятно, какие могущественные средства дала эта власть в его руки для преобразования. И это долгое время могло смущать как своих, так и иностранцев, которые видели в действиях этого человека характер произвола, характер деспотизма,

тогда как внимательное изучение источников показывает, что человек этот пользуется своей неограниченной властью для удовлетворения потребностей народа, которые чувствовались довольно явно в нем и ощущались все сильнее и сильнее.

Разумеется, воспитание человека, и притом такого деятеля, имеет важное значение для всей его последующей деятельности, и потому, говоря о Петре, мы должны обратить внимание на его воспитание, то есть совокупность обстоятельств, условий, при которых вырастал этот исторический деятель. Каковы бы ни были стремления известного исторического деятеля к новому, какой бы ни носило характер преобразование его, все-таки этот человек в своем характере, в своих приемах необходимо имеет отпечаток того общества, из которого он вышел, общества со всей его старой обстановкой. И эта старая обстановка отпечатлевается на его характере, как бы он враждебно ни относился к ней. Возьмем повседневное явление. Если мы встречаем человека, который вышел из военной службы и относится по каким бы то ни было причинам к ней враждебно, то все-таки во всех своих движениях он военный, этого истребить он не может до самой смерти, как бы враждебно ни относился он к ней. Точно так же человек, вышедший из известной школы. Как бы потом ни относился он к ней, сохраняет иногда навсегда привычки и манеры свои от этой школы. Поэтому воспитание Петра в известной стороне своего характера было полным представлением старой России, тех условий, тех обстоятельств, которые существовали в старину в жизни русского народа.

Так, Петр, например, при своем стремлении уничтожить в церкви все то, что отзывалось суеверием, излишней обрядностью, однако, был большой охотник до церковной обстановки, церковной службы; любил принимать в ней сильное участие, сильное, насколько возможно было для светского человека. Так как образование старинного русского человека заключалось в начитанности св. Писания, то Петр именно вынес из своего детства это образование. Он был большой «начетчик» в св. Писании и вместе с этим был очень религиозен. Враги его распространяли об нем слухи, что он нерелигиозен, что он идет против верований отцов, именно потому, что он смотрел другими глазами на некоторые обрядовые частности; но, всматриваясь внимательно в Петра, мы видим в нем старинного русского человека, воспитанного на старинных преданиях, вере отцов и в ее внешней обстановке. Когда Петр явился в Западной Европе, то он поражал западных европейцев, преимущественно женщин, которые в этом отношении часто наблюдательнее мужчин,—поражал двойственностью своей природы, странностями своего характера: он им казался и очень хорошим, и вместе очень угрюмым, в нравственных отношениях.

Это именно потому, что он должен был вынести из среды, в которой воспитывался, такие привычки, которые противоречили понятиям западных европейцев о приличии. Общественность, людскость, которая развивается, именно когда люди находятся в постоянном общении друг с другом, эта общественность, людскость не могла развиваться у нас, в древнем нашем обществе, где бедности внешней обстановки соответствовала грубость нравов. Одной из главных причин и вместе одним из главных бедствий этой грубости было затворничество женщин. Относительно причины этого явления существуют различные мнения. Обыкновенно старались объяснить это затворничество женщин каким-то византийским влиянием, каким-то аскетическим стремлением нашего общества, стремлением, будто бы вытекавшим из христианского взгляда, какой-то византийской точкой зрения. Но это мнение с первого же взгляда поражает своей односторонностью и неверностью. Христианство, вообще поднявшее значение женщин как матери и жены, провозгласившее, что в церкви Христовой нет ни мужского, ни женского пола, нет различия между полами, христианство не могло никоим образом вести к этому затворничеству женщин. Если мы в писаниях духовных встречаем выходки против женщин, то рядом с этим мы встречаем также похвалу жене, и потом эти писания, вовсе не так распространенные, как думают, уже по тому самому не могли оказать никакого влияния. В исторических исследованиях нужно держаться самых простых приемов, никогда не увлекаться фантазией и не измышлять Бог весть какие отдельные причины. Могли ли какие-то отдельные сочинения, наполненные выходками против женщин, распространенные в ничтожном меньшинстве, могли ли, говорю, эти сочинения оказывать влияние на обычай, укоренившийся в народе, даже не в народе, собственно, в высших слоях его?

Причины коренятся в самом обществе, и за объяснением этих причин далеко ходить не нужно. Пойдем от нашего состояния вглубь и начнем с самых прочных приемов, с вопроса: что заставляет меня укрываться, прятаться, не выходить из дому? Отсутствие безопасности и неудобство пути; или я боюсь нападения дурных людей, как только выйду из дому, или погода не благоприятствует моему выходу, улица грязна и т. д. Петр, мужчина, мог пренебречь всеми этими препятствиями, он силен, он владеет оружием, он не боится опасностей, он привык ездить верхом на лошади — для него все эти невыгоды дурной дороги ничего не значат, кто же при этих условиях больше сидит дома, не выходит? Разумеется, существа слабые: старики, женщины, дети. Для этих существ слабых, чтобы выйти из дому, нужны благоприятные условия: безопасность, хорошее устройство дорог и благоприятные условия погоды. В каких странах для слабых существ больше возможности выходить из дому, сообщаться

с людьми? Разумеется, в странах только цивилизованных, где существует безопасность, где средства сообщения удобны, где народные обычаи таковы, что сильный не только щадит, но даже особенно уважает слабого, следовательно, где есть для слабого полная безопасность, где есть безопасность для женщин, детей и в том отношении, что эти существа, особенно деликатные и в нравственном отношении, не увидят и не услышат на улице ничего такого, что привело бы их в смущение, оскорбило бы их чистоту, их стыдливость. Теперь же угодно ли перенестись в такое общество, которое противоположно описанному сейчас, где прежде всего не существует общественной безопасности, где улицы кишат вредными людьми, ищущими только добычи!

ЛЕКЦИЯ 13

В прошедший раз для уяснения деятельности Петра Великого мы обратились к его характеру, к образованию этого характера, к разъяснению того, в какой сфере и при каких условиях воспитывался человек, которому суждено было играть такую важную роль в деле преобразования. То, что мы вынесли из обзора состояния древней России до Петра Великого, уже ясно показывает нам, что мы не должны представлять состояние русского общества в привлекательном, по крайней мере очень привлекательном, свете. Мы не станем говорить о свидетельствах иностранцев, потому что они могут быть пристрастными, но, уже по свидетельству своих, русских, выходит, что нравственное состояние общества было вовсе не удовлетворительно, да и странно было бы предположить, чтобы оно было удовлетворительным при таких условиях, в которых протекала эта первая половина жизни русского народа.

Явлением нашей древней жизни, особенно резко бросающимся в глаза, было заключение женщин в терем. Я уже начал объяснять это явление. Вы встречаете, что в нашей литературе объясняют это каким-то религиозным влиянием, влиянием сочинений церковных, которые были будто бы распространены в обществе и которые представляли женщину в отвратительном виде, как существо, преимущественно побуждающее к греху, побуждающее к чему-то дурному и т. п. Я уже рекомендовал вам всегда начинать при объяснении явлений со взглядов простейших, а вы видите ясно с первого взгляда, что указанное объяснение страдает натянутостью, вычурностью, так сказать. Во-первых, в христианстве, в сущности христианства, в том учении, какое доступно каждому верующему христианину, нет ничего подобного относительно женщин. Если и указывают на одно-два сочинения, сочинения притом второстепенной важности, то понятно, кажется, что подобные сочинения второстепенной важности никогда не

могут иметь и сильного влияния уже по тому самому, что грамотность не была сильно распространена. Притом подле этих сочинений, которые выставляли женщину не с очень хорошей стороны, встречаются другие, которые превозносят похвалами женщин добродетельных.

По тому самому мы не можем оставаться на этом объяснении, объяснении каким-то церковно-литературным влиянием, объяснении, которое страдает односторонностью, натянутостью и никаким образом не идет, нисколько не приложимо в данном случае. Потому мы должны искать объяснений более простых, объяснений в самой жизни русского народа, жизни труженической, страдальческой, черной, которую он вел долго по известным причинам. Озабоченный утверждением оснований народной государственной жизни, озабоченный постоянной защитой от внешних врагов, причем природа не представляла почти никакой помощи,— вот при каких обстоятельствах жил русский народ, и если он жил хорошо, если он умел добыть то, что нужно для каждого народа, умел не потерять своего европейского христианского образа и, освободившись от тяжких условий, умел внести в европейскую жизнь новое начало, новое могущественное средство, то это именно свидетельствовало о необыкновенной силе народа, свидетельствовало также о его благородном происхождении от арийского племени, любимого историей. Простое объяснение явления, которое нас занимает и которое должно нас занимать по своему значению, это простое объяснение будет состоять в ответах на вопрос: когда человек сидит дома, не выходит на улицу? Разумеется, когда извне, вне дома, существуют такие явления, при которых только крайность может его заставить выйти из дому. Если вне дома бушует непогода, разумеется, это препятствует ему выйти и он остается дома. Если, с другой стороны, по общественным условиям вне дома нет безопасности, то это также препятствует ему выходить. Но человек в зрелых летах, во всей силе, разумеется, при требовании необходимости не обратит внимания на эти неблагоприятные условия и пойдет из дому, чтобы удовлетворить своей нужде. Но человек слабый — старик, женщина, дитя, — разумеется, остается дома. Древнее русское общество именно не представляло безопасности для слабых вне дома, они были лишены покровительства даже вне стен домашних. Известия не иностранные только, но и свои повторяют постоянно об отсутствии безопасности физической и нравственной. Так, грубость нравов, как известно, препятствует этой безопасности для слабых существ: женщины, ребенка. Женщина, как показывают эти известия, не могла без оскорбления своей нравственной чистоты быть постоянно или часто вне дома, только крайняя необходимость могла заставить ее сделать это. Разумеется, женщина из простого класса, просто-

го звания, которая чувствовала эту необходимость по своим хозяйственным обязанностям, выходила из дому и подвергалась всем этим неприятностям, всем этим оскорблениям, вольным и невольным, со стороны других, оскорблениям нравственного существа.

Понятное дело, как скоро женщины были поставлены таким образом, что не чувствовали этой крайней необходимости выходить из дому, то они старались как могли долее сидеть дома, редко показываться на улице. Таким образом, вы видите, как естественно произошло это затворничество женщин, существовавшее только для высших классов, затворничество, которое приписывают влиянию какой-то церковной литературы, тогда как оно вытекает естественно необходимо из условий самого быта народа. Понятное дело, что отец семьи, если позволяли ему средства, если он имел значительное число слуг и т. п., то, разумеется, он употреблял все зависящие от него средства, чтобы его жена и дочь выходили как можно реже на улицу или вовсе не выходили; а уж если и выходили, то окруженные таким зонтом, который позволил бы им не видать и не слышать на улице ничего оскорбительного. А что улица была грязна физически и нравственно, есть свидетельства, которые отвергать нельзя. Так, есть свидетельство, которое мы никак, к сожалению, отвергнуть не можем, именно остаток этой грязи, существующей до сих пор, в наше время. Если и в наше время после сильного протеста так называемого образованного общества существуют на улице еще такие явления, которые должны сильно оскорблять женщину, то что же было с лишком полтора-два года тому назад! Да, если в наше время отпираться женщине одной составляет риск, то что же было, повторяю, полтора-два года тому назад! Требуется чрезвычайно высокообразованное общество, при котором женщина и ребенок, вообще существа слабые, были бы совершенно безопасны во всякое время дня. Надобно высокообразованное общество, в котором бы уважение к слабым достигло бы высшей степени, в котором люди чувствовали бы обязанность и невольно не оскорблять никого не только делом, но и словом и взглядом.

Уважение к русскому народу, которым мы, разумеется, должны быть проникнуты (а мы имеем обязанность и право быть к нему проникнутым, потому что, сравнивая древнюю русскую историю с историей других стран, сравнивая, что было сделано нашим народом при неблагоприятных обстоятельствах, с тем, что было сделано другими при благоприятных, мы невольно наполняемся уважением к этому народу уже помимо всяких патриотических побуждений),— это уважение говорило, как не обязывает нас находить в древнем русском обществе только одно хорошее. Мы хорошо знаем это общество, потому что видим, что от него остались еще грязные слои на русском обществе, русском

народе. Наша обязанность — стараться, чтобы эти слои были счищены, а не освящать их уважением. Мы очень хорошо знаем, как обходятся друг с другом люди из простого народа, как обходятся они с нами, при встрече с ними — с женщинами, совершенно им незнакомыми.

Некоторые прославляли древнее русское общество за то, что там существовало какое-то равенство: от боярина до простого крестьянина обычаи были одинаковы. Мы допускаем это, но вовсе не обязаны уважать такое равенство, и если в высшем кругу древнего русского общества при известном равенстве обычаев существовало такое же отношение между обоими полами, какое существует теперь в низших классах, то для нас будет понятно заключение женщины в терем, хотя здесь мы, разумеется, не признаем это хваленое равенство; но все-таки должны с уважением отнестись к тому явлению, что для сохранения чистоты женщины принуждены были прятать ее, как нравственное существо, в тереме, не пускать ее на улицу, где она могла бы подвергаться постоянным оскорблениям. Хвалителям равенства в древнем русском обществе укажу на это явление, которое свидетельствует против них: женщина из простого класса должна была являться на улицу и, следовательно, неминуемо подвергаться оскорблениям, женщина высшего класса имела возможность не показываться из дому и потому не подвергаться оскорблениям на улице — это уже неравенство! Но, повторяю, должно отнестись с уважением к этому неравенству, отнестись и с уважением к тем лицам, которые, понимая необходимость охранения нравственного существа женщины, не пускали ее на улицу.

Вот самое простое и удовлетворительное объяснение этого явления — замкнутости женщины в тереме. Это явление показывает ясно, что женщина не могла быть безопасной вне терема, оно показывает также неудовлетворительное состояние нравственности в обществе. Честь и слава народу, который при первой возможности сознал неудовлетворительность того или другого положения своего и употребил все зависящие от него средства, чтобы выйти из этого печального положения. Но человек при всем сознании известных несовершенств, известных недостатков и при всем стремлении отбросить от себя эти несовершенства, освободиться от этих недостатков, даже когда он находится в лучшем положении, не может скоро очиститься от тех привычек, которые он получил в молодости при своем воспитании, то есть при тех условиях, в которых он вырос и окреп. Я уже говорил вам об этом и даже привел сравнение. Каждый из вас, может быть, встречался с человеком известного общества, который, став выше этого общества, старается избавиться от тех наклонностей, с которыми сжился, но все-таки невольно сохраняет многие черты, которые напоминают о том обществе, из кото-

рого он вышел. Так точно русские люди конца XVII и начала XVIII в., современники Петра и сам он, при всем сознании тех недостатков, которыми страдало русское общество и от которых они хотели избавиться его, тем не менее сами носили на себе множество чувств, которые характеризуют общество, выпущившее этих деятелей, общество, в котором они воспитались.

Но это не должно уменьшить нашего уважения к Петру и его сотрудникам, которые хлопотали всю жизнь о том, чтобы вывести русское общество на новую дорогу. Как бы мы не относились с уважением к человеку, который помогал при кораблекрушении, спасая жизнь своих собратий, и вследствие этого явился бы из воды с признаками той борьбы, которую он должен был выдержать? Ведь мы не станем упрекать его в том, что его волосы в беспорядке, что его платье в ненадлежащем виде? Как мы не станем упрекать человека, который спасал жизнь других во время пожара, если бы он явился и с почерневшими волосами, и в обожженном платье, так точно, если какой-нибудь исторический деятель и его сотрудники помогали своему народу выйти из печального положения в лучшем, и если они являются не изящно одетыми, если сохраняют в своей бедности черты этой тяжелой борьбы и черты того тяжелого положения, из которого они выводили свое общество, то, разумеется, нисколько не должно уменьшать нашего уважения к ним. Когда Петр и его сотрудники явились в Западной Европе, то там западные европейцы, преимущественно женщины, которые, как я уже прежде указал, во многих случаях наблюдательнее мужчин, заметили, что это очень хороший и вместе очень дурной человек. Мы не будем вооружаться против этого замечания, мы признаем его и признаем необходимость, почему Петр и его товарищи должны были являться такими, но мы также признаем заслуги, энергию, силу всех этих людей, которые выводили свое общество и помогали целому народу выйти из того печального положения, в котором он находился по не зависящим от него обстоятельствам. При таком взгляде, чисто историческом, разумеется, нас не введут в искушение известия о той или другой непривлекательной черте характера знаменитого деятеля — Петра Великого. Ибо первое слово, первая обязанность историка не творить себе кумиров, он должен представлять человека, исторического деятеля, как человека, со всех сторон его нравственного и исторического бытия, а не делать из него божество, не грешить страшным грехом, приравнивая человека к божеству. Этот грех, к несчастью, довольно общий в историках, и самые знаменитые из них не могли очиститься от него. Полюбится такой-то человек, такой-то исторический деятель, и историк старается очистить его от всех недостатков и сделать его совершенным: все его поступки

находит хорошими или оправдывает их, хотя, собственно, этого не следует делать, потому что история имеет дело с людьми, существами, как они есть. Но ошибки со стороны историков происходят от слабости человеческой, оттого что человеку трудно обозреть какое-нибудь явление со всех сторон, трудно представить целого человека с его достоинствами и недостатками.

Если человек дурен, то трудно для историка предположить, что в этом дурном человеке иногда бывают и хорошие порывы, хорошие действия, и вот историк каждое действие этого человека старается объяснить дурными побуждениями. Наоборот, если человек хороший, то есть ознаменовавший свою жизнь заслугами для своего народа и человечества, то историк, изображающему этого человека, трудно представить непривлекательные черты в характере этого деятеля, и он рисует его совершенным существом, чуждым слабостей и промахов, которые необходимы в жизни каждого человека, как бы гениален он ни был. Односторонность в изображении легка, разносторонность, многосторонность чрезвычайно трудна, поэтому-то историкам нравится избегать этой многосторонности и прибегать к единству в изображении. Понятно, сознавая обязанности историка, все-таки трудно избегать всяких случайностей при исполнении этих обязанностей, и потому мы должны приглашать друг друга к тому, чтобы избегать этой общей ошибки и изображать людей так, как следует, ведь главная обязанность историка — изображать, повторяю, людей людьми. Вот почему мы должны спокойно принять свидетельства современников, что величайший деятель нашей истории был вместе и очень хороший, и очень дурной человек. Вам в нем при первом взгляде является много такого, что вы найдете в обществе, из которого он вышел, обществе далеко не совершенном, обществе, не могшем дать человеку хорошего воспитания. К этому надо прибавить, что, как нарочно, случайные обстоятельства были такого рода, что они должны были обнаружить только самые неблагоприятные условия при воспитании Петра. Судьба, история хотела показать, что вот действия человека будут окружены всевозможными препятствиями, всякого рода неблагоприятной обстановкой, которые должны оказать необходимо самое черное влияние на образование нравственного существа, и, несмотря на это, нравственные силы этого человека так велики, что он поборет эти неблагоприятные обстоятельства, и хотя явится с известными слабостями, недостатками человеческими, но вместе с тем обнаружит необыкновенную мощь духа.

Петру, как и целому русскому народу, суждено было в начале жизни встретить все возможные препятствия при образовании его нравственного существования, чтобы заслужить честь борьбы, подпав под эти неблагоприятные обстоятельства, заслужить

честь уметь выйти со славой из всех этих неблагоприятных обстоятельств. Эти неблагоприятные обстоятельства встретили Петра в самом раннем детстве. Он остался после отца ребенком, он остался третьим сыном, и он остался сыном мачехи для старших своих братьев и сестер.

Известно, какую печальную роль играют семейные отношения в древней нашей семье, и в особенности отношения между детьми от разных матерей. Вспомните, что еще Ярослав I говорил, по летописцу, в завещании к своим детям: «За что вам ссориться? Вы дети одного отца и одной матери». Из этого мы можем заключить, что если они были не от одной матери, то необходимо происходили ссоры. Ярослав I имел право говорить это потому, что перед ним носился образ Святополка Окаянного, убийцы Бориса и Глеба. Но эти отношения проходят чрез всю русскую жизнь в древней истории, и Петр Великий попал в эти неблагоприятные условия: он был сын мачехи для его старших братьев и сестер.

ЛЕКЦИЯ 14

Алексей Михайлович имел много детей от первой своей жены, Милославской. После смерти ее он женился на другой — Наталье Кирилловне Нарышкиной, воспитаннице знаменитого боярина Матвеева. Матвеев, который носил на себе следы нового времени, был полным представителем этой переходной эпохи второй половины XVII в. Матвеев был человек относительно низкого происхождения, а между тем попал в бояре, был любимцем царским. Это явление возможно было только в XVII веке, именно во второй половине его. Прежде, в XVI веке, местнические отношения, замкнутость высших должностей в известных родах не позволяли новому человеку (*homini novo*) относительно низкого происхождения пробиваться к высшим чинам, окольным боярам. Сам Иван Грозный, несмотря на это заслуженное название свое — «Грозный», не мог в этом отношении ничего сделать, и этим объясняется та страшная мера, к которой он прибег было, но которую сам потом оставил, сознав ее несостоятельность, — учреждение опричнины. Но чего не мог сделать один человек, как силен он ни был по своему положению и характеру, то сделало время, то сделал сильный переворот в начале XVII века — я говорю о Смутном времени. В эти первые 10—12 лет XVII века сошло со сцены много тех знатных фамилий, знатных родов, которые составляли неприступную стену высших должностей около царя, — исчезла фамилия Шуйских, исчезла другая, еще более знаменитая фамилия Мстиславских. Другие знатные фамилии потеряли своих лучших представителей, своих самых видных членов; одна из знатных фамилий взошла на престол — фамилия

Романовых. Но в то время когда члены знатнейших фамилий сидели в Кремле с поляками, народ, поднявшийся в защиту своей веры, должен был в предводители своего ополчения выбрать людей худородных, по крайней мере относительно, или захудалых.

Главой первого ополчения был простой рязанский дворянин Ляпунов; главой второго ополчения, очистившего землю, был хотя и князь, но князь захудалый по местническим отношениям, человек уже пожилой, но носивший маленький чин стольника. Князь Пожарский, предводитель этого второго ополчения, был только стольник, несмотря на свои лета (стольник — нечто вроде нашего камер-юнкера, если не ниже). Другой человек, который остался неразрывно в памяти народной с Пожарским, — Минин. Кузьма Минин Сухорукий был мясным торговцем.

Таким образом, в то время, повторяю, когда члены знатнейших родов сошли, так сказать, со сцены, явились новые люди, исключительно худородные, и стали на первое место в сознании народа. Не без борьбы для молодого, нового правительства Михаила можно было провести этих новых людей, только с помощью сильного волей отца своего, Филарета, возвратившегося из польского плена в Москву, и он мог избавиться от тех людей, которые ничего не сделали для России в Смутное время, но которые хотели играть главную роль теперь; избавиться от этих людей и поднять прославившихся в Смутное время. Но что было сделано, то было сделано, и новый порядок, естественно, начинался. Старые фамилии, которые более других сохранились, старые предания, сошли со сцены, и в царствование Михаила Феодоровича, особенно Алексея Михайловича, мы видим на первом плане людей новых, или если и старых, то людей захудалых. Так, например, фамилия, которая занимала очень важное место при Алексее Михайловиче в XVIII в., при Петре и его преемниках, фамилия Долгоруких. Эта фамилия до Смутного времени была фамилией захудалой, по тогдашнему выражению, незначимой в служебном отношении и выступила на первый план только при Алексее Михайловиче вследствие нового порядка, который позволял захудалым людям выходить наверх. Если при царе Михаиле Феодоровиче могли выйти наверх захудалые фамилии, люди относительно худородные, благодаря своим заслугам в Смутное время, то при Алексее Михайловиче является возможность для царя выводить наверх и давать даже боярство людям худородным, которые были близки к нему и им любимы. И вот пример Матвеева, человека худородного, достигшего боярства, был первым примером в этом роде. Женитьба царя Алексея на воспитаннице этого Матвеева Наталье Кирилловне Нарышкиной, разумеется, еще более, по крайней мере вначале, усилила значение Матвеева и в то же время возбудила к нему ненависть в людях, для которых он был выскочкой, неслыханным выскочкой. В по-

следние годы царствования Алексея Михайловича Матвеев был первым лицом в государстве, по-нашему — первым министром.

От этого второго брака царя Алексея на воспитаннице Матвеева Наталье Кирилловне и родился Петр. Вскоре после его рождения царь Алексей умирает. Понятно, какой переворот во дворце должна была произвести эта преждевременная и нечаянная смерть царя.

Два старших царевича и множество царевен были от первой жены Алексея Михайловича, Милославской; они не терпели мачехи, не терпели и ее воспитателя, который занял такое важное место в последнее время, и понятно, прежде всего царица-мачеха и воспитатель ее Матвеев должны были ожидать себе всего дурного. Есть известие, вовсе не невероятное, что Матвеев уже и тут хлопотал, чтобы мимо старших царевичей взойти на престол маленькому Петру на том основании, что оба старшие царевичи были молодые люди чрезвычайно болезненные; старший — Феодор — был болезненный молодой человек, но по крайней мере в умственном отношении он был здоров, и второй царевич — Иван Алексеевич — был нездоров и физически, и умственно, тогда как молодой царевич Петр был очень здоровый и крепкий ребенок. Но, застигнутый врасплох смертью царя Алексея и потому не могли ничего приготовить такому важному делу, Матвеев не мог успеть в своем предприятии, и старший царевич, Феодор Алексеевич, был провозглашен царем. Я уже сказал, что мачеха нового царя Наталья Кирилловна, воспитанница Матвеева, не могла ожидать себе ничего хорошего в новое царствование при торжестве Милославских, родственников прежней царицы, сын которой теперь царствовал. Действительно, Наталья Кирилловна с сыном была удалена, Матвеев под разными нелепыми предлогами был сослан. Следовательно, первое, что поразило ребенка Петра, начинавшего понимать, — это опала, удаление, бедствия, гонения на его близких. Посмотрите, к чему должен был привыкать маленький Петр! Ежедневное явление, которое он видел перед глазами, — это печаль, слезы матери, печаль и слезы, происходившие не от одного горя — от потери мужа, но происходящие главным образом от раздражения, являвшегося вследствие торжества врагов, людей ненавистных, вследствие торжества пасынков, а также падчериц, выгнавших мачеху и начавших мстить ей за прежнее ее величие, оскорблявших ее теперь. Следовательно, и на ребенка имело влияние не одно горе матери о потере случайной, но проще всего на него имело влияние это раздражение матери, это оскорбление ее, вражда, ненависть к ней. Перед ним уже являлось несколько образов враждебных, образов людей, гнавших его, гнавших его мать, хотевших ему и ей всякого зла. Вот в каком ужасном чувстве должен был прежде всего воспитываться Петр!

Царствование Феодора было кратковременно: болезненный царь не мог долго жить. Его смерть вела к новым переменам, к новой смуте. Я уже сказал, что второй царевич был болезнен не только физически, но и умственно, следовательно, был вполне не способен к царствованию, между тем маленький Петр подрос и обнаруживал большие способности, физические и умственные. Следовательно, тут уже помимо всяких семейных отношений благонамеренные люди без всяких интриг одной какой-либо партии, одного какого-либо лица, ибо Матвеев был в ссылке и некому было интриговать, все благонамеренные люди, говорю, согласились провозгласить царем Петра мимо Ивана.

Законного порядка престолонаследия не было; майорат в царском семействе утверждался исторически на факте, но вместе с его утверждением утверждалось и сильное самодержавие, благодаря которому еще Иван III высказал такое начало, что самодержец не стеснен никакими правилами, никакими законами в своей семейной деятельности, что он может отдать престол кому хочет. Вам известно, что Иван III высказал это право по поводу интриг, ссоры в своей семье, вследствие которой он сначала назначил своим преемником внука Димитрия, сына Иоанна Молодого, а потом сына своего от Софьи — Василия. Когда псковитяне приехали с протестом против назначения последнего, то Иван сказал: «Разве я не властен назначать Великим князем кого хочу?» Следовательно, с одной стороны, мы видим здесь майорат, причем, как известно, все наследство переходит к старшему, а с другой — эту волю самодержавного государя. Сюда же присоединилось в последнее время избрание, выбор. По смерти Феодора Ивановича был выбран Борис Годунов; формой избрания был собор общий с советными людьми. Со всех областей приезжали выборные, депутаты для участия в выборе, и они-то назывались советными людьми. Василий Шуйский был избран одной Москвой, царь Михаил был опять избран общим собором с советными людьми; царь Алексей наследовал своему отцу как единственный сын. Это бесспорное наследование царем Алексеем престола, разумеется, не окончило решения вопроса относительно преемства престола; и вот после смерти Алексея представляется такой вопрос: старший царевич не способен — кто будет наследовать? Большинство вельмож и с ними патриарх решили, что надо выбрать младшего царевича, спокойного. И вот выбор происходит в Москве; спрашивают народ, находившийся в то время в Кремле, а не призывают советных людей на том основании, что причины выбора слишком ясны: во-первых, выбирали сына царя не новой династии, во-вторых, выбирали способного мимо неспособного. Таким образом, был провозглашен царем младший царевич, Петр Алексеевич. Но понятно, то, что по смерти Алексея и при восшествии на престол Феодора должна

была ожидать царица Наталья Кирилловна и ее воспитатель Матвеев, то теперь того должны были ожидать Милославские, должны были ожидать царевны, рожденные от Милославской. Опять ненавистная мачеха будет царствовать, вернется из ссылки воспитатель ее Матвеев — чего хорошего ждать царевнам? Им предстоит монастырь, им предстоит жизнь монашеская, а между тем эти царевны воспитаны благодаря началу нового порядка вещей иначе, чем воспитывались царевны прежде. Жизнь русских царевен в древней России была очень печальна. В более древнее время, когда в России было много князей, разошедшихся так далеко, что между ними не было близких степеней родства, в то время князьям был возможен выход замуж за своих же, за князей, удаленных в степенях родства.

Потом, когда бояре были люди вольные, независимые, когда они могли переезжать от одного князя к другому, то тогда не считалось никаким унижением для княжны выходить замуж за таких бояр. Но когда с течением времени утвердилось самодержавие, когда бояре и дружины с течением времени потеряли свою самостоятельность, потеряли право перехода от одного князя к другому, когда все члены дружины, начиная с бояр, принуждены были назваться холопами самодержца, то понятно, какая пропасть утвердилась между царем и подданными, какие бы важные чины эти подданные ни носили, и потому царевен уже нельзя было больше выдавать за холопов. Оставалось супружество чужестранное; но здесь было страшное препятствие: различие веры. Царевны было начали делать попытки вызывать женихов из чужих стран: из Швеции, Дании; принц едет, он готов жениться на царевне, но, когда начинается разговор о перемене веры, принц отказывается, и свадьба не может состояться. Цари никогда не соглашались отдавать дочерей за иноверцев, а иноверцы не соглашались переменять своей веры, не соглашались принимать православие. Вследствие этого царевны должны были оставаться девицами. А в старину эта затворническая, теремная жизнь во дворце, чрезвычайно похожая на монастырскую, не делала последнюю очень чувствительной для этих обреченных с первого дня жизни на затворничество царевен.

Но уже при Алексее Михайловиче происходят перемены во дворце, повеял новый дух. Во дворце, что было прежде неслыханным явлением, является учитель для царских детей. Если и прежде являлась неотвязчивая мысль о необходимости образования, о необходимости или вызвать иностранных учителей, или послать своих за границу учиться, то, разумеется, в половине XVII в. необходимость образования, по крайней мере для царских детей и детей вельмож, явилась уже очень нудящею. Не знают только, как приступить к делу, не было сил и денег, чтобы, не робея, начать это дело, но сознание необходимости

образования было сильно, а оно-то, это сознание, и приготовило перемены; человек ловкий, сильный, воспитанный в этом сознании и произвел эти перемены, перемены, говорю, уже приготовленные сознанием о их необходимости. И вот во дворец Алексея Михайловича проникает учитель. Очевидно, что сначала он мог проникнуть во дворец не иначе как в монашеской рясе. Общество сознает необходимость образования, но боится за главный свой интерес, религиозный, боится еще светских учителей и охотно допускает учителей только в монашеской рясе.

Этим учителем, впервые проникшим во дворец московского царя в рясе монаха, был известный белорусский монах Симеон Полоцкий. Он начал учить старших царевичей: Алексея, который умер еще при жизни отца, и Феодора Алексеевича, начал учить их по-латыни, по-польски, потому что польский язык для тогдашнего общества России был важнее, чем впоследствии французский для нашего общества,—проводником знания, орудием литературным. Польский язык имел уже свою литературу, сравнительно русской довольно большую, следовательно, польский язык был необходим для образования в тогдашней России. Симеон Полоцкий учил царевичей прежде всего иностранным языкам, ибо только посредством чужих языков можно было приобретать знания, на своем, русском языке наука тогда еще не говорила.

В семействе Алексея Михайловича было странное, хотя нередко повторяющееся явление: все дети мужского пола от первой жены, Милославской, были слабы физически — один умер преждевременно, а другой, Иван, был слаб и физически, и умственно. Совершенно другими, противоположными качествами отличались сестры, девушки крепкие и физически, и умственно.

ЛЕКЦИЯ 15

В прошлый раз мы говорили о воспитании Петра Великого. Я указал на несостоятельность тогдашнего русского общества именно в деле хорошего воспитания. К этой несостоятельности присоединилось еще особенное обстоятельство, которое ухудшило воспитание знаменитого деятеля. Я уже говорил о семейных отношениях, которые существовали между детьми Алексея Михайловича. Петр был младшим сыном, его мать была мачехой для старших сыновей и дочерей Алексея Михайловича. Сверх этого относительно детей от первой жены Алексея Михайловича существовало странное, хотя и повторяющееся явление: дети мужского пола отличались слабостью физической, болезненностью, а другие дети — умственной. Напротив, дети женского пола отличались крепостью душевной и телесной, отличались здоровьем. Одним словом, дети этих двух полов поменялись характером, а следовательно, и ролями. Несколько царевичей от первой

жены, Милославской, умерли при жизни отца, остались Феодор и Иоанн, слабые физически, а второй даже и умственно. К отношению по мачехе, весьма печальному в древней русской семье, присоединились еще эти странные отношения. Но разумеется, прежде всего по смерти Алексея Михайловича начало действовать первое отношение.

При восшествии на престол Феодора Алексеевича Петр, как сын мачехи, попал в опалу: вместе с мачехой и разными лицами, окружавшими вдовствующую царицу и ее маленького сына, он был удален из дворца. Ходили слухи, что ему несдобровать, что его постигнет участь Димитрия, который был удален в Углич. Следовательно, вот под каким впечатлением стал вырастать мальчик, как только начал себя понимать. Первое чувство, которое начало тесниться в груди мальчика, было чувство вражды, ненависти, раздражения против гонителей, против врагов матери. В глазах мальчика была постоянно эта грустная мать, которая плакалась на свое беспомощное состояние, на своих лютых врагов. В старших братьях, старших сестрах, которые действовали на первом плане, мальчик приучился видеть заклятых своих врагов.

Разумеется, имея теперь представление о древней русской жизни, представление, что, если женщина не была мать семейства, не могла играть значительной роли, была заперта, странно как-то говорить о роли царевен, о их значении. Но это было переходное время XVII в. Новые потребности уже толкались об дверь этого, так долго замкнутого общества, и эти новые потребности прежде всего явились наверху, удовлетворение им началось из дворца. Потом царю начали подражать люди ближайшие к нему — бояре, и движение пошло постепенно все более и более вниз. При царе Алексее Михайловиче явились учителя для царских детей — явление небывалое, — учителя, хотя и в рясе монашеской. Царевичи учились древним языкам, польскому языку, потому что учитель был из Белоруссии, следовательно, сам получил польское образование. Польская литература была гораздо значительней русской, следовательно, учитель белорусский Симеон Полоцкий, разумеется, прежде всего начал учить своих учеников польскому языку, чтобы доставить им возможность прочитать больше, чем представляла тогдашняя русская литература. Для двора, для царя начали составлять «куранты» — выписки из иностранных газет. Русские газеты еще не являлись, но составлялись выписки и в рукописях представлялись царю и разданы были знатным вельможам.

Наконец, для царя и для дворян появились театральные представления. Этот новый дух, который повеял наверху, во дворце, непременно должен был произвести влияние на участь царевен, особенно когда они отличались энергией, шли навстречу новому.

Вследствие этих новых требований царь Алексей жил гораздо открытее, так сказать, чем его предшественники. Он уже не сидел, замкнувшись, в Кремле; он начал ездить по отдельным местностям. Это стремление покидать замок, Кремль показывало что-то новое. Действительно, нужда заставляла двор покинуть Кремль. В Кремле была страшная теснота: подле дворца, между церквей, из которых некоторые существуют до сих пор, но которых тогда было гораздо больше, теснились небольшие дома боярские так, что теперь нам трудно представить, каким образом на таком небольшом промежутке, какое занимал Кремль, стояло столько зданий, правительственных мест, приказов и столько частных домов бояр! Понятно, что дома были чрезвычайно тесны; представляя чрезвычайно малые размеры домов, трудно понять, как все это стояло в Кремле. В каждом боярском доме было множество служней, приживальцев и приживалок. Теснота была страшная. Легко понять, какая опрятность была при этой тесноте, и вот особенно весной, когда снег начинал таять и скопившиеся нечистоты размягчались, в Кремле невозможно было дышать. Еще при жестоких морозах можно было дышать, летом, особенно весной дышать было чрезвычайно трудно. Понятно, почему двор стал думать о том, как возможно чаще выезжать из Кремля. Отсюда уже со времен царя Михаила Федоровича стремление царей иметь постоянное пребывание в окрестностях Москвы, недалеко от нас, но за городским валом.

Не надо забывать еще того, что эта фамилия новая — Романовы, когда не была еще царской фамилией, была только русской, принадлежала к числу тех немногих фамилий, которые сильно спешили вперед, разумеется относительно. При царе Иоанне Васильевиче в первый раз начинается это напряженное внимание русских людей к Западу, искание там новых начал, которые могли бы восстановить русскую жизнь. Понятно, что если сам царь привился к этим новым началам, то между людьми ему близкими должно было повторяться то же самое явление, и, действительно, между близкими Годуновым и Романовым видим это стремление к новизне. Известно, какие широкие планы составил Борис Годунов, чтобы перевести Россию к новому, и как современники, жалевшие о старом, жаловались, что при царе Борисе началось движение к новому, движение, начавшееся со внешности — с того, что при царе Борисе начали ходить иноземному: русские люди начали брить бороду. Романовы точно так же отличились любознательностью, которая действительной была тогда только для людей высокопоставленных. Любознательность эта выражалась в стремлении сблизиться с иностранцами, разузнать от них кое-что и кое-чему научиться; и вот выступают Романовы, как люди развитые, по-нашему. Таков Федор Никитич, который был патриархом поневоле, таковы

были его братья, единственный племянник, который остался, Никита Иванович Романов,—все они отличались, по свидетельству неоспоримому, как тогда выражались люди, преданные старине, «пристрастием к новшеству, к иноземному». Понятное дело, что эта династия уже с такими фамильными преданиями приходилась всего более ко времени, что эта династия должна была произвести ту перемену, которую жаждал народ. Все зависело от того, кто будет в этой династии так силен, чтобы мог ускорить перемену и усилить ее успех. Но мы должны ожидать, что каждый член этой династии будет действовать в духе времени и вести народ к переменам. Действительно, при царе Михаиле, несмотря на чрезвычайную мягкость этого лица, его, так сказать, бесхарактерность, мы видим фамильное движение. Несмотря на печальную обстановку, на разорение государства в Смутное время, на недостаточность финансовых средств, видим, что правительство Михаила старается вводить перемену—преобразовать войско, учить ратных людей иноземному строю, и в то же время видим, что Михаил рвется из Кремля, ему тесно здесь, он привыкает к новым потребностям, он любит жить вне Москвы—в народном селе Покровском. Царь Алексей Михайлович еще более любит выезжать из Москвы, он также живет в пригородных селах—в Измайловском, Коломенском, Алексеевском, преимущественно в Измайловском. Кроме того, является еще одна резиденция под Москвой—село Преображенское с домом царским.

Здесь-то теперь, после смерти Алексея Михайловича, живет его опальная вдова с ребенком, Наталья с Петром. Эта (далее строчка неразборчива.—*Ред.*) так сильно во дворце не могли не потревожить покой царевен, предназначенных к монашеской жизни. Но, как нарочно, эти царевны были энергичны, кипели жизнью. Они никак не хотели согласиться на это затворничество. Они хотели жить, действовать и наслаждаться жизнью; и самая энергичная из них была Софья Алексеевна. Она воспользовалась всеми благоприятными обстоятельствами, которые представляла ей новая обстановка при дворе; она училась у Симеона Полоцкого и выучилась; она узнала иностранные языки, она стала упражняться в переводах с иностранных языков.

Она, как говорят, принимала участие и в театральных представлениях, бывших во дворце. Такая живая девушка, разумеется, не могла перенести и мысли о том, что вся жизнь, столь привлекательная, веселая, должна кончиться и что уже конец ее был близок, когда во дворец явится мачеха, когда, следовательно, все влияние падчериц должно будет пасть и царица опять установит свою волю для падчериц. Царь Феодор—человек больной, слабый; тем более он нуждался в семейном уходе, нуждался в помощи сестры, и царевна Софья—первая при больном брате. Она не

покидает его; при ней приходят к царю бояре с докладами о делах. Царевна не может не слушать этих докладов; она знакомится с делами, знакомится с людьми, и с некоторыми очень близко. Таким образом, все эти отношения, более или менее непредвиденные, содействовали, однако ж, к тому, чтобы была сильная смута. Царь, молодой человек, слабый, умирает без потомства. Второй брат по старшинству должен быть его преемником, но он слаб и физически, и умственно; третий брат, очень здоровый и умный мальчик,—ребенок, но он притом от мачехи. Во дворце — целая толпа царевен, которые думают только о том, чтобы удержать свое положение, чтобы не быть запертыми, и это желание превращается у них в самое страстное желание, ибо они уже извели всю прелесть власти и всю обстановку власти, а между тем теперь чувствуют над своей головой постоянно меч: вот умрет брат, устроят его одноматерного брата, отдадут престол сыну мачехи, и им предстоит монастырь, где им придется погребсти себя заживо, отказаться от тех удовольствий, которые они уже испытали.

И как нарочно, это предстоит существам энергичным, подружившимся с жизнью и с ее наслаждениями. И вот страшная минута действия наступила: царь Федор Алексеевич умирает. Тщетно семья его старалась женить, чтобы он умер, оставив по крайней мере потомком сына, во имя которого можно было бы продлить порядок вещей.

А между тем большинство бояр, духовных знатных, весь народ московский, который ближе знал придворные дела,— все это требует, чтобы неспособный Иван был отстранен и выбран в цари царевич Петр, и требуют так настойчиво, действуют и проводят свое дело так упорно, что царевич Иван был отстранен и выбран царевич Петр. Значит, то, чего так боялись Милославские, чего так боялись царевны, чего боялась самая видная из них — Софья,— все это совершилось. Царь — сын мачехи; но он ребенок, следовательно, управительницей будет опять ненавистная мачеха. Уже поскакали гонцы... едет из ссылки тоже человек ненавистный — Артамон Сергеевич Матвеев, который заправлял всем прежде и который был так тяжел для Милославских, для всех тех, которые примкнули к детям первой жены царя Алексея; хорошего, следовательно, нечего было ждать для царевен, тем более что они уже дали почувствовать мачехе злобу свою. При царе Федоре они уже отплатили ей; теперь, следовательно, мачеха воспользуется своим положением и прежде всего отстранит враждебных падчериц, чтобы они не мешали ей. Отстранение это обычно законно в глазах всех; царевнам не за кого выйти замуж: иностранные женихи — иноверцы, а своих нет, и им остается идти в монастырь. Я уже сказал, как эта мысль тяготит всех, и преимущественно Софью,— отказаться от жизни и заклю-

читься заживо в монастырь. Нет. Понятное дело, что царевны, и в особенности Софья, употребляют все средства, чтоб отклонить от себя удар, чтоб удержаться в прежнем положении. Это положение их было положением человека, который чувствует в себе полноту жизни, полноту сил, но которого тащат погребсти заживо. Понятно, как он защищается, как он отталкивает от себя тех, кто хочет его заживо погребсти, как он отчаянно борется.

Так отчаянно боролись и несчастные царевны. Да, им чрезвычайно трудно было не поддаться искушениям употребить всевозможные средства, чтобы удержать свое положение, и вот они с помощью своих родных по матери, Милославских, и некоторых других людей, которые хотели пробиться посредством какого-нибудь переворота, устраивают известный стрельцкий бунт. Они побуждают стрельцов ворваться в Кремль, ко дворцу, под предлогом, что Нарышкины, родственники вдовствующей царицы, умертвили или умерщвляют царя Иоанна, истребить этих Нарышкиных, Матвеева и главных приверженцев Натальи и потребовать коронования старшего царевича, обойденного. Именем этого старшего царевича, неспособного, хотели править царевны, преимущественно Софья, и возвратить себе прежнее положение. Замысел удался. Стрельцы ворвались в Кремль, наполнили его кровью, истребили братьев царицы, убили Матвеева и других близких к царице лиц и потребовали, чтобы Иоанн был коронован вместе с Петром, потребовали двоевластия; ибо Петра, которому присягнула вся Россия, трудно было отстранить, потребовали также, чтобы по малолетству царевичей управление приняла Софья, следовательно, с устранением Натальи Нарышкиной.

Старое положение благодаря этому стрельцкому бунту было восстановлено, где царевич Петр, несмотря на то что теперь был уже царь (так как был коронован), был по-прежнему царевичем опальным. Только при торжественных церемониях, приеме посольств, ездили во дворец, сажали на серебряный престол рядом с братом, а потом он удалялся в свой печальный дворец, где прежняя тревожная жизнь, постоянно печальный образ матери, жалующейся на свои бедствия и на своих врагов.

Но из этих первых дней своего царствования Петр вынес еще другое чувство. Этот ребенок мало того, что пережил переворот, повергнувший его опять в печальное положение, этот ребенок перенес ужасные впечатления, которые оставляют след и в человеке взрослом, а в младенце действуют еще ужаснее, — он перенес страшный бунт стрельцов, которые самых близких к нему людей, родных дядей, истребили самым варварским образом, второго отца его матери, ее воспитателя и благодетеля бросили на копыя. Говорят, сохранилось предание, что маленький Петр присутствовал при этих кровавых сценах, не выражая никакого ужаса,

никакой скорби, оставаясь вполне неподвижен. И это явление было страшное явление. Лучше было бы, если бы ребенок поступил по-человечески, если бы он испугался, кричал, плакал, бросался из угла в угол. Но эта холодная неподвижность была страшным признаком. Все это пережитое впечатление было принято и сохранено в сердце ребенка. Вот, следовательно, как воспитывался человек, которому суждено было царствовать и которому суждено было быть Преобразователем. В самых нежных мечтах, когда человек требует самого основательного ухода, наш ребенок был свидетелем ужасных сцен, сцен самых раздирающих. Убийство братьев матери, терзания и убийство второго отца — эти сцены не забываются никаким человеком, а тем более человеком, который мало был способен что-либо забывать, а таким был Петр.

ЛЕКЦИЯ 16

Мы видели, как воспитывался Петр. Мы понимаем воспитание в обширном смысле, разумея под ним ту обстановку, которая окружает ребенка и которая, разумеется, имеет громадное влияние на весь склад его природы, на все его образование, как духовное, так и физическое, и потому эта обстановка должна была быть на первом плане в воспитании. Эта обстановка в воспитании Петра, как мы видели, была самая печальная, самая разрушительная в нравственном и физическом отношении, ибо воспитывали в ребенке человека раздражительного, человека, который с самых нежных лет — с детства — уже был привыкшим к явлениям, которые должны были быть устраняемы при воспитании: ненависть прежде всего должна была наполнять младенческое сердце, ненависть к людям близким, ненависть к родным. Ребенок живой обыкновенно любит мечтать, любит представлять себя героем, действующим лицом в известных отношениях, преодолевающим известные трудности, возрастающие силы тревожат его и требуют, если не на деле, то в мечтах, упражнения их. О чем же мог мечтать этот ребенок?

Разумеется, главным предметом его мечтаний было то, что когда он вырастет, то уничтожит этих врагов, этих людей, которые наделали столько зла ему, его матери, этих беззаконников, которые подняли бунт, которые истребили столько невинных людей. Но быть может, эта печальная обстановка, эти страшные впечатления, встретившие Петра в начале его жизни, находили какое-нибудь противоядие? Быть может, около Петра были люди, которые старались утешать возбужденное в нем разрушительное чувство, которые старались отвлекать его от этих кровавых помыслов и мечтаний, старались отвлекать его занятиями серьезными, питательными? Нет! К несчастью, этого ничего не

было. У старших его братьев был по крайней мере учитель, Симеон Полоцкий, который мог вести более или менее систематически дело воспитания в смысле обучения, у Петра и этого не было. Его выучили читать да писать, и все этим покончилось; никто не хотел заниматься его дальнейшим образованием ни при царе Феодоре, ни при правительнице Софье. Понятно, что правительница не хотела давать этому ненавистному брату средств подниматься и воспитываться, как следует, и мальчик был предоставлен совершенно самому себе. Поэтому только чрезвычайно богатой натуре ребенка можно было отыскать противоядие той печальной обстановке, которая окружала его детство и в которой он воспитывался.

У ребенка была страшная энергия, страшная жажда знаний. Эта страшная энергия, разумеется, не позволила ему долго оставаться во дворце при матери, эта страшная энергия заставила его сейчас же окружить себя живыми мальчиками и играть с ними в военные игры. Как царь опальный, Петр должен был окружить себя людьми без выбора, и это самое обстоятельство уже приготавливало в нем человека, который во всю свою жизнь любил брать сотрудников отовсюду. Упражняя свою необыкновенную проницательность до такой степени, что, как уверяют современники, которым мы не можем не верить, потому что имеем доказательства, Петр умел с первого взгляда узнать способного человека. Он собрал себе товарищей в играх отовсюду, преимущественно из нижней дворцовой служни и из молодых конюхов, и составил себе таким образом свою особую дружину. Но одними военными играми Петр не мог ограничиться, потому что подле этой страшной энергии, которая требовала физического движения, у него существовала эта страшная пытливость, это возбуждение, благодаря которому он не мог пройти мимо какого-нибудь предмета, не остановив на нем своего внимания, особенно если этот предмет чем-нибудь отличался от других; возбуждена его любознательность — дело кончено: ребенок требует, стремится к тому, чтобы вполне узнать свойства этого предмета.

Понятно, что, не имея учителей, ребенок должен был удовлетворять своей любознательности сам, сам он должен был искать учителей, искать людей, которые рассказали бы ему что-нибудь любопытное, которые показали бы ему что-нибудь новое, которые научили бы его что-нибудь делать. При такой пытливости, при такой жажде знаний Петр не находил себе удовлетворения между окружающими, между русскими людьми, он должен был обратиться к другим людям, которые могли удовлетворить его жажды; эти люди были тут, подле него, — это были иностранцы, населявшие так называемую Немецкую слободу.

Мы видели, что стремление к сближению с Европой началось давно, как только Восток мог позволить русским людям

вздыхнуть свободно и обратить свое внимание к Западу. По своему происхождению русский человек, русский народ не мог остаться в китайской замкнутости, предпочитая себя всем другим народам; как только он увидел иностранцев, которые превзошли его знанием, искусством, умением, он тотчас же возымел желание призвать этих иностранцев и выучиться от них тому, что они знали. Отсюда Москва все более и более наполняется этими иностранцами, и при вступлении новой династии большинство этих иностранцев составляют наемные солдаты, офицеры, генералы, которые приглашены в русскую службу не только помогать русскому войску, но и обучить русских людей, русских ратников иностранному строю. Эти иностранцы жили в особом помещении около Москвы, в так называемой Немецкой слободе. Здесь жили эти наемные воины разных чинов, тут же жили разные ремесленники, которые были необходимы для двора и бояр. Таким образом, Западная Европа выслала навстречу шедшей к ней России этот авангард, эту группу, которая должна была прежде всего познакомить русских людей с Западом. Понятное дело, что это долговременное страдательное пользование западным искусством, западным знанием могло быть только вредно для России; чтобы русскому народу развить свои силы и получить важное значение историческое, важное место в кругу других исторических народов, нужно было переменить это страдательное отношение в действительное, нужно было вдвинуться самому в западные народы и принимать участие во всех отправлениях их жизни. Это-то движение мы и называем «Петровским переворотом» или «Преобразованием». Но и в древней России пользовались по возможности образованием западным, сознавая превосходство этого Запада,— доказательством служит эта Немецкая слобода, которая разрасталась все более и более; Немецкая слобода, доказывающая невозможность обойтись без западного войска, без западных художников, ремесленников.

Понятно, что вместе со своим народом и Царь-Преобразователь должен был сначала пройти эту школу, подвергнуться этому страдательному пользованию западным искусством и потом уже в силу своей энергии, своей воли выйти на действительное пользование. И вот Петр при своей жажде знаний, своей пытливости должен был обратиться к людям, которые много кое-чего нового могли ему порассказать, могли выучить его чему-нибудь, ибо учителей у него не было. Здесь заключается одна из причин, почему Петру принадлежит именно эта роль преобразователя, вводителя светских наук, светского знания в России, почему ему принадлежит это разделение занятий, это развитие нашей истории, заключающееся в том, что знание духовное, церковное, знание религиозное отделяется от знания светского. Древняя Россия отличается именно тем, что разделения занятий относи-

тельно знания, науки не было, учитель был духовный; с Петра начинается это разделение, что подле учителей церковных, религиозных являются учителя светские, учителя знания светского. Почему именно Петр сделался способным к этому, мы видим в способе его воспитания: он даже не имел учителя духовного; при нем не было учителя-монаха, какой был при его старших братьях; он должен был искать учителей, искать людей, у которых мог заимствовать кое-что относительно знания, и прямо должен был броситься к этим иностранцам, которые наполнили Немецкую слободу. Понятно, почему Петр, раз попавший в Немецкую слободу, окружив себя здесь людьми, которые могли его научить чему-нибудь, остался здесь и пристрастился к этой слободе.

Что же это были за люди, которые окружили Петра в Немецкой слободе и к которым он так пристрастился? Это были казаки Западной Европы. Объясним это название, употребленное нами. Мы знаем, что в каждом государстве живом образуется известная масса людей, которым почему-нибудь тесно в обществе. Эти беспокойные силы если долгое время удерживаются в обществе, то обыкновенно происходят движение, волнение. Беспокойство этих сил происходит от недовольства известным положением общества; недовольство бывает двояко и по двояким причинам: материальное и нравственное. Человек недоволен, когда он не имеет достаточно средств к жизни, когда его потребности превышают средства, ему данные в его положении; недовольство нравственное происходит от различия во взглядах, убеждениях с большинством. В древнее время это недовольство нравственное происходило преимущественно вследствие различия религии, вследствие отступления в религиозном веровании от верования большинства. Впоследствии это недовольство происходило вследствие различия политических взглядов и социальных условий. Часто все эти причины соединялись — причины материальные и нравственные, и смотря по натуре человека одни служили побуждением к развитию других.

Все общества живые, как Древнего мира, так и Нового, указывают на существование подобных людей, которые производили иногда большие движения, сильные перевороты. Общество, государство бывает спокойно, освобождаясь от этих беспокойных сил, когда есть возможность им удалиться из государства. В Западной Европе огромное количество беспокойных сил было удалено знаменитыми крестовыми походами, и известно, как чрез это удаление развились особенные формы жизни. Впоследствии эти силы нашли себе выход в так называемых наемных войсках. Все люди, которым было тесно почему-нибудь в обществе, которые были недовольны своим положением, между тем были сильны физически, которые

развились в нужде, в подвигах для снискания насущного хлеба,— все эти люди охотно поступали в дружины, которые нанимались в разных государствах. Особенно явление это имело место при развитии денежных средств: короли нанимали эти войска и действовали независимо от землевладельцев. Таким образом в Западной Европе образовались в известное время дружины, шайки наемных войск, которые представляют такое же явление, какое в Восточной Европе представляли Польша и Россия в своих казаках. Это были люди, которым было душно в обществе, которые волей или неволей уходили из общества и в степях составляли эти военные казацкие братства. Вот почему я и назвал тех иностранных выходцев, которые населяли Немецкую слободу, западноевропейскими казаками. Впоследствии когда эта возможность выхода прекратилась, когда национальное войско в каждом государстве заменило прежнее наемное, то для этих беспокойных сил Западной Европы оставался выход: это переселение за океан, переселение в новооткрытые земли. Умеренное переселение было выгодно для государства, потому что оно удаляло беспокойные силы и оставляло государство в покое; неумеренное переселение истощало государство, как это видно из примера Испании, которая потеряла свое значение, свою силу и могущество именно вследствие такого неумеренного переселения в новооткрытые земли. В наше время мы видим то же явление: лишние силы, которые не могут быть покойными, потому что они лишние, удаляются за океан, в Америку. Любопытно, что после каждого революционного движения, если этот переворот не удался, как того желали люди, его производившие, всегда имеет место переселение.

Таким образом, общественный организм имеет большое сходство с положением нашей планеты—Земли. Внутри Земли есть вулканические силы, которые, если не находят выхода посредством огнедышащих гор, производят разные потрясения, землетрясения, новые формы на земле; точно так же в государстве, обществе скопление беспокойных сил производит переворот, если эти силы не находят себе выхода, подобного хотя крестовым походам, наемным войскам, переселению за море, а у нас переселению в степь—в казаки. И если мы отмечали, говоря, что в нашей истории главное препятствие развитию народа заключалось в обширности пространства и не соответствующем этому пространству количестве народонаселения, то возможность переселения в степи и ближайшие малонаселенные страны, этот простор еще более усиливал эти неблагоприятные обстоятельства.

Это переселение, с одной стороны, было выгодно для правительства в том отношении, что эти беспокойные силы оставляли государство, но, с другой стороны, вместе с людьми, которых

выгодно было выжить из государства, уходили и рабочие силы, которые выгодно было удерживать. Эта огромность государственной области, это присутствие подле зерна государственной области пустынных земель по Волге, например, вся эта Северная Азия, вся эта Сибирь — сколько сил они отвлекали от центра! Так что в этом отношении Россия представляет большое сходство с Испанией, и Россия именно только тогда начинает устраиваться, когда эта громадность государственной области хотя несколько наполнялась народом; когда прекратилось это движение в степь, а до тех пор все еще большую часть народонаселения мы видим в кочевом состоянии, видим в движении, движении волнообразном и нетвердом: при нем не могло быть никакого твердого порядка вещей. В конце нашей древней истории, после бедствий, которые испытало Московское государство от казаков, от этого степного населения, опрокидывавшегося иногда на народонаселение оседлое, твердое, так сказать, на народонаселение трудолюбивое, в конце нашей древней истории, говоря, нуждаясь в знании, искусстве западном, Россия начала приглашать к себе этих западных казаков, этих людей разгульного характера, которым почему-либо было тесно в отечестве и которые искали более привольной жизни в чужих странах. Эти-то искатели приключений, пришедшие с Запада в Московское государство, и населяли Немецкую слободу. Но преимущественно здесь были военные люди, эти известные нам наемники.

Вы легко поймете их главный характер, если обратить внимание на то, что они были выходцы из разных стран. Главной чертой их характера был космополитизм. Где хорошо, там и отечество — вот их принцип.

Только некоторые не отличались этим космополитизмом, именно те, которые должны были оставить свое отечество по религиозным побуждениям, так, католики, которых гнали в Англии и Шотландии, оставляя свое отечество, поступали в наемные дружины, но они оставались по-прежнему англичанами и шотландцами. Другие более или менее носили именно этот космополитический характер. Потом, это были люди — искатели приключений, люди, которые жили одним днем; они оторвались от родной почвы и носились, так сказать, по ветру в различные страны.

Но это были также чрезвычайно развитые в известных отношениях люди именно потому, что много видели, многое и переиспытывали; это были люди любопытные, так сказать, люди, с которыми было занятно поговорить, они могли много рассказать замечательного. Чего только они не видели! Где они только не были! Чего они не испытали! Если ребенок сколько-нибудь пытливый не может отстать от няньки своей, которая рассказывает ему сказки и особенно действительные похождения, с какой

страстью он слушает эти рассказы! То же самое происходит и с людьми взрослыми, когда они встречаются с людьми, которые могут рассказать много вещей, которые они сами видели, много происшествий, которых они были участниками. Такие-то люди преимущественно и населяли Немецкую слободу, и понятно, почему Петр, раз зашедши в Немецкую слободу, не мог оторваться от этих людей, от их рассказов.

ЛЕКЦИЯ 17

Прошедший раз я говорил о Немецкой слободе, об ее значении в нашей истории. Это было чрезвычайно характеристическое явление, которое указывало на то переходное время, которое знаменует XVII век нашей истории. Потребность сближения с Европой существовала, но для этого сближения существовали и препятствия. Прежде всего это сближение с Европой выразилось в этой страдательной форме: вызывали иностранцев, которым и поручали весь труд образования, и хотя при этом вызове заключали с ними условия, чтобы они не скрывали своего искусства от русских людей, учили бы ему русский народ, но это оставалось без последствий. Таким образом, Россия соединилась с Европой, так сказать, механически, теперь было сопоставление России с Европой, это сопоставление выражалось в Немецкой слободе. Жители Немецкой слободы, эти представители Западной Европы, жили подле Москвы; сначала они поселились было в разных частях Москвы, но потом по просьбе духовенства царь велел выселиться им в отдельную слободу. Но после этого страдательного заимствования плодов европейской цивилизации, после этого механического сближения, разумеется, необходим был второй шаг, так сказать, химическое соединение с западной цивилизацией. Для этого нужно было, чтоб русские люди сами вторгнулись в Европу, самостоятельно и сознательно взяли то, что было нужно, превратили бы эту европейскую цивилизацию в собственную плоть и кровь. Немецкая слобода была, по известному Евангельскому выражению, «новая заплатка на ветхом рубище»; нужно было перешить это ветхое рубище на новое, чтоб исчезла и эта заплатка. Потребности существовали и выражались чрезвычайно сильно, затем эти новые потребности вторглись во дворец, в палаты вельмож и начали с внешних удобств, украшений. Но эти потребности высказывались, но не было силы, не было гения, который бы двинул Россию в Европу, положил бы конец этому страдательному заимствованию плодов европейской цивилизации и переменял бы страдательное в действительное.

Но такой гений наконец явился, это был Петр. В этом отношении, как мы видели, ему чрезвычайно много помогло его печальное воспитание. У него не было учителей в детстве, и он выбежал

на улицу, сделался уличным мальчишкой, набрал себе из низшего сословия толпу сверстников, с которыми играл в войну, как любят играть живые, сильные мальчики; но русская улица была грязна не в одном только материальном смысле, но и в нравственном, поэтому воспитание маленького царевича на улице, среди сброда людей, из которых многие были сильны духовными средствами, но получили очень печальное воспитание, воспитание царевича, говорю, не могло быть очень нравственным и очень чистым. Здесь он приобрел большинство тех привычек, которые в Западной Европе делали его дикарем. Но и на русской улице этому богатырю стало тесно. По самой близости того места, где он жил, он должен был рано заглянуть в Немецкую слободу и сблизиться с тамошним народонаселением. Я уже охарактеризовал это население—это были казаки Западной Европы, это были искатели приключений, оторванные от родной почвы, много странствовавшие, много испытывавшие полиглоты.

Большую частью они не получили хорошего школьного образования, но они заменяли этот пробел в своем образовании своею многоопытностью, тем, что видели много, много испытали. У них в запасе всегда было много рассказов о землях, о народах, которые они встречали в своей многотрудной жизни. Понятно, что любознательный царевич Петр должен был, не спуская глаз, слушать эти любопытные рассказы о диковинах европейской цивилизации. Все ему там понравилось: и люди, которые могли ему так много рассказать любопытного из нравов, обычаев, и эта веселость человека, который живет день за день, который нынче имеет деньги и тратит их, а завтра впадает в крайнюю нужду и терпит крайние лишения, чрезвычайные трудности. Понятно, что человек самый веселый в этом обществе, самый развитой, человек, который мог рассказать более и лучше других разные диковинки, который мог рассказать живее других, такой человек приобретал над молодым царевичем огромное влияние; таким-то и был между этими пришельцами, иностранцами, населявшими Немецкую слободу, женевец Лефорт. Будучи родом из Французской Швейцарии, Лефорт отличался французской живостью, любезностью, симпатичностью. Он не отталкивал от себя ничем, он шел навстречу и очаровал своей веселостью, любезностью, своей развитостью, наконец, как француз, своей болтливостью. Что всего нужнее для маленького царевича, это рассказы, а Лефорт, как француз, любил рассказывать, был неистощим в своих рассказах, качество, которого не имели немцы, голландцы. Понятно, почему маленький Петр так пристрастился к Лефорту.

Мы, разумеется, должны оставить старинные, этические, так сказать, воззрения на отношения Лефорта к Петру. Петр представлялся тогда на ходулях, чтобы его повесить, хотя он и так

высок, он представлялся каким-то сверхъестественным существом, и, чтобы окружить его соответственно этому представлению, сделали из Лефорта Ментора, какое-то особенно высокое нравственное существо, и сделали его учителем, наставником Петра. Но этого не было на самом деле. Лефорт был человек умный, развивший свою способность жить в наемной дружине, в странствовании,— он не мог быть учителем Петра, не мог передать ему знаний, потому что не имеет их сам в достаточной степени, чтобы быть учителем. Но он обворожил Петра, будучи представителем этой дружины, этих искателей приключений, обворожил своим умением порассказать виденное, слышанное.

Однако Лефорт, бесспорно, был умен и должен был иметь большое влияние на молодого Петра; он передавал ему свои взгляды на предметы, он заставлял принимать его то или другое решение, когда Петр был молод, когда в нем не окрепло еще сознание. Но во всяком случае это был преимущественно друг молодого царевича, человек необходимый для молодой, кипучей природы, какой был Петр. Особенно привлекала Петра эта веселость, способность быть хорошим собеседником, способность развлекать. Понятно, что Петр при этой, так сказать, хаотичности своей природы, где добрые начала еще боролись с дурными (а борьба в этом случае принимает иногда обширные размеры, смотря по широте природы человека), понятно, говорю, что Петр несколько образовывался даже в обществе Лефорта. Что касается до ученья собственно, то, разумеется, Петр мог найти между жителями Немецкой слободы несколько таких людей, которые могли ему преподать кое-что из школьного учения, чему они научились в Западной Европе, они кое-что помнили и могли передать это молодому царевичу. Ученье исходило таким образом: вдруг молодой царевич увидит вещь, которая обратит на себя его внимание своей диковинностью, своей невиданностью, Петр непременно хочет, чтобы объяснили ему употребление этой вещи, между русскими он не находил такого, который объяснил бы ему, и он обращается к иностранцу. Тот объясняет и становится, таким образом, его учителем, или, как тогда выражались, «берется ему в компанию». Петр был действительно вождем этой новой дружины, которую, по тогдашнему выражению, называли «компанией». Все эти люди, живые, сильные, способные, в обществе которых Петр находил удовольствие,— русские и иностранцы — стоят около Петра и составляют знаменитую «компанию». В этой-то компании Петр проводил все время и действительно брал уроки у того, кто только мог сообщить ему сведения, знания; но в то же время пировал в этой компании — одним словом, жил, как жилось в Немецкой слободе, среди этих людей, оторванных от своей родной земли, людей, которые старались жить как можно веселее.

И вот поэтому естественно необходимо Преобразователь перешел из дворца, откуда гнала его скука и печаль, в Немецкую слободу и здесь получил практическое образование, резко отличавшееся от образования его братьев, которые учились у монахов и получили церковное школьное образование, тогда как Петр получил образование с чисто практическим характером; он получил, выражаясь современным термином, именно реальное образование в противоположность классическому, которое получили в польско-латинской школе от западнорусского монаха его старшие братья. Но понятно, что это реальное, практическое образование Петра делало его способным к совершению этого переворота, который мы называем преобразованием и суть которого заключалась именно в этой практичности, реальности. Нужно было, как мы уже сказали, прежде всего узнать что-нибудь, успеть приложить это к делу. Чтобы приобрести науку, возможность твердого и широкого образования, нужно было прежде завоевать это образование, а для этого нужно было выучиться поскорей тому, что давало способы к этому завоеванию.

Если бы образование России шло путем XVII века, шло тем путем, каким шло оно при царе Алексее Михайловиче, тогда, разумеется, и преобразование имело бы совершенно иной характер; или, вернее, преобразования не было бы, оно было бы отсрочено, и вредные последствия этой отсрочки преобразования были бы неисчислимы для России. Но мы видели, как медленно шло дело образования, как начиналось оно сверху и в каких малых приемах всасывалось, вбиралось это образование обществом; мы видели также, с какими предосторожностями оно является с характером польско-латинской школы. Грамматика древних языков, риторика, философия, по тогдашнему понятию схоластическая философия — все это, разумеется, не могло дать России именно того, в чем она прежде всего нуждалась, не могло дать ей тех сил, с которыми она могла бы завоевать себе образование и завоевать почетное место среди других европейских государств. Для этого нужны были не монахи, но искусные офицеры, артиллеристы, инженеры, люди, способные обучать войска, строить корабли, крепости, проводить дороги, заводить фабрики, заводы и так далее. Это были вещи первой необходимости, следовательно, повторяю, нужно было это образование, которое теперь мы называем реальным. Для укрепления образования между русскими, разумеется, этого образования реального было недостаточно; нужно было другое — высшее, но это высшее образование могло прийти только с помощью того образования, которое мы называем реальным, а если бы завели не одну, а несколько школ с характером Греко-латинской академии, то дело преобразования, дело, которое совершил Петр, не могло бы совершиться. Вот почему чрезвычайно было важно то, что Петр

должен был бежать из своего дворца, где не мог получить никакого образования; выбежать на улицу, в Немецкую слободу, где самоучкой начал получать реальное образование, которое соответствовало натуре и которое сделало из него человека, заведшего в России громадную фабрику, где тотчас же начали выделывать разного рода необходимые вещи.

Тут же во время этого отрывочного, самоучкой реального образования Петр пристрастился не к морю, этого нельзя сказать, потому что моря не было, но к воде вообще, к постройке судов. Он нашел в каком-то старом сарае * бот, сейчас же расспросил, для чего употребляется судно, велел реставрировать его и спустить на воду. И тут-то дал он ход своей страсти к мореплаванию. Бот спускают на Язу, но река узка, бот спускают в Просяной пруд. Страсть Петра все более и более разгорается, и вот мы видим его на Переяславском озере, но потом и это озеро стало ему тесно, посмотрел он на Кубенское—то было мелко, и вот он отправляется к единственному морю, которое было доступно России,—к Белому морю. Здесь он закладывает в Архангельске верфь, спускает корабли и пишет: «Что давно желали — ныне совершилось».

В этой страсти к морю, к постройке судов выразилась также способность Петра удовлетворять главным потребностям народа, народа, который от степей поворачивал к морю, от бесплодных степей разворачивал к той стихии, которая соединяет народы, развивает их трудом промышленность и торговлю. Я говорил, как естественно необходимо русские люди Петра еще должны были получить высокое понятие о море, необходимом для того; народ вышел из печального положения и приобрел те средства, которыми славились другие, заморские народы. Русский человек видел, что самые развитые, богатые иностранцы, которые приезжали в Россию, были заморские немцы, англичане, голландцы. Ганзейские немцы, которые отличались мореплаванием, ходили на судах своих в отдаленные моря и добывали не только богатства, но и развитие, умение вести дела. Вот почему Иван IV так добивался моря, мечтал об нем и Борис Годунов, а Алексей договаривался с Курляндским герцогом, не позволит ли тот в своей гавани построить русский корабль, но получает неудовлетворительный ответ. Алексей Михайлович в этом необходимом стремлении к мореплаванию хотел построить корабль, хотя бы для Каспийского моря. Со страшными препятствиями этот корабль был построен на реке, переведен на Волгу и пошел к Астрахани, но там был сожжен Степаном Разиным. Вы видите, следовательно, в каких понятиях родился и воспитывался Петр; все около него говорило о необходимости приискать новые

* В измайловских сараях, где складывались старые вещи (*Примеч авт*)

средства, новые силы, начать новую жизнь; все толковало о том, что Россия бедна, что не может она равняться с другими государствами, что вот самые сильные народы—это заморские, самое блестящее царствование, о преждевременном окончании которого жалели,—это было царствование Алексея Михайловича; но что же такое в нем могли указать для молодого сына Алексея Михайловича? Это именно старание отца ввести новое войсковое устройство, построить флот, воевать со шведами, осаждать Ригу—и все это оканчивалось вздохом, что это не увенчалось успехом, что Алексей Михайлович при всей своей мудрости, благонамеренности, при всем стремлении к лучшему не мог ничего сделать; он умер преждевременно.

Значительнейшие вельможи, богатые вельможи учили детей своих, вызывали из Малороссии учителей, украшали свои комнаты разными заморскими зеркалами, картинами—все это внушало мысль о превосходстве быта иностранного пред русским, и таким образом все хорошее представлялось русским в виде иностранного, а свое являлось, следовательно, печальным, недостаточным. И вот в таких-то понятиях воспитывался этот энергический мальчик, который не знал препятствий своей воле, который, увидев вещь, непременно хотел изучить ее, который, пожелав чего-нибудь, хотел исполнить это.

Но теперь, когда Россия так жаждала моря, человек, рожденный, чтобы совершить это желание народа, человек этот является с этою же самою страстью к плаванию. Главная утеха Петра—это плавание на воде, для чего он хлопочет о постройке судов и о приобретении искусства в этой постройке. Сюда присоединяется эта физическая потребность страшной силы, требованье упражнения; но ничто так не удовлетворяет сил человека, как борьба с стихийными силами, а самая опасная стихия, которая противоборствует человеку,—водная стихия. Пуститься на утлом челне на эту стихию, искусно побороть ее, сделать ее безвредной—это чрезвычайно льстит силам человека, а так как Петр отличался необыкновенными силами, нравственными и физическими, то естественно увлекался к этой последней борьбе, борьбе с водой, и побеждал ее. Борьба с дикими животными, обуздание лошадей, что нравится человеку в диком состоянии, не могло удовлетворить Петра; он хотел пробовать свою силу, упражнять ее в борьбе высшей, в борьбе с водной стихией. Природа его требовала воды, моря: он был весел и спокоен, когда находился на корабле, на воде; самым приятным событием для него было то, когда он находился на корабле, лодке—на море, на реке. Он любил по широте своей натуры пространство, безграничное водное пространство; ему было тяжело в горах, всего приятнее для него было быть на широком водном пространстве. Следуя своей природной

потребности и тому положению, которое окружало его с детства, Петр должен был пристраститься к морю. Море, корабль для всех образованных людей России были символами силы, богатства, развития, были символами, словом, цивилизации.

Понятно, почему Петр является прежде всего корабельным плотником, шкипером, адмиралом. Но где же было удовлетворять ему этим стремления личным и вместе потребностям народа? И вот Петр почти беспрестанно находится на Белом море, куда корабли могли приходиться, но только на короткое время, поэтому Белое море было тесно для Петра; он мечтал о другом море, которое непосредственно приводило его к цели. Но мечтать долго не приходилось, да он и не любил мечтать, он любил делать. Прежде всего он должен был порешить свои семейные и правительственные дела. Правительство представляло странную, дикую форму двоевластия или, вернее, троевластия: около двух царевичей была правительница, царевна Софья. Софья, главная из сестер Петра, выдавалась по уму и способностям, она устроила дело так, что подле Петра был поставлен одноутробный брат его, Иван, и так как он был не способен, а Петр был молод, то царевна вытребовала правление для себя, чтобы не допустить мачехи. Но царевна очень хорошо понимала, что это только на первый раз, что она сама вышла из опасности только на время—новое положение не представляло ей ручательства за продолжительность. Я говорю, форма правительства была странная. Иван скоро должен был умереть по слабости своего здоровья, Петр все подрастает—а как вырастет он, что будет с правительницей? Понятно, что Петр, как заклятый враг ее, отрешит ее и опять предстоит ей монастырь: воля всех царевен должна будет кончиться, а ее преимущественно. От такой власти, от таких наслаждений жизни она должна будет удалиться в монастырь. Для чего же пролито столько крови, для чего устроен стрелецкий бунт? Софья должна была постоянно держать в мыслях, как бы продлить свое положение и сделать его всегдашним.

ЛЕКЦИЯ 18

Я сказал, что положение Софьи было страшное: она должна была увлечься самыми черными мыслями. Некоторые приближенные люди, выведенные ею, которые могли надеяться на власть только при ней, прямо высказывали, что для упрочения своего значения она должна решиться на самые крайние меры, и надо отдать справедливость и ей, и ее фавориту Василию Васильевичу Голицыну, что она, несмотря на крайнюю опасность своего положения, не решалась на кровавые меры относительно Петра. Эти меры присоветовал им известный начальник Стрелец-

кого приказа Щегловитый, выведенный Софьей в люди из низшего слоя и потому не могший ожидать себе ничего хорошего с ее падением. Это был человек энергичный, который не дрогнул бы ни пред какими мерами. Москва представляла два лагеря: лагерь Софьи, людей, к ней приверженных, и лагерь Петра. Это были лагеря даже в буквальном смысле.

Софья полагалась на стрельцов, войско старое, войско, уже бунтовавшее. Это войско стрелецкое должно было бояться более всего нового, а новое должно было начаться с преобразования войска. Стрельцы, учрежденные при Иване IV, составляли постоянное войско. Они обязаны были постоянно находиться под ружьем. В Москве и других городах они составляли гарнизон, а в Москве отчасти и царскую гвардию. Стрельцы имели гражданский характер: жили они вместе с своими семьями и в свободное время занимались промышленностью, торговлей и таким образом соединяли обязанности военные с гражданской жизнью. Понятное дело, что войско не могло иметь такого характера. Рано или поздно стрелецкое войско должно быть преобразовано. Вот почему стрельцы являются защитниками старого. Они противятся преобразованию, потому что преобразование должно было коснуться их, и не в их пользу.

Петр окружил себя также войском. Это — старая его компания, масса которой состояла из придворных конюхов, вообще людей низшего разряда. Эти конюхи, эта дружина, эта компания была выучена Петром на европейский лад. Софья очень боялась этой компании, этой дружины своего брата. Она и ее приверженцы боялись, что Петр в одно прекрасное утро в челе этой дружины свергнет Софью и объявит себя царем самостоятельным. Софья и ее приверженцы старались поэтому чернить Петра в глазах народа, они указывали на благочестие Софьи Алексеевны и в противоположность указывали на потехи Петра, которые отличались шумным характером; указывали, что Петр перестал быть русским человеком, перестал исполнять требования, предписываемые в старом русском обществе, шумно гулял с иностранцами. «Здесь молитва,— указывали на Софью,— а там — вечные игры, шутки, там иностранцы». Но эти сравнения, эти внушения, которые почти сто лет тому назад могли повести к низложению Димитрия, теперь не могли произвести особенного вреда на человека, которого чернили в глазах приверженцев старого быта. В конце XVII века русские вовсе не были такими, какими они были в начале этого века, по крайней мере в известных слоях убеждение в необходимости перемены того или другого овладевало всеми. Сближение с иностранцами, из которых появились учителя, являлось естественно и необходимо. Большинство этих-то людей было на стороне Петра, именно большинство вельмож и горожан Москвы, ибо естественно было им видеть

в Петре законного царя, а в Иване видят несчастного человека, которого буквально присадили на престол брата и который, будучи постоянно болен, иссох, как тень; в правительстве Софьи видят постоянный захват власти, который должен кончиться с возрастом Петра, и если Петр не нынче завтра потребует провозглашения, устранения правительницы-регентши и признания своей самостоятельности, то, разумеется, чем же станут противодействовать ему его противники; ведь закон на стороне Петра.

Таким образом, Петр был силен своим законным положением, своими правами в глазах всех. Так как Петр выросал, мужал, то, разумеется, и в том, и другом лагере ждали с минуты на минуту, что Петр объявит свои права и низложит Софью. Софья приняла меры, чтобы не быть захваченной врасплох, но на стороне Петра не думали нападать. Дело кончилось естественно. Тогда как внимание было напряжено и все ждали начала схватки, то при первом шуме движения, при первом известии о волнении между приверженными к Софье стрельцами дали знать Петру, что Софьины стрельцы начинают. Петр бросился в лес и поскакал в Троицкий монастырь и отсюда объявил народу, что незаконное правительство Софьи не только не ослабляет своей власти, но еще злоумышляет на законного царя. Все большинство народа было на стороне царя. Масса стрельцов не решилась двинуться против Петра, а к Петру между тем в Троицкий монастырь на помощь двинулось дворянское ополчение, ополчение служилых людей, которое Петр призвал в монастырь. Поэтому-то стрельцы опасались открыто взять сторону Софьи: ведь они тогда представляли ничтожную часть сравнительно с дворянским войском и народом, в глазах которого Петр был законным царем. Поэтому-то стрельцы ничего не могли сделать против Петра и выдали тех своих членов, которые советовали употребить насильственные средства, которые были известны как поджигатели,—Щегловитова с товарищами. Софья должна была отдаться на волю своего брата, который велел ей пойти в монастырь. Дело кончилось тем, что она предвидела, против чего так отчаянно боролась. Петр сделался самостоятельным государем.

Сначала он продолжал свою прежнюю жизнь, но потом понемногу и сам он, и советники его должны были подумать о том, что потехи нужно переменить на серьезное дело. Было много фантастических предприятий, здравый смысл самого Петра и его советников (укажем, между прочим, Бориса Алексеевича Голицына) должен был удалить его от этих фантастических предприятий и направить на настоящее дело. В наследство от правительницы Петр получил турецкую войну. Эта турецкая война в политическом отношении знаменует границу между старой и новой Россией. Отсюда начинается новая эпоха в дипломатических отношениях России.

До сих пор внимание России мало было обращено на Западную Европу, оно поглощалось отношениями более близкими — к соседям. Татары, поляки, шведы — вот державы, отношения к которым поглощали все внимание государства Московского. Польша и Швеция представляли стены, которые отделяли Россию от Западной Европы, препятствовали всякому сближению России с этой Европой. Но эта стена в известном месте, в Польше, начала разрушаться сама собой и дала возможность соединения России с Западной Европой. Это огромное государство, Польское государство, очень похожее на Россию, но все же поставленное физически в благоприятные условия, вследствие политического своего строя ветшало и разрушалось само собой. Много было похожего между Россией и Польшей: оба были государства земледельческие, с слабым развитием торговли и промышленности, как во всех земледельческих государствах, ибо должны были кормить служилых людей непосредственно; и в Польше, и в России при окончательном образовании государства служилые сословия содержатся землею.

В земледельческом государстве является естественно необходимо стремление к тому, чтобы земледельческое население было прикреплено, дабы землевладельцы могли нести военную службу. В этом мы видим одинаковое явление как в России, так и в Польше: рабство земледельческого населения, с одной стороны, и неразвитость городского населения — с другой.

Но в Польше с самого начала вследствие известных обстоятельств богатые землевладельцы-паны берут верх. Польша и в начале своей истории должна была не делиться между членами княжеского, или королевского, дома, отсюда — возможность для вельмож становиться правителями областей на очень долгое время и этим приобретать силу и значение, школу: впоследствии княжеский дом разделился и пошли родовые отношения по сеньериату; но вельможи были тем сильны, что имели свои интересы и не переходили за князем, но составляли могущественное сословие, которое пользовалось ослаблением княжеского рода и приобретало все более важное значение, причем нашли союзников в духовном сословии, в прелатах латинских, которые стремились к самостоятельному господству, ограничению королевской власти. Отсюда когда государство окончательно устроилось, когда явилось единовластие в Польше, то Польша представляла государство с ограниченной королевской властью, с сильным значением знатных вельмож, которые составляли высший совет, сенат, с сильным значением духовных прелатов и с ничтожным значением городского и сельского населения, ибо сельское население, равно как и городское — оба находились в подчиненном состоянии, были не развиты. В Западной Европе освобождение сельского населения последовало

тогда, когда подвижность явилась подле недвижности, деньги подле земли, и когда вследствие того поднялись промышленность и торговля. В Восточной Европе, где города не поднимались, земледельческое население находилось в рабствующем положении. Города здесь были, говорю, ничтожны, следовательно, представители их не имели важного значения и не могли помешать усилению значения крупных землевладельцев и мелких — шляхты. Вот почему здесь (я говорю о Польше) короли, стараясь поднять земледельческое население, не успевали в этом; они имели успех в одном: подняли значение шляхты, сейма, депутатов (противополагая шляхту сенаторам), но это не помогло королевской власти. Паны, составляя с шляхтою одно целое, которое и было против королевской власти, сделались еще более неограниченными. Произошло явление, которое заметно во всех земледельческих государствах: богатые землевладельцы начали обнаруживать могущественное влияние на бедных, которые, по видимому, сохраняли свои права, однако в сущности шли в услужение к богатым землевладельцам и были их орудием на сейме. Следовательно, и на сеймах дела решались, как угодно было богатым землевладельцам, потому что бедные — шляхта — находились в зависимости от них.

Таким образом, стремление шляхты, вельмож, как богатых, так и бедных, состояло, с одной стороны, в том, чтобы ограничить власть короля, а с другой стороны — не давать другим сословиям соединиться с королем и стеснить власть шляхты.

В Западной Европе рано развилось промышленное и торговое движение; силы, благоприятствовавшие этому движению, обуславливались выгодным положением Западной Европы, близостью ее к морю. Известно, что как скоро начинается это промышленное и торговое движение (например, после Крестовых походов), то начинают подниматься города и сельское население вместе с населением этих городов соединяется с королем и содействует королю ослабить власть богатых землевладельцев. В Англии, этой передовой стране Западной Европы, богатые землевладельцы соединились с городами для ограничения королевской власти, результатом чего явилась та форма правительства, которую мы называем английской конституцией. Северные государства — Скандинавия, Швеция, Дания представляли вначале много сходного с Польшей; здесь также долго вследствие отсутствия развития городов господствовала недвижность, земля, господствовали землевладельцы, которые стремились к ограничению королевской власти. История Дании представляет в этом отношении особенно много сходного с Польшей. Землевладельческой аристократии в Дании удалось сделать даже правление избирательным, как и польской шляхте. Затем как из датского, так и из польского сейма были исключены представи-

тели городов. Но физические условия здесь и там были иные: море сделало свое дело, и датские города начали подниматься все более и более. Так и в Швеции. В Дании дело кончилось тем, что города в борьбе с землевладельческой аристократией соединились с королем и дали ему неограниченную власть. Датская революция и состояла в том, что в одно прекрасное утро король соединился с городами и задавил эту земельную аристократию — землевладельцев. Это явилось вследствие развития городов; но это развитие было не так сильно, чтобы города могли действовать самостоятельно; они нуждались в самодержавной королевской власти, чтобы больше противодействовать землевладельческой аристократии, и они дали королю эту власть, очень сильную власть — самодержавие. В Польше города не могли подняться вследствие слабого торгового и промышленного развития и так как здесь было еще то печальное явление, что немцы, с одной стороны, а жиды — с другой, наводнили города и села и задавили национальное движение. В Польше, говорю, города и села окончательно потеряли значение и не имели представителей на сеймах, так что сейм польский состоял из представителей одной только шляхты, был собранием одной шляхты.

Ограничивая королевскую власть, шляхта богатая и бедная, лучше сказать, богатая, потому что бедная, как мы видели, находилась в распоряжении первой, дошла до того, что провозгласила престол избирательным. Польша стала называться республикой Речью Посполитой. Но вся беда Польши происходила от того, что Польша была государство континентальное; будь Польша на острове, то этот порядок вещей не мог быть вреден. Но Польша была государство континентальное, довольно значительное по объему и окруженное сильными соседями; следовательно, для охранения своей самостоятельности, охранения своего положения в системе других государств, своей независимости Польша нуждалась постоянно в большом, хорошем войске. Но вельможи больше всего боялись этого войска, потому что войско, находясь, естественно, под начальством власти королевской, давало королю значительные средства усилить свою власть и подавить шляхту. В Англии ее конституция могла развиваться, утвердиться благодаря тому, что Англия, как государство островное, не нуждалась в большом войске, могла обойтись без него. Но Польша не могла последовать примеру Англии, она не могла принимать меры к тому, чтобы король не имел в руках своего большого войска. Англия, государство островное, без большого войска, могла утвердить свою конституционную форму; для государства континентального это было трудно, невозможно, ибо континентальное государство нуждается всегда в большом войске, которое придает значение верховной власти.

Мы говорили, как в России правительственная форма развилась и усилилась в виде самодержавия; здесь это было вызвано

потребностью страны, громадностью государства с малочисленным, рассеянным народонаселением. Это население по инстинкту самосохранения должно было желать постоянной диктатуры, где сосредоточивались бы различные силы для защиты самих себя и самостоятельности государства. В России это была диктатура потому, что ни один орган не был развит сколько-нибудь сильно и все благоприятные обстоятельства содействовали развитию государственной власти и этот орган развился на счет других, таким образом явилось самодержавие. В Польше развился другой орган — шляхта, это землевладельческое, военное сословие, которое, развиваясь все более и более, задавило стремление органов королевской власти, сельское и городское население, соединилось с духовным сословием и постановило, что высших духовных мест могут достигать только люди шляхетского сословия.

Следовательно, духовенство, можно сказать, слилось с шляхтой. Но для континентального государства необходимо было большое войско, польская шляхта не хотела давать королю средств содержать большое войско, и король оставался без помощи вследствие неразвитости городов. Не имея денег, он должен был смотреть, что называется, из рук шляхты. Вот почему главная цель панов польских или шляхты была сохранение покоя, отстранение от Польши всяких столкновений, с тем чтобы не нуждаться в войске и чрез войско не давать силы королю. И это континентальное государство вследствие этого избегания столкновений, вследствие того, что не имело большого войска, теряло свое значение в системе европейских государств, несмотря на то что Польша по своему положению могла играть важную роль посредника между Востоком и Западом Европы. Итак, Польша теряет все более и более свое значение. С другой стороны, вследствие большого старания о сохранении мира потеряла свой воинственный характер; она, собственно, составляла войско, но, благодаря тому что войны не было, это войско оставалось без упражнения и теряло свой военный характер. Главное стремление шляхты состояло в том, чтобы сохранить свое положение, а положение ее было выгодно, так что иностранные писатели называли Польшу раем землевладельцев и адом земледельцев. Итак, вследствие этой польской конституции, Польша должна была ослабевать день ото дня все более и более, а между тем она была окружена могущественными соседями, которые волей-неволей должны были вступить в войну с ней, а чрез нее и с другими.

ЛЕКЦИЯ 19

Мы остановились прошлый раз на обзоре истории государства, которое тесно связано с нашим государством,— на истории Польского государства. Мы видели, каким образом одни земле-

владельцы, одна шляхта ограничила власть короля, взяла все в свои руки. Духовенство слилось с шляхтой. Было постановлено, чтобы высших духовных степеней не мог никто достигать, не будучи шляхтичем. Остальные паны, городское и сельское население вследствие незначительности своей не могли ничего сделать, не могли ничего положить на чашку весов, чтобы перевесить эту власть шляхты и дать королю достаточно большое значение. Это происходило оттого, что Польша, будучи государством землевладельческим, не могла отличаться промышленностью и торговлей. Здесь и не было торговли, а если какая и была, то она находилась в руках иностранцев: немцев, жидов. Для сравнения я указал на положение скандинавских государств — на Швецию, Данию, где были те же отношения, но вся выгода которых, обуславливавшая дальнейшее развитие их, заключалась в том, что государства эти были на Северном море.

Море, как я сказал, сделало свое дело: торговля усилилась, города поднялись. Когда это случилось, то есть когда торговля усилилась и поднялись города, то города вступили в борьбу с землевладельческим сословием, и так как здесь нельзя было ожидать соглашения, то города вступили в союз, соглашение с королевской уже властью. Произошла Датская революция, результатом которой была самостоятельность короля. Но в Польше этого быть не могло, ибо города здесь не были развиты, земледельческое население было в рабствующем положении и вся власть сосредоточивалась в руках шляхты, собственно, богатых панов, ибо бедная шляхта была в отношении клиентства к богатым панам, делала на сеймах все то, что те хотели. Но это положение было губительно для независимости Польши, ибо Польша была государство континентальное, следовательно, нуждалась в большой войне — и во многих случаях нуждалась уже в диктатуре. В этом отношении в России за неразвитостью других органов развился орган верховной власти, явилось крепкое самодержавие, и Россия является как государство континентальное, с большими преимуществами пред Польшей, и можно было предугадать, какое из этих двух государств возьмет верх. Польша нуждалась для поддержания своего положения среди других государств в большой войне, но шляхта, паны боялись войска, боялись войны; ибо войско, война вели к диктатуре, к усилению королевской власти, а паны боялись этого усиления. Но что было хорошо на островах, в Англии, то было невозможно в Польше. Паны, начав бояться войны, хлопотали больше всего о том, чтобы продолжить мир, вследствие чего Польша стала, как говорят, поникать, начала терять свое значение среди других государств.

Потом, второй недуг Польши состоял в том, что шляхта, это землевладельческое сословие, которое вместе с тем есть

и военное,— что эта шляхта начала портиться от мира, отвыкая от военных упражнений. Военное сословие должно упражняться в войне, мир его портит. Вот почему шляхта польская упала относительно военных доблестей. Будучи сословием землевладельческим, кормившимся на счет земледельческого сословия, на счет остального населения, шляхта, разумеется, желала сохранять мир и, не находя долго упражнения в войне, стала предаваться праздности; а ведь уже из азбуки известно, что праздность — мать всех пороков, и шляхта действительно начала страшно портиться. Известны те беспорядки, безобразия шляхетской жизни, которые польские историки, писавшие о быте шляхты, выяснили со всей их печальной обстановкой. Понятно, что лучшие умные люди и патриоты давно уже начали предчувствовать печальные результаты этого явления — этого отсутствия хорошо дисциплинированного, готового к бою войска и этой постоянной порчи шляхты, и вот начинают появляться требования со стороны этих людей, чтобы положение России было умалено или чтобы явилось хорошее войско.

Эти вопросы делаются почти постоянно на всех сеймах XVII и XVIII вв., когда Польша все более и более падала. Но это был голос вопиющего в пустыне. По-видимому, все были согласны, что нужно усилить, устроить войско, что надо сделать для этого пожертвования, какие делают в других государствах континентальных, где большая часть доходов идет на войско, здесь, говорю, все были согласны; но когда раздавался вопрос на сеймах: «Как сделать это, где взять денег на войну, на содержание войска, какой обложить податью землевладельцев для содержания этого войска?» — то сейчас же дело затушевывалось, потому что никто не хотел истратить ни копейки на эту потребность; все считали себя вправе не платить ничего. Вследствие этого Польша сникала все больше и больше, и вот во второй половине XVII века являются эти страшные симптомы, признаки совершенного расслабления государственного тела Польши.

Перед этим, как будто бы нарочно, история хотела дать Польше большую высоту; история не пожалела счастливых случайностей для Польши — она дала ей знаменитого короля Стефана Батория, который хотел поднять значение Польши, низложить Россию и так обезопасить с одной стороны Польшу; но самостоятельные пань польские, опасаясь значения короля, боялись усилить эту королевскую власть чрез войско и потому очень не хотели войны. Потом, при преемнике Батория, Сигизмунде III, обстоятельства были также благоприятны для Польши вследствие смут в России; Московское государство готово было броситься под покровительство короля Польского, лишь бы спастись от внутренних смут. При преемнике Сигизмунда, Владиславе, Польша взяла верх над Россией; отобрала то, что отнято

было прежде при Рюриковичах: Смоленск, Северскую область. Но это были уже последние проблески счастья для Польши.

Эти случайности очень счастливые, но все же случайности; но вот начинает показываться это расслабление всего государственного состава, расслабление, которое так ясно явилось во вторую половину XVII века.

Шведский король Карл X Густав с небольшим, но отличным войском вторгся в Польшу; Польша была завоевана почти в один миг, обе столицы ее достались в руки завоевателя. Польша была на краю гибели, только счастливые обстоятельства помогли ей. Русский царь Алексей Михайлович, также выступавший в поход против Польши, завоевал всю Белоруссию, Литву и, взяв Вильно, думал, что Польша должна принадлежать России, и потому, естественно, видел соперника себе в шведском короле: поэтому он прекратил войну с Польшей и начал ее со Швецией, притом присоединение Малороссии повело к разным смутам, которые заняли внимание и Алексея Михайловича.

Все эти обстоятельства дали возможность уцелеть Польше. Но тем не менее все это показывало, что без случайных обстоятельств извне Польша сама собой не может ничего сделать с врагами. Между тем в то же время конец Смутной эпохи в России показал, как сильна была Россия в самой себе, внутренне, потому что при неблагоприятных обстоятельствах извне русский народ мог собственными силами избавиться от поляков и казаков и восстановить у себя государственную форму, тогда как в Польше, очевидно, только счастливые внешние обстоятельства могли поддержать государство, само же оно внутренне не было способно к этой поддержке. Понятно, что при такой внутренней слабости Польши уже давно (в XVI веке) начали мелькать у соседей мысли, что рано или поздно это громадное государство, государство одряхлевшее, неспособное поддержать себя, должно будет или стать добычей одного из сильных соседей, или поделено между ними. Из всех соседей Польши ближайшим по происхождению государством, государством славянским, была Россия. Между этими двумя представителями славянской народности, славянских государств, Россией и Польшей, с самого начала шла сильная борьба, затянувшаяся так, что могла кончиться только падением одного из них.

Где же причины, условия этой борьбы? На долю этих двух государств, Польши и России, выпали две задачи от славянской истории, от славянского мира: Россия, оставаясь на окраине Европы, на границе Европы и Азии, получила задачу защищать Европу от Азии, защищать ее от степных варваров, принимать на себя все их удары и в заключение создать страну, государство, способное отстоять Европу и тем обуславливать ее развитие. Итак, борьба с Азией была главной

задачей России, преимущественно древней России. И мы знаем, как Россия выполнила эту задачу, несмотря на страшные удары, которые она терпела от варваров, и несмотря на то, что лучшая часть ее, где была колыбель ее истории, Южная Россия, Русь Днепровская, была вконец опустошена кочевниками, так что историческая сцена должна была перейти с Юга на Север, в страну не так удобную. Несмотря на это, Россия здесь, на Севере, устроилась, собрала свои силы и начала теснить азиатских хищников, начала забирать эти разные татарские царства и таким образом распространилась за Уральскими горами до Восточного океана, на юго-востоке до реки Урала (Яик), до Кавказских гор. Борьба продолжалась постоянно. Мы знаем отношения России к Крыму, этому последнему гнезду азиатских хищников, которые делали южную степь ненаселенной страной. Но эта борьба шла более и более счастливо для России.

Мы видели, что Россия взяла верх над Азией и пошла наоборот тому движению, которое господствовало в древней и средней истории. В древней и средней истории Азия брала верх: нашествие скифов, сарматов, потом гуннов — все это признаки государства варваров, азиатского населения. Даже и потом, когда образовалось государство с европейским характером в Восточной Европе — Россия, — даже и тогда Азия взяла верх в лице монголов, татар. Но в новой истории, когда Западная Европа изгнала арабов из Испании, Восточная Европа, Россия свергла иго татар и начала теснить Азию, начала распространять власть с европейским характером на счет Азии, продолжает это неуклонно до сих пор. Последнее событие наших дней, торжество над Хивой, есть не что иное, как продолжение той борьбы, которая началась на берегах Днепра при первых преемниках Рюрика. Взглянув на карту, вы поймете историю этой борьбы, весь прогресс Европы в этом отношении.

Сперва вы видите, что границей между Европой и Азией относительно этнографии, характера населения служит Днепр, одна из западных рек Великой Восточной равнины, азиаты здесь берут верх: Киев, эта крепость Европы, крепость России против степи, город, явившийся именно как средоточие военной цепи, военной линии, падает пред татарами и теряет все значение, которое дало ему его выгодное положение. Но потом вы видите, как Россия начинает двигаться на Восток; вместе движется и Европа. Днепр, Дон, Волга — вот уже границы, а потом Урал (Яик). Долгое время эта военная линия, где происходила борьба между Европой и Азией, как, например, с половцами при первых князьях, была на Днепре, затем эта линия уже на Урале. Вы увидите, что это движение с Днепра на Урал, начавшееся в известное время на Днепре, во время Екатерины пошло дальше и движение это не окончилось, оно идет далее и далее и оканчивается в зна-

менитых реках азиатских степей, на обеих Дарьях. Итак, борьба, начавшаяся на Днепре, окончилась на Амударье, борьба совершенно с одним характером, борьба цивилизованного, с европейским характером населения против азиатских степных хищников. Из этого выпадала главная задача на долю России, чтобы стать защитницей Европы против Азии, бороться с Азией сначала неудачно, потом собраться с силами, собрать государство и идти все далее и далее на Восток, в Азию, и распространяя в ней европейскую цивилизацию. Я сказал уже, что задача эта была выполнена Россией.

Для Польши, другого государства, тоже сильного и поставленного в более благоприятные обстоятельства, чем Россия, и по климату, и по качеству почвы, и в других отношениях,— для Польши была дана другая задача: защищать славянский мир от напора мира германского. Если борьба России, если направление сил ее должны были происходить на Восток, то главная борьба, напор польских сил должны были быть направлены на Запад для борьбы с немцами. Со времен Карла Великого немцы сталкиваются с славянами, и, так как немцы были объединены, они имели огромное преимущество, они были христианами. Славяне же были язычники, силы славян не могли с успехом быть выставлены против объединенных сил немцев, более цивилизованных вследствие раннего столкновения с Римом и принявших уже христианство. Вот почему немцы начали вторгаться в славянские земли, начали захватывать их. Но против немцев образовались славянские государства: Моравское, Чешское, Польское, наконец. Моравское просуществовало недолго, Чешское по близости своей не могло с успехом бороться с немцами и сильно онемечилось. Польша, как государство более отдаленное, имела больше возможности собраться с силами и противостоять немцам. Следовательно, Польша должна была взять на себя задачу—отстоять свое отечество, славянский мир от немцев. Но она в этом не успела. В предшествовавшую среднюю историю западные области ее были отторгнуты немцами. Часть приморских земель, важных для торговли и промышленности,— Померания— была отхвачена и онемечена. Той же участи подверглась и Силезия, богатая и важная по своему положению область Польши, она была совершенно онемечена. В самые польские города немцы поселялись в большом количестве и забрали в свои руки всю крупную торговлю, оставив более мелкую жидам. Итак, Польша не устояла в борьбе с немцами и отдала им важные славянские земли, необходимые для славянского мира; она не исполнила своей исторической задачи в этой борьбе и, чувствуя свою слабость в ней, отступила на Западе и опрокинулась всей своей тяжестью на Восток.

Здесь ей было легче распространиться благодаря печальному положению Востока, благодаря ослаблению Западной России

вследствие татарских нашествий и литовских опустошений. Польша захватила одно из самых богатых русских княжеств — Галицию (Червонную Русь). Потом, видя, что Литва воспользовалась печальным положением России и захватила всю Западную Русь, Польша чрез брак своей королевичны (Ядвиги) с литовским князем приобрела эту Литву и Западную Русь. Зная, как важно для силы государства единство народонаселения, и чтобы оно держалось одной веры, Польша начала хлопотать, чтобы уничтожить русскую народность в Западной России, русскую веру и ввести католичество вместо восточного греческого исповедания.

Здесь-то и лежали причины этого необходимого страшного столкновения интересов Польши и России. Вы поймете всю силу этого столкновения, всю силу этой борьбы чрез физическое представление. Россия только что покончила свои счеты с Востоком, только что взяла перевес над ним, как сейчас же обратила внимание на Запад, и первым делом ее было присоединение Западной России к Восточной, ибо Восточная была сильнее; но тут, как нарочно, она встречает движение обратное: Россия с Востока движется на Запад и стремится к естественному распространению своему чрез соединение с западнорусскими областями, а тут, наоборот, Польша, сжатая с Запада немцами, стремится с Запада на Восток и тут ищет распространить свою национальность, уничтожить русскую и утвердить польскую. Вы легко можете представить, как сильно было столкновение: два государства, два народа стремятся с неодолимой силой — один с Запада на Восток, другой с Востока на Запад — и сталкиваются! Россия хочет иметь при себе все свои части, Восточная Россия хочет соединиться с Западной; Польша хочет уничтожить в Западной России русский элемент и заменить его католическим польским. Точно так же вы легко поймете весь смысл борьбы России с Польшей, когда вспомните, в каком положении находятся русская и польская народности, какая борьба идет между этими двумя национальностями на почве России. И теперь, как и тогда, на первом плане вопрос о русской и польской национальностях, и теперь, как и тогда, знаменем борьбы между ними является религиозный вопрос, вопрос о веровании поляков-католиков и православных-русских. То же самое было и вначале. В XV в. уже на той же самой почве у Западной России начинает возникать вопрос: кому быть владельцем западнорусских областей — государю Восточному или королю Польскому. И тут выступает религиозное знамя, война принимает религиозный характер.

Князья, переходя от Польши к Москве, к единоверному государю, поднимали вопрос о вере, выставляли, таким образом, религиозное знамя. Вся последующая борьба носит тот же характер. Так, Московское государство собралось под тем же религи-

озным знаменем, чтобы выжить польского короля как католика. Благодаря водружению этого религиозного знамени, когда религиозное чувство господствовало над всеми другими отношениями и чувствами, Москва, Русь могла собраться и восстановить самостоятельное государство, не подчиненное ни польскому королю, ни польскому королевичу. Через несколько времени борьба эта переходит на почву Западной России, и под тем же религиозным знаменем Малороссия отторгается от Польши, присоединяется к России. Киев, по Андрусовскому перемирию, остается за Москвой, как я уже сказал, перед этим временем шведский король разграбил Польшу, разграбление было важно в том отношении, что ясно показало всю слабость Польши, всю ее несостоятельность. Но теперь новая опасность начала грозить Польше, именно со стороны Турции.

Поводом к столкновению Польши с Турцией была Украина, это беспокойное, шатающееся население ее. Любопытно вообще взглянуть на положение государств, основанных на окраинах Европы и граничивших с Турцией, этим азиатским государством, хотя и на европейской почве. Три государства имели такие окраины с населением характера военного и беспокойного, это — государство Австрийское, государство Польское и, наконец, государство Русское. Государство Австрийское в Венгрии и Трансильвании имело свою окраину с беспокойным населением; в народонаселении Венгрии, Трансильвании Австрия имела своих казаков, которые то и дело волновались и при своей борьбе с правительством Австрии передавались на сторону Турции и давали ей страшную силу. Благодаря этому пограничному украинскому населению Австрии Турция, господствуя в Трансильвании, Венгрии, была соседкой, разумеется нежеланной соседкой, Вены.

В Польше была своя окраина, своя казацкая сторона, это — Днепровская. В Московском государстве была своя казацкая окраина, которая также Московскому государству не давала покоя. Все эти государства одинаково терпели от народонаселения своих окраин. Два из них, наиболее крепкие, Россия и Австрия, устояли в этой борьбе, успели подчинить это украинское население своему правительству, но самая слабая из них, Польша, понесла страшные бедствия от этой своей украинской вольницы. Как в Австрийской окраине народонаселение ее передается туркам, так то же явление в XVII в. мы видим и в Польше.

ЛЕКЦИЯ 20

Те украинские казацкие вольницы, одинаково сильные в трех государствах — Австрийском, Польском и Русском, нигде, однако, не произвели таких сильных бедствий, не нанесли таких

сильных ударов, как в Польше. Мы поясним причины этого, эти причины заключались в слабости государственного тела Польши. Казацкие движения были страшно вредны и в России, ибо на них основывалась эта Смутная эпоха; потом Разин, Булавин, Пугачев — все это представители борьбы государства со степью; борьба с ними была продолжением борьбы с печенегами, половцами, татарами. Эти казацкие движения, столь важные в истории Восточной России, играли такую же важную роль и в истории Польши и Западной России. Они начались давно, достигли крайней силы при Богдане Хмельницком, когда этот ловкий начальник казаков под религиозным знаменем очистил всю Украину от поляков, но, видя невозможность противодействовать Польше, несмотря на ее изнеможение, поддался России, Алексею Михайловичу. Но этим смуты не прекратились: казаки начали, по тогдашнему выражению, очень характеристичному, «шататься».

Они присоединились к России, многим это не нравилось, не нравилась и сама форма государственного быта, господствовавшая в России, и вот они переходят снова к Польше, не понравится здесь, и они опять идут к России. Все гетманы изменяли Московскому государству или по крайней мере были обвинены в измене, казнены своими же. Еще на Переяславской раде, на которой было решено поддаться Алексею Михайловичу, Хмельницкий предложил казакам выбрать, кому поддаться: турецкому султану, Польскому королю или Московскому царю. Тут решили по единоверию поддаться последнему; но выбор был предложен, и нашлись люди, начавшие «шататься» между Россией, Польшей и Турцией. И вот один из гетманов, Дорошенко, поддался Турции, не желая быть ни под властью Москвы, ни под властью Польши, и поддался в качестве гетмана, владельца всей Украины. Турция приняла его в таком смысле, и султан явился с огромным войском, чтобы завладеть обеими частями Украины, и Польской и Русской, то есть на западной и восточной стороне Днепра. Это событие и вообще окончание войны за Малороссию служат поворотным событием в истории отношений между Россией и Польшей. До тех пор Россия, по-видимому, была слабее Польши, особенно в известное время — в начале XVII в.; поэтому Польша в глазах России считалась чрезвычайно опасной, враждебной страной и все внимание было обращено на нее. Вторая половина XVII в. показала русскому правительству всю слабость Польши и внушила ему мысль, что это не главный, не самый опасный враг. Вот почему, когда Дорошенко поддался Турции и когда началась война у турок с поляками, по единству интересов царь Алексей Михайлович решился защищать Польшу против Турции. Во время троевластия, правления Софьи, также поднимался вопрос о борьбе с Турцией. Турция сильно грозила Польше, но преимущественно Австрии.

Мы уже видели связь этих держав — Австрии, Польши и России — относительно своего украинского населения, которое стлалкивало их постоянно с турками, населения, часто поднимавшего бунты и поддававшегося Турции. Австрия, угрожаемая турками, заключила союз с Венгрией, которая также терпела от турок, и с Польшей. Но все эти три державы очень хорошо понимали, какую могущественную диверсию может сделать в данном случае Россия и как важно для самой России в союзе с этими державами вступить в борьбу против Турции, ибо одни они не могли надеяться на успех, четыре же вместе, понятно, они могли рассчитывать на него. Отсюда-то и пришло это приглашение со стороны этих государств России вступить четвером в священный союз против турок. Необходимость этого союза была важна для лучших людей тогдашней России, для самой Софьи и главного ее советника и фаворита князя Василия Васильевича Голицына, который управлял Посольским приказом.

Действительно, только в союзе с этими тремя державами, союзе, предложенном польским королем Яном Собесским, можно было надеяться на успех в этой войне с Турцией, можно было надеяться, что Турция отстанет от своих притязаний на Украину. Для России же еще было важно помириться с Польшей, вступив с нею в союз. До сих пор с Польшей не было мира, было только перемирие, и Киев был уступлен только на время. Но Киев имел громадное значение, он был Иерусалимом для Малороссии и Западной России; к нему, к его митрополиту тянуло все население западных русских областей, находившихся под польской властью. Польша успела уничтожить православие мало-помалу в Юго-Западной России, так как она уничтожила здесь архиерейские кафедры; но оставшиеся православные христиане, не имея своего архиерея, все тянули к Киеву, к киевскому митрополиту. Тот, кто владел Киевом, владел всей Юго-Западной Россией. Вот почему для России было важно оставить Киев за собой, и в Москве приняли предложение польского короля вступить в союз против турок, только с условием, чтобы заключен был мир с Польшей и Киев остался за Москвой. Ян Собесский хорошо понимал, какую потерю понесет он в Киеве, и он также знал, какую диверсию может оказать Россия в войне с Турцией. Он плакал, подписывая договор о вечном мире, но делать было нечего. За эту-то цену нужно было начать войну с Турцией, и Россия начала ее в первый раз в союзе с тремя европейскими державами. Здесь граница дипломатической истории России: до сих пор Россия была изолирована, жила особняком, вела войны все одиночно; теперь в первый раз вступает она в Священный союз четырех держав против Турции. С этих пор начинается новая дипломатическая история России. Союзники рассчитывали на диверсию с русской стороны, то есть что Россия удержит крымцев от подания помощи туркам.

Действительно, во время троевластия были предприняты два больших похода в Крым под начальством Голицына; но оба похода были неудачны, потому что это были степные походы. Известно, какие страшные затруднения должны были претерпевать войска в степях, и вот благодаря этим затруднениям оба похода Голицына не удалась. Но дело было сделано в том отношении, что крымцы были сдержаны и другие союзники могли действовать свободнее против турок. Вот в каком положении находилось дело, когда вступил Петр. Ему досталась в наследство от прежнего правительства эта война в союзе с Польшей, Австрией и Венгрией против турок. Молодому царю нужно было, для него было важно начать свое управление каким-нибудь военным подвигом, который был бы лестен для народного самолюбия; вот почему Петр предпринял лично поход против турок; но поход был другого рода. Пример Голицына научил, что степные походы невозможны, и Петр предпринял речной поход на судах по Оке, Волге, Дону к турецкой крепости Азову, которая защищала дорогу в Азовское и Черное моря.

Петр предпринял, как известно, два похода; в эти два Азовских похода развились силы молодого Петра. До сих пор это был неустрашимый мальчик, который все хотел узнать, все хотел испытать, который был страстно привязан к морю, к плаванию на кораблях и затевал разные фантастические предприятия, как, например, экспедицию к полярному морю и т. п.; но который не мог ни на чем остановиться. Детские игры, фантазия — вот в чем отличалась деятельность Петра тех пор; Азовские походы были первым делом человека выросшего, сознавшего свои обязанности. Тут-то высказался Великий Петр, тут-то высказалась замечательная его сила воли. Первый Азовский поход не удался по причине плохого состояния войска, отсутствия инженеров и судов. Для обыкновенного человека первая неудача страшна: она убивает его силы; для обыкновенного человека нужно поощрение, нужен успех на первый раз; для человека необыкновенного неудача только служит поощрением к большему напряжению сил, препятствия только заставляют его усугублять свои силы для преодоления их. Петр, возвратившись с неудачей из первого Азовского похода, обнаружил страшную энергию в создании средств для успешности второго. Действительно, невероятным образом он создает эти средства, страшной ценой создает речной флот, плывет к Азову и берет эту крепость. Взятие Азова было освящением новой преобразовательной деятельности, самого Петра убедило. Оно и имело возможность убедить, что новый порядок необходим, что необходимо новое военное устройство, заведение морских сил.

Но при этом он еще более убеждался в необходимости самому побывать в Западной Европе; самому посмотреть, что там делается, и перенести то, чему выучится сам.

В быту народов различаются два рода заимствования плодов цивилизации у других: страдательное или деятельное. До сих пор Россия отличалась этим страдательным заимствованием, была похожа в этом отношении на степную татарскую орду и другие азиатские государства. Петр—первый переменял это страдательное пользование, Петр, который был не прочь кое-чем воспользоваться от цивилизованной Европы относительно удобства жизни, средств защиты и так далее. Но страдательное пользование, разумеется, недостаточно народам сильным, энергическим, они стремятся выйти из страдательного пользования и перейти к действительному. К этому стремилась и Россия, и, к счастью, в описываемое время представителем русских людей был гениальный человек, обладавший страшной энергией,—Петр. Петр решил разом покончить со страдательным пользованием цивилизацией, превратить его в действительное.

Для этого он считал необходимым самому поехать в Западную Европу. Чтобы быть хорошим мастером, хозяином большого заведения, нужно самому знать во всех подробностях ремесла, работы, которые производятся в этом заведении. Петр хотел преобразовать Россию в европейское государство со всеми отправлениями цивилизации, хотел завести новую Россию; поэтому ему самому необходимо было быть мастером, хорошим знатоком всех дел. Этому можно было выучиться не в Немецкой слободе, не из рассказов Лефорты, но в Западной Европе, в тех государствах, которые отличались именно тем, что было так нужно России,—в приморских богатых государствах. Прежде всего ей нужно было море, нужен был флот, чтобы завести его, нужны были мастера, кораблестроители и мореплаватели. Мы видим, как стремление Петра к морю содействует этому. Он идет в Западную Европу и учится кораблестроению в Голландии, Англии. Чтобы как можно скорее переменить это страдательное пользование европейской цивилизацией в действительное, нужны были два средства: во-первых, вызывать искусных мастеров, знатоков дела, в Россию, но в то же время заставить учиться своих, русских, как можно скорее. И Петр выслал толпу русских людей за границу для этих наук. Представлялся страшно трудный вопрос: как при этом ученье сохранить самостоятельность, независимость народную, сохранить дух народный на надлежащей высоте, не притупить этот дух чрез сознание своего невежества, сознание необходимости учиться у другого, пойти в ученики к чужим народам? В этом отношении Петр поступил с чрезвычайной осторожностью.

Он принял себе за правило—пользоваться иностранцами: вызывать искусных иностранцев в Россию, но не давать им власти, не давать им первых мест; на первые, самые важные места он употреблял только русских, чтобы все управление, все внутренние установления были всегда в русских руках. Немцы

могли только помогать, за ними были второстепенные места, они были помощниками, товарищами, но никогда не хозяевами. Другое средство было заставить русских людей учиться и учиться на практике, на деле. Разумеется, первым, самым легким средством было бы взять уже ученых иностранцев, отдать им в ученье русских и велеть смотреть, как делают другие, и учиться. Но это не вело бы к скорейшему достижению цели, а главное — принизило бы дух народа. Для достижения же цели и вместе с тем поддержания духа народного нужна была другая школа, именно чтобы русский человек учился на практике делать дело. Пусть ошибается он сначала по неопытности, ошибка скоро всему научит. Ошибки были только особенно страшны в войне и мирной борьбе дипломатии.

Иностранцы указывали на неспособность русских, на их невежество в военном деле, войско русское возбуждало презрительную улыбку у иностранцев. По своему устройству это войско требовало коренного преобразования. Поэтому для успеха в войне необходимо было пригласить иностранных фельдмаршалов, генералов и офицеров, но Петр знал, что война есть лучшая школа для способностей, что нельзя выучиться делу, только смотря, как другие делают, и он назначал своих русских фельдмаршалами, генералами, офицерами — пусть сначала ошибаются, но зато выучатся. То же самое и на поприще дипломатическом. Если Россия хотела вступить в общество других европейских народов, то должна была отправить по всем дворам своих министров, своих послов, которые должны были следить за общеевропейскими делами и соблюдать интересы России. Петру указывали на совершенную неспособность русских людей в этом отношении, потому что тут нужна была долгая школа, знание иностранных языков, нужно было знание истории иностранных государств и их настоящего положения, а где взять этих людей из русских? Искушение было страшно, но Петр по своей гениальности и своему патриотизму преодолел это искушение. На войне он старался как можно скорее освободиться от иностранных генералов и заменить их русскими; и он, как я сказал, главное начальство поручал русским: пусть они терпят неудачи, проигрывают сражения, нужды нет! Неудача не беда, из нее можно выучить урок.

На дипломатические посты он вдруг назначил русских людей: пусть учатся на самом деле, пусть русские будут невежды сначала, но невежды русские все-таки лучше проворных иностранцев, ибо интересы России близки им. Для этого нужна была Петру горячая вера в свой народ, в способности этого народа и, кроме того, нужно было иметь этот гениальный взгляд на человека, который давал Петру возможность сейчас же, при первом взгляде на человека, узнавать, способен ли этот человек или нет. Отсюда-то

эта возможность окружить себя способными людьми и посылать способных людей на важные, трудные посты. И Петр не ошибся в своей вере в русский народ, не ошибся в своем взгляде на отдельных лиц. Через короткое время у него составила своя школа людей; важные места в армии, главное начальство над ней в руках русских, которые дали ему победы; дипломатические места были заняты также русскими, которые через короткое время стали в уровень с опытнейшими дипломатами, дали возможность содействовать войне, миру или перемирию составлением союзов и разными другими комбинациями. Такими-то средствами Петр уничтожил страдательное пользование европейской цивилизацией и перевел это пользование от страдательного к действительному. С возвращением Петра из-за границы начинается целый ряд преобразовательных мер. Мы не станем перечислять в подробности все эти меры, учрежденные Петром; обратим внимание на главный характер, который виден во всех этих учреждениях, преобразовательных мерах.

Главная цель преобразования Петровского, деятельности Петра, было перевоспитание народное. Гениальный человек должен был поступить прежде всего логично: он должен был прежде всего уяснить для самого себя все недостатки России, отыскать причины этих недостатков и употребить все средства для устранения этих причин. Русский народ для того, чтобы выйти из своего прежнего положения, очень печального, на новое положение — одного из первенствующих народов в Европе, должен был напрячь все свои силы, подвергнуться сначала всевозможным лишениям и принести всевозможные жертвы. Великие дела не делаются легко, без пожертвований. Разумеется, в великих делах для массы, для народа должен быть вождь, образец, и Петр осудил себя на эту постоянную напряженность сил, на эту постоянную неутомимую, невообразимую деятельность. Он жертвует всем, что так дорого для обыкновенного человека, жертвует всеми удобствами жизни, и эта жертва, приносимая при его положении, была гораздо важнее жертв каждого русского человека; ибо Петр был царь, следовательно, по своему положению имел все средства вести жизнь очень покойную, удобную, более удобную, чем жизнь всякого другого человека.

И вот Петр бросает эту удобную жизнь, бросает дворец и постоянно находится в движении, деятельности, сопряженной со всевозможными лишениями. Царь идет в работники. Петр хвалится своими мозолями, указывает каждому на свои мозолистые руки. Следовательно, вот образчик, какой был для русского человека: работник, неутомимый работник с мозольными руками, человек, отказавшийся от всех удобств жизни, на которые по своему происхождению имел все права, самый неутомимый служака; неумолимый работник, повторяю, вот кто явился в челе народа в эту чрезвычайную эпоху, революционную эпоху.

ЛЕКЦИЯ 21

Петр по возвращении из-за границы принялся за преобразование. Это преобразование было необходимо для того, чтобы доставить России возможность переменить страдательное пользование европейской цивилизацией в действительное. Чтобы узнать на самом месте успехи цивилизации и передать их русским людям, Петр сам должен был и мог по своей необыкновенной природе изучить все; ибо только этими средствами он мог с успехом пересадить цивилизацию с Запада на Восток. Плохо идет мастерство там, где хозяин ничего не смыслит. А на Руси надобно было заводить все вновь, следовательно, тот, кто стоял в челе народа, должен был иметь понятие обо всем, только тогда он мог оценить успехи, видеть неуспехи и примеры против последних.

Разумеется, прежде всего должно было произвести правильное возбуждение в народе; без этого внутреннего огня, без этого нравственного возбуждения никакое дело идти не может. Если бы этого возбуждения не было, то дело Петра прижилось бы только до его смерти, это было бы только личное его дело, как и думали иностранцы. Если же народ был способен к этому нравственному возбуждению, то успех дела и был упрочен. Русский народ должен был пройти школу, и тяжелую школу: он должен был пойти в ученье к чужим народам, народам живым, которые хотели воспользоваться ученическими отношениями этого народа для своих целей, и хотели действительно пользоваться. Положение русского народа было страшно опасно, единственным средством избежать это опасное положение было превратить страдательную школу в действительное учение. С этой целью, сознавая ясное положение своего народа и опасность этого положения, Петр сейчас же делал русских людей из учеников деятелями; он не держал их долго в школе иностранной, но тотчас же заставлял их делать практические приложения их знаниям. Понятно, что это чрезвычайно быстро развивало их умственные силы; и дело шло с необыкновенным успехом и быстротой. И вот в короткое время русское войско преобразуется и получает своих генералов, фельдмаршалов — из русских людей. В то же время на дипломатическом поприще являются русские дипломаты, не уступающие иностранцам, с необыкновенной быстротой они приобретают нужные познания, привычки на этом опасном посту.

Глубоко веруя в способности своего народа, Петр отвергнул советы иностранцев, чтобы сначала дело делать чужими руками, чтобы употреблять и на войне, и в дипломатии иностранцев. Петр отвергнул это искушение; гениальность его высказалась в этом убеждении, что для русского народа предстоит тяжелая

школа, что ошибки на новом поприще необходимы, но что эти-то ошибки и ведут к учению, к образованию. Отсюда эта снисходительность к ошибкам, если они происходили невольно, отсюда эта привычка утешать людей ошибшихся и пострадавших от своих ошибок, что ошибки эти необходимы, что от них человек учится. Что было относительно военного и дипломатического поприща, то же самое было и относительно новороманской русской промышленности. Известно, что русская промышленность обязана своим существованием Петру. Ему необходимо было во всех его предприятиях, в тех и других преобразованиях, нужно было известное развитие промышленности.

Так, например, он заводил постоянное войско, это войско нужно было содержать, нужно было обмундировать. Выписывать из-за границы сукно для обмундирования было крайне убыточно, и вот Петр должен был завести суконную фабрику. Но чтобы эта фабрика шла успешно, нужно было овцеводство, овцеводство по образцу иностранному, от которого можно было бы получать шерсть лучшего качества. И Петр заводил овцеводство, заводил суконные фабрики.

Для солдат и для флота нужно было полотно, и он заводил полотняные фабрики. До сих пор в России не было писчебумажной фабрики; все количество бумаги, потребляемой в России, выписывалось из-за границы — Петр завел писчебумажную фабрику. Россия доставляла огромное количество кож для вывоза за границу, выделка кож была в младенческом состоянии в России — Петр обратил на это особенное внимание, он заставлял выделывать кожи, как следует, с большей прочностью. Россия имела огромные средства относительно металлов; но эти средства были неизвестны, только при Петре узнали об этих сокровищах, которые заключались в Уральских, сибирских горах. Понятное дело, что сначала все эти фабрики и заводы должны были учреждаться на казенный счет и подчиняться присмотру правительства. Но Петр требовал, чтобы как можно скорее эти казенные фабрики и заводы переводились в частные руки; чтобы русский человек, увидавши, как правительство ведет какое-нибудь дело, понял его выгоды и сейчас же начал сам им заниматься. Вот почему при Петре мы видим — казенные фабрики и заводы переходят в частные руки. Везде Петр представлял себе правительственный почин, но с тем, чтобы сейчас же русские люди воспользовались этим и выучились сами производить то, что начато было правительством.

Понятное дело, что эти новые учреждения, польза которых была так очевидна, должны были содействовать нравственному возбуждению, о котором я уже говорил. Но были и другие средства для этого возбуждения, и ни одно из этих средств не было пренебрежено Петром. Правительственная мудрость

состоит именно в умении понять причины известной болезни, которой страдает общество, и, изучивши исторически дело, изучив, как произошли эти причины, излечить ее. Главные причины многих и многих самых тяжких болезней общественного тела России состояли именно в разрозненности сил. Русские люди в конце XVII и начале XVIII в. жили еще особняком, «особе», как говорит летопись. Соединение сил было им чуждо, и причина весьма ясна. Где народонаселение разбросано на весьма большом пространстве, можно ли ожидать соединения сил; можно ли ожидать, поэтому, соединения сил в государствах земледельческих при тех условиях, при которых не требуется соединения сил, не требуется разделения занятий? Разделение занятий и связанное с ним соединение сил являются в тех странах, где на небольшом пространстве средоточено большое народонаселение.

Вот почему является и процветает цивилизация преимущественно в больших городах, в противоположность селам, где народ живет розно, особняком, где, следовательно, не может быть соединения сил. А русское государство было государство земледельческое, без промышленности сколько-нибудь развитой, городов и торговли.

Против этого скажут, как же, неужели русские люди в древней своей истории никогда не соединяли своих сил, не умели соединять их? Что касается до «не умели» — это другой вопрос, мы уже говорили об этом. Русский народ мог и умел соединяться, потому что он принадлежал к арийскому племени и имел историю, достойную своего племени, ибо умел преодолеть препятствия к своему развитию, умел развиваться. Но от способности до действительного употребления этой способности далеко. Русский народ умел соединиться в Смутное время для спасения государства, для спасения и своей независимости; но какие же нужно иметь побуждения для этого соединения? Ему нужно было стоять на краю гибели, чтобы соединиться. Он умел соединиться, и слава ему, что он соединился. Но надобно обратить внимание на то, что заставило его соединиться. Он был возбужден интересом религиозным: под знаменем своей православной веры соединился русский народ! Там, где не действовали такие сильные побуждения, где не поднималось такое священное знамя, где не было таких средств, побуждавших народ к соединению, — он и не соединялся.

Что русский народ не «не мог» действовать соединенно, что у него недоставало только средств, не способностей, говорю, а средств, доказательством служит необходимость внешней централизации, необходимость сильной власти, которая побуждающим образом должна была заставлять народ соединять свои силы. И то преобразование, которое требовало нравственного возбуждения, соединения сил, должно было для своего успеха

начаться со средств, содействующих возбуждению сил, содействующих этому соединению сил. Поэтому Петр был великим преобразователем, что, поняв недостаток и причину его, он сейчас же обратился к средствам развить к народу общине, общую деятельность, приучал народ к этой общей деятельности. Отсюда такой успех преобразования. Так у нас появилось даже городское самоуправление. До тех пор в продолжение всей русской истории раздается вопль невооруженного населения городского и сельского на обиды от правителей, которые назначались к ним из людей, носивших оружие, из вооруженного класса — «служилых людей». Эти правители смотрели на управление, суд как на средства к жизни, видели в них «кормление». Служилый, вооруженный человек, которому мало было поместья, чтобы содержать себя и свою семью, просил у государя средств содержать эту семью. Государь был беден, денег у него не было, он давал землю вместо денег, а когда земли этой не доставало, он посылал своих слуг «кормиться» в известные области.

Такая простота и неразвитость существовала от Рюрика до Петра Великого; служилый человек в мирное время был правителем и судьей; но зато от древних времен слышатся вопли о несправедливости и неправедности этих судей и управителей, которые смотрели на свое дело как на средство кормления. И действительно, горожане, подчиненные их суду, должны были кормить их в буквальном смысле. Кроме денег, которые должны были давать этим правителям их подчиненные, старосты городские должны были покупать съестные припасы и все необходимое для жизни и относить к воеводе — «кормить воеводу». Разумеется, воевода хотел кормиться как можно сытнее. Дело доходило до того, что в некоторых местах, где воевода хотел кормиться уж слишком сытно, горожане выходили из терпения, восставали бунтом против воеводы. Когда это средство было очень опасно, тогда они бежали из той местности, где был воевода, где он хотел так сытно кормиться. Чтобы положить конец этому явлению, чтобы дать средство городскому и промышленному населению, посадским и торговым людям, обогащаться и обогащать вместе с тем государство, Петр учреждает городское самоуправление, освобождает горожан от воеводского суда и кормления, заставляет их выбирать из среды своей лучших людей, которые поочередно менялись бы и занимались управлением и судом. Так учреждены ратуши, впоследствии переименованные в магистраты, и все эти городские управления, все эти магистраты подчинены высшему, главному магистрату. Но кроме освобождения городского населения от людей, кормившихся на его счет, этим учреждением достигалась и другая цель, это то, что русские люди приводились теперь к общей деятельности, приучались к заботам о своих интересах, приучались действовать «сообща», приучались

смотреть, как частные интересы находятся в связи с общими, и приходили к убеждению, что человек, способный к общим интересам, вместе с тем способен и к своему частному, одним словом, приучались к тому, чего так долго недоставало русским людям. Но это начало, коллегиальное начало, начало общего действия, направления, проводилось всюду Петром.

Его любимая, основная мысль была — провести всюду это коллегиальное направление, главная причина этого заключалась в понимании болезни, а причина болезни — привычка русского человека жить розно, особо. Вылечить людей от этой болезни можно было, только заставив их действовать сообща, видеть в общем интересе свой частный интерес.

Так как общение людей есть источник движения жизни, источник цивилизации, то известное дело, что вводить цивилизацию в Россию Петр мог не тем, что заводил фабрики, заводы, учреждал войско, строил корабли, это все внешние случайности; введение цивилизации именно состояло в приучении русских людей к этому общению, к этой общей деятельности, к обществу в высшем значении этого слова. С городским преобразованием, с введением городского самоуправления шло введение коллегиального начала постепенно и быстро во все отрасли управления. Самое главное учреждение — правительственное — носило также коллегиальный характер, и в заботах Петра об этом учреждении мы видим его главную мысль, причину его привязанности к коллегиальному управлению. В верхней сфере, правительственной сфере, вследствие деятельности Петра произошла громадная перемена. До сих пор царь жил постоянно на одном месте, в Москве, он созывал вельмож трех первых классов — бояр, окольных и думных людей для совещания. Иногда эти совещания происходили в его присутствии, иногда он поручал первоначальное рассмотрение дела боярам, приказывал им «сидеть» об этом деле. Но эта так называемая Дума имела характер государевой канцелярии.

Большинство членов Думы приходили сюда не по своим способностям, не по служебной лестнице достигли этого высшего значения, а по родовым распорядкам, по местническим счетам. Эта Дума, находясь постоянно при царе, разумеется, не имела характера самостоятельного учреждения; все смотрели на царя, что он скажет, какой поставит вопрос; все старались узнать, какого решения он хочет. Но вот, вследствие деятельности Петра это учреждение, эта Дума должна была необходимо переменить свой характер. Царь редко живет в Москве, приезжает на короткое время; обыкновенно он или на войне, дерется на границах с неприятелем, или разъезжает по России для дел преобразования. Поэтому нужно было учреждение правительственное на новых началах, учреждение прежде всего самостоятельное, кото-

рое бы самостоятельно рассуждало о делах, не имея в виду царя, и немедленно приводило в исполнение то, что постановило. Уже с первых месяцев управления, находясь в отлучке из Москвы, Петр должен был дать Думе это новое, совершенно самостоятельное значение. Бояре, окольные, думные дворяне собирались без него и рассуждали о делах. Так как новые понятия постоянно втеснялись в Россию, то вместе с тем втеснялись и иностранные слова, ибо в русском языке недоставало многих слов для выражения новых понятий. И это высшее правительственное учреждение, этот высший правительственный совет, который принял новый, самостоятельный характер, не мог носить прежнего названия Думы, ибо, как я уже сказал, он переменял свой существенный характер; вот почему важно было, чтобы это собрание получило иное название, название, освященное для всех народов, которые жили древней цивилизацией и остатками ее.

Это учреждение получило название Сената, и в этом названии выражается новое самостоятельное значение высшего правительственного учреждения. Превращая царская Дума никаким образом не выражала этого нового значения. Новое значение, как было сказано, состояло в независимости, самостоятельности этого учреждения. Эти люди, призванные для решения самых важных дел правительства, должны были обсуждать их самостоятельно и, главное, немедленно приводить в исполнение свои постановления. Понятно, это все было чрезвычайно трудно по непривычке русских людей к самостоятельным учреждениям, к самостоятельному обсуждению дела. Да, это было трудной для них задачей по непривычке к ней русских людей.

ЛЕКЦИЯ 22

Я сказал, что самостоятельное, всестороннее обсуждение дел, дел важных, в которых нужно было дать непосредственный отчет, было чрезвычайно затруднительно для тогдашних русских людей; к этому они не привыкли. Эта неповоротливость мысли заметна во всем, вследствие этого обыкновенно делалось так, что один, более поворотливый, говорил мнение, другие соглашались с ним. Но такой порядок дел не входил в планы Петра; ему именно нужно было возбудить самостоятельность в русских людях; поэтому-то он хотел коллегиального устройства повсеместно, чтобы мысли, мнения встречались и таким образом предмет обсуждался с разных точек зрения. Вот почему он прежде всего потребовал от Сената и сенаторов, чтобы каждый излагал самостоятельно свое мнение, чтобы каждый подписывал свое согласие с известным решением, чтобы никто впоследствии не отговаривался своим безучастием в решении дел. Петр поступал бесцеремонно, не останавливался перед выражениями — так, он требовал,

чтобы каждый подписывал решение, подписывал свое мнение, как он выражался, чтобы «дурость» каждого была видна. Таким образом, из страха не показать свою «дурость» каждый занимался серьезно своим делом, обдумывал его и являлся с зрелым, всесторонним взглядом, с мнением, которое не могло выказать его «дурости».

Вы видите, какие средства должно было употреблять, чтобы расшевелить русского человека, чтобы возбудить в нем деятельность умственную, заставить его из лени не выказывать своей дурости. «Дурость» здесь разумеется не в буквальном смысле; Петр не назначал на высшие правительственные должности людей, которые отличались бы «дуростью» в буквальном значении этого слова; но он хорошо знал, что все это — люди неповоротливые, не привыкшие сосредоточивать умственную деятельность на делах общественных; он знал, что эти люди без приготовления, по привычке к умственной лени не обсуждали дела самостоятельно, а как кто сказал, так и будет, и потому нужно было заставить каждого излагать свое мнение, чтобы он не показал своей «дурости». Затем, кроме обсуждения решения дел Сенат имел обязанность немедленно приводить свои решения в исполнение. Здесь также он должен был воевать с этой неповоротливостью русских людей, с этой привычкой их откладывать дело общей пользы, общего интереса, которое прямо не касалось каждого из них.

В высшей степени интересна переписка Петра о том; Петр не церемонился, требовал, чтобы сенаторы были независимы в своих решениях, чтобы самостоятельно каждый обсуждал дело. Я сказал, что всюду старался провести свою любимую коллегиальную форму, которая была необходима для возбуждения умственной деятельности русских людей, для возбуждения этого общения, которого недоставало им. Вот почему старинные Приказы были преобразованы в Коллегии. Петру было мало коллегиального устройства в учреждениях; он старался ввести его и в областное управление; но тут встретил страшное препятствие, именно недостаток людей. Мы уже видели, как этот недостаток вредил государственным отправлениям в допетровское время. В его время, разумеется, этот недостаток не был вдруг уничтожен, для этого требовалось время, этот недостаток мы замечаем и теперь. Разумеется, Петр видел ясно, что для успеха дела нужны коллегиальные учреждения, чтобы вместо одного человека в учреждении было несколько, чтобы в нем был общий совет многих, но вопрос: откуда взять этих людей?

Общество и без того было в крайне напряженном состоянии — такое дело, как образование, требовало страшных усилий: нужно было в одно время вести тяжкие войны и делать внутренние преобразования; нужно было в одно время образовать постоянное войско и искать офицеров, генералов, образовывать флот,

устраивать крепости, искать искусных моряков и комендантов; нужен был огромный набор служилых людей и нужно было внутри образовывать разные школы—школы артиллеристов, инженеров, моряков; нужен был набор молодых людей служилого сословия для отправки за границу, чтобы там учиться, и в то же время нужно было учреждать коллегии, канцелярии по разным отраслям, и вот при всем этом Петр считал еще необходимым ввести коллегиальное устройство и в областном управлении. Где же взять людей, во-первых, людей физических, и, во-вторых, сколько надо способных к этому делу?

Низшие инстанции Петр позволял наполнять иностранцами, но высшие места он оставлял для русских, где же было взять этих русских? Вот почему в стремлении устроить коллегиальную форму в областном управлении Петр встретил страшное препятствие по недостатку людей и должен был под конец царствования отказаться, по крайней мере в некоторых частях, от своей любимой мысли по недостатку людей. Он понимал очень хорошо необходимость отделить управление от суда и старался ввести это в областях; но, разумеется, для такого необходимого развития, разделения занятий необходимы были люди, а этих средств тогдашняя Россия дать не могла преобразователю. Со всех сторон посылались жалобы на недостаток людей, указывавшие, что места и в коллегиях остаются незанятыми; Петр должен был отступить от своего любимого дела; планы его, указывавшие на необходимость отделения управления от суда, остались и после реакции, о которой скажем в своем месте. При более благоприятных условиях его планы постоянно приводились в исполнение. Вводя коллегиальное управление как средство возбуждения умственной деятельности и общения между русскими людьми, Петр, разумеется, должен был хлопотать о том, чтобы в промышленных и торговых предприятиях русские люди действовали сообща. Уже давно, еще в XVII в. и прежде, сами русские люди заметили свою несостоятельность в этом отношении; они видели, что иностранные купцы, приезжавшие в Россию, обязаны своим успехом тому, что ведут дела сообща, сообща блюдут свой интерес и ставят этим русских людей, действующих порознь, в довольно неловкое положение.

Русские люди понимали, что в этом отношении им не «стянуть» с иностранными гостями, но, разумеется, не могли по старой привычке подражать иностранцам. Петр пригласил их действовать именно так, как действуют иностранцы—вести дела сообща. В отношении торговли это дело не устроилось, но в промышленности Петр имел удовольствие под конец своего царствования видеть, что компании принялись. Именно частные люди, не имея средств одному взять казенные фабрики (Петр старался переводить их в частные руки), соединились с другими

и приобретали их легко компаниею, и этой компаниею заводили и новые фабрики. Вводя всюду, требуя ото всех этой коллегиальной деятельности, деятельности компаниями, обществом, Петр уже под конец своего царствования при окончательном образовании коллегий светских устроил и церковное коллегиальное управление.

Петр в начале своего царствования застал русскую церковь в одноличном управлении патриарха Московского и всея Руси. Но по смерти патриарха Адриана новый патриарх не был возведен и правление патриаршеское осталось в руках блюстителя патриаршего престола. Таким блюстителем Петр назначил рязанского митрополита Стефана Яворского, потом в 1721 г. было учреждено коллегиальное церковное управление, или так называемый Синод. Это преобразование одноличного церковного управления в коллегиальное было одно из самых трудных для Петра, но оно необходимо. Русская церковь в эпоху преобразования находилась в самом печальном положении. Я уже сказал, что в этом отношении было большое сходство положения ее с положением Западной церкви в эпоху Возрождения, Реформации. Появились новые потребности в обществе, потребность науки, знания, умственного развития, выведения человека из области чувства в область мысли.

Чтобы при этом выводе человек не увлекся, как обыкновенно бывает, крайним направлением, надо было церкви поддерживать религиозные чувства и таким образом образовать противовес новому направлению, вредному в своих крайностях. Но Западная церковь не имела средств для этого, она не поняла своего положения, она хотела удержать свое положение чисто внешними средствами: она вступила в борьбу с лютеранством, которое действовало во имя нового начала, осталась побежденной, и вследствие этого возникла Реформация. Тщетно государи, правительства, понимая, во-первых, необходимость церковного преобразования, а во-вторых, вред крайних реформ, тщетно, говорю, государи старались устроить сделку — ввести необходимые преобразования в церковь, которыми удовлетворилось бы большинство и которые вместе с тем положили бы противовес течениям, явившимся в виде анабаптизма и других печальных увлечений. Государи не смогли достигнуть этого на Западе, и Реформация совершилась. У нас в России произошли те же явления; народ, переходя из эпохи чувства в эпоху мысли, первоначально должен был приобрести средства противодействовать крайностям при этом переходе, а церковь этих средств не имела, духовенство было невежественно. А между тем государство не могло дожидаться, пока духовенство само приобретет нужные для нее средства образования, — ждать пришлось бы очень долго; государство пошло навстречу потребностям, и потому оно удержало за собой свою власть, свое значение и взяло всю инициативу в особе величайшего из государей — Петра Великого. Итак, по-

чин нового здесь пошел сверху благодаря Петру, и пошел правильным образом, как мы уже знаем. Делая почин, беря на себя инициативу во всем нужном для перехода народа из одной эпохи в другую, государство в лице Петра не могло оставить без внимания церковное духовенство.

Петр, человек религиозный, с одной, и гениальный, с другой стороны, понимал, что без помощи церкви нельзя ему действовать; что народ отдается в школу чужим учителям, учителям иностранцам и иноверцам, которые придут со своей верой, и ученики, естественно, могут подчиниться убеждениям, взглядам этих людей. Опасность будет сильная для русской народности, против этой опасности может с успехом действовать только образованное духовенство, только образованное духовенство может поддержать народ в эпоху тяжкого перехода из одного возраста в другой, только образованное духовенство может поддержать и православие в этом страшном деле. Были и есть люди близорукые, особенно в числе духовенства, которые по узкости сословного взгляда смотрели на Петра как на деятеля, враждебного русской церкви. Этот взгляд совершенно не верен, ибо какой враг станет давать неприятному, враждебному для него учреждению силу; всякий враждебный человек старался бы ослабить его, тогда как Петр хлопотал о том, чтобы дать русской церкви, русскому духовенству силу — науку, образование. Но при этом стремлении дать церкви, духовенству могущество Петр должен был встретить страшные препятствия и должен был прежде всего отстранить эти препятствия, должен был отстранить некоторые формы, без удаления которых невозможно было идти дальше.

Прежде всего должно было разделаться с патриархом. Новый патриарх, если нужно было выбрать его для цели Петра, должен быть человеком высокообразованным, который бы понимал потребности государства, общества и решил бы помогать Петру в этом деле. Но где было взять такого человека, где было взять образованного монаха в тогдашнем духовенстве; где было взять другого Петра в монашеской рясе? А успех дела мог зависеть только от выбора такого человека; такого человека не было, следовательно, выбор был невозможен. Как во всяком деле, касающемся народной жизни, существенных народных интересов, как во всяком великом перевороте образуются две стороны; одна стремится к этому перевороту, стремится к движению на новом пути, а другая держится во что бы то ни стало старого; так было и при так называемом Петровском перевороте, этом переходе нашего народа из одной эпохи в другую. И это не может служить укором никакому перевороту. Величайшие, благодетельнейшие преобразования совершаются всегда с борьбой, причем борьба не означает, что народу не нужно переходить на новый путь.

Борьбой сопровождается каждое новое движение, каждый переворот; никакая истина не принимается прямо, без сопротивлений, без борьбы. Если величайшее благодеяние для рода человеческого — христианская религия не могла распространяться без борьбы, то каждое сколько-нибудь важное явление должно встречать препятствия; но это не должно служить укором для него; так точно не может служить укором Петровской деятельности то, что она встретила препятствия во многих и многом. И понятно, что если новое вышло во имя образования, под знаменем науки, умственного движения, развития, то консерваторы, естественно, должны были выставить против этого знамени знамя и чувство — чувство самое основное, чувство религиозное. Итак, ревнители старины — консерваторы — должны были выставить религиозное знамя: «То, что вы делаете, новшества, которые вы вводите, — все это стремление к переменам нашей старины; основанием нашей старины была вера православная, потому все ваши новизны будут враждебны». Понятно, что духовенство в тогдашнем положении, при его необразованности (каким было большинство духовенства великороссийского), должно было не только разделять эти мнения, но и содействовать укреплению их. Ясно поэтому, какое опасное оружие дал бы Петр в руки противников, если бы дал этому духовенству, этим консерваторам, патриарха, главу духовенства, который смотрел бы на дело так, как и они, который встал бы всеми средствами против нового движения, перехода из одного возраста в другой. Довольно легко было прийти к тому вообще заключению, что при тогдашнем состоянии духовенства невозможно было из среды его иметь образованного человека, понимающего дело.

Для блага церкви нужно выбрать патриархом деятельного, человека со значением и авторитетом, но такой мог быть очень опасным противником. Энергичный человек, став во главе защитников старины, был бы, говорю, опасным соперником, ибо борьба с патриархом делала его мучеником в глазах народа. Итак, это было самое опасное дело и Петр должен был бояться патриарха. Выбрать же человека незначительного значило поступить в высшей степени недобросовестно и заслужить справедливый упрек во враждебности к церкви. Вот почему в эпоху преобразования патриарх из великороссийских монахов был невозможен; но Петр, который стремился к образованию духовенства, принял чрезвычайно важную меру, именно вызвал на великороссийские архиерейские кафедры ученых малороссийских монахов, чему присоединение Малороссии давало возможность. Так, скажут, что же мешало Петру поставить патриарха из этих ученых малороссийских монахов, ведь он же употреблял к деятельности Стефана Яворского, Прокоповича, Дмитрия Ростовского — для чего же из них не выбрал патриарха?

Но для решения этого вопроса нужно обратиться к отношениям, существовавшим между великороссиянами и малороссиянами. Между теми и другими было сильное нерасположение; в Москве и во всей России смотрели на малороссиян как на иностранцев, и это впечатление усиливалось языком малороссийским, странным и непонятным для великороссиян.

Л Е К Ц И Я 23

Мы остановились на церковном преобразовании Петра. Мы видели, в каком печальном положении находилась русская церковь именно вследствие недостатка образования. Следовательно, первое, что нужно было сделать для церкви,—это ввести образование в духовенство, тем более что в это время ему всеми нравственными и научными средствами нужно было защищать православие и от своих, и от чужих, потому что православие, с одной стороны, грозили свои—раскольники, а с другой—наплыв иностранцев в качестве учителей, которые необходимо должны были иметь влияние на учеников. Чтобы поддержать церковь, поддержать православие между русскими, вступившими на новый путь, надо было вооружиться всеми средствами науки. Это создавалось и прежде, но не было приводимо в надлежащее исполнение; не было наверху такого энергичного лица, которое бы приводило в действительность то, что было создано. А теперь таким-то и был Петр. Но здесь скрывался необходимо вопрос: можно ли оставить при новых потребностях ту форму церковного управления, которая существовала до сих пор, патриаршество, потому что можно ли найти такое лицо, которое бы сознавало потребности образования, могло вводить это образование в духовенство? Для этого нужно было быть самому образцом. Петр, чтобы завести флот и ввести европейскую цивилизацию в Россию, сам ездил в Западную Европу и учился там, как простой мастер.

Следовательно, при заведении чего-либо необходимо было самому знать то, что вводить, а следовательно, и патриарх должен был сам учиться—такого лица не было. Петр, как я успел сказать, стал замещать малороссийскими монахами архиерейские кафедры, потому что эти монахи были ученые; но из них патриарха нельзя было выбрать по нерасположению, которое существовало между мало- и великороссиянами. На малороссиян, как на хохлов, смотрели враждебно: они являлись иностранцами, чему способствовал их язык. Поэтому нужно было уступить общему направлению, общественному мнению и не назначать патриарха из малороссиян. И вот после смерти патриарха Адриана (1700 г.) блюстителем патриаршего престола был назначен Стефан Яворский, митрополит Рязанский, малороссиянин.

Но были еще другие причины, кроме указанной прежде, заставлявшие Петра принять эту меру. Кроме этого преобразования духовенства научного, так сказать, кроме введения школьного образования церковь нуждалась в преобразовании экономическом. В наследство от старой России осталось это страшное неравенство распределения имущественных доходов, средств содержания между черным и белым духовенством. В период господства религиозного чувства во всех христианских странах был обычай наделять духовенство, строить церкви и давать содержание — более или менее богатое — духовенству, церквям и монастырям. Но только с самого уже начала на Востоке и Западе на первый план выступает это последнее учреждение — монастыри, потому что монахи более действовали на духовную сторону человека, чем белое духовенство.

Монахи по преимуществу заменили в духовенстве то, что у евреев представляло это любопытное явление, — пророков, людей, которые вдохновлялись свыше и посвящали себя пророчеству как в отношении догматическом, так и нравственном. Священство в высших своих степенях не играло вовсе такой роли, какую играли пророки. С появлением христианства мы видим, что в этой новой религии священническое звание необходимо соединяется с званием пророческим, чего не было в древнем мире ни у язычников, ни у евреев. Отсюда сильное значение священства в христианстве. Но с течением времени, однако, и здесь происходит, так сказать, разделение занятий: священство стремится занять то же самое место, принять тот же характер, каким оно было обложено у евреев, — именно характер людей, отправлявших богослужение.

Но так как по самому характеру своему христианство требовало постоянного пророчества, требовало пророков, людей, которые должны будить остальных членов общества, указывать им высшие потребности, обязанности по отношению к Богу и ближним, то мы видим, что очень скоро эту обязанность пророчества приняли на себя монахи, отшельники. Эти люди, чтобы дать себе большее значение — пророческое значение, отреклись от мира и удалились от него в пустыню; и в этом отречении от мира они получили высший характер, высший авторитет. Только такие люди могли будить других, напоминать им, что человек должен жить не для ежедневных благ мира, а для высших целей; только слово таких людей могло быть сильно; людей, которые начали дело, показали, что человек может быть выше тех отношений, которые привязывают человека к земному и заставляют забывать высшие цели. Вот почему монахи начали играть такую важную роль в христианстве как на Востоке, так и на Западе. Когда монахи приобрели такое важное значение, явились пророками, то ясно было, что общество христианское для своего

сохранения, поддержания должно стремиться соединить монашество со священством; должно было требовать, чтобы монахи, эти отшельники-пустынники, вызывались в города, в среду общества, возводились на высшие иерархические степени, чтобы здесь они проповедовали, пророчествовали в еврейском смысле слова, чтобы святительское звание стояло наверху, а не было спрятано под спудом.

Вот почему, когда священство все более и более теряло свой апостольский и пророческий характер, это стремление общества для поддержания христианского начала вызывать монахов и давать им архиерейские кафедры сделалось обычаем. Теперь обыкновенно говорят, что монахи незаконным образом пользуются этим правом исключительного занятия архиерейских кафедр; что в первоначальной церкви архиереи были из белого духовенства, из мирян, были люди семейные; что монахи вторгнулись в архиерейство и захватили его незаконно. Но вы видите ясно, что вопрос здесь поставлен не исторически. Монахи завоевали архиерейские кафедры — действительно, но завоевали по праву законности в историческом смысле; завоевали архиерейские кафедры своим нравственным совершенством, нравственными преимуществами перед белым духовенством. Их часто поневоле заставляли занимать кафедры, их выкрадывали, так сказать, на архиерейские кафедры. Пустынника, который не хотел быть архиереем, насильно заставляли. Известно, что один из величайших пророков, Иоанн Златоуст, был выкраден из Антиохии, чтобы поступить на архиерейство в Константинополе.

Следовательно, здесь дело состояло в нравственном превосходстве черного духовенства над белым — это явление, очевидное для каждого, кто знает историю; только вопрос в том, что не следует смешивать настоящего с прошедшим. Если теперь монахи не представляют такого характера, какой представляли, то могут ли они по праву занимать архиерейские кафедры, это другой вопрос; но с исторической точки зрения монахи вытеснили белое духовенство законно, благодаря своему нравственному превосходству. На Западе, где церковная власть сосредоточивалась в руках одного человека — папы, явилось стремление увенчать этот успех монашества над белым духовенством, произвести полное преобразование духовенства, то есть сделать всех духовных монахами. По-видимому, это совершенно логично, следовательно: священник должен иметь этот характер пророка. Разделение, существовавшее у евреев между священниками и пророками, не годится для христианства, христианство основалось и распространялось пророческими средствами, ибо апостолы все равно пророки; только пророки, которые не ограничились одним еврейским народом, нет, апостолы сделались пророками всего мира. Потом, всякое учреждение для своего сохранения должно

употреблять те средства, которыми оно распространялось, в противном случае оно падает, потому-то этот пророческий дух и должно было сохранить христианское священство для поддержания соли христианства.

И так как монахи отрекались от мира, став выше его и получив власть напоминать мирянам о высших целях, то папа Григорий VII имел право требовать, чтобы все духовенство обратилось в монахов. Здесь, разумеется, папа шел последовательно, но он не обратил внимания на человека, его природу, на законы, которыми управляется человек. Папа поэтому поступил здесь как деспот — он хотел своей волей сделать священников монахами-пророками, но такие вещи не делаются волей одного человека. Христос не сделал своих апостолов, не создал их, не велел быть им пророками, апостолами, он их выбрал из общества; папа хотел своим указом сделать всех священников пророками, требуя, чтобы они все были монахами. Разумеется, это требование деспотическое: ни один деспот во всей истории, в целом мире не позволил себе такого требования, какое позволил себе Григорий VII. Вот почему это требование, удовлетворительное по форме, внутренне не могло быть удовлетворительно. На Востоке осталось это разделение на черное и белое духовенство, но так как на Востоке монахи приобрели высшее нравственное значение, то они и заняли здесь архиерейские кафедры, ибо на Востоке, как и в России, с самого начала монашество, монахи явились с пророческим характером, превосходя тем белое духовенство. Известна роль строителей монастырей, роль их основателей. Ясное дело, когда религиозное чувство возбуждено, то естественно явление, что человек жертвует всем самым дорогим для этого нового господствующего начала; жертвует самим собою; жертвует самыми священными чувствами, нежными отношениями — муж разводится с женой, жена бежит от мужа, дети от родителей, чтобы посвятить себя Богу, христианству.

Понятно, что если одни дошли до такой степени, что жертвуют самыми священными отношениями, то другие доходят до этого, руководясь более материальными побуждениями, но тем не менее первые жертвуют своими материальными средствами, своим богатством; отсюда это стремление строить храмы, украшать монастыри, хотя относительно последних это было и непоследовательно: монастыри были основаны теми, которые сделали славны своим презрением к славе и божеству. Но как скоро эти подвижники умерли, то их монастыри явились в виде больших замков, богатых, убранных церковей, так что память о святом основателе привлекала многих, которые и способствовали своими средствами обогащению монастырей. Монастыри собирали богатства, оправдывались тем, что собирали их не для себя, но для нищей братии, что церковное богатство есть богатство бед-

няков, а это, разумеется, еще было поощрением жертвовать в монастыри, которые являлись богатыми странноприимными домами, питавшими бедных во время голода.

Материальные представления, господствовавшие в древнем обществе, жившем чувством, способствовали также обогащению монастырей. Каждый при смерти, сознавая свою греховность и боясь наказания в будущем мире, жертвовал частью, а иногда всем имуществом в монастырь, чтобы иноки, более совершенные в его глазах, молитва которых была доступна Богу, молились за его душу. Этот обычай, господствовавший везде в христианских странах, господствовал и у нас в России. Вследствие этого обычая явилось страшное обогащение монастырей. Так как государство было земледельческое, бедное движимостью, в котором не было промышленности и торговли, а главное богатство состояло в земле; так как это государство, не имея денег, платило людям за службу землей, то и люди, не имея денег, движимости, отпускали монастырям часть своей недвижимости — земли в ущерб своим детям, своей фамилии. Монастыри богатели, соединяли в себе обширное землевладение, которое не отчуждалось, не разделялось, как у частных людей, между наследниками, детьми. Вредные следствия этого для государства оказались скоро. Землевладельцы начали беднеть, ибо по отсутствию майората земельная собственность делилась между всеми сыновьями и отдавалась в приданое дочерям, а, с другой стороны, часть земельной собственности отходила к монастырям. Земля была единственным средством дохода, содержания людей, служивших государству. Государство раздавало земли служилым людям, но скоро вотчинники, значительные землевладельцы, вследствие этого отчуждения земель стали нуждаться в помощи, стали требовать этой помощи.

Войско в этой войне при открытых границах с соседями явилось главной потребностью, нужно было удовлетворить это войско, дать содержание ему, нужно было удовлетворить его землей; но земли в середине государства стало мало, а обширные земли на востоке, юго-востоке и северо-востоке нельзя было раздавать в помощь служилому человеку, ибо для государства было выгодно, чтобы служилый человек жил подле, чтобы при первой опасности можно было призвать его и двинуть к границе. Следовательно, для государства было важно, чтобы поместья раздавались в центральных областях; но в центральных областях земли становилось уже недостаточно, и ясно было, что огромное количество ее находилось у монастырей и отчасти у церквей. Поэтому давно уже, в XV, XVI вв., поднимался вопрос: должны ли монастыри владеть землей? С одной стороны, поднимался вопрос вследствие чисто государственных требований — взять у монастырей земли и наделить ими служилое

сословие, с другой — поднимался вопрос по религиозному требованию. Явились люди, которые указывали, что монастырям не следует владеть землей, так как они отрешились от мира, что не следует им поэтому заниматься хозяйством.

Несмотря на возбуждение вопроса с этих двух сторон, вопрос не был решен, так как большинство стояло еще за это владение землей. Все, что мог сделать Иван IV,— это ограничить распространение монастырской собственности, но сами государи нарушали этот закон: так, был укоренен этот обычай давать монастырям земли на помин души, ибо государство было бедно деньгами. Но понятно, что люди, протестовавшие против владения землей с монашеской, религиозной точки зрения, были совершенно правы, потому что владение это противоречит христианству и значению монашества. Монахи портились от этого прикосновения с миром, монастыри также терпели от этого, потому что в богатый монастырь шли люди не за тем, чтобы быть монахами, а чтобы пожить спокойно; и вот это владение обширными земельными участками породило страшную порчу в монастырях, так что в XVI в., преимущественно в XVII в. раздаются вопли со всех сторон против безнравственности монашеской жизни; и церковное и гражданское правительства одинаково шлют грамоту за грамотой в монастыри с упреками в безнравственности. На соборах повторяются те же упреки. Сознание безнравственности монастырской жизни входит более и более в общество, а между тем это общество ограничивается только отрицательными средствами, одним обличением литературным. Важно, что известное сознание входит в общество и выражается в законодательных и литературных памятниках; но очень вредно, когда долго господствуют подобные обличения, это отрицательное направление, когда общество довольствуется одними ругательствами и не принимает ничего для уничтожения этих явлений, против которых оно вооружено.

Так было у нас в продолжение целых двух веков, когда только и делали, что обличали монахов, их безнравственность, архиереи не щадили жестоких слов, но все ограничивалось только жестокими словами; в монастырях продолжали вести безнравственную жизнь — следствие накопления у них больших богатств. Итак, монастыри представляли убежище людям, которые шли для того туда, чтобы вести спокойную жизнь; а между тем другая часть духовенства, белая, страдала от противоположного — от бедности, от недостатка средств. В известных нравственных целях в русской церкви было постановлено, чтобы русский священник был женат, семья была его обязанностью, семья, которой он обзаводился раньше, чем получал дьяконское место. Отсюда большое количество детей у этого духовенства, священник был обязан питать и воспитывать этих детей, а средств сколько-

нибудь достаточных для этого у него не было. В селе он должен был забывать свои церковные обязанности, чтобы доставлять средства к пропитанию своему семейству, должен был бросать богослужение, проповедь, чтобы обрабатывать землю, чтобы доставлять пропитание и себе, и своему семейству.

ЛЕКЦИЯ 24

Мы видим полную несоразмерность относительно материальных средств между черным и белым духовенством. Хотя эта несоразмерность кидалась в глаза и была совершенным противоречием, монах должен был быть ограничен относительно материальных средств, как человек, отказавшийся от мира, а белое духовенство должно было иметь достаточные средства, ибо оно было обязано семьею, но на деле выходило наоборот, что, конечно, должно было бросаться в глаза. Бедность белого духовенства увеличивалась опять этим стремлением увеличивать число церквей, увеличивалась этой «особностью», которой отличалось наше древнее общество. На Западе рано возникли обширные города, обширные общины, которые, развивая общественную жизнь, вызывали к построению громадных храмов, церквей, которыми славятся до сих пор западные города как чудесами средневекового искусства. Понятно, что таких церквей не могло быть много, и это уже сосредоточивало к ним большую часть населения городского и развивало еще более общественность, ибо церковное общественное богослужение было важным побуждением, имело важное влияние и значение в развитии общественной жизни. Человек, который не сходится с другим нигде, сойдется с ним в церкви по крайней мере. У нас при главном условии нашей жизни — при обширности пространства и малочисленности населения — господствовала такая особенность быта — каждый жил особо. Это, разумеется, отразилось и на общественном богослужении — содействовало его ослаблению; в известном смысле каждый человек со средствами старался иметь свою церковь, и понятно, что при бедности средств общества вообще и частных лиц в отдельности церкви эти не могли отличаться обширностью и красотой. Особенность быта высказалась в обычае бедных людей, которые не могли иметь своих церквей: они шли в другую церковь, несли с собою образ и каждый молился при своем образе. Понятно, что таким образом увеличивалось число церквей, а вместе с этим должно увеличиваться и число священнослужителей, причем, разумеется, выбора уже не существовало. При отсутствии просвещения, высших требований от пастора, начал господствовать такой взгляд, что священник есть как бы материальное орудие для совершения треб, для отправления богослужения.

Таким образом, возник чисто материальный взгляд на дело. Священник, получив архиерейское благословение, делался уже способным отправлять богослужение, а до другого его дела нет: кто он такой, какова его нравственность. Таким образом, более и более священник нисходил на степень старинного жреца, без всякого характера пророческого, без всякого даже признака этого характера; так что в христианской церкви при всяких условиях священник носит на себе признак пророческого характера, как проповедник, как учитель, но в древней России этот характер совершенно утрачивается, и священник становится жрецом, исполнителем богослужебных обрядов. Но отсюда при увеличении числа духовенства вследствие требования особенности жизни, вследствие отсутствия всякого выбора, вследствие того, что принимались все, лишь бы «гуменцо было пострижено»,—вследствие всего этого увеличивалась страшная бедность, потому что при недостатке средств вообще человек, который строил церковь, не мог дать достаточного содержания священнику. К тому же число священников увеличивалось безмерно недостойными членами, недостойнство которых увеличивалось от недостатка средств, от поглощения их суетными заботами. Вот в каком тяжелом положении находилось духовенство—черное и белое. Черное вследствие накопления богатства, белое от противоположного—вследствие страшной бедности. А между тем потребности общества были таковы, что духовенство для удовлетворения их должно было стать выше, должно было получить образование, но как это сделать?

Следовательно, при этом общем повороте русской жизни преобразование духовенства относительно образования и относительно его экономического положения было необходимо; именно у монастырей должно было отнять излишки богатства, привести в прежнее положение, придать им прежнее значение или по крайней мере приблизиться к нему по возможности. Белое духовенство нужно было вывести из этого печального положения в экономическом, нужно было дать ему больше материальных средств. Но это экономическое преобразование, на которое в продолжение двух веков указывали и ничего не делали,—это экономическое преобразование предпринял Петр по своему характеру, «положил намерение». Но чтобы никто не мешал ему в этом, нужно было отстранять патриарха-монаха, который непременно должен был стать на сторону своих. Преобразование нужно было начать с архиереев, следовательно, нужно было действовать свободно, чтобы никто не мешал, и патриарх, глава архиерея, мог больше всего мешать. Понятное дело, что Петр смотрел неблагоклонно на монастыри. На монашество вообще неблагоклонно смотрели и другие русские в XVI и XVII вв. Петр воспитался в этом неблагоприятном взгляде на монахов, но разница в том,

что его предшественники ограничивались только тем, что бранились, а он хотел сделать дело, хотел преобразованием улучшить положение их. Он смотрел на дело так, что монах должен получить содержание только достаточное для его жизни, его положения, но нисколько не должен получать больше того, ибо излишек ведет к явлениям, противоположным, противоречащим принципам монашеской жизни.

Монастырь должен быть училищем нравственным, а не примером разврата; поэтому он ввел строгие правила относительно монастырской жизни. Потом он ограничил число монахов, ибо, как было сказано, большие выгоды, богатства привлекали в них огромное число людей, которые шли вовсе не для удовлетворения аскетической потребности. Это явление беспокоило Петра больше, чем всякое другое, потому что он видел весь вред, происходящий в России от недостатка людей, что дела было больше, чем рук; а между тем столько рук убегало от дела для праздной жизни в монастырях. Вот почему он запретил постригать молодых людей, нельзя было никого вновь постригать без царского приказа; затем Петр, как я уже сказал, назначил на содержание монахов известное количество денег и хлеба. Вследствие всего этого должен был оказаться большой остаток суммы, получаемый монастырями. Эти суммы Петр употребил на содержание инвалидов. Увеличивая войско, делая его регулярным, набирая ратников, государство в случае неспособности кого-нибудь по болезни или увечью старалось принять его на общинное содержание. Содержание это было необходимо, но где было взять средств для исполнения этой меры?

Петр увидел эти средства в монастырях: излишек монастырских доходов должен был идти на содержание этих ратников, послуживших отечеству и неспособных более. Вот почему, ограничив число монахов и количество их содержания, он определил, чтобы каждый монастырь содержал известное число служивших на эти остатки. Впоследствии он еще и другую цель нашел для монахов, это — воспитание сирот, детей, покинутых родителями в минуту их рождения. Итак, монастыри должны были служить инвалидными домами, с одной стороны, и воспитательными — с другой. Но понятно, что оставлять управление землями монастырей и распоряжение их доходами в монашеских же руках — это не было целью Петра, и поэтому он учредил особый приказ, монастырский приказ, и вручил его ведение светским лицам. Легко понять, сколько воплей поднялось против Петра за это учреждение, за это преобразование монашества. Отсюда и нарекания, что он антихрист, отсюда ругательства, пасквилы, которые были направлены против Петра. Легко понять, что все это не могло успокаивать человека с огненной, раздражительной натурой, и, несмотря на это, Петр умел держаться, умел провести

свои преобразования, но не пойти далее. Он оставил монашество, монастыри, он только преобразовал их, дал им другой характер; он не отобрал у них земли, но дал другое управление этими землями и другое назначение. Вообще у нас, по недостатку изучения истории, привыкли смотреть на Петра как на Преобразователя, ломавшего все, что ни попадалось ему, из одной страсти ломать. Некоторые восхищались, хвалили его за это без толку, представляя его революционером, другие бранили также без толку; но при внимательном изучении его деятельности мы видим, что у него доставало энергии приводить в исполнение это великое преобразование, но при этом являлся его консерватизм, не сделал ничего ненужного, ничего лишнего. Он мог бы при проведении известного начала зайти дальше, чем нужно, не соразмерив средств с делом; причем, конечно, он ошибался, потому что свои собственные средства сравнивал со средствами других,—ошибка великого человека, который не может понять, как он велик, не может понять, что другой мал.

И вот Петр, правда иногда, вел свое дело дальше, чем следует: если он сам видел это, останавливался и объявлял, что ошибся,—тоже признак необыкновенного величия. Но надо заметить, что в тех средствах, мерах, которые он, по-видимому, вел дальше, чем следует, он указывал пример, образец для будущих деятелей. Действительно, в продолжение XVIII и XIX вв. то, что было начато или указано им и потом оставлено, мало-помалу было приводимо в исполнение, так что последующая деятельность государей может являться только в виде развития петровского плана. Он не раздражался пасквилями, не раздражался тем, что его называли антихристом, он проводил спокойно, твердо свое преобразование. Оно дорого ему стоило, оно было страшно тяжело для него, но он не отказался от него, он коснулся всех вопросов, коснулся и того вопроса, который нас теперь занимает: по праву ли исключительно монахи занимают архиерейские кафедры? Он взвесил все обстоятельства, прислушался к голосу народа: остановился. Ему сначала очень хотелось отнять у монахов это право—исключительно занимать архиерейские кафедры, но, взвесив все, он оставил это право за ними, объявив, что он уступает обстоятельствам; точно так, как уступил апостол Павел, который велел своим ученикам образоваться для успокоения евреев, хотя апостол был сам против этого образования. Сохранилась собственноручная заметка Петра об этом с ссылкой на пример апостола. В основание преобразования монашества Петр положил, что монашество должно иметь две цели: первая—поставлять образованных архиереев; часть монахов, способная к учению, образованию, должна посвятить себя науке, чтобы из них выходили образованные архиереи; другая цель: большая часть монахов, неспособная к науке, долж-

на посвятить себя на служение страждущему человечеству. На этом и остановился Петр относительно монашества. Что касается белого духовенства, то с необыкновенною ясностью Петр понял, чего ему недостает, именно материальных средств, откуда проистекало все зло для белого духовенства, его невежество. Вследствие отсутствия у него средств заниматься образованием, наукой происходило то, что эта часть духовенства была поглощена материальными заботами, отсюда эта нравственная испорченность характера, жадность, стремление собирать гроши — были очень естественны в таком жалком положении, в каком находилось белое духовенство. Все это, разумеется, исчезало с поднятием их материального благосостояния. Но какими средствами достигнуть этого?

Государство очень бедно, чтобы дать средства, и вот приходилось относительно экономического быта белого духовенства ограничиться немногими мерами, но чрезвычайно действительными, прежде всего уменьшением количества белого духовенства, закрытием домовых церквей. Как везде, так и здесь, проводя постоянно свой принцип, Петр приучал русских людей к общественности во всех сферах: «не живи особе» и относительно религии — не молись одиноко, ходи в общую церковь. Хочешь молиться один — для этого церковь не нужна; хочешь идти в церковь, иди в общую молиться со всеми. Здесь проводился принцип, что всякая церковь в смысле храма должна доставлять обеспеченное содержание своему священнику. Лишние церкви должно было запереть; при церквях должно быть столько священников, сколько могло быть при них при безбедном положении, лишних быть не должно. При этом Петр обратил свое внимание и на подробности. Он узнал, что бедность духовенства увеличивалась обязанностью иметь свои дома, покупать их; и вот несколькими указами предписал, что дома духовенства должны содержаться от прихода, что белое духовенство не должно покупать их, не должно входить в долги при их покупке.

Петр застал духовенство и прихожан — мирских людей — в самом жалком положении именно вследствие раскольников, вследствие церковной смуты. С одной стороны, люди с горячим убеждением, увлеченные проповедью раскольников, шли в раскол и вооружались против церкви, указывали на ее догматы, по их мнению не православные, и указывали также на недостойность ее служителей, что, конечно, было справедливо. Эти голоса раскольников не могли не произвести сильного впечатления, тогда оставшиеся в православии видели, что священники, духовенство не в уровень со своим положением, значением. Раскольники пророчествовали. Как — это другое дело; но уже со страшным рвением, с сильным огнем, с убеждением, которое нельзя было сломить муками, они проповедовали свое учение и этим огнем

воспламеняли других, живших только чувством. В расколе были пророки, проповедники; в православии пророков не было: священник был жрецом, отправлявшим богослужение, а между тем иногда иностранные учителя, которые толпою приходили в Россию для распространения европейской цивилизации, толковали, что священник должен быть не жрецом простым, а проповедником, пророком. Потребность в проповеди явилась, а удовлетворения не было. Отсюда церкви пустели, не столько вследствие того, что многие шли в раскол, сколько от равнодушия, потому что прежнюю потребность идти в церковь, прежнюю веру в нее поколебали теперь, указывая на недостойность священников. Итак, церкви пустели. Но кроме того, дурно было, что они пустели, но не всегда было хорошо, когда они были полны, потому что невнимательность к дому богослужения доходила до крайней степени: разговоры, брань слышались в церкви, и никто не заботился о том, чтобы прекратить эти беспорядки, эти соблазны, тем более что само духовенство подавало к тому повод. Нужно было очистить церковь, и Петр с обычным рвением принял за это дело. Относительно раскольников он переменил прежнюю систему, систему гонений и казней, которой держалось прежнее правительство, он оставил раскольников в покое, если только они спокойно будут заниматься и не распространять своих заблуждений, ведь Петр не мог же быть равнодушным к расколу, не мог не видеть, что это есть заблуждение. Он предписал миссионерство, выбирал способных духовных лиц, которые бы могли вести споры с раскольниками и убеждать их. К преследованиям и наказанию прибегал он только тогда, когда раскольники из-за своих убеждений тревожили спокойствие общества, заводили смуту, вооружались против правительства. Но так как для преобразования всего общества нужно приносить жертвования для того, чтобы вывести народ на новую дорогу, то Петр вправе был потребовать и от раскольников их жертвований, чтобы они выкупали право быть раскольниками, и потому они были положены в двойном окладе.

Л Е К Ц И Я 25

Я сказал, что относительно раскольников Петр Великий переменил прежнюю систему, систему преследований, без старания обратить заблудшихся убеждениями. Прежняя система была необходима до Петра Великого именно в том отношении, что духовенство не имело возможности убеждать; при Петре только явилась эта возможность именно вследствие появления ученого духовенства, и Петр тотчас воспользовался этой возможностью, чтобы привести ее в дело. Я сказал, что Петр равнодушно смотрел на раскольников, если они исполняли свои обязанности

гражданские, но, нуждаясь в деньгах для своих предприятий, вымышляя средства приобрести их, Петр заставил раскольников платить двойной оклад за свободу вероисповедания. Я коснусь здесь финансовых затруднений. Действительно, если вы обратите внимание на бедность страны, финансовую несостоятельность, которую представляла Россия во второй половине XVII в., то не сможете избавиться от крайнего изумления и минутного недоверия: каким образом было произведено все то, что знаменует царствование Петра Великого. Продолжительные тяжкие войны с неприятелями, которые входят в пределы государства, войны, занимающие почти все царствование, войны со Швецией и Турцией, заведение дипломатических сношений с европейскими государствами, появление русских послов при дворах европейских, что требует огромных издержек, незнакомых для древней России, заведение войска, флота, построение крепостей, заведений училищ — все это требовало страшных расходов, могших истощить и богатое государство, торговое и промышленное, а не такое бедное, каково было Московское. Несмотря на это, Петр умел добывать деньги и, сходя в могилу, не оставил ни копейки долгу. Понятное дело, что тут нужны были необыкновенная экономия и умение найти средства.

Здесь не могло обойтись без того, чтобы Петр показывал сам пример, но требовал от своих подданных крайнего напряжения и больших жертв. Эти-то жертвы, разумеется, и произвели, особенно сначала, когда не видели плодов дел, сильное неудовольствие против мер и преобразований Петра. Разумеется, прежде всего неудовольствие пошло из монастырей, от монахов, у которых отняли их богатые доходы, вовсе не по монашеской жизни. Мы видели, на что пошли эти доходы. На содержание инвалидов как офицеров, так и простых солдат, на порции, шедшие прежде на лица, числившиеся монахами, число которых было теперь сокращено, на учреждение богаделен и учреждений просвещения. Так, на эти монастырские доходы были учреждены госпитали в Москве, потом и в С.-Петербурге. На эти же доходы монастырей содержались типографии. Разумеется, монастырские доходы, имевшие свою сферу употребления, не могли много помочь государству в его громадных расходах, начавшихся с эпохи преобразований. Я упомянул об экономии. Петр, который любил все сделать прежде всего сам, разумеется, и эту экономию прежде всего испытал на себе самом. Он уничтожил все те расходы, которые служили к пышности царского двора; чтобы заставить подданных охотнее сносить лишения, он сам переносил всевозможные лишения, сам довольствовался малым, сам вел образ жизни самый простой — довольствовался жалованьем, которое получал за свою службу в армии и флоте. Потом, разумеется, хотя заведение фабрик и других промышленных учреждений

требовало много денег, но это очень скоро дало возможность обходиться без выписки иностранных вещей для армии и флота, и сейчас же оказалась польза этих заведений. С Петра начинается рациональное государственное хозяйство, умение пользоваться всем, что дает природа. Употреблены были все средства, чтобы «Божее благословение втуне не пропадало», по выражению Петра. Средства науки были употреблены на то, чтобы найти сокровища, сокрытые в земле и находящиеся на ее поверхности, но неизвестные вследствие отсутствия того света, посредством которого можно узнать предмет и его пользу. Во всех отраслях промышленности, в которой теперь после полутора века слишком начинают, по-видимому, приходить к открытиям, узнают, что это открытие было сделано Петром или указано им, но после память об этом затерялась. Чрезвычайно важная школа, школа не в вульгарном смысле, была открыта при Петре — это именно возбуждение мысли и способностей русского человека. Вдруг народ, спавший непробудным сном, должен пробудиться, слышит новые требования, новые указания. Царь обращается к своим подданным с самыми простыми вопросами, простыми задачами и требует ответа. Кто ответит хорошо, тот идет вперед, награждается щедро, находит доступ к царю, потому что царь обходится очень просто со всеми.

И вот вследствие этого мысль русского человека пробуждается, каждый способный человек озирается кругом себя, ищет что-либо сделать, что принесло бы пользу и приблизило бы его этим к царю. Разумеется, и другие побуждения также действуют тут. И вот со всех сторон дают царю проекты, планы о том, как увеличить доходы, уменьшить расходы, подают финансовые проекты. На этот предмет первой необходимости русский человек пробует свои умственные силы. Является целая толпа людей, которая слывет под именем прибыльщиков, которые хлопчут о том, чтобы сделать прибыль государству, увеличить доход, уменьшить расходы. В числе этих прибыльщиков человек с большими способностями в этом отношении был Курбатов. Курбатов, крепостной человек боярина Шереметева, путешествуя вместе с господином за границей, зорким глазом приглядывался ко всему, что встречал там. Когда он возвратился в Россию, преобразования были в разгаре; царь заводил новое и требовал средства для поддержания этого нового. Курбатов явился тут со своими проектами, и первым из них был проект о введении гербовой бумаги. Царь сейчас же сблизился с Курбатовым, начал поручать ему новые дела. Курбатов участвовал в плане преобразования монастырских имений, монастырских доходов. Он занимался также устройством новых школ по разным специальностям в Москве, потому что человеку даровитому, образованному, какими бы средствами он ни получил это образование,

было много разного дела при Петре: человек не мог ограничиться у него одной специальностью. Точно так, как сам Петр был человеком универсальным, знал все, умел сделать все, таким же характером отличались и люди, к нему приближенные. Так как людей было мало, а дел много, специализировать было невозможно. Другим таким же прибыльщиком был обер-фискал Нестеров. В финансовой системе произведена была важная перемена, именно введена была подушная подать. Побуждением к введению подушной подати была чрезвычайная неправильность при прежнем переписывании земель и хозяйств; употреблялись всевозможные средства, обман при пособии переписчика, чтобы избавиться от платежа податей. Для уничтожения этого вопиющего обмана было предложено введение подушной подати. Так как обыкновенно при переписи дворов несколько семейств соединялись в одно, несколько дворов пригораживались к одному двору — уничтожались дальние ворота и калитки, чтобы платить с одного двора, то введена была подушная подать, которая уничтожала эти обманы. Каждый человек, каждая рабочая сила должна была платить за себя. Со всего, с чего можно было взять деньги, деньги были взяты при Петре. Теперь в богатых государствах существуют подати с предметов роскоши — Петр тоже придумывает подать с предметов роскоши.

Но какая роскошь могла быть в таком государстве, каким было Русское в то время? Он и тут нашел предмет роскоши — дубовые гробы. Он с них начал брать деньги. Но разумеется, какие бы ни придумывались прибыльщиками средства увеличить доход, этот доход не увеличивался в такой мере, в какой увеличивался расход на преобразование. Следовательно, главное средство увеличить доход состояло именно в увеличении деятельности труда, промышленности и торговли, и это-то увеличение дало народу перенести тяжелое время преобразований. Легко понять, что Петр требовал от русского человека труда, деятельности, что преследовал прежде всего праздность — отсюда нерасположение его к монахам, которые жили в монастыре, ничего не делая. Он не мог равнодушно видеть монаха, который по целым дням стоит за воротами, зевая на проходящих. Это тунеядство, эта праздность выводила его из себя. Время было тяжелое по этому страшному требованию дела, по этому страшному гонению на праздность, тунеядство, время было тяжелое также по этим громадным рекрутским наборам. Рекрутов собирали не только для военной службы, теперь Петр делал набор во всех сословиях и набирал способных молодых людей для работы всякого рода. В то время как шли большие партии рекрутов для укомплектования армии и флота, работники для постройки укреплений и гаваней — в то самое время набирались из других сословий люди для определения в школы, для отправки

за границу — для коллегий, чтобы приготовить их к местам коллежским. Возбуждение было страшное — революция, какой ни один народ не может представить в своей истории; и среди этого движения, толкотни, неповоротливости, лести и праздности раздается постоянно призывный голос главного работника, который появляется в истории с тем характеристическим названием, которое он сам дал себе. В одном письме с Переяславльского озера к матери он говорит: «Сын твой, Петрушка, в работе пребывающий». Это определение «в работе пребывающий» осталось за ним всю жизнь, всю жизнь он пребывал в работе. Понятно, как Петр любил тех, которые работали с ним, и не любил тех, которые не хотели работать. Поэтому уже мы должны догадаться, что при Петре должно было произойти сильное столкновение с казачеством. Казак уходил из общества в степь, уходил с тем, чтобы погулять. Он отличался от оставшегося на месте человека тем, что этот оставшийся посвящал себя работе, был работником, тогда как казак был гулящий человек. Это было резкое различие двух частей населения — земских людей, рабочих, занимающихся честным трудом, и этого степного населения, казаков, которые представлялись не иначе как в виде гулящих людей, — и вот всякий, кто хотел жить на чужом счете, на свободе, бежал к казакам, откуда выдачи не было. Пресечение возможности для казаков гулять по Черному и Азовскому морям, опустошать турецкие владения заставило их опрокинуться на Россию.

При Алексее Михайловиче они опрокинулись на Русь, и это был знаменитый Разинский бунт. Теперь при Петре с самого начала царствования казакам приходится плохо. Первым делом Петра были походы под Азов, и эта турецкая крепость была взята. Петр утвердился при устьях Дона на берегу Азовского моря; он всю эту степную, непроходимую (не для казака) дорогу сделал большой дорогой. От Москвы до Воронежа, от Воронежа до Азова шла эта большая дорога, по которой ездил сам Петр довольно часто. Дорога эта шла нижней своей половиной через землю донских казаков, что было для них страшно стеснительно: государство накладывало на них свою тяжелую руку. Деятельность кипела, шли постройки, необходимые для закрепления этой страны за государством; нанимались работники, которые толпами шли туда. Но эти работники не могли избежать искушений: взявши задаток и немного поработавши, они нашли, что эта работа тяжелая, и, рассудивши, что же работать, когда деньги взяты, толпами убегали к казакам. При новых требованиях, разумеется, и в середине государства, поскольку дальше от границы, находилось много людей, которым приходило охота бежать к казакам. Набор рекрутов, учреждение постоянного войска, новая тяжелая служба — все это непривлекательные вещи, которые за-

ставляли бежать, спастись от тяжести, и вот область донских казаков наполняется беглецами. Понятно, как Петр должен был смотреть на этих людей. Он требовал от всех напряженного труда, а работники бегут, мало того, они употребляют обман — берут деньги, которые правительство взимает с трудолюбивого населения, и убегают к казакам. Если прежнее правительство по слабости смотрело сквозь пальцы на это явление, то Петр не мог сносить этого равнодушно. Он начал усиленно требовать от казаков, чтобы они выдали беглецов, словом, стал требовать уничтожения главного права казацкого. Казаки, разумеется, не выдавали, отговариваясь разными отговорками. Петр не хотел сносить и послал отряд войска для отыскания и выдачи беглых. Этот отряд войска вместе с князем Долгоруким был истреблен у казаков, и непосредственно за этим поднялся страшный бунт, который нашел себе вожака в известном Кондрате Булавине. Бунт был потушен. Если Алексею Михайловичу при его ничтожных сравнительно с Петром средствах удалось потушить бунт Разина, то Петру при его регулярном войске легче было потушить Булавинский бунт. Это был последний казацкий бунт на Дону. Во второй половине XVIII в. мы увидим еще страшный казачий бунт, но он шел издалека, с Яика или Урала. Мы видим это движение все дальше и дальше на Востоке. Как хищные варвары постепенно отступают с Запада на Восток, так преемники их в степи с своим противообщественным характером уходят постепенно с Запада на Восток. Булавин еще нашел возможность поднять Дон и оттуда действовать против государства. Во второй половине XVIII в. Пугачев уже не имел возможности взбунтовать Дон, мог только поднять Яик или Урал.

Еще прежде Булавинского бунта недовольные, которым невозможно было ничего сделать против преобразований внутри государства, ибо, несмотря на постоянное отсутствие царя, машина была хорошо заведена, и недовольным нельзя было ничего сделать,—недовольные эти собрались в застепном месте и там подняли бунт во имя старого, во имя борьбы. Дикий народ, номинально покоренный при Иоанне Грозном,—башкирцы встали также. Но все эти внутренние движения были прекращены, хотя они отнимали силы государства, необходимые для борьбы с внешним врагом. Петровское время — и потому представляется невиданное зрелище в истории, что рядом с эпохой преобразований шла великая Северная война, которая служила средством для того, чтобы выдвинуть новое государство в европейскую систему. Собственно, для преобразования война эта служила двум целям. Первая из них: война эта была необходима для приобретения морских берегов. Мы знаем, какое значение имеет море в истории цивилизации, в истории европейских народов.

Л Е К Ц И Я 26

Я сказал, что великая Северная война служила двум целям преобразования. Во-первых, приобретению морских берегов. Во-вторых, война эта была школой, влияние которой не ограничивалось только одним войском, но шло далее относительно всего этого движения, начатого Петром. Понятное дело, какое бы ни было преобразование введено в войско, оно не имеет значения, если нет практики, если все дело ограничивается парадом, маневрами — упражнениями «казарменными», так сказать. Для воспитания войска необходима война. Петр, как смотрел своим гениальным взглядом на все, так смотрел и на войну; именно он смотрел на войну как на школу. Петр вовсе не был воинственным государем, героем в вульгарном смысле этого слова, не был завоевателем страшным; он смотрел на войну как на необходимое зло, и вместе с тем он смотрел на нее как на школу для войска, и при необыкновенной ясности взгляда он спокойно делил эту школу на классы, как обыкновенную школу. Сначала, говорил он, мы будем побеждены, потому что при нашем неискусстве нам не совладать с иностранцами, потом мы будем учиться дальше, будем пользоваться своими неудачами, будем побеждены при многочисленности войска на нашей стороне, будем побеждать с большим войском, потом победим при равном числе войска, и, наконец, дойдет до того, что будем побеждать с меньшим числом войска. При этом спокойном взгляде на войну как на школу Петр не поражался никакими неудачами и постоянно хлопотал о том, чтобы постепенно заменять в высших рядах войска иностранцев русскими. Вначале, когда войско находилось в хаотическом состоянии, он взял двух иностранных фельдмаршалов, герцога де Кроа, который проиграл Нарвскую битву, и потом фельдмаршала Огильви. От фон Кроа Петра избавила судьба (он попался в плен при Нарве), от Огильви Петр сам старался как можно скорее избавиться, сначала противопоставив ему Шереметева, а потом когда увидел столкновение Огильви с Меншиковым, который превосходил Огильви способностями, то удалил его совсем и после уже не брал фельдмаршалов из иностранцев.

Я сказал, что война имела значение школы не для одного только войска, что она воспитала русский народ во время преобразований. Она была необходима в эту эпоху, ибо тяжелая сторона дела состоит в принижении народного духа. Народ должен был волей-неволей идти в ученье к другим народам, должен был признать свою несостоятельность, "необходимость учиться у других народов — положение, унижающее народный дух и, естественно, ведущее к известным явлениям, в которых выражается гордость народа, неспособность уступить сознанию

необходимости признать первенствующим другой народ. При таком положении народа, когда он должен идти в ученье к другому народу, разумеется, необходимы разные средства для поднятия народного духа — должно указать, что это ученичество есть временное, что надо пройти школу как можно скорее и сделаться из учеников учителями. При таком положении дела, чтобы «окуражить» русский народ, чтобы дать ему силы пройти эту тяжкую школу положения ученика относительно чужих народов, всего более содействовала война, именно война счастливая. Ибо успех внутреннего преобразования должен быть медлен и разбросан. В одном отдаленном городе не имеют понятия о том, что в другом выстроена хорошая крепость; что Бог знает, где открыты рудники, с успехом разрабатываемые посредством науки; что в другом месте открыты фабрики, заводы, которые посредством науки приходят в совершенство. Эти результаты преобразования были слишком разбросаны, чтобы «окураживать» народ в его тяжком деле. Другое дело война. Известно, как народы бывают чутки к военной славе. Война есть не что иное, как история народных сил. Один народ борется с другим, и вот все сосредоточивают свое внимание на этой борьбе, где решается самый близкий для народа вопрос, кто победит? Наши или чужие? Если наши, это поднимет дух народа, напротив, при неудаче народ падает духом. И вот, когда русский народ был отдан в ученье к другим народам, начинается война с этими учителями, и в этой войне русское войско берет верх и делает блистательные успехи. Легко понять, как русский народ поднялся духом, видя, что этих самых немцев, у которых он должен учиться, русские бьют, что, следовательно, учиться у них нисколько не унижительно, что это школьное время скоропреходяще, потому что русское войско, которое только что кончило учиться у иностранцев, бьет уже своих учителей. Таким образом, Северная война с ее блестящим успехом, с ее Лесным и Полтавой, с ее завоеванием прибалтийских областей служила для народа самым оживляющим средством в одну из тяжких эпох, именно когда он должен был сознать свое бессилие пред иностранцами и начать учиться у них. Средства, данные Петру в этой военной школе, в этих великих успехах Северной войны, — эти средства остались в наследство русскому народу и развивались в продолжение всего XVIII в.; несмотря на это, завоевание извне во все продолжение этого века не прекращалось. Однако русский народ поддержался в этом движении чувством сознания своего превосходства, своего величия. Такое было значение великой Северной войны собственно для России, для эпохи преобразования. Что касается значения Северной войны в истории всемирной, то оно ясно.

Вы видите, как в истории цивилизации постепенно расширяется историческая сцена, постепенно являются новые деятели,

новые народы и новые страны. Сперва сценой этой истории в собственном смысле были берега исторического моря, Средиземного моря, как европейский берег, так азиатский и африканский. Огромная империя Рима в Европе занимала только южную и западную оконечности. При падении Рима, при начале новых государств, новых христианских обществ сцена расширяется. В общую систему европейских народов входит эта прежде дикая, неизвестная Германия, затем отдаленная Скандинавия (Ютландия и Скандинавский полуостров). На Севере является свое Средиземное море, дающее жизнь, развитие народам, на берегах его живущим,— это Балтийско-Немецкое море. А распространением промышленного и торгового движения в приморских европейских державах является это движение к морю, океану для открытия новых стран: ищут пути в Индию, находят Америку и присоединяют ее к себе. Америка становится придатком Европы, и Атлантический океан становится большой дорогой, становится новым Средиземным морем. Сначала в средние века, собственно, сцену европейской деятельности составляют в себе три страны: Италия, Галлия (Франция) и Германия. Испания вследствие завоевания ее маврами составляет особый мир, не входит в общую систему. Британия также по своему островному положению долго не входит в общую систему и впоследствии, вошедши, держит себя особняком. Только с началом новой истории Испания входит в общую систему. Потом, во время Тридцатилетней войны, Скандинавский полуостров входит в общую систему, Впрочем, скоро теряет его значение, которое имел. Потом, вся Восточная Европа находится еще под спудом, так сказать. Знают, что там есть какое-то государство, которое воюет с татарами, вера у него христианская, но по восточному вероисповеданию — вот все, что знают про Россию. С конца XVII и начала XVIII в. занавес открывается, появляется это новое государство. Вся эта Восточная Европа является в виде России и является вовсе не так, как явилась Америка; является не для того, чтобы страдательно подчиниться Европе, но является с деятельным характером; является как деятельный член, а не страдательный. Россия, так сказать, открывает для себя Европу, Россия деятельно благодаря Петру берет у Европы цивилизацию, втесняется в систему европейских государств и занимает тотчас же одно из первых мест. Понятно, как чрез это втеснение усложняется общеевропейская жизнь. Новый могущественный член европейской системы — это Пруссия, стремящаяся с самого начала объединить Германию. Но Пруссия в этом отношении должна считаться с Россией, как увидим. Появлением Пруссии при Фридрихе II на европейской сцене заканчивается движение к образованию новых государств.

Но понятно, какое значение для Европы и для всемирной истории, следовательно, имеет это преобразование петровское,

результатом которого было появление Восточной Европы в лице России среди европейских государств с могущественным значением. До сих пор в древней, средней истории отсюда появлялись только хищные орды, которые приносят только опустошения: гунны, авары, угры, татары; теперь здесь на месте этих скифов, сарматов является европейское государство, государство с европейским характером, но государство с основаниями совершенно самостоятельного характера. Во-первых, по вере это государство восточного вероисповедания; во-вторых, по происхождению это государство славянское, которое становится представителем этого мало действовавшего до сих пор племени, но племени исторического арийского, действующего братски на исторической сцене. Следовательно, вносится совершенно новый элемент — государство с общеевропейским характером, но вместе с особенностями, которые должны иметь огромное значение. Уже по своему вероисповеданию Россия тесно связана с жизнью Балканского полуострова, где азиатская орда господствует над европейскими христианскими народами. Но эти народы восточного исповедания, большей частью не только по вере, но и по происхождению родственные с русскими. Таким образом, европейское народонаселение приобретает третью часть. Прежде действовали два отдела европейского народонаселения — раса романская и раса германская; теперь благодаря деятельности Петра с XVIII в. является с одинаковым значением, с одинаковым правом на общую жизнь племя славянское в лице России. До сих пор движение происходило между двумя вероисповеданиями по двум расам: между католичеством романской и протестантством германской расы, теперь выходит и третье исповедание — восточное, преимущественно славянское. Мы, разумеется, не будем здесь увлекаться фантазией, не будем проникать в будущее, потому что это до нас не касается, не будем увлекаться патриотическими мечтаниями, потому что тут дело науки, дело разума, а не воображения; мы не знаем, какая роль в будущем принадлежит славянскому племени, представительницей которого служит Россия, не будем определять, какая именно будет эта роль, потому что это мечты, фантазии — будущее неизвестно, но, оторвавшись от всяких фантазий (даже вовсе без патриотической точки зрения), мы не можем не признать, что переворот совершился великий, что не понапрасну в Европу прилил новый могущественный элемент; среди европейского народонаселения явился новый народ с особым характером, а между тем по основным началам цивилизации связанный с другими частями европейского народонаселения. Здесь не славянофильство, но чисто научные выводы имеют силу.

Это уже не гадания, не мечты, когда мы знаем, как важна троичность при столкновениях всякого рода, как важно это

третейство, посредничество третьего, заинтересованного, но не своекорыстного третьего.

Две части европейского народонаселения — племена германское и романское — могут биться, могут побеждать одно другое, могут сокрушать одно другое; но оба эти племена важны для общей жизни. Отсюда видим, как важно вступление третьего начала, которое может посредничать, и какое значение иметь может это третейство в этих ссорах, битвах и сокрушениях. И как нарочно, это третье начало, эта третья часть европейского народонаселения несколько не заинтересована в том, что составляет сущность борьбы между прежними частями европейского народонаселения. Этот третий элемент смотрит так же на Восток, как и на Запад, в этой третьей части земли слишком много, чтобы думать о завоеваниях на Западе, следовательно, его деятельность, его значение в общей системе должны быть всегда охранительны, примирительны.

Эти выводы — математические, точные, ясные, тут нет мечты, нет фантазии. Может быть, будет иначе, мы не знаем, но, что было, мы знаем. И действительно, в последующих событиях — в войну Семилетнюю и войну с Французской империей — эта Россия, этот третий элемент играет именно такую роль, роль охранительную, сдерживающую, примирительную. Что касается до ближайших обстоятельств, до ближайших результатов Северной войны, о них распространяться не следует, с целью нашего курса неособенно входить в подробности военных действий.

Мы видели, что в конце XVII в. Польша окончательно ослабела и потому не представляла для России, как прежде, врага, который занимал все внимание русского правительства, борьба с которым была на первом плане; напротив, Польша представляла такое государство, которое нужно было поддержать от притязаний других государств, и после Андрусовского перемирия и «Вечного мира», заключенного во время двоевластия, мы видим постоянный союз России с Польшей, а не борьбу. В этом отношении тяжелая роль России продолжалась: России не стало легче от того, что Польша ослабела. Этот громадный труп, Польша, начал разлагаться, а где «труп, там соберутся орлы», по выражению Спасителя. И вот уже соседи начинают обращать свое внимание на Польшу, начинают стараться усилиться на ее счет. Эта слабость Польши, разумеется, должна была преимущественно усиливать Германию, восточные германские государства, соседние с Польшей. Мы видели, что в этом отношении Польша, задача которой состояла в том, чтобы отбивать славянский мир от германского, не выполнила этой задачи, много славянских областей она отдала Германии, позволила их отключить, и теперь в крайней слабости она не представляла оплота против честолюбивых стремлений немцев. Два государства преимущественно

обращали внимание на Польшу, Саксонское и Бранденбургское. Курфюршество Бранденбургское очень рано входит в связь и столкновение с Польшей именно вследствие связей Бранденбургской династии с этим Немецким орденом, который, будучи призван польским князем, покорил и онемечил Пруссию. Впоследствии курфюрст Бранденбургский сделался вассалом Польши по части Пруссии, именно Восточной. Но, ослабевши, Польша дала возможность курфюршеству Бранденбургскому сделаться независимым от Польши по Пруссии. А так как в Германии не могло быть другого короля, кроме императора, ибо король имел значение владельца самостоятельного, а все германские владельцы зависели от императора, то потому он мог быть курфюрстом, герцогом, но не королем. Следовательно, так как курфюрст Бранденбургский не мог сделаться королем в качестве немецкого владельца, то он, имея самостоятельные немецкие владения — Восточную Пруссию, — объявил себя королем Пруссии. В этом действии Бранденбургского курфюрста, Фридриха, видно первое движение Бранденбурга — восточного германского владения — усилиться на счет Польши. Курфюрст Бранденбургский делается королем Пруссии благодаря слабости Польши, которая не могла удержать ее (Пруссию) в своем вассалитете.

ЛЕКЦИЯ 27

Прошлый раз я говорил о значении великой Северной войны, то есть той известной борьбы, которую вынесла Россия и которая поставила ее на одно из важных мест в системе европейских государств. Разумеется, и здесь во внешней, как и во внутренней, деятельности России Петр был только исполнителем, довершителем того, что было начато до него, что лежало в сущности отношений государства. Петру принадлежит честь уяснить для себя и для других задачу движения и выполнить эту задачу блестящим образом для своего государства и своего народа. Мы видим, что великая Северная война, так блестяще окончившаяся для России, важна в том отношении, что она восполнила систему европейских государств: Восток Европы примкнул к Западу. В начале так называемой новой истории открыт был новый мир — Америка, что произвело чрезвычайно важное влияние на ход истории; но Америка подчинилась надолго влиянию Европы, стала в отношении к Европе в подчиненное, в страдающее положение, тогда как открытие Востока для Запада вследствие великой Северной войны повело к соединению с Востоком в лице России, причем этот новый мир тотчас начал действовать положительно, не подчиняясь страдательно влиянию Европы, начал принимать сильное участие в общем движении, что, как я сказал, было приготовлено до Петра в этой Восточной Европе и могло

помочь Петру выполнить заветную цель — добраться до берегов северного Средиземного моря и поставить Россию на важное место в системе европейских государств. Славянский мир имел прежде России свою представительницу в европейской системе — Польшу, которая еще теснее была соединена с Западом вследствие того, что приняла римско-католическое исповедание; но Польша к концу XVIII века, когда Россия поднялась и заняла важное место, начала оказывать явные признаки разложения. Мы видели причины этого разложения и следствия. Причины заключались в одностороннем развитии одного начала — землевладельческого — при неразвитости других начал — городского и сельского, вследствие чего нельзя было ничего сделать для равновесия всех начал. Власть короля, не имея возможности опереться на другие начала, — городское и сельское — должна была совершенно поникнуть вследствие зависимости от своекорыстных намерений одного начала, одного сословия. В видах этих своекорыстных намерений надлежало, чтобы как можно более сохранять мир и вследствие того менее нуждаться в войске, которое дает значение полководцу и королю, что сословию богатых землевладельцев было, конечно, весьма нежелательно.

Вот поэтому-то это государство, обязанное вести постоянные войны, иметь войско, не имело его и было вследствие этого всегдашней жертвой соседей.

Разложение шло быстро: от конца XVII и начала XVIII в. Польша представляет как бы тень государства; каждый сосед мог безнаказанно обращаться с Польшей как ему было угодно. Мы видели, что немцы, западные соседи Польши, составили свой план для усиления на счет Польши; мы видели, что германские государства преимущественно усиливались на Востоке и усиливались на счет славянских государств. Так, маленькая Австрия усилилась на счет славянских государств, и эта маленькая Австрия сделалась могущественной благодаря этому наследству славянским государям.

Теперь северное европейское государство, тоже соседнее с Польшей, видя разложение последней и следуя доброму совету Австрии, хотело усилиться на счет Польши. Это удастся курфюрсту Бранденбургскому, который не имел возможности сделаться самостоятельным королем по Бранденбургу как курфюрст — но он становится королем по той области, которую он освобождает от Польши. Итак, первое государство, усилившееся на счет Польши, было Бранденбург, или Пруссия. Другое германское государство, Саксония, следовало примеру Пруссии. Курфюрст Саксонский Август Сильный (*der Starke*), подражавший Людовику XIV относительно пышности своего двора, подражавший регенту Орлеанскому относительно разврата, Август имел много честолюбия, много способности двигаться, заниматься, много

хитрости; но не имел способности доводить до конца свои движения, свои замыслы. Впрочем, Август, по своему несчастью, при своих замыслах встретился с нашим Петром, который был сначала дружен с ним, а потом, раскусив, что это за человек, начал противодействовать его замыслам и наконец рассорился с ним.

Вот этот-то Август решился также воспользоваться слабостью Польши для усиления Саксонии. Он явился искателем польского престола, который был, как известно, избирательный. Чтобы достигнуть своей цели, он не пощадил ничего, принял даже католицизм и наконец достал того, к чему стремился: был избран королем Польским. Но понятно, что Польша при своей конституции не могла усилить курфюрста Саксонского — она только давала ему титул короля, как Бранденбургский курфюрст получил титул короля по Пруссии. Но курфюрст Бранденбургский действительно усилился. Пруссия входила в состав его владений, здесь он был самостоятельным государем, тогда как Польша при своей конституции ничего не могла дать курфюрсту Саксонскому, и он должен был думать о более существенных выгодах, чем титул короля. И вот Август II (второй как король) решился с самого начала усилить свою власть в Польше, уничтожить эту странную конституцию в Польше. Он знает, что это для него будет чрезвычайно трудно благодаря высшему польскому сословию, знавшему, что ни император Германский, ни король Прусский, ни Россия не позволят ему переменить порядок вещей, господствовавший в Польше, потому что этот порядок гарантировал их спокойствие; им было невыгодно иметь подле себя могущественное государство, превратившееся для курфюрста Саксонского во владение, где он употреблял бы все средства по своему соизволению. Пруссия сама хотела еще более усилиться на счет Польши, поэтому смотрела на Саксонию как на соперницу и не могла позволить ей усилиться; не мог позволить этого и австрийский император Священной Римской империи, потому что ему и без того казались опасными стремления немецких владельцев — из курфюрстов становиться самостоятельными королями. Следовательно, и для Австрии могущественное соседство под саксонским главенством не могло быть желательным. Для России еще больше не могло быть желательным это подпадение Польши под немецкое иго вместе с русскими владениями — с Западной Россией, которой только часть отошла к Восточной, а Вольнь, Белоруссия, Подолия, Галич — все это оставалось за Польшей. Август II хорошо видел, что ему эти сильные соседи не позволят сделаться самостоятельным государем в Польше с сохранением всех ее владений, и он делал им внушения, что он готов уступить из Польши разные области своим соседям, лишь бы в остальных польских владениях, которые достанутся ему, он был государем абсолютным и мог бы действительно усилить свою самостоятельность.

Прежде чем он прибег к этим средствам, он хотел усилиться посредством Польши другим образом, именно начать войну с Швецией за Ливонию и приобрести от нее эту последнюю, но не для Польши, а для себя, и тогда уже, охватив Польшу своими владениями, успешно привести в исполнение свои замыслы относительно самой Польши. Но каково было значение Швеции? Вам известно, что отдаленные северные и восточные области Европы постепенно принимают участие в общей жизни Европы. На первых порах в средние века историческое действие происходит в Италии, Галлии (позднее Франции) и Германии; потом в нем начинает принимать участие Англия, но по своему островному положению не такое деятельное, как те государства; далее Испания, освободившаяся от мавров, потом уже Скандинавия; вследствие Реформации, религиозной борьбы, которая разделила Европу на две части — северную и южную, протестантскую и католическую, отделилась Голландия от Испании и по своему богатству получила чрезвычайное влияние; в Тридцатилетней войне явилась Швеция с Густавом Адольфом.

По окончании Тридцатилетней войны Швеция получила области на южном берегу Балтийского и Немецкого морей и таким образом вошла в европейскую систему (сделалась членом Священной Римской империи). После Густава Адольфа Карл X также сделал имя свое знаменитым и усилил значение Швеции своими завоеваниями, хотя и бесплодными для самой Швеции. Эта бесплодность завоеваний Карла X показывает, что Швеция искусственно поднялась и заняла важное место Шведское государство незначительно ни по количеству, ни по качеству почвы, с малочисленным населением; все значение его было следствием личных достоинств короля и школы полководцев, воспитанных при Густаве Адольфе, потому славу эту поддерживал и Карл X Густав; но у Швеции недоставало внутренних средств удержаться на этой высоте. Хотя это было явным признаком того, что Швеция не могла быть состоятельна, однако она занимала в это время благодаря деятельности своих королей самое главное место на Севере, она была чрезвычайно важным членом в европейской системе. Самые главные деятели в этой системе — Франция, Англия, Германия — считали необходимым при известных политических комбинациях, заключении союзов иметь Швецию на своей стороне. При Густаве Адольфе Швеция отняла у Польши балтийские провинции, приобретенные Польшей при Стефане Батории; при Карле X совершено было удачное нападение Швеции на польские владения, где королем тогда был Ян Казимир, причем Карл завладел Варшавой и Краковом. Швеция была могущественна тем, что владела большей частью берегов Балтийского моря.

Ботнический залив был у нее, она владела Финляндией, она оттолкнула совершенно Россию от Финского залива, окружив его

своими владениями, которые тянулись вниз по берегам Балтийского моря. Померания принадлежала ей. Балтийское море было шведским озером. Это давало Швеции особенное значение, но, с другой стороны, это возбуждало против нее вражду, и прежде всего возбуждало вражду в России. Некоторое участие в берегах Балтийского моря было жизненным вопросом России. Необходимость овладеть хоть одной гаванью на Балтийском море передавалась как завещание от одного государя к другому, начиная с Ивана IV. Алексей Михайлович воевал со Швецией именно за балтийские берега, осаждал Ригу, но должен был отказаться от своих планов вследствие малороссийских смут и войны с Польшей. Но задача эта была передана Алексеем его преемнику, и вот его сын, вступивший на престол России, Петр обладал всеми средствами к тому, чтобы выполнить эту задачу. Поэтому война между Россией и Швецией была необходима, война из-за Балтийского моря. Но Петр в этой войне мог рассчитывать на союз с польским королем, Августом, с датским королем и прусским королем. Между Данией и Швецией была известная вражда. Швеция при своем усилении дала почувствовать Дании свое преимущество: она обобрала Данию со стороны Норвегии, которая принадлежала Дании, и вот теперь Дания искала первой удобной минуты, чтобы начать войну со Швецией, смыть свой позор и возвратить завоеванные области. Пруссия в своем постоянном стремлении усиливаться жадно смотрела на Шведскую Померанию и старалась приобрести ее. Как держава немецкая, которая начала чувствовать, как выгодно быть представительницей национальных интересов, Пруссия хотела сжить с германской почвы все эти чужие владения; следовательно, при удобном случае и Пруссию можно было притянуть в союз против Швеции. Оставалась Польша с ее королем, курфюрстом Саксонским Августом. Но Польша должна была также не любить Швецию: она помнила недавнее поражение, она помнила, что Швеция владела Краковом и Варшавой, что Швеция отняла у Польши и Остзейские провинции; но у поляков желание смыть позор не могло быть особенно продолжительным.

Пусть отбирают, что хотят, лишь бы мы не воевали и не усиливали власть короля — вот основание политики польских магнатов. Хладнокровно смотрели, как отнята была у них Ливония, и не хотели воевать; желал воевать только король их, ему хотелось добыть Ливонию у Швеции и добыть владения не для Польши, а для себя, сделать ее наследственным владением для Саксонии, это дало бы ему возможность усилить свою власть и в Польше.

Ему хотелось, развязавши войну, действовать успешно для своих замыслов относительно Польши. Вот почему он охотно согласился вступить в союз с Данией и Россией, а может быть,

и с Пруссией—вести войну против Швеции и отнять у нее Ливонию. Посредником между всеми дворами, враждебными к Швеции, был ливонский дворянин Паткуль, который как ливонский дворянин враждовал со шведским правительством, ибо последнее теснило ливонских дворян и при Карле XI лишило большую часть дворян их земель. Дворянство воспротивилось этому. Правительство стало преследовать их, и самый горячий из них, Паткуль, был приговорен к смертной казни, но он бежал и сделался теперь агитатором против Швеции, чтобы высвободить Ливонию из-под шведской власти. Разумеется, Паткуль был настолько сметлив, что понимал, что Ливония не может существовать как самостоятельное государство, а должна принадлежать какому-либо другому сильному государству, и вот он обратил свое внимание на саксонского курфюрста Августа, короля Польского. Для Ливонии было очень выгодно принадлежать этому немецкому государю, который сделался королем Польским. Августу также было выгодно, чтобы Ливония принадлежала ему. Таким образом, планы Паткуля слились с планами Августа II, и Август начал хлопотать о войне против Швеции в союзе с Данией и Россией. Когда Петр возвращался из своего путешествия через Польшу, он виделся с Августом, и дело было решено. Но так как в это время Россия вела войну с Турцией, то Петр оговорил, чтобы начать войну со Швецией только по окончании войны с Турцией. Паткуль и Август беседовали с этим молодым варваром, очень энергичным и деятельным; и эти господа цивилизованные очень презрительно смотрели на этого человека, хотели употребить этого варвара орудием для своих целей, дать ему клочок около Финского залива, а остальное должно отойти непременно к Августу II. Они высказывали, что хотят загребать жар русскими руками. Русское войско, еще не обученное и не способное давать битвы, должно работать в траншеях, а они таким образом с помощью русского войска будут задерживать войско шведское. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать в траншеях под неприятельскими выстрелами»,— писал Паткуль. Русские будут осаждать крепости, и они будут действовать уж за ними. Но они обманулись.

Как только заключен был мир с Турцией (18 августа 1700 г.), по которому Турция отказалась в пользу России от Азова и устьев Дона, так тотчас же Петр в союзе с Польшей и Данией объявил войну Швеции, держась того мнения, что эта война должна быть школой для русского войска. Русское войско было в плохом состоянии, генералы еще не сформировались, но он считал необходимым начать войну с самым воинственным государем, чтобы война была школой для русского войска, практической школой.

Он понимал, что только на практике войско может выучиться и стать хорошим не на маневрах, парадах, а на войне.

Петр не боялся неудач, он предвидел их. Вот почему, когда союзники обманулись в своих надеждах относительно слабости Швеции, когда в молодом шведском короле Карле XII, буйная молодость которого, по-видимому, не обещала ничего хорошего для Швеции, они встретили героя, который с необыкновенной быстротой наносил удары союзникам, Петр не отчаялся. Сначала Карл XII явился в Данию и заставил ее отступить от союза, потом двинулся в Россию и разбил русское войско под Нарвой. Таким образом, война началась для союзников очень неудачно, Петр не отчаялся, как и после первого Азовского похода, — он не потерял энергии так же точно и после Нарвского поражения. Потерпев полное поражение и лишившись всей артиллерии, Петр с необыкновенной энергией начал поправлять несчастье, создал новую артиллерию и пускал свои войска в битвы со шведским войском. Надо сказать, счастье благоприятствовало Петру, но дело великих людей состоит в том, чтобы пользоваться счастьем, не отчаиваться в неудачах, уметь работать для поправления этих неудач, при успехе не складывать руки, усиленно работать, чтобы пользоваться обстоятельствами. Вот примета великих людей, и эта примета приходится как нельзя лучше к Петру Великому. От него остались знаменательные слова на счет этого: «Надобно пользоваться обстоятельствами, понеже упущение времени смерти невозвратной подобно. Теперь благоприятные обстоятельства, фортуна между нами бежит, надо уловить ее, и блажен, кто схватит ее за волосы». Правда, он несколько резко, но зато точно выразил свою мысль. И он воспользовался этими благоприятными обстоятельствами, а какие были эти обстоятельства, увидим в следующий час.

ЛЕКЦИЯ 28

Последние мои слова были о том, что Петр сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами после поражения под Нарвой. Благоприятным обстоятельством было то, что Карл XII решил нанести окончательный удар польскому королю, курфюрсту Саксонскому Августу II. Карл XII не сердился на датчан и русских, потому что понимал, что как у тех, так и у других были важные причины начать войну со Швецией; но он был озлоблен против Августа II, за которым он не знал причины к войне со Швецией, тогда как Август II в его глазах был главным зачинщиком войны. Карл XII думал, что, пока польским королем был Август II, ему нельзя оставить этого врага в тылу и продолжать войну с Петром; он презирал, кроме того, средства Петра, думал, что это варварское войско, которое

он так легко поразил под Нарвой, ничего не стоит, что против него можно выставить незначительные шведские отряды для обороны Остзейских областей, но всего важнее покончить с Августом, свергнуть его с престола. И вот после сражения под Нарвой Карл XII пошел на Польшу. Он успел здесь в своих намерениях: заставил поляков свергнуть Августа и возвести Станислава Лещинского; мало того, он вошел победоносно в самые саксонские владения Августа и заставил последнего отказаться от польского престола, чтобы только сохранить свои саксонские владения, но все это потребовало несколько лет пребывания Карла XII в Саксонии и Польше, значит, несколько лет было дано Петру, чтобы поправиться и пройти известную школу. А этого только и надобно было Петру. Как только Карл XII ушел в Польшу, Петр начал учить свое войско, впускал его в Остзейские области, где оно начало драться с отрядами Карла и тут проходило школу. Сначала шведы побеждали русских, как под Нарвой, потом русские побеждали шведов с превосходящими материальными силами, потом с равными и, наконец, меньшими силами — все это было пройдено русским войском в Ливонии. Но эта школа не мешала Петру в достижении в то же время другой главной цели. Как только он достиг Финского залива, где он приближается к русским владениям, при устье Невы основал он городок, будущую столицу новой империи, Петербург. Много было толков об основании Петербурга здесь. Одним не нравится положение его на низком месте, на болоте, другой указывает на искусственное возникновение этого города. Но историк не может руководиться этими толками, этими взглядами; он должен смотреть серьезнее на явление и искать причину его глубже. Мы знаем, что Россия отличалась особым явлением, которого не замечаем в других государствах, именно — перенесением столиц. Теперь мы уже не смотрим на это явление, как на перенесение столиц по личной воле, мы видим в этом явлении не произвол отдельных лиц, а ход целой истории; мы знаем, что только в обширном государстве возможно осуществление такого явления, в маленьком оно излишне, ненужно. В Древней России, обширной по своему пространству, при малочисленности населения это перенесение столицы было необходимо: здесь сосредоточивалась сила, туда переносилась сцена деятельности, туда переносился правительственный центр, столица. Когда главная сцена была на Юге, когда нужны были сношения с Византией для торговли и христианства, тогда столица была на Днепре. Здесь, на Днепровской Руси, была казацкая линия. Главной заботой России была борьба со степными варварами, борьба не по силам, и вот вследствие этой постоянной борьбы запустела эта Днепровская Русь. Народонаселение, избегая половцев, татар, устремилось на Северо-Восток, дающий более обеспечения, и вот почему

населилась Восточная Русь. Здесь люди хотели жить мирным трудом, в лесах они находили себе защиту; леса заменяли здесь горы, и государство основывалось здесь, и основывалось прочно.

Известное время столица была во Владимире-на-Клязьме. Но когда нужно было собрать Русскую землю, находиться в равном расстоянии от Востока, Юга, Запада России, то главная сцена деятельности и правительственный центр устраивается в Москве. Теперь, после этого восточного периода, выступает период западный, вместо степного периода выступает период морской, теперь на первом плане для России стоит занять и удержать место при море, воспользоваться плодами западной цивилизации, и столица переносится к морю, в ближайшем расстоянии от русских границ. Взгляните на карту, и вы поймете основание Петербурга именно здесь; вы увидите, что на всяком месте в Ливонии, Эстляндии, Финляндии—это была бы не русская почва, тогда как на устьях Невы была, по преданию, русская почва; она была недавно отнята у России, поэтому была нейтральна; потому что кругом были пустыни, притом место это было в ближайшем расстоянии от русской страны—Новгородской. Здесь благодаря этому впадению Невы в Финский залив, Невы, которая берет начало в Ладожском озере и считается как бы рукавом, продолжением его, здесь было начало государства; здесь было начало русской истории, поэтому от варяг в греки пришли и первые князья, здесь теперь начинается и новая история Восточной Европы и знаменем этого является построение нового города, который делается столицей империи. И эта столичность Петербурга не есть дело личности, не есть дело произвола Петра Великого. Петр страстно любил море и от него перенес всю привязанность к этому месту, которое было для него «парадизом», потому что тут он мог наплаваться вдоволь; день и ночь проводил здесь он на корабле, сюда приглашал он и иностранные корабли, здесь спускали и свои; но это предпочтение несколько не свидетельствует о том, чтобы место это должно было быть столицей. Петр долго жил здесь, перевел сюда правительственные учреждения; но все это делалось пополам с Москвой. Если бы столичность Петербурга была личным делом Петра, то этот ничтожный городок, основанный Петром на устьях Невы, городок, который не любили русские вельможи, потому что он был далеко от их поместий, откуда они получали натурой свои доходы, получали разные припасы; то этот городок, говорю, после Петра не мог бы удержать значения столицы, если бы даже Петр и дал ему это значение. Если бы самый ход истории не вел к тому, чтобы резиденция новой империи была перенесена на новое место, то личное желание Петра, разумеется, не значило бы ничего, и после его смерти Петербург был оставлен, и столица была бы перенесена в Москву, как были оставлены некоторые

другие дела Петра, некоторые другие его учреждения, которые не соответствовали и желанию и потребностям страны. Следовательно, смешно за неудобства Петербурга упрекать Петра Великого: он построил Петербург не богатый, каким мы его видим теперь; он построил ничтожный городишко из деревянных зданий и сам жил в ничтожном домике. Петербург, каким он представляется нам теперь, есть создание времени, создание истории XVIII века. Не шло бы это дело к народной жизни, к ходу истории, но, повторяю, исчезло бы, как некоторые другие учреждения Петра, например майорат. Слышны также жалобы на неудобства Петербурга, его климат, болотистую местность и т. п. Жалобы эти происходят от незнания обстоятельно дела. Петр и его деятели понимали, что они могут свободно дышать только в Петербурге. Из Москвы дед и отец Петра бежали в подмосковные села. Кремль был загроможден частными домами, здесь было страшное скопление народа, нечистота ужасная, а весной, когда нечистоты размягчались, в Кремле нельзя было буквально продохнуть. Следовательно, многим, которые хотели дышать посвободнее, очень нравился новый городок, где были чистота и простор. Не надо, потом, по своей мерке мерить предков. Предки — это были богатыри, с большою физическою силой; Петр был также богатырь, следовательно, для них эти неудобства, на которые жалуется наше поколение, не существовали. Петру нравился Петербург, но это ничего не значит, если, повторяю, Петербург не приходился бы к русской жизни, то он исчез бы; столицей Петербург сделан был не Петром, а историей народной жизни.

Я распространялся об этом вопросе, потому что должно указать, как на все эти толки в толпе должен смотреть человек образованный, человек, изучавший историю и понимающий ее. Основание Петербурга (в 1703 г.) помимо вопроса о столице было чрезвычайно важно в том отношении, что здесь Петр достиг моря и решился удержать это место, как ближайшее приморское место к русской стране. В то время как Карл XII медлил в Польше, гоняясь за Августом, Петр добрался до моря, основал здесь город, отобрал затем многие русские города, отнятые шведами, и мало-помалу утвердился в этой стране. Таким образом, две главные цели были достигнуты Петром: он утвердился на берегу моря и обучил свое войско. Этого Петру было достаточно, чтобы прогнать иностранного фельдмаршала Огильви, и фельдмаршалы явились свои — Шереметев и Меншиков, которые ознаменовали себя победами над шведами. И вот когда Карл XII, покончив с Августом, повернул в Россию, чтобы покончить также и с Петром, то он нашел в последнем страшного врага, могущего не только померяться силами, но и победить. И вот это Полтавское сражение, окончившееся побе-

дой России, эта «преславная виктория» воскресила Русь. Полтавская победа есть величайшее явление в нашей истории и одно из величайших во всей Европе, ибо все, что мы сказали о великой Северной войне, относится к успеху ее, а успех этот выразился в Полтавской победе.

И действительно, ни одно сражение в русской истории не делает такой чести русскому народу, как это сражение, потому что за несколько лет перед тем народ этот считался варварским, все у него считалось хуже, чем у кого-либо другого; Карл же считался великим полководцем. Шведское войско было отличное, и вот этот полководец и это войско были разбиты тем войском, которое считалось варварским, не умевшим сражаться. Эта быстрота, это умение пройти тихо свою школу — все это делает честь русскому народу, не говоря уже о том, какую честь это делает вождю этого народа. Последствием успеха России в великой Северной войне был Ништадтский мир, по которому Россия приобрела не одну гавань на Балтийском море, но прибалтийские области, отхваченные шведами у Польши. Следствием Полтавской победы явилось не только разрушение шведского могущества, бегство Карла XII в Турцию и, по возвращении в Швецию, несчастная кончина. Как бы непосредственным следствием великой Полтавской битвы было то, что Швеция, занимавшая первое место, потеряла его и сошла на третье, и то значение, которое имела Швеция, перешло к России. Но, сражаясь со Швецией, заключив с ней выгодный мир, Петр поддерживал значение России и в Польше, ибо в европейской системе все интересы политические переплетались тесно друг с другом. Я уже говорил о замыслах Августа II относительно Польши. После Полтавской битвы Август II опять явился на сцене, Станислав Лещинский был свергнут, и Август сделался королем. Он действовал в союзе с Россией; но Петр скоро понял, что Август преследует свои основные цели, и потому пошел наперекор ему. С этих пор начинается вмешательство России во внутренние дела Польши, это вмешательство было естественно и необходимо. Польша представляла собою труп, а где труп, там соберутся и орлы, по выражению Спасителя, и вот Польша привлекла к себе орлов. Польша становилась нейтральной, и, не имея самостоятельной силы, она сделалась яблоком раздора между соседями: каждый хотел или усилиться на счет ее, или мешать другому усилиться на ее счет. Польша была поэтому средоточием дипломатической борьбы между соседями, да и не одними соседями, борьбы, которая должна была окончиться войной или разделом Польши, ибо только это одно действительно могло положить конец борьбе между ними.

Положение России относительно Польши переменилось при Петре, оно стало также довольно затруднительным. До конца

XVII в., как мы видели, отношения польские стояли на первом плане для русского правительства. Польша считалась сильным, главным врагом России; со второй половины XVII в. эта сила, это значение Польши исчезает, и Польша является как государство слабое; она умирает, но в то же время делается яблоком раздора между соседями, и Россия, не боясь Польши, ее замыслов, должна была бороться дипломатически и войной из-за нее с другими государствами.

Замыслы Августа II усилиться в Польше, подчинить ее Саксонии Петр остановил в самом начале; он не принял предложения Августа относительно раздела Польши, и когда Август хотел введением саксонских войск в пределы Польши стеснить конституцию страны и усилить свою власть в Польше и поляки, испугавшись, обратились к Петру с просьбой о помощи, то Петр тотчас же объявил себя против Августа и заставил его вывести войска из Польши.

Таким образом, Петр спас Польшу от немецкого владычества. С этих пор, повторяю, и начинается вмешательство России во внутренние дела Польши. С другой стороны, поднимается важный вопрос о русском населении польских областей, вопрос о православных. Мы знаем значение борьбы с православными и католиками в Польше, борьбы, которая повела к присоединению Малороссии к России. Но эта борьба продолжалась и после и с новою силой; она вела за собою перемену отношений России к Польше. Как скоро польские паны увидели, что Россия уже не враждебна к Польше, что она по ходу дела должна действовать в союзе с Польшей, защищать ее, то они под шумок внутри владений подняли сильное гонение против православных, ибо им было необходимо поскорее покончить с православием, упрочить торжество католицизма над православием, окатоличить и ополячить все шляхетское сословие. В Польше была республика шляхетская; всем управляли магнаты, богатые паны, в услужении у которых были мелкие владельцы. Все решалось на сеймах, а на сеймах могла участвовать только шляхта, землевладельцы. Следовательно, чтобы Польша при опасности от соседей, при усилении России не могла подпасть под ее влияние, полякам было необходимо, чтобы Россия не имела своих партизанов между шляхтой, чтобы между шляхтой не было русских, не было единоверцев с этой Россией, которая так усилилась, которая превратилась в такое могущественное государство.

Что в городах и в селах будут еще русские люди греческого исповедания, это не важный вопрос — лишь бы в правительственном сословии, в шляхте не было православных, потому ополячить, окатоличить шляхту было главной целью правительства Польши. Это было последним усилием польской национальности спасти себя, усилием, совершенно соответственным шляхетским

стремлениям; и вот под шумок, пользуясь политическими волнениями, смутами, польское духовенство и шляхта идут неуклонно к цели окатоличения православных. Разумеется, здесь идет дело о привилегированных, о городских и сельских жителях вопроса нет, потому что это — безгласное стадо. Вопрос об окатоличении православных с трудом мог подниматься в то время, когда Петр был верным союзником Августа и, кроме того, русские войска постоянно бывали в Польше, и потому гонения остановились; но во второй половине войны, когда между Петром и Августом начались неудовольствия и Петр, не обращая внимания на Польшу, вывел оттуда свои войска, в Польше поднялись гонения против православных. Гонения страшно усилились, и вот пошли жалобы от единоверцев в Россию на притеснения со стороны католиков; и Петр принял сильные меры: он прислал из России своего комиссара, который бы заставлял уважать православных, принял бы в них участие, защитил их против нарушения их прав. Это явление комиссара русского произвело страшный крик в Польше. Явление необычное: русский царь присылает своего комиссара в чужую землю. Но комиссар русский жил в Польше, защищал православных, и гонения прекратились. Петр показал своим преемникам, что с этой Польшей можно действовать только такими мерами, что переговорами здесь ничего сделать нельзя, и так как Петр защитил поляков от немцев, то полякам трудно было сильно кричать против Петра, и он что хотел, то и делал. И Петр воспользовался таким своим положением для защиты русского элемента. Такое значение Петра, России в Польше условливалось ходом истории. Польша потеряла свою самостоятельность и подпала под влияние соседей, сильнейшим же из них был Петр Великий. Волею-неволею Европа должна признать силу, значение этого государства, явившегося на Востоке.

ЛЕКЦИЯ 29

В первой половине XVIII века, как мы видели, Европа, европейские земли собрались совершенно. До этого времени половина Европы — Восточная Европа — не принимала участия в общеевропейской деятельности, в деятельности Западной Европы. Европейский характер принадлежал только этой Западной Европе; здесь была система государств, в которой Восточная Европа не принимала участия. Теперь же с этих пор Восток и Запад Европы находятся в тесной связи, во взаимодействии. Это уже одно показывает великое значение пройденной нами эпохи европейского преобразования. Для внутренней русской истории также эта эпоха имеет громадное значение, потому что тут народ перешел из одного возраста в другой, перешел необыкновенно быстро,

с сохранением собственного достоинства, вдруг приобрел чрезвычайные силы,— все это благодаря деятельности одного лица, которое и запечатлело эту эпоху своим именем. Мы видели отношение народа к деятельности Петра, деятеля из этого народа, пережить эту эпоху преобразования было необходимо для народа, и он пережил и сознательно в лице лучшего своего представителя. Но быстрота перехода и важнейшие выгоды, связанные с этим переходом, разумеется, принадлежат гению века, который стоял в то время в челе народа.

Уметь напрямь все силы народа к цели, быть вождем и примером, дать помощь народу средствами своего гения — его заслуга. До последнего времени чрезвычайно много приписывали значення деятельности одного лица, так, современники Петра, особенно на Западе, и потомки думали долго, что дело Петра есть дело одного человека. Проверка должна была произойти по смерти Петра Великого: если его дело было личным, а не делом народа, то оно должно было исчезнуть после его смерти. Вторая половина XVIII в. именно значительна тем для истории народа Русского, что представляет эту проверку. Воспитание русского народа в эпоху преобразования нельзя ограничивать только одной школой, заведением школ, посылкою русских людей за границу учиться; народное воспитание, в основе которого, разумеется, лежит школа, происходит, однако, вне школы, оно совершается гораздо шире. Всякая новая идея, всякое новое явление, пущенное в народ и принятое им, содействуют этому воспитанию народному, этому развитию народному. Народ не развивается, следовательно, получает дурное воспитание; это случается, когда он находится в неподвижности. Как скоро он сталкивается с новыми явлениями, как скоро проникается новыми идеями, неподвижность прекращается, начинается развитие народное, воспитание народное. Кроме школ для целого народа, народной массы существует это наглядное ученье, наглядное образование: народ учится, когда перед ним стоят новые предметы, когда ему объясняют их значение, объясняют на деле, и когда он сам принимает непосредственное участие в новом. При Петре возникли специальные школы, необходимые для достижения той или другой цели государственной — для образования войска, флота и т. п. Но Петр начертал проект так называемой Академии наук. В этом проекте он не перешел границ, он соображался со средствами своей страны, своего народа. Вот почему это учреждение Петра Великого — Академия наук — представляет собою только зерно, из которого должно было развиваться все будущее образование России, школьное образование. По плану Петра Академия наук должна была заключать в себе три учреждения: собственно Академию, собрание молодых людей, занимающихся науками и двигающих их вперед, — университет, ибо эти ученые должны были

быть в то же время и профессорами и долгое время даже носили это название, и, наконец, гимназию — необходимое учреждение для приговления молодых людей в университет. Следовательно, наше образование имело участь всякого учреждения, которое по недостатку средств в народе, стране не может представлять нечто особо развитое, специальное. В маленьком городке, слободе в одной лавке продают и ситец, и сахар, и деготь; с течением времени, когда этот городок увеличивается, богатеет, вместо одной лавки является несколько лавок для каждого предмета, и разветвление, специализирование, разделение занятий продавца усиливается все более и более и вместе с тем усиливается богатство и значение города; так что в больших городах Западной Европы эти лавки, магазины представляют уже чрезвычайное разветвление.

Есть, например, магазины, которые исключительно торгуют только одним траурным товаром. От этой лавочки маленького города, где продаются вместе и ситец, и сахар, и деготь, до парижского магазина, где продаются исключительно одни траурные материи, — вот огромный путь развития в торговой сфере. Этот пример наглядно представляет то же безграничное развитие, которое должно происходить и в других сферах и которое действительно происходило у нас наглядно в сфере народного учения Академия наук была тем первым учреждением, которое можно сравнить с лавочкой маленького городка, здесь преподавалось все: Академия наук — ученое учреждение как академия, университет — высшее учебное заведение, гимназия — среднее учебное заведение. Одни и те же лица исполняли три должности — здесь не только Академия наук, но также и Академия художеств, Академия ремесленников, так сказать. Тут учили всему, учили делать все, что только было нужно государству и от науки, и от искусства, и от ремесла. Потом с течением времени, с распространением образования, с усилением народных средств мы видим постепенное развитие из этого петровского зерна, семени, развитие различных школ, училищ, различных ученых учреждений. При императрице Анне является Шляхетский кадетский корпус. Этот кадетский корпус есть не что иное, как отделение части Академии наук, университет, но опять с двойственным характером: специализирование еще невозможно. Это учреждение воспитывало не одних военных, оно воспитывало также и граждан — это была военная академия и университет вместе. Кадеты, либо дворяне, поступавшие в кадетский корпус, разделялись на две части: одни занимались собственно военными делами, готовились к военной службе, другие — к гражданской — это был университет. При Елизавете Петровне новый шаг вперед, новое развитие: университет отделяется от Академии наук и от военного училища, военной

академии и представляет собою новое училище, открывается не в Петербурге, а в другом городе — Москве. Но и тут обособление неполное, потому что при университете, в тесной связи с ним, находятся две гимназии, составляющие с университетом одно тело; только впоследствии, уже в XIX в., происходит это полное освобождение университета, отделение от него гимназии, но и тут гимназии долго находились под непосредственным ведением университета, и уже только по уставу 1803 г. гимназии начали жить отдельною жизнью от университета. Так точно отделился от Академии наук университет и гимназии, так отделилась от нее Академия художеств, и Академия наук осталась одна в своем настоящем значении.

Таким образом, при Петре основано было это начальное учреждение, это зерно русского образования, из которого впоследствии выделились члены, когда происходило это постоянное развитие. Но как я сказал, одной школой не ограничивалось воспитание при Петре. Это же самое преобразование, то есть внесение в народную жизнь новых идей, новых начал, явлений, это самое преобразование всего больше и способствовало народному развитию, народному воспитанию. Сенат, Синод, коллегии, новое войско, новый флот, газета, театр и множество других явлений — все это, разумеется, внесло в народную массу новые идеи, завязало новые отношения. Для некоторых, так называемой интеллигенции, разумеется, воспитание состояло в этом внимательном наблюдении, что делается у других народов, в этом участии в общей жизни народов. Отсюда-то проистекает эта масса новых идей для русского человека, здесь преимущественно совершается это движение, развитие. Множество явлений, которые были еще невозможны в России, русский человек видел в других странах, наблюдал, сравнивал и делал выводы. В этом-то заключалось главное движение, главное значение петровского преобразования, обозначившегося возбуждением мыслей русского человека, пробуждением умственной деятельности. Открыл глаза русский человек, и ему представился новый мир, наполненный удивительными явлениями. Не школа в тесном собственном смысле, не целая Европа, эта великолепная картина цивилизации представилась для русского человека; разумеется, эта картина уже не могла дать ему покоя, он не мог уже после того заснуть — он должен был постоянно быть возбужденным, он постоянно, так сказать, получал эти толчки умственные и нравственные, исходившие от Европы. И так как этот народ принадлежал к историческому племени, способному к развитию, то, разумеется, он должен был двигаться, должен был развиваться. Понятное дело, в развитии русского народа, в том, как он должен был развиваться, мешали некоторые важные неудобства, виновником которых был, разумеется, не один человек и не народ, а его история, все

предшествовавшее. Развитие русского народа, переход его из одного возраста в другой, из возраста чувства в возраст мысли, совершился по одним законам, как переход его собратий—западноевропейских христианских народов, но мы видим, что переход этот у нас совершается позднее, чем переход западных народов. От эпохи Возрождения, в которую совершился переход из одного возраста в другой западных народов, до XVIII в., в который совершился переход русского народа,—большое пространство времени.

Эта запоздалость уже есть первое и главное неблагоприятное условие; запоздалость эта при естественном и необходимом в историческом народе желании догнать другие народы, разумеется, условливала только поспешность, усиливала постоянное ненормальное напряжение сил народа и государства. То, что в другом государстве, у других народов при благоприятных обстоятельствах делалось в продолжение известного времени, делалось, так сказать, само собой, делалось изнутри самого народа, изнутри народных масс, к чему эти массы привыкали постепенно, без напряжения,—все это в народе запоздавшем и желающем догнать делается с сильным напряжением, а известно, что следствия напряжения, как в отдельном человеке, так и в малом народе, одинаковы: и в народе при сильном напряжении рождается это, так сказать, нервное раздражение, и в народе, как и в отдельном человеке, после сильного напряжения появляется сильная усталость, которая требует отдыха, но отдых этот беспокойен и непродолжителен, потому что мысль, что народ опаздал, что он еще не догнал других народов, не даст ему спокойно отдохнуть, не дает ему успокоить, так сказать, нервы народа. Понятное дело, что при этой поспешности, при этом желании быстро догнать многое делается преждевременно, через силу. В народе, который другие опередили, но который хочет догнать их, в этом народе нет еще всех тех средств, которые имеют опередившие народы, а между тем он хочет, чтобы у него было то же самое, что и у народов, опередивших его; ему тяжело дожидаться, и он преувеличивает свои средства, он натуживается для создания этих средств, которых само время, нормальное развитие еще не создало. Такой народ можно сравнить с человеком, который не имеет больших материальных средств, но который попал по разным каким-нибудь обстоятельствам в так называемое высшее общество, члены которого обладают большими материальными средствами, чем указанный человек. Но делать нечего. По самолюбию, по честолюбию ему не хочется отстать от других членов этого общества, и вот он, что называется, тянется за ними. Для того чтобы быть в этом обществе, ему нужны средства, хорошее платье, шитое у модного портного, ему нужны вещи, которые считаются в этом обществе необходимыми, ему нужны развлече-

ния, которые приняты в этом обществе, а средств у него нет, и вот он ставит последнее и тянется (повторяю это выражение — очень характеристичное); наконец, он умеет понимать, чтобы хоть кое-как достойно явиться в этом обществе. Так, говорю, бывает и с народом отставшим, который хочет догнать народы опередившие. Он не имеет средств явиться в том или другом виде, как отдельный человек, в общество, не явиться стыдно, средств нет — возьми где хочешь, но именно так явись в это общество, говори языком этого общества; не выучился этому языку в малолетстве — средств не было — учись в летах зрелых, не спи ночей, учись, иначе — плохо: будут пальцами указывать, выгонять еще. Все это, разумеется, чрезвычайно важные неудобства, которые должны были, естественно, существовать для русской страны, запоздавшей относительно развития, но страны, которая хотела непременно поддерживать свое значение в новом обществе, обществе западных европейских народов. Поэтому естественно, что во многих случаях русской истории нового времени мы видим, что государство, народ тянутся, находятся иногда в ненормальном, возбужденном, натянутом состоянии. И делать нечего — это состояние, как естественное следствие запоздалости, не есть следствие преобразования, но есть следствие позднего преобразования, позднего вступления народа в общество других народов, позднего перехода из одного возраста в другой. Понятно, эти неудобства никаким образом не могут быть поставлены в упрек одному человеку — Петру Великому. Он только силой своего гения помог народу выйти на другой путь. Народ сам должен был выходить на этот путь; ни Петру, ни русскому народу не может быть это поставлено в упрек, но истории — совершенно внешнему совпадению неблагоприятных обстоятельств, при которых развивалась русская жизнь, русский народ, русское государство. Зачем русский народ поселился не на берегах Атлантического океана, зачем поселился он на Восточной равнине? Разве это поставить в упрек? Но это, вы видите, уж слишком, детски. Ни один народ не был поставлен в такие неблагоприятные условия относительно своего развития, как русский народ. Эти неблагоприятные условия идут через всю древнюю историю народа, они не могли вдруг прекратиться, они должны были влиять на всю его жизнь. Эти неблагоприятные условия вошли уже в его состав, в его образование, они уже с ним неразлучны. Причины могут исчезнуть, но следствия остаются. Человек с необычайными усилиями вышел из печального состояния, в котором родился и воспитался, из грязной комнаты, где не было никакой вентиляции, при самых скудных средствах вышел он в другую сферу, где приобрел другие условия, но болезнь, которую он получил в этой грязной комнате, в нем осталась, и когда он от нее излечится...

ЛЕКЦИЯ 30

При отсутствии цельного изучения русской истории долгое время существовало странное мнение о частях этой истории: одни части являются очень любопытными, другие — не заслуживающими внимания, по крайней мере большого внимания.

Подобные отзывы можно слышать и теперь от людей, которые не пользовались средствами науки, дающими возможность всерьез изучать историю. Так, смотрели на время от кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II как на время печальное, смутное, не заслуживающее внимания, как на время, наполненное придворными интригами, придворными передрягами. Но, разумеется, при возможности всецело изучать историю народа эти взгляды должны были исчезнуть; и эта эпоха, которая долгое время считалась неинтересной, выражаясь вульгарным языком, при успехе науки чрезвычайно выигрывает, является с большим значением, с большим интересом. Таково время, протекшее от кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. Это время в высшей степени любопытно и необходимо для изучения, ибо без изучения его мы не поняли бы времени Екатерины II. Это время Екатерины II явилось бы в другом, ненастоящем виде, ибо мы предположили бы непременно какой-то скачок, какого в истории нет, потому что дело шло постепенно. Интерес к указанному времени состоит именно в том, что после эпохи преобразования, после этой великой и страшной эпохи, эпохи усиленной народной деятельности наступило некоторое затишье, во время которого русский народ обязан был для дальнейшего своего движения разобраться в материале, данном ему преобразованием. А материала было огромное количество, было над чем подумать, и эта возможность думать, разумеется, давала возможность дальнейшего развития. Великого человека, которому принадлежал почин во всем, не стало; русский народ был, так сказать, предоставлен самому себе. Любопытно посмотреть, как русские люди будут теперь действовать без Петра, без этого вождя, которому приписывали все. Русским людям предстояла трудная задача, потому что решением этой задачи они должны были показать, что эпоха преобразования не была созданием и произволом одного человека, но выход из потребностей целого народа. Россия представляла в минуту смерти Петра удивительное зрелище: развалины старого покрывали почву, новые здания — иные были возведены окончательно, другие наполовину, для третьих, наконец, был возведен только фундамент. Некоторые из новых зданий уже покривились, обнаружив свою непрочность, их надо было или переделать, или совершенно сломать. Эпоха преобразования была, как мы видели, эпохой страшного напряжения народных сил — естественно

и необходимо было на некоторое время отдохнуть, естественно была и некоторого рода реакция. Спокойствие, прекращение внешних войн дало возможность спокойней и внимательней взглянуть на некоторые отношения, некоторые новые явления. Откуда же и как могла явиться реакция тому движению, тому направлению, которое господствовало в эпоху преобразования, в эпоху деятельности Петра? Известно, реакция явилась еще и при жизни самого Петра — именно когда он увидел, что некоторые планы, в высшей степени полезные, однако, не могут быть приведены в исполнение вследствие коренного недостатка в русской жизни, коренного недостатка в ее условиях.

Этот недостаток, как вам известно, состоял в несоответствии народонаселения пространству страны, в физическом недостатке людей. Дела было больше, чем рук, и потому нельзя было вести разделения занятий, то есть цивилизации, ибо цивилизация основывается на разделении занятий; нельзя было вести этого так быстро, как бы то хотелось Петру. Петр произвел это важное основное разделение занятий в государстве, отделил военную службу от гражданской, что выразилось в известной Табели о рангах. До его времени в этом отношении господствовало явление, которое вы видите во время основания государства, — государственная и гражданская служба смешаны, соединены в руках одних лиц. Служилый человек царя Алексея Михайловича, как дружинник Игоря или Святослава, был военным человеком, а в мирное время правителем, судьей. Образование постоянного войска, совершенное Петром, разумеется, и было этим выделением военной службы из гражданской, было этим основным разделением занятий в государстве. Петр ввел это развитие, это разделение занятий; дальше, он выделил городское управление и отдал его самим городам, самим торговым и промышленным людям, отдал им и управление, и суд. Петру хотелось окончательно отделить суд от губернаторского и воеводского управления; ему хотелось повсюду, и в областном управлении, которое еще более нуждалось в этом, чем центральное, хотелось ввести коллегиальное устройство. Но тут его желаниям положен был предел, именно по недостатку людей. Сколько новых мест должен был создать Петр при разделении занятий; но где было взять людей на эти места, людей, сколько-нибудь способных, сколько-нибудь подготовленных. Вот почему при кончине своей жизни сам Петр должен был остановиться в этом стремлении к развитию, разделению занятий при недостатке людей.

Препятствием этому разделению была и громадность государственной области, громадность участков, на которые она была поделена. Разделение занятий, особенно при коллегиальности, требует и соединения сил вместе с тем, но это соединение сил, это соединение отдельных правителей в коллегии, по край-

ней мере на известное время, было до крайности затруднительно, невозможно даже при огромности пространства и отсутствию сколько-нибудь сносных путей сообщения. Понятно, что по смерти Петра эти препятствия стали на первом плане. Необычайная сила Петра еще могла сдерживать эти различные препятствия, но после его смерти они взяли верх. Признано было невозможным удовлетворить этому разделению занятий, отыскать на столько мест способных лиц; признана была даже вредной эта сложность учреждений, условленная разделением занятий.

И вот начали обращаться к старине, к стягиванию различных должностей в одни руки, к помещению их в одном лице. В этом-то и заключалась реакция, в этом-то и был известный возврат к старине. Другого рода реакции быть не могло — реакции в основных делах Петра. Относительно преобразования никто не хотел возвращаться назад, никто не хотел отрываться от Западной Европы; реакция могла прокрасться именно только в те сферы, где новое действительно встречало крайние затруднения; реакция могла прокрасться только туда, где разделение занятий, развитие, к которым стремился Петр, находило препятствия по недостатку людей. Но и здесь в этом отношении реакция не могла быть продолжительна, как увидим сейчас. Если и была хотя слабая реакция, то она и заключалась не в полном возврате к старине и в ослаблении той деятельности, которая началась в эпоху преобразования, народ действительно перешел из одного возраста в другой и возвратиться не мог; ибо перешел не по воле и капризу одного человека, а вследствие естественного и необходимого хода истории. Народ перешел в эпоху мысли, и каждое явление (а этих явлений было множество благодаря преобразованию) поддерживало умственную деятельность; над каждым явлением нужно было подумать и подумать. Русские люди подходили к каждому явлению с различных сторон, наблюдали, рассматривали, сообщали выводы своих наблюдений, и тогда только решали, должно ли оставить данное учреждение, переделать его, или окончательно уничтожить, а это, говорю, поддерживало как нельзя лучше умственную деятельность, служило отличной школой для русских людей. Это-то их и воспитывало. Действительно, когда мы обратимся к архивам и станем рассматривать плоды деятельности этих русских людей, рассматривать, как они обращались с известным явлением, то увидим эту новость, какой не бывало в древней, допетровской России, увидим во всей полноте. во всех подробностях эту школу, заведенную Петром; школу не в тесном смысле, но в обширном — заведение для целого народа. Мы увидим, как эти люди, вызванные для управления, как они думали. Мы знаем, что думать их заставляли, преследуя тех людей, которые не думали самостоятельно; постановлены были гарантии, чтобы люди, призванные думать, именно думали

и приучались излагать ясно и точно свои мысли. Мнения, подаваемые сенаторами по поводу многих вопросов, мнения членов возникшего после Петра Верховного тайного совета представляют тот любопытный для историка материал, в котором виден этот переворот, совершенный Петром, переворот, состоявшийся не в учреждении войска, флота, Сената, Синода, но состоявшийся в этом возбуждении мысли, в той новости, что люди думают, излагают довольно подробно свои мысли, спорят друг с другом. При этой новой деятельности люди, обязанные к ней, должны были, разумеется, искать средства к тому, чтобы их мнения были по возможности правильны, полезны и убедительны. Эти средства заключались в знании, а знание приобреталось двумя способами: наглядным способом, наблюдением того, что делалось у чужих народов, опередивших русский народ, и, кроме того, знание приобреталось из книг. Отсюда наблюдение над жизнью других народов из чтения книг.

Таким образом, знание сознается как могущество. Эта эпоха, так сказать «критическая» относительно деятельности преобразования, продолжалась при Екатерине I, при Петре II и Анне Иоанновне.

Тут именно русские люди разбирались в материалах преобразования, оставленных Петром Великим, и относились к ним, как я уже сказал, критически, именно — раздался вопрос: что из этого материала нужно оставить, как оно было при Преобразователе, что изменить и что уничтожить совершенно? Большая часть, однако, была оставлена, а по окончании этого периода критики даже то, что было уничтожено, было восстановлено. Опыт показал, что большая часть нового была необходима, что с его отстранением государство не пошло вперед, не получило пользы. Иное, что было уничтожено под предлогом отсутствия средств для его осуществления, было восстановлено именно потому, что вследствие известного развития, движения народа вперед, средства эти все более и более находились. Некоторое, очень, впрочем, немного, было уничтожено в эпоху критики и не восстановлено потом, потому что совершенно не приходилось к средствам народа, совершенно не соответствовало всему развитию народа.

К учреждениям, которые явились вновь после смерти Петра Великого, в нарушение, так сказать, его мысли, принадлежит так называемый Верховный тайный совет — этот верхний этаж, надстроенный над Сенатом и недостроенный, без всякой государственной потребности и вследствие личных отношений и соображений. Мы видели, что в основании преобразований Петра лежало это требование, чтобы русский человек приучался к общей деятельности, выходил из этой жизни особняков и приучался к деятельности «сообща», так как деятельность сообща разви-

вала его силы и давала ему возможность противиться всякому беспорядку, происходившему в неустроенном обществе от господства частных отдельных сил. Признак благоустроенного и развитого общества составляет то явление, что каждая сила имеет свою определенную среду деятельности, за границы которой переступить не может, ибо подле нее другая сила, которая может ей в этом препятствовать.

Так как положить границы развитию отдельных сил, отдельных лиц невозможно и не нужно, ибо люди рождаются с различными способностями, неравенство сил — прирожденное условие человеческого общества, уничтожение которого есть мечта и навсегда останется мечтой, то достижение этой необходимости, то есть чтобы сила не переступала должного предела, можно совершить в том случае, если отдельной силе, чрезвычайно великой, поставить собрание сил меньших; но так как это собрание сил многих, то оно является чрезвычайной силой. Только этим средством и внутри каждого народа проводится эта необходимая для благосостояния общества система равновесия, такая система, которая в международной жизни слывет под именем системы политического равновесия; система, которой Европа поддерживает всю свою жизнь. В политической системе европейских государств ни одно государство не допускается до преобладания, до гегемонии, и это достигается не каким-нибудь фантастическим разделением сил. Европа не разделяется на равные части, равные государства, из которых каждое имеет количество сил, равное другим, ибо этого достигнуть нельзя: всегда по разным условиям — национальным и другим — одно государство будет больше другого; но система равновесия, система, которая дает жить малому государству подле большого, состоит в том, что когда большое государство хочет получить преобладание над другим, поработить это другое, то меньшие государства составляют союз, который по своим средствам является равным или превосходящим большое государство, и последнее останавливается в своем стремлении к гегемонии. Что верно в международной политике, то верно и во внутреннем развитии народа. Равенство, охранение самостоятельности членов достигается, когда силам, стремящимся к господству, противопоставляется коллективная сила меньших, и такое государство является наиболее цивилизованным, более развитым, где эта система находится в наибольшем развитии.

ЛЕКЦИЯ 31

Мы говорили о времени, протекшем от смерти Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. Мы заметили, что время это разделяется на две половины: первая половина до вступления на престол Елизаветы Петровны. Это время

знаменуется переборкой данного материала, данного эпохой преобразования, и вместе с тем некоторого рода реакцией; вторая половина — от вступления на царство Елизаветы Петровны до Екатерины II — знаменуется восстановлением дел преобразования и верным восстановлением духа системы Петра Великого. Некоторые учреждения эпохи преобразования, впрочем, очень немного, исчезли во вторую половину и не были восстановлены в царствование Елизаветы Петровны. Эти учреждения пришлось не по почве России.

Другие учреждения, устранившиеся или измененные в первой половине, найдены были соответствующими потребностям Русской страны и были восстановлены в царствование Елизаветы. Из числа очень немногих учреждений, которые исчезли совершенно и явились только поздно и в совершенно измотанном виде, был майорат, учрежденный Петром Великим преимущественно для низшего сословия, для людей, прикрепленных в Древней России к земле, для крестьян. Это явление прикрепления крестьян, следствие экономической несостоятельности Древней России, не могло исчезнуть во время преобразования: главные условия оставались те же — громадное пространство земли и малочисленность населения. Рук не было, а это условие везде и всегда ведет к прикреплению рабочего человека. Доказательством, как мало было рук в эпоху преобразования в новой России, служит то, что когда учреждались фабрики, заводы, то хозяева, учредители объявляли, что они не в состоянии вести дело вольнонаемным трудом, и потому им давалось право приобретать населенные земли, приобретать крестьян для фабричных работ. Следовательно, и думать об освобождении крестьян еще было нельзя, и нельзя было думать об этом в продолжение всего XVIII в. Можно было только некоторыми узаконениями облегчить их участь, противодействовать произволу землевладельцев относительно крестьян и, наконец, давать самим землевладельцам возможность не отягчать крестьян. С этой последней целью был учрежден и майорат Петром, именно чтобы землевладельцы, сосредоточивая в своих руках большие земельные участки, переходившие к одному сыну, не имели бы побуждений извлекать из труда крестьян как можно более выгод и отягчать их непомерными поборами. Но майорат совершенно не приходился к обычаям, воззрениям русского народа, не приходится и к экономическим условиям России. Огромное большинство наших землевладельцев состояло из этих помещиков, служилых людей, которые за военную службу получали земельные участки и которые очень хорошо знали, что государство нуждается в людях и если семейство помещика увеличится, будет много сыновей, то все они получат наделы. При отсутствии развитой промышленности, торговли, при этом застое, которым отличается обыкновенно

земледельческое государство, каким была Россия, при отсутствии улучшений в хозяйстве и надежд, что сыновья получат наделы от правительства, эта привольная жизнь за пазухой государя отнимала у землевладельцев всякое побуждение улучшать свое хозяйство. Если мало было доходов с поместий, помещик просился «покормиться» и его посылали куда-нибудь воеводой.

Это освобождало его от забот по улучшению хозяйства, от старания приобретать движимость, деньги, словом, то, что мы называем капиталом.

Это отсутствие умения делать сбережения отнимало у землевладельцев возможность наделять своих младших сыновей, оставляя всю недвижимость старшему. Когда был учрежден майорат, то отцы оказались в тяжелом положении: отдавая недвижимость старшему, они не имели ничего, чем бы им наделять младших сыновей и дочерей. Не столько укоренившийся взгляд на равенство всех детей относительно наследства, сколько эта невозможность наделять младших сыновей и дочерей вызвала эти сильные вопли против майората в большинстве землевладельцев. К этим явлениям, которые должны были повести к уничтожению майората, явилось стремление продавать часть недвижимой собственности, земли, чтобы приобретенною таким образом движимостью наделять младших сыновей, явилось это стремление при чрезвычайной низкости цен. Затем движимостью считали все необходимое для хозяйства — скот, орудия для земледелия и т. п. — и ею наделяли младших сыновей, вследствие чего старший получал голую землю без средств ее обрабатывать. Вся эта движимость переходила к младшим, и старший должен был тяжелыми пожертвованиями выкупать у них возможность производства земледелия. Наконец, страшные раздоры в семье должны были быть следствием нового закона, который заставлял отцов лишать наделов всех своих сыновей, отдавая их только одному старшему. Вы видите, что в сущности при других условиях, при большей экономической развитости, не было бы и помину об лишении наследства, ибо младшие в развитем торговом и экономическом обществе получали бы движимость, средства экономической деятельности и с тем средства приобретения недвижимости, земли. Но в России, этой стране земледельческой, при скудости денег, при скудости капитала, сбережений, знаний отцы имели только одну недвижимость; теперь, оставляя эту недвижимость старшему, они должны были лишать наследства всех остальных сыновей. Разумный Петр, который судил по себе, учреждая майорат, мог оправдываться тем, что промышленное и торговое движение, начатое им и пошедшее относительно быстро, доставит русским людям, русским землевладельцам средства получить движимость и облегчить им возможность наделять младших сыновей. Это промышленное

и торговое движение после смерти Петра Великого не могло идти быстро, как при нем, и потому в царствование Анны Иоанновны майорат был уничтожен; и так как он совершенно не приходился по условиям русской страны, то и не был восстановлен при Елизавете Петровне, хотя все другие деяния Петра Великого, уничтоженные или измененные при его ближайших преемниках, были восстановлены при Елизавете.

Реакция при ближайших преемниках Петра состояла преимущественно в уничтожении разделения занятий, что представляло, разумеется, шаг назад в государственном устройстве и цивилизации вообще. Чем больше во всех сферах разделения занятий, в обширном смысле этого слова, тем государство цивилизованнее. Но у нас, разумеется, при сильном преобразовательном движении перейдены были границы, при которых возможно было разделение занятий; здесь должно было обнаружиться сильное влияние сообщения с другими народами, более цивилизованными и более развитыми. Этот постоянный пример чужих народов, более развитых, естественно и необходимо должен был тянуть молодой народ, не столько развитой, к тому, что ему было не по силам. Я уже прошлый раз употребил сравнение, которое показывает это неудобное положение молодого народа среди народов старых, с развитой цивилизацией; то, как у него нет столько средств развития общественной жизни: он поневоле должен тянуться, стыдно ему не иметь того, что имеют другие, но у него нет на то средств, и вот он тянется, превышает свои средства. Так было и в эпоху преобразования при Петре. Разделение занятий вследствие влияния чужих народов переходило иногда границы возможности, и потому реакция при преемниках Петра в этом направлении была самая законная, то есть она опять соединяла занятия в одном и том же лице по самой простой причине — по недостатку людей, недостатку рук. Вот почему дела опять соединяются в одном лице. Таким образом, Россия не могла поддерживать стремлений Петра отделить администрацию от суда и опять нашла необходимым соединить в особе одного воеводы по-прежнему и администрацию, и суд. Развитие судебных учреждений по плану Петра Великого не могло идти, а должно было остановиться до другого, более благоприятного времени; до того времени, когда Россия выросла бы, получила возможность приобрести столько людей, что между ними можно было бы делить занятия, возможно было бы отделение администрации от суда. Следовательно, стремление Петра Великого к разделению занятий в известной сфере осталось только планом, указанным на будущее время. Вот почему в XVIII в., приступая к какому-нибудь учреждению, обыкновенно ссылались на Петра, на его законы, забытые или вышедшие из употребления именно вследствие того, что государство не имело в то время средств выпол-

нять эти законы, но теперь эти законы восстановлены, так как отысканы средства. Дотрагивались и до чрезвычайно важного учреждения Петра Великого, до городского самоуправления, магистраты были подчинены областным правителям.

Это было сделано на том основании, что, предоставленные самим себе, собственным средствам, городские жители подвергались чрезвычайным притеснениям, обидам от всякого встречного, тогда как воевода, губернатор держал их под своей рукою, давал им защиту. Потерпев притеснение от какого-нибудь чиновника, купчество городское жаловалось воеводе, губернатору, и те обязаны были вступить за них, когда они были подчинены его ведению; когда же они были изъяты из-под его ведения и подчинены только магистрату, то воевода смотрел на них равнодушно и не вступался за них, да и они не имели основания обращаться к нему с просьбою. Это основание, почему городские магистраты были подчинены воеводам, весьма характерно, потому что показывает, в каком печальном положении находилась тогда Россия. Нужно было время, чтобы установить хоть какой-нибудь порядок в государстве. Ни для кого не было здесь должной сдержки; каждая сила имела возможность, что называется, разнуздываться. Граней, необходимых для удержания этих сил от разнузданий, граней, которые вырабатываются цивилизацией, в описываемое время в России не было — вот почему вы видите это явление, что сильные люди могли позволять себе относительно слабым. Это было переходное время от частного союза к общему подчинению государственной власти. Известно, что в первоначальном, молодом свете общая власть не имеет достаточно силы, чтобы покровительствовать слабому, сильный здесь имеет полную возможность безнаказанно обижать слабого, в таком молодом обществе является, как обычное явление, что слабый не имеет возможности найти у государства, общего правительства защиты от сильного, прибегает к защите ближайшего сильного, по нашему выражению, закладывается за него и в этом закладе, уступая часть своих прав, налагает на себя известные обязанности. Но зато он вознаграждается надеждой найти себе защиту у этого сильного. Таково было клиентство в древнем мире, потом в древней жизни новых народов, в средние века целая система, господствовавшая чрезвычайно долго, основывалась именно на этом. При слабости государства, при слабости государственной власти всякий слабый закладывается за сильного, отдает ему земли и принимает назад их с известными обязательствами, отсюда эти вассальные отношения между мелкими и крупными землевладельцами, отношения, составлявшие целую лестницу: как мелкий землевладелец закладывался за другого, более могущественного, так этот последний закладывался за более крупного.

У нас в России, которая жила в этом положении дольше, чем другие государства, у нас эти частные отношения долго пребывали в силе; всем известно, что у нас силен был родовой союз, который давал обеспечение слабому против сильного. Если бы мы даже не имели точных известий относительно долгого господства этого союза, то а priori мы должны были бы заключить о долгом существовании у нас этого крепкого родового союза, ибо только этим союзом можно обезопасить слабого от насилий сильного. Вот почему у нас в России, по общеходящему народному выражению, бессемейность, сиротство, отсутствие большой родни, родовых связей было синонимом крайне жалкого положения человека. Чем больше род, тем больше может рассчитывать слабый на защиту против сильного. Человек как «животное общественное» стремится иметь связи с другими, ибо эти связи поддерживают, защищают его. Один он — беззащитен, в связи с другими он — царь земли. Отсюда стремление к союзам, которые завершаются союзом государственным; но прежде человек должен пройти ряд союзов и здесь на первом месте стоит союз родовой. Но с самых ранних пор родовой союз никогда не существовал исключительно, потому что всегда мы видим стремление слабых людей, лишенных родовых связей, входить в связь, в зависимость к чужим сильным людям. Хорошо, у кого большой род, он находит в этом роде, в родовых связях поддержку и защиту себе; но эти несчастные, на которых общество смотрело именно как на несчастных, эти люди бессемейные, безродные, лишенные родовой защиты, — где им искать защиты? Они должны были искать защиты у чужих людей. Отсюда с самых ранних пор, как видите, мы должны предположить закладничество в России, те же самые вассальные отношения, то же самое клиентство. Действительно, мы видим, как сильно было в Древней России развито закладничество в различных его видах, от соседственности, которая не нарушала самостоятельности, хотя человек и заложился за другого, более сильного, до холопства, которое есть также закладничество, ибо холоп был вольным человеком, искавшим себе защиты в другом человеке. Иностранцы с удивлением говорят об этом стремлении русских людей к холопству. Вольный человек шел в холопы, освободившийся из холопства каким-нибудь образом искал другого господина и шел к нему в холопы. Это всего лучше показывает положение общества, где слабый не может существовать наравне с сильным; поэтому-то здесь частные союзы, частная зависимость так необходимы. При Петре и в последующее время является это стремление высвободить русского человека от частной зависимости, подчинить всех русских людей одной общей государственной власти. Петр первый выдвинул для русского человека идею государства, непонятную в предшествовавшее древнее время нашей истории.

Как во всем, Петр и здесь проводил идею государства неуклонно и резко, отсюда его собственная служба, служба государственная, в которую он приглашал всех; отсюда понятие идеи о государственных интересах, о государственном добре, имуществе. Господство частных отношений в России вытекало естественно необходимо из самого младенческого положения древнего государства, положения, порождавшего это пренебрежение общими, государственными интересами, порождавшего это стремление к частным целям, стремление жить на счет государства, положения, порождавшего неуважение к государственному добру, и к казне в частности. Отсюда это казнокрадство, которое развилось чрезвычайно сильно в Древней России и перешло и в новую. Понятно, как в своем стремлении поднять государство, приучить народ к этому пониманию государства Петр должен был вооружаться против казнокрадства. Ничто так не раздражало его, как казнокрадство, ни против чего не употреблял он столь жестоких, кровавых мер, как против казнокрадства. Проводя чрезвычайно сильно и резко идею государства, Петр одновременно при учреждении Сената велел брать присягу государю и государству. Но понятное дело, как бы сильно ни проводилась известная идея, если она нова, то она не вдруг приобретет себе новую и духовную почву в народе, и не только Петру, но и целому ряду его преемников приходилось с большим или меньшим успехом бороться за эту идею государства против частных стремлений, породивших такое множество печальных явлений в этой жизни русского человека, в которой он жил...

Л Е К Ц И Я 32

При слушании предыдущей лекции, быть может, некоторые из вас были поставлены в недоумение, каким образом я говорил о слабости государства, о слабости государственной власти, тогда как известно, что в Древней России очень давно, уже в так называемый Московский период, образовалась чрезвычайно крепкая государственная власть, уже в Московский период сосредоточилась государственная власть в руках одного правителя, великого государя, царя. Но тут противоречия нет никакого. Государство относительно возможности давать одинаковую защиту всем своим подданным, держать всех в зависимости относительно себя было действительно слабо; но все подданные, отличаясь друг от друга степенью силы, причем более сильные, при слабости государственной защиты, имели возможность употреблять свою силу против слабых, заставлять слабых подчиняться себе, все эти силы, говорю, все эти подданные находились в бесправном положении относительно главной силы, относительно самого сильного человека в государстве,

великого государя. Сильные люди, имеющие беспрестанно за собой слабых, заставляющие этих слабых холопиться, поступать к себе в холопы с целью защиты, эти сильные люди были сами также холопами великого государя. На Западе в средние века было такое же явление: там господствовала между людьми феодальная связь, феодальные отношения, которые заканчивались королем, государем всей страны; но отношения между всеми этими людьми, связанными феодальной связью, были иного характера, иного рода, чем у нас,— были более свободны во всех, так сказать, кольцах этой феодальной цепи. Следовательно, повторяю, здесь противоречия, несходства нет никакого. И, кроме того, надо заметить, что частные союзы и у нас в России в древней истории, несмотря на чрезвычайное развитие верховной власти, чрезвычайное сосредоточение власти в одних руках — великого князя, частные союзы давали сильно чувствовать себя и этой власти. Доказательством этого служит крепость родового союза, которая выставлялась довольно резко против верховной власти. Я говорю о местничестве. Власть великого государя была чрезвычайно сильна, в его руках была жизнь и смерть подданных. Это факт. А между тем когда этот же самый неограниченный владыка приказывает служилому человеку занять такой-то пост в войске, такое-то место во время похода, то этот служилый человек, смотревший, так сказать, из рук государя, который его кормил, содержал, этот служилый человек прямо, резко и дерзко говорит, что он не пойдет на это место, не пойдет потому, что оно унижает его в родовых отношениях, понижает его и вместе целый род; его родичи ниже кого-то, который занимает теперь высшее место, никогда не бывали, и вот он не может занять такого-то предложенного места.

Родовая связь была крепкой, родовое единство ясно сохранилось в убеждении, что человек, возвышаясь, возвышает свой род, понижаясь, и свой род понижает; и потому, понятно, что никакой человек не соглашался понизиться, чтобы не понизить вместе с тем и свой род, не быть в его глазах нарушителем родовой чести. Вот почему в глазах великого, могущественного своего господина он позволял себе явное ослушание: за столом для пира не хотел садиться ниже другого. Тщетно гневался великий государь, тот не слушался, его посылали в тюрьму, подвергали опале — все это он сносил беспрекословно, он был подданным верховной власти; но частная связь, родовый союз были так сильны, что эта власть ничего не могла сделать. Вы видите, как в истории усиливаются явления, которые с первого взгляда кажутся противоречащими. Еще до Петра государство объявило войну, начало борьбу с частными союзами; но эта борьба велась, так сказать, внешним образом и не могла быть вполне успешной, ибо употреблялись только паллиативы и коренного излечения

болезни быть не могло, потому что уничтожение частных союзов и подчинение всех подданных равно единой власти, единому закону делалось вследствие медленного развития общественного организма, тут сильные правительственные меры могут действовать только внешним образом, а внутренний успех зависит от этого медленного самостоятельного развития общества.

Я говорю, государство еще до Петра начало борьбу против частных союзов, именно против вредного их обнаруживания, с одной стороны, в деле военном, с другой — в деле финансовом. Государство боролось против родового союза, против именно этого вредного его обнаружения — против местничества; местничество страшно вредило успеху военных интересов: войску нужно выступать в походе как можно скорее, а воеводы не хотят идти ниже такого-то, является местничество, и государь, правительство должны менять порядок назначения в угоду этим родовым счетам, этому местничеству. Понятное дело, с течением времени, когда потребность в лучшем войске становилась все очевиднее, когда необходимо было принять другой войсковой строй — европейский, то местничество должно было быть отстранено, и еще до Петра, при Феодоре Алексеевиче, местничество было проклято на соборе устами патриарха. Одновременно с этим во второй половине XVII в. шла борьба государства с закладничеством, с этим русским феодализмом, клиентством из финансовых побуждений, потому что слабые, недостаточные люди, желая избежать финансовых тягостей правительственной службы при сборе доходов, закладывались за сильных людей и под их покровительством свободно занимались своими промыслами, торговлей.

Таким образом, большая часть городов была населена этими закладчиками, людьми, заложившимися за бояр, патриарха, архиереев и вообще за сильных, людьми, не платившими правительству известных податей, а промышлявшими и торговавшими наравне с другими, на которых падала вся тяжесть правительственных требований. Последние волновались и требовали от правительства уравнивания, чтобы в городах все принадлежало великому государю и не было бы закладничества за частных лиц, бояр, архиереев. И вот при Алексее Михайловиче это закладничество, тягость людей были уничтожены. В городах жители, освобождаясь от закладничества, приводились в непосредственное отношение к государю. Таким образом, в XVII в. произведена была эмансипация городов; жители городов были освобождены от зависимости от частных людей. Но что же — на это освобождение взглянули, как на благодеяние? Нисколько не бывало. Тяглые люди, бывшие в закладничестве, сильно рассердились на эту меру правительства, освободившую их, на эту эмансипацию, был даже составлен заговор этих закладчиков

против правительства, именно вследствие мести за освобождение от закладничества; и хотя по закону закладничество было уничтожено, но оно продолжалось и в XVIII веке и иногда принимало большие размеры. Даже при Петре Великом, несмотря на усилия его объединить всех подданных в отношении к себе, промышленные люди толпами закладывались за лиц царской фамилии; не находя более защиты в вельможах, архиереях, они стали искать защиты повыше, в лицах царской фамилии. Таким образом, несмотря на усиленные стремления государства объединить всех подданных в отношении к себе, и в эпоху преобразования, и после была эта борьба между указанными стремлениями государей и между стремлениями поддержать частные отношения, ибо слабый человек, недостаточный человек, освобожденный государством от частной зависимости, не чувствовал в себе способности быть в состоянии вести самостоятельную жизнь; он видел, что как ни усиливалось государство, но оно еще до такой степени слабо, что частный, сильный человек может безнаказанно обижать слабого. Вот почему, когда городские жители были изъяты из ведения воеводы, из-под его защиты, то они начали подвергаться чрезвычайным обидам. Магистратские архивы были завалены жалобами против обид, которым подвергалось городское население, представители его, члены магистрата от всякого проезжего, от всякого сильного человека. Всякий проезжий считал себя вправе требовать от этих мужиков постоя, подвод, и когда те, опираясь на свои новые права, отказывали, то этот сильный люд, обыкновенно военный, позволял себе насилие, бил, увечил этих несчастных членов магистрата, этих бургомистров, совершенно беспомощных.

И вот основание, по которому при известной реакции, последовавшей по смерти Петра, положено было отдать городские магистраты опять в ведение воеводы с целью дать городскому населению защиту. Соответственно этому главный магистрат, которому были подчинены магистраты всех других городов, был уничтожен. Так уничтожено было это учреждение Петра Великого, по которому городское самоуправление составляло нечто особое. Но при Елизавете главный магистрат был восстановлен, и городское самоуправление опять получило прежнее значение, хотя в нем по-прежнему происходили часто довольно печальные явления вследствие раздоров в самом городском населении, вследствие стремлений сильнейших людей опять здесь пользоваться силой и угнетать слабых. Но как бы то ни было при Елизавете Петровне признано было за полезнейшее дать этому учреждению Петра Великого свободное развитие. Действительно, всякое новое учреждение в самом начале может являть в себе очень печальные стороны; но законодатель не должен отчаиваться, не должен смотреть равнодушно, он должен употреблять все

средства, чтобы новое учреждение было облегчением в своем развитии; но не должно касаться до него, не должно жалеть о том, что явилось, а должно взять терпением, подождать, пока это учреждение усилится, все растет и пойдет по надлежащему, правильному пути. По смерти Петра Великого нарушено было его главное учреждение — Правительствующий Сенат. Не коснулись собственного Сената, но, по личным отношениям, надстроили над ним какой-то верхний, совершенно бесполезный — Верховный тайный совет, в котором между очень немногими членами решались важнейшие дела, вследствие чего Сенат потерял значение и титул Правительствующего, а получил название Высокого Сената. Общество отнеслось неблагоприятно к этому совершенно личному учреждению, к этому верхнему этажу Сената — Верховному тайному совету. Верховный тайный совет был уничтожен в начале царствования Анны Иоанновны, но уничтожен только по имени, потому что после него опять явился верхний этаж над Сенатом — известный «Кабинет», и только в царствование Елизаветы Петровны этот этаж был окончательно уничтожен, и Сенат получил прежнее петровское значение. Это продолжалось 15 лет; но потом очень многие продолжали тяготиться тем, что все дела сосредоточиваются в Сенате, многие не переставали жалеть о Верховном тайном совете и Кабинете. Елизавета Петровна долго противилась настояниям этих людей, и Сенат оставался в том значении, в каком он был при отце; но когда открылась Семилетняя война, эти люди, враждебные Сенату, желали другого высшего учреждения, где бы в руках немногих сосредоточивались высшие дела, настаивали, чтобы было учреждено нечто вроде Верховного тайного совета; и действительно, были сначала учреждены для военных дел эти «Конференции ее величества», которые благодаря войне были очень часты и более и более забирали себе власть.

Так было до прекращения Семилетней войны, до вступления Екатерины II. Что было сделано при ней, мы еще будем иметь случай говорить. Одним из самых любопытных явлений, богатых последствиями в это время — от смерти Петра Великого до вступления Елизаветы Петровны, было тоже нарушение основного принципа допетровской системы. Преобразование? Понятно, не могло обойтись без помощи иностранцев: нужно было призвать большое количество иностранцев для введения необходимых новых учреждений — явление чрезвычайно опасное, ибо признавалось превосходство, преимущество иностранцев. Иностранцы являлись в виде учителей; русские люди должны были идти к ним в ученье, здесь не было равенства, но было подчинение. Уже было сказано, что Петр принял меры против печальных последствий такого явления. Главные меры состояли в быстром движении и непосредственном участии русских людей в деле,

в практической школе; ученики приучались сейчас же, с первых приемов, к практической деятельности, к деятельности самостоятельной, к мастерству. Так было на войне, так было повсюду. Кроме того, Петр соблюдал правило — не поручать важнейших мест иностранцам, но одним только русским. Таким образом, Сенат состоял только из одних русских людей, и на всех высших местах были русские — председатели коллегий, были русские — вице-президенты; помощники их могли быть иностранцы. Но по смерти Петра В это великое правило потерпело нарушение именно вследствие того, что люди, оставленные Петром России, его птенцы, потеряв своего великого предводителя, не могли с одинаковой силой вести новое дело, они дали себе некоторую льготу, некоторый отдых, а эта льгота, этот отдых после сильного напряжения бывают иногда очень пагубны. Признаком этой льготы, отдыха, этой лени, которую позволили себе русские люди, в руках которых было управление по смерти Петра, признаком этого служит то, что иностранцы начали пробиваться на высшие места, только самые видные из иностранцев, самые даровитые, способные — так пробился Остерман, человек, бесспорно обладавший большими способностями, значением, потом так пробился Миних на военном поприще. Этой возможности для иностранцев пробиваться на высшие места много содействовали усобицы между русскими, усобицы, в которых погибли лучшие русские люди, лучшие русские способности — погиб Меншиков, погиб Толстой и многие другие. Впоследствии погибли самые видные члены из других знаменитых фамилий — фамилии Голицыных, Долгоруких. Бедствия Голицыных и Долгоруких произошли вследствие известного события, бывшего в 1730 г., предшествовавшего вступлению на престол Анны Иоанновны. Это была попытка членов Верховного тайного совета Голицыных и Долгоруких ограничить верховную власть.

Попытка эта не удалась вследствие сильного сопротивления всего остального вельможества, всех, можно сказать, служилых людей. Анна сначала согласилась на ограничение, предложенное Верховным тайным советом, но потом, подкрепляемая огромным большинством недовольных, уничтожила это ограничение и сделала самодержавной. Это, разумеется, поставило членов Верховного тайного совета Голицыных и Долгоруких в печальное положение. Новая императрица, подкрепляемая несочувствием большинства к делу верховников, имела возможность преследовать Голицыных и Долгоруких и преследовала их: двое Долгоруких были даже казнены. Это постепенное исчезновение людей наверху, эта пустота, оставшаяся вследствие ухода, гибели лучших способностей людских, давали возможность иностранцам занимать эти пустые места. Чужой может занять место только тогда, когда свои разобщены, когда перестали тесно примыкать

друг к другу, держать друг друга за руки. А это случилось сейчас же после смерти Петра. Чуть явилась возможность занять пустые места, тут уж и пробились даровитые иностранцы Остерман, Миних, а за ними по протоптанной дорожке явились и вовсе не даровитые и вовсе не полезные, явился Бирон и все эти паразиты, которых Россия кормила без всякой пользы для себя.

Это явление знаменует царствование Анны Иоанновны, делает это царствование самым печальным явлением в истории XVIII в., делает это царствование каким-то темным пятном в русской истории этого века. Этот порядок исчез со вступлением на престол Елизаветы Петровны, которая восстановила систему своего отца во всей полноте и следовала его правилу относительно иностранцев. С этих пор опять являются на всех важнейших местах русские люди.

Л Е К Ц И Я 33

Мы видели значение времени, протекшего от смерти Петра Великого до вступления на престол Екатерины II; мы видели, какого рода реакция преобразованию произошла в это время. Главная реакция исходила из того условия, которое присуще всей нашей истории,— из несоразмерности государственной области с количеством народонаселения. Недостаток людей, физический недостаток остановил самого Преобразователя в движении, и этот недостаток, разумеется, еще более побуждал к некоторым ограничениям после его смерти. Разделение занятий, этот самый существенный признак развития, возможно только при должном количестве народонаселения. Мы видели, что Петр приступил именно к разделению занятий. Наверху ему удалось провести его, но когда он пошел дальше, то должен был остановиться вследствие недостатка людей. Но это была только остановка, потому что движение не могло прекратиться, остановка произошла вследствие недостатка людей. Когда же с течением времени количество народонаселения увеличилось (а должно было увеличиться), то возможность произвести главные преобразования опять является мало-помалу. Вот почему в продолжение XVIII в. и далее мы видим постепенное осуществление тех же самых планов, которые мы видели в царствование Петра. То, что было им задумано относительно разделения занятий, то потом исполнилось при Екатерине II и в последующее время.

Так, план отделения администрации от суда повсюду, отделение самих судов — уголовного от гражданского — все это исполнилось по плану, указанному Петром Великим. Это явление произошло не вследствие авторитета Петра Великого, не вследствие подражания ему, но по естественному ходу вещей. Петру Великому принадлежит только честь, что он начал дело, которое

было на очереди и которое должно было идти далее по естественному порядку, по общему закону.

Самое важное место в это время, рассматриваемое нами, принадлежит царствованию дочери Петра Великого, Елизаветы Петровны, именно потому, что в это время исчезли те неправильности, которые возникли было после смерти Петра Великого, и главная неправильность состояла в том, что русские люди, в руках которых Петр оставил правление, русские люди без своего знаменитого вождя не могли удержать силы в своих руках, не могли удержать потому, что разделились, начали враждовать друг с другом, губить друг друга и этим сами подавали возможность иностранцам занять первые места. Известно, что Петр Великий, призывая иностранцев содействовать преобразованию, понимал, что русские не будут в состоянии, естественно, совершить это дело без помощи иностранцев, как более образованных; однако, чтобы сохранить все значение национальности, следовал такому правилу — на главные места он назначал русских, а иностранец, как бы он ни был достоин, мог занимать только второстепенное место. Таким образом, произошло то, что Россию он оставил в русских руках, и только невежество, незнание исторических подробностей может распространять мнение, что Петр Великий навел в Россию иностранцев, что он отдал Россию в чужие руки, тогда как главная цель Петра в этом преобразовании сейчас же заставляет русских людей пользоваться преобразованием, пользоваться познаниями и проходить школу практически. Это он проводил в войне, дипломатии и т. п. Но после Петра люди, в руках которых осталось управление, «не стянули», не сумели продолжать дело так, как оно начато было Преобразователем, стали ссориться друг с другом, губить друг друга; ряды их разредели, а когда ряд редет, то является возможность проходить через этот ряд и другим людям. Когда люди тесно держат друг друга за руки, то никто другой не проскользнет в их тесный ряд; но когда они разделились, то, естественно, является дорога всякому чужому. Так и здесь случилось.

Сначала через эти открывшиеся ряды пробились иностранцы даровитые, оказавшие значительные услуги России, — Остерман, Миних; но потом через эти ряды стали пробиваться вследствие фавора люди, которые ничем не могли оправдать своего возвышения; как, например, когда курляндская княгиня Анна, по пресечении мужской романовской линии, была приглашена занять русский престол, ее фаворит Бирон, человек, нисколько не даровитый, не могший принести пользы России, поднялся чрезвычайно высоко именно вследствие этого фавора, как фаворит; рядом с ним протеснилась целая толпа иностранцев, которые ничем не могли, повторяю, оправдать своего возвышения. Отсюда это царствование Анны Иоанновны представляет такое

пятно в истории России XVIII в. Понятное дело, что черная сторона царствования Анны преувеличена, но самое преувеличение уже есть факт, очень важный для истории. Дело историка состоит не только в одном том, чтобы добыть истину, представив события,—это его обязанность, от которой уклоняться он не должен, но, с другой стороны, его обязанность — объяснить и то, что не истинно или не совсем истинно объяснено; объяснить, откуда это явление неистинного объяснения, откуда эта ложь, это преувеличение. В человеке, человеческом обществе, разумеется, всегда действуют страсти, действует не один ум, добывающийся истины, но действуют чувства. Эта страсть, разумеется, заставляет человека преувеличивать достоинства предмета при расположении, любви к этому предмету и преувеличивать недостатки данного предмета в отвращении к нему. Историк надобно обращать внимание на страсть, на это преувеличение. Ему надобно иметь дело с живым существом, с народом, и потому нельзя успокаиваться на том, что вот темная сторона царствования Анны Иоанновны преувеличена, и объяснять только тем, что потом восторжествовала противная сторона, которая находила выгоду в том, чтобы чернить предшествовавшее царствование и преувеличить чрез то царствование Елизаветы Петровны; что, следовательно, люди, стоявшие в челе правительства при Елизавете, имели выгоду чернить предшествовавшее царствование. Действительно, и здесь будет доля правды. Люди елизаветинского времени имели интерес дурно отзываться о предшествовавшем царствовании, вторая эта сторона была в опале при Анне, а потом восторжествовала. Понятно, здесь нельзя искать полного беспристрастия. Но во всяком случае это будет только одна сторона. Самое торжество Елизаветы, людей, которые вместе с ней восторжествовали, объясняется тем, что предшествовавшее время — царствование Анны, ее двоюродного племянника и правление ее племянницы Анны Леопольдовны — было временем, которое переносить большинство лучших русских людей не хотело, да и не могло. Здесь говорило против Анны, против Бирона национальное чувство, на которое историк всегда должен обращать внимание.

Восшествие на престол Елизаветы, свержение императора Иоанна, его матери-правительницы было делом национального чувства, которое не могло переносить этого положения, этой неправильности, о которой мы сейчас говорили; неправильности, что нарушен был принцип Петра Великого и иностранцы стали наверху, взяли в свои руки управление страной.

Вступление на престол Елизаветы, как было сказано, естественно, необходимо повлекло за собой восстановление этого принципа Петра Великого, по которому наверху должны стоять русские люди. Здесь не было какой-нибудь грубой, национальной

реакции, которой ожидали и которую желали завистливые соседи, и даже не соседи, как увидим. В Западной Европе существовало мнение, что Россия поднялась в эпоху преобразования руками иностранцев, что это был каприз Петра, который как деспот, абсолютный монарх имел в руках своих громадную силу и сделал, что хотел, но сделал руками иностранцев; что русские не участвовали в этом деле, что они не только ничего не сделали, но еще даже противились ему; что Россия дальше шла прежним, петровским путем только благодаря тому, что дела вели все-таки иностранцы, особенно при Анне Иоанновне. На Западе все это продолжение движения преобразовательного приписывали искусству Остермана и ждали с нетерпением, что как только владычество иностранцев рухнет и русские возьмут верх, то они непременно обратятся к старине, что европейская форма исчезнет и могущественное государство делается по-прежнему государством азиатским, каким оно было до Петра Великого в отношении к остальной Европе. Но вступление на престол Елизаветы и ее царствование уничтожило совершенно все эти надежды врагов России. При Елизавете был восстановлен этот принцип Петра Великого, по которому русские должны были стоять на первых местах. Елизавета ухватила за тех русских людей, за те остатки из этой стаи петровских орлов, которые еще были живы, могли служить ей, сгруппировала их около себя и потом с их помощью создала, вывела, так сказать, целое новое поколение русских деятелей. Одними словами, что сделано было при Петре — создано целое поколение даровитых деятелей, то же повторилось в царствование дочери его, Елизаветы Петровны. Связное, чисто научное изучение истории именно приводит к тому, что каждая эпоха, каждое царствование являются в настоящем свете. Связное изучение истории XVIII в. приводит к тому заключению, что Екатерина II блеском своего царствования обязана была тому поколению, которое воспиталось, поднялось при Елизавете Петровне.

Это насколько не уменьшает заслуги Екатерины II, потому что она обладала высокими царственными достоинствами употреблять людей в пользу государства.

Она искала достойных людей и нашла именно потому, что они были подле: они были выставлены при Елизавете Петровне. Потому для объяснения царствования Екатерины II необходимо изучить царствование Елизаветы. Эти две эпохи — елизаветинская и екатерининская — находятся в тесной связи и разобщены быть не могут. Как древняя русская история не может быть отторгнута от новой, как Петр и его деятельность не могут являться чем-то особенным от древней истории, так и вторая половина XVIII в., царствование Екатерины, не может явиться отторгнутым от первой половины этого века. Только ненаучное

направление в истории, невежество, незнание подробностей, отсутствие настоящего изучения дела могут вести к такому взгляду, по которому вся русская история состоит из каких-то прорех, ухабов: все является разрозненным, новая история отторгается от древней. Петр Великий одним является божеством добра, создавшим все из ничего,— Ормуздом, другим он является Ариманом, духом зла, который тоже по своей прихоти наполнил Россию злом. Потом является новая прореха — от смерти Петра до Екатерины II: на это время смотрят, как только на время одних придворных смут и треволнений, и начинают историю только со вступления на престол Екатерины II. Подробное, научное изучение истории должно прежде всего уничтожить эти прорехи, ухабы и представить связное течение истории, связное течение народной жизни. Царствование Елизаветы Петровны, повторяю, имеет чрезвычайно важное значение в истории XVIII в. Здесь произошел, так сказать, окончательный расчет русских людей с эпохой преобразования. До тех пор они развивались в материале, оставленном этой эпохой, тут они окончательно рассчитались с ней: отделили то, что должно остаться. При этом окончательном расчете вовсе не следует руководиться той мыслью, что Елизавета как дочь Петра основывала свое царствование на славе и величии Петра и нарочно оставляла все то, что было учреждено Петром Великим, потому что мы видим, что некоторое, что было не по почве России, не было восстановлено при Елизавете Петровне. При ней было восстановлено только то, что должно было быть восстановленным. Прежде всего был восстановлен Правительствующий Сенат, и был восстановлен в том значении, в каком он был учрежден Петром. После Петра над Сенатом надстроен был этаж: при Екатерине I явился Верховный тайный совет, учреждение, вовсе не вытекавшее из потребностей правительства, но вытекавшее из частных отношений лиц, стоящих наверху. Понадобилось такое учреждение, в котором присутствовала бы сама императрица и где бы человек, имевший большую силу, Меншиков, не мог в присутствии императрицы командовать, что чрезвычайно оскорбляло других сильных людей. В Сенате Меншиков командовал: сенаторы рассуждают, полагали решение,— вдруг является Меншиков и говорит, что императрица решила иначе, то есть он сам решил иначе.

Это сильно оскорбляло сенаторов, и Толстой, чтобы уничтожить это, придумал форму Верховного тайного совета, где председательствовала бы императрица, сама бы присутствовала при обсуждениях и объявляла свою волю. Таким образом уничтожено было бы командование Меншикова, нестерпимое для его товарищей. Следовательно, Верховный тайный совет явился не вследствие правительственной надобности, но вследствие

сделки между партиями, людьми, находящимися наверху. При Анне Иоанновне, когда члены Верховного тайного совета, самые влиятельные,— Голицын и Долгорукий — задумали ограничить ее верховную власть, и ограничить Верховным тайным советом, это возбудило неудовольствие в остальном дворянстве; и когда замыслы этих верховников относительно ограничения рушились и Анна сделалась самодержавной государыней, порушился и самый Верховный совет. Но теперь явились другие потребности, и потребности уже у иностранцев. Иностранцы, забрав власть в свои руки, выделились из этой массы русских вельмож и составили особое верховное правительство. Остерману, который своим дарованием забрал правительственную власть в свои руки, именно нужно было выделить из Сената подобных людей, которые были бы покорны ему и управляли бы Россией. И вот вскоре после уничтожения Верховного тайного совета является тот же Верховный тайный совет, только под именем Кабинета, члены которого назывались кабинет-министрами, где управлял всеми Остерман. Он подобрал себе другого кабинет-министра, князя Алексея Михайловича Черкасского, чтобы загородить себя именем русского. Черкасский был самый знатный и самый богатый из вельмож, но, как справедливо замечали современники, в Кабинете Остерман был душой, а Черкасский телом (Черкасский отличался чрезвычайною тучностью). Из этого вы видите, что вся власть находилась в руках Остермана. Фаворит Бирон, который не имел никаких талантов, не знал России и не хотел знать ее, да и не имел способности узнать, этот Бирон, однако, имел претензию на искусного правителя; льстецы вскружили ему слабую голову, и он считал себя очень способным правителем и огорчался, что ему приходилось сталкиваться с Остерманом, который умел управлять. Вследствие этого Бирон не мог терпеть Остермана; ему хотелось найти человека даровитого и вполне преданного ему, который был бы орудием в его руках и которым можно было бы вытолкнуть Остермана. Все говорили, что без Остермана нельзя обойтись, это было досадно Бирону, и он хотел найти человека, которым можно было бы заменить Остермана. Между немцами он не мог найти такого, и делать нечего — он обратил свое внимание на русских.

Он поднял сначала знаменитого Волынского, человека в высшей степени даровитого и способного к правительственной деятельности, но человека не с очень светлым характером. Он ввел его в Кабинет. Волынский, став кабинет-министром, столкнулся с Остерманом — это было хорошо для Бирона, но Волынский, к несчастью, по своему характеру столкнулся и с самим Бироном. Он пошел быстро к тому, чтобы покончить с немцами, но так как по деспотическому, непривлекательному характеру он не пользовался симпатией многих русских, то Бирону было легко сладить

с ним; и известно, что Волынский погиб вследствие этого столкновения с Бироном. Эта неудача в выборе не остановила Бирона, он продолжал искать противника Остерману и нашел его в Бестужева-Рюмине, который в молодости начал свое дипломатическое поприще при Петре Великом и отличался огромными способностями, громадным честолюбием и интригами.

Вся эта семья Бестужевых-Рюминых представляет любопытное явление в нашей истории — они всегда отличаются большими способностями и в то же время интригами. Брат Алексея Петровича Михаил Петрович — человек весьма способный, но не разбиравший средств для достижения цели, хотя менее интриган, чем его брат; сестра их Аграфена Петровна, бывшая замужем за князем Волхонским, знаменита также интригами; отец — первый интриган Анны Иоанновны — знаменит также тем характером, который передал своим детям. Итак, Бестужев был введен в Кабинет Бироном, он остался верен Бирону, он обделал для него это дело регентства и пал вместе с Бироном после смерти Анны Иоанновны. Бестужев был сослан, но когда вступила на престол Елизавета (после Иоанна IV), то она, ища птенцов отца, которые смогли бы помочь ей в ее деле, вызвала Алексея Петровича Бестужева и брата его, Михаила Петровича.

ЛЕКЦИЯ 34

Я говорил, что этаж, надстроенный вовсе не по надобности над Сенатом Екатериной I, рушился в начале царствования Анны, но был восстановлен под именем Кабинета и явился несколько с другим характером, чем Верховный тайный совет, а именно с тем характером, что в нем управлял иностранец Остерман. Таким он был до самого конца. Елизавета при вступлении на престол уничтожила Кабинет как этаж, надстроенный над Сенатом, и восстановила Сенат в том значении, в каком он был учрежден ее отцом; опять он явился собранием первых людей в государстве, и опять эти люди носят все русские фамилии. Сенат в том составе, в каком он явился при Елизавете Петровне, свидетельствует полное восстановление принципа Петра Великого.

Бестужеву не нравился Сенат, он привык к Кабинету, и ему был неудобен Сенат. Несколько раз он входил к императрице с представлением о том, что Сенат при многочисленности членов, занятий действует очень медленно и что в чрезвычайных случаях форма Сената очень неудобна. Но Елизавета, не склоняясь на убеждения Бестужева-Рюмина, тем не менее в чрезвычайных случаях созывала действительно совет, или, как после, при Елизавете, эти советы стали называться, конференции. Чрезвычайные случаи были обыкновенно по вопросам внешней

политики. Эти советы созывались по тем же делам и при Петре Великом, и члены этих советов носили название тайных советников, откуда произошел и этот чин впоследствии. Во время Семилетней войны, как увидим, эти конференции по делам внешней политики и военным сделались постоянными; но они несколько не имели сущности Сената. Вместе с Сенатом при Елизавете был восстановлен и главный магистрат, в котором сосредоточилось все городское управление и которому были подведомственны все городские магистраты, состоявшие из выборных властей, бургомистров, ратминов. Следовательно, восстановлено было опять городское самоуправление, как оно было при Петре Великом.

Царствование Елизаветы чрезвычайно важно как по внутренней деятельности, так и по внешней. Во внутренней деятельности, которой знаменуется время мирного царствования Елизаветы до начала Семилетней войны, первое место занимает решение финансовых вопросов. Но в это мирное время Россия должна была постоянно иметь в виду борьбу, и борьбу чрезвычайно сильную, с соседом, который становился более и более могущественным, — с королем Прусским Фридрихом II; поэтому нужно было подумать о средствах успешно вести войну, о финансовых средствах. В руках правительства было два важных источника доходов: именно — продажа соли и продажа вина. Правильность этой продажи, одинаковость цен повсюду и возможность по надобности правительства увеличивать эти цены — вот что было предметом правительственных распоряжений. Вопрос о соли как о предмете первой необходимости был чрезвычайно важен в это время. Россия довольствовалась преимущественно солью пермской. Пермские солевары, между которыми первое место занимали Строгановы, были невольными, так сказать, монополистами: по условию с правительством они должны были доставлять соль за известную цену в Нижний Новгород и потом в другие города. Но могли ли они доставлять эту соль всегда по одинаковой цене и всегда в надлежащем количестве? Здесь опять поднялся вечный, неотступный вопрос русской истории, поднялись затруднения по недостатку рабочих рук. Строгановы и другие солевары объявили, что производство соли становится дорого и затруднительно. Леса редуют около солеварен, надобно привозить лес из дальних мест; для этого нужны рабочие руки, а их нет; нужно нанимать на суда работников для перевозки соли, этих работников также нет. Вот почему доставка соли должна была замедляться, а это производило сильное расстройство, потому что лишало народ его важного, необходимого предмета. Снова правительство должно было прибегнуть к средству, к которому прибегало издавна и которое могло иметь такие печальные последствия, оправдываемые только крайнею необходимостью. В древней, допетровской истории вследствие того же недостатка рабочих рук

государство прикрепило крестьян к помещичьей земле; в эпоху преобразования, когда нужно было вследствие потребностей заводить известные отрасли промышленности, заводить фабрики, установить заводы, то понадобилось производить это крепостными руками, понадобилось приписать крестьян к фабрикам и заводам. Теперь же солевары говорят, что нет рабочих рук, потому что с эпохой преобразования промыслы увеличились, а народонаселение возросло не в такой степени, как они увеличились.

Это — постоянное явление нашей истории, и даже новой, до сего дня. Потребности государства и общества, потребности цивилизации, требующие новой заботы, увеличивались не в той мере, в какой увеличилось народонаселение. И тут в настоящее время явилось такое множество новых отраслей промышленности, работ, а людей увеличилось ли в такой степени, сколько мы видим? Вот почему такой недостаток в высших сферах — в администрации, суде. Обратимся к школе, не то же ли и здесь? В низшей сфере этот же недостаток рук, и вследствие этого страшная дороговизна... Присутствуя теперь при таком явлении, при сильном движении, вызванном новыми преобразованиями и новыми потребностями государства, и терпя от этого недостатка рук, мы легко пойдем это условие русской жизни, перенесшись в предшествовавшее столетие. Сильное движение преобразования произошло в XVIII в. те же явления, какие мы теперь переживаем вследствие той же причины, вследствие довольно сильного преобразовательного движения. Вследствие этого движения понадобилось много людей, и рабочих рук не доставало во всех сферах.

Мы видели, что этот недостаток людей заставил Петра отказаться от следования некоторым правительственным преобразовательным планам; еще это было после его смерти, но и те учреждения, которые уцелели и должны уцелеть — коллегии, канцелярии, необходимые вследствие преобразования, вследствие новых форм, и эти учреждения постоянно вопили, что у них нет людей. Действительно, скопление дел в коллегиях, канцеляриях было страшное, а не было между тем ни чиновников в достаточном количестве, ни даже мест, потому что государство, хотя и сильно работавшее после преобразовательного движения, все еще было слишком бедно для того, чтобы удовлетворить всем потребностям; бедно для того, чтобы дать новым учреждениям даже приличные, поместительные здания.

Мы не можем представить теперь, в каком положении были тогдашние судебные учреждения, так называемые юстиц-коллегии; на каком ничтожном пространстве помещались они; какая страшная толпа находилась в маленьком зале, где производился суд. «Волокита», по тогдашнему выражению, была страшная именно вследствие недостатка чиновников. Так было в высших

сферах, так было и в низших, где работы было гораздо больше, чем рук. Древняя Россия, находясь при этом печальном условии несоответствия рабочих рук к работе, прибегала к этому обязательному, принудительному труду. Это была одна из существенных черт характера всей жизни Древней России, и эта черта показывает ничтожное развитие экономических средств, происходившее от недостатка рабочих рук. Закрепление крестьян, с одной стороны, закрепление посадских людей в городах — с другой, наконец, обязательное работничество, обязательное исправление казенных работ — вот результат этого печального условия, которое как бы присуще всей русской жизни. Нужно строить казенные фабрики, чинить крепости, и государство наряжает рабочих, насильно передвигает массы этих рабочих из одной области в другую. Только обращая внимание на все эти явления в совокупности, мы можем представить себе характер древнерусского государства, вытекавший из известных условий. Новая Россия, преобразованная Россия, разумеется, имела целью как можно скорее всеми средствами препятствовать продолжению подобного характера. Преобразование Петра Великого носит именно этот экономический характер; все было здесь направлено к тому, чтобы беднейшее государство разбогатело как можно скорее, чтобы государство земледельческое сделалось хотя сколько-нибудь промышленным и торговым, чтоб эта односторонность земледельческого государства была отстранена. Но историку любопытно в XVIII в. и далее следить, как постепенно шло это дело, потому что тут-то и заключается сущность преобразования, преобразования экономического состояния, ибо от него и зависело все.

Это старое зло, постоянно присущее русской жизни, влечет и это печальное явление, против которого государство должно бороться. Пермские солевары уже в половине века объявляют, что недостает рабочих рук, и правительство — делать нечего — должно было обратиться к мере, господствовавшей в Древней России, — должно наряжать, сгонять рабочих из окрестных губерний, чтобы дать этих, так сказать, невольных, крепостных рабочих на суда солеваров Строгановых, Демидовых и др. Вот почему я остановил ваше внимание на этом явлении — именно чтобы показать, как Древняя Россия с ее экономическими условиями была сильна еще в преобразовании новой России. С одной стороны, в Петербурге, в Сенате, происходят торги — любопытное явление преобразованной России — новая Россия считает невозможным сгонять рабочих, производится важная работа, проводятся каналы и т. п., нужны рабочие. Россия уже не может поступать по-старому, как при Алексее, теперь новый прием: в Сенате происходят торги, являются подрядчики, которые представляют известную цену и при этом жалуются на недостаток

рабочих рук, что рабочие редки и дороги, и Сенат увеличивает им цену; работа идет на новый лад — подрядчиками; а с другой стороны, тут с Востока жалуются Строгановы и другие солевары, что и у них рабочих нет, — и тут уж никакой подряд не помогает, соль необходима, соль нужно доставить в известное время, без нее народ не может быть; постройку можно отложить, а здесь откладывать нельзя, и — делать нечего — рабочих гонят к солеварам. Казанская губерния должна поставлять рабочих. Только что Сенат позволил себе согнать народ на суда солеваров, как из Адмиралтейской коллегии идет требование: леса, необходимые для постройки кораблей, не могут быть доставлены на верфи, потому что рабочих нет, — пусть правительство распорядится наряжением казенных рабочих, и — делать нечего — Сенат должен выполнять и это требование; но он здесь торгуется: «Вы требуете много рабочих», выторговывает, сколько можно; но — делать нечего — Сенат, представитель нового, все-таки должен уступить условиям древней России. Но русские люди, которые все более и более образовывались по-европейски, могли ли они смотреть равнодушно на эту уступку старой России со стороны новой? Разумеется, они должны были напяречь все силы, чтобы противоборствовать этим уступкам. Для доставления пермской соли нужно согнать рабочих из Казанской губернии, рук нет; но нельзя ли уничтожить монополию пермских солеваров, нельзя ли найти в других местах соль, доставка которой будет сопряжена с меньшими неудобствами? Начинают искать, находят богатые запасы соли, которые могут быть доставляемы соляными обозами из юго-западной части России; находят и это большое соленое Эльтонское озеро; и вот является разработка этой озерной соли, которая уничтожает скоро монополию пермских солеваров и достигает того, что сами пермские солевары, Строгановы, пишут в Сенат, что так как больше не требуется прежнего количества соли, то они не нуждаются в казенных рабочих.

Я сказал, что сущность преобразований Петра Великого состояла в преобразовании экономического, в стремлении сделать бедное земледельческое государство хоть сколько-нибудь торговым и промышленным; обогатить город, который, по естественному закону в организме, должен обогатить село, освободить его. При Петре открыты были новые пути для торговли — приобретено море; но бедному государству в эту страшную эпоху преобразования, в которую все силы должны быть натянуты, чтобы вывести страну на новую дорогу, нельзя было приступить к коренному финансовому преобразованию; нельзя было ничего или по крайней мере многого сделать в пользу внутренней торговли, потому что внешняя, морская торговля, когда море было еще только что завоевано, не могла оказать важных результатов; поэтому нельзя было думать, говоря, о средствах усилить внут-

ренную торговлю. Только в половине века, в царствование Елизаветы Петровны, усиление внешней торговли, морской торговли по преимуществу, вследствие приобретения балтийских берегов, дало возможность облегчить усиление внутренней торговли посредством финансовых мер. Здесь сказалась во всей полноте важность преобразовательной деятельности Петра Великого, здесь сказалась важность этого приобретения балтийских берегов. Это усиление морской торговли показало, почему Петр Великий вел с лишком двадцатилетнюю войну, чтобы добиться берегов Балтийского моря. Древняя Россия завещала новой эту тяжелую систему внутренних таможен. Несмотря на то что государство было объединено политически, и, по-видимому, сильно объединено, централизовано, в экономическом отношении оно было по-прежнему разделено, оно было покрыто внутренними таможнями; было большое множество налогов, которым подвергался человек, везший свой товар для продажи. На каждом шагу этого человека, его товар, обоз останавливали и требовали денег; так что когда он, заплатив все налоги, продавал товар, то выручка оказывалась очень невелика. Понятное дело, что при таких условиях внутренняя торговля не могла усиливаться; уничтожались все побуждения в человеке везти избыток своего производства, когда ему предстояла эта сеть таможен, в которую он должен попасть, прежде чем достигнет рынка, прежде чем продаст свой товар. И вот при этом напряжении мыслей русских людей о необходимости усилить промышленность и торговлю, необходимости вести Россию дальше этим путем петровского преобразования являются также мысли, нельзя ли уничтожить эти препятствия для внутренней торговли, эти внутренние таможни, внутренние ссоры; разумеется, сейчас же слышатся возражения: а чем государство будет жить, чем содержать войско?

Чем будет оно платить жалованье чиновникам, когда вы уничтожите источники государства? Надобно было подумать, как бы сделать это так, чтобы государство не потерпело, а внутренние неудобства для торговли были уничтожены и оказалось, что великое дело Петра принесло свои плоды. Именно внешняя, морская торговля сделалась так уж сильна, что на нее можно было свалить ту тягость, которая лежала на внутренней торговле и мешала развитию ее; теперь можно было уничтожить пошлины с привозимых и вывозимых за границу товаров и уничтожить внутренние пошлины. Вот к чему пришли по естественной и необходимой причине. Это было важно для историка, потому что показывает тесную связь явлений в народном организме, показывает, как русские люди были вправе требовать со времен Грозного моря, усиления внешней торговли и как в половине XVIII в. благодаря этому можно было все тяжести внутренних пошлин свалить на торговлю внешнюю.

ЛЕКЦИЯ 35

Мы остановились на царствовании Елизаветы Петровны. Мы говорили, как замечательно это царствование в том отношении, что представляет переход к преобразовательной деятельности, которая продолжалась и по смерти ее, и ко второй половине века, ознаменованной царствованием Екатерины II. Преобразовательная деятельность по смерти Петра Великого состояла в том, что русские люди разбирали материал преобразования; этот разбор и кончился в царствование Елизаветы Петровны, когда было признано, что большая часть преобразовательных мер Петра должна быть восстановлена, и когда обнаружилось результаты этих преобразований — хорошие результаты, которые показали, что надобно вести дело вперед по тому начертанию, которое определено Петром. Мы видим, что главный характер преобразования был экономический: Россию должно было вывести из положения государства земледельческого, крайне бедного, в положение государства промышленного и торгового; нужно было усилить промышленность и торговлю, отторгнуть Россию от степи к морю, что и было сделано Петром. Разумеется, успеху в этом движении, в этом направлении мешал этот, можно сказать, прирожденный успех России — громадность ее государственной области и не соответствующее ей число народонаселения. Я прошлый раз остановился нарочно на результатах этого успеха, который постоянно останавливал движение, постоянно препятствовал ему. Несмотря на это, движение шло вперед, и результаты преобразования, этого поворота к морю, сказались уже в царствование Елизаветы Петровны самым благим образом. Это они произвели возможность уничтожить внутренние таможи, а чтобы не было ущерба от этого доходам государства, усилить пошлины с перевозимых и вывозимых за границу товаров.

Само собою разумеется, эта великая мера, которая окончательно собирала Русскую землю и уничтожала и это экономическое разделение, которое было так вредно, и разделение политическое, эта мера могла быть достигнута только тогда, когда внешняя торговля усилилась, когда было приобретено море. Следовательно, в этом великом деле всего яснее обнаруживается значение великой Северной войны, значение деятельности Петра, направленной к приобретению балтийских берегов. Движение шло естественно в народе живом, развивающемся; народе, который пользовался всяким удобным случаем, чтобы сделать шаг вперед. Мы видим здесь эту связь явлений, связь причин со следствиями; мы видим, что возможность уничтожения внутренних таможен была следствием усиления внешней торговли, а эта внешняя торговля была следствием приобретения Балтийского

моря, то есть следствием великой Северной войны. Но, как обыкновенно бывает в жизни народов, движение делается не само собой, а являются люди, которые указывают на возможность сделать шаг вперед, указывают средства к этому шагу,— в этом-то и состоит значение исторических деятелей. Поэтому мы не должны забывать имен этих людей, которые указывали на необходимость и возможность этого шага вперед, предлагая те средства, которые оказывались самыми верными для достижения цели.

Внутренним движением, так важным в царствование Елизаветы Петровны, эта императрица была обязана Петру Ивановичу Шувалову, представителю этого второго поколения русских людей, русских деятелей, которые выдвинулись при вступлении на престол Елизаветы. Первое поколение было выдвинуто Петром Великим, второе — Елизаветой. Все эти деятели елизаветинского времени, часть которых она завещала Екатерине II, были приведены ею, воспитались около нее, когда она была великою княжной; а потом, когда она стала императрицей, они выдвинулись вперед. Елизавета наследовала если не талант своего отца, то счастье находить людей. По недостатку, долго существовавшему, точного изучения русской истории, именно новой истории XVIII в., память П. И. Шувалова была очернена и его деятельность долго не являлась в настоящем свете. Причина этого была та, что он при Елизавете вошел во враждебные отношения к великой княгине, жене наследника, Екатерине Алексеевне, которая впоследствии сделалась императрицей, и блестящей императрицей. Но нерасположение к тем лицам, от которых она не видела ничего хорошего, осталось в ней, и после она сильно недолговлила елизаветинских людей, преимущественно Шувалова. Она, несмотря на блестящие способности, не могла возвыситься до беспристрастия.

Не любя Шуваловых, она старалась уменьшить их заслуги в предшествовавшее царствование. Разумеется, близкие к ней люди должны были угождать ей, как обыкновенно бывает, и вот во второй половине XVIII века о Шуваловых толкуют как о временщиках, как о людях, хлопотавших исключительно о личных выгодах; толкуют, что П. И. Шувалов был корыстен, что он добывался монополии, выпрашивал у Елизаветы разные статьи, льготы, например о добывании тюленей на Белом и Каспийском морях, а постоянные заслуги его оставляют в тени. И так как история России XVIII—XIX веков была гораздо менее известна, чем даже древняя история до 1612 г. (благодаря сочинению Карамзина она была достаточно известна, по крайней мере была достаточно известна фактическая сторона), но новая история, переход от древней истории к новой был совершенно неизвестен. Отсюда разные вздорные известия, которые до сих пор можно

встретить в разных обозрениях людей, не привыкших к собиранию исторических сведений. Когда, однако же, наука нашей истории поднялась, когда XVIII в. сделался предметом изучения, то все эти неправильные суждения должны были обнаружиться, все эти личные отношения должны были объясниться, и заслуги и недостатки каждого лица должны явиться в настоящем своем виде.

Что касается до корыстолюбия П. И. Шувалова, то понятно, что он себя не забывал, но все же с него должен быть снят позор этого обогащения на счет общего блага. Ибо если он позволял себе выпрашивать монополии, то оказывалось, что под его управлением промышленность, которую он брал себе, получала сильное развитие и приносила государству более дохода, чем прежде. И если бы даже мы поставили ему в упрек эти монополии, то этот грех, разумеется, был ничтожен в сравнении с заслугами, которые он оказал России в царствование Елизаветы Петровны. Самое уничтожение внутренних таможен, проектированное им и приведенное в исполнение с указанием возможности отнести убыток государственного дохода на пошлины внешней торговли, — уже это одно должно поставить имя Шувалова высоко в истории XVIII в. Не забудем, что все эти люди не могли приобрести вследствие слабости начатков образования достаточного знакомства ни с положением своей страны, ни с положением других стран, что повело бы к сравнительному обучению. Эти люди были самоучки. Если они и любили читать, то читали самостоятельно, ибо не имели руководителя; следовательно, всеми своими замыслами, трудностями они обязаны были своему таланту, своей охоте трудиться, вдумываться. Вот почему мы должны уважать подобные заслуги, как заслуги Шувалова.

Мысль уничтожить внутренние таможи — это надо перенести в другие страны: Запад не мог представить образца подобного уничтожения; во Франции, язык и литература которой господствовали во всей Европе, во Франции, которая распространяла известные учения во всей Европе, в этой Франции внутренние таможи были уничтожены только после страшного переворота во время Французской революции. Итак, в этом отношении Россия предупредила другие государства. Вы видите, как смела была эта мысль. Понятно, что новая, преобразованная Россия дала возможность вознаградить убыток, который понесло государство, казна увеличением пошлины на внешнюю торговлю. В проекте своем, представленном в Сенате, Шувалов указывает, какое страшное зло причиняют эти внутренние таможи, эти мелкие сборы, от которых страдала внутренняя торговля. Он указывает прямо на мужика, который везет свой товар из Троицкого посада в Москву. Товар стоит известную сумму, и Шувалов вычислил, что должен заплатить этот несчастный мужик по

дороге и в самой Москве, прежде чем продаст свой товар; то, что ему останется после уплаты повинностей и продажи товара, то, что он привезет домой, оказывается такой незначительной суммой, что вряд ли у него явится охота везти свой товар в Москву. Таким образом, должно было остановиться это движение в Москву. Это указывает на крайнее ничтожество торговли внутренней и на все печальные последствия, от этого происходящие. Но это не одна заслуга Шувалова, хотя, разумеется, это самая важная, самая главная. Шувалов преимущественно посвящал себя финансовым вопросам, я не буду говорить обо всех его планах, удавшихся и неудавшихся, обозначу только важнейшие. Ему принадлежит мысль об учреждении банка. Естественным следствием многовекового пребывания России в положении земледельческого, бедного государства было отсутствие того, что мы неправильно называем капиталом, было отсутствие денежных капиталов. Торговля была незначительная, следовательно, и у купцов не могло накопиться этих денежных капиталов; еще менее могло накапливаться их у землевладельцев, которые жили день за днем, которые обыкновенно получали доходы натурою: огромные обозы тянулись из различных областей в Москву, где жили важнейшие землевладельцы, эти обозы давали возможность им кормиться сытно, содержать дворню, но денег много не давали. Вот почему, когда столица была перенесена в Петербург, то раздались эти страшные вопли землевладельцев; вот почему некоторое время они постоянно тянули к Москве, требовали, чтобы столица была перенесена в Москву, потому что при тогдашних дурных путях сообщения доставка этих обозов в Петербург соединена была с большими затруднениями и стоила очень дорого, это было чрезвычайно невыгодно для землевладельцев.

Понятное дело, что при таком положении вещей, если кому нужно было занять денег, то это было соединено со страшными затруднениями. Сюда присоединялось другое затруднительное обстоятельство, а именно плохое состояние правосудия, страшная волокита в судах, зависевшая не от добросовестности людей, а от малого количества их в судах. Вот почему дать деньги займа, если они и были у кого-либо, было опасно; должник не отдает — ну как завести тяжбу, тяжба проволочится несколько лет, какая тут выгода? Как известно из политической экономии, дурное состояние правосудия, волокита необходимо увеличивают проценты с капитала, увеличивают страховую премию, которая плата за страх относительно целостности капитала в обращении. Если я даю деньги и уверен в скором обращении их, то я беру небольшие проценты, но если я не уверен в скором возвращении капитала, то я увеличиваю процент; здесь, по выражению политической экономии, увеличивается страховая премия, которую я беру за свой страх относительно верности и скорого возвращения капитала. Благодаря этим двум

условиям — редкости накопления капитала вследствие бедности движимостью и вследствие дурного состояния правосудия — проценты должны были быть громадны в России. Это обстоятельство в свою очередь задерживало распространение промышленности и торговли. Промышленность и торговля только там могут процветать, где может быть легко соединение труда и капитала. Если я имею известные способности к торговле или к какой-нибудь промышленности, но не имею достаточного капитала, то я могу легко за небольшие проценты занять деньги, сделать оборот, приобрести барыш и уплатить долг. Так бывает в государстве промышленном, развитом в торговом отношении. Эта возможность соединения труда и капитала содействует быстрому развитию промышленности и торговли. Но там, где нельзя найти денег, а если и можно найти, то надобно заплатить огромные проценты, а они уничтожат барыш, какое же там побуждение заводить какой-нибудь промысел для человека, не имеющего собственного капитала? Вследствие петровского образования землевладельцы, землевладельческий класс получили новое значение, местная система уничтожилась, вотчины соединились, смешались с поместьями, и землевладелец, имевший поместье, получил его навсегда, сначала с обязанностью постоянной службы, но с этим вместе он не мог уже надеяться, что государство будет постоянно опекать его, что государство будет его постоянным дядькой, что он в своей деревне ничего не будет делать, а если народит детей, то государство наделит этих детей поместьями.

С Петра Великого эти надель прекратились, и дворяне должны были становиться на свои ноги. Государство отняло от них свои помочи; они перестали быть холопами великого государя с обеспечением, что великий государь дает им средства для прокормления; они сами должны заботиться о прокормлении своей семьи — поместий больше уж не дадут. Они должны были теперь заботиться об умножении доходов, но как это сделать? Государство земледельческое, движимости мало. Землевладельцы хотели бы распространить какую-нибудь отрасль промышленности у себя в имении, но денег нет. Занять? Громадные проценты: от 12, 15 до 20%. Одним словом, никакая сделка не была возможна при таком печальном экономическом положении. Государство с Петра поставило дворян на свои ноги, сделало их совершеннолетними; они должны были сами заботиться о себе; но государство, однако, не могло оставить их в таком беспомощном положении, ибо печальная обстановка не прекращалась, а привычка к жизни спустя рукава, к жизни день за днем была сильна. Государству нужно было прийти на помощь к землевладельцам, и вот Петр Иванович Шувалов предложил Сенату следующую меру: так как, говорит он, благодаря моим предложениям, благодаря правильному усилению взимания пошлин с соли

и вина государство получает значительную прибавку, то нельзя ли из этой прибавки составить капитал и учредить банк, из которого дворяне при своих нуждах, отдавая в залог земли, могли бы пользоваться деньгами за 6%. Этот Дворянский банк был учрежден. Но Шувалов не остановился на этом, он вошел с новым предложением — завести Купеческий банк, чтобы купец, у которого явилась нужда в известной сумме денег, не останавливался чрез то в своей деятельности по безденежью, и учрежден был Купеческий банк на тех же основаниях, как и Дворянский. Легко понять значение этих предложений, этих мер и заслуги П. И. Шувалова. Еще должно упомянуть о его проекте, приведенном в исполнение при Елизавете, — это о разделении России на 5 частей относительно рекрутского набора, так что эта страшная тяжесть в малочисленном государстве падала на известную местность только чрез 5 лет, а не каждый год.

Кроме подобного рода мер, большая часть которых принадлежит П. И. Шувалову, царствование Елизаветы замечательно смягчением нравов, обнаружившимся сначала в высших сферах, смягчением, которому много содействовало правительство. Как говорят, Елизавета Петровна в знаменитую ночь, когда она свергла с престола Иоанна Антоновича и сама вступила на царство, дала обещание никого не казнить смертью. Как бы то ни было, дано ли было это обещание в эту ночь, или вообще по своей натуре, своему направлению Елизавета Петровна находила препятствия к этому наказанию, по крайней мере был издан указ, что приведение приговоров к смертной казни приостанавливается, и за все время царствования Елизаветы ни один приговор к смертной казни не был приведен в исполнение.

Почему же отмена смертной казни выражена была в форме распоряжения? Это потому, что обнарудование прекращения смертной казни возбудило бы в людях, склонных к преступлению, безопасность, безнаказанность и побудило бы их к новым преступлениям. Пока смертная казнь по крайней мере значилась в уложении, страх мог останавливать преступника. Поэтому из боязни дать потачку преступнику хотели объявить уничтожение смертной казни, а придумали эту форму, чтобы ни один суд не приводил в исполнение смертного приговора, а обо всех приговоренных к смерти посылали в Сенат, и дела эти должны были быть представлены на усмотрение императрицы. Но как я сказал, ни один смертный приговор не был приведен в исполнение в царствование Елизаветы Петровны.

Л Е К Ц И Я 36

В конце прошлого часа я говорил об уничтожении смертной казни. Легко понять, какое влияние это должно было иметь на смягчение нравов. Несмотря на то что в образованных государ-

ствах до сих пор есть много людей, которые стоят за смертную казнь, это явление, однако, есть одно из самых печальных и бесконечно вредных в человеческом обществе. Дело известное, что один страх наказания, страх лишения жизни не предотвращает нисколько от преступления, а между тем в лице смертной казни производит самое страшное, разрушающее впечатление на нравственность. Ничто не смягчает так нравов, не облагораживает так природы человеческой, как это отстранение при народном воспитании явлений жестокости, устранение кровавых явлений. Постоянное зрелище убийств производит страшную грубость, жестокость нравов, отстранение этих зрелищ производит впечатление противоположное. Кроме того, мягкость мер в описываемое время видна всюду, во всех правительственных процессах. При изучении дел так называемой Тайной канцелярии бросается в глаза эта мягкость, которая является в царствование Елизаветы Петровны в сравнении с жестокостью, господствовавшей в предшествовавшее время, в царствование Анны Иоанновны. По выражению императрицы, Сенат при всяком случае хлопотал о том, чтобы пытки прилагались как можно реже, только в самых крайних случаях. Разумеется, это стремление ослабить пытку должно было привести естественно необходимо почти к совершенному прекращению ее во второй половине века. И здесь царствование Елизаветы представляет этот приход, посредство между первой и второй половиной века.

Это смягчение карательных мер проходит всюду, так оно видится и в прекращении преследований против раскольников, почему некоторые расколичьи секты отличают Елизавету Петровну как богородицу. Понятно, как все это должно было влиять на образование, формирование людей, действовавших при Елизавете и завещанных ею последующему, екатерининскому времени. Так, например, знаменитый вельможа Екатерины II, граф Никита Иванович Панин, сформировавшийся как человек и как государственный человек при Екатерине II, рассказывал, что когда он читал дело о Волынском, казненном при Бироне, о пытках, которые претерпевал Волынский, то чуть-чуть не упал в обморок. Должны были произойти важные перемены в это посредствующее время, между бироновщиной и временем Екатерины II, чтобы человек, получивший образование не в это время бироновщины, готов был падать в обморок от описания пыток, которым подвергали в царствование Анны Иоанновны. Понятно, что при таких благоприятных обстоятельствах для народного развития мы должны ожидать появления голоса общественного, появления литературы. И действительно, наша литература, можно сказать, берет свое начало в период Елизаветы Петровны. Народ неразвивающийся, народ грубый есть ребенок неговорящий — буквально *infans*. Как только его умственная сфера расширяется, как

только он получает толчки и пробуждаются его духовные силы при появлении новых предметов, так сейчас же эти впечатления, произведенные на него, выражаются в словах — является литература. Народ образованный есть народ, говорящий о самом себе, и говорящий в литературе, народ, оставивший по себе память другим народам, последующим векам в своем слове. Совершенно справедливо один из древних латинских писателей сравнивает состояние человека нелитературного, необразованного с животным, неговорящим, смотрящим вниз, в землю, и удовлетворяющим только животным потребностям, и говорит при этом, что человек, который хочет быть человеком, должен хлопотать о том, чтобы не провести жизнь в молчании — *vitam silentia non transeat*, говорит Саллюстий. Точно так же и целый народ, пока он не говорит, не имеет литературы — он живет животной жизнью; новый период его жизни, его развития, возрождения духовного должен обнаружиться сейчас же в литературе; он заговорит для себя и для других, для истории, потомства. Если он говорит и до эпохи своего образования, умственного развития, то этот его говор выражается только в известных родах поэзии. Понятно, что важно собирать и эти остатки народного говора, народных чувств, но ограничиваться этим или преимущественно посвящать себя этому было бы слишком односторонне.

Вам известно, в чем выражал свою жизнь русский народ до эпохи преобразования и в эпоху преобразования. Вследствие известных стремлений, очень почтенных в известном отношении, стремлений изучения народности, выражения народа до эпохи преобразования и в эпоху преобразования подверглись очень внимательному исследованию; но всякий, посмотрев поближе на это, увидит, что дело пересолено, как говорят; что вследствие этого стремления поднять народность, когда она еще не подвергалась влиянию других народностей, некоторые произведения этой народности были подняты на ходули, представлены в ненастоящем свете, представлены, следовательно, не исторически, не научно. Разумеется, мы должны ожидать, что русский народ должен заговорить гораздо громче именно вследствие эпохи преобразования; когда для него открылся этот новый мир явлений, отношений; когда он не мог, если он был живой, способный к развитию народ, не мог молча смотреть на все это, но должен был сказать слово, должен был углубиться в свой внутренний мир и выразить сознание о самом своем положении. Конечно, во-первых, мы не можем ожидать немедленного появления сколько-нибудь значительного образования, значительной литературы в эпоху преобразования; значение этой эпохи преобразования, в которую явилось такое множество явлений, какое-то ошеломляющее; от подобного ошеломляющего положения человек не мог пока очнуться и потому не мог ничего ясно высказать. Во-вторых, была эта эпоха преобразования и эпохой черной работы,

когда нужно было удовлетворять вдруг самым первым потребностям — потребностям материальным. В-третьих, это была эпоха первоначальной школы Русского человека, когда он должен был сесть за букварь, указку и учиться новым элементам, а в таком положении человеку еще не до литературы. В это время нужны были прежде всего учебники, и литературная деятельность при Петре Великом велась в этих учебниках, как своих, так преимущественно переводных с иностранного или составленных по иностранным образцам. В-четвертых, успеху литературы препятствовало состояние языка, языка, двоявшегoся на язык письменный и разговорный, народный. Люди пишущие употребляли язык мертвый, церковнославянский, который сильно отличался от языка живого, разговорного. Петр Великий, который был непосредственным участником во всех великих делах для своего народа, занимался и этим делом, делом перевода книг и образования языка; им указан был язык, на который должны были переводить; он указал язык живой, разговорный язык, на котором писали, но писали только государственные акты, — на язык Посольского приказа как самый изящный, который был языком разговорным. Понятно, какие трудности Преобразователь должен был встретить в этом деле; он должен был обратиться к людям грамотным, пишущим, а они сформировались в употреблении языка церковнославянского; им тяжело было понять, чего хочет Преобразователь, тяжело было прийти к языку живому. Они привыкли к языку церковнославянскому и потому постоянно смахивали на этот язык.

Для увеличения затруднений явилось это влияние живых иностранных языков. При множестве новых понятий, явлений, для выражения которых русский язык не имел слов, нужно было брать у языков иностранных. Русская речь запестрела иностранными словами. Но все же надо отдать честь русскому смыслу, что у нас в то время не явилась такая литература, какая была у наших соседей — немцев и поляков. Известно, что вследствие громадного влияния, какое послало Возрождение, особую силу получили древние языки, преимущественно латинский; у немцев и поляков образовался такой язык: одна фраза немецкая или польская, а две другие латинские; одно слово немецкое или польское и два латинских. На этом языке долго писали немцы и поляки. Следовательно, русскому народу в эпоху преобразования негде было и позаимствоваться образцом хорошего языка. Французы первые из континентальных народов очистили свой язык и начали хлопотать о нем; за это они получили такую великолепную награду, что их язык сделался употребительным во всей Европе. Время Людовика XIV было временем процветания французской литературы, нашедшей себе место в этом языке, уже образованном, языке, уже очищенном.

Другие народы, с которыми Россия соприкасалась больше, чем с французами, — немцы, поляки — писали еще на языке

варварском, можно сказать. Вот почему большую честь русскому смыслу делает то, что с самого начала, с легкой руки Петра Великого, русские люди, правительство хлопочут постоянно об улучшении, очищении русского языка; постоянно тяготеют этим положением языка, при котором передача новых понятий, новых явлений, передача научных сведений встречает такие большие затруднения, бывает очень тяжела, а между тем потребность писать, высказываться делалась все сильнее и сильнее. Я сказал, что время Петра Великого было временем черной работы, временем напряженного состояния народа, напряженного удовлетворения первых потребностей; и, как мы видели, основной характер преобразования был прежде всего экономический; чтобы сделать народ свой сильным, нужно было сделать его богатым, а чтобы сделать его богатым, нужно было усилить промышленность и торговлю, уничтожить одностороннее положение земледельческого государства. Эти основные мысли, господствовавшие в эпоху преобразования, естественно, необходимо должны были найти выражение в каком-либо памятнике. И бесспорно, главный, единственный, можно сказать, литературный памятник времен Петра есть сочинение Посошкова, разбогатевшего купца из крестьян, сочинение, которое самим заглавием показывает, как оно соответствует духу времени,— «О скудости и богатстве».

Сочинение это трактует о том, почему народ скуден, и о средствах сделаться ему из скудного богатым. Автор, разумеется, сочувствует преобразованию, сочувствует Преобразователю и с чрезвычайно горечью пишет о тех явлениях, которые мешают русскому человеку сделаться богатым; о явлениях, которые не дают поощрения труду, а представляют ему только затруднения; с горечью он отзывается о людях, которые, в то время как Петр с немногими тянет в гору, употребляют все усилия, чтобы тянуть его вниз. Таким образом, почти в единственном литературном памятнике петровского времени выразился вполне характер этого времени. Потом, в учебниках истории литературы обыкновенно говорится о деятельности проповедников петровского времени, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и других, их появление, разумеется, чрезвычайно характерно именно также для определения этой эпохи. До Петра Великого у русского народа не было проповеди или она была в чрезвычайно малом развитии. В XVIII в., когда уже началась школа для духовенства и когда потребовали поучений, проповеди, то духовенство отговаривалось недостатком знаний. «Боимся,— говорили они,— что, начавши поучения, по скудости богословских знаний не наговорили бы вздора, не высказали бы каких-либо неправильных, еретических мнений».

Разумеется, этот страх должен быть сильнее до Петра, в древней России. И вот по этому-то страху в древней России в последнее

время мы не видим проповеди или видим ее очень редко. В первое время распространения христианства и потом пророческий характер, который в христианстве сообщается иерейству, выражался преимущественно в деле, в подвигах, выражался в этой деятельности знаменитых подвижников, основавших монастыри. Они учили преимущественно делом, но употребляли и свое страстное слово для поучения, сдержания сильных и т. п. Впоследствии монашество, которое преимущественно носило этот пророческий, учительский характер, монашество начало упадать, следовательно, пророчество, поучение на деле стали сокращаться, а проповедь, поучение словом, еще не начиналось. Понятно, с первых шагов преобразования, с первых попыток обратить внимание на деятельность духовенства, поднять духовенство было обращено внимание на проповедничество; и люди из духовенства, которых вывел Петр Великий, были проповедниками и долго считались образцовыми проповедниками. Проповеди церковные являются одною из черт преобразования. В Европе пророческая служба была отделена от жреческой, священнической; священник был молчаливым исполнителем обрядов богослужения; но подле священника являются вдохновленные, которые посвящают себя учению народа, проповеданию истины религии и нравственности, возбуждают народ от греховного, униженного положения.

В христианстве пророческое служение соединено с священническим, потому оно преимущественно явилось в монашестве подле светского духовенства, занимавшегося преимущественно исправлением богослужебных обязанностей. Явление этих монахов, людей, которые преимущественно своим примером, своими подвигами учили народ, возбуждало к высшей, нравственной жизни. Падение монашества, падение этого пророческого органа христианской церкви, повело к Реформации. Реформация отвергла монашество, с другой стороны, она отвергла и священнический характер в смысле Таинства, в смысле способностей, даруемых свыше; но Реформация сосредоточила все в проповеди. Следовательно, здесь Реформации высказалось это новое противоположное направление, по которому священничество исчезло, превратилось в пророчество, проповедничество; но односторонность этого направления скоро обозначилась.

ЛЕКЦИЯ 37

Прошлый раз мы начали говорить о русской литературе XVIII века. Мы видели, что в эпоху преобразования нельзя было думать о серьезной литературе, о том, чтобы русский человек высказался относительно всего, его окружающего. Я употребил выражение: русский человек был ошеломлен в эту эпоху сильного движения, которое вдруг открылось пред его изумленным взором. Книги, какими было богато царствование Петра Великого,

как и следовало ожидать, большею частью учебники оригинальные или в большинстве — переводные. Явилось одно сочинение, появлению которого мы не будем удивляться, ибо оно вполне высказывает потребности русского человека и тогдашний взгляд его, это — сочинение Посошкова «О скудости и богатстве», объяснявшее характер и смысл совершившегося переворота, смысл экономический. В эпоху преобразования совершилось явление, которого и следовало ожидать, — отделение светской литературы от церковной. До Петра господствовала исключительно литература церковная, книги светского содержания не считались достойными печати; если и были некоторые оригинальные сочинения светского содержания или переводные с других языков, то все это оставалось в рукописях. Только с Петра Великого начинается эта секуляризация литературы, появление книг светского содержания в печати с явным намерением распространения их в народе. Для этих книг светского содержания был изобретен особый светский шрифт в отличие от церковнославянского, который остался для книг церковных Синодальной типографии. Но это отделение светской литературы от духовной вовсе не означает того, что духовная становится на заднем плане, что это было целью преобразования; например, мы видим, Петр желал поднять духовенство, и поднять его в духовном смысле, поднять его образование, сделать его способным, дать ему важную роль в новой России.

Односторонность, как во всем, и здесь была чужда Петру Великому. Не только совершенное непонимание фактов исторических дало возможность некоторым утверждать, что Петр был враг церкви, преимущественно русской. Доказательством противного служит крупное явление в истории русской церкви в этот период. Духовными пастырями являются теперь не только такие, которые знамениты ученостью, например, но являются «святые», впоследствии признанные церковью святыми. Таков Дмитрий Ростовский, возведенный Петром на высокую степень Ростовского митрополита, таков Митрофаний Воронежский, к которому Петр относился весьма дружественно и который помогал Петру в его делах материальными средствами своей епархии. В истории нашей литературы крупными делами отмечены эти лица — Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. Известно, что все эти лица были выведены Петром; ему, его преобразовательному движению они обязаны своим значением как литературные деятели. Первое, что потребовал Петр от духовенства, что поставил необходимым результатом образования, предписанного духовному сану, — это была проповедь.

После действия лиц, которые в древней России распространяли и утверждали христианство; после этих лиц, носивших пророческий характер; лиц, которых церковь называла святыми,

последовал застой, которым ознаменован вообще XVII век в истории нашей церкви. Вместо Петра, Алексея, Ионы, Филиппа, Сергия и других святителей древней России явились в XVII в. люди с безобразными действиями, подобными действиям Николая, не имевшие в себе ничего христианского, ничего согласного с духом нашей восточной церкви, человеческой плоти и крови, а не духа. Духовенство русское является почти совершенно утраченным этот характер, который необходимо носит духовенство христианское. Христианский духовник не есть только священник, не есть только жрец в смысле еврейском или языческом, он есть вместе и учитель, носит на себе отчасти и пророческий характер. На Западе протестантизм, явился вследствие недостатков западного духовенства, вследствие несовершенства последнего и исыякования в нем пророческого характера; протестантизм, явился следствием того, что западное, латинское духовенство пренебрегло образованием, учительским пророческим характером; этот протестантизм в своих крайних стремлениях, в раздорах с латинским духовенством отнял у духовенства священнический, жрецкий характер и дал ему только учительский, ограничив все богослужение одною проповедью, уничтожив священнодействие, обедню. Таким образом, из крайности, в которую впало латинское духовенство, то есть что оно удержало жрецкий, священнический характер и пренебрегло первым учительским и пророческим, из этой крайности вышла другая противоположная крайность, протестантизм, который уничтожил священническое звание за духовенством и оставил за ним одно учительское, проповедническое. Латинское духовенство на печальном опыте поняло, к чему повела его дружба односторонность, и постаралось поправить дело, сколько было возможно; оно сохранило священническое значение и придало к нему учительское, сохранило обедню и придало к ней проповедь

Русская церковь представляла аналогическое явление пред преобразованием. Здесь также духовенство впало в страшную односторонность; священник явился только жрецом, исполнителем известного священнодействия, исполнителем известных треб, и потерял по недостатку образования свой учительский характер, вследствие чего проповедь была невозможна. Реформы Петра относительно духовенства вовсе не носили, как на Западе носила Реформация, этого отрицательного характера, этого одностороннего направления. Реформы Петра относительно церкви заключались в том, в чем у католицизма произошли реформы, после того как печальный опыт надушил лучших людей в католичестве, в чем состоит недостаток и какие меры должно употребить для восстановления силы католицизма. Петр не был протестантом и не вводил протестантизм; Петр вооружался против некоторых явлений, которые наполняли католицизм и которые

и в православии допускать было не нужно; но он не касался сущности церкви. Церковь сохраняла все прежнее существенное значение. Вся догматическая сторона осталась нетронутой. Духовенство удержало свой священнический характер, характер высшего освящения, способность совершать Таинство Священнодействия; но Петр постарался восполнить недостаток, уничтожить эту односторонность, в которую впало русское духовенство, потеряв свой учительский, проповеднический характер.

Петр потребовал образования от духовенства, дал средства к этому образованию и потребовал, чтобы эти средства выразились в проповеди. Вот почему теперь вам ясно: при Петре являются эти проповедники, которые вносят свое имя в историю литературы; проповедники, знаменитые не так в истории церкви, но как ораторы; являются Стефан Яворский, Феофан Прокопович и за ними целый ряд проповедников. Итак, церковная жизнь, церковное движение, церковная литература не остановились при Петре, напротив, они получили новые силы. Преобразовательное движение коснулось и их, но коснулось не догматически — догматы остались неизменны, но в том отношении, что дало новые средства церкви, новую силу, восполнило тот недостаток, которым страдала она до Петра. Итак, учебники, с одной стороны, проповеди — с другой, — вот главные литературные явления преобразовательной эпохи, явления, которые совершенно соответствовали ее характеру. Тут не было ничего искусственного, натянутого, ничего произвольного, эти явления вытекали из самого хода дела, из потребностей народа. Если движение не было остановлено, если, несмотря на некоторую там и здесь реакцию, главное дело преобразования шло вперед и после смерти Петра, мы должны ожидать и дальнейшего литературного движения, литературного подъема.

Эпоха реакции (предупреждаю, что это слово нужно употреблять осторожно) — реакция хотя и была, но была очень бессильна, не остановила несколько хода главного дела; но все-таки она явилась после смерти Петра и знаменует время от смерти Петра Великого до возведения на престол Елизаветы Петровны. Главная реакция — от смерти Петра Великого до возведения Анны Иоанновны — состояла в том, что личные интересы взяли много силы над явлениями общими. Деятельность Петра Великого, его требования от народа отличались тем требованием, чтобы частные интересы приносились в жертву общим, разрозненные силы соединялись для общего действия. Принося все в жертву России, Петр Великий требовал того же и от других лиц. Он выдвинул впервые идею государства, идею России, которой должно служить, которой должно приносить в жертву личные интересы.

По смерти его произошла в этом отношении реакция: частные интересы с разных лиц и начали действовать, несмотря на общий интерес. Печальные следствия этого явления обнаружили со

вступления на престол Анны Иоанновны, когда вследствие разнужданности частных интересов между русскими людьми, вследствие усобиц между ними, истребления друг друга на первом плане явились немцы в совершенном противоречии стремлениям Петра, который не допускал немцев на первый план. Эта эпоха, как вы сами легко догадаетесь, не представлявшая для лучших русских людей ничего утешительного, эпоха забвения в известном отношении великого принципа Петра, не могла иначе высказаться в литературе, как отрицательно; не могла иначе высказаться, как сатирую. И действительно, в эту эпоху, от смерти Петра Великого до вступления Елизаветы, мы можем выставить один замечательный памятник литературный—это сатиры Кантемира. Кантемир, человек дела и чрезвычайно образованный, воспитался при Петре Великом и, как все образованные люди времени, благоговел перед Петром и его принципами. Все даровитые и образованные люди времен Петра питали надежду, что при таком царе, который умеет отбирать людей и ценить таланты, даровитый и образованный человек получит денежное место, достойную деятельность. Преждевременная смерть Преобразователя у них, молодых людей, обладавших образованием и чувствовавших в себе силы, отняла эту надежду. Они увидели, что один из главных принципов Петра—выдвигать людей образованных и даровитых—забыт, что на первом месте появляются теперь далеко не такие люди; интриги, случайные связи начали служить средством для поднятия, тогда как при Петре единственным средством было образование и даровитость.

Отсюда недовольство новым положением, недовольство в людях, воспитанных при Петре, и это недовольство высказал даровитый, образованный Кантемир в своих сатирах. Эти сатиры служат главным памятником этой эпохи именно потому, что выражают недовольство лучших людей на реакцию петровскому времени. Но, как мы уже заметили, несмотря на эту реакцию, дело шло вперед, и с возвращением принципа Петра—со вступлением на престол дочери его, Елизаветы Петровны,—мы вправе ожидать сильного литературного движения. И действительно, мы видим это движение. Но движение это было двоякое: оно шло, во-первых, из главной школы, носившей преимущественно ученый характер; с другой стороны, движение шло от людей, не имевших отношения к науке, к главной школе, от людей просто образованных, а не ученых. Мы знаем, что Петр оставил план, который после его смерти был приведен в исполнение Екатериной I,—это учреждение Академии, учреждение, соответствовавшее потребностям тогдашней России. Эта Академия носила традиционный характер: 1) Академия наук, художеств; 2) университет и 3) гимназия. Понятное дело, что как везде, так и тут академиками, первыми профессорами

(«академик» — слово позднейшее, а сначала члены Академии назывались «профессорами») должны были быть иностранцы, немцы. Эти первые члены Академии, профессора, делились с самого начала Академии на два разряда: одни являлись в Академию, смотря на нее, как на средство кормиться, и ни о чем больше не думали, как всеми средствами улучшить свое положение. Их ученые занятия составляли что-то особое; между ними были очень способные, оставившие свое имя в истории общего европейского просвещения, но собственно для России принесшие мало пользы или вовсе никакой. Побывши несколько времени в России, они уезжали из нее; это были наемники, не радевшие о русском просвещении. Другой разряд иностранцев при Академии состоял из людей, которые добросовестно посвящали всю свою деятельность России, выучивались по-русски и неумолимо разрабатывали это широкое, открывшееся перед ними поприще, эту неведомую страну, богатую своим прошедшим и настоящим. Представителем таких-то иностранцев был знаменитый Мюллер, который оказал такие большие услуги русской истории и географии, неумолимый собиратель материалов, неумолимый издатель и очень умный излагатель событий русской истории. Иностранец, занимавшийся русскою историей! Это кажется странным.

Но история есть наука, она требует научных народных приемов; она сильно страдает, когда эти научные приемы остаются в пренебрежении; она сильно страдает, когда превращается в чисто литературное произведение, хотя бы даже и художественное. Если нельзя было требовать от русских людей первой четверти XVIII в. учености, то нельзя было требовать ученой обработки русской истории; и естественно было ожидать, что иностранцы, обладавшие учеными приемами, образованием, полученными в западных школах, были способны заниматься русской историей как наукой или добросовестно приобрести необходимые средства русского языка. Вот почему неудивительно, что иностранец Мюллер мог оказать важные услуги русской истории как науке. Но преобразовательное движение, разбудив русских людей, не могло не отразиться в том, что некоторые даровитые люди должны обратить внимание на русскую историю по естественному побуждению образованного человека — знать свое прошлое для объяснения настоящего и передать свои знания соотечественникам.

ЛЕКЦИЯ 38

Но в то время когда ученый немец Мюллер посвящал свою деятельность России, успешно занимаясь разработкой, изданием материалов по русской истории, выяснением некоторых вопросов по этой истории; в это время русский человек, один из птенцов Петра Великого, начертал обширный план сделать свод источ-

ников русской истории. Вы легко поймете, что в это время не могла быть написана Русская История, сколько-нибудь достойная этого названия. Вообще и на Западе в это время преимущественно благодаря знаменитому Болинброку только еще явилось здоровое понятие о том, как, скажем, обрабатывать и писать историю. Она представляла только более или менее сносный комментарий, и Болинброк имел право смеяться над этими тяжелыми, педантичными трудами по истории, трудами, не вносившими в публику никакого ясного понятия о прошедших судьбах народа. Петр Великий, если не совершивши, то предчувствовавши необходимость всякого знания для русского народа, Петр Великий, разумеется, не мог не обратить внимание на отечественную историю. Он сам читал летописи, но, понятное дело, видел, что нельзя же всем читать летописи, да и где взять эти летописи? Они появлялись в рукописях и были разбросаны в разных местностях. Петру, который обращал внимание, как бы некоторые сообщить народу необходимые познания, который обращал внимание на издание учебников, хотелось иметь как можно скорее небольшую Русскую историю, посредством которой русские люди могли бы познакомиться со своим прошедшим. Он поручил поэтому написать русскую историю известному в то время переводчику Поликарпову. Но понятно, что Поликарпов, не будучи очень способным человеком, не мог совершить этого труда хотя сколько-нибудь сносно. Петр остался недоволен его историей и, не видя возможности удовлетворить своему желанию, обратил внимание на то, чтобы хоть подготовить материал. Известно его указание о собрании рукописей русской истории из монастырей и снесении их в одно место, чтобы из них можно было впоследствии составить русскую историю.

То, что совершено было в царствование Николая Павловича трудами археографической комиссии и экспедиций, то было указано Петром Великим именно в указе о собрании материалов русской истории. Но чтобы воспользоваться материалом, нужен был человек — мало того механического, по указу совершившегося собрания материалов; нужен был живой человек, который бы рылся в этих материалах и воспользовался ими, решился бы составить из них свод. Такой человек явился, то был Василий Никитич Татищев, начавший свое поприще при Петре Великом и отмеченный им как даровитый деятель. В это время мы не можем ожидать разделения занятий, разделение занятий есть плод очень давней цивилизации. В первое время у народа, только что начавшего свое образование, разделения занятий нет. Если одно учреждение должно было носить характер академии, университета и гимназии, то, понятно, и отдельные даровитые и образованные люди должны были в одно время

заниматься множеством дел. Сам Петр Великий в своей деятельности на себе показал это отсутствие отдельных занятий: он не мог быть только правителем, он был и плотником, и бомбардиром, и флотским капитаном; он сам занимался всем и всему учил свой народ. Его сотрудники и птенцы более или менее носили тот же характер. Дел было множество, и на одни руки приходилось их много. Вот почему неудивительно, что Татищев пригодился Петру для горного дела и оказал в этом отношении значительные услуги государству. Он управлял Уральскими заводами, управлял и Оренбургским краем и был Астраханским губернатором. Татищев занимался русской географией, русской историей и историей русского права. Его знаменитый труд «История Российская» важен в том отношении, что это была первая попытка начать дело сначала, и начать как следует. Это было не что иное, как свод летописей по русской истории; свод, важный для нас в том отношении, что Татищеву были известны такие рукописи, которые не дошли до нас, были затеряны. Этот свод Татищев снабдил примечаниями, также чрезвычайно важными, потому что в них мы находим сведения, указания, принадлежащие человеку, жившему еще на переходе России от древней истории к новой; человеку, которому было известно многое из древнерусской жизни, что последующим русским людям известно не было. Такими же драгоценными примечаниями отмечаются его издания древних памятников русского законодательства. Но труды Татищева, совершенные в эту эпоху, проистекшую от смерти Петра до вступления на престол Елизаветы, не были напечатаны до Екатерины II и были изданы тем же Мюллером, о котором я говорил.

Но в то время как шло это ученое движение, сильно еще людей занимал старый вопрос о языке. Прошло довольно времени от начала преобразования, а русский язык был еще в неудовлетворительном состоянии. Русские люди, которые хотели почитать на своем родном языке, познакомиться с наукой из переводных на русский язык книг, обманывались в своих стараниях получить от этого пользу: язык был малопонятен, столько же мало он понимал его, как и язык подлинников. Со всех сторон слышались вопли на неудобство русского, вопли о невозможности передать на нем идеи образованного мира; эти вопли не оставались безответными. Приняты были меры, учреждено было отделение при Академии, ученые из русских и обрусевших иностранцев должны были заниматься переводами, помогать друг другу, поправлять друг друга, но все это, разумеется, не могло принести большего. Для этого нужен был человек высокодаровитый, который бы первый заговорил в новом, удобопонятном, богатом, сильном языке и который бы обладал наукой, обладал запасом сведений и благодаря своим талантам умел бы передать это своим соотечественникам на их языке.

Этаким человеком и был знаменитый Ломоносов, по справедливости называемый творцом русской литературы и русской науки, потому что он владел средствами передать русским людям науку на их языке. Ломоносов в своей деятельности удовлетворил этой самой нудящей потребности русского общества первой половины XVIII в.— он дал язык. Ломоносов, точно так же как и знаменитые деятели его времени и как сам Петр Великий, не мог быть специалистом во всех областях, специальностью его были естественные науки — химия, физика; но, как было сказано, даровитый, способный, образованный человек не мог заниматься в то время каким-то одним делом, его требовали ко многим делам. Так же и Ломоносов не мог быть узким специалистом. Профессор физики и химии, он должен был заниматься составлением грамматики, риторики, писать Русскую историю. Появление Ломоносова составляет эпоху в русской жизни. Здесь не место входить в определение его заслуг относительно каждого предмета, которым он занимался; его значение состоит в том, что он разрабатывал каждый из этих предметов на русском языке, языке, который был доступен пониманию русских людей, языке, который передавал совершенно удовлетворительно то, что они хотели знать. Не станем толковать о степени его поэтического таланта, но его стихотворения важны в том отношении, что они впервые представили удовлетворительный образец поэтических произведений на отечественном языке. Ломоносов исполнил именно то, что так долго и сильно желали,— иметь русский язык, способный выражать все то, что необходимо было для образования народа.

Ломоносов начал свою деятельность именно в то время, когда все соединилось к тому, чтобы поднять русский народ, успокоить его оскорбленное самолюбие, оскорбленное бироновщиной. Ломоносов начал и продолжал свою деятельность в это знаменитое царствование Елизаветы. Его деятельность преимущественно характеризует это время, время возвращения к принципам Петра Великого, время довольства народа, сознание своего значения своей силы, своих средств и стремления выразить на соответствующем языке это свое довольство, эту полноту, так сказать, своей жизни. Вот почему русская литература и началась с царствования Елизаветы Петровны, она не могла начаться в трудную эпоху преобразования при Петре Великом, не могла начаться и в эпоху реакции до Анны Иоанновны и при Анне Иоанновне, ибо сатиры Кантемира представляют явление только отрицательное. Русская литература могла начаться только в эпоху Елизаветы, когда русский народ сознал окончательно необходимость и правильность того пути, который был указан Преобразователем; когда эта трудная сторона преобразования начала исчезать; когда русский народ оценил результаты

преобразования, когда успокоился на этом и когда сильное внутреннее движение клонилось к общему благу и удачные войны дали России важное значение в системе европейских держав,— все это вместе подняло народный дух и заставило его высказать свое довольство, свое, так сказать, ликующее состояние. Только в это время, повторяю, могла явиться русская литература, выражение народного сознания, народного довольства. И действительно, литература явилась, и отцом, главным представителем ее явился Ломоносов, создатель этого удобства, благодаря которому русский народ мог высказаться. Торжественная ода, похвальная речь Преобразователю и его дочери, разумеется, должны были занять первое место в этой новорожденной литературе. Было бы слишком односторонне видеть в этой оде, в этой речи одно только явление, требуемое двором, требуемое правительственной формой. Изучая внимательно содержание этих од, этих речей, вы увидите, что здесь выражалось именно состояние народа, успокоившегося вследствие сознания правильности и необходимости совершенного дела; народа, обрадованного богатыми результатами тяжелого труда. Было время, когда презрительно относились к этим одам, к этим похвальным речам. Но если внимательно рассмотреть историю литературы всех времен, у всех народов, то можно найти повсюду одинаковое явление: народ и его представители стремятся в различных формах высказать свой взгляд, свои убеждения; теперь в наш прозаический век похвальные оды заменили передовые статьи газет.

Чем же, спрашивается, поэтическая форма, стихотворная форма оды ниже формы газетной статьи? И эти передовые газетные статьи со временем для будущих историков будут составлять очень важный материал, такой же важный материал находит историк в этих похвальных одах, в них выразился взгляд современников на явления тогдашней жизни. Но литература, начавшись в это благоприятное для нее время, в царствование Елизаветы Петровны; начавшись вследствие того, что дано было для нее это средство, язык, литература не могла, разумеется, ограничиться похвальными одами и речами, тем более что сближение с другими народами и литературными произведениями их становилось сильнее и сильнее. Первое время преобразования, время Петра Великого, было, как я уже говорил, время черной работы; эта потребность черной работы выразилась в деятельности Петра: царь с мозольными руками, «вечно в работе пребывающий»; «вечный труженик на троне»; царь, который постоянно был с орудиями черной работы. Россия превратилась в громадную мастерскую, где удовлетворялись первые потребности; это был век фабричный, можно сказать; все было направлено к тому, чтобы развивались промышленность, торговля, чтобы как можно скорее обогатить народ; народ, который должен получить

средства вдвинуться в Европу и занять здесь приличное место. Вот почему, вы видите, собственно литературных произведений мы не можем ожидать в России. В это время русский народ сближался преимущественно с народами, которые и могли преподать ему мастерства, искусства, необходимые для этой первоначальной работы. Тут клался прочный, но незатейливый фундамент здания; здание с его красивыми подробностями еще не поднималось. Русский народ по воле его Преобразователя сблизился с немцами, голландцами, англичанами — именно с народами, которые могли выучить его полезным ремеслам. Участия в литературном развитии, литературном движении Западной Европы русский народ принять не мог.

В эпоху Петра и после него все сильнее и сильнее становятся французские и другие народы, ближние к французам соседи; немцы подпали совершенно под французское влияние. Благодаря ранней обработке своего языка французы могли распространить свои литературные произведения по всей Европе, сделать их образцом; они сделали язык свой, по его ранней обработке, общим, заменили им язык русский. В то время как на Востоке Европы, в России, образовался язык и начал литературное движение, русские люди, которые хотели воспользоваться данным орудием, языком, чтобы высказать свой взгляд, свои мысли и произвести литературу, эти люди, обратясь на Запад, должны были встретить эту могущественную, блестящую французскую литературу; русские люди поэтому должны были заимствовать свои идеи, свои взгляды и перенести их — или целиком, или перерабатывая — на родной. Вот почему русская литература при ее рождении в царствование Елизаветы и в царствование Екатерины II должна была естественно и необходимо подчиниться французской литературе, ибо эта литература подчинила себе все другие литературы.

Это явление было общее у русского народа со всеми другими народами Европы. Главным проводником новых идей, которые проповедовались во французской литературе, был Сумароков. Сумароков должен занимать в нашей литературе место подле Ломоносова; это был писатель не очень даровитый, но чрезвычайно плодотворный и умевший наполнять свои произведения идеями, которые были тогда в ходу, умевший распространять в народ, в зрители и читатели своих драматических произведений все ее результаты, добытые тогдашней европейской цивилизацией; но вместе с тем не оставлявший и своей родной почвы, обращавшийся беспрестанно к самым видным явлениям тогдашней русской жизни; обращавшийся положительно или отрицательно и обращавший на них внимание зрителей или читателей своих драматических произведений. Драматическая форма, форма трагедии или комедии, чрезвычайно много тому

способствовала, ибо представление в театре производило на большинство большее впечатление, чем прочитанная книга. Вот почему влияние Сумарокова на современников было громадно; и его необходимо поставить в ряд с Ломоносовым, его также можно назвать творцом русской литературы.

ЛЕКЦИЯ 39

Мы остановились на движении в России, ознаменовавшемся особенно в царствование Елизаветы Петровны по известным вам обстоятельствам. В это время образовался язык, возможный для прозаических и поэтических произведений, доступный для всех. Подле Ломоносова, которому принадлежит первое место в этом великом движении образования языка, мы видим другого деятеля, столь же важного в истории литературы, но почти забытого потомками — Сумарокова. Из сочинений Сумарокова, особенно для историка, замечательны его драматические произведения — трагедии и комедии; и между ними особенно замечательны комедии, потому что в трагедиях своих он рабски подражает западным французским образцам. И они были важны для русских людей, незнакомых с французскою литературой, потому что в них Сумароков проводит те же идеи, которые проводили французские драматические писатели. Но для русского быта, для его истории особенно замечательны комедии Сумарокова, потому что в комедиях, если он и имел в виду французские образцы, но, чтобы было понятным зрителям, чтобы возбуждать интерес, он должен был вращаться в кругу своего общества, указывать на те недостатки, осмеивать те пороки, которые всегда были близки к русским людям и возбуждали желчь. Комик всегда был более национален, чем трагик; и Сумароков-комик был более национален, чем Сумароков-трагик, и комедии его важнее для нас, чем его трагедии.

Так же точно в том же отношении важен для нас его первый журнал «Трудолюбивая пчела», в котором точно так же находим нападки на господствующие недостатки времени, и эти недостатки являются нам в живом образе. Главный недостаток, на который указывал Сумароков, был прежде всего недостаток относительно правосудия, дурные суды, ябедничество. Следя внимательно за ходом русской истории, поймем, откуда происходит это печальное состояние правосудия в России. Система кормления давала власть лицам, незнакомым с наукою права и даже с практикою юридическою; лицам, которых главное назначение быть военными, которые являлись правителями и судьями для того, чтобы получать больше содержания, средств кормления. Люди, которые не могли быть знакомы с наукою права, не могли быть знакомы с практикою, потому что это не

входило в главную их обязанность — быть военными, и они были орудием в руках дьяков, подьячих, приказных людей, знакомых с практикою,— в таком положении застала русское правосудие эпоха преобразования. Разумеется, каждому, кто сколько-нибудь занимался изучением истории всех народов, понятно: преобразования легки в материальном мире, финансовом мире, хотя тут легки более или менее, смотря по обстоятельствам; но преобразования трудны в мире нравственном, юридическом. Здесь, разумеется, может верховная власть дать известное направление, пустить в ход известный почин, известные требования, но дело этим и должно ограничиться. Здесь, если общество должно долго приспособляться к преобразованиям, то верховная власть не в состоянии сделать ничего. Одна из главных ошибок при воззрении на эпоху преобразований происходит оттого, что не хотят вникнуть в эти общие законы, в эти необходимые явления, составляют требования от Преобразователя, которые выполнить для него было невозможно, да и не входило в его задачу. При внимательном взгляде на преобразование мы замечаем, что преобразование касательно материального, экономического быта, именно там, где преобразование было возможно, где верховная власть могла сделать многое, сделано все. Вот почему все преобразования материальные, экономические удались Петру вполне. Мы знаем, что их-то именно он и имел в виду, сознавая, что может делать и чего не может. Относительно нравственных преобразований он сделал то, что было всего важнее: он начертал грамоту, указал на средства, которыми можно идти вперед, пустил в ход известное количество новых понятий, которые могли способствовать преобразованию.

Вот все, что он мог сделать, и больше требовать от него нельзя. Все эти преобразования в сфере нравственной, юридической должны были следовать постепенному, медленному движению в обществе, они должны были исходить из самого общества. Здесь верховная власть вне средств; она могла помогать делу средствами не очень большими. Относительно юридических преобразований Петр сделал все, что только ему можно было сделать. Он указал на необходимость отделения управления от суда, отделения военной службы от гражданской, указал на необходимость дальнейшего разделения в самом суде; но этими указаниями он и должен был ограничиться. Вдруг сделать суды правильными, скорыми, как желал Петр, вдруг сделать он не мог, для этого потребны века, постоянное, постепенное развитие общества, а при нем это развитие только что начиналось. Дело преобразования состояло в том, чтобы благоприятствовать этому развитию, напоминать обществу о необходимости этого развития, этого движения к усовершенствованию суда, сделать его правым и скорым. Главные препятствия,

которые мешали правосудию в древней России, не могли быть отстранены вдруг. Научное приготовление, самостоятельность и обеспечение в средствах суда — эти три главные условия развития — не могли быть даны в эпоху преобразования. Они должны были явиться мало-помалу в продолжение очень долгого времени. Движение общества, его развитие должны были выражаться (и действительно выражались) в сознании необходимости этого преобразования, этого улучшения суда. Как только государство создало окружающий мир и начало высказывать сознание, чему доказательством служит развитие литературы, то, разумеется, оно должно было прежде всего обратить внимание на существенные недостатки правосудия. Понятно, что мы должны ожидать между первыми произведениями русской литературы этих вещей стих о жалобе русского человека, сознающего недостатки своего положения, воплей, жалоб на состояние правосудия. Эти вопли, жалобы происходили с двух сторон со стороны правительства, которое, будучи сильно и вполне благонамеренно, не считало вовсе нужным скрывать политические и общественные недостатки. Напротив, по примеру Петра Великого, который именно, преобразуя свое государство, старался учить свой народ, указывая на его недостатки, и последующие правители XVIII века поступали таким же образом. В манифестах императрицы Елизаветы мы встречаем эти громкие жалобы, вопли на недостаточное состояние правосудия. Разумеется, правительство употребляло все средства, какие были ему доступны для поправления печального положения. Отсюда эта сильная забота о составлении нового кодекса, Уложения, которое приличествовало бы более народу, старое Уложение Алексея Михайловича. Но этому важному делу препятствовала недостаточность научного образования.

Кодекс предполагает цивилизацию, требует большого научного приготовления, а в то время в России иметь людей, таким образом приготовленных, было нельзя. Не иностранцам же было поручать составление Русского кодекса! Сенатские заседания, в которых присутствовала сама императрица, посвящались обсуждению этого вопроса: отчего происходит это неудовлетворительное состояние правосудия? Отчего столько людей неблагонамеренных, имеющих в виду своекорыстные цели, проволочкают дела и стараются не так, как следует; как помочь этому? Как остановить подобных людей? Разумеется, пришли в этих заседаниях, в этих спорах о подобных вопросах к тому, что со стороны правительства возможно только дать закону большую ясность, точность, определенность. Вот все, что могло сделать правительство и занимавшиеся этим делом; но правительство не могло вдруг дать ученого приготовления для судей, не могло вдруг дать им самостоятельного положения и обеспечения, средств содержа-

ния; а без этого дело улучшения суда, разумеется, не могло подвигаться вперед быстро. Несмотря на то, если правительство создало этот недостаток, то общество при средствах, данных образованием, средствах, влияние которых доказывается в литературном движении, общество, имея литературу, так сказать, язык, возможность выражать свои мысли, сознание, общество должно было вопить против этого старого недостатка, который тяготел над всем обществом.

И вот, литература должна была преимущественно заняться этими недостатками. Появляется литература, обличительная комедия и сатира. Сумароков гремел, как бич несправедливого суда, бич взяток, бич подьячих. В комедии вы непременно встретите это лицо, столь ненавистное русскому обществу, осознанное зло, но зло необходимое; вы встретите ябедника-подьячего, который живет за счет несправедливого и невежественного судьи. Второй недостаток, против которого вооружались комедии и сатиры, против которого вооружался Сумароков, было подражание иноземному, это внешнее подражание, которого так не терпел Петр; подражание земной роскоши, иноземной изнеженности и франтовству. Вступая со времен Петра в общую жизнь Европы, Россия не могла избежать влияния господствующей системы; вступила в общую жизнь Европы именно тогда, когда усилилось французское влияние, влияние французской литературы, французского языка. Влияние других литератур—итальянской и испанской—пало. Английская литература не оказывала или оказывает мало этого общего влияния, влияния на большинство. Влияние английской литературы исходило само по себе не непосредственно, а посредством той же французской литературы. Благодаря раннему образованию языка французы сделали этот язык общим, заменив им латинский, и чрез это проводили свои литературные произведения, обеспечив произведениям громкое, господствующее влияние.

Все другие народы подчинились этому влиянию. Немцы подчинились ему страшно: при дворе немецких государей не говорили иначе как по-французски, своя литература была в пренебрежении. Надо отдать честь русским: несмотря на увлечение французской литературой у нас в то время, когда возникала русская литература, несмотря на то что мы, живя общею жизнию с западными европейскими народами, подчинились влиянию французской литературы, языка,—у нас при дворе, в высших кругах не было того пренебрежения к своей литературе и подчинения французскому языку, как у наших соседей-немцев. Например, время Елизаветы Петровны, с которого начинается влияние французское, замечательно тем, что здесь является русская литература, образуется русский язык, способный для выражения всех понятий научных, общественных, а произведения русской литературы

в различных родах усиливаются и находят себе могущественных покровителей сверху. Кроме того, у нас в это время, при этом литературном движении, является естественно необходимо и протест против подражания иноземному. Как только русский человек сознал свое положение, успокоился от преобразовательного движения, одумался, мог спокойным взором взглянуть на свое положение, как только вследствие этого спокойного взгляда явилось ясное сознание, необходимо выраженное в литературе, является эта литература, так сейчас русский человек должен был определить границы, до которых должно было идти общею жизнью с Европой, где должно было остановить заимствование чужого и начать самостоятельную деятельность. Это есть важный вопрос жизни исторического народа, народа, который жил вместе с другими, но который, однако, составлял одно целое.

Займствования необходимы, но, с другой стороны, необходима эта самостоятельность народа, национальность, ибо только при этой национальности народ может дать свой вклад в общую жизнь. Как между отдельными людьми тому только человеку дается почетное место, который отличается самостоятельным характером, самостоятельную деятельностью, а не тому, который служит орудием в чужих руках, повторяет чужое, так и в общей жизни народов только тому народу дается почетное место, который заявляет самостоятельную деятельность, который является самостоятельным характером, национальностью, который внес свое слово, свое дело в общую жизнь. Следовательно, русский народ, вошедший таким быстрым, таким крутым поворотом в этом ходе в общую европейскую жизнь; русский народ после этого крутого поворота, условливаемого предшествовавшей жизнью, истории; русский народ должен был сознать это положение, высказать в своей литературе потребность начертать границы, где должно остановиться заимствование и начаться самостоятельная жизнь.

Уже появляется это литературное желание сказать свое слово, устраивается свой язык. Эта ранняя относительно других народов способность доказывать, что русский народ — народ живой, исторический народ, который не мог быть, так сказать, на пристяжке у других европейских народов, который должен высказать самостоятельную деятельность, сказать свое слово и сделать свое дело. Вот почему чрезвычайно рано мы встречаем протест в литературе, протест против заимствования чужого, против перехода границ этого заимствования и напоминание необходимости жить своею самостоятельною жизнью. Вот почему со времен Елизаветы в комедии и в нашей сатире мы видим протест чрезвычайно сильный; видим насмешку над людьми, которые по слабости своей позволяют себе этот бессознательный переход заимствования чужого. Вот почему в комедиях Сумарокова мы

находим подле подьячего, которого он бичует, находим этот *petit maitre'a* — человека, который без границы в заимствовании чужого, который бессознательно, обезьяннически хочет все французское, не хочет знать ничего русского, презирает все русское, но в подражании ограничивается одною внешностью: одеждою, прическою и внешними манерами. Во внешней стороне полагали всю образованность, всю суть европейской жизни. Вот кого разумели русские комедии, сатиры под именем *petit maitre'a*, которого выводят на сцену и бичуют. В журнале Сумарокова, в его сатирических статьях, повторяем, направление: он бичует те же самые недостатки подьячих, взяточников, и *petit* бичует это заимствование чужого, чужих форм, блюдет за чистотою языка, за сохранением русской национальности, русской самостоятельности. Здесь в сфере театра он хлопочет, чтобы не втеснялись чужие, иностранные слова, иностранные понятия; смеется над этой пестротою языка, происходящей от употребления иностранных слов. Таким образом, то, что до сих делало только правительство, становится делом общим: именно охранение языка от иностранного влияния, иноземной порчи. Можно было встретить предписания правительства нашим посланникам, чтобы они в своих донесениях не вносили иностранных слов, чтобы писали чистым русским языком. Так было от Петра до Елизаветы. Теперь при Елизавете забота о сохранении языка является уже со стороны общества.

ЛЕКЦИЯ 40

Я говорил о главных личностях сумароковских комедий — о подьячих, взяточниках и *petit maitre'ax*. В своем журнале он вооружался против пестроты, которую позволяли себе некоторые. Мы видели, какое важное значение соединилось с вопросом о языке; как этот вопрос явился вместе с преобразованием; как хотели чистоты языка Преобразователь и главные его сотрудники; как заботилось правительство и после того; как к нему приходит на помощь общество, выражающее свое сознание об окружающем в своей литературе. Есть и другое действующее лицо в комедиях Сумарокова — это именно [неразборчиво]; но это действующее лицо не имеет того значения для нас, как подьячий, *petit maitre*, потому что педант является вследствие личного раздражения автора против ученых академиков, которые являются строгими критиками его произведений, преимущественно против В. К. Третьяковского.

Если явилась литература, то понятно, что и наука должна была получить сильнейшее изложение; особенно потому, что она овладела языком, способным выражать понятия. Человек, который содействовал преимущественно образованию этого языка,

Ломоносов, был ученый, был член Академии и вместе с тем по самому характеру ее профессор, ибо с Академией соединен был университет. Ломоносов дал образчик языка для научных исследований, для трактатов о научных предметах. У нас много говорят о борьбе в Академии между русскими и немцами, обыкновенно представляя это явление в черном свете; но, глядя беспристрастно, как следует историку, мы не можем без сочувствия отнестись к этому явлению, ставя его в связь с другими явлениями русской жизни, с общим ходом ее. Не должно никогда упускать из виду все печальные стороны, которые естественно и необходимо сопровождали вступление России в общую европейскую жизнь; вступление относительно очень позднее, которое требовало чрезвычайного напряжения сил в русском человеке, чтобы догнать, чтобы сравняться, не отстать от других. Русский человек стал относительно других европейских народов в положение человека взрослого, который должен был садиться на ученическую скамью, идти в элементарную школу, должен был учиться вместе с детьми, и в то же время он сознавал, что он человек взрослый, что он в кратчайшее время должен сделать то, что другие народы в спокойное время делали систематично, правильно. Ломоносов, который говорил о себе, сколько он претерпел для науки, говорит, между прочим: когда он из Архангельска в возрасте уже приехал в Москву и должен был садиться вместе с мальчиками на ученическую скамью, сколько насмешек пришлось ему слышать; какой большой болван, говорили, сидит за ученической указкой.

Этот образ Ломоносова есть образ всего русского народа в XVII веке, народа в эпоху преобразования и после нее. Это тот же в возрасте народ, который, однако, по известным обстоятельствам своей древней истории должен был сесть на ученическую скамью, идти в ученики к другим народам, опередившим его вследствие благоприятных обстоятельств. Те народы правильно, систематично образовывались, учились с детства. Русский народ должен был провести детство в черной работе: не до книг, не до ученья. И только теперь сел на школьную скамью, начал с задов, тогда как народы давно ушли вперед. Но это не был ребенок, это был взрослый человек с сознанием своего положения. Понятное дело, что западные народы, начавши давно учиться, не испытывали или мало испытывали того, что должен был испытать русский народ. Как дети, западные народы смело подражали своим учителям, грекам и римлянам. Русские люди, сознавая необходимость заимствовать плоды цивилизации у других народов, вместе с стыдом чувствовали всю неловкость этого положения, терзались всей этой ревностью относительно учителей. Учреждена была Академия по плану Петра Великого; разумеется, первыми учителями этой Академии должны были

быть иностранцы, которые не знали России, не знали русских, которые должны были писать на языке чужом. Естественно, что как только стали появляться в Академии русские люди, люди с большими дарованиями, то сейчас должен был возникнуть вопрос: как ведут себя иностранные учителя? Насколько полезны России? Стоят ли того, чтобы вызывать и содержать их? Не имеют ли враждебных стремлений относительно России, относительно ее национальных нужд? Этот вопрос об отношении иностранных учителей должен являться с тех пор, как начали являться даровитые русские ученые, как Ломоносов.

Вот почему борьба с немцами, товарищами по Академии, наполняла всю жизнь Ломоносова, и при грубости тогдашних нравов, раздражительности Ломоносова в борьбе мы находим много темных, непривлекательных черт. Но мы должны успокоиться тем, что этот вопрос, эта борьба необходимы, что они вытекали из положения русского народа, который в возрасте, с сознанием должен был учиться у других народов. Следовательно, прежде всего не должно было относиться вполне доверчиво к учителям, и эти учителя не были «свой человек», не были мертвы; но имели свои стремления. Эти европейские народы были учениками у греков и римлян. Эти мертвецы должны были передавать свои знания, не грозя ничем взамен. Русские люди должны были учиться у живых учителей, живых людей. Следовательно, естественен был вопрос, как они поставят себя относительно нас. А как скоро это недоверие обнаружилось со стороны русских людей, то оно должно было явиться и со стороны учителей, если бы они были даже добросовестны, чего нельзя сказать относительно всех, которых русское правительство должно было вызвать для первоначального обучения. Несмотря на это презрение, на эту распрю, на эту печальную сторону нашей истории, образование все же шло вперед. Если сравним век Елизаветы не только со временем Петра, но со временем ближайшим, со времени Анны, то увидим эту страшную разницу, увидим, как сравнительно быстро шло наше образование. По естественному закону это учреждение, которое называют Академией, по плану Петра должно было носить тройственный характер — Академии, университета и гимназии.

С течением времени при большем развитии образования это учреждение не должно было выделить из себя части, развиваться. Не ладился университет при Академии именно благодаря тому, что большинство академиков были иностранцы. Им несподручно было преподавать, и русские молодые люди не были довольно подготовлены к тому, чтобы понимать преподавание на иностранных языках. Указывали и на то, что некоторые члены Академии нарочно отстраняют от себя аккуратность преподавания, чтобы не производить русских ученых людей, которые могли бы отбить

от них лавочки, заменив их. А между тем образование становилось все более и более нудящею потребностью. Особенно оно становилось необходимым для того сословия, для которого оно, по мысли Петра, было сделано обязательным,— для служилого сословия, которое превратилось в дворянское сословие Петр обязал землевладельцев-дворян иметь образование, именно, они не могли двигаться в службе. Мало того, по указу Петра, они не могли жениться. Необходимость образования была указана Петром, но средства были недостаточны для всех областей. И в столице было трудно подыскать учителей способных, а что могло быть в провинции? А между тем дворянский сын должен явиться на экзамен, предьявить, что он грамотный, знает арифметику, геометрию. Это была одна из самых тяжелых обязанностей для землевладельцев-дворян. Вот почему, когда большинство дворян, ставши в противоречие с Верховным тайным советом, хотевшим ограничить власть императрицы Анны, когда дворяне, действовав враждебно против верховников, предложили Анне самодержавие, они только выговорили себе за это некоторые льготы, и в числе их помощь правительства относительно образования своих детей. Чтобы исполнить это желание большинства дворянства, которое оказало правительству такую помощь в борьбе с олигархами, учрежден был при Академии Кадетский шляхетский корпус, который по тогдашним обстоятельствам как Академия наук не мог носить специального характера, не мог быть военным училищем, как мы разумеем Кадетский корпус. Здесь дворянские дети должны были приготавливаться к военной и гражданской службе. Кадетский корпус в высших своих классах должен был быть университетом.

Здесь преподавались науки философские, политические, богословские в университетском размере. Мы знаем указы правительства, запрещавшие слишком много заниматься упражнениями военными, ибо, как сказано в указах, отнимают слишком много времени от занятий наукою. При Елизавете враждебные отношения между членами Академии и то обстоятельство, что университет при Академии никак не ладился, никак не устраивался,— эти отношения привели к мысли дальнейшего развития учебного учреждения, к мысли о выделении университета из Академии. Это выделение не могло быть полным, если бы университет оставался в Петербурге, где была Академия. Люди, которые особенно хлопотали об университете как учреждении, которое носило бы национальный характер в противоположность Академии, наполненной иностранцами,— эти люди не могли помириться с основанием университета в Петербурге, где университет находился бы под влиянием Академии, наполненной старыми иностранцами.

Вот почему фаворит императрицы Ив. Ив. Шувалов, знаменитый меценат, чрезвычайно близкий к Ломоносову, поддержи-

вал его в его борьбе с Академией. Шувалов, конечно, по мысли Ломоносова, как утверждал последний, во время пребывания императрицы в Москве в 1754 г. настаивал на основании университета в Москве, и указ об этом основании был подписан 12 января 1755 г., хотя в 1754 г. приисканы средства для университета и уже Сенат знал об этом и занимался этим делом. Появление университета было естественным развитием в истории нашего образования. Университет выделился естественно и необходимо из того учреждения, которое было основано по плану Петра Великого, которое называлось Академией и которое должно было быть и Академией, и университетом, и гимназией. Из этого выделения университета из Академии выходило, разумеется, то, что Академия получила специальный характер. В то же время и Кадетский корпус получил свой специальный военный характер. Университет, который отчасти принадлежал Академии и к Кадетскому корпусу, превратился в самостоятельное учреждение, основанное в Москве. Гимназия, которая должна была готовить студентов в университет и должна была быть тесно связана с университетом по общим законам,—гимназия еще не отделилась от университета в особый орган; развитие не заканчивается, и гимназия прилеплена к университету. Университет был основан с двумя гимназиями, тесно с ним связанными. Это продолжалось до устава 1835 года. Но при этом естественном развитии выделения органов вы видите чрезвычайно любопытное явление: именно с основания университета выражено это сознание в необходимости дать русскому образованию преимущественно русскую, национальную почву. Как бывает часто в истории, тут ближайшим поводом служило личное отношение: борьба Ломоносова с немцами-академиками, желание его покровителя Шувалова сделать особенное учреждение, которое было бы в его заведовании, ибо Академия наук была в заведовании Кир. Разумовского. Шувалов не хотел отнимать у него, а хотел, по примеру всех образованных европейских государств, устроить университет, чтобы этот университет был в его заведовании, что и случилось: он был первым куратором университета. Все это было, конечно, поводом, но мы видим другие, более важные поводы развития, выделения органов—стремление дать русскому образованию рациональную, русскую почву, вследствие чего университет не был основан в Петербурге, а в Москве, в совершенной самостоятельности, в удалении от Академии, которая как ученое учреждение естественно продолжало наполняться иностранцами, ибо русских ученых не было для этого достаточно. Но русские преподаватели могли и должны были воспитаться, и это могло быть сделано в сознании тогдашних ученых русских людей только в удалении, на самостоятельной почве, национальной почве.

Таким образом, вопрос об отношении к иноземным учителям, который так сильно занимал Петра Великого, продолжал занимать внимание русских людей, выражался в этой борьбе, происходившей в Академии, выразился и в литературе, выражается или, вернее, разрешается этим основанием университета в Москве. Из всех этих явлений внутренней русской жизни, которые имели место в царствование Елизаветы Петровны, вы можете видеть всю важность значения этого царствования в истории XVIII века, вы ясно видите связь этой эпохи с эпохою преобразования, связь Елизаветы с Петром; но связь не родственную, не то, что Елизавета была дочерью Петра Великого, но связь исторических явлений. Но прежде чем мы перейдем к царствованию преемников Елизаветы, преимущественно к Екатерине II, которая была обязана блеском своего царствования преимущественно той подготовке в царствование Елизаветы, мы должны взглянуть на внешние отношения России, ибо они очень важны в царствование Елизаветы. Здесь в царствование Елизаветы было сделано только приготовление для тех внешних успехов России, которыми ознаменовывается царствование Екатерины II. Мы видели внешнюю деятельность России в эпоху преобразования, мы видим здесь зрелище чрезвычайное — соединение напряжения внутренней деятельности, внутреннего преобразования с напряженной внешней деятельностью, и от внешнего напряжения оказываются блистательные успехи.

Здесь, в эту деятельность, величайший из государей, каких знала только история, всего лучше открыл связь внутренней жизни народа с его внешней, дипломатической жизнью, одно без другого немислимо; для успеха одного необходимо нужны деньги другого. Преобразователь, который сделал так много для внутреннего состояния народа, вместе с тем полтавский победитель, человек, который дал России Балтийское море и исполнил давнишнее желание лучших русских людей. Россия вследствие деятельности Петра, вследствие этой великой Северной войны сделалась членом европейской системы государства, и членом важным. Она отняла господствующее положение у Швеции на Северо-Востоке. Благодаря деятельности Петра европейские земли собрались и Восток Европы, не участвовавший в истории, начал участвовать в ней. Петр и его ближайшие преемники должны были начертать план своей внешней политики, определить, как должны действовать в этом новом положении в обществе европейских государств. Где границы этой общественной жизни, участия России в общей европейской жизни и какие собственно русские интересы, которыми Россия должна руководствоваться? Задача нелегка; но мы должны признаться, что эта задача в XVIII в. разрешена самым удовлетворительным образом. Разумеется, нужно было исходить для реальной

задачи от ближайших интересов, нужно было прежде всего обратить внимание на соседей. Кто же были эти соседи? Это была Швеция, угнетенная Петром, это была Польша и, наконец, Турция.

Л Е К Ц И Я 41

На границе между двумя половинами XVIII в. находится событие чрезвычайной важности; событие, в котором Россия принимала деятельное участие, в котором впервые проявилось ее значение среди европейских держав; значение, которое она обнаружила через 50 лет потом в одном из величайших событий европейской истории. Этим событием XVIII в. была Семилетняя война. XVIII век знаменит именно тем, что в начале и в половине являются два новых сильных государства, из которых одному было суждено быть представителем славянских племен, другому — германских. В начале века является на сцену сильное, могущественное государство — Россия, могущество вследствие деятельности Петра. В половине века является с чрезвычайно важным значением государство Прусское благодаря деятельности Фридриха. Выход России на сцену имел следствием великую Северную войну, которая закрепила за Россией первое место на Северном Востоке, отняв это место у Швеции. Выход на сцену могущественной Пруссии имел следствием эту Семилетнюю войну, которая находилась в тесной связи с войною за Австрийское наследство. Эти войны — война за Австрийское наследство и Семилетняя, связанные друг с другом, представляют явление чрезвычайной важности в Европе; именно потому, что только вследствие этих войн, причин, их произведших, произошел переворот в европейской политике.

До тех пор, как известно, на континенте Европы боролись за гегемонию две державы — Франция и держава Габсбургов, так называемая Австрия — пестрый агломерат различных национальностей. Австрия примкнула к Германии и стремилась иметь здесь господствующее значение, чтоб иметь господствующее значение и в остальной Европе. Англия и Голландия, державы морские, торговые, естественно, примкнули к Австрии, несмотря на различие вероисповеданий, несмотря на то, что в Австрии тяготились всегда союзом Англии и Голландии: необходимость всегда заставляла Австрию смотреть на Англию и Голландию как на естественных союзников против Франции, ибо Франция как континентальное государство стремилась распространить свое влияние на море, за океан. Отсюда вражда Англии с Францией. Голландия боялась Франции, которая была близка к ее владениям; голландцы боялись завоевательных стремлений Франции, которая не ограничилась бы южными пределами, а при первом

удобном случае захватила бы маленькую Голландию, сильную на море, но ничтожную по своим средствам на сухом пути. Собственно, так называемая Германия играла роль страдательную, чрезвычайно жалкую, ибо, раздробленная, она не могла дать своему движению единства и силы. Когда разыгралась борьба, некоторые части Германии отложились от Габсбургов, носивших титул Священной Римской империи, и присоединились к Франции. С некоторого времени курфюрст Бранденбургский, впоследствии король Прусский, начал обнаруживать свои силы, свое значение в этой борьбе, но это значение не было заметно. Во время суровой борьбы между Австрией, Англией и Голландией, с одной стороны, Францией, Испанией и Германией — с другой, борьбы за Испанское наследство, — во время этой борьбы является Россия с своим Петром, со своей Полтавой. После войны за Испанское наследство, когда соединенные усилия Западной Европы заставили Францию отказаться от стремлений к гегемонии, после этой войны не было значительных войн в Европе до этой войны за Австрийское наследство.

К этой войне давно готовились, давно предвидели ее важное значение, переворот, который должен был последовать. Габсбургская династия, кончившись в Испании, оканчивалась в мужском колене и в Австрии: Карл VI умер без детей мужского пола, оставив дочь Марию Терезию.

Почетный императорский титул, естественно, отходил таким образом от австрийских владельцев, но был другой вопрос: Мария Тереза сохранит ли в совокупности все владения своего дома, все владения австрийские? Франция, разумеется, хотела воспользоваться случаем, чтобы окончательно разрушить могущество австрийского дома, раздробив его владения между различными мелкими государями Германии, которые по естественным связям с Габсбургами могли претендовать на долю наследства. Франция, руководясь своею известною политикою, думала, что, раздробив Австрию, она уничтожит последний оплот для своего стремления к гегемонии в Европе, и с нетерпением ждала часа, когда пресечется австрийский дом Габсбургов. Но как в великой Северной войне было много охотников отнять у Швеции области, которые она отняла прежде у других, а плодами, однако, Северной войны воспользовался сильнейший из них, Петр Великий, так и в войне за Австрийское наследство, поднятой Францией с корыстной целью, вышел с выгодой один государь — Фридрих II Прусский, который заключил союз с Францией против Марии Терезии и отнял у Австрии эту богатую провинцию, которую потом Австрия не могла забыть, — Силезию. Прусское Бранденбургское курфюрчество было государство бедное, его король только необыкновенной экономией, скупостью мог дать себе средства иметь большое войско. Богатая Силезия давала

Бранденбургской Пруссии денежные средства. Силезия для Пруссии была тем, чем прибалтийские провинции были для России. Эти провинции были средством обогащения для бедного государства, открывая доступ для морской торговли. Так же точно и богатая Силезия давала Пруссии большие материальные средства. Вот почему Фридрих II бросился прежде всего на нее и захватил без всякого права. И Петра Великого, если рассматривать дело юридически, обвиняют в том, что он первый начал Северную войну без достаточного повода со стороны Швеции; но за Петра было историческое право, которое он преимущественно выставлял. Шведы, воспользовавшись бедой России, оттолкнули ее от моря. Петр пользовался первым случаем, чтобы взять назад свое. У Фридриха II не было решительно никакого права на Силезию, он действовал по праву сильного. У него было хорошее войско, много денег, заготовленных отцом, Фридрихом-Вильгельмом, он хотел воспользоваться этими средствами, чтобы утвердить могущество на счет Австрии.

Но как обыкновенно бывает, первый грех ведет к другому и третьему. В действиях человеческих проходит всегда это странное требование последовательности. Как только вследствие прекращения войны выиграл один только прусский король, приобретая Силезию, так это обстоятельство носило в себе семя новой войны. Австрия не могла забыть об этой тяжелой потере. Разумеется, сюда присоединялось оскорбленное чувство, что хитрый сосед воспользовался бедою. Когда Карл VI умер, враги напали на Марию Терезию и захватили одну из лучших областей. Фридрих II, следовательно, завоевав Силезию, должен был хорошо знать, что нужно еще много пролить крови, чтоб утвердить эту провинцию за Пруссией. Следовательно, это приобретение должно было причинять постоянные тревоги, заставить стоять постоянно настороже, готовить средства к новой войне. Это заставило его с беспокойством обращаться на все стороны, всюду искать союзников, повсюду интриговать. Но это самое беспокойное явление, которое с естественным результатом силезского завоевания должно было вооружить против Фридриха II другие государства, и преимущественно соседей. Выступив в качестве хищника, не признающего права, действуя во имя силы, Фридрих II действовал последовательно. Блюдя постоянно за Австрию, за главным врагом своим, Фридрих II, чтоб нанести ей удар, однажды во время войны за Австрийское наследство пошел на Саксонию и разграбил ее. Уже давно он в своих честолюбивых замыслах обратил внимание и на эту богатую германскую страну; хотел приобрести ее, отдавши саксонскому курфюрству взамен Богемию, а Богемию хотел отнять у Австрии.

Замыслы Фридриха усилить Пруссию и сохранить приобретенное, причем этот человек не разбирал средств для своей цели,

должны были беспокоить всю Европу. Россия, разумеется, прежде других государств должна была беспокоиться. С Петра Великого до сих пор положение России относительно соседних государств было чрезвычайно выгодно. Россия была окружена государствами слабыми — Швецией, Польшей, Турцией. Только чужие интриги могли нагальванизовать эти слабые государства, возбуждать их против России. В этих интригах отличалась всегда Франция. В Швеции, Польше, Турции, преимущественно в Швеции и Турции, Франция всегда действовала враждебно против России; именно потому, что Россия издавна сознавала необходимым держаться одной политики с Австрией, ибо у России и Австрии был один общий враг — Турция. Франция враждует с Австрией, враждует с Россией как союзницей Австрии. Но, несмотря на французские интриги, никогда не случалось, чтобы Швеция, Польша, Турция соединились в одно время против России, а порознь эти государства были слабы, и Россия пользовалась своим положением чрезвычайно выгодным.

Ее государственные люди должны были держаться только одного, чтобы это выгодное положение не уменьшалось. До сих пор у России шла постоянно дипломатическая борьба с Францией, но теперь вследствие войны за Австрийское наследство отношения переменялись. Подле России является могущественный государь, могущественный личными достоинствами, неразборчивый в средствах для своей цели; вместо отдаленной Франции Россия увидела у себя государя, который интриговал в Швеции, Польше, Турции. Это новое могущество грозило России потерей влияния, это новое могущество обращалось на естественную союзницу России, Австрию. Фридрих II, отхватив Силезию, виды простирает дальше. Зная, что Россия не оставит Австрию, Фридрих II должен был действовать враждебно и против России — он и действовал против нее в Швеции, Польше и Турции. С самого начала царствования Елизаветы люди, стоявшие около нее, управлявшие делами, понимали ясно, что главный враг России — прусский король, что беда грозит именно отсюда, что надо употреблять все средства — дипломатические, а потом и военные, чтобы сдерживать прусского короля. Это было последнее слово в царствование Елизаветы. Опираясь на союз с Россией, Австрия надеялась побороть Фридриха II, возвратит Силезию.

Обстоятельства были благоприятны: окончание войны за Австрийское наследство. Россия была постоянна в своих взглядах на Пруссию, в своих решениях — во что бы то ни стало сдерживать прусского короля. Поэтому она была естественной союзницей Австрии. Но одна Россия не могла еще для Австрии гарантировать успеха. Австрия знала, что Россия, несмотря на средства, данные преобразованием, Петром Великим, все еще, во-первых, бедное государство, а во-вторых, государство, еще образующее-

ся. Австрию тревожило неудовлетворительное состояние русско-го войска. России легко было сладить с турками, шведами, поляками, но русскому войску трудно было сладить с первым полководцем времени, Фридрихом II, первым войском в Европе, войском прусским. Относительно войска после Петра Великого, именно в царствование Анны Иоанновны, произошло печальное явление. Мы видим, как русские люди, даже те, которым Петр поручил Россию,—его сотрудники—в междоусобиях своих истребляют друг друга, открывают дорогу иностранцам. Так на первом плане в России является иностранец—Остерман для внутренних и внешних дел, Миних для военных дел. Нарушено было основное правило Петра Великого—не пускать на первые места иностранцев. Петр не пускал их на фельдмаршальские места—главные военные места, как не пускал в Сенат. Все это переменялось при Анне Ивановне, и фельдмаршалство было отдано двум иностранцам—Миниху и Ласси. Следствием было то, чего боялся Петр Великий и что умел отстранить от своего народа; было то, что и второстепенные места преимущественно были заняты иностранцами же, так что после смерти Анны Иоанновны, при восшествии на престол Елизаветы Петровны, несмотря на то, что движение происходило во имя национальности, что начался набор русских людей на высшие должности, военные места, трудно замещаемые без войны, оставались в руках немцев. Разумеется, мало-помалу вследствие общего движения елизаветинского времени немцы сошли с главных мест. Миних был заточен в самом начале; сошел и Ласси; принужден был удалиться и Кейт, самый знаменитый генерал немецкий.

Но дело в том, что немцы сошли со сцены, а русских не было, потому что не было войны, не было школы, в которой можно бы было научиться, потому что шведская война в начале царствования Елизаветы велась по-прежнему—немцами. При Петре—другое дело. Великая Северная война—это богатая школа, в которой учились офицеры и генералы; в этой школе образовались и Шереметевы, и Меншиковы, и Голицыны, и Репнины. В царствование Елизаветы, после шведской войны, войны не было. Немцы сошли вследствие национального движения, а русским негде было образоваться. Генеральство, фельдмаршалство отданы были русским людям, но из этих русских людей, однако же, никто не мог претендовать на военное значение. Три фельдмаршала было: Апраксин, Бутурлин, Трубецкой, и ни один из них не был способным полководцем. Апраксин казался всех способнее, но это только относительно. И потому австрийский посланник в Петербурге, которого первое дело было изучить это положение союзницы Австрии—России, давал знать своему двору, что хотя Россия будет держаться австрийского союза, будет грозить Фридриху, что Россия может, разумеется,

сделать выгодную диверсию, но победоносно действовать против Пруссии не может. У нее не было хороших полководцев, и войска ее не могли быть в хорошем состоянии. Это обстоятельство заставило Австрию обратить свои взоры на другую сторону. Было естественной необходимостью переменить вековую политику вследствие новых требований. Народы, государства обыкновенно привыкают к известной политике, известным отношениям к другим народам. Привыкают, если эти отношения тянутся века: так бывает упорная вражда, дружба между двумя народами. Но в истории нельзя успокаиваться на известной политической системе, известных принципах в политике, и искусство государственных людей состоит в том, чтобы уметь вовремя держаться старого, в новых обстоятельствах поменять старое на новое.

Последнее бывает иногда трудно, потому что человек должен иметь против себя все предрассудки, привычки. Но тем выше человек, который понял эти государственные стремления, то был Кауниц — знаменитый канцлер Марии Терезии. Кауниц понял: появление Пруссии должно произвести перемену в политике Европы; он решил, что надо составить новый союз. Союз с Россией был старый, полезный, нужно его держаться, но нужно приобрести еще другого союзника могущественного, это была Франция. Легко понять эту смелость Кауница — переменить вековую вражду Австрии и Франции и соединить эти две державы союзом. Но обстоятельства, ход дела были за Кауница, и он успел в своем деле. Здесь не мелкие интриги, не ласки придворной фаворитки решили дело. Долго смотрели на перемену политики с этой ложной точки зрения. Здесь не m-me Помпадур, обольщавшая ласками коронованного любовника — Людовика XV, — переменяла политику. Здесь целый ряд событий, история переменяла политику. Люди своими замыслами являются только исполнителями этих общих требований.

Л Е К Ц И Я 42

Я сказал, что не какие-нибудь мелкие интриги, капризы фавориток смогли произвести перемену в европейской политике. Самый ход событий должен был произвести эту перемену, и люди, способные к обширным планам, и люди, руководившие мелкими страстями, тут только орудие. Разумеется, знаменитому Кауницу принадлежит честь за то, что он понял необходимость перемены, стремился к тому и достиг. Но Франция не в лице мадам Помпадур, а в лице лучших государственных людей пошла навстречу этой перемене, сознавая ее необходимость. Франция из войны за Австрийское наследство увидела, что главный враг ее теперь не Австрия, а Пруссия. Франция считала главной причиной своего

успеха на континенте эту раздробленность Германии. Подле этой раздробленной Германии самыми большими средствами пользовалась Австрия, и с ней-то и вела Франция борьбу. Но теперь оказалось, что в Германии явилась сила, которая стремилась к объединению Германии, с которой труднее будет Франции ладить, чем со слабой относительно Австрией. Следовательно, в войне за Австрийское наследство положено было начало тем отношениям, которые определились в наше время.

Борьбу Франции с Германией представляла Австрия; она длилась долго с явным перевесом Франции, но Австрия, собственно, не могла быть представительницей Германии. Это было пестрое государство, составленное из различных национальностей, преимущественно славян, венгров, итальянцев, отчасти только германцев. Австрия могла еще располагать силами, могла бы действовать еще сильнее, когда национальный вопрос не становился на первый план. По всем задаткам сильнее Австрии должно было быть то государство германское, которое имело в себе более германских элементов и находилось в Северной Германии. Ибо по удивительному какому-то закону, который очевиден в истории, почти во всех государствах — северная часть имеет преимущество пред южной, вследствие чего и средоточие государственной жизни, столицы утверждаются обыкновенно окончательно на севере. Северная христианская Испания одолела южных мавров. Это же видим во Франции, где Северная Франция одолела Южную, несмотря на то что на юге было, по видимому, более задатков народной жизни. Это видим в Италии, где все движение для объединения исходило с севера. Пьемонт, Северная Италия объединили страну. То же самое в Германии, где на наших глазах Пруссия получила первенствующее значение, и мы видим, что издавна в Северной Германии заключалась вся сила материальная, нравственная и умственная, ибо Северная Германия стояла высоко в образовании относительно Южной. Наконец, нечего говорить о своем отечестве: здесь северное Московское государство, образуясь на севере, объединило всю страну и имело явный перевес над югом; несмотря на то что и здесь, как во Франции, Испании и Италии, на юге было более задатков развития: на юге образовалось государство, на юге более просвещения в начале до XVIII в. Несмотря на все это, Север возобладал. По этому закону, очень очевидному в истории, разумеется, то государство германское должно было иметь наиболее значения, которое по своему положению принадлежало к Северной Германии — Германии протестантской. С начала XVIII в., даже с конца XVII, мы уже видим в Северной Германии попытки некоторых государств — в Саксонии, которая хотела усилиться на счет Польши, Ганновер — с помощью Англии, наконец, в Бранденбурге. И вот Бранденбургское курфюрство, король

Прусский является самым могущественным государем в Германии, является представителем Германии с большим правом, чем монарх австрийских земель.

Во Франции не могли не понять этого, не могли не понять, что отсюда, из Пруссии, произойдет объединение Германии; произойдет та сила, с которой Франции нельзя смиряться, которая будет гораздо опаснее для Франции, чем Австрия. Отсюда поворот в политике, стремление войти в союз с Австриею против Пруссии. Сюда присоединилось и религиозное различие. Естественно было, казалось, Южной Германии соединиться в один союз, протестантской — Северной — в другой, католической — в западный. Но разумеется, крупные повороты в политике встречают много препятствий. Столько веков во Франции жили ненавистью к Австрии, а теперь должны вступить в союз с ней. Толпа, раба привычек, должна была заявить против союза, неестественного в глазах толпы, как с извечным врагом. Только сильные люди могли понять, что ход дела таков, что требует крутой перемены. Людовик XV, несмотря на свой страшный разврат, отнимавший у него всю жизнь, был, однако, человек очень умный; он был бесхарактерен, но человек со смыслом. Он понимал необходимость перемен и питал сильную убежденность к Пруссии и ее королю не по одному религиозному убеждению, не по одной личной антипатии, но и по государственным интересам. Людовик был очень склонен к австрийскому союзу. Следовательно, Помпадур могла только вторить своему высокому любовнику, но не побуждать его, нисколько не имела влияния на ход дела. Однако дело затянулось, были случайные обстоятельства, чтобы побудить французов порвать с Пруссией и соединиться с Австрией. Повод к этому разрыву подала Англия, которая до сих пор держалась австрийского союза, но имела в виду противником Францию, жила враждебно с Францией. Наконец, она открыла неприязненные действия против Франции в американских колониях. Англия с беспокойством смотрела на континент, на тамошние отношения; она боялась, что как только откроется война с Францией в колониях, то эта война отразится на континенте. Франция бросилась на Ганновер, принадлежащий Англии. Австрия была плохая помощница, сильней всех на континенте была Россия да Пруссия. Против Франции с Россиею уже давно был союз у Англии, и, чтобы упрочить этот союз, Англия составила трактат с Россиею, по которому за известную сумму денег Россия обещала действовать против врагов Англии, когда бы те вздумали напасть на владения английского короля. Россия заключила этот союз с Англией, имея в виду прусского короля, который давно обнаружил намерение овладеть Ганновером.

Вы видите, как здесь к половине XVIII в. приготовлялось все, что было сделано в наше время. Пруссия тогда еще питала эти

замыслы овладеть Саксонией, если не удастся Ганновером, который был необходим; замыслы, которые осуществились в наше время. При заключении трактата между Россией и Англией необходимо рождался вопрос: против кого будут употреблены русские войска? В Петербурге имели в виду одно — употребить их против Пруссии, ибо решено было сдерживать прусского короля, при первом его движении напасть на какие-нибудь владения. Англия особенно имела в виду Францию. В Петербурге, естественно, родился план заключить договор с Англией, но выговорить, чтоб Россия помогала Англии только против прусского короля, без обязательства высылать свои войска, чтоб защищать Ганновер от Франции. В то время когда проходили в Петербурге эти переговоры между Россией и Англией, вдруг узнают, что Англия переменяла политику, что Англия боялась за Ганновер, чтоб не иметь против Ганновера двух врагов — Францию и Пруссию, и что Англия заключила союз с Пруссией, чтоб по крайней мере обезопасить себя с этой стороны. Понятное дело, что этот поступок Англии — заключение союза с Пруссией — совершенно переменял ход дела. Россия, которая видела главного врага в Пруссии, только против Пруссии могла заключить союз. До сих пор между Россией и Англией были дружественные сношения, но теперь Англия вступила в союз с врагом России. С другой стороны, вступление Англии в союз с Пруссией порывало союз Англии с Австрией. Россия должна была остаться в союзе с Австрией. Австрия же давно обращалась к Франции за союзом. Союз, заключенный Англией с Пруссией, порывал всякие отношения между Францией и Пруссией и заставлял Францию заключить союз с Австрией против Пруссии как союзницы Англии. Таким образом, произошел этот переворот в европейской политике. Южные, католические державы составили один союз, главными членами которого были Франция и Австрия. Северные державы заключили другой, главными членами которого были Англия и Пруссия. Россия по всему предшествующему примкнула к южному католическому союзу, австро-французскому. Но это еще не могло привести к войне. Война началась в Америке между Англией и Францией и могла там и кончиться. Европа могла быть покойною, но Фридрих II не мог быть покоен. Я сказал, в какое положение поставило его завоевание Силезии; он боялся, что около него образуется коалиция, что вследствие этой коалиции он потеряет Силезию.

Вот почему главное правило его было не дожидаться, пока нападут, самому нападать первому, нападать порознь, не давать соединяться, разбив одного, устремляться на другого. Фридрих II не давал коалиции соединиться. Он не хотел дожидаться, он был убежден, что между Австрией, Россией, Францией и Саксонией заключен союз против него. Следовательно, чтобы не

дать созреть этому союзу, не дожидаться, пока нападут эти государства на него, он решился напасть на Саксонию, обезоружить ее, затем на Австрию (1756 г.). Так началась Семилетняя война. Понятно, какое впечатление должно было произвести это движение прусского короля в Саксонии. Повсюду оно казалось вероломным — усилиться во что бы то ни стало за счет других!

В Петербурге решено подать помощь союзникам. Фридрих овладел Саксонией, которая была не приготовлена, выгнал Августа III из Дрездена, который как король Польский должен был переехать в Варшаву. Саксония была подвергнута страшной контрибуции. Война с Австрией началась у Фридриха II. Франция и Россия приготовились защищать Австрию. Швеция вследствие влияния Франции стала на сторону Австрии и Франции против Пруссии. Понятное дело, что, как и прежде, так и после в XIX в. и теперь, Фридрих II мог быть сдержан коалициею. Как война за Испанское наследство имела целью сдержать Людовика XIV, его стремления к гегемонии, так и Семилетняя война имела целью отвратить Фридриха II от честолюбивых замыслов, как война 13-го года имеет целью то же стремление Наполеона I. Россия участвовала в Семилетней войне, как будет участвовать потом в войне против Наполеона. Цель одна: подкрепить европейскую коалицию и сдержать государство, которое хотело насилловать другие, которое предано известным завоевательным стремлениям. Роль России в Семилетней войне двойственная, и в обоих отношениях она правильна. Как член европейской системы государств, Россия должна была вооруженной силой остановить государя, который позволяет себе с явным нарушением всех прав нападать на слабых, притеснять побежденных. Это была общая обязанность каждого члена европейской системы государств.

Другая цель была частная. Во многих советах, которые собирала Елизавета до Семилетней войны и во время ее, проводилась также мысль, что Россия не может смотреть равнодушно, когда подле нее таким образом усиливается прусское государство, имевшее короля-честолюбца, который не разбирает средств, чтобы усилиться на счет своих соседей. Россия не могла уступить Пруссии влияния ни в Швеции, ни в Польше, ни в Турции. Уступить Пруссии, дать возможность прусскому королю усилиться — это значило в глазах государственных людей елизаветинского времени подвергнуть страшной опасности прибалтийские области — Лифляндию, Эстляндию, ибо король Прусский стремился приобрести влияние в Швеции (родная его сестра была за шведским королем). Если удастся союз Пруссии со Швецией, тогда, разумеется, завоевания Петра Великого подвергнутся опасности. Фридрих II хлопотал в Польше сместить Августа III, русского союзника; хлопотал в Курляндии сделать герцогом своего брата; послал в Константинополь своих комиссаров для возбуждения

против России. Смотреть равнодушно на то, как будет он завоевывать Саксонию, австрийские области, свергать польского короля, овладевать Курляндией, усиливать влияние в Швеции и подвергать опасности прибалтийские области, было, по мнению государственных людей России, величайшим безрассудством. Нужно было во что бы то ни стало сдержать прусского короля вооруженными средствами. Обстоятельства были благоприятны, против прусского короля составила коалиция, Россия должна была забыть свою вражду к Франции и соединиться с ней и с Австрией, чтобы отдалить от своих границ неминуемую опасность.

Взгляд совершенно правильный, национальный: было общей обязанностью европейских государств не давать слишком усиливаться одной державе на счет другой. Эти оба взгляда совершенно правильные и привели Россию к участию в Семилетней войне. Но я уже сказал, что Россия была мало готова к войне, именно по состоянию ее войска, так как у нее не было искусных полководцев. Устройство войска, содержание его в этой земле требовали чрезвычайных усилий, огромных денежных сумм, а главное — искусства, которого не могли иметь люди, сделавшиеся фельдмаршалами в мирное время, а не на войне. Кроме того, Россия должна была действовать против Пруссии в прусских владениях вместе с союзницей — Австрией. Здесь, как прежде во время турецкой войны при Анне, австрийцы могли чужими руками жар загребать; вследствие чего должны были происходить столкновения между главнокомандующими России и Австрии, отсутствие дружных действий; и это отсутствие дало Фридриху II возможность вести войну шесть лет и выйти если далеко не победителем, то без видимой неудачи, без потери Силезии.

Я не буду разбирать подробностей Семилетней войны, скажу одно, что в первый год, именно 57-й, русская армия под начальством Апраксина вошла в прусские владения и разбила часть армии Фридриха II при Гроссегерсдорфе, но, как известно, не воспользовалась этой победой и должна была отступить, отступить именно вследствие недостатка продовольствия для армии. До сих пор еще существует мнение, довольно сильное, что причиной была какая-то интрига, что Апраксин принужден был отступить, потому что, пользуясь болезнью Елизаветы, люди, которые интриговали в Петербурге, дали приказание отступить. Это совершенно несправедливо. По известиям неоспоримым, по ходу дел, по переписке Апраксина — по всему видно, что он отступил по военным соображениям, ибо на другой год преемник его, Фермор, сделал то же и по тем же причинам. В 58 г. русская армия под руководством Фермора имела страшную битву при Цорндорфе, причем понесла поражение — хотя нельзя сказать, чтобы была побеждена, но урон был страшен. Это равнялось поражению. В третий год — 59-й, русская армия под начальством

Салтыкова разбила Фридриха II при Кунерсдорфе. Тут Фридрих II понес урон. Фридрих пришел в отчаяние и хотел лишиться себя жизни, и если бы австрийцы действовали решительнее, то война кончилась бы. В следующем году русские заняли в одно время Берлин. Действия их были удачны. Но смерть Елизаветы переменяла ход дела. Что касается до результатов Семилетней войны, то Россия достигла, что хотела: Фридрих II был сдержан, государство истощено; и во вторую половину царствования он вследствие Семилетней войны, преимущественно вследствие участия России в войне, не мог предпринять никакого движения. Если приобретал что-нибудь, то только дипломатическим путем, опираясь на Россию. С другой стороны, Семилетняя война имела тот результат, что создала России генералов, которые прославили царствование Екатерины II. Не перечисляя их, достаточно указать на Румянцева, Суворова, которые воспитались в Семилетней войне, как в школе.

ЛЕКЦИЯ 43

Я нарочно довольно долго остановился на царствовании Елизаветы Петровны, и, конечно, вы поняли причины, почему это я делал. В каком еще младенческом состоянии находится наука русской истории, как еще многие и многие поражаются блестящими явлениями и не вникают в связь явлений.

Вот почему и царствование Елизаветы Петровны остается в тени, тогда как ему должно принадлежать чрезвычайно видное место. И действительно, в это время, протекшее от смерти Петра до вступления Елизаветы Петровны, должно было обнаружиться, основательны ли были те зловещие предвещения, что без Петра дело в России пойдет назад, что Россия воротится к старому быту и русские сделаются азиатским народом? Эти предвещения, несмотря на то что все обстоятельства были чрезвычайно неблагоприятны для нашего народа, не сбылись; несмотря на все препятствия, смуты, Россия удержалась на том месте, которое было дано ей Петром Великим; но все же смуты были, все же были явления, препятствовавшие правильному развитию народной жизни. В царствование Елизаветы Петровны все эти смуты были отстранены и движение, данное Петром, пошло правильным образом. Не было уже той ожесточенной борьбы между старым и новым, борьбы, которая необходимо должна была существовать в эпоху преобразования. То общество, которое выставляло прежде если не действительную, то страдательную оппозицию новому, привыкло теперь к этому новому, привыкло к необходимости этого нового. Всеми результатами, добытыми в эпоху преобразования, умели воспользоваться в царствование Елизаветы Петровны. Относительно внутренних дел, как говорили со-

временники, царствование Елизаветы считалось чрезвычайно счастливым временем. В это время, именно в царствование Елизаветы, были приготовлены те внутренние средства, те средства духовного развития, результаты которых явились, и довольно блестящим образом, в царствование Екатерины II. Вы помните, что тут, в царствование Елизаветы Петровны, явился русский язык, русская литература; тут, в это царствование, вы видите все эти явления, которые обозначают движение мысли народной. Царствование Екатерины было только дальнейшим развитием того, что не только явилось, но и утвердилось при Елизавете Петровне. Тут русская мысль вошла в ту колею, в которой тогда вращалась и шла общеевропейская мысль. Вкус, так сказать, к образованию — не сознание необходимости преобразования с чернорабочей стороны, грубой полезности его, как было до Елизаветы, но вкус к преобразованию как необходимой потребности человека, — этот вкус явился при Елизавете; и все, что мы видим хорошего в этом отношении при Екатерине II, было развито при Елизавете. Но царствование Елизаветы столько же важно относительно внешней истории, сколько важно и относительно внутренней.

С военной точки зрения указывают на Семилетнюю войну как войну очень печальную, войну, не очень славную для русского оружия, русского искусства. Указывают, что полководцы были недаровиты, что они не умели пользоваться плодами своих побед. Но если мы вникнем повнимательнее в дело, увидим, однако ж, что Семилетняя война была школой, в которой воспитались знаменитые полководцы екатерининского времени. Действительно, старые главнокомандующие не отличались блестящими способностями, благодаря тому что при Анне Иоанновне, при Минихе русские были отстранены с первых мест, которые были заняты немцами. Но, несмотря на это, правительство умело выдержать войну. Несмотря на то, что война затянулась, что Россия была все еще государством бедным, что для нее все же было чрезвычайно тяжело вести войну за границей, правительство выдержало эту трудную войну до конца, и благодаря этой выдержке Фридрих II доведен был до печального положения. Только благодаря России во время Семилетней войны Фридрих был сдержан; у него была отбита охота нападать на соседей, и эта охота, конечно, продолжалась бы, если бы Россия не приняла участия в Семилетней войне. Итак, благодаря России Фридрих был сдержан и Пруссия остановлена в своем развитии. Фридрих II убедился, что пред Россией нужно преклониться, и не оружием, а дипломатическими сношениями, угодливостью пред Россией старался он теперь выгадать что-нибудь для своего государства. Австрия и Франция вышли из Семилетней войны одинаково истощенными; следовательно, на континенте Европы

не было ни одного государства, сильного и могущего брать на себя инициативу военных предприятий, могущего соперничать с Россией. Одна Россия вышла из Семилетней войны сильной, более могущественной, чем прежде; одна Россия показала Европе свое настоящее могущество, не зависевшее от личности государя, от каких-нибудь случайных обстоятельств. Россия явилась могущественной сама по себе. Действительно, никогда еще Россия не была в таком счастливом, выгодном положении в Европе, как по окончании Семилетней войны, и это выгодное положение было достигнуто ее деятельным участием и выдержкой в Семилетней войне.

Семилетней войной, участием в ней Елизавета приготовила все те средства играть России главную роль в XVIII в., которую Россия заиграла при Екатерине II. Мы не станем отнимать славы у Екатерины II, что она умела воспользоваться средствами, ею полученными, но не следует забывать, что эти средства были приготовлены в предшествовавшее царствование Елизаветы Петровны. Это другое дело, чем Петр Великий. Петр Великий создал свои средства. Тут нужна оговорка. Я указал, что Петр Великий умел понять средства своего народа, был силен верой в свой народ — это правда; но все же материальные средства, положение государства относительно других государств были созданы Петром, в чем и состоит его бесконечная слава. Положение Екатерины II было иное. У нее нельзя отнять больших способностей понимать свое положение, понимать свои средства; но эти средства ей были даны, их не снова приходилось создавать, и в этом отношении мы видим тесную связь ее царствования с царствованием предшествовавшим — царствованием Елизаветы Петровны. Вот почему царствование Екатерины II не может быть понято без царствования Елизаветы, и вот почему царствование последней должно иметь такое видное место в нашей истории.

Между царствованием Елизаветы и Екатерины II находится еще одно печальное царствование, продолжавшееся только несколько месяцев, — царствование Петра III. Судьба этого государя чрезвычайно поразительна. На слабую голову его была наложена слишком тяжелая корона, да и не одна. По какой-то насмешке судьбы этому государю предназначалось необыкновенное величие, необыкновенная сила и могущество, которое очень редко достается на долю историческим лицам; но личные средства его были совершенно не в уровень с тем, что для него приготовила история, что приготовила судьба. Это был потомок, наследник двух знаменитостей; это был наследник двух соперников, которые так долго наполняли мир своими именами, — Петра Великого и Карла XII. Как родной внук Петра Великого, он был наследник русского престола, как племянник Карла XII, он был

наследник шведского престола, прирожденный же он был герцог Голштинский. Но он по своей природе мелкой юридически отказался от шведской короны, чтобы владеть русской; нравственно отказался он от обеих этих сильных корон, чтобы быть маленьким немецким князьком — герцогом Голштинским. По призванию он мог вращаться только в узенькой сфере в маленьком немецком владении. Он был слаб и физически: он вытерпел сильные болезни.

Воспитание его в Голштинии было очень дурно; когда он приехал в Россию, ему уже трудно было поправить то, что было испорчено в Голштинии, и он остался навсегда существом недоразвившимся. Хотя он был совершенно взрослым человеком, в нем беспрестанно проступали эти черты младенчества: страсть к мелочам, страсть к играм. Он был не способен ни к какой серьезной мысли, особенно не способен долго останавливаться на какой-нибудь серьезной мысли, серьезном деле. Он был человек добрый, как говорят, благонамеренный; он был не способен никому делать зло, он был готов, но только по чужому прошению всякому сделать добро; но, повторяю, он не останавливался ни на какой мысли — ни о добре, ни о зле. Все это было мимолетно — как проявление его гнева, так и какое-нибудь доброе дело, внушенное ему другими людьми, другими волями. Что у него было сильно и крепко, так это капризы, младенческие пристрастия, младенческие упрямства. Изумительно было видеть, как этот взрослый младенец пренебрегал самыми главными своими интересами, как он нисколько не понимал своего положения, как приехал в Россию и жил здесь, оставаясь при своих мелких обязанностях немецкого князька. К этим капризным привязанностям принадлежала самая печальная привязанность к Фридриху II Прусскому. Оставаясь в России со всеми своими немецкими привязанностями, он боготворил прусского короля, считая себя немцем; он преклонялся пред этой крупной немецкой славой Фридриха II. Считая себя нравственно вассалом этого немецкого героя, он с каким-то самодовольствием унижался перед ним, жертвовал русскими интересами в пользу Фридриха II. Мелкость доходила до наслаждения самоуничтожения, до наслаждения рабством пред этим нравственным идеалом, который он себе создал.

Как нарочно, судьба соединила Петра тоже с немецкой принцессой, наследницей мелкого княжества, принцессой Ангальт-Цербстской Августой, которая известна под знаменитым именем Екатерины Алексеевны, Екатерины II. С самого начала неравенство характера мужа и жены, великого князя и великой княгини, как называли их в России, обозначилось довольно резко; с самого же начала все признали, что будущность России в руках этой женщины, а не в руках того странного существа, которое называлось наследником престола.

Екатерина поняла свое положение, поняла, что она будет как женщина, жена одинока, но чрезвычайно сильная натура ее требовала деятельности, требовала высшей задачи для этой деятельности, и эта задача была — власть.

Как другие поняли в Екатерине будущую императрицу, так она сама поняла в себе это. В то время как слабый муж ее занимался пустяками, строил крепости из хлеба и вешал мышей за то, что они подъедали эти крепости; в то время как этот молодой муж по ночам, чтоб другие не видали, играл в куклы, молодая жена читала все, что можно было достать, и с лучшими русскими людьми вошла в колею этой общеевропейской мысли, которая тогда выражалась во французской литературе, занимавшей тогда первенство. Это чтение и вместе наблюдение над окружающим, это одиночество Екатерины в центре кипучей жизни, кипучей деятельности интриг, борьбы партий, ведшейся мирным образом, борьбы, от которой зависела будущность не только России, но всей Европы, — это наблюдение было могущественным развитием способностей Екатерины, которая была внимательна от природы, чрезвычайно сильной. Тут не было односторонней кабинетной деятельности, хотя каждую минуту, свободную от дворцовой деятельности, она посвящала чтению. Молодая женщина не увлекалась мечтами. Действительность не позволяла ей впасть в односторонность, в которую она могла бы впасть, если бы ограничилась одним только чтением, пребыванием в мире идей. Таким образом, Екатерина во все продолжение царствования Елизаветы, пока была женой наследника, великой княгиней, образовывалась и получила превосходное образование именно вследствие этих двух сторон деятельности, из которых каждая не давала исключительно господствовать другой. По своему значению и ничтожеству мужа Екатерина с первого времени должна была принимать деятельное участие в борьбе партий, изучать характеры, всякие пружины и этим самым приобрести средства действовать ловко, осторожно, искусно. И вот такая-то женщина после кратковременного несчастного царствования мужа своего вышла на русский престол; такая сила дана была России в лице императрицы именно в то время, когда Европа не могла выставить против этой силы другой равной, ибо Фридрих II уже старел, а главное был смят, так сказать, опытом житейской мудрости. Семилетняя война, несмотря на то что он успел удержать Силезию, страшно разорила его государство, которое должно было теперь долго и долго отдыхать. Поэтому он не мог предпринять ничего важного и поневоле сознательно — что было очень тяжело для него — должен был искать у нас дружбы Екатерины II, должен был держаться за ее порфиру, чтобы сделать что-нибудь для себя, для своей Пруссии.

В Австрии тоже явился молодой, по-видимому, энергический император Иосиф II, но это был человек претензий, а не насто-

ящих достоинств и способностей. Слава Фридриха II и Екатерины II не давала ему заснуть; он хотел быть третьим подле них и также вошел в ту колею, которой они шли в своих действиях. Но ему далеко было и до Екатерины II, и до Фридриха II. Отсюда вся его деятельность была какой-то громадной претензией на что-то великое, и все это было карточный домик, все это быстро рушится. Что он ни затевал, не приводилось к желанному концу, хотя, по-видимому, все было благоприятно к тому. Но пестрота и слабость Австрийского государства вовсе не давали Иосифу II тех средств, которые имела Россия, Пруссия и Франция. Фридрих II, несмотря на свои блестящие способности, был сломлен Семилетней войной; Иосиф II не был способен ни по собственным средствам, ни по средствам своего государства совершить что-либо важное и идти наперекор России. Франция тоже была истощена Семилетней войной, континентальной и морской вместе. Франция в конце жизни Людовика XV и при Людовике XVI была бессильна, была в том болезненном состоянии, обнаруживала признаки той страшной болезни, которая разразилась этой страшной революцией 1789 года. Следовательно, три самые могущественные государства в Европе — Пруссия, Австрия и Франция — были бессильны. Англия по своему одностороннему положению и интересам не могла играть никакой важной роли на континенте. Оставалась одна Россия. России, следовательно, можно было беспрепятственно делать все, что она хотела. А Россия при таком благоприятном положении в лице императрицы своей, Екатерины II, получила дополнение, важную в самодержавном государстве силу — чрезвычайно умную правительницу, умевшую пользоваться своими средствами и умевшую не упустить ни одного благоприятного обстоятельства.

Так вот те условия, которые произвели это блестящее царствование Екатерины II: чрезвычайно благоприятные обстоятельства внешние; и правительница, императрица, одним словом, правительство, которое умело пользоваться этими благоприятными обстоятельствами. Если бы императрица Елизавета прожила еще год, то Семилетняя война должна была кончиться, и кончиться не так, как она кончилась.

ЛЕКЦИЯ 44

Обыкновенно повторяется фраза в учебниках про XVIII в., что смерть Елизаветы спасла Фридриха II; и это совершенно справедливо. Как я сказал в конце прошедшего часа, если бы императрица Елизавета прожила еще год, то Семилетняя война кончилась бы в этом году, и кончилась иначе. Фридрих II был истощен и не мог бы продолжать войны; Англия отказала ему в помощи, и он должен бы был согласиться на условия, которые

предлагали ему союзники — Россия, Австрия и Франция; но, к необыкновенному счастью Фридриха II, Елизавета скончалась в конце 61-го года (в декабре) и на престол взошел Петр III, поклонник Фридриха II. Петр сейчас же дал резкий поворот делу: он не только заключил мир с Пруссией, но даже союз, следовательно, перевернул совершенно дело. При Елизавете Петровне положено было занять Восточную Пруссию, где столица Кенигсберг, и оставить эту столицу навсегда за собой; это дало бы России большее обеспечение относительно прибалтийских областей, ибо опасались видов Фридриха II на эти прибалтийские области, в особенности на Курляндию, которая хотя была под властью Польши, а не России, но Россия пользовалась большим влиянием на нее и сама имела на нее виды. Но когда был заключен мир, то уже, конечно, не было помину взять что-либо у Пруссии. Через несколько времени, когда дело еще не было окончено, на престол вступает Екатерина II. Каким же образом посмотрело новое правительство на эти европейские отношения? Поправить дело было уже нельзя, и Екатерина осталась при мире с Пруссией, но не согласилась на союз и прекратила приготовления к той бессмысленной войне, которую затевал было Петр III с Данией из чисто голштинских интересов.

Во-первых, Екатерина рассчитывала выиграть несколько лет спокойствия для внутренних дел, — спокойствия, которое она считала необходимым, как ей казалось, чрезвычайно полезным для России, — оставить дело именно так, как было. Все государства на континенте были истощены: и Пруссия, и Франция, и Австрия, а для России решительно не было никакого интереса ослабить какое-нибудь из этих государств окончательно, чрез что поднять естественно и возбудить враждебное настроение Фридриха II, который был более неопасен, был теперь вконец ослаблен; добывать, так сказать, его возобновлением прежнего елизаветинского союза казалось и неблагоприятным, и несогласным с русскими интересами, ибо, добивши Фридриха II, этим самым подняли бы Австрию; но в интересах России вовсе не было поднимать какую-нибудь державу в ущерб остальным. Вот почему Екатерина II решила оставить внешние отношения так, как она застала их при своем вступлении на престол: быть в мире со всеми и ни с кем в союзе. Союз требовался только тогда, когда одно государство усиливалось на счет другого, тогда нужно было заключать союз с этими другими, чтоб сдерживать захваты первого. Но теперь этого ничего не было. Все континентальные государства были одинаково слабы.

Далее. Россия могла бы вступить в союз с каким-нибудь государством только для своих целей, она могла вступить только с таким государством, которое хотело бы соответствовать выгодам России в том или другом отношении. Как мы видели, при

начале Семилетней войны Европа представляла два лагеря, два союза: союз северный — протестантский и союз южный — католический (то есть Западная Европа). В Семилетней войне по известным побуждениям — сдержать Фридриха II — Россия пристала к католическому, где главными членами были Австрия и Франция. И по окончании Семилетней войны эти союзы остались — северный (Пруссия и Англия) и южный (Австрия и Франция); но Россия при вступлении на престол Екатерины отказалась от союза и северного, и южного и могла вступить в союз с Севером и Югом только по известным особым обстоятельствам и вступать в союз там, где интересы России были бы затронуты относительно того или другого вопроса. А эти вопросы явились, то вечные вопросы нашей истории — польский и турецкий, или Восточный. Теперь предстоял вопрос польский.

Польский король Август III, бывший вместе и курфюрстом Саксонским, давно уже умирал, кончины его ждали, и, разумеется, для Восточной Европы, да и не для одной Восточной Европы, предстоял очень важный вопрос: кто будет преемником Августа III при избирательности польского престола? Разумеется, Саксония считала свои права уже как бы наследственными относительно Польши. Два курфюрста Саксонских — Август II и Август III, отец и сын, были один за другим польскими королями. Интересы Австрии также клонились к тому, чтобы Саксонский дом продолжал царствовать в Польше. Интересы Пруссии были противоположны, как и всегда, относительно Австрии. Австрия видела в Пруссии опасного, заклятого врага и постоянно искала, чтобы опереться в Германии на другие государства против Пруссии; всего естественней ей было искать саксонского союза и потому желать, чтобы курфюрст Саксонский был вместе и королем Польским. Но каковы же были русские интересы? В Петербурге признали согласным с русскими интересами, чтобы Польша освободилась от всяких связей с иностранными государствами, чтобы не брала она себе короля из иностранных принцев, особенно значительных, чтобы королем был кто-нибудь из природных поляков, который бы не опирался на иностранную силу и по посторонним побуждениям не искал бы союза здесь и там по углам Европы. Выбор Екатерины уже был определен: королем Польским должен быть кто-нибудь из так называемой русской партии в Польше, главами этой партии были Чарторыйские. Теперь по, русским видам, должен быть королем или кто-нибудь из Чарторыйских, или племянник их, Станислав Понятовский. Вот кто, по видам Екатерины, должен быть польским королем по смерти Августа. Зная, что Австрия будет поддерживать саксонскую кандидатуру, Россия должна была искать себе союзников в других государствах. Фридрих II Прусский воспользовался этим, и, чтобы подняться с помощью России, иметь в России себе

подмогу против враждебной Австрии, Фридрих предложил самое усердное содействие к проведению планов русского двора. Отсюда естественно необходимо Россия отвлекалась к Северному союзу, или, как тогда говорили, к Северному концерту. Этот Северный союз — дружба с Пруссией по единству интересов относительно Польши — знаменует первую треть внешней политики Екатерины II. Политику эту по влиянию на нее известных деятелей того времени можно назвать Орловско-Панинской политикой.

Россия в это время стояла на стороне Северного союза, Северного концерта, по единству прусско-русских интересов относительно Польши. Эту политику Северного союза проводил фаворит Екатерины Орлов (Григорий) и преимущественно граф Никита Иванович Панин, почему и политику эту можно назвать Орловско-Панинской. Отношения переменились, когда впоследствии Восточный вопрос выступил на первый план. Заслуга Екатерины именно состояла в том, что она не стеснялась никакой заранее выработанной и считавшейся необходимой системой политики, зная свободное отношение России к Западной Европе, ибо там, на Западе Европы, была блоковая система политики, а Россия пришла после и могла свободно относиться к этой системе. Екатерина II меняла свою политическую систему согласно с обстоятельствами, выгодами России. Когда выгодно было России примыкать к Северному союзу по делам польским, Екатерина оставалась при Северном союзе, но, как только отношения переменились и на первый план стал Восточный, или турецкий вопрос, когда нужно было сблизиться с Австрией, чтобы иметь в ней не соперницу, а помощницу в предстоящем вопросе, политика переменялась: Россия пристала к Южному союзу, соединилась с Австрией; как и здесь главными деятелями были два лица: с одной стороны, знаменитый Потемкин, а с другой стороны, знаменитый дипломат Безбородко, то эту систему политики можно назвать Потемкинско-Безбородской. Наконец, третья и последнее время царствования Екатерины ознаменовывается господством опять польских отношений, здесь снова видим сближение России с Пруссией, и эта политика опять именуется двумя именами: именем графа Зубова и дипломата графа Маркова и может быть названа Зубовско-Марковской. В царствование Екатерины II, в ее этой блестящей политической деятельности, в этом господстве в Европе мы замечаем три перехода, которые можно назвать по главным деятелям каждый двойным именем: 1. Орловско-Панинским, 2. Потемкинско-Безбородским, 3. Зубовско-Марковским.

Итак, вы видите, что характеристическая черта царствования Екатерины II состоит именно в том, что вся внешняя политика вращалась около двух столь близких России вопросов: польского

и Восточного (или турецкого). XVIII век был знаменит в России царствованием Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II, и внешняя политика всех трех царствований различна. Во внешней политике Петра Великого главный вопрос был шведский, ибо на первом плане была борьба за море, за новое начало народной жизни. В царствование Елизаветы Петровны главная борьба — Семилетняя война — имела совершенно другой, по-видимому, не национальный русский характер. По-видимому, собственно русские интересы не были затронуты в этой европейской борьбе — Семилетней войне, но тут Россия действовала именно в своем европейском значении; как один из главных членов европейской системы государств, считала она своею обязанностью охранять политическое равновесие, не давать ни одной державе получить гегемонию, преимущество пред другой. Но в Семилетней войне кроме того общеевропейского интереса был затронут и русский, ибо Пруссия, стремившаяся усилиться на счет других, была соседней державой с Россией и беспрестанно возбуждала опасения в России относительно самых близких интересов ее. Царствование Екатерины II отличается политикой, которая сосредоточивается на вопросе польском и Восточном, или турецком. Вот почему и кажется, что в царствование Екатерины проводилась преимущественно национальная русская политика, что в царствование Екатерины преимущественно имелись в виду национальные русские интересы. Вот почему и слышались часто возражения против политиков Елизаветы Петровны, против Семилетней войны и говорили, что война эта предпринята была по личному капризу, по личному нерасположению Елизаветы Петровны к Фридриху II; тогда как внимательное изучение русской истории показывает нам всю важность этого участия России в Семилетней войне. Не прими Россия участия в этой войне, и блестящая национальная политика Екатерины не могла бы существовать, ибо эта политика могла существовать только вследствие того, что Пруссия была ослаблена в Семилетней войне именно участием России в этой войне. Елизавета Петровна участием в Семилетней войне обеспечила для Екатерины II возможность действовать согласно с русскими интересами в польском и Восточном, или турецком, вопросах, ибо не было никого опасного для России. Останься Фридрих II в своей силе, тогда эта политика Екатерины была невозможна. Итак, повторяю, что эта национальная политика Екатерины II, сосредоточенная на этих важных вопросах — польском и Восточном, имевшая такие важные результаты — присоединение областей, которые принадлежали Польше: Литвы с одной стороны, присоединение Крыма с другой, — все эти важные результаты были в связи с предшествовавшей политикой Елизаветы.

Так в истории все тесно связано, и, чтобы понять что-нибудь, необходимо знать все предшествовавшее. Все ошибки в истории,

в понимании жизни народа происходят оттого, если явление берут отрывочно, вырывают его из общей связи.

По недостатку времени, так как это последняя лекция, я не могу входить в подробности относительно решения вопросов Польши и Восточного, или турецкого, при Екатерине II. Я считаю задачу выполненной, если я указал на эту тесную связь между тремя важными царствованиями в XVIII веке,—Петра, Елизаветы и Екатерины, если в сознании не будет разрываться связь между первой и второй половинами XVIII века. Эта связь восстановлена по возможности подробным изложением внутренней и внешней деятельности Елизаветы. Елизавета совершенно объясняет Екатерину II.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЧТЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИИ *

ЧТЕНИЕ I

О том, откуда пошла Русская земля и кто были в ней первые князья

По двум частям света, по Европе и Азии, идут русские земли: в Европе они занимают почти всю восточную ее часть, и вы видите, как все остальные государства европейские, даже иные большие, например Франция, Германская империя, Австрийская империя, невелики в сравнении с Россией; в Азии она занимает всю северную ее часть; кроме того, русские владения находятся и в Средней Азии, и на Кавказе; и здесь, в Азии, самые большие государства, даже обширная Китайская империя, меньше азиатской части России. Некоторые европейские государства имеют большие владения в других частях света, например Англия владеет в Азии Индией, но эти владения находятся далеко за океанами, и населены они чужими народами, непохожими на англичан ни верой, ни языком, ни обычаями; тогда как русские владения идут сплошь, без перерыва, и населены они, кроме некоторых мест по краям, сплошь одним русским народом. Не только теперь, и в прежнее время не бывало никогда такого большого государства, как Россия: велика была в старину Римская империя, но и та была меньше Российской империи.

Если же мы теперь посмотрим, как населена Россия сравнительно с другими государствами, то найдем, что Россия населена гораздо меньше, чем другие страны. Китайская империя, например, меньше русской, и немалым: в Китайской считается 192 с чем-нибудь тысячи квадратных миль, а в России 319 с лишком тысяч таких миль, тогда как народу в России — 85 миллионов, а в Китае — 475 миллионов. И в Европе многие государства гораздо гуще населены, чем Россия. Когда очень много народу в стране — нехорошо, нечем кормиться, принуждены идти за хлебом в чужие страны, тысячами выселяться за море. Но когда в большой стране очень мало народу, тоже нехорошо: большую страну надобно защищать большим войском, а где взять людей? Большое войско надобно содержать, а где денег взять? Рабочих

* Текст Чтений написан С. М. Соловьевым по заказу совета Императорского общества любителей естествознания

рук мало, и промыслы нейдут как следует. И теперь в России жителей не много в сравнении с пространством страны, а взять лет триста назад — было еще меньше, пятьсот лет — еще меньше, что же было, если взять восемьсот, тысячу лет? Разумеется, прежде Россия была меньше, чем теперь, но все же с самого начала была велика, а жителей очень мало; враги со всех сторон, а границы открыты, нет гор, которые бы окружали страну и защищали ее, надобно жителям защищаться грудью, нападет неприятель нечаянно, осилит, одно убежище — в лесах; у других народов, у немцев и французов, англичан, итальянцев, испанцев, — горы, можно построить крепость на высоком, неприступном месте, крепость каменную, камня много в горах; а у нас гор нет, камня мало, дома деревянные и крепости, города были огорожены деревянными стенами, чуть искра в сухое летнее время — и нет половины города, а иногда и целого. Тяжело было нашим предкам, тяжелее, чем другим народам, потом и кровью полили они свою землю, много бед вытерпели

Русский народ принадлежит к славянскому племени; много других народов принадлежат к этому же большому племени, но из них теперь независим, имеет свое государство только русский народ да черногорцы, которые в своей маленькой гористой стране успели отстоять свою независимость. Из других славянских народов поляки живут под русской властью, но часть их принадлежит Пруссии и Австрии. Много славян в Австрийской и Турецкой империях: в Австрийской — чехи, моравы, словаки, словенцы, хорваты, сербы; другие сербы имеют своего князя, но признают власть султана турецкого; под турецкой же властью живут болгары

Сначала славянское племя жило по реке Дунаю, в странах богатых, плодородных, но долго оно не могло жить покойно, со всех сторон нападали на него другие племена, что заставило многих славян двинуться на север и на восток: тут-то они заселили и страну, которая теперь называется Россией, сначала заняли западную ее часть, по рекам Днепру, Оке, Западной Двине, рекам, в них впадающим, и дальше на север, по реке Волхову. Усевшись здесь, они прозвались разными именами, одни от мест, где жили, например поляне от поля, древляне от дерев или леса, другие от имен родоначальников своих, например родимичи, вятичи; но одного общего имени у них не было, потому что они не составляли одного народа, не имели одного общего правительства. Страна была большая и пустая, тесниться в одном месте не было нужды, и славяне разбросались на обширных пространствах. Каждый жил отдельно с детьми, младшими братьями и племянниками и управлял всем этим родом своим; размножится род, укрепит свое жилище, обнесет тыном, деревянную стеной, и явится город, то есть огороженное место. Случалось, что эти роды

сталкивались друг с другом, вели войны, но больше страдали от внешних врагов, особенно те, которые жили к юго-востоку, по нижним частям Днепра и рекам, впадающим в него здесь. В Южной России, которая и теперь рознится от северной тем, что представляет степное пространство, тогда как северная покрыта лесом,— в Южной России с незапамятных пор шатались кочевые народы, похожие на нынешних калмыков и киргизов. Приходили они большими толпами из Азии и надолго оставались в нынешней России, по Волге, по Дону, по берегам Черного моря, нападали друг на друга, покоряли, выталкивали друг друга, двигались дальше на запад. Славянам приходилось от них очень тяжело; славяне были слабы, потому что жили разбросанно на больших пространствах, вдалеке друг от друга; нападут враги врасплох, большими толпами и заберут их поодиночке, собираться вместе некогда, да и непривычно, общих начальников не было, больших городов не было. Всего легче было для славян, когда эти хищные орды придут, наложат дань и уйдут, а потом в известные сроки присылают собирать эту дань, которая обыкновенно состояла в мехах.

На севере славяне жили также подле иноплеменников, финнов (чухонцев); так, славяне жили около озера Ильменя, а около Белоозера жил финский народ, называвшийся весью. От финнов славяне не терпели нападений, но у них тут были другие враги. Недалеко было море Балтийское, а по этому морю плавали удальцы, богатыри из всех прибрежных стран под начальством самых храбрых из них, князей или морских королей; у них не спрашивалось, откуда кто приходил, какого был племени, славянин или немец, был бы только храбр, как потом было у наших козаков,—всякого принимали; но преимущественно дружины этих морских богатырей составлялись из жителей Скандинавии, то есть из шведов, норвежцев, датчан. Эти морские богатыри были знамениты по всей Европе: все приморские жители их сильно боялись: войдут на своих легких лодках в устье какой-нибудь большой реки—беда прибрежной стране, все опустошат. Звали этих морских богатырей варягами, а у наших славян слыли они под именем руси.

Такие-то морские богатыри, варяги, были страшны и нашим славянам, и соседям их финнам, которые жили недалеко от моря; проход варягам к славянам был легок: в Финский залив, откуда в Неву, в Ладожское озеро и в Волхов, по которому жили славяне, где у них и был город—Новгород. Варягов манило здесь то, что им водою, с небольшим волоком, можно было перебраться в Днепр, Днепром— в Черное море, а Черным морем— в Грецию. Где теперь Турция, там была Восточная Римская, или Греческая, империя, столицей у нее был Константинополь, или Царьград; тут варяги при случае пограбят, а то наймутся

служить в гвардии у греческого императора. Вообще всем этим северным жителям нравились южные теплые страны, где природа была богаче; особенно привлекала их Греция, Царьград, где они видели наяву никогда и не снившиеся им чудеса, огромный город, самый красивый в мире, наполненный богатыми домами, великолепными церквями, дворцами, памятниками, сделанными так искусно; император, окруженный пышным двором, патриарх слушит обедню у св. Софии, певчие поют так хорошо: человек стоит и думает, что он на небесах; а на севере ничего такого не было: жили люди в маленьких избушках, ходили в нагольных тулупах. И вот варяги не прочь были поселиться у наших славян на Волкове, чтобы оттуда легче было перебраться на Днепр и спуститься по нему в Черное море. Варяги покорили северных славян и соседей их финнов и стали жить у них, т. е. владеть; славянам не понравилось это незваное властвование: они собрались и прогнали варягов. Но потом никак не могли уладиться, и начались у них междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо». Не найдя между собою такого человека, который бы разбирал все дела одинаково, не был ни на чьей стороне и которого бы все слушались, отправили послов за море, к морским богатырям, варягам, к их предводителям, троим братьям-князьям — Рюрику, Синеусу и Трувору. Послы им сказали: «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, ступайте княжить и владеть нами». Рюрик с братьями согласился и пришли: Рюрик сел у славян в Новгороде, Синеус — у финнов на Белоозере, Трувор — у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в Изборске: от них-то и прозвалась Русская земля. Это было в 862 году по Р. Х.

Здесь, следовательно, на севере, в Новгороде, началась Русская земля, началось Русское государство. В наше время, в 1862 году, исполнилось этому тысяча лет и по приказанию государя императора воздвигнут был в Новгороде памятник: на большом шаре представлена в виде женщины Россия, которую ангел Божий благословляет крестом. Кругом стоят самые знаменитые русские князья и цари, каждый с своим делом, которое он совершил для блага России; внизу, вокруг всего памятника, представлены знаменитые русские люди, потрудившиеся разными делами для родной земли. А мы теперь словом пройдем тысячу лет, вспомним, что сделали для России, для нас эти князья и цари и знаменитые люди, какие беды и напасти терпели и как спасал их Бог, как Русское государство из такого малого начала, как оно было в Новгороде при Рюрике, выросло так велико, что подобного нет да и не было на Земле. Рост был тяжел, все надобно было начинать сначала, помощи мало, а препятствий много. Первый князь Рюрик прожил всю жизнь на севере; только и оста-

лось об нем известие, что строил города и рассылал вельмож своих строить их. Эти города, или маленькие крепости, были деревянные, с деревянными стенами, и потому тогда говорили: рубить город вместо строить город.

Князь привел с собой дружину, толпу храбрых людей, которые постоянно жили с ним. Пойдут на войну, встретятся с неприятелем, князь впереди, начинает сражение, кто храбрее, тот ближе к князю, да и все стараются не отстать от князя, не выдать его: стыд и срам, если князя убьют или в плен возьмут, а дружина цела останется. Как только явился князь с дружиною среди славян, так и из них пошли к нему в дружину люди храбрые, у которых, как говорит старинная песня, «силушка по жилочкам переливалась, и грузно было от силушки, словно от тяжкого бремени». До сих пор нечего было им делать, пропадала их сила, а теперь потянулись они в княжескую дружину; князь принимал их радушно, место каждому и почет по храбрости. До тех пор жили отдельно большими семьями, или родами, вся родня вместе, не делясь, под управлением старшего, и место было каждому, честь по старшинству только; теперь, когда явился князь с дружиною, пошел дележ в народе: сильные, храбрые, по-тогдашнему, лучшие люди пошли в дружину, народ разделился на дружину, или войско, и на людей, которые остались жить на старых местах, при прежних занятиях земледельческих. Князь живет с дружиною в одном городе, строит другие города, где понужнее для безопасности страны, и посылает в эти города отряды дружины, приставив к ней начальников, кто похрабрее и поразумнее. Дружина, войско, ходит в поход с князем, защищает страну, сторожит города. Дружина работать, землю пахать, платье и сапоги себе шить не может; ее должны кормить, содержать другие, которые живут за нею в мире, за которых она сражается. Остальной народ поэтому должен давать дань князю, а князь на эту дань содержать дружину. Сначала князь с дружиною сам ходит за данью, причем жители представляют ему жалобы, он их судит, и виновные платят ему пеню.

В городах сидит дружина и бережет их; но когда придет весть, что неприятель приближается, то весь сельский народ бежит в город со всем своим имуществом, чтобы найти себе защиту за стенами, тогда как дружина или пойдет навстречу врагу, или станет отбиваться в городе, отсиживаться в нем. Но в мирное время под стенами города начинает селиться народ: это промышленные, ремесленные люди. Дружина сама не может себе ни оружия выделывать, ни платья или обуви сшить, и вот людям, умеющим все это сделать, выгодно жить подле дружины и работать на нее, кормиться от нее. Как скоро явились промыслы, как скоро явились люди, которые занимаются каким-нибудь одним делом, то является и торговля, ибо, если кто кует оружие или

шьет платье, тому уже некогда землю пахать, хлеб он должен покупать у другого, у сельского жителя, да ему некогда и ехать к земледельцу для покупки хлеба; и вот являются люди, которые тем только и занимаются, что купят у одного да продадут другому,— люди торговые, купцы; они разъезжают по разным местам, покупают дешево там, где чего-нибудь много, и продают подороже там, где в этих вещах нуждаются, берут барыш за свой труд и за опасность, которой подвергаются. Им также выгодно иметь свои дома подле городов, главный сбыт у них товаров— дружине и промышленным людям, которые сидят, занимаются одним каким-нибудь делом, а все нужное себе покупают, притом у купцов и товар, и деньги, им нужно жить там, где побезопаснее. Таким образом, место под стенами города, или крепости, заселяется все больше и больше, садятся тут люди промышленные и торговые, и место потому называется посадом, а жители его посадскими людьми. Разбогатеют эти посадские люди, захотят и свой посад огородить также стенами, и выходит город двойной; под этими новыми стенами опять селятся новые жители, разбогатеют, огородят и свои жилища стеною, и выйдет город тройной: внутренний город, или главная крепость, где живет князь или вельможа его с дружиною, да около него еще два, где живут промышленные и торговые люди. Так образовалась и Москва: в середине— главный город, или крепость, Кремль; подле— другой город— Китай, за ним— Белый город, который также был прежде обнесен стенами, затем еще Земляной город, который имел земляные укрепления.

Как только стали появляться среди наших северных славян князья с дружиною, так и пошло это разделение занятий. Кто был силен и храбр, тот пошел в дружину; у кого были способности на какое-нибудь ремесло, кто был смышлен в торговом деле— пошел в город, посад, промышлять своим делом. В городе стали собираться, таким образом, самые видные люди; тут жизнь пошла сильнее; тут новые, разные люди, новые, разные вещи, новые, разные речи людские, новые, разные обычаи; здесь народ способный, деятельный, бывалый, могут порассказать много любопытного, как живет в других странах, у других народов, порассказать, что с ними самими случилось диковинного, посудить и порядить. Город поднимается; тут сила и власть, тут или сам князь, или его вельможа с дружиною, тут лучшие люди, тут и богатство, хотя вначале и небольшое, но все же больше, чем в селе; а село живет по-прежнему, каждый день одно и то же, те же люди, те же предметы, те же однообразные занятия, лучшие люди уходят в город, и сельский народ начинает смотреть на город как на место высшее, главное, от которого он, сельский народ, зависит: оттуда приходят к нему за данью, оттуда идут суд и расправа. Что бы ни случилось, ни предста-

вилось важного, и в уме сейчас город; и вот разбросанный, живший прежде отдельными большими семьями, или родами, народ начал стягиваться около города, привывать к мысли, что между всеми есть общая связь. Ближний город получил такое важное значение, но ближний город сам зависит от другого, где живет князь, и все города со своими окрестными странами стягиваются около этого главного города, где княжеский престол, или, как тогда называли, стол, откуда пошло и название стольного города, по-нашему — столицы.

Все это, разумеется, сделалось не вдруг, а мало-помалу: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается; но все это начало делаться в Восточной Европе, когда здесь начало русским духом пахнуть, когда здесь началась Русь, когда здесь утвердился князь с дружиною и начал строить города. Братья Рюрика скоро умерли, и он владел один из Новгорода, и владел уже широко, потому что один вельможа его сидел в Ростове, а другой в Полоцке. Рюрик, умирая, передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему сына своего Игоря, который был еще ребенок. Во время Рюрикова еще княжения толпа варягов пробралась на юг, вниз по Днепру, и засела у славян, называвшихся полянами, в городке Киеве; начальниками этих варягов были два брата — Аскольд и Дир. Но варяги не могли спокойно сидеть в Киеве на Днепре: их тянуло от Днепра в Черное море, к Царюграду. На двустах больших лодках Аскольд и Дир пошли на греков и осадили Константинополь; но встала буря и разнесла их лодки; Аскольд и Дир, впрочем, спаслись и возвратились домой, в Киев. Но княжили они недолго; с севера, из Новгорода, шел на них князь Олег с большим войском: были у него и варяги, и славяне, и финны, все храбрецы, которым хотелось повоевать, постранствовать, посмотреть чужие, дальние стороны, обогатиться добычей, вещами дорогими, диковинными и поселиться потом в стране лучшей, на благодатном юге,— все собрались около храброго князя. Олег пошел со своим войском на юг, пошел, то есть, лучше сказать, поплыл, потому что и после, много веков спустя, единственный удобный путь по Руси был реками, потому что леса, озера, болота наполняли страну и делали ее непроходимой; умножается народ, увеличиваются пашня и луг, уменьшается лес, который поддерживает сырьость, и страна становится суше; а что было 1000 лет назад, когда там, где теперь московские улицы, жили бобры? Но где болезнь, там Бог посылает лекарства: нигде нет таких больших рек, как в Руси; посмотрите на карту, как все эти реки переплелись своими притоками: где начинается одна река, течет в одну сторону и впадает в большую реку или озеро, там подле ее истока начинается другая, течет в другую сторону и впадает в другую большую реку, и, таким образом,

легко было плавать по всем этим обширным пространствам России; при этом не надобно забывать, что когда лесов было больше, сырости было больше, то рек было больше, и реки были многоводнее и судоходнее; теперь есть реки длинные, но почти пересохшие, а в старину они были многоводные и судоходные, потому что в берегах их отрывают остатки больших судов.

Князь Олег плыл из Новгорода; Новгород находится на реке Волхове, который вытекает из озера Ильменя, а в это озеро с юга впадает большая река Ловать; из Ловати в Днепр прямо попасть нельзя, надобно было лодки вытаскивать на берег и везти их или тащить несколько сухим путем, нужно было их волочить, отсюда эти пространства между реками и называются волоками или волочками; так называются и некоторые города, стоявшие на таких волоках, или водоразделах, — Волок-Ламский, или Волоколамск, Вышний Волочек. Войско Олега, перебравшись с лодками в Днепр, плыло свободно. По всему Днепру до Киева Олег встретил два крепких места, или города, куда местные жители могли собираться и обороняться. Смоленск у славян, которые назывались кривичами, да Любеч у славян, которые назывались северянами: Олег взял и Смоленск и Любеч и посадил там своих вельмож с отрядами дружины. Наконец, Олег подплыл к городам Киевским; войску своему он велел спрятаться в лодках и послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идем в Грецию от Олега и Игоря: придите повидаться с нами». Аскольд и Дир, ничего не подозревая, пришли. Тут воины повыскакивали из лодок, и Олег вышел с Игорем и сказал Аскольду и Диру: «Вы не князья, не княжеского рода, а я княжеского рода, и вот сын Рюриков». Аскольда и Дира убили, Олег сел княжить в Киеве и сказал: «Это будет мать русским городам». С этих пор князья стали жить на юге и стольным городом, столицей, сделался Киев.

В соседстве со славянами-полянами, жившими около Киева, жили на запад другие славяне, называвшиеся древлянами (в нынешней Волынской губернии). Олег пошел на них войной и заставил платить дань; потом пошел в другую сторону, на восток, где теперь Черниговская губерния и где тогда жили северяне. Северяне эти уже платили дань козарам. Олег наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил; он говорил северянам: «Я неприятель козарам, а с вами у меня нет ничего». Олег послал и на реку Сожь спросить живших там родимичей: «Кому даете дань?» Те отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне», — и родимичи согласились.

Таким образом, эти славяне, вместо того чтоб давать дань козарам, жившим на Дону и Волге, стали давать дань русскому князю, жившему на Днепре в Киеве. Но разница состояла не в том только, что дань сперва шла на Дон, а теперь на Днепр;

разница была большая. Козары, как все эти кочевые и полукочевые народы, придут, возьмут дань и уйдут к себе далеко в степи и знать больше ничего не хотят; славяне, заплативши поневоле дань, чтоб только их не били и не грабили, остаются по-прежнему жить розно, дико, бедно, по-прежнему оттого остаются слабы; придут другие враги, никто их не защитит, а самим собраться дело непривычное, да и около кого или чего собраться? Но с русскими князьями другое дело. Олег, как скоро пришел на юг, сел в Киеве, так сейчас же начал строить города; он берет дань и раздает ее дружине; дружина сидит в городах и защищает их, защищает все окрестное народонаселение, которому есть теперь около чего собраться, которое теперь начинает жить вместе с народом, рассеянным от Ладожского озера и озера Неро (подле которого Ростов) до Киева; все знают одного князя, князя русского, живущего в Киеве, к нему в дружину собираются храбрецы, богатыри, в его города идут жить люди, которые хотят промышлять каким-нибудь ремеслом или торговлею.

В 907 году между всем этим народом происходило что-то небывалое: готовили большие лодки, куда-то собирались; прежде на войну не хаживали, платили дань чужим народам, а теперь в поход с князем Олегом идут на Черное море, в Грецию. Поход был счастливый: возвратившись, рассказывали, как приплыли к самому Цареграду; греки замкнули гавань, затворили город. Олег вышел на берег, велел вытащить и корабли и повоевал все около Константинополя. Греки испугались и прислали сказать ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, дорогие парчи, вина. Все дивились такой удаче и таким богатствам и называли Олега вещим (мудрым, чародеем).

Преемник Олега, Игорь, сын Рюриков, два раза ходил на греков. Сын Игоря Святослав ушел было совсем из Киева: ему очень понравилось на Дунае, в Болгарии и он хотел остаться тут навсегда. Это был самый храбрый, самый воинственный из всех князей русских; только и делал, что воевал; захочет пойти на какой-нибудь народ, прежде пошлет сказать ему: «Хочу идти на вас». В походы не брал с собою ни возов, ни котлов: изрежет мясо тонкими ломтиками, испечет сам на угольях, так и ест. Шатра у него не было, спал он на войлоке, положив седло в головы. Точно так же жила и вся его дружина. Греки собрали все свои силы, чтобы выжить Святослава из Болгарии. Однажды они окружили его войском, в девять раз большим, чем было у него. Русские испугались, но Святослав сказал им: «Уже нам теперь некуда деться; волею-неволею должны биться, не посрамям Русской земли, но ляжем здесь костями! Мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас позор, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же

голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!» Русские отбились от врагов.

Но эта страсть к войне, к покорению стран далеких не была полезна для новорожденного государства русского и была ему не по силам. Вы видели, какое это было государство: с самого начала оно уже было очень велико, растянулось от Ладожского озера до Киева; но много ли в нем было народа и как жил этот народ? Много ли было деревянных городков, которые построили первые князья для защиты, для промыслов и торговли? Много ли мог привести Святослав с собою войска в Болгарию? Как ни был храбр он сам и дружина его, а не мог удержаться. Князья перешли с севера на юг, в Киев, и это было важно: они соединили всех славян, живших рассеянно на всем этом пространстве от Ладожского озера до Киева, сделали из них один народ, сблизили их с Грецией, от чего, как увидим, очень скоро произошла великая польза; но дальше идти было не для чего, надобно было устроить и защитить то, что уже было в руках. Подле были враги, от которых нужно было беспрестанно защищаться; теперь, в наше время, вся эта сторона к востоку и югу от Киева населена, теперь здесь русские губернии — Харьковская, Воронежская, Саратовская, Екатеринославская, Херсонская, Земля Войска Донского, но тогда была здесь широкая степь, в которой нельзя было поселиться мирному человеку и заняться земледелием: с востока, как саранча, налетали разбойничьи кочевые орды и пустошили все, что ни встречалось: недаром их называли бичами Божиими, которые посылались в наказание за грехи; предки наши иначе их не называли, как погаными, поганью, ибо поучиться у них было нечему, как у других, образованных народов, только и знали они, что били, жгли, грабили, женщин и детей в плен уводили. В то время, о котором идет речь, жил в степи и нападал на Русь такой разбойничий кочевой народ; называли его печенегами. Чтобы защищать от них русскую землю, нужно было жить в Киеве, постоянно быть наготове, строить города, а Святослав ушел далеко, в Болгарию, и заплатил жизнью за то; когда он принужден был выйти из Болгарии, то на возвратном пути на Днепре был окружен печенегами и убит.

Когда еще Святослав был жив и ходил по чужим дальним странам, на Руси оставалась его мать, Ольга. О ней дошла память как о мудрой княгине, которая делала то, что было особенно нужно, ездила по своей обширной стране, из Киева к Новгороду и обратно, устраивала землю. Она ходила в Грецию, в Царьград, только не воевать. Греки были народ грамотный, образованный, у них было чему поучиться. Греки жили в стране богатой, знали многие искусства и ремесла; с ними у Руси сейчас же началась прибыльная торговля: русские возили к ним меха,

сырой товар, а от них брали произведения южных стран и товар выделанный. Но вся эта выгода от сношений с греками была ничто в сравнении с тем сокровищем, какое русские нашли у греков и взяли себе: это сокровище была истинная вера христианская православная.

Ч Т Е Н И Е II

О том, как крестилась Русь и как утверждалась в ней вера христианская

Славяне, из которых составилаь Россия, Русское государство, были язычниками, считали гром с молнией богом, поклонялись ему под именем Перуна, поклонялись также солнцу под разными именами, огню, ветру, верили в загробную жизнь, но думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Так как славяне жили розно, большими семьями, или родами, и жили бедно, то и не могли строить больших общих храмов, куда бы сходились всем околотком, и потому общих жрецов у них не было: старшины, или родоначальники, были и жрецами, собирали на молитву, приносили жертвы. Первые князья и дружина их были также язычники; но когда князь и дружина перешли на юг, когда начались походы на Грецию и торговля с нею, то некоторые из русских стали принимать христианство.

При великом князе Игоре было уже много христиан в Киеве и была у них там церковь св. Ильи-пророка. Ольга, жена Игоря и мать Святослава, приняла христианство. Она уговаривала и сына Святослава креститься, но тот не слушался матери: христианство было не по нем, оно учит любви и миру, а Святослав думал об одном — как бы повоевать. Но другим Святослав не мешал креститься, и христианство распространялось все больше и больше в Киеве. Когда великим князем стал сын Святослава Владимир, то сначала можно было подумать, что для христиан наступило дурное время. Князь начал ставить кумиры разных богов, на холме поставил кумир главного бога Перуна; кумир был деревянный, а голова у него серебряная, усы золотые. Однажды, когда князь приносил жертвы кумирам, городские старики и бояре сказали: «Бросим жребий на юношей и девиц, на кого падет, того зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; он пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын, на этого-то сына варягова и пал жребий. Посланники от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «Ваши боги не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят; сделаны руками из дерева; Бог же один, которому греки поклоняются; он сотворил

небо и землю, звезды, и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? Они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам!» Посланные пересказали слова варяга народу; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына! Нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть пошлют одного бога взять моего сына, а вы из чего так хлопочете?» Народ страшно закричал от ярости; толпа бросилась, подрубила сени под варягами и убила отца вместе с сыном.

Но с Владимиром Богу угодно было сделать то же, что с Павлом: апостола из гонителя. В Киев приходили люди разных вер—и жида, и магометане; каждый хвалил свою, и все одинаково смеялись над языческой верою русских. Владимир при своей охоте заниматься делом веры не мог наконец не убедиться, что надобно бросить своих богов и поклоняться Богу единому. Но и христиане, и магометане, и жида—все признают Бога единого, чья же вера лучше? Владимир послал умных бояр в разные страны посмотреть, как молятся у себя христиане, жида, магометане. Бояре возвратились и объявили, что лучше всех вер—вера христианская, именно та, какая у греков в Царьграде; и другие бояре говорили ему: «Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрее всех людей».

Владимир был уже, таким образом, приготовлен, когда началась у него война с греками. Он пошел осаждать греческий город Корсунь в Крыму, взял его и послал сказать императорам греческим, Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и Царьграду будет то же, что Корсуню». Императоры прислали сказать ему: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе с нею царство небесное; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестры». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон и мне нравится ваша вера и богослужение». Императоры, услыша это, обрадовались и послали к Владимиру сестру свою именем Анна. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался на Анне и пошел с нею в Киев. Пришедши туда, он велел объявить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый или бедный, тот будет мне противен». Народ пошел с радостью, говоря: «Если б эта вера была нехороша, то князь и бояре не приняли бы ее». Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней—одни по шею, другие по грудь, малолетние

у берега, возрастные подалее и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы. Это было в 988 г.

После этого Владимир велел повалить и истребить кумиры, а на тех местах, где они стояли, построить церкви; велел строить церкви и по другим городам и селам и крестить людей; велел также отобрать детей у лучших людей и отдать духовенству для учения грамоте, для утверждения в вере.

А между тем война была беспрестанная с печенегами. Летописец рассказывает, как однажды пришли печенеги, Владимир вышел к ним навстречу с войском, и князь печенежский объявил ему: «Выпусти ты одного своего воина, а я выпущу своего — пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года; если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целых три года». Владимир послал кликать по шатрам: нет ли такого, чтобы взялся биться с печенегом. Пришел к князю старик и сказал ему: «Вышел я сюда, на войну, с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшей, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его». Послали за силачом, и тот сказал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом, но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка сильного и большого, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю; когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь биться с печенегом». На другое утро пришли печенеги и начали кричать: «Что же, нашелся боец? А наш уже готов!» Оба бойца показались: с печенежской стороны вышел великан, страшный видом, а Владимиров богатырь был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов; те схватились и стали крепко шемить друг друга; наконец русский стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир сделал богатыря знатным человеком и отца его тоже.

Не к одной дружине, богатырям был ласков князь Владимир. Любил он строить церкви, и, как построит и освятит, задаст большой пир народу, наварит меду, бедным раздадут милостыню. И постоянно всякий нищий и убогий мог приходиться на княжий двор и получать питье, кушанье и деньги из казны. Мало этого, князь говорил: «Ведь больные и слабые не могут доходить до моего двора» — и потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» и раздавая все это. И остался князь Владимир в народной памяти с прозванием ласкового князя, Красного Солнышка, а церковь чтит его как равноапостольного.

Владимир умер 15 июля 1015 года, и плакали по нем бояре как по заступнику земли русской; бедные как по своему кормильцу; после него осталось несколько сыновей от разных матерей, потому что, будучи в язычестве, Владимир имел много жен. Как везде тогда водилось, Владимир еще при жизни разослал сыновей княжить по разным городам; когда он умер, то старший, Святополк, стал княжить в Киеве, но он боялся младшего брата Бориса, которому отец дал Ростовскую область; Борис был любимый сын у отца, да и все его любили, потому что он был вместе и храбр, и добр, кроток необыкновенно. Владимир, разнемогшись перед смертью и слыша, что идут печенеги, послал против них Бориса с дружиной и войском, собранным из киевлян. Борис не нашел печенегов и возвращался в Киев, как вдруг получил весть о смерти Владимира. Когда он горько плакал, отцовская дружина и войско сказали ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско: пойдь сядь в Киеве на отцовском столе». Но Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услыхав такой ответ, дружина и войско разошлись от Бориса, который остался с одними своими слугами.

Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобой дружно жить и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца». Но все это был обман; он хотел погубить его и ночью отправил убийц. Когда убийцы подкрались к шатру, то услышали, что Борис поет заутреню. Помолвившись, он лег в постель, и тогда убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копыя и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина: это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; тут же было побито и много других слуг Борисовых. У Бориса был брат любимый, Глеб, князь Муромский, от одной с ним матери. Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» — и послал сказать ему обманом: «Приезжай сюда, в Киев, поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною. На дороге он узнал, что отец его Владимир умер, а любимый брат Борис убит. Когда Глеб, получивши эту страшную весть, молился с горькими слезами, вдруг явились убийцы, посланные Святополком; слуги Глебовы обмерли от страха, и начальник убийц тотчас же велел зарезать князя, что и было исполнено поваром Глебовым.

Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русской землей». Но один из его братьев, Ярослав Владимирович, княживший в Новгороде, не хотел допустить его до новых злодейств и шел с войском к Киеву; Святополк отправился к нему навстречу, был разбит подле Лю-

беча и убежал в Польшу, а Ярослав сел княжить в Киеве. Но Святополк не оставил его в покое: скоро он возвратился на Русь с польским королем Болеславом, который взялся помогать ему. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только сам-пят в Новгород, а Болеслав вошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда плыть за море, то новгородцы рассекли лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и у Ярослава оказалось много войска. Болеслав все жил в Киеве, а дружина его была разведена по городам; чтобы выжить его поскорее от себя, Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам, бейте их», — и поляков перебили. Болеслав ушел из Киева, а Святополк начал здесь княжить, но, услышав, что Ярослав идет на него, ушел к печенегам за войском. Набравши множество печенегов, Святополк возвратился и встретился с Ярославом на реке Альте, на том месте, где был убит Борис. Сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; начали биться, как только показалось солнце, схватывались трижды, к вечеру одолел Ярослав; Святополк бежал и пропал без вести, заслуживши проклятие от русских людей и постоянное прозвание Окаянного; братья же, от него погибшие, Борис и Глеб, причтены к лику святых.

Ярослав Владимирович оставил по себе хорошую память, память князя храброго и еще больше мудрого. Болеслав, король польский, когда возвращался из Киева, захватил себе русскую область, которую потом стали называть Галицкой Русью; Ярослав отобрал ее назад у поляков. Он старался населить просторную, но бедную жителями Русскую землю и обстроил ее городами для защиты от врагов, особенно на юге, со стороны степей. Выведя из Польши много пленных, он поселил их по реке Роси и настроил тут городов; на другом конце, северо-западном, в нынешней Лифляндской губернии, построил город, который назвал по своему имени Юрьевом (теперь Дерпт), потому что Ярослав имел два имени: одно русское — Ярослав, а другое — Георгий, или Юрий, в честь святого; так и отец его Владимир, крестившись, получил христианское имя Василия, св. Ольга взяла имя Елена; так и после наши князья носили по два имени, например Всеволод-Гавриил. В 1036 году печенеги в бесчисленном множестве осадили Киев, но Ярослав после злой сечи отбил их и так поразил, что после они уже не нападали на Русскую землю. До Ярослава Киев был маленький городок; Ярослав распространил его, обвел стенами и то пространство, где прежде было поле и где русские бились с печенегами. По примеру Царьграда Ярослав построил в Киеве церковь св. Софии, а сын его Владимир также построил Софийскую церковь в Новгороде. При Ярославе, говорит летописец, стала вера

христианская плодиться и расширяться, завелись и монастыри. Ярослав очень любил церковные уставы, любил духовенство, особенно монахов, читал священные книги день и ночь, собрал их много, заставлял переводить с греческого языка на славянский, переписывать уже переведенные и давать читать охотникам. Летописец таким образом сравнивает дело Ярослава с делом отца его, св. Владимира: «Как один вспахет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, так и Владимир вспахал и умягчил землю, то есть просветил ее крещением; Ярослав засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение». При Ярославе был поставлен в митрополиты русский человек Иларион; это был первый русский писатель, сочинения которого дошли до нас; дошли до нас его проповеди, изложение веры, похвала св. Владимиру. Этот Иларион сначала был священником в селе Берестове и, чтоб никто не мешал ему молиться, выкопал себе пещеру на берегу Днепра, в высокой горе, покрытой лесом. Иларион по временам хаживал в эту пещеру, но скоро поселился в ней навсегда русский монах Антоний родом из города Любеча. Он был в Греции, постригся в одном из афонских монастырей. Возвратившись в Русь, поселился в пещере Иларионовой и был основателем знаменитого Киево-Печерского монастыря, о котором будет еще речь после.

При Ярославе явились на письме первые русские законы, которые называются Русской Правдой. Эти законы с первого раза могут удивить своей странностью, своим несходством с нашими настоящими законами, но не должно забывать, что мы говорим о людях, живших за 800 с лишком лет прежде нас, имевших совсем другие нравы и обычаи; эти люди еще недавно имели большими семьями, или родами, которые вели войны друг с другом, как отдельные народы, расправлялись сами в случае какой-нибудь неприятности, обиды. Нанесется обида, совершится убийство, родственники должны найти убийцу и отомстить ему за своего; это их священная обязанность, иначе им позор от всех; человек мог быть безопасен и спокоен только тогда, когда знал, что родственники за него заступятся, отомстят; человек буйный потому только и остерегался драться, убивать, что боялся смерти от родственников убитого. Пришли князья, можно стало найти суд, но старые обычаи искореняются не скоро; привык человек к тому, что родственник должен отомстить за родственника, так, чтобы ему ни говорили, он будет считать это хорошим делом и никак не поймет, почему должен отказаться от этого права, почему это самоуправство; пройдет сто, двести лет, а он все будет держаться старого обычая, и обычай этот становится законом, потому что все, и знатные, и простые люди, одинаково смотрели на дело; науки не было, не рассуждали, что хорошо, что дурно и почему одно лучше другого, и не смотрели, что у других

народов делается, а смотрели только, как водилось в старину, так и хотели жить.

В самом начале Русской Правды читаем: если случится убийство, то брат должен мстить за брата, отец за сына и сын за отца, дядя за племянника. В случае если не было такого родственника, который бы отомстил, то убийца платил князю пеню, смотря по тому, кто был убит: за вельможу и слугу княжеского платили вдвое больше, чем за простого человека; если убийца уйдет, то пеню платили жители целого округа, где совершено было убийство; иногда соседи заключали обязательства друг с другом, что в случае если один из них попадет в убийстве, то другие помогают ему платить пеню. Но не надобно думать, что предки наши за 800 лет были так безнравственны, что обязывались помогать всякому убийце платить пеню и всякий убийца, заплативши пеню, мог оставаться спокойно в обществе. Здесь разумелись убийства в гневе, ссоре, драке. Дети, если не унимать их, будут беспрестанно драться; так и народы в первое время, точно дети невоспитанные, как рассердятся, так сейчас и расправляются руками, попадет под руку оружие, и оружием; в страсти не останавливаются, бьют и до смерти, особенно когда ссора на пиру, когда вино помрачает рассудок. За такие-то убийства убийцам мстили родственники, платилась князю пеня, и платить ее помогали соседи; но ведомого лихого человека, разбойника, который убивал не случайно, не в страсти, не в сердцах, а для того, чтоб ограбить, такого ловили и выдавали князю в заточение. Так, по Русской Правде мы видим, что 800 лет назад предки наши имели еще нравы грубые, похожи были на детей невоспитанных, но воспитание уже началось, христианство было принято, хотя и не везде распространено и утверждено; св. Владимир, св. Борис и Глеб показали уже примеры христианского милосердия, христианской кротости и воздержания; в темноте засветились яркие звезды и начали освещать дорогу, по которой надобно было идти. При сыновьях Ярослава запрещено было родственникам мстить за убийство своего.

ЧТЕНИЕ Ш

О том, как владели князья по смерти Ярослава Владимировича, о Владимире Мономахе, о северных князьях и о первом татарском нашествии

Ярослав Владимирович умер в 1054 году, оставив по себе пятерых сыновей, которым отдал все русские области в нераздельное владение: старший брат, великий князь, владел главным княжеством, старшим столом, как тогда говорили, Киевом; другие братья владели другими волостями по старшинству; они не

владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям; но когда умирал старший, или великий, князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а брат; на место этого брата должен был садиться следующий за ним по старшинству, и так все князья передвигались по старшинству из одной волости в другую, из худших волостей в лучшие, а худшие должны были доставаться уже следующему поколению, племянникам, которые по смерти своих дядей также должны были передвигаться по старшинству; за ними третье поколение, троюродные и т. д. Но дело известное, что в семьях между близкими родственниками бывают большие споры и ссоры, особенно когда речь пойдет об имени; наши князья не делились, но постоянно у них шли толки о волостях, где кому сидеть, чем кому владеть, потому что смерть каждого князя вела к передвижке по летам, кто старше. Законов не было, был только обычай: смотрели, как прежде бывало, какая волость прежде считалась почетной, старшей; старшие дядья съедутся, распорядят волости, кому чем владеть; младшие племянники недовольны, особенно когда увидят, что старший, или великий, князь хочет сделать больше добра ближним родственникам, сыновьям, старается дать им получше волость, посадить около себя. Тогда начинаются крики о жестокой обиде, берутся за оружие, чтоб охранить свою честь, свое старшинство, не потерять прав на самый старший стол — Киев. Оружием доставляют себе управу, потому что когда в семье отец живет, то дети его слушаются; слушаются, хотя уже не так, племянники старого дядю, но братья мало слушали брата, хотя и повторяли: «Старший брат мне вместо отца». Когда же старшими пойдут двоюродные и троюродные братья, тех уже слушают только тогда, когда это выгодно. Войной ищут себе управы, но на войне один побеждает, другой побеждается, побежденного не щадят, его выгоняют из хорошей волости, иногда вовсе выгоняют из Русской земли, но он не может остаться в покое, ищет первого удобного случая, чтоб отомстить за свою обиду и добыть волость в Русской земле. Иногда старший дядя неспособен, тогда младший брат, племянник, способный, храбрый, перенимает на себя старшинство; но этому противятся другие, выставляя, что дело идет не по обычаю, что младшему нельзя дать старшинства, и опять начинается междоусобная война. Вследствие этих междоусобий, изгнаний счеты, кто старше, кто моложе, перепутываются, и от этого новые споры и междоусобия.

Князья ведут междоусобные войны; главное внимание их обращено на то, чтоб не потерять своей чести, старшинства, чтоб кто-нибудь из них, кому не следует, младший не захватил себе старшего стола, старшей волости, при первом подозрении берут в руки оружие; а тут за Днепром, в степях, по-прежнему кочуют поганые, которые беспрестанно нападают на русские земли

и опустошают их. Печенеги исчезли при Ярославе Владимировиче, но были сменены половцами, и мало того, что половцы сами по себе опустошали Русь, князя в своих ссорах призывали к себе на помощь поганых и давали им жечь, грабить и вести в полон жителей.

Но не все князя были таковы; лучший князь, оставивший по себе самую добрую память в народе, был Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Владимировича от третьего сына его Всеволода; Мономахом же его называли потому, что мать его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. По-русски Мономах значит единоборец. Подвиги Мономаха начинаются с 1076 года; в 1113 году он только стал великим князем, то есть сел в Киев, а прежде княжил в Переяславле Южном (в нынешней Полтавской губернии); умер в 1125 году. Но любовь народную своим нравом и делами он умел приобрести, когда еще не был великим князем. За что же его любили? Другие князя ссорились между собой, воевали; Мономах не ссорился, уступал старшинство, мирил поссорившихся и во время злой вражды между братьями умел заслуживать название братолюбца. В своем княжестве он не давал сильным обижать слабых и бедных людей сам судил. При грубости тогдашних нравов люди сильные не умели сдерживать своего гнева: осердится сильный человек на слабого, подчиненного и велит убить; после и будет жалеть, да не поможет. Мономах написал наставление своим детям, чтоб они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских; Мономах отличался целомудрием, щедростью необыкновенной; несмотря, однако, на эту щедрость, казна его всегда была полна, потому что он был добрый хозяин и не доверял слугам, а сам содержал весь порядок в доме. Больше всех князей Мономах напоминал прадеда своего, ласкового князя Владимира Святославича: «Если пойдете куда по чужим землям (наказывает Мономах своим детям), не давайте слугам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете — напоите, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, знатный или простой человек, или посол». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и, когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них.

Не было князя добрее, ласковее Владимира Мономаха для своих; не было грознее его для врагов Русской земли, половцев: как только завидят враги знамя его, так и бегут без оглядки. Это был богатырь, не знавший усталости: большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей провел на сырой земле; одних дальних походов совершил он 83. Каждый день до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиной о делах земских и ратных, судил людей; в полдень ложился спать,

и потом опять те же дела. В мирное время страстно любил он охоту: диких лошадей в лесах вязал он живых своими руками; дикий бык не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадью. «Не бегал я для сохранения жизни своей, не шадил головы своей,— говорит он сам.— Дети! Не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело; ничто не может вам вредить, если Бог не повелит, а от Бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; Божие блудение лучше человеческого!» Не могли нарадоваться на такого богатыря русские люди того времени; но любили его особенно за то, что это богатырство употреблялось против поганых половцев, что Мономах был стражем Русской земли. С весны, как только покажется трава в степях, уже надобно было ждать нашествия половцев, и Мономах думал, как бы предупредить поганых походом в их собственные кочевья. Однажды он дал знать о своем намерении старшему двоюродному брату Святополку, княжившему в Киеве. Святополк сказал об этом дружине, но та отвечала: «Не время весной идти в поход: отнимешь только поселян от работы». Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиной». Съехались недалеко от Киева и сели в одном шатре Святополк со своею дружиной, а Владимир со своею, и все молчали. Наконец Владимир сказал Святополку: «Брат, ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить? Против меня будет и твоя, и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить поселян, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что поселян жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет крестьянин пахать с лошадью, и придет половчин, застрелит мужика, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно сожжет: об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобой, братец!», а Владимир сказал ему: «Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле!»

Владимир и Святополк послали и к другим князьям звать их в поход: «Пойдем на половцев: либо живы будем, либо мертвы». Многие явились на зов с пехотой и конницей и пошли: пешие плыли в лодках по Днепру, конница шла берегом. Прошедши Днепровские пороги, пешие высадились на берег, конные сели на лошадей и шли четыре дня. Половцы, услышав, что идет Русь, собрались во множестве и начали думать; один из ханов сказал: «Пошлем просить мира у русских, они станут с нами биться крепко, потому что мы много зла наделали их земле». Молодые отвечали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; побивши этих, пойдем в их землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?» А русские князья и все ратники в это время

молились Богу, давали обеты, и когда сошлись полки, то русские победили, перебили 20 ханов, после чего взяли много скота, овец, лошадей, верблюдов, кибитки со всею рухлядью и рабами.

В другой раз Мономах подговорил князей пойти на другую сторону, к Дону. Пошли они во вторую неделю Великого поста, в субботу были на реке Хороле, где бросили сани; обоз пошел на колесах; перешли много рек и во вторник на шестой неделе достигли Дона. Отсюда они шли в бронях и выстроивши полки, перед которыми, по распоряжению Мономаха, шли священники и пели молитвы. 24 марта, в пятницу, русские увидели полки половецкие. Князья сказали друг другу: «Помереть нам здесь, станем крепко!», перещеловались и возложили всю надежду на Бога. После жестокой битвы половцы были побеждены, и пало их много. Весело на другой день русские праздновали Лазарево воскресенье и Благовещение, а в Вербное воскресенье пошли дальше. В страстной понедельник собралось опять множество половцев и обступили полки русские. Опять началась битва жестокая, и опять половцы были побеждены. После этой битвы русские князья возвратились домой, и разнеслась слава их по всем странам дальним. Но если слава этого похода разнеслась по дальним странам, то что же было на Руси? После Святослава Старого, отца Владимира Святого, ни один князь не ходил так далеко в степи. Владимир Мономах пошел туда, возвратился с необыкновенным успехом и славою; но ходил он не для славы, не из желания только поковать: он ходил для того, чтобы хотя на несколько времени дать покой родной земле от нашествия поганых. Когда умер Мономах в 1125 году, то весь народ плакал по нем, как плачут дети по отцу или по матери. Прославил он Русскую землю, как солнце, говорит летописец; слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю.

Мономах отличался благочестием: когда он входил в церковь и слышал священное пение, то не мог удерживаться от слез; бывший при нем в Киеве митрополит Никифор говорит, что все изумлялись его воздержанию. В своем поучении детям Мономах писал: «Тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол: покаянием, слезами и милостынею; Бога ради, не ленитесь, дети мои, не забывайте этих трех дел: они не тяжки. Когда и на лошади сидите да ни с кем не разговариваете, то, чем думать нелепости, повторяйте беспрестанно в уме: «Господи, помилуй!» Больше же всего не забывайте убогих, а особенно сирот». Это показывает, как христианство действовало на лучших людей.

Мы уже видели, что вскоре после крещения Руси при Владимире появляются монахи, основывается Киево-Печерский монастырь св. Антонием. Эти первые монахи, первые подвижники оказали великую услугу тем, что учили, как жить по-христиански,

не словом только, а делом, примером. В грубом человеке кипят страсти, и он хочет удовлетворять им, несмотря ни на кого и ни на что; ему говорят, что Бог не велел так жить, надобно обуздать страсти и стараться, чтоб другим было хорошо; он считает это тяжким, невозможным; но вот перед его глазами живут люди, которые на самом деле показывают, что можно жить так, как Бог велит; словом, учение таких людей с силою, ибо такой человек не только скажет, но и покажет, как жить по-христиански; во всякой науке мало сказать, надобно и показать, как делать. И недаром до сих пор со всех концов России ходят толпы богомольцев в Киев поклоняться мощам св. печерских угодников: эти святые угодники при начале христианства у нас показывали на деле, как надобно жить по-христиански, были учителями благочестия для всей Русской земли. При основателе своем св. Антонии стал знаменит Киево-Печерский монастырь подвигами игумена и братии; преемник Антония св. Феодосий поддерживал и усиливал эту знаменитость: не было смиреннее и кротче печерского игумена, а между тем люди, делавшие дурные, несправедные дела, никого так не боялись, как этого бедного, смиренного инока. Выгонит князь старшего брата, сядет в Киеве не по праву, не по старшинству, все признают его великим князем, не признают в одном Печерском монастыре, там поминают на ектеньях князя законного, хотя и изгнанного; решит судья дело неправое, обиженный идет к Феодосию, и судья, обличенный святым, должен перерешить дело; у себя в келье Феодосий ходил за больным, расслабленным иноком.

Христианство утверждалось легче и скорее на юге, в Киеве и ближайших к нему областях, но дальше на север и восток, по Оке и Верхней Волге, язычество было чрезвычайно сильно; проповедники христианства подвергались здесь большим опасностям; св. Леонтий в Ростове, св. Кукша в земле вятичей погибли от язычников: оба были постриженники Киево-Печерского монастыря. Монастырь этот дал в описываемое время до 50 епископов в разные русские области, в нем же начала составляться летопись — погодное описание всех важнейших дел, происходивших на Руси; в числе печерских угодников находится и преподобный Нестор, первый летописец. Вместе с христианством распространялась и грамотность. Епископы поучали народ в проповедях; самым красноречивым проповедником был Кирилл, епископ Туровский. Многие отправлялись на богомолье в дальние страны, в Царьград, в Иерусалим, и некоторые из таких паломников описывали свои путешествия. Из мирских сочинений дошло до нас сказание о том, как один из князей русских, Игорь Святославич, владевший Новгородом Северским, пошел с братьями в 1185 году на половцев, был взят в плен погаными и ушел из плена.

В этом сочинении, которое называется «Слово о полку Игореве», мы читаем горькие жалобы на княжеские междоусобия, дававшие возможность половцам опустошать Русскую землю. Действительно, по смерти Мономаха междоусобия усиливаются: князья размножились и все чаще и чаще спорили, кто старше, кому владеть Киевом или другим каким городом; Мономаховичи, то есть потомки Мономаха, спорили и вели беспрестанные войны за великое княжение, за Киев, с Ольговичами, потомками двоюродного брата Мономахова, Олега Святославича, но и между самими Мономаховичами и самими Ольговичами шли также споры и войны. Киевляне помнили добро, какое получали от Мономаха, и были привязаны к потомкам его, тем больше что между ними было много храбрых и добрых, ласковых князей. Беда была киевлянам, когда начиналась война между Мономаховичами; тогда они прямо отказывались принимать в ней участие, давать князю от себя войско. «Князь,—говорили они,—ты на нас не сердись, а мы не можем на Владимирово племя рук поднять; вот если б на Ольговичей, то пошли бы и с детьми». Ольговичей не любили, особенно за то, что они обыкновенно наводили половцев на Русскую землю. Князья в больших городах обыкновенно собирали народ на площадь и сами приезжали или присылали кого объявить свое желание. Такие собрания назывались вечами. Ударят в большой колокол, народ уж и знает, что случилось что-нибудь важное, и идет на площадь, где князь или боярин от имени князя будет говорить с ним. В это смутное время, когда князья боролись друг с другом и выгоняли друг друга из волостей, веча были нередки в больших городах; особенно часто они бывали в Новгороде Великом, потому что князья здесь сменялись беспрестанно; из жителей одни принимали сторону одного князя, другие другого и дрались иногда между собою.

Междоусобиями княжескими пользовались половцы и все более и более пустошили пограничные со степями княжества. Князь Переяславля Южного говорил, что его волость пуста от половецких нашествий; князь Черниговский говорил, что у него города пустые, живут в них только псы да половцы; Киевское княжество также много терпело от них. Мало того, что они опустошали его землю, они в степях нападали на суда, поднимающиеся по Днепру с греческими товарами, и тем сильно вредили Киеву, который жил греческой торговлей. Один киевский князь, созвавши к себе других южных князей, говорил им так: «Братья! Пожалейте о Русской земле, о своей отчине и дедине: ежегодно половцы уводят христиан к себе, клянутся нам не воевать и вечно нарушают клятву; а теперь уже у нас все торговые пути отнимают». Когда князьям был досуг, они собирались со всеми своими полками, выходили в степь и дожидались, пока все торговые суда

поднимутся по Днепру. Киев не раз был взят своими русскими князьями во время их споров и войн, но при князьях обыкновенно бывали толпы половцев. В 1203 году половцы благодаря княжеской усобице пожгли весь Киев, ограбили Софийский собор, Десятинную церковь и все монастыри; монахов и монахинь, священников и жен их, старых и увечных перебили, а молодых и здоровых повели в плен, также и остальных киевлян.

Ясно было, что эта южная Днепровская, Киевская Русь, как Украина, край, пограничье, не в состоянии держаться против своих степных соседей — половцев. Многие из ее князей были очень храбры, но они тратили свои силы в междоусобиях, только изредка могли воевать с погаными. Заботясь прежде всего о том, как бы не потерять своего старшинства, своего права на лучшие владения, они беспрестанно меняли свои княжества и потому не старались о них; дружины вместе с князьями волей, а иногда неволей переезжали из одного княжества в другое; князья, имея постоянную нужду в храброй дружине, дорожили ею, обходились по-товарищески, делились с нею всеми своими доходами, ничего не предпринимали, не посовествовавши с ней, потому что при первом неудовольствии дружинник уезжал от князя и переходил на службу к другому; князей было много, и каждый охотно принимал к себе храброго человека. Но храбрость эта тратилась в междоусобиях, а земля пустела от половцев.

И вдруг сила объявилась в такой стороне, откуда ее не ждали, — в дальней северо-восточной стороне, о которой мало и знали в Киеве, сила объявилась на Верхней Волге, в стране, которую называли Ростовской, иногда Суздальской землей. Если сравнить с Южной Русью, Днепровской, с областью Киевской, Черниговской, Переяславской, Волынской, Галицкой землею, то земля Ростовская, или Суздальская, была земля бедная, холодная, покрытая дремучими лесами и болотами, в стороне от главной дороги из Балтийского моря в Черное, от главной торговой дороги, на которой и началось Русское государство. Зато мирному человеку, который хотел трудиться без помехи и спокойно пользоваться плодами своего труда, мирному человеку тяжело, невозможно было жить на этом благодатном юге; вспомним, что говорил Мономах: весной, как выедет крестьянин в поле на работу, откуда ни возьмется половчин, застрелит крестьянина, уведет его жену, детей, лошадь, сожжет гумно. Разве можно было так жить? И в этих благодатных, теплых и хлебородных странах живут псары да половцы; и мирному русскому человеку надобно уйти куда-нибудь подальше от степи. Безопасным убежищем для мирного человека была земля Ростовская: туда половцы не заходили, княжеских междоусобий сначала не было, да и потом было не много. Поэтому страна наполнялась народом, обстраивалась городами. Особенно много

построено было городов в Ростовской земле, когда княжил здесь младший сын Мономаха, Георгий Владимирович Долгорукий. На границах своей Ростовской земли с землею Рязанской и Черниговской князь Георгий построил Москву. Так как Москва была ближайший город к черниговским владениям, то в 1147 году князь Георгий назначил в ней свидание приятелю своему, князю Святославу Ольговичу Черниговскому, и угостил его здесь на славу. Это первое известие о Москве; в котором же году она именно основана, об этом в летописях нет. Князь Георгий Владимирович хотя и долго жил на севере, в Ростовской земле, и строил здесь города, однако больше любил юг, добываясь Киева, наконец получил его и умер в нем; но сын Георгия, Андрей Боголюбский, напротив, полюбил север, ушел туда с юга и не поехал в Киев, когда получил старшинство, остался жить в своем любимом городе Владимире-на-Клязьме. То же самое сделал и брат Андрея Боголюбского, Всеволод Георгиевич, прозванием Большое Пнездо, потому что от него пошли все северные князья и даже московские. Таким образом Киев потерял свое старшинство, киевские князья должны были признавать старшинство князя Владимирского, который был и сильнее всех других князей.

По смерти Всеволода Большое Пнездо начались междоусобия между его сыновьями, но скоро приутихли. В это время, когда Юго-Западная Русь ослабела и запустела от междоусобий и половецких нашествий, а Северо-Восточная не успела еще окрепнуть, последовало из степной Азии сильное движение кочевых хищных орд, какого давно уже не бывало. Пришли татары, о которых до тех пор русские не имели никакого понятия, в степях татары столкнулись с половцами и поразили их. Это было в 1224 году; в Южной Руси важнее других были тогда два князя, два Мстислава: Мстислав Романович, княживший в Киеве, и двоюродный брат его Мстислав Мстиславич Удалой, княживший в Галицкой земле (оба были праправнуки Мономаха от старшего его сына Мстислава). После поражения от татар половецкий хан Котян приехал с поклоном к русским князьям, съехавшимся в Киев, поднес им богатые дары и говорил: «Татары отняли нашу землю нынче, завтра вашу возьмут, так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче будем иссечены, а вы завтра». Мстислав Удалой, самый храбрый из князей, стал уговаривать братьев помочь половцам. «Если мы, братья, им не поможем,—говорил он,—то они передадутся татарам, и у тех прибудет силы». Князья долго думали и наконец решились помогать Котяну. «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей»,—говорили они. Князья собрали свои полки у Днепра. Тут пришли к ним татарские послы с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, городов и сел ваших не захватывали и на вас не

приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганных половцев; возьмите с нами мир; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда». Но русские князья не послушались и перебили послов. Тогда татары послали в другой раз сказать: «Если вы послушали половцев, избили наших послов и идете против нас, то ступайте, а мы вас не трогаем; Бог нас всех рассудит». Князья перешли Днепр и поехали на конях в степи половецкие, шли восемь дней до реки Калки и здесь встретили силу татарскую. Мстислав Удалой начал битву, и татары уже бежали, как вдруг половцы, бившиеся вместе с русскими, побежали, русские полки смялись от этого и были побеждены. Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места, огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня; наконец был взят вместе с другими князьями: татары раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей татары гнали до Днепра, которого, однако, не перешли, а возвратились в свои степи.

Ч Т Е Н И Е I V

О втором татарском нашествии, об Александре Невском, об усилении Москвы, о великом князе Иоанне Даниловиче Калите и о св Петре-митрополите

Татары возвратились от Днепра в степи, и опять пропал об них слух. Только через 12 лет, в 1237 году, появились они снова на русских границах огромными толпами под начальством хана своего Батыя. Появились они теперь с другой стороны, со стороны Рязани, и прислали к рязанским князьям требовать десятины со всего, с князей и простых людей и с коней. Князья рязанские отвечали: «Если никого из нас не останется на свете, то все будет ваше». Тогда татары обступили Рязань, взяли и пожгли всю; князя и княгиню убили; мужчин, женщин, детей рассекли мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали; кто им больше нравился, тех вязали и делали своими рабами; много церквей, монастырей и сел пожгли, имения набрали немало и потом пошли к Коломне, подле которой они встретили войско владимирского великого князя Георгия, сына Всеволода Большое Гнездо. После упорной битвы татары поразили это войско и пошли к Москве, где княжил сын великого князя Георгия Владимир, первый московский князь, упоминаемый в летописях. Татары взяли Москву, взяли в плен и князя ее Владимира, людей перебили всех. Тогда великий князь Георгий, поручив г. Владимир двоим сыновьям, Всеволоду и Мстиславу, сам с троими племянниками, сыновьями умершего брата его Константина Всеволодовича, от-

правился на Волгу собирать войско. Он расположился станом между реками Ситью и Мологою, где и поджидал братьев с полками.

3 февраля 1238 г. татары, как саранча, обсели Владимир; одна толпа их подъехала к Золотым воротам, ведя с собою князя Владимира, плененного в Москве. «Узнаете ли вы своего княжича?» — спросили татары у владимирцев, стоявших на воротах и по стене. Князя Всеволод и Мстислав узнали брата, хотя он сильно переменился, исхудал от беды и нужды. Князя, бояре и все граждане рыдали, смотря на него. Князя Всеволод и Мстислав сказали дружине: «Братья! Лучше нам умереть за св. Богородицу и за правую веру, чем быть в воле татарской!» Татары начали ставить около города леса и пороки (машины, из которых били стены камнями), ставили с утра до вечера, а в ночь нагородили тын около всего города. Утром князь Всеволод и владыка Митрофан, увидавши эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться к смерти. 7 февраля татары приступили к Владимиру, до обеда взяли новый город и запалили его, после чего князя и все жители бросились бежать в старый город; князь Всеволод, думая умиловить Батю, вышел к нему из города с малою дружиною, неся дары, но Батый не пощадил его молодости, велел резать перед собою. Между тем епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Богородичной соборной церкви на полатах (то есть на хорах). Татары отбили двери, ограбили церковь, потом наклали лесу около церкви и в самую церковь и зажгли ее: все бывшие на полатах задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты. Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни пошли к Ростову и Ярославлю, другие на Волгу и на Городец и попленили всю страну поволжскую; иные пошли к Переяславлю, взяли его, взяли другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь; в один февраль месяц взяли 14 городов.

4 марта 1238 года татары встретились с войском великого князя Георгия на реке Сити; после злой сечи русские полки побежали, причем великий князь был убит и множество войска его погибло. От Сити татары пошли к юго-западу, осадили Торжок, били в него пороками две недели и, наконец, взяв 23 марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли к Новгороду, кося людей, как траву, но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились и повернули к юго-востоку, на степь: они испугались приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот. На возвратном пути Батый был задержан семь недель у города Козельска, где княжил молодой князь Василий, один из Ольговичей. Жители Козельска решились не сдаваться татарам. «Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим

живот свой за него: и здесь славу, и там небесные венцы от Христа-Бога получим». Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал, но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены. С тех пор татары не называли Козельск настоящим его именем, а называли злым городом.

По взятии Козельска Батый ушел в степи. В следующем 1239 году татары явились в Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль Южный и Чернигов, а в 1240 году пришел сам Батый под Киев, где князя не было, был воевода Дмитрий, присланный от галицкого князя Даниила. Татар была такая сила, что киевлянам нельзя было слышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Батый велел поставить пороки, и били они день и ночь и выбили наконец передние стены; тогда киевляне взошли на внутренние стены и продолжали с них защищаться; воевода Дмитрий был ранен; татары овладели и последними стенами. Но в ночь киевляне выстроили новые деревянные стены около Богородничной Десятинной церкви, и татарам на другой день нужно было брать их с кровопролитного бою. Когда и эти стены были взяты, киевляне забралась с именем своим на церковь, но стены церковные рухнули под ними от тяжести, и татары окончательно овладели Киевом. Это было 6 декабря. Раненого воеводу Дмитрия Батый не велел убивать за его храбрость. После взятия Киева Батый опустошил Волынь и Галицкую землю.

Юго-Западная Русь, опустошенная сильно и прежде половцами и междоусобиями, была вконец запустошена теперь, во время Батыева нашествия, и долго, очень долго не могла оправиться, тем более что кроме татар, которые заменили половцев, с северо-запада явился новый враг: дикие литовцы, жившие в нынешних Виленской и Ковенской губерниях, воспользовались теперь бессилием Западной Руси, стали чаще выходить из своих дремучих лесов, опустошать русские области и утверждаться в них. Киев, прежде славный и богатый, стал теперь маленьким бедным городком, окрестности которого представляли пустыню, где белелись кости человеческие и где не было безопасности от разбоев литовских. На северо-востоке прежняя земля Ростовская, или Суздальская, теперь великое княжество Владимирское не было разорено прежде ни половцами, ни междоусобиями, меньше потерпело и в Батыево нашествие, ибо жителям легко было скрываться в лесах, пробираться в страны, не тронутые татарами, да и потом здесь было покойнее, чем в других местах, Литва не нападала, и народу легче было оправиться. Бог послал этой стране умного, распорядительного князя Ярослава Всеволодовича, брата великого князя Георгия, убитого на Сити.

Ярослав, ставши княжить во Владимире, очистил церкви от трупов, собрал оставшихся людей, утешил их. Чтоб народу дать оправиться, нужен был прежде всего покой, надобно было, главное, стараться о том, чтоб татары в другой раз не напали; Ярослав видел, что отбить их не было никакой возможности, и потому, делать нечего, решился признать власть их над собою, поехал с поклоном и подарками в орду к Батыю, который жил на Волге; с этих пор все князья русские должны были покупать в орде ярлыки, или ханские подтвердительные грамоты на княжение. Но Батый не был главным ханом, и Ярослав должен был ехать дальше, в азиатские степи, на поклон к великому хану. В то время как Ярослав употреблял все средства, чтобы успокоить русскую землю с востока, не дать ее снова на разорение, сын его Александр защищал западные части русской земли, Новгород и Псков, от троих врагов — шведов, немцев и Литвы. В 1240 году шведы приплыли к устью реки Ижоры в Неву с целью воевать Новгородскую землю и обращать жителей в римско-католическую веру, к чему уговаривал их папа. Александр Ярославич с небольшою дружиною поспешил навстречу к неприятелю и 15 июля нанес ему совершенное поражение, заставил бежать и отбил охоту латыннить русских людей; за эту-то победу князь Александр Ярославич и называется Невским.

Восточное побережье Балтийского моря, где теперь губернии Лифляндская и Эстляндская, издавна находилось в русской зависимости; та часть, где был построен Юрьев, или Дерпт, находилась в зависимости от Новгородского княжества, другие части от Полоцкого. Туземцы финского, или чухонского, происхождения, ливы и эсты, не были еще все покрещены, особенно жившие у самых берегов моря, и берег не был укреплен, на нем не было русских городов; это происходило оттого, что новгородцы были народ торговый, любили ездить только туда, где им было больше барышей; Полоцкое же княжество ослабело от междоусобий, да и вообще земли было много, а народу мало. В 1158 году к устью Западной Двины прибит был бурей корабль немецких купцов (из города Бремена). Немцы завели мену с жителями, нашли ее выгодной и стали приезжать уже нарочно сюда, заметили, как выгодно утвердиться на устье такой большой реки, заметили нерадение русских, которые не поспешили сделать этого прежде, и выпросили у полоцких князей позволение завести себе постоянную контору.

Между тем у немцев пошли слухи, что открыта новая страна, где жители еще язычники, и немецкое духовенство, которое тогда все было под начальством римского папы, стало толковать о том, как бы покрестить ливонцев и эстов. Узнал об этом и сам папа римский и велел отправить в Ливонию проповедника-монаха, который выпросил у полоцкого князя позволение проповедо-

вать Евангелие между язычниками, построил церковь и начал свое дело. Но дело шло неуспешно; немцы увидали, что мирными средствами они ничего не сделают, и папа велел объявить крестовый поход против ливонцев: кто пойдет воевать против неверных и станет принуждать их к принятию христианства, тот, по объявлению папы, получит прощение всех грехов. Таких набралось довольно, и приехали они в Ливонию вместе с епископом. Жители, увидевши епископа, окруженного солдатами, сказали ему: «Убеждай словами, а не палками»; но немцы за тем именно и пришли, чтобы убеждать палками; папа им сказал, что это святое дело; многие язычники принуждены были креститься.

В 1200 г. немцы стали твердой ногой в стране, построили город Ригу и учредили рыцарский орден Меча, то есть войско, состоявшее из монахов-солдат, которые обязаны были постоянно воевать с неверными. Ливонцы стали жаловаться полоцкому князю, что немцы их воюют, силой принуждают креститься. Полоцкий князь догадался, что дело плохо, что не надобно было смотреть сквозь пальцы на утверждение немцев на морском берегу, решился воевать с ними, но было уже поздно: ему нельзя было сладить с рыцарями, которые были искусны в военном деле и к которым беспреестанно приезжали новые рыцари из Германии, тогда как полоцкие князья были заняты междоусобиями и защитой своей страны от литовцев. Лет в двадцать немцы выжили русских из Ливонии, овладели здесь двумя русскими княжествами; наконец, в 1224 году немцы осадили самый крепкий русский город Юрьев (Дерпт) и взяли его, хотя русские упорно отбивались.

После татарского нашествия немцы могли надеяться, что легко овладеют и Псковом и Новгородом. Может быть, и овладели бы, если б не Александр Невский. В самый год Невской победы, когда Александр выехал из Новгорода к отцу, немцы захватили Псков, завоевали часть новгородской земли; в тридцати верстах от Новгорода не было уже от них безопасно. Новгородцы в такой беде послали к великому князю Ярославу просить, чтобы дал им опять Александра. Невский приехал, и в 1242 году выгнал немцев из Пскова, и вошел в их владения. На льду псковского озера встретился он с немецким войском и нанес ему страшное поражение: льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали побежденных немцев по льду до берега на расстояние семи верст. После этой битвы, которая слывет Ледовым побоищем, Александр с торжеством вступил в Псков, ведя пленных рыцарей. Испуганные немцы прислали в Новгород с поклоном и заключили мир, отказавшись от Пскова и завоеваний своих в новгородской земле.

Был еще третий враг, который пользовался татарским погромом, захватывал русские земли и стал далеко распространять свои разбойнические набеги: то были литовцы. Александр Не-

вский три раза поразил литовцев, перебил у них много князей и принудил оставить в покое Северную Россию, где они стали было заходить к Торжку и Бежецку.

Александр Невский отбил от Северной России и шведов, и немцев, и Литву, показал большую храбрость и воинское искусство; но с большой храбростью он соединял и большое благоразумие, видел, что со шведами, немцами и Литвой можно воевать и можно их побеждать, но что у России, разделенной и опустошенной, нет никаких средств воевать с татарами, которые придут целым народом и запустошат землю вконец; надобно, следовательно, ждать, пока татары разделятся, станут истреблять друг друга в междоусобных войнах, ослабеют, а до тех пор надобно было смириться, признать верховную власть ханов, ездить к ним с поклоном, платить дань. Когда Александр Невский был только князем Новгородским, то прославил себя победами; когда же стал великим князем Владимирским, то прославил себя другими подвигами, более тяжкими, потому что после такой славы он должен был унижаться пред татарами, чтобы спасти родную землю от гибели, должен был уговаривать народ, чтоб снес терпеливо иго, позволил татарам переписать себя для наложения дани. Три раза ездил Александр в Орду, но, когда русские были выведены из терпения насилем татарских откупщиков дани и выгнали их из разных городов и когда татарские полки уже посланы были опустошать за это Россию, Александр, «чтоб отмолить людей от беды», поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле. Но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за Землю Русскую, отдавая жизнь свою за Новгород, и за Псков, и за все великое княжение, и за православную веру». К этой похвале современников нам уже нечего больше прибавлять.

Что Александр Невский был прав, думая, что еще рано подниматься против татар, всего лучше доказывает судьба другого знаменитого в то время русского князя, Даниила Романовича Галицкого. После отца своего Романа, праправнука Владимира Мономаха, Даниил остался ребенком и должен был испытать много бед, пока вырос, терпел изгнания из родной страны, потому что Галиция, или Червонная Русь, была страна богатая, разные русские князья хотели воспользоваться малолетством Даниила и овладеть его наследством; соседи — венгерский король и поляки — хотели того же; галицкие бояре, видя смуту, перемену князей, крамолили, искали каждый своих выгод и не давали утвердиться на престоле Даниилу; наконец, нашествие татар заставило также Даниила на время покинуть родную страну. Но беды, изгнание, нужда — все эти испытания укрепили Даниила, рожденного с блестящими способностями; он извлек

большую пользу из своего сурового воспитания, приобрел твердость, силу нравственную, но не ожесточился, в борьбе с злыми врагами умел сдерживаться, не позволял себе мести, крутых мер, жестокостей.

В 1249 году Даниил успел окончательно утвердиться в Галиции. Подобно Александру Невскому, Даниил прославился среди своих европейских соседей, счастливо воевал с Литвою, принимал участие в спорах королей венгерского и богемского, или чешского; одно время шло дело о том, чтоб сына Даниилова Романа посадить на престол австрийский. Но другое дело на востоке: Батый прислал звать Даниила к себе на Волгу, и Даниил поехал. Тяжко было Даниилу унижаться перед татариним, становиться перед ним на колени. Хан отпустил ласково, но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказывал своим о ласке татарской. «Злее зла честь татарская»,— говорили они. Даниил никак не мог признать горькой необходимости сносить татарское иго и начал думать о том, как бы его свергнуть. Он видел ясно, что силами одной Галиции да Волыни, где княжил родной брат его, сделать этого нельзя; надобно было вступить в союз с христианскими соседними государствами, с ними вместе идти на общих врагов, неверных татар, что называлось тогда крестовым походом. Но затруднение состояло в том, что соседние христианские государства, и Венгрия, и Богемия, и Польша, принадлежали к римской церкви, были под духовной властью папы, без благословения которого не могли предпринять крестового похода, а папа ни за что не благословил бы их идти вместе с русским православным князем, который не признавал его власти. Тогда Даниил решился войти в сношения с папою, показал себя готовым соединиться с римскою церковью, если папа устроит крестовый поход против татар. Папа обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны, что нужно идти в крестовый поход, но никто не тронулся, каждый занимался своими делами и думал: меня татары не трогают, тяжело от них одним русским, для чего же подвергать себя такой опасности из-за русских? Таким образом, Россия должна была одна оттерпываться от татар, а другим государствам за ее хребтом было покойно жить. Видя, что от западных соседей помощи никакой нет и что папа ничего не может сделать, Даниил перестал с ним сноситься и стал думать, как бы одними своими силами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города; у ближайших к нему татар был в это время воеводой человек слабый, который не понимал, в чем дело, и давал Даниилу укрепляться; но скоро татары догадались и прислали другого воеводу, который потребовал, чтоб Даниил сейчас же срыл укрепления своих городов. Тут Даниил увидал, что бороться с татарами никак

нельзя, и принужден был разорять крепости, которые сам построил

По смерти короля Даниила, который умер почти в одно время с Александром Невским, Галицкое княжество недолго могло сохранить свою независимость. Оно разделилось между сыновьями Данииловыми, ослабело; подле сильные соседи, а помощи ниоткуда: юго-западные русские княжества разорены, слабы, терпят беды от татар и литвы; северные русские князья далеко и заняты своими делами, им некогда и подумать о Западной Руси. В 1340 году поляки овладели Галичем. Остальные княжества западные — Полоцкое, Туровское, Волынское, Киевское — подпали власти князей литовских, из которых самым сильным был Гедимин, он-то и взял Киев. Русские князья, потомки св. Владимира, остались владельцами небольших земель, но уже под властью князей литовских.

Мы сказали, что северным князьям было много дела у себя. По смерти Александра Невского между ними начинаются междоусобия. Но эти междоусобия отличаются от тех междоусобий, которые велись южными князьями. Южные князья ссорились и воевали, чтоб не потерять старшинства в целом роде своем, чтобы рано или поздно, по этому старшинству, добиться великого княжения, сесть в Киеве, они не хотели оставаться в одном княжестве, но спешили покинуть его, когда представлялась им возможность, по своему месту в роде, переехать в другое княжество, которое считалось выше, лестнее. Поэтому князь, считая себя только временным владельцем княжества, не заботился о том, чтоб сделать его сильнее, обширнее других княжеств, особенно зная, что не родной сын его сядет в нем после него, а брат, даже двоюродный, или какой-нибудь другой родственник. На севере не так: как Андрей Боголюбский, ставши великим князем, не поехал в Киев, остался во Владимире, так, по его примеру, поступали и другие северные князья, когда размножились: раз получил князь город себе во владение, и считает его своим навсегда, считает своей вечной долей, уделом, старается это свое владение усилить, увеличить; остается жить в нем и тогда, когда станет великим князем; тверской князь не переезжает во Владимир, остается в Твери, переяславский в Переяславле, московский в Москве и старается упрочить свое княжество за сыновьями своими. Разумеется, что только таким образом и можно было собрать Русскую Землю, сделать из нее одну страну, одно государство с одним государем. Если в одном княжестве будут все разумные князья и счастье им благоприятствует, успеют они усилить, увеличить свое княжество не в пример перед другими, то им легко будет покорить себе все остальные княжества и стать единовластителями. Но понятное дело, что это не легко сделать вдруг, без препятствий:

каждому князю хотелось сделаться сильнее других, а не покоряться другому, и как только князья видели, что один из них усиливается, то поднимались на него войной, чтобы не дать ему усиливаться; кроме того, князья стараются прочить все своим детям, им оставляют лучшие волости и старшему больше других, чтоб он был сильнее и держал меньших в повиновении; умирает князь и передает свое княжество сыну; поднимается брат покойного и начинает воевать с племянником, говорит: «Я обижен, в старину лучшие города доставались по старшинству, брату после брата, а не сыну после отца, не хочу я быть моложе племянника». И начинается война.

Самая сильная война междоусобная шла между Москвой и Тверью. Московские князья происходили от сына Александра Невского, Даниила Александровича, а тверские — от брата Александра Невского, Ярослава Ярославича. Даниил Александрович Московский усилил свое княжество тем, что приобрел Переяславль-Залесский по духовному завещанию последнего его князя. Сын Даниила, Юрий Данилович, присоединил к Москве Можайск от Смоленского княжества и Коломну от Рязанского. Когда тверской князь Михаил Ярославич, по старшинству, считал великое княжение Владимирское своим, Юрий Московский, который приходился ему племянником, завел с ним спор, воевал против него и с помощью новгородцев, и с помощью татар, и Михаил погиб в Орде. Юрий погиб там же от руки сына Михайлова; но брат Юрия, Иоанн Данилович Калита (калита значит мешок, сумка с деньгами), не дал Москве упасть, напротив, своим умным хозяйством он умел копить деньги и скупать на них земли у мелких и бедных князей, которым не из чего было платить татарской дани; таким образом он без войны распространял свои владения, и, когда в других княжествах шли войны, в Московском княжестве было все спокойно, отчего и крестьяне, и бояре шли туда из других княжеств; татарские ханы, которых Калита умел задабривать, не трогали Москвы; наконец, Калита умел приобрести расположение митрополита, св. Петра.

В России после принятия крещения св. Владимиром был один главный архиерей, митрополит, который жил в Киеве и потому назывался Киевский и всея Руси. Он набирался обыкновенно из греков и посвящался в Константинополе тамошним патриархом. Как грек, иностранец, не могший свободно говорить по-русски, митрополит не мог принимать деятельного участия в делах, происходивших на Руси. Когда Киев упал, Южная Русь ослабела и была окончательно запустошена татарами, митрополиты стали ездить на север, оставаться там подолгу и наконец увидели, что надобно здесь остаться навсегда, потому что здесь собралась русская сила. Но какое же княжество, какой город митрополит выберет для своего пребывания? Это было дело важное в то время, когда северные княжества боролись за то, которому из

них быть сильнее всех, покорить себе все другие и таким образом собрать Русскую Землю. Князей было еще много, а митрополит был один, и назывался он митрополитом всяя Руси; в котором городе он станет жить, на тот город духовенство, а за ним и весь народ станет смотреть как на главный город всей Руси и на князя этого города будут смотреть как на главного князя, князя всей Руси; да и митрополит будет помогать тому князю, в городе которого станет жить. Важно было в это время и то еще, что митрополитами начали быть русские люди. Св. Петр был родом с юга, из Волыни, но счел необходимым поселиться на севере и при выборе места, где именно поселиться, предпочел Москву. Москва была тогда еще маленьким, бедным городком. Уговаривая Иоанна Калиту построить каменную соборную церковь Успения Богородицы, св. Петр говорил ему: «Если ты меня, сын, слушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей и сыновья, и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Св. Петр скончался в Москве в 1326 году, погребен здесь, и последующие митрополиты следовали его примеру, жили в Москве. Другим князьям это очень не нравилось, да делать было нечего.

ЧТЕНИЕ V

О великих князьях: Димитрии Донском, Василии Дмитриевиче и Василии Васильевиче Темном

Великим князем Владимирским по смерти Юрия Даниловича был тверской князь Александр Михайлович, и Калита не спорил с ним. Но Александр потерял и великое княжение, и тверское, потому что тверичи, выведенные из терпения насиллями ханского посла, убили его, перебили и всех татар, бывших с ним. Хан прислал большое войско, которое без сопротивления опустошило Тверское княжество. Александр принужден был бежать и потом погиб в Орде, а Калита стал великим князем, и с этих пор Московское княжество окончательно усиливается пред всеми другими северными княжествами. Когда Калита умер в 1341 г., то ни один князь не мог спорить с его сыном Симеоном, который стал обращаться с князьями не по-старому, как с братьями, равными владельцами, но как с подчиненными, и потому его прозвали Гордым. По смерти Симеона был московским и великим князем брат его Иоанн, который умер в молодых еще летах и оставил малолетнего сына Димитрия.

Малолетство князя могло бы быть губительно для Москвы, но она была уже сильна, сильнее всех других княжеств, а главное,

нашлись люди, которые умели воспользоваться этой силой и не дали Москве упасть и при малолетнем князе. Симеон Гордый в своем духовном завещании написал братьям, чтоб они слушались владыки Алексея-митрополита и старейших бояр, которые отцу их и им добра хотели. Алексей-митрополит, сын московского боярина Плещеева и крестник великого князя Иоанна Калиты, особенно оказал большие услуги во время малолетства князя Димитрия. Знаменитый святостью жизни, уважаемый не в одной России, но в Константинополе и даже в Орде, Алексей употреблял все старание, чтоб дело собирания Русской Земли, начатое московскими князьями, не пропало, чтоб Москва не потеряла своей силы; другим князьям было трудно бороться с московским князем, хотя он был и ребенок, потому что на его стороне был митрополит, главный пастырь русской церкви, которому другие архиереи должны были повиноваться, делать то, что он велит. Вздумает какой-нибудь князь вооружиться против московского князя, искать против него помощи в Литве, не помогать ему против татар, митрополит Алексей отлучает такого князя от церкви; вдруг в его городе все церкви затворяются, нигде нет службы Божией.

Митрополиту Алексею помогал св. Сергей Радонежский, основатель Троицкого монастыря. Сергей в молодости ушел в дремучий лес и сначала жил здесь один, не видя лица человеческого; слух пронесся о святом пустыннике, и начали собираться к нему монахи, несмотря на то, что Сергей встречал их словами: «Знайτε прежде всего, что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселью, но к трудам, печалям, напастям». Построили несколько бедных келий, огородили их тыном; Сергей своими руками построил три или четыре кельи, сам носил дрова из лесу и колол их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем, как раб, и прославился по всем областям русским.

Кроме митрополита важную услугу Москве в малолетство Димитрия оказали бояре, которые не испугались, умели воспользоваться силой Москвы и удержать за своим князем великое княжество Владимирское. Два раза сажали они своего маленького князя на коня и водили во Владимир выгонять оттуда князя суздальского. Димитрий вырос и стал по примеру предков собирать Русскую Землю, приводя всех других князей в свою волю, изгоняя некоторых и присоединяя их княжества к Москве. Москву свою он укрепил, в 1367 году построил каменный Кремль, а до тех пор у города были только деревянные стены. Скоро оказалось, как необходимо было укреплять эту Москву, около которой собиралась Русская Земля, потому что Москве приходилось теперь защищать собранную Русскую Землю от сильных врагов;

эти враги будут нападать с разных сторон, и Москве придется много терпеть от них. Мы видели, что Литва забрала западные русские княжества вместе с Киевом, которым овладел литовский князь Гедимин. Таким образом, Русь разделилась на две части: Северо-Восточную, которая собиралась около Москвы под властью своих старинных князей, потомков св. Владимира, и Юго-Западную, которая подчинилась чужим, литовским князьям. Но литовские князья не хотели довольствоваться одной Юго-Западной Русью, хотели точно так же завоевать и Северо-Восточную. Еще при Симеоне Гордом сын Гедимина Ольгерд начал нападать на Московское княжество и уговаривал татарского хана, чтоб тот помог ему покорить Москву; но Симеон по примеру отца постоянно задобрился хана, часто ездил в Орду с подарками, и потому хан не послушался Ольгерда, но послушался Симеона, а Симеон представил ему, что если Литва овладеет всею Россией, то будет опасно и татарам. Теперь, при великом князе Димитрии, Ольгерд опять начинает воевать с Москвою по поводу Твери. В Твери княжил в это время Михаил Александрович, князь умный, деятельный, смелый; ему было очень тяжело, что Москва усилилась, что московский князь всех князей приводит в свою волю; Твери одной бороться против Москвы было нельзя, а потому Михаил обратился с просьбой о помощи к Ольгерду; тем больше, что между ними было свойство Ольгерд был женат на его сестре. Ольгерд был неприятель опасный; он брал не столько силой, сколько хитростью; у него был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход; два раза он напал врасплох на Московское княжество, два раза осаждал Москву, но не мог взять новопостроенного Кремля; в третий раз Ольгерду не удалось напасть нечаянно: Димитрий встретил его с войском и заставил бежать.

Михаилу Тверскому не помог союз с Литвой, он должен был отказаться от него и подчиниться московскому князю: на кого тот пойдет в поход, на того же должен был идти и тверской князь. Особенно важно было в мирном договоре между Москвою и Тверью условие относительно татар. «Будем ли мы в мире с татарами,—говорит Димитрий Михаилу Тверскому,—дадим ли выход (то есть дань) или не дадим,—это зависит от нас; если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе».

Из этих слов договора ясно видно, что Димитрий считал возможным делом борьбу с татарами. В то самое время, когда Россия начала усиливаться от того, что соединялась в одно государство, благодаря собирателям земли, московским князьям, Орда татарская начала ослабевать от того, что стала распадаться; в ней стали появляться разные ханы, которые свергали друг друга. Таким образом, пришла пора России

освободиться от татарского ига, пришла пора русским князьям переставать ездить в Орду, возить дань и покупать ярлыки. После долгих смут в Орде овладел наконец ханской властью вельможа Мамай. Этот Мамай очень сердился на великого князя Димитрия за то, что тот в своих войнах с другими князьями не обращал никакого внимания на его ярлыки. В 1378 году Мамай послал против Москвы войско под начальством князя Бегича, но Димитрий вышел навстречу татарам за Оку и разбил их на берегу реки Вожи.

Мамай, разумеется, еще больше рассердился за это и в 1380 г., собравши большое войско, сам пошел на Димитрия. Ольгерда Литовского в это время уже не было на свете; ему наследовал сын его Ягайло, который обещал Мамаю помочь на Москву; из русских князей Олег Рязанский не посмел или не захотел объявить себя против татар и вступил в сношения с Мамаем и Ягайлом. Но другие князья явились на зов Димитрия или прислали ему войско. Перед выступлением в поход великий князь поехал в Троицкий Сергиев монастырь; святой игумен благословил Димитрия на войну, обещал победу, хотя нелегкую, и отпустил с ним в поход двоих монахов, Пересвета и Ослябя, из которых первый был прежде боярином, и оба отличались в миру своим мужеством. Димитрий выступил в поход и 6 сентября достиг реки Дона. Здесь начали думать, переходить Дон или нет. Одни говорили: «Ступай, князь, за Дон», а другие: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва, и рязанцы». Димитрий послушался первых; послушался и грамоты св. Сергия, который писал ему: «Непременно, господин, ступай, поможет тебе Бог и св. Богородица». 8 сентября, утром, русские переправились за Дон и построились при устье реки Непрядвы. Скоро показали татары; русские двинулись к ним навстречу и сошлись с ними на широком поле Куликовом. Началась битва, какой никогда еще не бывало прежде: говорят, что кровь лилась как вода, лошади не могли ступать по трупам, ратники задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством двоюродного брата великокняжеского князя Владимира Андреевича и московского воеводы Волынского. Владимир, видя, что победа клонится на сторону татар, начал говорить Волынскому: «Долго ль нам здесь стоять? Какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки лежат мертвы!» Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но скоро ветер переменился. «Теперь пора!» — сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар, которые не выдержали и побежали. Русские гнали их до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич велел трубить в трубы, чтобы собрать всех оставшихся в живых ратников. Все собрались, не было только одного — великого князя Дмитрия. Владимир стал спрашивать, не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко израненного и потому надобно искать его между трупами; другие говорили, что видели, как он отбивался от четверых татар и ушел, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвратился с боя. Князь Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтобы все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Ратники рассеялись по полю, и двое из них, уклонившись в сторону, нашли Дмитрия, едва дышавшего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной опасной раны. Была на Руси радость великая, говорит летописец, но была и печаль большая по убитым на Дону, которых было множество: считали, что возвратилась из похода только десятая доля; оскудела совершенно вся Земля Русская воеводами и воинами, и от этого был страх большой повсюду: вдруг придут опять татары или литва — кем оборониться? Страх не был напрасен.

Когда Мамай прибежал с Дона домой, то на него напал другой хан татарский, Тохтамыш, разбил и овладел его ордою. Тохтамышу было очень досадно, что русские князья не едут к нему с поклоном, не везут дани; но после Донской битвы татары уже боялись явно нападать на Россию, и потому Тохтамыш в 1382 году собрал большое войско и пошел к Москве, соблюдая большую осторожность, чтоб в Русской Земле не узнали о его походе. Великий князь Дмитрий узнал уже очень поздно о приближении татар, и когда хотел выйти к ним навстречу, то нашел, что войска мало и трудно было собрать его скоро около Москвы; он поехал на север, в Переяславль, оттуда в Кострому собирать полки, и в его отсутствие Тохтамыш подошел к Москве, то есть к Кремлю, потому что все дома, которые были около Кремля, в посаде, все были пожжены самими москвичами и все они со всем имением заперлись в Кремле; так всегда тогда делали при осаде городов. Три дня бились татары под Кремлем, но не могли его взять: приставят лестницы, полезут на стены, а москвичи обдадут их из котлов горячей водой, обсыплют камнями, стреляли из ружей и пушек, о которых летописец тут в первый раз упоминает.

Видя, что силой взять Кремль нельзя, Тохтамыш попробовал, нельзя ли взять его хитростью; он послал бывших у него двоих князей нижегородских сказать москвичам: «Хан хочет жаловать

вас, потому что вы невиноваты; не на вас пришел хан, а на князя Димитрия, от вас же он требует только, чтоб вы встретили его и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам даст мир и любовь». Нижегородские князья дали москвичам клятву, что хан не сделает им никакого зла. Те поверили, отворили кремлевские ворота, и вышли лучшие люди с дарами; но татары ворвались в Кремль, жителей побили или попленили, церкви и дома разграбили. Взявши Москву, татары рассыпались по всему княжеству московскому и начали брать другие города; но когда один из татарских отрядов наткнулся на русское войско, бывшее под начальством князя Владимира Андреевича, и был разбит и когда в то же время Тохтамыш узнал, что сам великий князь Димитрий стоит с войском в Костроме, то испугался и вошел назад к себе в степь: это уже прямо показывало, что хотя татары и могли делать нечаянные и потому удачные нападения на Россию, но владеть ею по-прежнему уже не могли; Батыево время прошло; татары теперь уже боялись вступать в битву с русскими, и этот страх нагнало на них Куликовское сражение.

Великий князь Димитрий, прозванный за Куликовскую победу Донским, умер в 1389 году, только 39 лет от рождения. Умирая, он прямо благословил сына своего Василия великим княжением Владимирским, зная, что ни один князь не осмелится спорить за него с князем московским, который был сильнее всех князей, несмотря на тохтамышево нашествие. Действительно, у Василия Дмитриевича соперников не оказалось и он продолжал дело своих предков, собирал русскую землю, присоединил к Москве княжества Суздальское, Муромское, Нижегородское. Но в то время как московский князь расширял свои владения на востоке, литовский князь расширял свои владения на счет Западной России. Мы видели, что по смерти Ольгерда в Литве княжил сын его Ягайло; этот Ягайло не был похож на отца, не был ни умен, ни храбр, но он замечателен тем, что с него началась эта несчастная связь у Литвы и Западной России с Польшей. Польский король Людовик умер, не оставив сыновей; осталась у него дочь Ядвига, к которой и посватался Ягайло. Ядвиге не хотелось выходить за него; но Ягайлу очень хотелось сделаться королем польским, и он стал давать обещания, что и примет он католическую веру сам, со всеми родными, вельможами и народом и соединит навеки с Польшей Литву и Западную Россию. Архиереям и панам польским все это очень нравилось, и они уговорили Ядвигу выйти за Ягайла. Поляки были рады, что без труда освободились от опасного врага, потому что от Литвы и им приходилось плохо; поляки были рады, что присоединялись к ним такие обширные земли, как Литва и особенно Западная Русь. Но не были рады литовцы и русские.

Литовцы из независимого и господствующего народа становились каким-то придатком к Польше; точно пошли они в приданое за своим великим князем, который женился на королевне и становился королем польским. Очень не рады были русские: при князьях литовских у них все оставалось по-старому. Литовцы были народ дикий, идолопоклонники, грамоты у них не было, и потому когда они поселились между русскими, то стали у них учиться всему, переняли язык и письмо; все грамоты княжеские писались, все дела производились на русском языке, русскими людьми; многие литовцы, бояре и самые князья принимали православную веру, так что Литва, начиная с князей и вельмож, скоро совсем обрусела бы. Но теперь вдруг пошло все иначе. Ягайло принял христианство по римско-католическому исповеданию и заставил всех своих литовцев, которые еще были язычниками, также принять католичество; русские и литовцы, принявшие прежде христианство православного исповедания, и остались при нем; таким образом, в литовско-русских областях стали жить вместе католики и православные, и католики начали теснить православных, пользуясь тем, что теперь государи, короли польские и великие князья литовские были католики. Русским стало тяжело; а так как и литовцы не хотели быть в зависимости от Польши, то Литва и Западная Русь долго будут отбиваться от соединения с Польшей, будут стараться иметь своего собственного великого князя. Так и теперь в самом начале при Ягайле они взяли себе другого великого князя, двоюродного брата Ягайло, Витовта, и Ягайло с поляками должны были терпеть это, потому что Витовт был князь умный и храбрый; при этом он был так властолюбив, что хотел овладеть и восточной, московской Русью, несмотря на то что не имел сыновей, а родная дочь его Софья Витовтовна была замужем за московским великим князем Василием Дмитриевичем. Витовт обманом захватил Смоленск, воспользовавшись ссорами между его князьями, стал нападать на Новгород и Псков, прямо объявляя желание овладеть ими; великий князь Василий долго терпел, наконец вооружился против тестя; три раза они сходились и расходились без битвы, потому что оба были осторожны, наконец заключили мир, по которому река Угра назначена была границею между московскими и литовскими владениями.

Литва остановилась на Угре, дальше литовские владения не шли никогда; а с востока не давали покоя татары. В это время они опять усилились, потому что среди их князьков явился один очень храбрый и властолюбивый, которого звали Тамерланом; начал он мелкими разбоями в степях и кончил тем, что основал обширное владение; он разбил и прогнал Тохтамышша и вступил в русские пределы, взял Елец, который был тогда на юге пограничным городом со степью. Нападение Тамерлана

не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время приготовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался татар: Тамерлан, простоявши 15 дней в земле русской, вышел из русских пределов 26 августа, в тот самый день, когда москвичи встретили старинную икону Богородицы, принесенную из Владимира и оставшуюся с этих пор в Москве, в Успенском соборе; до сих пор Москва крестным ходом празднует это сретение Владимирской иконы и избавление России от страшного Тамерлана.

Василий Дмитриевич умер в 1425 году, оставив Москву и великое княжение малолетнему сыну Василию Васильевичу, и никто из чужих князей не смел спорить с ребенком, отнимать у него великое княжение Владимирское. Но для Москвы явилась небывалая беда, открылась усобица между ее собственными князьями, между самими потомками Калиты: у Василия Васильевича был родной дядя, Юрий Дмитриевич, князь звенигородский, этот Юрий, по старине, не хотел уступать старшинство племяннику, стал с ним воевать, и Василий два раза терял Москву, должен был уступать ее дяде. Юрий скоро умер, и Василий утвердился в Москве; но у Юрия осталось двое сыновей, Василий, прозванием Косой, и Дмитрий, прозванием Шемяка, которые не хотели довольствоваться своими уделами и питали непримиримую вражду к великому князю; они не имели никакого права на старшинство, на великое княжение; но о правах они уже не думали, они видели, что старина пришла к концу, что каждый великий князь пользуется своей силой, чтоб лишать слабых князей независимости и владений, чтоб собирать Русскую Землю и оставить ее своему сыну, видели, что весь народ сочувствует этому, потому что народу наскучили усобицы, не дававшие ему спокойно заниматься мирным трудом, видели, что духовенство именем Божиим вооружается против старины и требует перехода престола от отца к сыну, а не от брата к брату,—видя все это, видя, что им придется рано или поздно отказаться от своей независимости, от своих уделов, Косой и Шемяка хотели избавиться от этой участи во что бы то ни стало, силой или хитростью. Такие борьбы, где дело идет не о правах уже, а о том, чтобы всякими средствами избыть беды,—такие борьбы обыкновенно отличаются упорством, жестокостью. Великий князь Василий Васильевич, победивши и взявши в плен Косого, велел его ослепить, чтоб отнять у него средства к дальнейшей борьбе. Но жестокость вела к мести, к новой жестокости. Слепец Василий скоро умер; остался брат его Шемяка, который ждал случая отомстить; случай скоро представился.

Между татарами шли также междоусобия. Хан Улу-Махмет, выгнанный из Волжской, или Золотой, Орды братом своим, ушел с преданными себе толпами татар на север и на берегах же Волги

основал царство Казанское. Это утверждение татар в соседстве с русскими владениями с самого же начала оказалось губительно для России: татары стали беспрестанно нападать на нее и опустошать. В 1445 году великий князь Василий, услышав о нападении татар, выступил против них и нечаянно столкнулся с ними недалеко от Суздалья, когда еще не все войска были у него в сборе. Татары разбили русских; сам великий князь попался в плен и был отведен в Казань. Шемяка обрадовался и послал к Улу-Махмету уговаривать его, чтоб не выпускал Василия Васильевича из плена. Это ему не удалось: Улу-Махмет выпустил Василия; но Шемяка спешил воспользоваться неудовольствием в народе, когда начались тяжелые поборы на уплату выкупа в Казань за великого князя, особенно когда наехало в Москву много татар, которых Василий принял к себе в службу. Шемяка стал распускать слухи, что Василий обещал в Казани отдать татарам все Московское княжество, а себе взять Тверь. В Москве составилась заговор в пользу Шемяки, и, когда в 1446 году Василий поехал на богомолье к Троице, Шемяка ночью врасплох овладел Москвой и захватил семейство великого князя, верных бояр, казну; самого Василия схватили в Троицком монастыре, привезли в Москву и ослепили, отчего он и получил прозвание Темного. Шемяка отослал слепого Василия сперва в Углич, а потом дал ему в удел Вологду, но злодейство не помогло Шемяке: у Василия, хотя и слепого, оказалось множество приверженцев, которые спешили к нему на помощь со всех сторон. Шемяка потерял Москву так же легко, как и добыл ее; но он не хотел прекращать борьбы, не имея возможности сам успешно воевать с Василием, он повсюду искал ему врагов, не давал ему покоя; преследуемый войском великокняжеским, проклинаемый духовенством, он должен был наконец удалиться в Новгород и там умер.

Смертью Шемяки прекратилось это последнее междоусобие между русскими князьями-родственниками за старший стол, за великое княжение. Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия от отца к сыну, великий князь Василий при жизни своей назвал старшего сына Иоанна великим князем и грамоты (указы) писались от имени двоих великих князей — Василия Васильевича и Иоанна Васильевича. Духовенство сильно старалось об утверждении этого нового порядка, ибо видело, что только благодаря ему утвердится единство, сила России и прекратятся кровопролития, бедствия народные. Шемяка имел против себя духовенство, имел против себя митрополита, которым был тогда Иоанн, третий великий святитель русской церкви после Петра и Алексия. Иоанн был поставлен в митрополиты собором русских архиереев, тогда как до сих пор митрополиты, и русские родом, должны были ездить для посвящения своего в Константинополь; но теперь Греческая империя была на краю погибели,

в Константинополе происходили смуты, и в 1453 году он был взят турками. Великий князь Василий объявил, что русская церковь не разрывает тесной связи с греческой и всегда будет сохранять православие, но митрополиты с этих пор всегда уже поставлялись в Москве. В Киеве для Западной России литовские князья постарались устроить особого митрополита; им было досадно, что митрополит всея Руси жил в Москве и, разумеется, желал больше добра православному московскому великому князю, чем литовскому, язычнику или потом католику; литовским князьям было досадно, что их русские подданные находятся по церковным делам в зависимости от митрополита, жившего в Москве, а московских князей они считали всегда своими соперниками, врагами: поэтому они и настояли, чтоб в Киеве был особый митрополит.

Ч Т Е Н И Е VI

О великом князе Иоанне III Васильевиче и жене его Софии Фоминичне
 О том, как украсилась Москва и как великий князь стал жить и вести себя иначе
 О том, как присоединен был Новгород Великий, как устроились войска в России, служилые люди, помещики
 О покорении Перми и Вятки
 О разрушении Золотой Орды, о подчинении Казани великому князю
 О том, как западные русские князья из-за православия стали переходить от Литвы к Москве и как счастливо кончилась война литовская
 О княжении Василия Ивановича, о присоединении Пскова и Рязани, о взятии Смоленска, о разбойничествах крымских

В 1462 г. скончался великий князь Василий Васильевич Темный, и ему наследовал старший сын Иоанн III Васильевич. У Иоанна III было еще четверо младших братьев, которые по отцовскому завещанию получили каждый участки, или уделы, но все эти уделы, взятые вместе, были гораздо меньше той области, какую получил старший брат Иоанн. Эта область и с уделами младших братьев заключалась в нынешних губерниях — Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и в частях Тульской, Калужской, Вологодской и Архангельской. Но важно было то, что другие княжества были до крайности слабы, сопротивляться московским силам не могли; татары слабели все больше и больше; в Литве княжил Казимир Ягайлович, который был вместе и королем польским; все свое внимание он должен был обращать на польские дела, и некогда ему было мешать московскому великому князю усиливаться. Таким образом, обстоятельства были самые благоприятные для Москвы, а Иоанн III умел пользоваться обстоятельствами, да и во второй жене своей нашел хорошую советницу. В первом браке он был женат на княжне тверской, овдовел рано, хотел жениться в другой раз, и скоро представилась невеста знаменитая.

Когда Константинополь был взят турками и последний греческий император, Константин Палеолог, был убит при этом, то

брат его Фома бежал в Италию и нашел убежище в Риме у папы У этого Фомы была дочь Софья, и папа Павел II хотел сыскать ей жениха. Он слышал, что далеко на севере есть обширная страна, Россия, или Московия, как ее тогда называли иностранцы, где жители христиане, но держатся восточного греческого исповедания; а папам всегда хотелось, чтоб все христиане были западного, латинского исповедания и подчинялись их власти: папе поэтому пришла мысль высватать Софью Фоминичну за московского великого князя; папа надеялся, что Софья, воспитанная в Риме, постарается, чтоб муж ее и его подданные присоединились к римской церкви. Папа предложил Иоанну III жениться на Софии, и тот принял предложение. В 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Софья была воспитана в Италии, которая в это время была самая богатая страна в Европе, города ее отличались великолепием своих построек, итальянские мастера считались лучшими, повсюду начали подражать итальянцам во всем. Приехавши в Россию, греческая царевна нашла страну, которая поражала своею бедностью, отсутствием красивых и больших каменных зданий в городах, особенно в столице великокняжеской, в Москве, потому что Москва поднялась в самое несчастное время: с одной стороны, татары, с другой — Литва; некогда было думать о великолепных зданиях, да и не на что их было строить; князья берегли денежку на черный день, а черных дней было довольно; деньги нужно было отвозить в Орду, задаривать хана и вельмож его, чтоб татары не опустошали страны и не мешали управляться со внутренними врагами; деньги нужны были князьям для покупки сел и целых городов, чем и усилилось Московское княжество. Великие князья жили в Москве очень просто; по их завещаниям можно видеть, в чем состояло их имущество: несколько икон, дорогого платья, цепей, несколько сосудов столовых, и всего этого так немного, что можно было уложить в один небольшой сундук; простые деревянные столы да скамейки — вот что наполняло немногие и тесные комнаты великокняжеского дома. Но если так бедно жили князья, то еще беднее простые люди, и Москва представляла серую кучу бедных деревянных изб, одна побольше, другая поменьше; у кого заводилось платье подороже, ожерелье жемчужное, серьги с дорогими камнями, чарки серебряные, относили на сбережение в каменную церковь для безопасности от пожаров, которые были беспрестанно; слышат о татарах, о Литве, собраться легко, все богатство в узелок и садятся или в каменный Кремль в осаду, или уезжают куда подальше, а дом сгорит — не жаль, выстроить его потом легко, лесу множество и постройка незатейная, дешевая.

Самое дорогое в доме у старинного русского человека — это святая икона в переднем углу, благословение прародительское;

самое дорогое в старинном русском городе — это соборная церковь, на постройку и украшение которой не щадили казны ни князя, ни простые люди. В разных городах русских, особенно в Новгороде Великом, во Владимире, были большие красивые соборные церкви, но в Москве не было такой церкви. Каменный Успенский собор, воздвигнутый при Калите, был построен так неискусно, непрочно, что через сто с чем-нибудь лет уже обветшал, своды тронулись, а потому надобно было подпереть его толстыми деревянными столпами. Совестно было, что в стольном городе великого князя Руси соборная церковь развалилась, подперта была деревянными столпами; особенно совестно было великому князю, что подумает невеста, царевна греческая, которая уже ехала из Италии. В 1472 году ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но только что начали сводить своды, как она рухнула. Великий князь послал в Италию искать хорошего архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиоравенти, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году Аристотель начал и в 1479 кончил строение Успенского собора, который и до сих пор стоит в том же самом виде вот уже скоро 400 лет.

Одной соборной церковью не удовлетвоались, другие мастера построили соборы — Архангельский, Благовещенский, построен был каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и некоторые богатые люди построили себе также каменные дома. Москва (то есть Кремль) приняла другой вид; большие каменные здания возбуждали удивление, уважение. Среди деревянных, серых городов русских Москва стала слыть белокаменной; пошли слухи, что в Москве великий князь то и дело что строится; а пошли все постройки, переменялась Москва с тех пор, как приехала в нее греческая царевна Софья Фоминична; иначе с тех пор стал жить великий князь, больше стало около него великолепия, иначе стал он вести себя, гораздо важнее, и стали люди толковать, что, как пришла Софья Фоминична, Русская земля старые свои обычаи переменяла, переставила. Узнали о России, о Москве и в других дальних странах европейских и стали присылать в Москву послов посмотреть, что это за новое государство, какую из него можно получить пользу. И великий князь Иоанн III также отправлял туда взамен своих послов и старался получить пользу от этих сношений, наказывал своим послам добывать за границей мастеров разных, рудников, которые бы умели находить руды золотые и серебряные, мастеров, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, каменщиков, которые бы умели каменные палаты строить, серебряных мастеров, которые бы умели большие сосуды делать и кубки.

Надобились мастера, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, значит, великому князю нужно было

войны вести. Первая война у него была с Новгородом Великим. Новгород, находясь поблизости от Балтийского моря, давно уже разбогател от торговли иностранной, заморской, был самым большим красивым городом на севере, и когда Киев был разорен татарами и больше не поднимался, то лучше и богаче Новгорода Великого не было города во всей Русской земле. Когда в старину князей было много, воевали они друг с другом и выгоняли друг друга из княжеств, и в Новгороде менялись князья: одолеет Мономахович, сядет в Киеве и шлет в Новгород сына или брата; одолеет Ольгович, шлет в Новгород своего сына или брата, и новый князь выгоняет из Новгорода старого. Но жителям Новгорода не могли быть приятны эти частые перемены князей; один князь им нравился, другой нет, хорошего князя им хотелось у себя удержать; бывало и так, что за одного князя стояли одни богатые, сильные люди, а за другого другие, и княжеские перемены стали возбуждать волнения, междоусобия в городе, народ сходил на вече, и, смотря по тому, приверженцы какого князя победят, того принимают, а соперника его выгоняют; власть князей от этого понижалась; принимая князя, новгородцы с ним договаривались, чтоб он вел себя так, а не иначе, и подле князя стал избираемый народом посадник, без ведома которого князь ничем не распоряжался.

Так жили новгородцы до того времени, как в Северной России начали усиливаться княжества, то одно, то другое, и дело пошло к собиранию Русской земли в одно государство Великие князья, сохраняя верховную власть над Новгородом, посылая туда своих наместников, были недовольны тем, что новгородцы не хотели повиноваться им так, как повиновались жители других городов, собирались на вече, решали дела, избирали посадников. У великих князей с новгородцами начались поэтому частые неприятности, и дело обыкновенно оканчивалось тем, что великие князья собирали войско и ходили в Новгород, а богатые новгородцы отплачивались деньгами, и великие князья довольствовались этим, потому что деньги им были очень нужны для задаривания татар и покупки земель.

Новгородцы видели, что им не удержаться при своем вече и посаднике, когда одно какое-нибудь княжество возьмет верх над другими и соберет Русскую землю, и потому они стали поддерживать междоусобия, чтоб не дать одному княжеству взять силы над другими; притесняемые князьями тверскими, они стали поддерживать против них князей московских, но когда московские князья усилились, то точно так же стали ходить на Новгород войной и брать с него деньги. Новгородцы обрадовались междоусобию между самими московскими князьями в княжение Василия Темного, и Шемяка умер у них. За это Василий Темный пошел на Новгород войной, взял с него большие деньги

и ограничил распоряжения веча. Сын его нанес Новгороду последний удар, что было не трудно ему сделать. Новгородцы считали за собою обширные владения, которые простирались до Белого моря и Сибири; но это были пустынные страны, где новгородцы для торговых выгод имели разбросанные на обширных пространствах поселения, которые нужно было защищать, а не то чтобы получать от них защиту, помощь войском; сами новгородцы были народ торговый, а не воинственный, притом они ссорились друг с другом; простые люди жили не в ладу с богатыми и знатными людьми, а богатые и знатные враждовали друг с другом, и вражда эта иногда доходила до побоищ: одна часть города шла на другую, жители одной улицы бились с жителями другой; на вечах богатые и знатные люди нанимали толпы людей, готовых на все из-за денег, и те криком и кулаками решали дела в пользу своих наемщиков.

В начале княжения Иоанна III в Новгороде образовалась сильная сторона людей, которые, видя усиление Москвы, грозившей их воле, хотели подчиниться великому князю литовскому Казимиру на выгодных для Новгорода условиях; но была и другая сторона, которая хотела остаться при Москве, не хотела литовского князя, потому что он был католик. Первая сторона, во главе которой стояли бояре Борецкие с своею матерью, Марфою, вдовою бывшего посадника, взяла верх и отдала Новгород под покровительство Казимира, который обязался оставить в Новгороде все так, как было, и защищать его от московского великого князя. Иоанн, узнавши об этом, пошел с войском на Новгород в 1471 году, разбил новгородцев и заставил их просить мира: они заплатили ему деньги и обязались не поддаваться Литве; а в 1478 году Новгород подчинился великому князю окончательно, отказавшись от веча и посадника, потому что Иоанн объявил: «Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве».

Великий князь взял у новгородцев, у архиерея, у монастырей и у светских людей часть их земель, которые должны были идти на поместья служилым людям. Новое Русское государство, составленное московскими князьями, было государство бедное, доходы великих князей были очень не велики, потому что народу было мало, мало городов, где процветали бы промыслы, торговля; а между тем опасности со всех сторон, надобно отбиваться от врагов, надобно, следовательно, иметь большое войско; но как его содержать, на войско идет много денег; денег нет, но много земли, и потому стали раздавать земельные участки тем, кто шел служить к князю; пока служил, земля оставалась за ним, переставал служить — землю отбирали; эти-то земельные участки и назывались поместьями, а владельцы их помещиками. Были и вотчинники, которые вечно владели своими землями, потому что

получили их в наследство от предков, но богатых вотчинников, которые бы могли служить, не нуждаясь в пособии, в жалованье правительства, было немного; большей части из них великий князь раздавал также поместья.

Ко времени Иоанна III ко двору великого князя в Москву набралось много князей, лишившихся своих княжеств вследствие собрания Русской земли; все они вступили в службу к великому князю и заняли главные места; но так как они не сохранили своих княжеств, а только несколько земель из них, то и они не были богаты, притом вотчины их все уменьшались, потому что делились поровну между детьми; наконец, вотчины уменьшались, оттого что каждому хотелось при смерти дать что-нибудь в церковь, особенно в какой-нибудь монастырь, на помин души, денег не было, и давали на помин души земли; монастыри обогащались, а светские землевладельцы беднели и должны были просить у великого князя поместий, чтоб иметь возможность служить, то есть по первому призыву являться на войну на коне, в полном вооружении и приводить с собою некоторое число вооруженных людей, почему в старину и говорили, что служилый человек должен был являться на войну конен, люден и оружен. Много нужно было Иоанну III земель на раздачу в поместья, потому что много надобилось войска: войны были частые. В 1472 году покорена была Пермская страна и русские воеводы ходили за Уральские горы: нужно было унять дикие народы, здесь жившие, от набегов на русские владения. В 1489 году подчинена была Вятка, поселение новгородское, которое хотело жить по-новгородски и не всегда слушалось великого князя.

Татарское царство в это время делилось на три независимые орды — Волжскую, или Золотую, Казанскую и Крымскую; хан Золотой Орды, Ахмат, все еще думал, что великий князь Московский должен платить ему дань, и сердился, не получая ее. В 1480 г., сговорившись с Казимиром Литовским действовать заодно, он подошел к московским границам со стороны реки Угры, чтоб получить литовскую помощь; но помощь эта не приходила; великий князь Иоанн, будучи чрезвычайно осторожен, не давал битвы татарам, и те, прождавши до половины ноября, когда начались лютые морозы, ушли назад в свои степи, где Ахмат погиб в междоусобии, а сыновья его были добыты крымцами, и таким образом Золотая Орда, куда так долго наши князья ездили с поклонами и дарами, разрушилась окончательно. Ссоры между ханами обещали и Казани скорое падение: в 1487 году родные братья здесь перессорились и один из них, Магмет-Амин, приехал в Москву просить великого князя о помощи; Иоанн послал войско под Казань и посадил в ней ханом Магмет-Амина, который за это признал над собой верховную власть великого князя.

И на западе, со стороны Литвы, дела шли так же успешно, как и на востоке. Король Польский и великий князь литовский Казимир взялся быть покровителем Новгорода и не помог ему против Иоанна; обещал помогать Ахмату и также не помог. Своей явной враждой он только сердил Иоанна, а вреда ему сделать никакого не мог; слабость его была очевидна. Несмотря на то, тверской князь Михаил Борисович вступил в тесный союз с Казимиром, чем поднял против себя московского князя. Твери с Москвой бороться было нельзя; Казимир, по обыкновению, не помог, и Михаил должен был бежать из Твери в Литву, а Тверь была присоединена к Московскому княжеству. Иначе поступали другие пограничные мелкие русские князья, принужденные подчиниться Литве во время ее силы при Ольгерде и Витовте; теперь они увидали, что сила перешла на сторону православной, русской Москвы, и начали поддаваться великому князю Иоанну со своими вотчинами; Казимир присылал в Москву жаловаться на это, но одними жалобами все дело и оканчивалось. В 1492 году умер Казимир, и владение его разделилось между двоими его сыновьями: Польша досталась Албрехту, а Литва Александру. Тогда переход пограничных князей к Москве усилился еще более; в Литве боялись воевать с Москвой и, чтоб великий князь Иоанн не забирал больше литовских земель, предложили ему выдать дочь свою Елену за литовского великого князя Александра; Иоанн согласился, но прежде вытребовал, чтоб заключен был договор, по которому все отошедшие в его княжение к Москве земли оставались за ним, и остались за Москвой город Вязьма, владение князей Новосильских, Одоевских, Воротыньских, Белевских. Московские великие князья с Иоанна Калиты писались внутри своих владений великими князьями всея Руси, но в грамотах к иностранным государям так не писались; теперь Иоанн III в первый раз в договоре с Александром Литовским написал себя «государем всея Руси», что очень не понравилось в Литве, потому что за Литвою было так много русских земель.

Александр женился на великой княжне Елене; но этот брак, от которого ждали дружбы между двумя государствами, повел очень скоро ко вражде между тестем и зятем. Иоанн отдавал дочь в Литву, с тем чтоб тамошние православные русские нашли в ней себе покровительницу; но католики постарались, чтоб православным не было никакой выгоды от приезда Елены. Когда Иоанн потребовал, чтоб Александр устроил для жены православную церковь во дворце, то Александр отвечал, что у них запрещено строить новые православные церкви и что в Вильно православных церквей много, великая княгиня может ездить в какую ей угодно. Тогда православные русские князья, подчиненные Литве, видя, что между Иоанном и Александром опять начались неприятности, стали переходить с владениями своими к Иоанну, объявляя, что им оставаться под Литвою нельзя, православные

терпят в ней гонение от католиков. Таким образом, большая часть нынешней Черниговской губернии отошла к Москве.

За это началась война: в 1500 г. русское войско встретилось с литовским на речке Ведроше; обоими войсками начальствовали русские православные князья, потомки св. Владимира: московским — князь Данила Щеня-Оболенский, литовским — князь Константин Острожский, один из волынских князей, принужденных подчиниться Литве. Князь Щеня победил Острожского и взял его в плен. Ливонские немцы взялись было помогать Александру, но плохо помогли, и литовский князь, несмотря на то что сделался и королем Польским по смерти брата, должен был мириться: в 1503 году все земли, из-за которых началась война, остались за Иоанном. Иоанн III недолго жил после прекращения этой войны: он умер в 1505 году, оставив престол сыну своему Василию.

Этот великий князь dokonчил дело своих предков, без кровопролития добрал последние северо-восточные русские земли, не совсем подчинявшиеся великому князю. Псков сначала зависел от Новгорода, но потом, разбогатев от заграничной торговли, отделился от Новгорода, по примеру которого имел свое вече, своего посадника, хотя признавал верховную власть великого князя и брал от него наместников. Эти наместники, не зная псковских обычаев, поступили по-московски, и отсюда постоянные неудовольствия между ними и псковичами, беспрестанные жалобы. Эти ссоры и жалобы наместников на псковичей, псковичей на наместников наконец наскучили великому князю, и в 1510 году он послал сказать псковичам, чтоб у них не было веча, а были бы только наместники, как во всех других городах, иначе он пойдет на них войною. Псковичи отвечали: «Волен Бог да государь в городе Пскове; мы на государя рук поднять не хотим» — и подчинились во всем воле великокняжеской. Рязань оставалась со своим особым великим князем; но этот князь видел, что силы его совершенно ничтожны в сравнении с силами великого князя Московского, что очень скоро ему придется потерять свою независимость, и в отчаянии, придумывая средства, как бы остаться независимым, завел сношения с крымским ханом. Великий князь Василий, узнавши об этом, вызвал его в Москву и посадил под стражу; потом рязанскому князю удалось уйти в Литву, а княжество его было присоединено к Москве.

Великий князь Василий воевал и с Литвой, где княжил уже не Александр, умерший бездетным, а брат его Сигизмунд, вместе и король Польский. Война эта замечательна тем, что Василий в 1514 году взял Смоленск, город тогда чрезвычайно важный и крепкий, так что Литва никак не могла забыть этой тяжелой потери.

Хуже дела шли с татарами. Перед самой смертью Иоанна III хан Магмет-Амин, который сидел в Казани русским подручником, отказался признавать верховную власть московского великого князя, и Василий Иванович не мог прочно утвердить своего

господства в Казани; мешали тому особенно крымские ханы, которым хотелось опять соединить все татарские орды под одной своей властью. Сделать им это навсегда было мудрено, не были они сильны, а Казань была от них далеко, ближе к Москве, и московские великие князья также старались удержать ее под своей властью. У них была своя сторона в Казани, люди, к ним приверженные; но у ханов крымских была тоже своя сторона в Казани, и большая, потому что и казанцы, и крымцы были татары и одной, магометовой, веры. И вот, если великий князь посадит в Казани своего хана, то крымская сторона хлопочет изо всех сил, как бы его свергнуть и взять себе хана из Крыма. Удастся им это, и великий князь, чтоб опять посадить своего, пошлет войско на Казань, а тут с юга из степей идут к Оке крымские татары, и надобно против них посылать войско, и, если войско запоздает, запустошат всю границу, пробегутся и к самой Москве; займется русское войско с крымцами, казанцы запустошат Нижегородскую и Владимирскую области. Теперь русские люди ездят в Крым пользоваться теплым климатом и любоваться прекрасными видами; а для предков наших Крым был страшным разбойничьим гнездом, откуда беспрестанно нападали татары и во множестве уводили русских в плен и продавали их на азиатских рынках. Нападать им было легко: граница наша шла почти по границе нынешних Орловской и Рязанской губерний, а там с юга и востока была степь, татарское приволье. Идти нашему войску на Крым по таким степям было тяжело, невозможно, и после пробовали, да не удавалось, а в описываемое время и думать было нечего, притом затрагивать Крым было опасно: он находился под верховной властью турецкого султана, тогда очень сильного; затронуть Крым значило поднять против себя и турок. Так Россия и должна была терпеть очень долго эти крымские разбои, обязывалась высылать в Крым ежегодно богатые подарки, или, как тогда называли, поминки, что выходило просто дань; хан и вельможи его возьмут подарки и поклянутся, по их — «шерть дадут», что не будут воевать, но вдруг польский король пришлет также подарки, обещает платить такую же ежегодную дань, чтоб только хан шел на Россию, и по русской границе горят села и деревни, татары разбойничают.

Великий князь Василий Иванович умер в 1533 году, оставив престол малолетнему сыну своему, Иоанну IV Васильевичу.

Ч Т Е Н И Е VII

О царе Иоанне Васильевиче Грозном

Великий князь Иоанн IV Васильевич остался по смерти отца трех лет. Это был ребенок с необыкновенными способностями и чрезвычайно живой и пылкий. Чтoб такого ребенка сделать

хорошим человеком, заставить его употребить свои богатые способности на добро другим и самому себе, надобно воспитание самое хорошее, самое осторожное, надобно удалять от него дурные примеры, сдерживать его порывы и направлять его живость и пылкость на одно хорошее. К несчастью, воспитание Иоанна IV было самое дурное, клонившееся к тому, чтоб постоянно держать его в раздражении, окружать дурными примерами и потакать развлечениям, которые могли только портить его природу.

Скоро по смерти отца Иоанн лишился и матери, остался круглым сиротою, и правление, за его малолетством, перешло в руки бояр; бояре начали сейчас же ссориться за власть и в своих ссорах не только не обращали внимания на то, как воспитывается великий князь, чем занимается, но и вредили его воспитанию, образованию из него хорошего человека; ссорились, дрались в его глазах, в его глазах отделялись друг от друга насильственными средствами и таким образом учили его, как отделяться от неприятных людей, приучали к насилиям, к крови; людей, к которым сирота привязывался, отгоняли, истребляли, в борьбе с противниками не останавливались ни перед чем, свергли двоих митрополитов, и одного с позором. Видя все это, слыша, как целый народ страдает от дурного управления, Иоанн волновался бессильным гневом, что портило его душу; он затаивал в себе вражду и месть и ждал только удобного случая, чтоб освободиться от боярской опеки и разделаться с людьми, которые его оскорбляли, и можно было догадаться, как он с ними будет разделяться: так, как они сами его научили. Еще будучи тринадцати лет только, он вдруг велел схватить главного боярина, князя Андрея Шуйского, и убить его.

С этих пор бояре стали его бояться, никто не смел ему противоречить; но тринадцатилетний ребенок не мог управлять государством, не мог и выбирать людей искусных, а потому старые беспорядки в правлении продолжались. Сильнее всех других бояр стали князья Глинские, родные дядья великого князя по матери; но это были плохие правители; прислуга их, пользуясь силою господ, притесняла простой народ, а Глинские ее не унимали. 16 лет Иоанн короновался и принял титул царя, потому что русские люди приписывали этому слову «царь» гораздо больше силы, чем названию «великий князь»; царь значило то же, что император, царями называли императоров греческих и римских, ханов татарских по прежней памяти их власти над Россией, над ее великими князьями. Скоро после коронации Иоанн женился на Анастасии Романовне Захарьиной, происходившей из старинного московского боярского рода, предки ее были главными советниками великого князя Василия Дмитриевича.

В том же 1547 году, в котором была коронация и свадьба молодого царя, весною начались сильные пожары; в июне месяце

был такой пожар, какого никогда не бывало в Москве: народу сгорело 1700 человек! Царь с царицею и боярами уехали на Воробьевы горы, где было село и небольшой дворец, а в народе вспыхнул мятеж: недовольные Глинскими стали кричать, что Москву жгут эти князья, родная бабка царская, княгиня Анна, с двоими сыновьями. Князь Юрий Васильевич Глинский, услышавши о себе такие речи, поспешил скрыться в Успенский собор; но бояре, злобясь на Глинских за их силу при царе, подожгли чернь; та бросилась в собор, убила Глинского, после чего толпы черни явились в село Воробьево, у царского дворца, с криком, чтоб государь выдал им бабку свою и другого ее сына, князя Михаила Глинского. Иоанн велел схватить главных крикунов и казнить, остальные в страхе разбежались.

Молодой царь увидал, что дела идут дурно и пойдут еще хуже, если он станет жить по-прежнему; увидал, что нельзя ни на кого полагаться, даже на самых близких родственников, и решил-ся сам заняться государственным управлением. Так как он был человек чрезвычайно живой, то в нем произошла быстрая перемена: из человека, думавшего только, как бы повеселиться, он стал набожен, серьезен, неутомим в занятиях государственными делами. В это время он приблизил к себе двоих людей за их честность и добрую, безупречную жизнь: священника Благовещенского собора Сильвестра и одного из придворных, Алексея Федоровича Адашева. Прошло года два после пожаров, и молодому царю захотелось торжественно, перед целым народом, перед целой Россией объявить, что он сам начал править государством и потому не будет больше таких беспорядков и насилий, какие были прежде, во время боярского правления. В 1550 году он приказал выслать в Москву из городов выборных людей, и когда они съехались, то в воскресенье царь вышел с крестами на Красную площадь, где на возвышении, которое называется Лобным местом, отслужили молебен; после молебна царь обратился к митрополиту и начал громко говорить ему о тех беспорядках, которые происходили в его малолетство, во время боярского управления, объявил, что он нисколько не виноват в слезах и крови, пролитых в это время; потом, обратясь к народу, просил его забыть все прошлое, обещая с этих пор быть для всех судьей и защитником. В этот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать просьбы от бедных и обиженных и стараться, чтоб судьи выбирались справедливые. В том же году Иоанн велел составить судный устав, или судебник, потому что судебник деда его, Иоанна III, уже оказался недостаточным, а в следующем 1551 году Иоанн созвал собор церковный, перечислил перед архиереями беспорядки, замеченные им в церкви, и просил, чтоб приняты были меры против них. На этом соборе постановлено, чтобы сто священников выбирали себе старосту, лучшего

человека, который собирал бы их для совещаний о делах духовных; постановлено выбирать в духовное звание людей благочестивых и грамотных и у них в домах устроить училища; также постановлено для больных и престарелых людей устроить по всем городам богадельни мужские и женские.

Но, занимаясь этими важными внутренними делами, молодой царь должен был думать и о том, как бы защитить свой народ от врагов, которые не переставали опустошать русские пограничные области на востоке и юге.

В Казани по-прежнему боролись две стороны, русская и крымская, и когда одолевала крымская и брала себе в ханы царевича из Крыма, то казанский хан опустошал Россию с одной стороны, а крымский — с другой. Русских пленников было множество в Казани, и оттуда продавали их дальше. Летом 1552 года Иоанн собрал большое войско и сам повел его на Казань. С лишком месяц он осаждал этот город; татары защищались отчаянно; наконец после страшной резни русские взяли Казань, хан ее Едигер-Магмет попал в плен, и другого хана Иоанн уже не посадил в ней, а присоединил ее совершенно к России, ввел русское управление, построил церкви; поставлен был особый архиерей, христианство стало распространяться между татарами и другими дикими народами, а этих народов было много в Казанском царстве: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. Взятием Казани и присоединением ее к России особенно прославился царь Иоанн Васильевич: это было первое покорение татарского царства, великое княжество над прежними повелителями, которые и в ослаблении своем не переставали наносить страшный вред России; здесь была не одна слава, но польза очевидная: множество русских пленников было освобождено и не будет их больше в Казани; жители восточных русских областей могли теперь жить покойно.

Через три года после взятия Казани подчинилось русскому царю и другое татарское царство, которое находилось на устьях Волги, царство Астраханское. И здесь тоже шли междоусобия между ханами; изгнанный своим соперником хан Дербыш ушел в Россию; царь Иоанн Васильевич послал в Астрахань войско, которое без всякого труда овладело городом и посадило опять в нем ханом Дербыша. За это Дербыш обещал быть под властью русского царя, платить ему дань, но скоро изменил, вступил в союз с крымским ханом; тогда царь Иоанн Васильевич в 1556 году послал опять войско в Астрахань, Дербыша выгнали и царство его было совершенно присоединено к России; вместо хана стал управлять им русский воевода, как и в Казани. Таким образом, вся Волга текла теперь в русских владениях, что было очень важно для торговли, и русские люди начали мало-помалу населять плодородные страны на запад от Волги, ниже Казани,

где теперь губернии Симбирская, Пензенская, Саратовская; начали строиться русские городки в этих странах, до тех пор безлюдных.

Можно понять, как сердились в Крыму, что два татарских царства достались русским; можно понять, как сердились в Константинополе, что два магометанских владения достались в христианские руки. Турецкий султан считался главою, защитником всех магометанских народов, и потому ему было страшно досадно, что христианский царь покоряет эти народы. Султан сильно сердился, но делать ему было нечего: нельзя было ему воевать с Россией, достать Астрахань и Казань по той же самой причине, по какой русскому царю нельзя было достать Крым: надобно было проходить войску через широкие безводные степи. Наконец султан Селим придумал средство: прорыть канал между Доном и Волгой там, где эти две реки близко подходят одна к другой, так чтобы можно было миновать степь и посылать войско из Азовского моря на судах к Астрахани и Казани Доном, каналом и Волгой.

Селим послал войско турецкое и татарское рыть канал и идти к Астрахани; но канала в степи турки не вырыли и к Астрахани не пошли: истомленное войско взбунтовалось и принудило своего предводителя идти назад. После этой неудачной попытки турки оставили в покое Россию; но не оставлял ее в покое крымский хан, которому в 1571 году удалось врасплох переправиться через Оку, подойти к Москве и зажечь ее; огонь быстро обхватил огромный, но наполненный все деревянными избами город; все сгорело, кроме Кремля, народу погибло множество во время пожара; кроме того, татары вывели пленных до 150 000 человек. От этих разбойнических нападений можно было защищаться, только принимая меры предосторожности: кроме большого войска, вышедшего к Оке, царь велел устроить за Окой станичную и сторожевую службу: вооруженные отряды стояли на известных местах в степи, сторожили, сменяя друг друга; другие отряды, или, по-тогдашнему, станицы, должны были разъезжать по степи в назначенных направлениях и наблюдать, не покажутся ли где татары.

Татары жгли, грабили, уводили в плен; а на западе были другие враги, которые не хотели, чтоб русские люди приобретали знание, искусство, чтоб русские люди богатели от промыслов и торговли; эти враги боялись, что когда русские люди приобретут знание, искусство во всяком деле, военном и морском, то усилятся не в пример перед прежним и станут опасны всем своим соседям. Как только Русская земля собралась около Москвы и поуправилась с татарами, так сейчас же русские государи обратились к Западной Европе за искусством и наукою, сначала стали призывать архитекторов и разных необходимых мастеров,

лекарей. Так делали Иоанн III и сын его Василий, а теперь Иоанн IV Васильевич увидал, что гораздо лучше, если будут свои искусные люди по всем частям, а для этого нужно ввести науку в Россию, вызвать побольше иностранных ученых и художников, которые бы выучили русских тому, что сами знали. В 1547 году царь и отправил в Германию одного иностранца, чтоб тот набрал там как можно больше ученых и ремесленников. Охотников набралось больше ста человек, но ливонские немцы не пропустили ни одного из них в Россию.

Мы видели, как немцы, составив орден военных монахов, овладели берегами Балтийского моря, Ливонией и Эстонией, овладели здесь русскими княжествами и городами, хотели овладеть Псковом и Новгородом, да не удалось благодаря Александру Невскому. Чем больше усиливалась Россия при московских великих князьях, тем больше чувствовали немцы, как опасно их положение, они понимали, что если им удалось захватить приморские области у раздробленной, слабой России, то соединенной, крепкой России легко взять назад свое, тем больше, что море было ей всего нужнее: русские видели, что они беднее других европейских народов, и в то же самое время видели, что богаче, смышленнее других народов приморские народы, которые ведут морскую торговлю, плавают по далеким морям. Ливонские немцы, боясь, что русские еще больше и скорее усилятся через науку и искусство, не пустили ученых и мастеров в Россию; но понятно, что этим самым поступком своим они возбуждали в царе Иоанне Васильевиче желание отнять у них хоть часть морского берега, чтоб беспрепятственно сноситься морем с Европой. Сначала он промолчал, потому что был занят делами татарскими; но когда поуправился с ними, то потребовал у немцев, чтоб они заплатили ему дань с Дерпта (Юрьева), которую обязаны были давать русским государям по старинным договорам, а между тем не давали. Немцы обещали заплатить все — и не заплатили. Тогда в 1558 году Иоанн послал войско в Ливонию, которое взяло Нарву, Дерпт и другие города, числом двенадцать. Магистр ордена Кетлер увидал, что русские непременно завоюют всю Ливонию, и потому отдал ее Польше, а Польша сделала его за это герцогом Курляндским, с тем чтоб он от нее зависел. Таким образом, теперь русский царь должен был вести войну с Польшей за Ливонию.

В это время, когда началась война с Польшей за Ливонию, для царя Иоанна начались печали, искушения, которых он победить не мог, и он сделался из доброго царя царем жестоким, Грозным. У него начались неприятности с людьми, которых он приблизил к себе и на которых совершенно положился, с Сильвестром и Адашевым. Царю было неприятно, что Сильвестр и Адашев сблизились с теми боярами, которых он не любил,

которым не доверял, и, наоборот, завели ссору с родственниками царицы, Романовыми; царица, разумеется, брала сторону своих и тем не нравилась Сильвестру, Адашеву и друзьям их; Иоанн Васильевич, таким образом, находился в очень трудном положении, был, как говорится, между двух огней.

Еще в 1553 году случилось несчастное происшествие, которое заставило Иоанна думать, что Сильвестр и Адашев не имеют к нему и его семейству никакого усердия. В этом году он опасно занемог, так что не думал остаться жив, написал духовную и потребовал, чтоб двоюродный брат его, князь Владимир Андреевич, и бояре присягнули еще при его жизни сыну его, младенцу; но Владимир Андреевич отказался присягать; он поднял старину, объявил, что дядя имеет больше права на престол, чем племянник, и стал собирать себе партию, а когда другие вельможи вооружились за это против него, то Сильвестр заступился за него, а отец Адашева прямо говорил, что он со своими друзьями не хочет служить Романовым, которые, по родству с царицей, будут управлять царством во время малолетства царя. Больной Иоанн из своей спальни слышал, как в другой комнате бояре кричали: «Не хотим служить младенцу: нами будут владеть Романовы!»

Иоанн выздоровел и, разумеется, не мог забыть того, что случилось в его болезнь, хотя еще несколько лет Сильвестр и Адашев по-прежнему были в силе; но вражда между ними и царицей Анастасией все более и более усиливалась. Кроме того, Иоанн, имея большой ум, широкие взгляды, не мог в иных государственных делах соглашаться с мнениями Сильвестра, а тому это не нравилось и он не умел скрывать своей досады. Дело кончилось тем, что Сильвестр и Адашев должны были удалиться из Москвы: Сильвестр ушел в монастырь, Адашев уехал воеводой в один из завоеванных ливонских городов. Немного спустя после удаления Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасия. Царь чрезвычайно грустил в своем совершенном одиночестве; около него не было человека, который бы дал ему нравственное утешение, нравственную поддержку; люди, боявшиеся, чтоб Сильвестр и Адашев опять не приблизились к царю, начали толковать, что царица Анастасия погибла от врагов своих. Друзья Сильвестра и Адашева со своей стороны хлопотали, чтоб подняться и возвратить вождей своих; но им это не удалось, некоторые из них были казнены, другие сосланы; Сильвестр и Адашев умерли в изгнании.

Одним из самых знаменитых и любимых царем воевод был князь Андрей Михайлович Курбский, кроме заслуг воинских отличавшийся образованностью, начитанностью, чем был похож на царя, который также удивлял своей начитанностью в Священном писании и летописях (других книг тогда не было), удивлял

искусством в речи изустной и письменной. Князь Курбский был другом Сильвестра и Адашева. Слыша, что его друзья в беде, слыша, что и о нем самом царь в сердцах высказался дурно, как о соумышленнике враждебных ему людей, Курбский решил бежать из России: это было ему сделать легко, потому что он начальствовал войском в Ливонии. Курбский ушел к польскому королю Сигизмунду Августу, который принял его с честью, наградив землями. Чувствуя, что сделал дурно, стал изменником, Курбский вздумал оправдаться и написал Иоанну послание, в котором всю вину складывал на царя, выставлял его гонителем лучших людей, которые ему и царству добра хотели, вспомнил и старину: так как он был потомок князей ярославских, то враждебно отзывался о предках Иоанна, князьях московских, особенно о дяде и отце Иоанна, за то, что они окончили собирание Русской Земли, отняли независимость у других князей и сделали их своими подданными. Иоанн не утерпел и отвечал ему, оправдывая себя и своих предков.

Отъезд Курбского и его письма произвели на царя Иоанна страшное впечатление: один из лучших воевод, на которого он так полагался, изменил, ушел к врагу, польскому королю, и, мало того, оправдывал в этом себя и других, кто бы захотел сделать то же самое; но хуже всего было то, что Курбский до сих пор был знаменит своими заслугами, умом, добрыми качествами. Иоанн вследствие своего воспитания был подозрителен и раздражителен, а теперь вследствие ухода Курбского эта подозрительность и раздражительность достигли высшей степени. Кому после того верить, на кого положиться? От душевного волнения Иоанн так переменялся в лице, что его узнать нельзя было. Он не считал себя более безопасным в Москве, в России, уехал из Москвы в Александровскую слободу (теперь город Александров во Владимирской губернии), удалился от бояр, устроил опричнину, то есть новый особый двор из людей, которых считал себе вполне преданными, на содержание которых определены были особые города и области; но Иоанн думал, что и опричнина его не спасет, что враги выгонят его и детей его из России, и он искал, где бы приютиться тогда в чужих землях. Думая, что повсюду окружен враждебными людьми, он считал себя вправе вести с ними жестокую войну, истреблять их, и когда он получал известия о злых умыслах, то пощады не было никому, громил целые города и области: так разгромлен был Новгород Великий, когда царь получил весть, что новгородцы хотят передаться польскому королю. Митрополитом в это время был Филипп, вызванный царем из Соловецкого монастыря, где он был игуменом и прославился святостью жизни. В случае опалы (гнева царского) на кого-нибудь митрополиты обыкновенно ходатайствовали за опального (провинившегося), что называлось тогда

«печаловаться», просили государя простить провинившегося, брали его на свои поруки. Видя ожесточение царя, казни, наглость опричников, митрополит Филипп стал печаловаться, увещевал Иоанна, чтоб переменял поведение и унял опричников. Упреки святого мужа наводили раздумье на царя; но это раздумье было страшно для опричников, и они постарались оклеветать Филиппа, внушить Иоанну, что он вмешивается не в свои дела, вступает за изменников и потому не хочет добра царю. Филипп был лишен митрополии и сослан в заточение в тверской Острочь монастырь, где впоследствии главный из опричников, Малюта Скуратов, задушил его. К троиим великим святителям московским и всея России, Петру, Алексию, Ионе, присоединился четвертый, святитель-мученик.

С течением времени казни приутихли, опричнина была уничтожена; но царь уже не мог вылечиться от страшных припадков гнева, в которых не щадил никого: в одном из этих припадков он так сильно ударил старшего сына своего Иоанна, что тот умер. Семейная жизнь царя по кончине царицы Анастасии была очень печальна и не могла нисколько его успокоить. Он женился в другой и третий раз; царицы скоро умирали, и все шли толки, что злые люди их изводили; Иоанн выпросил у архиереев позволение жениться в четвертый раз, а потом уже женился и в пятый, и в шестой, и в седьмой.

Не было царю радости и от успехов военных. Война затянулась, потому что кроме поляков нужно было воевать и со шведами: одна часть орденских немецких владений, Ливония с городом Ригию, поддалась полякам, а другая, Эстония с городом Ревелем, поддалась шведам. Вести долгую войну бедной и малолюдной России было очень тяжело, а между тем овладеть морскими берегами считалось необходимым. В 1566 году Иоанн созвал собор из духовенства, бояр, дворян, главных делопроизводителей, которых тогда называли дьяками, знатнейших купцов московских и спрашивал их совета — кончать войну или продолжать? Собор отвечал, что надобно добывать всю Ливонию до моря. Война, по всем вероятностям, кончилась бы удачно, если бы поляки не избрали на свой престол князя трансильванского Стефана Батория, очень искусного полководца. В то время в Европе был обычай нанимать войско; люди, которым почему-нибудь не нравилось в своем отечестве, уходили из него и нанимались го у того, то у другого государя, смотря по тому, кто больше даст денег и в какой войне будет больше добычи. Так как война была постоянным ремеслом этих людей, то они были очень искусны в военном деле, мастера в нем. С таким-то небольшим, но искусным войском, с хорошей артиллерией Стефан Баторий вдруг начал быстрое наступательное движение и стал забирать у русских города; русское войско, растянутое по грани-

цам, неискусное, без опытных полководцев, не знавшее, куда двинуться, чтобы остановить неприятеля, пропустило Батория до самого Пскова. Но здесь, под стенами этого хорошо укрепленного города, успехи польского короля остановились. Осажденные под начальством князя Ивана Петровича Шуйского защищались отлично, все приступы Батория были отбиты. Это было в 1581 году. Но славная защита Пскова, которая в то время для русских людей имела такое же значение, как для нас защита Севастополя, дала царю Иоанну Васильевичу только возможность поскорее заключить мир, ибо он видел, что со своим неискусным и истомленным войском он не мог ожидать успеха в войне с таким искусным полководцем, каким был Баторий; да и не с одним Баторием нужно было воевать; шведы также наступали и забирали русские города. Царь заключил мир и с поляками, и со шведами, отказавшись от морских балтийских берегов. Первая попытка овладеть этими берегами была неудачна; но сильный народ, который растет и мужает, не устрашается неудачами; царь Иоанн Васильевич завещал свою мысль о необходимости приобретения балтийских берегов своим преемникам, и переходила она от царя к царю до самого Петра Великого. Самая неудача, бывшая следствием неискусства русского войска, тем более усиливала стремление приобрести искусство, знание и для этого сблизиться с образованными заморскими народами, взять у них науку. Отказавшись до поры до времени от балтийских берегов, надобно было довольствоваться для торговых сношений с Европой Белым морем, хотя и неудобным по краткости способного для мореплавания времени. Торговые сношения с Европой чрез Белое море начались также при царе Иоанне IV: в 1553 году один английский корабль явился в устьях Северной Двины, вследствие чего и завелась торговля у англичан с русскими. Благодаря этой торговле основан и разбогател город Архангельск, также разбогатели и другие города по дороге от Архангельска к Москве — Устюг, Вологда, Ярославль.

В то время как на западе царь Иоанн должен был отказаться от своих завоеваний в пользу поляков и шведов, с востока пришла весть, что там без ведома царя завоевано для него еще целое царство татарское, царство Сибирское. По обширности пустых земель в России государи наши издавна с большей охотой уступали большие земельные участки людям, которые бросались населять их и заводить разные промыслы. В 1558 году богатые промышленники Строгановы выпросили у государя пустые земли по реке Каме на 146 верст, с тем чтоб поставить здесь городок для оберегания от дикарей, призвать работников, завести хлебопашество и соляные варницы, что все и было исполнено. Но Строгановым не давал покоя из-за Уральских гор сибирский султан Кучум; чтоб не допускать его до своих земель,

Строгановы выпросили у царя позволение перенести свои укрепления дальше за Уральские горы, на реку Тобол, и там заводить поселения и промыслы. Царь согласился и на это. Но чтоб воевать с Кучумом, Строгановым нужно было войско, и войско нашлось.

Мы знаем, как в это время Россия была мало населена, как были близки к Москве пустые степные пространства; город Ливны был пограничным городом с этими степями, в которых иногда только появлялись толпы татар, шедшие пустошить Россию, да русские станичники, сторожившие их, чтоб не пришли внезапно. Такая степная граница, из-за которой беспрестанно нужно было ждать нападения разбойничьих орд, требовала военного населения, которое было бы постоянно готово отражать врага. И действительно, давно уже, с XIV века, южные границы имеют такое население, которое носит название казаков. Этим казакам правительство давало земли, поместья по границе, и потому они назывались поместными казаками и служили, повинясь всем распоряжениям правительства. Но с течением времени уходили далее в степь люди, которым почему-нибудь не нравилось на родине; шли туда люди бедные, бездомные, которым приходилось жить в работниках у чужих людей, шли туда люди, которые сделали что-нибудь нехорошее и боялись за это наказания, шли вообще люди сильные и смелые, которым нравилась степная жизнь, исполненная опасностей, приключений, жизнь на воле, на просторе. Эти люди, уходя далее в степь, селились обыкновенно по большим рекам для раболовства, которое вместе со звероловством и военной добычей составляло для них главное средство пропитания. Эти люди назывались также казаками, и когда их собиралось много на одном месте, например на Дону, то они составляли военные общества, выбирали себе начальников или атаманов. Они принимали к себе всякого, кто бы он ни был и из какого бы народа ни происходил, но больше всего между ними было русских, и потому у них был русский язык и русская православная вера. Они не отрывались от России и признавали над собой власть русского государя, но, живя очень далеко в степи, плохо его слушались: так, у них было положено не выдавать никого, кто к ним придет, и, если государь пришлет с требованием, чтоб выдали, отвечали одно: «От нас выдачи нет!» Потом они любили пограбить: грабили чужих, татар, турок, не спускали и своим: разезжая по Волге, грабили суда царские, разбивали персидских и бухарских послов, шедших в Москву, разбивали купцов русских. Царь Иоанн Васильевич послал за это на них войско; тогда толпа казаков под начальством атамана Ермака Тимофеева, убегающая от царского войска, поплыла вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу, на что согласилась с радостью. В 1581 году

Строгановы отпустили казаков на сибирского султана. Ермак Тимофеевич, плывя почти все реками, добрался до сибирских стран и начал удачно действовать против татар, у которых не было огнестрельного оружия. Кучум принужден был бросить свой город Сибирь, который был занят Ермаком. Летом 1582 года Ермак покорил разные городки и улусы татарские по рекам Иртышу и Оби и, возвратившись в город Сибирь, послал в Москву известить царя о покорении сибирской земли. Иоанн послал за это казакам большое жалованье и отправил воевод своих принять у них сибирские города и закрепить здесь русскую власть.

Что затем случилось в Сибири, об этом царь Иоанн Васильевич не узнал: в начале 1584 года он умер на 54-м году жизни, оставив своим преемникам титул царя Казанского, Астраханского и Сибирского, оставив по себе и печальное прозвание Грозного.

Ч Т Е Н И Е VIII

О царе Феодоре Иоанновиче, о царе Борисе Годунове, о Лжедмитрии и Василии Шуйском

Царь Иоанн Васильевич Грозный оставил двоих сыновей: старшего Федора от первой жены Анастасии Романовны и маленького Дмитрия от последней жены Марьи Нагой. Феодор был провозглашен царем, а Дмитрия с матерью и родными ее, Нагими, отослали в Углич из боязни, чтоб под именем Дмитрия кто-нибудь не вооружился против Феодора; боялись этого потому, что Феодор был слаб, не способен к правлению; вместо него должен был управлять кто-нибудь из приближенных. Самым близким к нему человеком был родной его дядя по матери, боярин Никита Романович Юрьев, человек, чрезвычайно любимый народом; сначала он и был правителем; но он скоро занемог тяжелой болезнью и умер; тогда правление перешло в руки другого близкого человека к царю, шурина его Бориса Феодоровича Годунова, брата царицы Ирины. Но были другие бояре, князья, которые считали себя знатнее Годунова и не хотели подчиниться ему как правителю; самые знатные из них были тогда князья Мстиславские и Шуйские. Они стали действовать против Годунова, на их стороне был митрополит Дионисий, на их стороне был народ московский; но Годунов поборол врагов своих: одних казнил, других разослал в ссылку, митрополита Дионисия свергнул и на его место поставил Иова, ростовского архиепископа, который был совершенно ему предан и таким образом утвердился в правлении.

В это время русская власть утверждалась в далеких странах Северной Азии, в Сибири. Ермак Тимофеевич не дождался

царских воевод, посланных к нему Иоанном Грозным: хан Кучум напал на него нечаянно ночью, и Ермак, спасаясь от него, утонул в реке Иртыше. Но смерть храброго казацкого атамана не уничтожила дела, им начато: русские воеводы уже шли в Сибирь по проложенной казаками дороге, за ними следовали другие воеводы; малочисленным и диким туземцам нельзя было с ними бороться, должны были или бежать подальше к другим народам, как сделал Кучум, или покориться и платить дань, ясак. Русские строили среди них городки и шли все дальше и дальше, плывя преимущественно по рекам, не встречая больших препятствий от жителей, которых было очень мало и которые притом жили рассеянно. Сибирь особенно была важна тем, что доставляла в казну меха, самый дорогой товар, которым торговали русские.

Но хотя дорогих мехов и прибавилось в казне царской, а все она была бедна, все не из чего было платить жалованья ратным людям, а ратные люди были надобны, врагов было много. Вместо денег ратные люди получали земли, поместья, ими кормились и должны были являться на войну людны, конны и оружны. Но когда нужно выступать в поход, когда разосланы повсюду повестки, чтоб помещики собирались, воеводы начинают переключку, вызывают: «Такой-то?» «Есть!» — откликается помещик, и его пишут в «естех»; вызывают другого — молчание, значит, нет его, не явился, и его пишут в «нетех». И стало оказываться, что в «нетех» очень много, а кто и в «естех», у того плохое оружие, плоха лошадь или людей не столько, сколько он должен был привести со своей земли. Что за причина? Помещики оправдываются, что служить им нельзя, земля есть, но ее нужно обрабатывать, а рабочих нет; крестьяне были вольные, свободно переходили с одной земли на другую, за две недели до Юрьева дня осеннего (26 ноября) могли отказываться, уходить. Небогатый помещик призовет их к себе, порядится с ними, а тут подле богатый, многоземельный вотчинник светский или монастырь, работники им нужны, потому что везде земли много, а рабочих рук нет, они и переманивают крестьян от бедных помещиков, давая им больше выгод, каких бедный помещик дать не мог; и вот бедный помещик остается без крестьян, земля не обработана, доходов нет и, когда придет повестка идти на службу, собраться нечем. Помещики не являются на службу, войска нет, беда страшная, потому что первая надобность для народа — защита от врагов. Как же быть? Надобно дать помещику средство обрабатывать свои земли, получать доход и быть в состоянии являться на службу, но для этого надобно было дать ему постоянного работника, крестьянина, который бы от него не уходил, и вот крестьян прикрепили к земле, запретили им переходить в Юрьев день с одной земли на другую.

В царствование же Феодора Иоанновича в 1589 году произошла перемена в русской церкви: главный архиерей вместо мит-

рополита начал называться патриархом. Мы видели, что уже с половины XV века, со взятия Константинополя турками, русская, или московская, церковь была независима от Константинопольского патриарха, ее митрополиты ставились в Москве своими архиереями с согласия государя. Союз русской церкви с восточными православными церквами и патриархами их не прерывался; так как они находились в печальном положении под турецким игом, то из России шла им богатая милостыня. Было странно, однако, что церкви, находившиеся в бедственном положении, управлялись патриархами, а русская церковь, единственная из православных церквей, которая была сильна, находясь в стране независимой, с православным государем, управлялась митрополитом. Эта странность выказалась явно, когда приехал в Москву старший из патриархов, Иеремия Константинопольский; приехал он бедный, с просьбой о помощи, а между тем ему принадлежало первенство. Тут-то в Москве решили, чтоб в ней быть пятому патриарху; Иеремия согласился и посвятил митрополита Иова в патриархи; другие три патриарха — Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский — также прислали свое согласие на установление патриаршества в России.

Это событие было выгодно для правителя Годунова, потому что приятель его Иов своим новым титулом патриарха стал выше прежнего. Годунову надобно было в это время подумать о будущем. Если бы наследником царя Феодора был сын его, то при нем Годунов как дядя мог надеяться остаться на прежнем месте, по крайней мере в прежнем чине; но у царя Феодора не было детей; наследником его был брат его Димитрий, удаленный в Углич. Димитрий рос при матери и ее родственниках Нагих, которые не могли быть благодарны за то, что их заставляли жить в ссылке, и потому воспитывали ребенка в враждебных чувствах к Годунову, которому поэтому нечего было ждать добра при воцарении Димитрия. И вот в мае 1591 года разнеслась по Русской Земле весть, что царевич Димитрий погиб в Угличе от убийц, подосланных Годуновым, и что эти убийцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешнин, человек, преданный Годунову (ему-то приписывают главное распоряжение насчет убийства), и Крутицкий митрополит Геласий. Из следствия оказывалось, что царевич накололся на нож сам в припадке падучей болезнью, но следствие было произведено недобросовестно: следователи спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич накололся сам, не обратили внимания на противоречия и на открытие главных обстоятельств. Несмотря на то, патриарх Иов на соборе из духовенства и вельмож объявил, что смерть царевичу приключилась судом Божиим и что угличане невинно

умертвили несколько человек, на которых Нагие указали как на убийц Димитрия. Вследствие этого царицу Марью постригли под именем Марфы и заточили в пустынь на Белоозеро; Нагих всех разослали по городам в тюрьмы; угличан — одних казнили смертью, другим резали языки, засадили в тюрьмы, много людей свели в Сибирь.

В январе 1598 года царь Феодор Иоаннович занемог предсмертной болезнью; когда патриарх и бояре спросили его: «Кому приказываешь царство?», то он отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет». По смерти Феодора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб не было междуцарствия. Но Ирина уехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там под именем Александры. Надобно было выбирать царя. Вельможи знатные, князья крови Рюриковой и Гедиминовой, считали себя вправе на престол, но им трудно было бороться с Годуновым. За Годуновым был патриарх Иов, на которого все смотрели как на главное лицо, от которого все ждали совета и решения; Годунов так долго был правителем, повсюду правительственные должности занимали люди, им посаженные, ему преданные; при царе Феодоре он и родственники его приобрели большое богатство, которым теперь могли воспользоваться для приобретения новых приверженцев; наконец, только что присягнули царице, а царица была его родная сестра. Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство; но он отказался: ему хотелось быть избранным всей Россией, собором, на котором бы были выборные из всех городов, советные люди, как тогда говорили. За советными людьми послали, собор открылся, и патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всего духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Федоровича Годунова другого государя искать нечего; никто не посмел противоречить, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который был у сестры в Новодевичьем монастыре, и опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство. Остались известия, что народ был пригнан неволею, грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взysкивать деньги.

Первые два года царствования Бориса прошли хорошо, спокойно, но потом царем овладела сильная подозрительность. Подозревал он главных вельмож, которые могли иметь права на

престол, и, чтоб узнать, не замышляют ли они чего-нибудь против него, он стал наградами побуждать к доносам; язва доносов распространилась быстро, заразила людей всех званий, самые близкие люди стали доносить друг на друга, ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники. Подан был донос от дворового человека на Романовых, сыновей покойного боярина Никиты, следовательно, двоюродных братьев последнего царя Феодора Иоанновича; схватили всех пятерых братьев, родственников и друзей их, пытали, ничего не узнали и разослали в ссылку по дальним городам; старшего из них, Федора Никитича, постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали; сослали и малолетнего сына их Михаила. К этой беде от доносов присоединился страшный голод вследствие трехлетнего неурожая; за голодом следовал мор; за голодом и мором — разбой: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки и кормились грабежом. Под самой Москвой не было проезда от разбойников, и самым злым атаманом их был какой-то Хлопка Косолап. Царь должен был выслать против него целое войско, и разбойники были так смелы, что вступили в бой с этим войском, убили царского воеводу, но сами были разбиты и должны были бежать в Северскую Украину, нынешние губернии Орловскую, Курскую и Черниговскую, где всегда было множество всякого сброда.

В это время пошли слухи, что царевич Димитрий жив.

В начале царствования Бориса появился в Москве бойкий, смышленный, грамотный молодой человек, сирота Юрий Отрепьев. Он проживал в домах вельмож, подозрительных царю, а потому и сам сделался подозрителен. От этого стала ему грозить беда, и, чтоб спастись от нее, он постригся под именем Григория, скитался из монастыря в монастырь; попал наконец в Чудов и поступил даже к патриарху Иову писцом. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем в Москве, навлекли на него опять беду; царь Борис велел сослать его в Кириллов Белозерский монастырь; но Отрепьеву удалось убежать из Москвы и пробраться за польскую границу. В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу и вступил в службу к богатому польскому вельможе князю Вишневецкому, которому при первом удобном случае открылся, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасшийся от убийц, подосланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного, ребенка. Вишневецкий поверил, поверили и другие польские вельможи и начали принимать Отрепьева с царскими почестями; особенно усердствовал сендомирский воевода Юрий Мнишек, которого дочь Марина очень

понравилась Отрепьеву; усердствовали и польские католические монахи, которым Отрепьев обещал, что если сделается русским царем, то станет вводить католическую веру между своими подданными. В начале 1604 года самозванца привезли в Краков, столицу Польши, и представили королю Сигизмунду III, который царствовал по смерти Стефана Батория. Королю очень хотелось завести смуту в России, да и боялся, а если не удастся, тогда надобно будет воевать с царем Борисом, поэтому он пошел на хитрость: сам как будто был в стороне, а позволил вельможам польским собрать для Лжедмитрия войско и ввести его в Россию.

В октябре 1604 года Лжедмитрий со стороны Северной Украйны переступил русскую границу с очень небольшим войском; но успех его зависел не от войска, которое было при нем, а от смуты, которая поднялась в России при известии, что царевич Димитрий жив и идет к Москве свергнуть беззаконного Бориса. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче Димитрии, который действительно погиб в Угличе, а идет негодяй Гришка Отрепьев под именем царевича. Но многие не убеждались словами патриарха и Шуйского; в толпе народа слышались слова: «Говорят они это поневоле, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить: если этого ему не говорить, так надобно царство оставить и жизнь свою спасать». Патриарх проклинал Гришку Отрепьева, но это проклятие не трогало людей, которые сомневались, не настоящий ли царевич идет к Москве: пусть проклинают Гришку Отрепьева, настоящему царевичу от этого ничего. Люди знатные, воеводы говорили: «Трудно будет воевать против законного государя». Поэтому неудивительно, что у войска, которое выслал Борис против Самозванца, не было рук для сечи, как говорят очевидцы; руки отнимались от страшной мысли, не бьются ли они против законного государя. Благодаря этому Самозванец, отличавшийся большой храбростью, разбил царское войско; в другой раз он потерпел поражение, но это не испортило его дела, потому что воеводы царские действовали вяло, медленно, а к Самозванцу пришли на помощь казаки, которых опять стало много на Дону после Иоанна Грозного.

В это время, когда недоумение овладевало все больше и больше русскими людьми, в апреле 1605 года умирает царь Борис скоропостижно, и хотя жители Москвы присягнули спокойно сыну Борису Федору, однако воеводы, стоявшие против Самозванца, думали, что нельзя ничего сделать с войском, которое упало духом, не имея уверенности, что дело, за которое оно бьется,—дело правое. Главным воеводой был Басманов; он решился прямо объявить войску, что истинный царь есть тот, против которого оно воюет, и войско перешло на сторону Само-

званца, только немногие разбежались. Лжедмитрий двинулся в Москву, куда перед ним явилось несколько его приверженцев; они взволновали народ, свергнули патриарха Иова, разослали в ссылку родных царя, а самого Федора с матерью зверски умертвили.

В июне 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву; но скоро после этого въезда князь Василий Иванович Шуйский стал распускать слухи, что новый царь самозванец. Слухи дошли до дворца, Шуйского схватили и приговорили к смерти, но Лжедмитрий простил его. Для большего уверения народа, что царь есть истинный Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, привезли из заточения монахиню Марфу, бывшую царицей, мать царевича Димитрия, и все видели, с какой материнской нежностью свиделась она с царем. Возвращены были из ссылки родственники ее Нагие, также пострадавшие при Годунове Романовы, из которых в живых остались только два брата: монах Филарет Никитич с сыном Михаилом да Иван Никитич; остальные померли в ссылке от жестокого обращения с ними людей, приставленных стеречь их. Филарет Никитич поставлен был Ростовским митрополитом. В патриархи вместо Иова был поставлен Рязанский архиерей Игнатий, родом грек.

Самозванец венчался на царство по принятому обычаю; часто присутствовал в думе, или в совете царском, и удивлял вельмож умом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью, говорил, что вельможам недостает образования, и обещал позволить им ездить за границу для его приобретения; но в то же время он оскорблял приближенных людей пренебрежением старых русских обычаев, даже таких, которые считались священными; неудовольствие усилилось, когда приехала в Москву невеста царская, Марина Мнишек, со множеством поляков, которые вели себя дерзко, когда Лжедмитрий женился на ней; знали, что она православия не приняла. Этим неудовольствием спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с некоторыми другими знатными людьми, чтоб составить заговор для истребления Лжедмитрия. 17 мая 1606 года рано утром раздался набат в Москве, и по этому знаку заговорщики собрались на Красной площади, откуда князь Василий Шуйский повел их в Кремль ко дворцу. Самозванец проснулся от набата и, увидав, что отбиться от заговорщиков нельзя, бросился в окно и расшибся; в этом положении он был найден и убит. В то же время было побито много поляков, но Марина, отец ее и другие знатные поляки были спасены боярами, которые не хотели из-за них ссориться с Польшей.

Надобно было думать об избрании нового царя. Виднее всех был теперь князь Василий Иванович Шуйский, избавивший Россию от позора иметь на царском престоле обманщика, расстригу.

Шуйского провозгласили царем, не созывая собора советных людей из всего государства, как было при избрании Годунова. Свергнули и патриарха Игнатия как лжедимитриевского патриарха и возвели на его место Казанского архиерея Гермогена. Разослана была по областям грамота от имени бояр и всех москвичей; в грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовской помощью, всех людей прельстил чернокнижеством; но что он погиб и теперь царствует Василий Иванович, потомок прежних великих князей русских. Эта грамота могла показаться очень странной в областях: недавно извеждали из Москвы, что Годунов свергнут истинным царем Димитрием, а теперь уверяют, что этот Димитрий был обманщик, злодей, чернокнижник, объявляют, что он погиб, но как погиб и как уверились в том, что он самозванец,— это неизвестно; объявляют, что избран новый царь, но как и кем,— и это также неизвестно: советные люди из областей не были на избрании Шуйского. Всякий мог спрашивать: что это такое? Как это сделалось? И вместо ответа, который бы успокоил, вдруг разносятся слухи, что царь Димитрий жив, в другой раз спасая от убийц, ушел из Москвы опять в Польшу и оттуда идет с войском на похитителя престола, Шуйского. Кому же и чему верить? Опять сомнение, смута, как при появлении первого самозванца; у добрых людей опустились руки, не знают, за кого стоять, на чьей стороне правда, а злым людям того только и надобно, чтобы мутить землю для своих выгод.

Слухи, что царь Димитрий спасся, пошли тотчас же по воцарении Шуйского; они были распушены людьми, которым было хорошо при Лжедимитрии и нечего было ждать хорошего при новом царе. Они хотели свергнуть Шуйского и думали, что легче всего свергнуть его самозванцем, как свергнут был Годунов, потому что народ не стал бы менять Шуйского ни на какого другого боярина, народ мог быть увлечен, обманут только именем законного царя. Тщетно Шуйский разослал грамоты с уверениями, что человек, царствовавший перед ним, был самозванец и погиб; недоумение не исчезало, потому что не знали, почему прежний царь был найден самозванцем и как он погиб. Второго самозванца отыскивали в Северной Украине, и к нему со всех сторон начали собираться шайки людей, хотевших воспользоваться смутой и пожить на чужой счет, составилось большое войско из всякого сброда, поляков и русских, особенно было много казаков, привлеченных надеждой добычи. Весной 1608 года Самозванец разбил царское войско и быстро шел к Москве. Царь Василий, чтобы отвлечь от него поляков, завел переговоры с королем Польским; условились, что король Сигизмунд отзовет от Самозванца всех поляков и вперед никаким самозванцам не будет верить и за них вступаться, Юрий Мнишек не будет

признавать своим зятем второго Лжедмитрия и не выдаст за него своей дочери Марины. С этим условием Шуйский освободил Мнишека с дочерью и отправил их в Польшу; но они с дороги ушли в лагерь к Самозванцу и подкрепили его своим признанием; также ни один из поляков не оставил его. Лжедмитрий подошел к Москве и расположился станом по Волоколамской дороге в селе Тушине. Москвы он взять не мог, но и царь Василий не мог выгнать его из Тушина. Таким образом, два царя жили друг подле друга, московский и тушинский; скоро, впрочем, тушинский перестал называться у добрых людей царем и стал слыть под именем тушинского вора: воров тогда называли вообще преступника, негодного человека.

Шайки тушинские разбрелись по России, нападали на города; жители городов, в недоумении, не зная, кому верить, сдавались им и присягали царю Димитрию. Самыми знаменитыми предводителями этих тушинских шаек были Лисовский и Сапега. Лисовский бежал из Литвы от смертной казни, и по нему уже можно судить, что за народ был в Тушине. Сапега со своей шайкой подошел к Троицкому Сергиеву монастырю; но бывший в нем отряд войска и монахи не сдались, долго и храбро защищались, несмотря на страшную тесноту, голод и болезни, монахи бились на вылазках, и тушинцы принуждены были отступить, не воспользовавшись монастырскими сокровищами, которые их очень прельщали. Грабеж был единственной целью тушинцев, а служба царю Димитрию служила только прикрытием. Принятые в какой-нибудь город, присягнувший их царю, они прежде всего накладывали на жителей тяжелые поборы, но всего больше доставалось от них беззащитным поселянам, которых разоряли вконец, били, мучили самым зверским образом. Описывая злодейство тушинцев, или, как их тогда обыкновенно называли, казаков, современники говорят, что эти казаки были свирепее Литвы и немцев. Народ не мог долго переносить такого мучительства: крестьяне стали вооружаться первые; но им, по привычке к ратному делу, не случилось в битвах с тушинцами. Удачнее действовали города, из которых многие успели прогнать тушинцев; особенно борьба городов с тушинцами пошла удачнее, когда начал действовать знаменитый племянник царя Василия князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Так как польский король Сигизмунд не сдержал слова, не отвел своих поляков от тушинского вора, то царь Василий обратился с просьбой о помощи к врагу Сигизмундову, шведскому королю Карлу IX. Вести переговоры об этом со шведами царь отправил в Новгород племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Князь Михаил устроил дело, получил шведское войско и вместе с ним и с русским войском пошел от Новгорода против тушинцев весной 1609 года, стал

выгонять их из городов. Шведы были полезны ему тем, что были искусны в военном деле и учили русских. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, чтобы отогнать от нее тушинского вора; но вор был прогнан еще до его прихода к Москве, и прогнал его польский король Сигизмунд, только не в угоду царю Василию.

Король Сигизмунд испугался, что царь Василий заключил тесный союз с его врагом, шведским королем, и поспешил объявить войну России, чтоб захватить что-нибудь у нее, пока царь Василий Шуйский еще не оправился. Сигизмунд подошел с войском прямо к Смоленску, потому что после взятия этого города великим князем Василием поляки не могли успокоиться, что такая важная крепость в русских руках, и Сигизмунду хотелось прославиться возвращением Смоленска Польше. Он думал, что возьмет Смоленск легко во время такой смуты, но когда он послал смолян и воеводе их Шеину грамоту с требованием сдачи и с разными обещаниями, то они отвечали, что поклялись за православную веру, за святые церкви и за царя, который в Москве, всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались. Войска было немного у поляков, и Сигизмунд послал в Тушино, чтоб все поляки оставили Лжедмитрия и соединились с войском королевским. В Тушине начался шум, крик; поляки кричали, что король вырывает у них из рук добычу; они думали только о себе, на Лжедмитрия не обращали никакого внимания, срывали на нем досаду, бранили, грозилась убить. Тогда Лжедмитрий, переодевшись в крестьянское платье, убежал в Калугу, где засел с одними казаками; поляки, покинутые Самозванцем, отправились к своему королю под Смоленск. Тушино опустело; Москва избавилась от Тушина, но под Смоленском стоял польский король, и Москва с нетерпением ждала своего знаменитого и любимого воеводу князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Ч Т Е Н И Е I X

О междуцарствии; об избрании на престол Михаила Федоровича Романова и его царствовании

В марте месяце 1610 года князь Скопин-Шуйский с русским войском и шведским вспомогательным отрядом вступил торжественно в Москву и был встречен ее жителями с восторгом. Воеводе, уже знаменитому, было не более 24 лет от роду. Знаменитость эту он приобрел в один год и вместе с знаменитостью приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших, чтобы Русская Земля успокоилась от смут. В то время как царь

Василий не мог ничего сделать, сидя в осаде, и потому как будто бы его не было, на виду у всех действовал Скопин, и с его именем у добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее. Мысли всех были обращены в ту сторону, где действовал Скопин, утешительных разговоров только и было, что об нем; вот он в Новгороде получает иностранное войско на помощь; вот он двинулся из Новгорода, очистил такой-то и такой-то город от тушинцев, послал отряд на помощь таким-то городам, которые восстали против воров, сам одержал победу над тушинцами, вот он уже близко к Москве — придет, и врагов не будет, все успокоится. Иной человек нравится издали, а подойдет поближе, оттолкнет или наружностью, или обращением, характером; но князь Михаил Васильевич Скопин привлекал всех, кто к нему приближался; он был хорош собою, заговорит — виден светлый ум, зрелость суждения не по летам; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше, и свои, и чужие; шведы так же сильно полюбили его, как и русские.

Царь Василий встретил племянника ласково; но иначе вел себя родной брат царский, князь Дмитрий Иванович Шуйский; у царя Василия детей не было, и князь Дмитрий считал себя наследником престола: увидавши себе страшного соперника в Скопине, возненавидел его. Скопин не хотел долго оставаться в Москве, собрался в поход к Смоленску против польского короля, как вдруг занемог на пиру у одного боярина и через две недели умер. Народ был в отчаянии, и так как знали, что князь Дмитрий Шуйский не любил покойного, то пошли слухи, что князь Михаил был отравлен, и отравлен своими. Смерть Скопина нанесла страшный удар царю Василию и всем Шуйским. Сам царь Василий был стар и бездетен; брата его Дмитрия и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника, в отнятии у народа последней надежды. И вот начальство над войском, которое выступало к Смоленску, принимает этот самый нелюбимый Дмитрий Шуйский, воевода, известный своею неспособностью. Король, узнавши, что идет русское войско, выслал против него главного своего воеводу, или гетмана, Жолкевского, который напал на Шуйского при деревне Клушине и разбил его наголову.

После этой победы Жолкевский пошел прямо к Москве, провозглашая русским царем королевича Владислава, сына короля Сигизмунда; с другой стороны спешил к Москве из Калуги Самозванец, надеясь, что москвичи в крайности скорее поддадутся ему, чем польскому королевичу. Люди, враждебные Шуйскому, начали волновать народ, говоря, что царю Василию нельзя больше оставаться на престоле, нельзя ему без войска защищаться от поляков и Самозванца, он царь несчастный, ничто ему не удастся, сколько крови проливается из-за него даром, Украина

признает царем вора потому только, что никак не хочет признать царя Василия: не будет его — все русские люди придут в согласие. Шуйского свели с престола и постригли. Правление поручили на время боярскому совету, или думе, и стали рассуждать, кого избрать в цари. Патриарх Гермоген требовал, чтоб выбрать кого-нибудь из русских; но знатные люди на это не соглашались, никому не хотелось видеть на престоле своего брата боярина, и если бы выбрали кого-нибудь из них, то пошли бы опять крамолы и смуты, как при Годунове и Шуйском, и притом как бы новый царь стал защищаться от поляков и Самозванца? Решились войти в сношение с гетманом Жолкевским, который уже стоял под Москвой, и присягнуть королевичу Владиславу с условием, чтоб королевич принял православную веру и чтоб Жолкевский согласился на последнее и действительно отогнал Самозванца. Но чтоб королевич принял православие, для этого нужно было согласие короля, к которому надобно было отправить за этим большое посольство. Посольство отправилось под Смоленск к Сигизмунду; главными в этом посольстве были из духовных Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов, а из светских князь Василий Васильевич Голицын.

Между тем сами бояре, боясь волнения в народе, между которым было много недовольных присягою чужому польскому королевичу, боясь, чтоб недовольные не признали Самозванца, сами бояре предложили гетману Жолкевскому ввести польское войско в Москву. Жолкевский, человек очень умный, вел себя искусно, со всеми ладил; но он видел, что долго оставаться в Москве было нельзя, приближалась буря, потому что король Сигизмунд не только не хотел, чтоб сын его принял православие, но и вовсе не хотел его отпускать в Москву, а хотел сам в ней царствовать, присоединить Россию к Польше, как была присоединена Литва и Западная Россия. Жолкевский знал, что русские на это ни за что не согласятся, начнется война, в которой Польше с Россией не сладить, и потому уехал из Москвы, захватив с собой и бывшего царя Василия Шуйского, а начальство над польским войском в Москве сдал другому воеводе, Гонсевскому. Русские послы Филарет и Голицын с товарищами, как только приехали к королю под Смоленск, так увидали, что дело, за которым приехали, не сделается. Паны польские в переговорах с ними тянули время, говорили, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Русское государство, а главное, паны настаивали на том, чтобы Смоленск сдался королю и его польскому войску. Разумеется, послы никак не могли на это согласиться, они говорили: «Зачем Смоленску сдаваться королю; когда королевич приедет в Москву и будет царем, то Смоленск и все города будут его». Тогда поляки начали подговаривать разных людей, приеха-

вших в посольстве, чтоб они бросили послов, уехали домой и служили в России королевским замыслам; некоторых удалось полякам уговорить; но когда они подступили к главному делопроизводителю, или думному дьяку, Томиле Луговскому и стали его улащать королевскими милостями, чтоб ехал под Смоленск и уговаривал смольнян сдать королю, то Луговский отвечал: «Как мне это сделать и вечное проклятие на себя навести? Господь Бог и русские люди мне за это не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках: как же мне первому соблазн ввести? По Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться в море».

Между тем в Москве, видя, что королевич не идет, стали догадываться о дурных умыслах короля. Изменники, продавшиеся королю, толковали, что надобно призвать короля в Москву для окончательного истребления Самозванца, который все сидел в Калуге. Но патриарх Гермоген был против того, чтоб призывать короля, и на стороне патриарха был весь народ. В конце 1610 года Самозванец погиб: он убил одного служившего у него в войске татарина, а другой татарин, из мести, убил самого Лжедмитрия. Это событие было чрезвычайно важно, потому что у приверженцев короля Сигизмунда не было теперь предлога требовать, чтоб короля звали в Россию для очищения ее от Самозванца; люди, которые только из страха пред Самозванцем присягнули Владиславу, теперь освободились от этого страха и могли свободнее действовать против поляков. В Москве, как только узнали о смерти вора, так пошли разговоры, как бы всей земле соединиться и прогнать поляков. Патриарх Гермоген явно призывал к себе людей из разных сословий и говорил: «Если королевич не примет православной веры и все поляки не уйдут из Русской земли, то королевич нам не государь!» То же патриарх писал и в грамотах, разосланных по городам. Города начали переписываться друг с другом, что надобно стать за веру православную против поляков. Области поднялись, дворяне собирались на службу, горожане складывались и давали им деньги, чем содержать себя в походе. Из главных бояр никто не мог принять начальства над ополчением: они сидели в Москве с поляками, которые, при первом подозрении, сажали их под стражу; принял начальство над ополчением рязанский дворянин Прокофий Петрович Ляпунов, человек, отличавшийся своими способностями, пылкий, деятельный.

Ополчение пошло к Москве; поляки и русские изменники заставляли патриарха и бояр написать к Ляпунову, чтоб не шел к Москве, а послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую. Гермоген не согласился. «Положиться на королевскую волю,— говорил он,— значит, целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот

не благословляю писать; и к Прокофию Ляпунову напишу, что если королевич в Москву не приедет, православной веры не примет и поляков из Русского государства не выведет, то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру». Поляки посадили патриарха под стражу, не велели никого пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружились. 19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб тащили пушки на башню. Извозчики не согласились, начался спор, крик; другие поляки, думая, что уже началось народное восстание, начали бить безоружный народ. Русских в одном Китай-городе погибло до 7000 человек; но в Белом городе русские успели вооружиться и погнали поляков в Кремль и Китай-город, причем важную помощь народу оказал воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский; к несчастью, Пожарский тут был тяжело ранен, и его отвезли в деревню лечиться. Между тем поляки успели зажечь Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел. Но поляки недолго были безопасны в Кремле и Китай-городе: 25 марта, в понедельник на Святой неделе, ополчение Ляпунова подошло к Москве и осадило неприятеля, который скоро стал нуждаться в съестных припасах.

В марте сожжена была Москва, в апреле покончили свою посольскую службу под Смоленском митрополит Филарет Никитич и князь Голицын. Поляки не переставали требовать от них, чтоб они согласились впустить королевское войско в Смоленск; но Филарет и Голицын никак не соглашались: тогда их схватили, ограбили и отправили в заточение в город Мариенбург. 3 июня поляки взяли Смоленск приступом после геройского сопротивления жителей. Но хуже всего было то, что дело не ладилось в русском ополчении под Москвой. Ляпунов, поднимая восстание, имел неосторожность призвать на помощь всякий сброд, служивший под именем казаков в Тушине и Калуге Лжедмитрию и оставшийся теперь без дела по смерти самозванца; Ляпунов думал, что так как это русские же люди, то будут охотно биться с поляками за Россию и за веру русскую. Но он ошибся в своих расчетах: казаки, служа самозванцу, привыкли к своеволию и грабежу. Начальство не оставалось в одних руках Ляпунова; выбрали троих предводителей с равной властью; кроме Ляпунова казаки выбрали себе в воеводы князя Трубецкого Дмитрия Тимофеевича и Заруцкого, который был казак по происхождению. Строгость Ляпунова, не позволявшего грабить, возбудила против него казаков, они собрались и убили его; с ним вместе убили дворянина Ивана Никитича Ржевского, который бросился защищать Ляпунова, несмотря на то что был ему большой недруг. Беда шла за бедою: шведы, видя, что русские находятся

в таком страшном положении, и видя, что поляки пользуются этим положением, также захотели воспользоваться им и завладели Новгородом.

Но среди этих бед, когда один тяжелый удар следовал за другим, когда, по-видимому, исчезала всякая надежда на спасение, тут-то и оказалась нравственная сила народная. Русские люди не отчаялись в спасении родной страны; беды их только все больше и больше очищали и укрепляли; русские люди все больше и больше наказывались, по их словам, то есть все больше и больше научались, как делать, чтоб спасти отечество, какие причины бед и как их уничтожить. Из примера Ляпунова они увидали, что хорошее дело надобно делать только с хорошими людьми, а дурные не рады хорошему делу, и если примутся за него, то с тем, чтоб испортить. Так, жители Казани писали пермичам: «Под Москвой, господа, поборника по Христовой вере Прокофия Петровича Ляпунова казаки убили; но мы согласились быть всем в соединении, дурного ничего друг над другом не делать; казаков в Казань не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст государя, а выбрать нам государя всей землей; если же казаки станут выбирать государя одни по своей воле, то нам такого государя не хотеть».

От патриарха Гермогена больше грамот не было: он сидел под стражей, к нему никого не пускали, бумаги и чернил не давали; но шли грамоты из Троицкого Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Троицкий монастырь сослужил свою службу, отбившись от тушинцев, задержав их долгое время под своими стенами; но служба его этим не кончилась. Когда Москва была сожжена и казаки свирепствовали в окружных областях, толпы беглецов, изломанных, обожженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Видя многочисленные толпы этих несчастных, требующих помощи, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали, что делать. Архимандрит Дионисий ободрил их и уговорил употребить новые усилия для успокоения страдальцев: Троицкий монастырь превратился в больницу и богадельню, и в то же время в келии архимандричьей сидели писцы, составляли увещательные грамоты и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению Русской земли от врагов.

В октябре месяце 1611 года увещательная троицкая грамота пришла в Нижний Новгород. Когда в соборной церкви протопоп прочел ее перед всем народом, то земский староста (по-нашему, градский голова) мясной торговец Кузьма Минин Сухорукий стал говорить: «Если помогать Московскому государству, то нечего нам жалеть имения, не пожалеем ничего: дома свои продадим, жен и детей заложим и будем просить, кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником». Все с ним

согласились и положили скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье. Но прежде всего нужно было найти воеводу, кто бы повел войско к Москве. В это время недалеко, в Суздальской области, жил воевода известный, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им в Москве при защите ее от поляков. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: «Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать; но выберите прежде кого-нибудь из своих, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Нижегородцы выбрали Минина. Пожарский принял начальство над войском, которое составилось из служилых людей, дворян, помещиков; но этим дворянам нельзя было содержаться от разоренных помещьев, жители городов должны были давать деньги на их содержание; этими сборными деньгами заведовал Минин; но оба, Пожарский и Минин, были неразлучны в совете о великом деле освобождения земли, и потому имена их остаются неразлучными в памяти народа русского.

Как скоро разнеслась весть, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие пожертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский разослал по всем областям грамоты, в которых говорилось: «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и дома с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в сборе, то станем советовать всей землей и вора́м ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки по-прежнему рати не разогнали».

Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила поляков, осажденных в Москве, встревожила и казаков, которые осаждали их. Поляки послали к патриарху Гермогену уговаривать его, чтоб написал в нижегородское ополчение, запретил ему идти к Москве. Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Москвы». Скоро после этого Гермоген скончался, в феврале 1612 года; причиной смерти было дурное содержание. Казаки послали отряды, чтоб мешать нижегородскому ополчению, но казаки были разбиты, и Пожарский занял Ярославль; казаки подослали сюда злодеев, чтоб убить Пожарского, но это не удалось. Уладив все дела, Пожарский выступил к Москве, куда с другой стороны шел литовский гетман Ходкевич на выручку своим. Пожарский предупредил его и 18 августа 1612 года подошел к Москве. Здесь стояли казаки, с которыми надобно было улаживаться. К счастью, число их уменьшилось: часть их, под начальством Заруцкого, ушла из стана; Заруцкий взял к себе Марину, вдову самозванца, с ее маленьким

сыном, рожденным от тушинского вора, и пошел на юго-восток к степям, чтоб там снова завести смуту во имя маленького самозванца. Предводителем казаков под Москвой остался один князь, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Через два дня после прихода Пожарского явился под Москвой и гетман Ходкевич. 22 августа он напал на Пожарского, но был отбит; 24-го он снова двинулся к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан; но троцкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, Ходкевич был снова отбит и ушел к польским границам, не успевши снабдить осажденных съестными припасами.

После ухода Ходкевича Пожарский соединился с Трубецким и вместе управлял делами, причем Пожарский, отличавшийся скромностью, уступил первенство Трубецкому как старшему по чину. 22 октября осаждающие взяли у поляков Китай-город приступом. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, наконец сдались, и 27 ноября ополчение и народ с крестным ходом вошли в очищенный от врагов Кремль. После этого пришел было сам король Сигизмунд с войском; но, увидав, что опоздал, возвратился, не успев взять и Волоколамска. Уход короля дал досуг заняться избранием царя. Разосланы были грамоты по областям, чтоб присылали отовсюду в Москву знатных духовных лиц и выборных из других сословий, лучших разумных людей. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. 21 февраля 1613 года был последний собор: каждое сословие подало письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все указывали на одного человека, шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича.

Михаил Феодорович жил в это время в Костроме в Ипатьевском монастыре с матерью, монахиною Марфой Ивановной. Собор, провозгласивши его царем, назначил несколько знатных духовных и светских лиц ехать к нему и от имени всех чинов людей просить, чтоб был государем и ехал в Москву. 13 марта соборные послы приехали в Кострому, а на другой день, 14 числа, пошли в Ипатьевский монастырь с крестным ходом и со всеми костромичами. Услыхавши от послов просьбу ехать в Москву и царствовать, Михаил отказался; Марфа Иванова говорила: «Сын мой еще очень молод, а русские люди стали малодушны, троем государям присягнули и потом изменили; кроме того, государство разорено вконец, прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели: откуда будущему царю давать жалованье служилым людям, двор свой содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет

в заточении у польского короля: узнавши, что выбрали в цари сына, король отомстит за это на отце». Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежние государя садились на престол по своей воле, неправо, отчего во всех русских людях и было несогласие и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, наконец стали грозить, что в случае отказа государство совершенно разорится и Бог взыщет на Михаиле это разорение; тогда Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

Оказалось, что Михаилу действительно нечего было бояться; соборные послы были правы: русские люди наказались и пришли в соединение; страшным опытом русские люди наказались, научились, к чему ведут смуты, несогласия и междоусобия; у них было столько нравственной силы, что они могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и теперь могли поддерживать нового государя, несмотря на разорение земли. Что русские люди решились жертвовать всем, чтоб только сохранить нового царя и не дать возвратиться прежней смуте, доказательством служил подвиг Ивана Сусанина. Большие разбойничьи шайки, составленные из поляков и русских, скитались по разным местам; им была очень нерадостна весть, что избран царь всей землей, что земля поэтому скоро успокоится и безнаказанно разбойничать, как прежде, будет нельзя. Одна из таких шаек решилась схватить и умертвить Михаила, но не знала, где он живет; ей попался крестьянин Иван Сусанин из Костромского уезда, села Домнина, принадлежавшего Романовым. Разбойники стали пытаться Сусанина страшными пытками, чтоб он сказал, где живет Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

2 мая 1613 года Михаил приехал в Москву, 11 июля венчался на царство. Россия получила настоящего царя; но в Астрахани засел Заруцкий с Мариной и ее сыном, которого величали царем Иваном Дмитриевичем, а в Польше был королевич Владислав, который также назывался русским царем; шведы, владевшие Новгородом, тоже хотели посадить на русский престол своего королевича Филиппа. Со всеми этими охотниками до русского престола надобно было воевать. Легче всех было справиться с Заруцким, потому что время самозванцев прошло, им уже не верили. Заруцкий, преследуемый царским войском, хотел пробраться с Волги подальше, на Яик, или Урал, но был настигнут и схвачен: его и сына Марины казнили, а Марину посадили в тюрьму, где она и умерла. Но разбойников, которых тогда называли казаками, оставалось еще много внутри государства; они опустошали те места, которых прежде еще не успели опустошить. Летописец говорит, что никогда народу таких мук не бывало, как теперь от казаков, которые, видя, что приходит им

конец, еще больше свирепствовали; мало того, что сами грабили, не давали собирать государственных доходов и провозить их в Москву, так что в казне денег не было, а деньги были очень нужны, когда война со всех сторон. В 1614 году разбойники собрались в большое войско и пошли прямо на Москву. Но следом за ним шло царское войско из Ярославля; разбойники испугались, обошли Москву и бросились бежать к югу, но царское войско настигло их и побило наголову.

Труднее было справиться со шведами и поляками, потому что эти народы были тогда искуснее в ратном деле, чем русские. У шведов тогда был молодой король Густав Адольф, очень искусный на войне и храбрый; он осадил Псков, но взять его не мог. В другой раз Псков остановил врага: в первый раз остановил Батория польского, а теперь Густава Адольфа шведского. Чтоб не вести двух войн зараз, с поляками и шведами, со шведами в 1617 году заключили мир в селе Столбове (между Тихвином и Ладогой): шведы отдали назад Новгород, но удержали за собой четыре русских города — Иван-город, Ямы, Копорье и Орешек, которые и оставались за ними до самого Петра Великого.

Хорошо сделали, что заключили мир со шведами в 1617 году, потому что в следующем 1618 году польский королевич Владислав, называя себя царем русским, подошел к Москве. Царь Михаил Федорович созвал собор из духовенства и всяких чинов людей и объявил, что он решился остаться в Москве и биться с поляками; всяких чинов люди отвечали: «Мы дали Богу обещание за православную веру и за тебя, государя, стоять и с врагами биться, не щадя голов своих». Обещание было исполнено. Поляков отбили, когда они повели приступ к Москве (у Арбатских и Тверских ворот). После этого пошли переговоры и заключено было перемирие в деревне Деулино (недалеко от Троицкого монастыря): поляки удержали за собой Смоленск и Северскую землю, но обязались освободить послов — отца государя, митрополита Филарета, Голицына, Томилу Луговского. Князь Вас. Вас. Голицын умер на дороге.

Отец государя, митрополит Филарет Никитич, по приезде в Москву был поставлен в патриархи и оказал большую помощь сыну, потому что был человек умный, опытный, твердый, знал дело и людей. Русская земля стала оправляться от страшного разорения Смутного времени; разоренные города были осмотрены и описаны, бежавшие из них жители возвращены. Чтобы дать народу сколько-нибудь оправиться, принуждены были мириться с поляками и шведами, отдать им русские города и земли; а на востоке, в Сибири, в царствование Михаила незаметно занято было пространство на 70 000 квадратных миль, и государь велел смотреть уже по реке Лене места, удобные для пашни, и кликнуть клич, кто хочет заниматься земледелием.

Ч Т Е Н И Е Х

О царе Алексее Михайловиче

Едва-едва Россия стала оправляться в царствование Михаила Феодоровича, как этот государь скончался в июле 1645 года, оставив престол шестнадцатилетнему сыну своему Алексею Михайловичу. Народ терпел много от бедности вследствие недавнего разоренья, от неправого суда воеводского, и так как знали, что государь, по летам своим, еще не мог входить в дела как следует и что большую силу имеет дядька царский, боярин Морозов, то в Москве, Новгороде, Пскове и других городах вспыхивали бунты против этого боярина. Морозов был удален, и царь Алексей Михайлович в 1648 году держал совет с знатными духовными и светскими людьми, как бы выписать нужные постановления из правил апостольских и св. отцов, из законов греческих, собрать также указы прежних русских государей, справить их с старыми судебниками, а на какие случаи прежних указов нет, написать вновь, чтобы всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа во всяких делах были всем равны. За это важное дело принялись немедленно; велено было также выбрать из дворян и городских жителей добрых и смысленных людей, которые должны были представить, в чем нуждаются, от чего терпят, и таким образом составилось знаменитое Уложение царя Алексея Михайловича, которое на долгое время осталось действовать в судах.

Но в то время как царь Алексей Михайлович занимался внутренними делами, чтобы Восточной России дать больше средств поправиться после разорения Смутного времени, вдруг поднялась Юго-Западная Россия против поляков и стала просить царя Алексея Михайловича, чтобы принял ее в свое подданство. Причина была та же, почему при великом князе Иоанне III русские князья с своими княжествами переходили от Литвы к Москве, причина была гонение от поляков-католиков на православную русскую веру. Гонение усилилось особенно в XVI веке, когда в Польше явились особенные монахи католические, иезуиты: монахи эти были именно установлены для того, чтобы всеми средствами уничтожать повсюду все другие христианские исповедания и обращать всех в католичество, подчинять всех папе. Иезуиты были люди ловкие, ученые; они стали внушать королю Сигизмунду III и панам польским, как опасно, что в Польше столько народу, целые большие области, исповедуют свою особую веру, что надобно заставить русских подчиниться папе, сперва сделать унию, то есть оставить русским их старые богослужebные обряды, язык их церковный, только чтоб они признавали папу главой церкви, а потом и совсем окатоличить.

Король и паны послушались их. Иезуиты овладели школами, где бранили веру православную; то же делали и в проповедях своих, писали против православия целые книги; но этого мало, подучали своих школьников нападать на русские церкви и делать всякие неистовства.

Русским надобно было защищаться, а прежде всего надобно было подумать о науке, о книгах и училищах, потому что иезуиты брали своей ученостью, которой русским духовным недоставало. Поднялись знатные русские люди, из которых главным защитником православия явился на Волыни князь Константин Константинович Острожский: он собирал, издавал церковные книги, заводил училища и типографии, рассылал по городам русских ученых и проповедников. Другие, менее знатные и богатые люди, дворяне и городские жители, защищали русское дело посредством братств. На Руси издавна велся обычай, что прихожане по случаю храмового праздника складывались и устраивали общий пир, варили общее пиво и угощались им вместе; такие общие сходки, пиры и назывались братчинами или братствами, откуда и до сих пор говорится: «С ним пива не сваришь» — это такой человек, с которым нельзя иметь никакого общего дела, с другими не соглашается, нейдет в братчину. Братства на свои сборные деньги украшали церкви, помогали бедным. В Западной России, где русские люди были под властью чужого, иноверного правительства, где им нужно было думать о поддержании своей веры, братства стали очень важны: они начали превращаться в постоянные советы о делах церкви, о положении русских людей, о средствах, как помочь беде, когда поляки, возбужденные иезуитами, вооружились против православия. Братства написали правила для себя, одобренные восточными патриархами: братья должны были сходиться в определенное время и вносить назначенное число денег, выбирать старшин; наблюдать друг за другом, чтобы все вели себя хорошо, и объявлять братству, если кто сделает что-нибудь дурное; братья помогали друг другу в суде, ходили за больными братьями; член братства в нужде получал денежную помощь из казны братства. Братства основывали школы, больницы, заводили типографии.

Но в то время, когда вельможи и простые люди, соединенные в братствах, старались поддержать русскую церковь и русский народ, чтобы не дать ему окатоличиться и ополячиться, три архиерея, которым тяжело было сносить бедствия гонимой церкви, задумали устроить унию, подчиниться папе и чрез это стать наравне с католическими архиереями; то были митрополит Киевский Михаил Рагоза, епископ Луцкий Кирилл Терлецкий и епископ Владимирский на Волыни Ипатий Потей. Терлецкий и Потей отправились в Рим и там подчинились папе; но князь Острожский с другими православными объявил, что епископы

поступили самовольно и должны быть низвержены. Чтобы решить дело, созван был собор в Бресте в 1596 году; но собор кончился тем, что русская церковь разделилась: одни последовали примеру названных архиереев и соединились с римской церковью, удержавши богослужебный язык и обряды, почему и стали называться униатами, то есть соединенными; но другие, и большая часть, объявили, что они унии не хотят, остаются при церкви восточной, православной во всей ее чистоте. Чрез это православные русские попали в новую беду: кроме католиков им надобно было теперь бороться еще с униатами. Но православные не уступали, тем более что между ними стали распространяться науки. Католики писали против них книги, и православные писали книги против католиков и униатов; братства действовали сильно; из школ особенно стала знаменита Киевская братская школа.

Дворянство, горожане отбивались от католичества посредством братств, посредством школ; но иначе пытались отбиваться казаки, которые жили по окраине, или украине, Западной России, как такие же казаки жили по окраине Восточной, Московской России, потому что как Восточная, так и Западная Россия граничила со степями, откуда надобно было ждать беспрестанно нападения татар. Мы видели, как половцы, а потом татары запустошили старую, Днепровскую Русь, княжества Киевское, Черниговское, Переяславское, отняли у них всякую силу, отчего эти княжества и принуждены были подчиниться Литве, а с Литвой и Польше. Так как и потом в этой стране, которая называлась Малой Россией, Малороссией, нельзя было жить одним мирным земледельцам, потому что подле в степях были татары, то страна получила военное население, казаков. Казаки эти жили на своих землях, податей не платили, но при первой надобности являлись на войну, разделялись они на полки, которые назывались по городам, около которых они жили: полк Киевский, полк Переяславский, полк Полтавский и т. д. Каждый полк управлялся полковником, а все казацкое войско управлялось гетманом. Кроме этих казаков малороссийских жили еще в самой степи казаки запорожские, которые назывались так потому, что главное место их, или Сечь, лежала за днепровскими порогами; эти запорожцы составляли чистое войско, семейств, жен и детей при себе не имели и набирались из самых отчаянных удалыцов. Казаки скоро не поладили с поляками, которым было опасно, что у русских есть такое большое свое войско. Поляки начали стеснять казаков, ограничивать их число, не позволять им иметь своего гетмана; недовольные казаки начали подниматься против поляков, и восстания эти принимали иногда большие размеры, потому что с казаками поднимались и крестьяне, которым приходилось очень тяжело под польским владычеством; господа, или пань,

имели право казнить смертью крестьян, живших на их землях, и когда отдавали эти земли жидам в аренду, то и жида-арендаторы получали также право казнить крестьян смертью; русским крестьянам было особенно тяжело, когда у них пан был поляк, католик; такой пан отдавал в своем селе русскую православную церковь за деньги жиду; жид забирал себе ключи церковные и не иначе отпирал церковь, как за деньги. Все казацкие восстания, впрочем, оканчивались неудачно, польское войско брало верх, и предводители, поднимавшие казаков, обыкновенно подвергались жестокому казням.

Но иначе пошло дело, когда в 1648 году поднял казаков сотник Богдан Хмельницкий. Жестоко оскорбленный поляками и не найдя себе управы, он убежал к запорожцам, куда бежали к нему толпы недовольных из Малороссии. Хмельницкий с этими недовольными и с татарами крымскими, с которыми заключил союз, пошел против поляков, несколько раз разбил их войско и поднял всю Украину, откуда поляки, ксендзы их, или священники, и жида принуждены были бежать, иначе были истребляемы. Но потом дела Хмельницкого и казаков пошли хуже: татары были плохие союзники; они пользовались войной между христианами для того только, чтобы грабить, а в решительные минуты, когда надобно было биться, покидали Хмельницкого, и поляки начали брать верх. Тогда Хмельницкий стал присылать в Москву упрашивать царя Алексея Михайловича, чтобы взял казаков и всю Малороссию под свою власть и защитил от поляков. Это дело было трудное для царя: так, без войны, поляки Малороссию не отдали бы, а вести войну было еще тяжело для России: и войско было неискусное, и денег мало. Алексей Михайлович медлил, раздумывал, послал просить польского короля Яна Казимира, чтобы перестал гнать православную веру, уничтожил унию и принял Хмельницкого в подданство на выгодных для казаков условиях; но король не согласился. Тогда надобно было принять Хмельницкого в русское подданство, в противном случае он поддался бы турецкому султану, чтобы только не поддаваться опять полякам.

В самом начале 1654 года Богдан Хмельницкий собрал своих казаков на совет, или, как у них называлось, на раду, в Переяславль Южный, и начал говорить им: «Видно, нельзя нам жить больше без царя, так выбирайте из четырех—султана турецкого, хана крымского, короля польского и царя православного Великой России, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем. Султан турецкий бусурман: известно, какую беду терпят от него наши братья, православные; крымский хан тоже бусурман: подружившись с ним, натерпелись мы беды; о притеснениях от польских панов нечего и говорить! А православный христианский царь восточный одного с нами

благочестия: кроме его царской руки мы не найдем лучшего пристанища. Кто не захочет нас послушать, тот пусть идет куда хочет, вольная дорога!» В ответ раздались голоса: «Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!» После этого гетман, войско и народ присягнули царю Алексею Михайловичу.

Весной того же 1654 года царь Алексей Михайлович сам повел войско к Смоленску и осенью взял этот город, а на следующий год взял Вильну, столицу литовскую, Ковно, Гродно. Но эти успехи были остановлены смутой в Малороссии. Богдан Хмельницкий умер в 1657 году, и выбранный на его место гетман Выговский изменил, передался полякам; изменник недолго продержался на своем месте; но и другие гетманы, бывшие после Выговского, тоже изменяли и тоже недолго оставались гетманами, потому что народ на восточной стороне Днепра не хотел слышать о поляках, хотел оставаться за русским государем; только на западной стороне Днепра часть казаков оставалась за Польшей, и у них был особый гетман. Смуты в Малороссии дали время полякам оправиться; к тому же крымские татары, боясь, чтобы Россия не взяла большой силы, помогали полякам на нее. Война затянулась, а долгая война была невозможна для тогдашней России: людей и денег было мало; с торговых людей собирали особую подать на войну, а торговля была плохая; и купцам было не в силу платить. Поэтому в 1667 году заключено было с поляками перемирие в деревне Андрусово, недалеко от Смоленска: за Россией остался Смоленск, Северская страна и Малороссия по восточную сторону Днепра, а на западной — только Киев.

В тот же самый год, когда кончилась война с поляками, царю Алексею Михайловичу дали знать, что на Дону собирается много казаков, хотят идти разбойничать на Волгу. Казаки эти были беглые господские люди и крестьяне. Начальники старых донских казаков, давно живших на Дону, неохотно смотрели на этих новых, пришлых казаков, которые назывались голутвенными людьми, то есть голюю, голяками; прибежавши ни с чем на Дон, они хотели поскорее понажитья, «добыть себе зипуны», как они сами говорили, то есть пограбить чужих, а если нельзя чужих, то и своих. Эти голутвенные нашли себе предводителя в донском казаке Степане Разине. Сначала он хотел было поживиться на счет турецкого города Азова, находившегося при устье Дона, но старые казаки не пустили его под Азов, потому что были в мире с азовцами; тогда Разин перекинулся на Волгу, с Волги на Яик, или Урал, из Яика выплыл в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам, опустошал села, города, разбил персидский флот. Летом 1669 го-

да он приплыл с большой добычей в Астрахань и принес повинную государю. Алексей Михайлович простил его с условием, чтоб он отдал всех пленных, пушки, суда и спокойно возвратился на Дон.

Разин отправился из Астрахани на Дон и еще на дороге начал буйствовать; а когда пришел на Дон, то опять стали собираться к нему голутвенные; счастливые разбой на Каспийском море сделали имя его славным между ними; он прослыл колдуном, шла молва, что его ни ружье, ни сабля не берет и пушки по нему не стреляют. Разин стал предводителем особого большого войска и не хотел знать атамана донских казаков Корнила Яковлева, который был верен государю и не хотел пускать казаков на бунт. В 1670 году Разин с своей шайкой опять перекинулся с Дона на Волгу, захватил города Царицын, Камышин, Астрахань; оттуда поплыл вверх по Волге, взял Саратов, Самару; казаки его рассеялись по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, всюду поднимали бунт, разглашая, что у Разина находится царевич Алексей Алексеевич, недавно перед тем умерший, лучших людей истребляли. Разин осадил Симбирск; но здесь был задержан целый месяц, а между тем подоспело царское войско; Разин вступил с ним в битву, но потерпел поражение и бежал на Дон. Неудача отняла у Разина всю силу; теперь никто не шел к нему, никто не заступался за него; атаман Корнил Яковлев схватил Разина и отослал в Москву, где его казнили смертью.

Но в то самое время, как одно царское войско укрощало бунт Разина на Волге, другое войско осаждало Соловецкий монастырь, где засели бунтовщики-раскольники. Не было человека благочестивее царя Алексея Михайловича, и каково же ему было, когда при нем открылась в России смута церковная, раскол! До половины XVI века книги священные и богослужебные были у нас рукописные; благочестивый человек или сам переписывал, или нанимал писца и оставлял переписанную книгу у себя или жертвовал в церковь. Переписчик ошибался, не разбирая или, не разобравши, от себя придумывал слово, выражение, сам делал толкование: смотреть за этим, поправлять каждую рукопись было нельзя. Но вот в 1563 г. царь Иоанн Васильевич Грозный заводит в Москве первую типографию; как же печатать книги? Великая польза от типографии была та, что церковное начальство могло теперь взять издание книг под свой надзор, смотреть, чтоб в них все было правильно; нужно было собрать рукописи, выбрать из них лучшую, самую правильную, но и в хорошей рукописи могут быть ошибки, перемены, надобно справиться с другими рукописями, как в них написано это слово, особенно как оно написано в древнейших рукописях; если и тут недоразумение, если и древнейшие рукописи разнятся, надобно обратиться к подлиннику; так как наши книги переведены с греческого

языка, то надобно справиться, какое слово в греческом подлиннике, и перевести его ближе, точнее. Но как было это делать у нас в XVI и XVII веках, когда не было училищ, не было ученых людей, которые бы и свой язык, древний и новый, знали хорошо да и по-гречески бы хорошо знали? Стали исправлять как умели: иные исправители по невежеству еще больше испортили; другим удалось поправить, выкинуть, например, лишнее; а невежды кричат: зачем это выкинуто, слово важное! Зачем такую ересь затевать, выкидывать слова из церковных книг! Так был обвинен в ереси и подвергся гонению знаменитый Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря. А между тем греки, приезжавшие в Москву, говорили царю и патриарху, что в русском богослужении они замечают отступление от богослужения восточной церкви. Как тут быть? Своих ученых нет; надобно призвать из-за границы ученых, чтоб исправили как следует книги и уничтожили разницу в богослужении. Но эти заграничные ученые прежде всего, разумеется, должны быть православные. Такими могли быть греки и также малороссийские духовные: мы видели, что в Малороссии уже были училища и потому между малороссийскими духовными были люди ученые.

Царь Алексей Михайлович велел вызвать из Киева ученых монахов да греков и дал им исправлять книги. Этим обиделись прежние московские исправители, которые до сих пор считались людьми знающими, искусными, а теперь на их место призвали из-за границы других исправителей, которые говорят, что прежние исправители делали дело не так, ошибались по невежеству. Чтобы защитить себя, поддержать свое достоинство, старые исправители начали толковать, что новым исправителям верить нельзя, греки живут под турецким игом, а малороссияне — под польским, там у них уния. Слышались такие речи от людей, которые слыли знатоками дела, и вот между простыми людьми началось волнение: как это священные книги переменяют, пишут, печатают самое святое имя по-новому, Иисус вместо Иисус, велят креститься не так, тремя пальцами вместо двух! Раздались вопли: до чего мы дожили, последние времена пришли, веру православную переменяют, антихрист родился! По старым книгам святые отцы молились и спаслись; а теперь, по этим старым книгам, не велят молиться, раздают новые, значит, царь, патриарх и все духовенство, которое приняло новые книги, изменили древнему благочестию, православной вере, впали в ересь; не надобно их слушать, ходить в их церковь, сообщаться с ними! Многие простые люди действительно поверили, что старое благочестие, православие гибнет от исправленных книг, и решили, что надобно стоять за старые книги и за старый крест во что бы то ни стало. Раскольники засели в Соловецком монастыре и выдержали в нем долгую осаду; царское войско должно было брать его приступом.

Исправление книг, против которого восстали раскольники, было решено на соборе 1654 года. Собор этот созвал патриарх Никон; он же и привел в исполнение решение собора и строго поступал с людьми, которые возмущали народ, крича о погибели древнего благочестия от исправления книг. Поэтому раскольники так и ненавидят Никона, приписывая ему все дело, тогда как он только исполнял решение собора. Сначала царь Алексей Михайлович очень любил и уважал Никона, который был человек умный, деятельный, распорядительный, большой начетчик в святом писании и по-тогдашнему красноречивый. Царь, который был очень благочестив, поступал во всем по совету патриарха. Никон, будучи от природы властолюбив, воспользовался этим расположением к себе царя и приобрел себе большую власть и в светских делах, чем возбудил против себя вражду вельмож, которым тяжело было ему подчиняться, и тем более тяжело, что у Никона был раздражительный и жесткий характер, вовсе не согласный с званием патриарха; все имевшие дело с Никоном встречали в нем не кроткого пастыря церкви, не отца, а строгого господина, скорого на гнев, и гнев неумеренный. С течением времени и сам царь Алексей Михайлович увидал, что Никон заходит слишком далеко, и самому царю стал он тяжел, выходило, что в России два царя, и часто не знали, которого из них больше слушаться. Царь Алексей Михайлович по своему мягкому характеру никак не мог прямо объясниться с Никоном, твердо сказать ему, чтобы он переменял свое поведение, не забирал себе лишней власти. Алексей Михайлович, которому тяжело стало при Никоне, начал от него удаляться, избегать свидания. Никон, заметив это удаление царя, рассердился и в Успенском соборе после обедни торжественно при всем народе объявил, что оставляет Москву, и уехал в Воскресенский монастырь, который сам отстраивал и назвал Новым Иерусалимом.

Это было в 1658 году, и после того семь лет церковь русская оставалась без патриарха. Никон не отказывался от патриаршества и не возвращался в Москву, а между тем своим поведением все больше и больше раздражал против себя царя и вельмож и таким образом делал примирение невозможным. Царь Алексей Михайлович по благочестию своему никак не хотел решить дело сам и вызвал в Москву двоих восточных патриархов, Александрийского и Антиохийского. Патриархи приехали в 1666 году и на соборе приговорили снять с Никона архиерейский сан и сослать в монастырь как простого монаха за самовольное оставление патриаршества, за самовольные, без собора, низвержения духовных лиц, проклятия, жестокие наказания, которым он подвергал подчиненных, и другие недостойные дела. Никона сослали в Белозерскую Ферапонтову пустынь.

Все эти неприятности — долгая и тяжелая война с поляками, кончившаяся не так, как бы хотелось, волнения в Малороссии,

бунт Разина, раскол, Никоново дело — расстроили здоровье царя Алексея Михайловича, и он умер на сорок седьмом году от рождения в 1676 году. После него остались от первой жены, Марьи Ильиничны Милославской, двое сыновей, Федор и Иван, да пять дочерей; от второй жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной, сын Петр, родившийся 30 мая 1672 года, и две дочери.

Ч Т Е Н И Е Х I

О царе Феодоре Алексеевиче и о первых годах царствования Петра Алексеевича

Мы видели, что дети царя Алексея Михайловича были от разных матерей. Дети от первой жены, Милославской, не любили мачехи, Натальи Кирилловны, не любили всей ее родни, Нарышкиных. Но кроме Нарышкиных, отца и братьев царицы, близким к ней человеком был боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Этот Матвеев, человек очень умный, по-тогдашнему ученый, начитанный, был любимцем царя Алексея Михайловича; Наталья Кирилловна Нарышкина, как бедная девушка, воспитывалась в доме Матвеева, и после женитьбы на ней царя сила Матвеева как воспитателя, благодетеля молодой царицы стала еще больше при дворе. Но когда умер царь Алексей Михайлович и взошел на престол царь Федор Алексеевич, то Матвееву нечего было ждать добра, его тотчас же сослали без суда, под самыми нелепыми предложениями. Царица Наталья с маленькими детьми должна была жить в удалении от двора.

Царь Федор Алексеевич был чрезвычайно болезненный молодой человек и процарствовал только шесть лет. Но и при нем были сделаны два важных дела. Как прежних царей, так и царя Феодора Алексеевича очень беспокоило дурное состояние русского войска, которому особенно вредило местничество. В древней России была очень крепка связь между родственниками, даже самыми дальними. Старшие родственники наблюдали за поведением младших, имели право наказывать их за дурное поведение, хотя бы эти младшие были не молоды и давно на службе. Если наказания не помогали, то старшие родственники обращались к государю, что вот они употребили с своей стороны все средства для исправления младшего, но ничего с ним сделать нельзя, и потому, как государю угодно, только бы на них не гневался, потому что они все сделали, что могли: значит, государь взыскивал на старших родственниках, если младшие вели себя дурно. Постигала кого-нибудь беда, например денежное взыскание, все родственники обязаны были складываться и платить за него, чтоб не положить укора на целый род. Возвышался на службе один из родственников, поднимался с ним вместе целый род;

понижался один человек, понижался с ним вместе и целый род. Поэтому, когда при каждом новом походе собирали помещиков и делались назначения по службе, одного назначали на высшее место, другого — на низшее, тот, кого назначали на низшее место, справлялся: бывали ли его предки или живые родственники на таких местах, не был ли кто из предков или родственников человека, назначенного на высшее место, ниже или наравне с кем-нибудь из его предков или родственников.

Справлялся он в книгах, которые назывались разрядными и в которых были записаны все назначения на службу, кто какое место получал. Если по разрядным книгам оказывалось, что такой случай бывал, то он подавал просьбу, что ему нельзя занимать назначенное место, потому что никто из его предков и родственников не был ниже предков и родственников того, кто теперь назначен на высшее место. Тут никакие приказания и наказания не помогали: человек не шел на службу, потому что боялся больше всего своим понижением понизить целый свой род, всех своих родственников, от которых ему житья бы тогда не было; после, при новых назначениях на службу, родственники того, кому уступлено было высшее место, стали бы говорить им: вы ниже нас; ваш родственник тогда-то занимал низшее место пред нашим родственником. Такой разбор родством и прежними назначениями на службу называли местничеством. Местничались воеводы по полкам, по городам, местничались царедворцы в придворных церемониях; например, приглашаются знатные люди к государю на обед — помолились, государь садится за стол, и вдруг кто-нибудь из приглашенных обращается к нему с просьбой, что ему нельзя сидеть ниже такого-то; другие говорят ему, что можно, государь сердится, а тот стоит, не садится за стол; его начинают сажать насильно, не садится, спустится под стол, а не сядет. Женщины местничались за столом у царицы. Но понятно, что вреднее всего было местничество военной службе: неприятель на границах, нужно выступать скорее в поход, сделаны назначения, кому быть в каких полках воеводами, а тут со всех сторон просьбы: «Мне нельзя быть вместе с таким-то, мне нельзя быть вместе с таким-то». Нужно разбирать, справедливы ли просьбы, и когда окажется, что справедливы, то надобно все переменять, делать новые назначения; на способности нельзя было тут смотреть, лишь бы подобрать воевод так, чтоб выступили в поход без отговорок.

Разумеется, давно уже, как только начали сравнивать русское войско с иностранным и заметили превосходство последнего, увидали невыгоду местничества; но старый обычай, коренившийся на родстве, на родовой чести, нельзя было скоро вывести. Только в конце XVII века начали сильно думать, как бы разделиться с местничеством, от которого только одни беды. Царь

Феодор Алексеевич поручил заняться устройством войска князю Василию Васильевичу Голицыну с выборными людьми из военных чинов, и между ними было решено, что необходимо уничтожить местничество, чтобы всякий, от великого до малого чина, был беспрекословно на том месте, которое ему государь укажет. 12 января 1682 года государь созвал собор из знатного духовенства и светских вельмож и спросил, отменить ли местничество или оставить его по-прежнему. Патриарх Иоаким отвечал, что местничество есть источник всякого зла; светские вельможи объявили, что согласны с патриархом; тогда государь велел принести разрядные книги и сжечь их, а вместо разрядных книг написать родословные, куда внести фамилии, смотря по их знатности.

Другим важным решением при царе Федоре Алексеевиче было решение устроить в Москве Академию. Затруднения, которые встретились при исправлении церковных книг, раскол, который был начат духовными лицами, показывали ясно, какие беды могут происходить от необразованности духовенства. С другой стороны, светские люди все больше и больше понимали, как нужно образование. Царь Алексей Михайлович для воспитания детей своих вызвал из Белоруссии ученого монаха Симеона Полоцкого; вельможи стали также вызывать к своим детям учителей из Западной России; но эти учителя были подозрительны, настоящие ли они православные, не униаты ли, не лютеране ли, а притворяются только православными, и потом, как было узнать, хорошие ли они учителя? Все это заставило царя Федора Алексеевича основать Академию, для которой помещение было отведено в Заиконоспасском монастыре. Государь написал к патриархам восточным, чтоб прислали в Москву учителей, искусных в латинском и греческом языках и в науках, особенно же твердых в православии. Начальник Академии и учителя могли быть только русские или греки, и греки допускались только такие, у которых были от патриархов свидетельства в православии. Учиться в Академии могли люди всех сословий, а держать домашних учителей было запрещено.

В апреле 1682 года скончался царь Феодор Алексеевич бездетным. Следующий за ним брат царевич Иоанн Алексеевич был не только слаб здоровьем, но и умственно не способен к правлению; и потому патриарх Иоаким и вельможи провозгласили царем десятилетнего Петра Алексеевича, крепкого телом и показывавшего большие способности. Но каково же было теперь царевнам, которые имели при брате Федоре большую силу, особенно самой способной и живой из них, царевне Софье Алексеевне? Каково было их родственникам Милославским и приверженцам их? Они воспользовались своей силой, оскорбили мачеху, царицу Наталью Кирилловну, удалили ее от двора, сослали ее благодетеля Матвеева, а теперь сын мачехи провозглашен царем, за малолетством его мачеха будет правительницей; за Матвеевым

уже послали возвратить его из ссылки в Москву. Царевнам, их родне и приверженцам нечего было ждать добра. Тогда царевна Софья стала придумывать, как бы избыть беды, поправить свое дело, и придумала. Брат их от одной матери, царевич Иоанн, был обойден, несмотря на то что был старший; так надобно сделать, чтоб его возвести на престол хотя бы вместе с Петром, которого уже свергнуть нельзя, потому что ему присягнула вся Россия; нужды нет, что царевич Иоанн болен и не способен, вместо него будет управлять царевна Софья, а мачеху, царицу Наталью, нужно удалить от правления, также ее родных Нарышкиных, а главное, умного Матвеева. К несчастью, Софья и ее приверженцы могли исполнить свой план. В это самое время волновались стрельцы.

Стрельцами называлось постоянное войско, заведенное царем Иоанном Васильевичем Грозным; но стрельцы тем отличались от нынешнего обыкновенного постоянного войска, что жили с семействами в своих домах особыми слободами и в мирное время, отслуживши назначенный срок, сходявши на караул, все свободное время занимались торговлей и другими промыслами. Пользуясь слабостью нового правительства при царе малолетнем, стрельцы позволяли себе волнения, своевольства. Они знали, что эти своевольства не останутся безнаказанными, как скоро правительство укрепится, как скоро придет из ссылки боярин Матвеев, который своим умом и опытностью будет помогать царице Наталье в правлении. И вот в то самое время, когда стрельцы боялись наказания за свое буйство, из дворца им дают знать, что они могут не только избежать наказания, но еще получить большие награды, потому что могут оказать царскому семейству важную услугу: бояре и родственники царицы Натальи, Нарышкины, незаконно удалили от престола старшего царевича Иоанна Алексеевича и сделали царем младшего, Петра; да мало того, что отняли у царевича Иоанна престол, умышляют отнять у него и жизнь, если стрельцы не вступятся и не истребят изменников-бояр, начиная с Матвеева и Нарышкиных. Когда стрельцы были таким образом приготовлены, 15 мая 1682 года люди, подсланные царевной Софьей, проскакали по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Стрельцы взволновались, ударили в набат, забили в барабаны и двинулись в Кремль, крича, что идут выводить изменников и губителей царского дома. Несмотря на то что им показали царевича Иоанна, живого и невредимого, они умертвили зверским образом Матвеева, незадолго перед тем приехавшего в Москву, Нарышкиных и других указанных им бояр и не прежде успокоились, как выгребовали, чтобы царевич Иоанн был царем вместе с Петром и чтоб за молодостью братьев правительницей была царевна Софья Алексеевна

Софья, сестры ее и родные их Милославские достигли своей цели; но долго ли они будут пользоваться своим дурным делом? На время царица Наталья удалена от правления, живет одна в горе и слезах, лишенная отца, братьев, второго отца — Матвева; но сын ее царь, он растет; Софья и все ее приверженцы со страхом смотрели на молодого Петра, следили внимательно, как он ведет себя, что делает. Что же он делает, как воспитывается? У старших братьев его был учитель, монах Симеон Полоцкий, который учил их иностранным языкам и разным наукам; но Петр остался после отца менее четырех лет, и ни при царе Феодоре Алексеевиче, ни в правление царевны Софьи о воспитании Петра не заботились, хорошего, ученого наставника ему не приискивали, а у царицы Натальи, в ее печальном положении, не было для этого никаких средств. Петра выучили читать и писать по-русски и этим покончили. А между тем ребенок был одарен способностями необыкновенными и необыкновенной страстью к познаниям; ни один предмет не ускользал от его внимания, он хотел непременно узнать, и узнать точно и подробно, что это, для чего употребляется, как сделано; но и этого мало, хотел непременно сам сделать. И подле такого-то ребенка нет ни одного человека, ни одного наставника, который бы мог его занять, удовлетворить его любопытство, рассказать, объяснить. Кроме силы духовной, силы разума, ребенок был необыкновенно крепок и силен телом, не мог выносить покоя, бездействия, ему непременно нужно было что-нибудь да делать, и делал он все с необыкновенной быстротой. И в летах зрелых он ходил так скоро, что другим казалось, будто он не ходит, а постоянно бегаёт, так что все другие с трудом могли поспевать за ним. Такой живой, огненный ребенок не мог сидеть дома; ему нужны были игры, в которых было бы много шума и движения, в которых бы участвовало много народа и которые требовали ловкости и смысла. Поэтому Петр любил играть в военные игры, окружает себя бойкими, ловкими имышленными людьми, из придворных конюхов составил себе потешное войско, из которого потом вышло настоящее, образцовое войско, первые гвардейские полки. Эти полки своими именами Преображенский, Семеновский называют на те московские места, бывшие тогда подгородными селами, где Петр жила и любил играть со своими потешными в военные игры.

Но одни игры не могли удовлетворять Петра; ему хотелось учиться. Жадно прислушивался он к речам человека, который рассказывал о каком-нибудь любопытном предмете. Однажды он услышал об инструменте, который называется астролябия и употребляется при снятии планов, и захотел непременно иметь этот инструмент. Астролябию купили за границей и привезли ему, но что он с ней будет делать? Не умеет, как взяться, а спросить не

у кого, никто из русских не знает. Не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде всего русские цари стали выписывать к себе из-за границы,—это лекарь, дохтур, как тогда говорили. Не знает ли дохтур, как употреблять астроблябю? Дохтур говорит, что сам не знает, а сыщет человека знающего, и приводит голландца Тиммермана. Тиммерман показывает, как употреблять астроблябю; четырнадцатилетний Петр выпытывает у него, не знает ли он что-нибудь еще, нельзя ли у него поучиться. Оказывается, что можно выучиться у голландца геометрии и фортификации, и Петр начинает учиться этим наукам; Тиммерман при нем беспрестанно, Петр водит его всюду с собой. В селе Измайлове, в сарае, где лежали старые вещи, Петр находит большую лодку особой постройки; сейчас с запросом к Тиммерману, что это за судно? Тиммерман отвечал, что это английский бот. «Чем лучше наших судов?»—спрашивает опять Петр. «Ходит на парусах по ветру и против ветра»,—отвечает Тиммерман. Против ветра! Быть не может! Надобно посмотреть; нет ли человека, который бы починил бот и показал его ход? Тиммерман этого сделать не умеет, но он приводит своего земляка, голландца Бранта. Бот спущен на Язу; Петр в изумлении и восторге. Но река узка; бот перетаскивают в Измайловский пруд, но и тут тесно. Петр начал проведывать, где побольше воды; ему отвечали, что ближе нет Переяславского озера в 120 верстах от Москвы. Петр отправляется в Переяславль и на его озере заводит новую потеху; едут туда голландские мастера; начинается постройка судов, сам Петр первый работник.

В таких занятиях Петр достиг семнадцати лет. Правительница царевна Софья и близкие к ней люди начали сильно придумываться и толковать, как быть. Царь Петр вырос, он здоров, силен телом и умом, не знает усталости в работе; пока он занимался потехами военными, строением судов, но не нынче завтра потехи прекратятся и Петр спросит сестру, по какому праву она правительствует, и отнимет у нее власть незаконную. Особенно пугало Софью и ее приверженцев то, что у Петра было свое войско, эти потешные, все народ храбрый и ловкий, готовый за Петра в огонь и в воду. Против этих потешных Софья видела для себя одну защиту—в стрельцах; она ласкала стрельцов, пугала, что потешные замышляют недоброе против них и против царского дома. 7 августа 1689 года распушен был слух, что ночью придут потешные из села Преображенского, где жил Петр, и побьют царя Ивана Алексеевича и всех его сестер; на этом основании собирают в Кремль стрельцов с заряженными ружьями. Это возбуждает подозрение, что Софья хочет поднять опять стрелецкий бунт против Петра, тем более что главные приверженцы ее и прежде проговаривались, что

надобно истребить царицу Наталью и сына ее. Восемь верных стрельцов, не ожидая ничего доброго от этого ночного сбора товарищей своих в Кремль, решились предупредить Петра, и двое из них поскакали в Преображенское. Петр уже спал, когда приехали стрельцы и другие люди из Москвы с известием, что множество стрельцов в Кремле и хотят идти бунтом в Преображенское. Петра разбудили и рассказали ему, в чем дело. Тогда он, не медля ни минуты, поскакал в Троицкий Сергиев монастырь, а вслед за ним отправились туда же его родные, вельможи, потешные и стрелецкий Сухарев полк. Через несколько дней Петр прислал в Москву схватить соумышленников Софьи, из которых главным был начальник стрельцов Шакловитый. Софья начала уговаривать стрельцов и народ заступиться за нее и за близких к ней людей, не выдавать их Петру; но стрельцы и народ не двинулись в пользу Софьи, и наконец сами стрельцы заставили выдать Шакловитого, который был казнен у Троицы вместе с соумышленниками своими; чего Софья больше всего боялась, то исполнилось: она перестала быть правительницей и должна была заключиться в Новодевичьем монастыре. Царь Иоанн Алексеевич скоро после того умер.

Семнадцатилетний Петр продолжал свои прежние занятия. Переяславское озеро стало для него тесно; он съездил на Кубенское озеро (в нынешней Вологодской губернии), но нашел его мелким и отправился в Архангельск, поплавал по Белому морю, налюбовался на иностранные корабли и заложил свой, русский. Мы видели, как он нашел себе учителя между иностранцами, как между ними же нашел и корабельных мастеров. Иностранцев, как мы знаем, стали вызывать в Москву еще с Иоанна III; но особенно много их стало в ней жить с царствования Михаила Феодоровича, потому что неудачные войны с поляками и шведами показали, как неискусно было русское войско, и потому стали нанимать иностранное войско, которое и жило подле Москвы в особой слободе—Немецкой; тут же жили и ремесленники-иностранцы. Петр, ища людей, от которых можно было что-нибудь узнать, познакомился с этими иностранцами, стал к ним часто ездить в Немецкую слободу; все это были люди из разных стран Европы, люди бывалые, много странствовавшие, много видавшие на своем веку, много испытавшие разных приключений; много любопытного могли они рассказать молодому Петру о том, как что делается в чужих странах, в Западной Европе, какие там чудеса наделаны наукой, искусством. Понятно, как весело было Петру слушать эти рассказы, из которых он узнавал так много нового. Особенно понравился ему между жителями Немецкой слободы один офицер, Лефорт, родом швейцарец из Женевы, человек очень умный, живой, веселый, душа общества. Скоро Лефорт сделался неразлучным спутником, другом Петра.

Но время ученья и время потех на сухом пути и на воде, под Москвой и в Архангельске, проходило. Наступило время заняться настоящим делом. В то время когда Петру было еще только 14 лет и государством управляла царевна Софья, начата была война с Турцией в союзе с Польшей, Австрией и Венецией. В правление Софьи русское войско два раза ходило на Крым, и оба раза неудачно, потому что надобно было идти безводными степями, притом же татары выжигали степь, лошади падали от усталости и бескормицы, люди ослабевали от зноя и копоты, поднимавшейся вследствие травяного пожара, и после этих неудачных походов долго не было никаких значительных действий с русской стороны против турок. В 1695 году Петр сам пошел в поход под турецкую крепость Азов, находившуюся при устье реки Дона. Царь плыл из Москвы рекой Москвой, Окой и Волгой до Царицына, отсюда сухим путем до Дона и Доном вниз к Азову. После Петр считал свою военную службу с этого похода под Азов, потому что при осаде города он отправлял должность бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял. Но Азов не был взят по недостатку флота и опытных мастеров. Петр возвратился в Москву; но неудачи, которые приводят в отчаяние людей слабых, только возбуждают к большей деятельности людей сильных духом, людей великих. Всю зиму в Москве, в Воронеже строят суда, и к весне 1696 г. они готовы; Петр опять плывет под Азов и берет его.

«По приказу Божию к праотцу Адаму, мы в поте лица едим хлеб свой»,— писал Петр из Воронежа во время приготовления ко второму Азовскому походу, и писал правду: никто больше его не трудился. После неудачи Петр не отчаивался, но увеличивал труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхал, не складывал рук, но также усиленно работал, чтоб воспользоваться плодами успеха. «Надобно трудиться и все заранее изготовлять, потому что пропущение благоприятного времени смерти невозвратной подобно»,— говаривал он. Так и после взятия Азова у него идут совещания с боярами. «Нельзя,— говорит он,— довольствоваться тем, что Азов взят; надобно его укрепить, устроить; надобно теперь воевать морем, и для этого нужен флот. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единовверных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, счастье между нас бежит, никогда оно так близко к нам не бывало; блажен, кто схватит его за волосы». Государство бедное, в казне денег очень мало; надобно, чтоб все богатые люди подняли необходимую тяжесть построения флота. Патриарх, архиереи, монахи и все светские землевладельцы ставят по кораблю с известного числа крестьянских дворов; купцы должны поставить 12 кораблей. Кроме русских плотников строители должны содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, кузнецов, лекарей и других необходимых людей.

Чем больше нового необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Долго ли смотреть из рук у иностранцев? Русские люди способны, понятливы, могут всему выучиться. Так надобно, чтоб они поскорее выучились и как можно лучше выучились. Но для этого прежде всего нужны самые лучшие учителя, а где их взять? Иностранцы государства их не дадут, им самим они нужны. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек отправлены царем в Венецию, Англию, Голландию. Но как они там будут учиться, у кого? Как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли воспользовались и к чему особенно способны? Надобно, чтоб кто-нибудь из русских прежде их выучился за границей, все узнал; но кто же будет этот первый русский ученик? Кто с малолетства строил суда на Переяславском озере? Кто проходил службу с нижних чинов, кто во флоте был шкипером, а в сухопутном войске — бомбардиром? Кто не знал устали? Кто подписывался в письмах к матери: «Сын твой, в работе пребывающий»? Кто писал из Воронежа, что по заповеди Божьей в поте лица ест хлеб свой? Тот будет и первым русским учеником за границей — все тот же царь Петр.

В 1697 году по Европе разносятся странные вести: при разных дворах является русское посольство, при котором находится удивительный молодой человек: зовут его Петр Михайлович; он часто ездит отдельно от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом; но ничто не ускользает от его внимания; страсть к знанию, понятливость, способности необыкновенные. Остановился он в голландском местечке Сардаме и занимается корабельным плотничеством; но ему не долго дали поработать вволю: разнеслась по Сардаму весть, что молодой московский плотник — сам царь Петр Алексеевич, и толпы любопытных начали окружать его. Из Сардама Петр перешел на амстердамские верфи. И тут он занимался не одним корабельным плотничеством: его видели повсюду — в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских; все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, и самому поработать; слушал профессорские лекции, которые иногда читались для него на яхте, во время дороги, потому что он дорожил каждой минутой. Из Амстердама Петр писал в Москву к патриарху: «Мы в городе Амстердаме трудимся для приобретения искусства в морском деле, чтоб победить врагов имени Иисуса Христа, турок, и освободить христиан, живущих под их игом, чего до последнего издыхания желать не перестану».

В начале 1698 года Петр уже в Англии, оканчивает здесь кораблестроительную науку. Проведя три месяца в Англии, он

опять на твердой земле и направляет путь в Вену, откуда собрался было в Венецию, в южное морское государство; но вместо Венеции должен был поскорее возвратиться в Россию: пришла весть, что бунтуют стрельцы.

ЧТЕНИЕ XII

О делах царя Петра Алексеевича от возвращения его из-за границы до Полтавской битвы

Мы видели, при каких тяжелых обстоятельствах прожил русский народ восемь с половиной веков. Жил он на большом пространстве, но людей по пространству земли было мало. Жил он на краю Европы, подле Азии, подле степей, откуда выходили грубые, кочевые народы, умевшие только грабить да опустошать, и видели мы, как терпел от них русский народ, как постоянно должен был от них отбиваться; когда народ занят всегда таким тяжелым делом, только и думает об одном, как бы отбиться от врага, то где ж ему заниматься науками, промышленностью, торговлей, всем тем, что прежде всего требует спокойствия, безопасности? Когда русский народ, собравшись около Москвы, немножко вздохнул от татар, стал их одолевать, сейчас же обратился к Западу, где народы, находясь в более счастливом положении, опередили его в науках, искусствах, силе и богатстве. Захотели и русские люди приобрести эти науки и искусства, силу и богатства, захотели сблизиться для этого с образованными народами, овладеть старыми своими приморскими прибалтийскими областями; а тут Польша и Швеция загородили дорогу, оттолкнули от моря; потом пошла Смута, от которой надобно было долго отдыхать; а между тем русские люди все яснее и яснее видели, что необходимо приобрести науку, необходимо бедному государству поразбогатеть, усилиться; стыдно было, что на наш народ не обращают никакого внимания, считают его наравне с азиатскими варварскими народами.

В это-то время Бог послал русскому народу великого царя, Петра. Как начал себя помнить, Петр слышал от добрых и умных людей, в каком печальном положении находилась Россия, как она была бедна и слаба в сравнении с другими государствами, не было у нее ни войска настоящего, ни флота, ни торговли, ни промыслов; русский человек не умел ни за что приняться как следует, потому что не было в России науки, училищ. Петр, чуя в себе великую силу, решил помочь беде, дать как можно скорее своему народу то, чего ему недоставало. Просветить русский народ наукой, дать ему средства пользоваться тем, чем Бог наделил его землю, обогатить народ промыслом, торговлей, для распространения которой овладеть морем, улучшить дороги, завести войско и флот — вот что решился сделать Петр.

Но легко ли было это сделать? Петр обрек себя труду постоянному, неутомимому; того же самого он требовал и от всего народа, потребовал, чтоб все на время отказались от покойной и удобной жизни, подняли великую тягость, чтоб вывести родную страну на новую дорогу, сделать русское имя честным и славным на земле. Петр отличался необыкновенной способностью выбирать людей: как взглянет пристально в лицо человеку, даже ребенку, тотчас угадает, что из него будет прок; таким образом он окружил себя добрыми помощниками, набирая их отовсюду, из вельмож и самых простых людей; как только увидит способного человека, немедленно воспользуется его способностями и поднимет его высоко. Но если он умел награждать, возвышать труд, дарование, то не мог терпеть людей ленивых, тунеядцев, которые хотели жить на чужой счет, сами ничего не деля, не хотели помогать другим в трудной работе, к которой призывал Петр всех.

Стрельцы не только не хотели помогать Петру в этой трудной работе, но прямо пошли против военного преобразования, потому что оно было им невыгодно, лишало их спокойной, привольной жизни и осуждало на тяжелую жизнь солдатскую. Им очень не понравилось, когда они должны были расстаться со своими домами и лавочками в Москве и идти в Азовский поход, а оттуда идти к литовской границе по случаю волнений в Польше. Стрельцы сильно роптали на службу. «Какая наша служба,— говорили они,— скитаемся третий год!» Некоторые из них убежали в Москву и, возвратясь оттуда, показали товарищам письмо царевны Софьи из Новодевичьего монастыря. «Теперь вам худо,— писала Софья стрельцам,— а после будет еще хуже, ступайте к Москве; про государя ничего не слышно». Стрельцы взбунтовались и пошли к Москве, но были поражены царским войском у Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим). Это было в июне месяце 1698 года, а в августе возвратился Петр в Москву. Бунтовавшие стрельцы были переказнены. Открылась вина царевны Софьи и другой сестры ее, царевны Марфы Алексеевны: обе они пострижены в монахини. Стрелецкое войско было мало-помалу уничтожено, и все русское войско явилось в том виде, в каком находится и теперь: вместо того чтоб всякий раз при начале войны собирать помещиков, которые приводили своих людей, начали делать рекрутские наборы; рекрут учили, приготавливали к войне; помещики также должны были постоянно служить, начиная с солдата, и получали высшие чины в войске по заслугам своим, искусству и храбрости. Войско принимало другой вид, европейский, тогда как прежде мало разнилось от татарского войска; и все служащие русские люди должны были принять другой вид, отказаться от длинных бород и одеться в европейское короткое платье, удобное для движения и работы, вместо

прежнего широкого, азиатского. Еще царь Федор Алексеевич издал указ, чтоб все служащие переменяли прежнее длинное платье на короткое; а теперь Петр решительно велит переменить прежний азиатский покррой платья на европейский и не носить бород. В 1699 году Петр учредил первый русский орден — апостола Андрея Первозванного, потому что апостол Андрей проповедовал христианство в тех странах, где теперь Россия. Первым кавалером Андреевским был ближний боярин Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Царь очень уважал и любил Головина как человека умного, искусного, поставил его на первое место между вельможами; но больше всех любил он Александра Даниловича Меншикова, человека низкого происхождения, но с необыкновенными способностями.

1700 год по приказанию Петра начался с 1 января, тогда как прежде новый год начинался с 1 сентября; Петр велел также вести летосчисление, как велось оно во всей христианской Европе, с Рождества Христова, тогда как до сих пор в России велось оно от сотворения мира. Этот 1700 год был знаменит тем, что в нем началась шведская война, или, как ее обыкновенно называют, великая Северная война. Шведы были тогда самый сильный народ в Северо-Восточной Европе, из-за которого России было не выдать. Пользуясь смутным временем, шведы захватили ближайшие к Балтийскому морю русские города, у Польши отняли Ливонию, Данию также обобрали. Все эти государства, обиженные, обобранные шведами, искали случая, как бы соединиться и возвратить от Швеции то, что она у них отняла. Поляки выбрали тогда себе в короли саксонского князя (курфирста) Августа II. Когда Петр возвращался из-за границы в Россию, то он виделся с Августом и тот предложил ему воевать с шведами втроем, то есть вместе с Данией. Петр согласился тем больше, что самое пламенное его желание, как и желание его предшественников, было получить хотя одну гавань на Балтийском море. Но Петр объявил, что не начнет новой войны прежде окончания старой, турецкой. Турки, потерпевшие большие потери во время войны, соглашались на мир; Петр отправил своего посланника в Константинополь на русском военном корабле, что удивило и напугало турок: в первый раз русский корабль переплыл Черное море и явился перед Константинополем. Но удивились, испугались не одни турки. До сих пор боясь турецкой силы, европейские государства уговаривали русских царей к войне с турками, представляя, что Россия должна освободить своих единоверцев, греков и славян, от магометанского ига; а теперь, когда Турция ослабела, а Россия завела флот, то европейские государства заговорили другое, что Россия сильнее Турции и потому надобно поддерживать Турцию против России, не допускать русских разрушать Турецкую империю, а что нужно освободить

христиан от магометанского ига, об этом забыли. Русский посланник писал Петру: «От послов христианских держав помощи мне никакой нет; и больше хотят всякого добра туркам, чем тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и морское плавание». Несмотря, однако, на это, турки не могли больше продолжать войны и заключили мир, уступили России Азов и другие городки подле Азовского моря; также было выговорено, что Россия не будет больше посылать подарков крымскому хану, потому что до тех пор задаривали татар, чтоб они не нападали на русские границы. Таким образом, только теперь Русское государство перестало откупаться от степных разбойников.

Тотчас по заключении мира с турками началась война со шведами в союзе с польским и датским королями. Петр в этой войне вовсе не искал ни военной славы, ни распространения своих владений. Он считал эту войну необходимой, во-первых, для того, чтоб добиться до Балтийского моря, от которого оттолкнули русских немцы, поляки и шведы, а потом он видел в этой европейской войне хорошую школу для русского войска. Он знал, что новособранное русское войско, как бы его ни учили во время мира, не померившись с другим европейским искусным войском, не получит искусства военного, не выйдут из него свои хорошие офицеры и генералы, все будет нужда в иностранцах. Петр заранее знал, что школа будет тяжелая, что сначала будут неудачи, что русскому неопытному войску с первого раза не осилить шведского войска, знаменитого тогда своим искусством и давно привыкшего к победам. Петр знал, что постоянная удача балует, портит человека и самый народ, а неудача учит и укрепляет силы. Начало войны было неудачно: молодой шведский король Карл XII не испугался тройного союза против себя, начал действовать с необыкновенной силой и быстротой; сначала напал на Данию и принудил ее к миру; потом переправился на восточный берег Балтийского моря. Русское войско в это время осаждало Нарву; Карл XII внезапно напал на него и страшно поразил; русские потеряли много людей, все пушки. Но у них оставался царь Петр, которого никакая беда сломить не могла. Петр не потерял духа и сейчас же воспользовался тем, что Карл XII пошел в Польшу против тамошнего короля Августа II. Как после первого неудачного Азовского похода, так и теперь закипела изумительная деятельность. Через год уже были готовы новые пушки взамен тех, которые потеряли под Нарвой. В этом деле много помогал Петру старик Виниус из давно поселившихся в Москве обруселых иноземцев. Виниус замечателен тем, что указал на богатство Сибири относительно руд. «Такое множество нашел я здесь руд,— писал он царю из Сибири,— что думаю, до конца мира не выкопать; особенно болит сердце, что иноземцы,

продавши высокой ценой шведское железо и побрав русские деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского». Петр очень любил таких людей, у которых болело сердце, что русские о своем не знают и покупают чужое дорогой ценой. Лили пушки; но прежде всего надобно было приготовить людей, искусных на войне; набрано было в школы 250 мальчиков, из которых должны были выйти инженеры, артиллеристы и всякие мастера.

В то время когда спешили отливать пушки и заводить необходимые школы, русское войско под начальством Бориса Петровича Шереметева вступило в Лифляндию и уже стало с успехом проходить свою школу. В конце 1701 года Шереметев разбил шведского генерала Шлиппенбаха при селении Эрестфер. Эта победа сильно обрадовала, потому что была первой после нарвского поражения; Шереметев был сделан фельдмаршалом. Летом следующего года он одержал над тем же Шлиппенбахом другую победу при мызе Гуммельсгофе. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих войск и как на средство ослабить неприятеля; утверждаться в Ливонии сначала он еще не думал; он хотел прежде всего утвердиться у Финского залива, где море всего ближе подходит к русским землям, где впаля в море широкая река Нева, где Александр Невский победил шведов, но потом шведы отняли всю эту страну, овладели и русской крепостью Орешком, которая находится при истоке Невы из Ладожского озера, так что вся Нева, вся прямая, кратчайшая дорога из русской земли в море была в их руках. Петр сам взял этот Орешек жестоким приступом и писал к Винуусу: «Жесток был этот орех: однако, слава Богу, счастливо разгрызен». Взятый город был назван Ключом-городом (Шлиссельбург). Легко было догадаться, что хотел Петр отпереть этим ключом. В апреле 1703 г. он добрался до устьев Невы. 5 мая появились здесь два шведских корабля; Петр, посадив своих преображенцев и семеновцев на 30 лодок, окружил шведские корабли и взял их: это был первый успех на море. До моря дошли; но надобно было укрепиться на нем, и 16 мая 1703 года на одном из островов невского устья срубили деревянную крепость: то был Петербург. Добыли новый морской берег, надобно было строить новый флот; и в Лодейном поле начали строить морские суда; в глубокую осень, когда по Неве уже плавают лед, Петр около Котлина-острова меряет глубину: здесь будут укрепления, здесь будет Кронштадт, оборона Петербургу, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. Но Петр не покидает и старого, Азовского флота; из Петербурга спешит в Воронеж смотреть, как там идет дело, как там строятся корабли. Весной 1704 года Петр уже опять на западе: здесь берет Дерпт, старый русский Юрьев, и пишет своим: «Сей славный отечественный град паки получен». Еще

радостнее писал Петр о взятии крепкой Нарвы: «Где четыре года тому назад Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагой в три четверти часа получили».

Так Петр умел воспользоваться уходом Карла XII с главными силами в Польшу. Чтоб легче справиться потом с Россией, не оставить у себя позади врага в польском короле, Карл хотел непременно свергнуть Августа II с престола и возвести на его место такого короля, который был бы его союзником в войне против России. Действительно, Карл заставил поляков объявить Августа лишенным польской короны и возвести на его место одного из польских вельмож, Станислава Лещинского. Петр не оставил Августа: с помощью русского войска Август отнял опять у шведов Варшаву; русские войска заняли Курляндию и Литву; Меншиков шел дальше и одержал над шведами победу при Калише, какой еще не было до сих пор. Но когда Карл вступил в наследственную землю Августа, в Саксонию, то, чтоб спасти ее от разорения, помирился с шведским королем и отказался от польской короны. Таким образом, Петр остался один без союзников и должен был взять на себя всю тягость войны, должен был принять врага на своей земле. И эта страшная тягость, тягость войны с шведским королем, знаменитым своей храбростью и искусством, и эта тягость была не одна; к войне внешней присоединилась внутренняя: в тот самый 1708 год, когда Карл XII был уже в русских границах, поднялся башкирский бунт и заволновались донские казаки.

Татары, башкирцы и другие инородцы, входившие в состав прежнего Казанского царства, вместе с Казанью подчинились России, но неохотно и начинали волноваться при первом удобном случае; особенно были опасны те из них, которые были магометанами, потому что у них были сношения с Крымом и Турцией по единоверию; между ними являлись такие люди, которые внушали им, что магометанам не годится быть под властью христианского царя и что верховный повелитель магометан—это султан турецкий, он освободит всех их из-под христианского подданства.

Так и теперь явился башкирец, который выдавал себя за святого, ездил в Крым и Константинополь и успел взбунтовать башкирцев и татар; 300 сел и деревень и с лишком 12 000 людей погибли от этого бунта. Но дикари умели только жечь деревни и бить беззащитных и не могли стоять против даже маленьких отрядов русского войска. Башкирский бунт был потушен, но труднее было тушить бунт на Дону.

Мы знаем, что и прежде сюда собирались люди, которые бежали от труда, которым хотелось пожить по своей воле и пожить на чужой счет; мы видели, когда при царе Алексее Михай-

ловиче этих *голушвенных* людей набралось много на Дону, какой бунт они подняли под предводительством Стеньки Разина. Теперь они начали так же там собираться, но Петр не хотел этого терпеть; он сам работал без усталости и хотел, чтоб и все другие работали, не терпел тунеядства; особенно сердило его то, что работники, нанятые на казенные работы, заберут вперед деньги, да и уйдут в казачьи городки. Царь требовал выдачи беглых, но указы его не исполнялись; тогда он в 1707 году для сыску беглых послал отряд войска; но казаки нечаянно ночью напали на этот отряд и истребили его. Предводителем казаков в этом деле оказался бахмутский атаман Кондратий Булавин, который разослал призывные грамоты: «Приезжайте все, кто хочет с атаманом Булавиным погулять, сладко попить да поесть, все дорожные охотники, воры и разбойники!» В то время как Петр призывал русских людей к честному труду, чтоб овладеть наукой, искусством, возвысить родную страну, Булавин призывал тех, которые хотели погулять, попить и поесть на чужой счет, воров и разбойников! Охотники погулять нашлись; около Булавина, как около Разина, собралось большое войско; он пошел в главный город донских казаков, Черкасск, истребил донского атамана и старших казаков, сам стал атаманом, пошел было на Азов, но потерпел неудачу и возвратился в Черкасск; эта неудача и приближение царского войска ободрили противных ему казаков; они собрались и осадили Булавина в его доме; Булавин, видя, что отбиться нельзя, застрелился. Но с товарищами его царское войско должно было долго управляться, и в то самое время, когда надобно было управляться и со шведами, и с другой изменой.

Гетманом малороссийским был в это время Иван Мазепа, которого царь Петр очень любил и которому вполне доверял; Мазепа был старик умный, ловкий, начитанный, приятный говорун, умел выставиться человеком преданным, а сам думал только о своих выгодах. Карл XII сначала вошел из Польши в Белоруссию, чтоб оттуда идти к Москве; но когда ему рассказали, что в Малороссии много недовольных царем, то ему захотелось прежде войти сюда, поднять недовольных, снестись по близости с турками, заключить с ними союз и тогда уже идти на Москву и здесь заставить Петра мириться. Но Петр не думал пропускать Карла к Москве: узнав, что шведский король повернул в Малороссию, а с севера спешит к нему генерал Левенгаупт с свежим войском и большими боевыми запасами, Петр пошел наперерез Левенгаупту, 28 сентября 1708 года нагнал его у деревни Лесной (недалеко от города Пропойска), разбил шведов, истребил у них 10 000 человек, взял все пушки, все запасы. Карл XII много потерял, допустивши Петра разбить Левенгаупта, и ничего не выиграл, вступивши в Малороссию.

Мазепа, узнавши о приближении Карла XII с одной стороны, а Петра — с другой, растерялся, не знал, что делать. Честному человеку и верному русскому подданному легко было найтись в таких обстоятельствах: соединиться с царским войском и биться со шведами. Но Мазепа стал раздумывать, кто сильнее, Петр или Карл, и нашел, что Карл сильнее, а если Карл победит, то что станется с ним, Мазепой? Пропадет. И вот Мазепа с небольшим отрядом переходит на сторону Карла. Он думал, что вся Малороссия последует его примеру; но только одни запорожцы взбунтовались, а все другие малороссияне остались верны царю Петру и выбрали себе на место Мазепы другого гетмана — Скоропадского.

Запорожцы не помогли Карлу XII; весной 1709 года Сечь их была взята и разорена царским войском. Турки также не заключили союза с Карлом: они положили ждать, чем кончится дело у шведов с русскими. Дело кончилось 27 июня 1709 года битвой при Полтаве, где Петр решился дать битву шведам, чтоб освободить Полтаву от осады; в четыре часа утра начался бой, и в одиннадцать шведы потерпели совершенное поражение; Карл XII едва спасся бегством в Турцию с Мазепой и маленьким отрядом шведов, все же остальное его войско или было истреблено, или взято в плен. Полтавская победа называлась при Петре «превеликой, преславной викторией, русским воскресеньем». 27 июня установлено праздновать навсегда, и справедливо, потому что с этих пор произошла в мире великая перемена в пользу России: Швеция, которая до того времени была главным государством Северо-Восточной Европы, после Полтавской битвы должна была уступить свое место России; до сих пор России в Европе не знали и знать не хотели, считали ее государством азиатским наравне с Японией, Персией; но после Полтавской битвы ее узнали, стали обращаться к ней с уважением; ни одно важное дело в Европе без нее решиться не могло.

В начале царствования Петра по Европе ходили слухи, что в России происходят какие-то перемены, сам царь ездит по чужим землям, посылает своих подданных учиться за границу; сначала этим были удивлены и даже некоторые встревожены; но когда Карл XII разбил русское войско под Нарвой, то в Европе стали смеяться над Петром и его преобразованиями, над его флотом и войском. Когда же прогремела Полтавская битва, когда шведский король, считавшийся непобедимым, потерпел такое страшное поражение, то заговорили другое, увидали, что имеют дело с царем и народом, которые в такое короткое время могли выучиться побеждать непобедимые европейские войска. Военная школа была пройдена отлично: русское войско выучилось побеждать. Но одной военной школой Петр ограничиться не мог. Войну нельзя вести, войско нельзя содержать без денег,

а Петр получил в наследство государство бедное; надобно было потому прежде всего обогатить государство, обогатить народ распространением торговли, промыслов, а для этого прежде всего нужно, чтоб торговые и промышленные люди были обеспечены, чтоб их никто не притеснял и чтоб суд был правый и скорый, для всех ровный. До Петра бедное государство не могло давать жалованья служащим; вместо денежного жалованья давали ратному человеку землю, поместье; но у иного помещика детей было много, дохода с поместья не доставало, и он просил у государя покормиться, то есть назначить его правителем, воеводой и вместе судьей в какой-нибудь город. Воевода также жалованья не получал, а город обязан был его кормить; староста, или, по-нынешнему, градский голова, носил ему съестные припасы и все нужное для хозяйства, также и деньги, дарил в праздники самого воеводу, жену, детей, родных, дворню. Часто воеводы требовали себе большого кормления, не под силу горожанам; иногда целые уезды пустели, народ разбежался от воеводы, который хотел кормиться уже чересчур сытно. Какая же тут будет торговля, какие промыслы? Чтоб поднять торговлю и промыслы, надобно было прежде всего освободить торговых и промышленных людей от тех, которые в отправлении своей должности правителя и судьи видели только средство кормиться. Поэтому Петр еще в 1699 году велел промышленным людям в городах ведаться во всех своих делах и тяжбах, также и доходы для правительства собирать самим, для чего выбирать из себя людей смыхленных и честных, которые назывались земскими бурмистрами.

Всю Россию Петр разделил на 8 больших губерний, которые управлялись губернаторами; губернии разделялись на области, которые управлялись воеводами. Губернаторы были подчинены Правительствующему Сенату, учрежденному в 1711 году; Сенат должен был смотреть, чтоб суд был правый, наказывать несправедливых людей и ябедников, стараться об умножении государственных доходов и об уменьшении расходов, заботиться, чтоб не было недостатка в людях для службы, стараться об усилении торговли. Но чтоб усилить торговлю, промыслы, чтоб уметь пользоваться богатствами, которые дает природа, надобно знание, уменье, приготовление в школе. Петр говорил в манифесте 1702 года: «Мы побуждены были в самом правлении сделать некоторые нужные перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться в торговых делах». В Москве учреждены были школы — математическая, навигаторская. Русских учителей не было, надобно было сначала взять иностранцев, и взяли троих англичан. Но как на войне, так и везде, и в школьном деле старались искать способных русских людей и как можно

скорее заменять ими иностранцев. Очень скоро подле англичан мы уже видим русского учителя Магницкого, который в 1703 году издал руководство к арифметике, которое очень долго потом употреблялось. Такие учебники на русском языке по разным наукам были всего нужнее и для детей, и для взрослых. Ученье только начиналось, еще очень мало было людей, которые бы могли составлять учебники, надобно было переводить эти учебники с иностранных языков на русский. Но переводить было чрезвычайно трудно; так как в России науки еще не было, то на русском языке и не было слов для выражения того, что говорилось в науке. Составить новые слова — но они по своей новости так же будут непонятны, как иностранные. Вот почему всякий народ, когда начинает учиться, перенимать науку у других народов, любит употреблять иностранные слова, любит говорить и писать на иностранных языках, потому что это легче: на своем языке еще нет слов и целых выражений, которые есть уже на языке народа образованного, привычного к науке. Наши соседи — немцы, поляки — долго писали на таком странном языке, что одна строка или половина строки немецкая или польская, а другая латинская. Петр очень хорошо знал, какое трудное дело перевести ученую книгу на русский язык, и так как он во всяком трудном деле был помощник своему народу, то занялся усердно и переводами нужных книг: к нему присылали эти переводы, и он при множестве других занятий, на войне исправлял переводы и посылал переводчикам наставления, как переводить. Книгопечатание усилилось, и прежнее церковнославянское начертание букв было найдено неудобным, было очень пестро, кудряво, потому для светских книг изобретено было новое начертание, простейшее, так называемое гражданское, а прежнее осталось для церковных книг. Новыми буквами начали печатать книги с 1708 года, и первой книгой, таким образом напечатанной, была геометрия.

Ч Т Е Н И Е XIII

О делах царя Петра Алексеевича от Полтавской победы до окончания шведской войны

Известное дело, как темен, необразован бывает человек, который весь свой век живет в каком-нибудь захолустье, в деревне; другое дело человек, который живет в большом городе, где ежедневно встречается с новыми вещами, с разными людьми, от которых может многое узнать; еще лучше, когда человеку самому пришлось попутешествовать, насмотреться разных стран и народов. У народов образованных наука, книги заменяют путешествие, из них человек узнает о самых отдаленных странах,

как там люди живут теперь и что делалось прежде за много веков. Но у народов образованных есть средство узнавать очень скоро, что нового произошло в разных странах, даже самых далеких: это средство — ведомости, газеты; не оставляя места своего жительства, человек благодаря печатному листу бумаги знает все, что делается на белом свете; любопытно ему знать, что делается в далеких странах, важно, необходимо знать, что делается в родной стране. До Петра ведомостей у нас не было; переводили иностранные ведомости для государя, но не печатали, а хранили в тайне; Петр велел с 1703 года издавать в Москве ведомости обо всех делах, достойных знания и памяти, происходящих как в России, так и в других странах, и из первого же листка ведомостей русские люди узнали, что в школах учатся, и прилежно учатся, более 300 человек. Наука была нужна для сохранения жизни, здоровья людей. Учрежден был госпиталь, при котором иностранные лекари обучали своему искусству молодых русских людей. Учреждены были аптеки сначала в Москве.

Кроме школы и книги важным средством для образования служит театр, разумеется, театр хороший, где человек изучает душу человека, которую выказывает перед ним искусный актер, или где выставляются на смех такие дела, такие недостатки, слабости, которые желательно искоренять в обществе и которые скорее всего искореняются насмешкой, представлением их в смешном виде. Петр завел в Москве первый театр, куда доступ был открыт всем. И школа, и книги, и ведомости, и театр, давая благородное, высокое занятие человеку, должны были служить для смягчения нравов. Разумеется, это смягчение могло произойти не вдруг, очень медленно, потому что средства к нему были еще только в зародыше, а грубость нравов затвердела; пьянство было сильное, в пьянстве — брань, драка, резались ножами до смерти. Петр запретил носить ножи. Но было еще средство заставить мужчин вести себя приличнее, не буйствовать. До тех пор люди позначительнее и позажиточнее держали своих жен и дочерей взаперти; мужчины и женщины не бывали вместе; при вступлении в брак жених не имел понятия о своей невесте, невеста — о женихе, все дело улаживали родные. Жаловались и до Петра на это, указывали, что такие браки вредят семейному благополучию, но не знали, как исправить зло. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; велел прежде свадьбы быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте познакомиться, и если они в это время не понравятся друг другу, то могли отказываться от брака.

Но все средства, распространяющие образование, людскость, тогда только могут действовать благотельно, когда народ предан вере, когда духовенство по своему образованию способно

учить народ, поддерживать и укреплять веру. Мы видели, что русское духовенство до Петра оказывалось неспособным к этому по недостатку образования; когда нужно было исправить книги церковные, оно не умело этого сделать и надобно было призывать ученых греков и малороссиян; не умело и удержать людей от раскола. Опасности были большие для русской церкви: с одной стороны, мучили ее раскольники, а с другой — русские люди сблизались с иностранцами иноверными, католиками, лютеранами; надобно было русским людям быть твердыми в своей вере православной, чтобы не прельститься чужими учениями, и кто мог утвердить их в православной вере, если духовенство по своей неучености само не было в ней твердо? Мы видели, что когда в Западной России надобно было защищать православную веру от католиков, иезуитов, то первым делом было завести училища, иметь священников ученых, которые бы могли оспаривать ученых иезуитов, писать против них книги и этим утверждать свой народ в православной вере: теперь то же самое нужно было сделать и в Восточной России.

Петр говорил патриарху Адриану: «Священники ставятся неграмотными; надобно их прежде учить, а потом уже ставить в священники; надобно позаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали Бога и закон его: послать бы для этого хотя несколько десятков человек в киевскую школу. И здесь, в Москве, есть школа, можно бы и здесь было об этом позаботиться; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школой как надобно. Многие желают детей своих учить и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые малых детей ересям своим учат, тогда как в нашей школе при искусном обучении всякому добру учились бы». Патриарх Адриан не мог исполнить царского желания, потому что, по необразованности своей, не мог смотреть за школой; других великороссийских образованных архиереев также не было, и потому когда в 1700 году патриарх Адриан умер, другого патриарха не поставили, а управление церковными делами Петр поручил Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Стефан Яворский был человек ученый и славился своими проповедями, потому что был малороссиянин, учился в Киеве и за границей. Кроме него Петр вызвал много других ученых монахов из Малороссии, которые посвящены были в архиереи на разные епархии и старались об устройстве школ и образовании духовенства; больше других знаменит был не ученостью только, но и святостью жизни Димитрий, митрополит Ростовский. Когда к св. Димитрию приходили священнические сыновья ставиться на отцовские места и он их спрашивал, давно ли причащались, то получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Причину такого печального состояния духовенства св. Димитрий находил

в невежестве. «Что человека вразумляет, как не учение?» — писал он. Св. Димитрий завел школу при своем доме; но сам должен был исправлять должность учителя, ибо сначала где было взять учителей? Раскол, пользуясь невежеством духовенства, распространился сильно. «С трудом,— говорит св. Димитрий,— можно было найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы учат о вере». Чтобы успешно бороться с расколом, надобно было знать, что такое раскол, надобно было знать эти особые веры, которые изобретались в каждом городе, и св. Димитрий описал раскольничьи толки в книге своей «Розыск о раскольничьей вере». Кроме этой книги после него осталось много сочинений: кто из русских не знает его Четьи Минеи?

Церковь причла Димитрия Ростовского к лику святых. Но в лике святых Димитрий не один из архиереев, живших при Петре. Церковь прославила также епископа Воронежского Митрофана, знаменитого святостью жизни и усердным радением об отечестве. Митрофан прославлял намерение Петра завести флот и убеждал народ всеми силами помогать царю в великом деле. Но одними словами он не ограничился: он привез Петру последние оставшиеся в архиерейской казне 6000 рублей на войну против неверных, турок, и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю с надписью: «На ратных». Петр сильно тужил о кончине святого старца.

Много было сделано, но много еще оставалось сделать; много было только начато, надобно было окончить, закрепить. Война, тяжелая, долгая война мешала Петру заняться внутренними делами. Он и сотрудники его надеялись, что после Полтавской битвы Швеция заключит мир; чтоб заставить ее мириться как можно скорее и чтоб мир был как можно выгоднее для России, Петр не складывал рук, а продолжал действовать: он прогнал из Польши короля, посаженного Карлом XII, Станислава Лещинского, и возвратил польский престол старому союзнику своему Августу II; Данию уговорил опять пристать к союзу против Швеции. В июне 1710 года взят был у шведов Выборг в Финляндии; этот город Петр называл «крепкой подушкой Петербургу»; в июле месяце сдалась Рига, в сентябре — Ревель. Но между тем враги, не могли бороться с Россией прямо, открыто, действовали другим образом: Карл XII, бежавший после Полтавы в Турцию, употреблял все старания, чтоб султан объявил войну России; если Турция, говорили шведы, позволит теперь русскому царю воспользоваться несчастьем Швеции, то он получит страшную силу, и первая от этого потерпит Турция, потому что царь, как только помирится с Швецией, так сейчас нападет на Турцию вместе с польским королем, своим союзником. Кроме шведов то же самое говорили в Константинополе

французы, а на французов турки смотрели как на своих друзей, которые дурного им не посоветуют. Франция советовала туркам помочь Швеции и не дать России через меру усилиться, потому что считала Россию естественным врагом Турции, заступницей за православных христиан, славян и греков, живших под турецким игом, а Турция была нужна Франции, потому что Франция всегда ссорилась с Австрией и держалась за Турцию, которая также была врагом Австрии.

Султан послушался шведов и французов и объявил России войну в 1711 году. Легко себе представить, как это огорчило Петра: он спешил кончить шведскую войну на севере, чтоб дать отдохнуть народу и заняться на досуге внутренними делами, а тут новая война, совсем в другой стороне, на юге; надобно оставить север, растянуть силы; вместо покоя, которого ждал народ, на него должны пасть новые тягости, вместо одной — две войны! В мрачном расположении духа, с печальными предчувствиями, больной отправился Петр в турецкий поход. Большого войска собрать он не мог; поляки не помогли; пришли известия, что наши православные соплеменники, черногорцы, поднялись в пользу России, что и другие христианские народы только ждут русского войска, чтоб действовать с ним заодно, что Молдавия уже объявила себя за русских. По этим вестям Петр вступил в турецкие владения и 9 июля у реки Прута окружен был турецким войском: у турок было 200 000 войска, у русских около 40 000. Турки, надеясь на свою многочисленность, вздумали было напасть на русских, но были отбиты и потеряли много народу. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвой и зноем, съестных припасов осталось очень немного, помощи ниоткуда. На другой день захваченные в плен турки объявили, что турецкий главнокомандующий, великий визирь, помирится, если ему будут предложены выгодные условия, потому что войско требует мира, не хотят опять нападать на русских, боясь потерпеть такой же урон, как и накануне. Тогда Петр послал к визирю с мирными предложениями, и мир был заключен на тех условиях, что туркам возвращается Азов, а Таганрог и другие построенные Петром крепости будут разорены.

Опять неудача, и неудача тем более тяжелая, что случилась после необыкновенного успеха; Петр сильно горевал как человек, но, как великий человек, не позволял горю овладеть собой и спешил опять на север, чтоб продолжать шведскую войну. Союзники только мешали, боясь могущества России, подозревая Петра в властолюбивых замыслах, каких у него вовсе не было. Петр успешно действовал и без союзников. Почти вся Финляндия была уже в его руках; Карл XII, возвратясь из Турции, нашел, что с Россией нельзя больше воевать, и начал мирные переговоры; но переговоры эти были прерваны его смертью. Сестра его, Ульрика Элеонора, ставши королевой Шведской, понадеялась на обеща-

ние английского короля и решилась продолжать войну с Россией. Английский флот действительно явился в Балтийском море, чтоб испугать Петра и принудить его к миру, не очень тягостному для Швеции; но Петра испугать было нельзя; в глазах англичан русские высаживались на шведские берега и опустошали их. Шведы наконец поняли, что никто не подаст им помощи против Петра, начали опять мирные переговоры, и 30 августа 1721 года в финляндском городе Ништадте заключен был мир, по которому Швеция уступила России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию (нынешнюю Петербургскую губернию), а из Финляндии Выборг.

Царь получил известие о мире на дороге из Петербурга в Выборг. Он возвратился немедленно в Петербург и прямо в Троицкий собор к молебну. Народ наполняет площадь около собора, после молебна царь выходит к нему и говорит: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что такую долгую войну, которая велась 21 год, всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый мир!» Тут Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: «Да здравствует государь!» Радость была общая, неопишанная, потому что война, тянувшаяся с лишком двадцать лет, была очень тяжела; радость о прекращении этой тяжести удваивалась тем, что тягости неслись не понапрасну, что война окончилась таким миром, какого вначале никто и вообразить не мог. Сравнивали то положение России, в каком она была двадцать лет тому назад, когда она считалась азиатским государством, когда на нее обращали гораздо меньше внимания, чем на Турцию, сравнивали это унижительное положение с настоящим, когда европейские народы должны были расступиться перед Россией и дать ей среди себя почетное место; представляли себе русские люди, что они были двадцать лет тому назад, когда они ничего не знали, что вокруг них делается, и как много теперь узнали нового, какое искусство приобрели в разных делах, о которых прежде и не думали, стали как будто новыми людьми. И все это в какие-нибудь двадцать лет!

22 октября Сенат поднес Петру титул отца отечества, Великого, императора Всероссийского, за то, что «его неусыпными трудами и руководством русские из тьмы невежества вознесены на театр славы всего света и, так сказать, из небытия в бытие приведены и в общество образованных народов причислены». Петр отвечал простыми словами, но заключающими в себе великий смысл и поучительность: «Желаю русскому народу познать милость Божию к нам в прошедшей войне и при заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить Бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, чтоб с Россией не случилось того же, что с греческой империей; надобно стараться о пользе общей, отчего народ получит облегчение».

Великая Северная война кончилась; вследствие ее вместо неизвестной Московии, как до сих пор называли в Европе нашу страну, явилась могущественная Всероссийская империя, без которой ни одно важное дело в Европе теперь сделать не могло. Но великий император, который так славно кончил Северную войну, уговаривал свой народ не думать, что все кончено, не складывать рук; только то государство сильно, где все стараются о пользе общей. К этой общей пользе направлены были все внутренние распоряжения Петра, ее заставлял он иметь в виду своих сотрудников. Мы видели, что вначале самым видным из этих сотрудников был Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Петр лишился Головина еще в 1706 году и сильно горевал о потере «друга», как называл Головина. Обыкновенно бывает, что когда разные дела только что начинаются, занятий по ним немного, то один человек может заниматься несколькими делами; так, Головин был и адмирал, и министр иностранных дел, и школами новоучрежденными заведовал; но с течением времени каждое ведомство все больше и больше растет, работы становится больше и на каждое ведомство нужен уже особый человек, а между тем и люди способные приготавливаются. Так по смерти Головина адмиралом стал Федор Матвеевич Апраксин, а заведование иностранными делами получил Гаврила Иванович Головин, который первый начал носить название канцлера; помощником его, или вице-канцлером, был Шафиров. Но кроме этих двух главных дельцов при новом положении России надобилось много способных людей, чтоб быть в послах у иностранных дворов, оберегать выгоды России, своим умом, искусством с честью представлять ее, внушать иностранцам уважение к русским людям; и такие нашлись благодаря уменью Петра выбирать людей: то были двое князей Долгоруких, Григорий Федорович и Василий Лукич, князь Куракин, Матвеев, сын воспитателя царицы Натальи, Петр Андреевич Толстой, Ягужинский; последний был человек очень незначительного происхождения, но чрезвычайно способный в делах внутренних и внешних. Из иностранцев, вступивших в русскую службу, Петр с первого же раза отличил человека необыкновенно искусного, образованного и неутомимого, то был Остерман; ему Петр поручил вести переговоры, следствием которых был Ништадтский мир. В военном деле кроме фельдмаршалов Шереметева и Меншикова были знамениты имена князей Михаила Ивановича Голицына, Репнина, Василия Владимировича Долгорукого. У хороших мастеров бывают и хорошие ученики, и подле названных сотрудников Петра Великого подрастали молодые деятели — братья Бестужевы-Рюмины, Татищев, Неплюев и другие, которые начали свою службу при Петре, а продолжали ее с пользой и славой после, вплоть до Екатерины II. Сам Петр

умел находить способных людей, и сотрудники его, чтоб угодить государю, старались также отыскивать способных людей, учили, как они должны поступать, чтоб заслужить милость царя, внушали им: «Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; государь больше рассердится, если солжешь».

Приготовленные, образованные люди были нужны для новых учреждений. До Петра Великого для управления и суда существовали приказы. Государь приказывал известному лицу заведовать одним каким-нибудь делом или несколькими делами, иногда сходными, иногда совершенно разными, придавал ему в помощь другого или двоих, для письменоводства назначались так называемые дьяки со своими помощниками, или подьячими; в отличие от служилых, или военных, людей все находившиеся в гражданской службе назывались приказными людьми. Как откроется нужда в каком-нибудь новом деле, так и являлся особый приказ. К концу XVII века их было больше 40; порядка в распределении дел по приказам не было; в иных приказах ведались самые различные дела; также вместе с большими приказами, заведовавшими важными делами, существовали приказы, заведовавшие каким-нибудь самым ничтожным делом. Вместо этих приказов Петр в 1720 году учредил коллегии, из которых каждая заведовала каким-нибудь одним определенным делом, например коллегия иностранных дел заведовала сношениями с иностранными государствами, коллегия военная, коллегия морская, или адмиралтейская, коллегия юстиции для судебных дел, коллегия для торговых дел, или коммерц-коллегия, и т. д. Коллегии состояли из нескольких членов, старший из которых назывался председателем или президентом, и все дела обсуждались и решались сообща; для наблюдения, чтоб дела шли правильно, в каждой коллегии находился прокурор, и все эти прокуроры были подчинены генерал-прокурору, находившемуся при Сенате.

Петр хотел улучшить управление и суд в областях, сделать так, чтоб правитель не был вместе судьей; но встретил неодолимое препятствие в недостатке людей и денег, и его добрые намерения остались указаниями для будущих времен, когда можно было исполнить их. Петр завел перечисления народа, или ревизии, которые должны были повторяться через известное число лет, заведены были и метрические книги. По первой ревизии 1722 года в России оказалось податного состояния только около 6 миллионов человек. Несмотря на такое малолюдство, доходы сильно увеличивались: в 1710 году их было 3 миллиона, а в 1725-м десять миллионов. Переменен был порядок в сборе податей: прежде собирали с дворов; но при переписи дворов бывали большие злоупотребления; из нескольких дворов жители переходили в один, сламывали отдельные ворота; поэтому при

Петре введена была подушная подать, которая вся шла на войско; войска было до 210 000; во флоте было 48 линейных кораблей и до 1000 других судов. Другие расходы должны были покрываться другими доходами, которые увеличивались от усиления торговли и промышленности. Торговля усиливалась от приобретения морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей с товарами; русские корабли стали плавать в иностранные гавани; первыми русскими кораблеохозяевами были Божениновы и Барсуков. Большой помехой для торговли были плохие дороги, которые трудно было поправлять при таком малолюдстве обширной страны; осенью из Москвы в Петербург ездили по пяти недель по причине грязи и поломанных мостов. При этом особенно важен был путь водой, по большим рекам, но надобно было, чтоб этот путь не перерывался, и Петр велел проводить каналы; так соединено было Каспийское море с Балтийским — каналом между реками Цною и Твердой; прорыт был Ладожский канал.

Уже говорено было о том, как Петр старался, чтоб, по его словам, «Божие благословение под землей втуне не пропадало»; вследствие этого старания большие металлические заводы явились в разных местах, особенно в странах приуральских. Большие услуги оказали этой промышленности три человека: Виниус, Гённин и Татищев, которого Петр приготовил посылкой за границу для изучения горного дела. Северная Россия была покрыта лесами, а в Южной был их недостаток: Петр принял меры для сохранения старых лесов и для разведения новых; он же первый указал и на каменный уголь, который должен был заменять дрова. Иностранцы и прежде вывозили из России лен и пеньку; Петр старался усилить льняной и пеньковый промысел «для всенародной пользы», для прибыли крестьянам; много вывозилось из России и кож, но выделка их была плохая, отчего и цена им была малая; Петр велел кожевенным промышленникам по неслучкѹ человек от каждого города ехать в Москву на два года учиться, как лучше выделывать кожи, а в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера учить этому искусству. Заведено было постоянное войско; надобно было его одеть, а где взять сукна? Покупать у иностранных купцов, потому что в России суконных фабрик не было. Петр завел суконные фабрики и с восторгом писал, что дело идет хорошо и что он сшил себе к празднику кафтан из русского сукна. Но для выделки хороших сукон нужна была хорошая шерсть, и Петр выписал из-за границы овчаров, разослал по областям правила, как содержать овец. Для флота требовались парусные фабрики, и они были заведены. До Петра вся употреблявшаяся в России писчая бумага привозилась из-за границы: Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех присутственных местах употреблялась бумага русского из-

деляя. К концу царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233, и между фабрикантами видим почти все русские имена. Трудно было начинать новые производства, заводить фабрики: нет умения и нет денег. Как мастер сам начнет и потом даст ученику продолжать, так и Петр учреждает казенные фабрики и заводы, но не с тем, чтоб оставить их в казне. Сенат должен был заботиться о том, чтоб казенные фабрики и заводы переходили в частные руки, в руки отдельных лиц и целых компаний, и этой передаче обязаны были своим началом некоторые громадные состояния. Москва стала при Петре главным фабричным городом в России, как Петербург стал главным торговым городом.

ЧТЕНИЕ XIV

О последних делах Петра Великого. О том, что случилось после его смерти до вступления на престол дочери его Елисаветы Петровны, и о делах императрицы Елисаветы

Петром Великим сделано было все, чтоб бедному, малонаселенному государству дать возможность богатеть, дать возможность казне иметь больше доходов, больше денег и на эти деньги содержать войско, флот, которые дают безопасность и почет народу у других народов. Но не одно богатство, не одни силы военные составляют крепость народа; от богатства и роскоши, от надежды на одну силу военную народы терпят большие беды и погибают. Чтоб народ был крепок, не боялся никого и ничего, для этого надобно, чтоб у него была крепка религия и нравственность, да просвещение, которое бы не мешало крепости веры и нравственности, а помогало бы ей. Петр Великий до конца жизни и все с большим и большим усердием не переставал заботиться об устройстве церкви, которая хранит веру и нравственность в народе. Препятствия к избранию достойного патриарха были прежние: не было архиерея ученого и вместе пользовавшегося полным уважением и доверием царя и народа; притом Петр знал из истории, какие бывают неудобства, когда церковь управляется одним человеком. В 1721 году Петр объявил, что для исправления чина духовного не видит лучшего способа, кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод). Синод особенно должен был иметь в виду: устройство духовенства, преимущественно черного, принятие мер против раскола и разных суеверий, распространение религиозно-нравственного просвещения в народе, издание необходимых для этого книг. Многие монастыри владели обширными имениями, и большие доходы привлекали в них людей, которые шли в монахи вовсе не для того, чтоб спастись

и служить для мирян примером нравственной чистоты, а для того, чтобы вести покойную и праздную жизнь, тогда как и без того было мало людей для службы и работы. Поэтому ограничено было число монахов и запрещено было постригать молодых людей; часть монахов должна была посвятить себя занятию науками, чтоб было из кого брать образованных архиереев; так как государство было еще не в состоянии давать пенсии престарелым и раненым воинам, то их начали отсылать в монастыри, которые обязаны были их содержать; монахини в некоторых монастырях должны были заниматься воспитанием сирот, в других — рукоделием. В распоряжениях относительно духовенства особенно помогал Петру Псковский архиепископ Феофан Прокопович, человек чрезвычайно способный, ученый и отличный проповедник.

Если надобно было заботиться, чтоб монастыри употребляли излишки своих доходов на доброе дело, то у белого духовенства таких излишков не было, оно было крайне бедно и в заботах о прокормлении своих семейств не могло как следует исполнять своих обязанностей; здесь, наоборот, надобно было подумать, как бы сделать белое духовенство побогаче. Первой причиной бедности белого духовенства была его многочисленность; священников и дьяконов было больше, чем сколько было нужно, и назначались они беспорядочно, без спросу с прихожанами; количество церквей в городах увеличивалось также не по мере потребности; каждый сколько-нибудь достаточный человек хотел иметь свою церковь, не думая о том, может ли он прилично содержать при ней священника с причтом; он знал, что по обилию священников он может нанимать их на площадях (или крестцах), что представляло соблазнительное зрелище, а между тем приходское духовенство было бедно, не получая дохода от самых значительных домов, потому что в них были свои церкви. Поэтому, чтоб увеличить доходы духовенства, запрещено было иметь домовые церкви, а кто хочет иметь их, должен содержать священника, да, кроме того, давать равное содержание и приходскому духовенству; запрещено было строить новые церкви без позволения, посвящать священников и дьяконов лишних; если кто станет просить посвящения и поставления на известное место, то велено допрашивать прихожан, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом; наконец, для облегчения белого духовенства снята с него обязанность покупать себе дома; дома для него должны были покупать старосты церковные на сборные церковные деньги. Но главная забота Петра Великого состояла в том, чтоб духовенство было образованно, прежде посвящения прошло школу, знало, чему и как учить народ. Разумеется, этого вдруг сделать было нельзя, положено было только начало.

Петр Великий не забыл и тех русских православных людей, которые жили тогда под польской державой и терпели сильное гонение от католиков. Польша от внутренних беспорядков становилась все слабее и слабее; но чем слабее становилась Польша и чем сильнее становилась Россия, тем больше поляки боялись России, особенно зная, сколько в их государстве русских православных людей, которые будут всегда желать добра своим. Поэтому поляки употребляли все старания, чтоб как можно скорее ополячить русских, а для этого лучшее средство было сделать их католиками или сначала униатами. Добровольно русские люди, как прежде, так и теперь, ни в унию, ни в католичество не шли, и потому принуждали их к этому всевозможными притеснениями. Этими притеснениями поляки уничтожили все православные епархии, кроме Белорусской, или Могилевской, но и той приходилось очень дурно. Могилевский епископ Сильвестр приехал в Москву с жалобами к Петру на поляков, которые палками обращают православных священников в унию. Петр знал хорошо, что перепиской с королем, который не имел никакой власти в Польше, ничего сделать нельзя, и потому послал своего русского комиссара защищать православных русских от обид, возвратив им отнятые монастыри и церкви. Поляки начали страшно кричать. «Лучше бы нам,—говорили они,—отдать церкви туркам или шведам, чем русским». Но Петр не обращал никакого внимания на эти крики, комиссар его остался в Польше, и гонения утихли. Много было православных славян и в других чужих государствах—в Австрии, Турции. Как только Россия, единственное славянское и православное государство, усилилось при Петре, заняв важное, почетное место в Европе, так одноплеменные и одноверные народы и стали обращаться к ней с своими нуждами. Приехал к Петру сербский архиепископ с просьбой прислать двоих учителей и книг церковных. «Просвети и нас,—писали сербы,—как просветил своих людей». В самой России просвещение только начиналось, в учителях был большой недостаток, денег едва доставало на необходимые нужды; но Петр поделился последним со своими, послал двоих учителей с большим жалованьем, послал и книги на 20 церквей.

Петр употребил все старания, чтоб просветить своих людей, и положил твердое начало этому просвещению, сблизивши русских с просвещенными народами, доказавши необходимость просвещения для поддержания силы и чести народа. До него только духовенство да люди, занимавшиеся письмоводством, обязаны были знать грамоту, знатный человек, занимавший важную должность, мог не уметь писать. Петр потребовал от всех дворян, от всех людей, поступавших на государственную службу, военную и гражданскую, образования: дворянин неграмотный и не знавший арифметики и геометрии объявлялся

несовершеннолетним, не имел права жениться. Недостаток людей полагал сильные препятствия и просвещению, ибо где было взять учителей? Посылали за границу молодых людей; Петр сам экзаменовал их по возвращении; высшие правительственные места набирали молодых людей и учили их, приготавливая для отправления дел у себя; но этот набор был труден, некого было брать. В 1722 году многие места в управлении оставались незанятыми, а нельзя было много пускать в гражданскую службу, иначе армия и флот истощились бы. Петр учредил в Петербурге Академию, выписал для нее из-за границы отличных ученых; но при этом объявил, что в России нельзя следовать тому, что принято в других государствах; там ученых много; одни составляют общество, которое занимается науками, старается делать в них новые открытия, и такое общество называется Академией; другие ученые преподают высшие науки, и эта высшая школа называется университетом; третьи приготавливают молодых людей к высшим наукам, к университету, и эти пригготовительные школы называются гимназиями. Но у нас, говорил Петр, одну Академию нельзя учредить, потому что она не может скоро распространить знания в народе; университеты также не для чего заводить, когда нет еще гимназий и семинарий; надобно, следовательно, основать такое учреждение, которое бы из лучших ученых людей состояло, но эти ученые люди должны также обучать молодых людей наукам публично (то есть читать лекции, как в университете) и потом некоторых людей должны при себе обучать, чтоб они потом могли в свою очередь обучать первым основаниям всех наук.

Таким образом, основанная Петром Великим Академия была и Академией, и университетом, и школой для приготовления учителей, или, как мы теперь называем, учительским институтом. Так и должно было быть вначале, когда по недостатку людей одни и те же люди должны несколько дел делать; и в учреждениях несколько учреждений соединяются; потом, с течением времени, людей становится больше и дела больше, люди разделяют по себе занятия, каждый берет себе только одну какую-нибудь часть и ею занимается; из учреждений выделяются также особые части и составляют отдельные учреждения; так из учрежденной Петром Великим Академии выделился потом и университет, и гимназия, и учительский институт. Это называется развитием. Приведем пример. В небольшом местечке одна только лавка, и все в ней продается: и сахар с чаем, и ситец, и лапти, и баранки. Станет местечко увеличиваться, станут его жители богаче, появятся другие лавки, и в каждой продается отдельный товар, уже нет такого смешения, как прежде; превратится местечко в большой и богатый город, еще больше станет разделение товаров между лавками, в одних станут продавать только шелковые материи, в других — одно полотно и т. д. И купцы получают выгоду,

потому что на каждый товар покупателей много; а если бы купцы наехали в маленькое местечко и каждый завел лавку с отдельным товаром, непременно обанкротились бы, потому что этот товар прежде бы сгнил, чем его раскупили. Развитие идет всегда по одному закону, и мудрость состоит в том, чтоб ему не мешать, а с другой стороны, не слишком его подгонять, не заводить ненужных учреждений, не навозить товара, когда покупателей нет. Мудрые слова говорил Петр Великий: «Зачем нам университеты заводить, когда у нас гимназий и семинарий еще нет?»

Много было мудрых слов сказано, много великих дел сделано Петром. Таких трудов, какие он совершил, от века не было слышано. Мы видим издали великие дела, мы им удивляемся, любуемся ими, а если посмотреть вблизи, чего все это стоило: какие огорчения, страдания должен был претерпевать Петр, прежде чем мог добиться, чего хотел? «На душу Петру Алексеевичу, — рассказывают современники, — по временам находила такая черная туча, что он запирался и никого не допускал к себе». Много способных людей вывел Петр Великий и заставил их работать с большой пользой; но между этими людьми было много таких, которые не понимали главного, чего хотел Петр, а именно чтоб служить, имея в виду общую пользу, а не частные выгоды; было много таких, которые смотрели на службу как на средство сытно кормиться, смотрели на подчиненных и подсудимых как на людей, обязанных их кормить, смотрели на казенные деньги как на свои. Призывая народ к труду, к бережливости, к пожертвованиям, чтоб вывести Россию на новую, лучшую дорогу, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал громкие жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общую пользу, а по частным карманам, что народу недостает суда справедливого и скорого. Петр твердил: «Презрение законов равно измене и еще хуже ее, ибо, заслушав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится. Всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, и отчасти и еще есть, и зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды» (стараяются всякие подкопы делать под крепость правды). Этих-то людей, которые вели подкопы под крепость правды, Петр преследовал неутомимо и переносил большое горе, потому что ему приходилось преследовать людей близких, любимых.

Но разумеется, самое большое горе перенес Петр, когда должен был преследовать родного сына. Петра женили в ранней молодости на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и он испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которого хотел потом освободить своих подданных, назначивши время для знакомства между женихом и невестой. Между Петром и Евдокией пошли несогласия, и Евдокия была пострижена в монахини, а Петр

потом женился в другой раз на Екатерине Алексеевне Скавронской, или Сквородской, родом из Западной России, или Литвы; она была взята по бедности на воспитание одним лифляндским пастором и вместе с ним попала в плен к русским. Екатерина отличалась умом, ровностью характера, присутствием духа, неутомимостью, совершенно пришлась по мужу, не отставала от него ни в войне, ни в мире, ездила за ним в его далеких и трудных странствованиях. Но от первого брака остался сын и наследник, царевич Алексей. Сын вышел не в отца, был тяжел на подъем, не способен к постоянному, сильному труду, любил покой, любил сидеть дома с людьми, к которым привык. Отец работал без усталости, видел, как уже зрели плоды трудов его; но чувствовал приближение старости и слышал страшные голоса: «Умрет, и все погибнет с ним; Россия возвратится в прежнее ничтожество, потому что сын не только не пойдет по дороге отцовской, но и станет разрушать сделанное отцом».

Петр, разумеется, не требовал от сына таких же способностей, какие имел сам, он требовал только охоты. В тех занятиях, которые были необходимы для продолжения начатого дела, необыкновенных способностей было не нужно, потому что самое трудное дело было сделано, начало было положено. Но в сыне не было охоты к отцовской деятельности, было отвращение от нее. Отец требует от сына, чего после Ништадтского мира требовал от всех русских людей, чтоб, видя успех, не складывали рук, не успокаивались, потому что от такого успокоения государства падают; сын считает мучением этот призыв отцовский к труду, он только тогда и был доволен, когда находился вдали от отца. Алексей был женат на брауншвейгской принцессе Софии; но жил несогласно с женой, и она скоро умерла, оставив двоих детей, сына и дочь. Алексей продолжал вести себя по-прежнему. Тогда Петр считал своею обязанностью спасти будущность России, пожертвовав сыном. Он писал ему: «Я за свое отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя, негодного, пожалеть?» Петр потребовал от сына, чтоб тот или переменял свое поведение, или отрекся от престола и постригся в монахи, иначе на отречение нельзя было полагаться. Алексей обещал исправиться, но вместо того убежал за границу, отдался под покровительство немецкого императора, призвал чужого государя в судьи между собой и отцом. Алексея возвратили, и по его показаниям вскрылся обширный злой умысел, в котором участвовала и мать Алексея, бывшая царица Евдокия, которая уже сняла с себя монашеское платье и мечтала опять быть царицей, понадеявшись на лживые предсказания, и сестра Петра, царевна Марья Алексеевна, очень значительные духовные и светские люди. Царевич умер в Петербургской крепости; это случилось в 1718 г.

После Ништадтского мира Петр должен был вести новую войну совсем на другом конце. Желая обогатить Россию торговлей, он внимательно следил за тем, что делается на Востоке,

в Азии, с которой у России велась торговля, и торговля эта должна была, по мысли Петра, все больше и больше усиливаться. Но вот он получает вести, что Персия, с которой русские купцы вели большую торговлю, готова разрушиться от внутренней слабости, что соседи уже делят добычу и что самая большая доля добычи должна достаться Турции. Петр никак не мог позволить, чтоб турки усилились и утвердились на Каспийском море, и потому сам предпринял поход на берега этого моря. Война кончилась, когда русские войска заняли западный берег Каспийского моря и персияне уступили его России в 1723 году.

Это был последний военный подвиг Петра Великого. Уже давно страдал он тяжелой болезнью; 6 января 1725 года, при обряде водоосвящения, он простудился и 28-го числа скончался.

Иностранцы говорили, что дело Петра Великого кончится вместе с ним, что он насильно заставил свой народ учиться, что по смерти его русские, сами по себе неспособные к образованности, все бросят, все позабудут, станут жить по-прежнему, как жили до Петра Великого, когда они не знали Европы и Европа их не знала. Но русский народ доказал, что он способен к образованности, к европейской жизни, что дела Петра Великого пошли ему впрок и он от них не откажется и не ослабеет при самых неблагоприятных обстоятельствах. Обстоятельства действительно были неблагоприятны по смерти Петра Великого. После него царствовала супруга его Екатерина I Алексеевна; но царствовала только два года, скончалась в мае 1727 года в Петербурге, где постоянно жила. После нее вступил на престол Петр II Алексеевич, внук Петра Великого, сын несчастного царевича Алексея, но и Петр II трех лет не процарствовал, скончался в январе 1730 года в Москве, куда приехал на коронацию и где хотел навсегда остаться. Во время болезни Екатерины I и при Петре II, который сам не мог управлять по несовершеннолетию, образовались партии; знатные люди спорили друг с другом, кому быть главным, кому управлять, свергали друг друга, ссылали в ссылку. Так свергнут был и сослан в Сибирь знаменитый любимец Петра Великого, князь Александр Данилович Меншиков, который забрал себе большую силу в конце царствования Екатерины и в начале царствования Петра II, держал молодого императора в своем доме и обручил его с своей дочерью; и сам Меншиков, когда был в силе, сослал в ссылку графа Петра Толстого и некоторых других сотрудников Петра Великого. После смерти Петра II из царской фамилии оставались: дочь Петра Великого, цесаревна Елисавета Петровна; внук Петра Великого от старшей дочери его, Анны Петровны, бывшей замужем за герцогом Голштинским, да три племянницы Петра Великого, дочери царя Иоанна Алексеевича. Вельможи обошли дочь и внука Петра Великого и призвали на престол старшую дочь царя Иоанна, Анну, вдовствующую герцогиню

Курляндскую, которая, короновавшись в Москве, переехала в Петербург и осталась там до самой кончины своей. Царствование Анны Иоанновны было несчастливо. Самым доверенным у нее человеком был немец Бирон, которого она привезла из Курляндии. Этот Бирон о России не заботился, заботился только о самом себе. Знаменитых русских вельмож, сотрудников Петра Великого, оставалось уже немного; были две самые знатные фамилии, князей Голицыных и князей Долгоруких; самый главный из Голицыных, князь Дмитрий Михайлович, был посажен в крепость, главные из Долгоруких были переказнены или сосланы; казнен был сотрудник Петра Великого, очень способный человек Волинский; дворяне и крестьяне страдали от строгого взыскания недоимок во время неурожая; была война с турками, которая взяла много народу и денег, и хотя ведена была со славой фельдмаршалом Минихом, однако кончилась без пользы для России. От этого царствование Анны Иоанновны, время Бирона, бироновщина, оставило по себе печальную память; было бы еще хуже, если б не умный, искусный министр Остерман, принятый, как и Миних, на службу Петром Великим.

У Анны Иоанновны не было детей, была одна племянница от сестры Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской, Анна Леопольдовна. Анну Леопольдовну выдали замуж за принца Антона Брауншвейгского; от этого брака родился Иоанн Антонович в 1740 году, в том же году умерла императрица Анна, назначив новорожденного Иоанна Антоновича своим преемником, а за его малолетством Бирона — правителем, или регентом. Тут наступили большие смуты: Бирона свергнул Миних и объявил правительницей Анну Леопольдовну; Анна Леопольдовна удалила Миниха, но сама управлять не умела, рассорилась с мужем и с Остерманом. Дела пришли в страшное расстройство; этим хотели воспользоваться шведы и объявили войну России. От таких бед Россия была избавлена дочерью Петра Великого, цесаревной Елисаветой, которая приняла сама начальство над войском и 25 ноября 1741 года провозгласила себя императрицей. Анна Леопольдовна с мужем и детьми отправлена была в ссылку. Императрица Елисавета вызвала из Голштинии племянника своего Петра Федоровича и объявила его наследником русского престола.

До Елисаветы, несмотря на смуты и частые перемены правительственных лиц, сделанное Петром Великим удержалось с некоторыми очень незначительными переменами. Со вступлением на престол его дочери все было восстановлено так, как было при нем. Елисавета умела окружать себя способными русскими людьми; тут были многие остававшиеся от петровского времени старики, хранившие предания великого императора, тут было и новое поколение, которое воспитывалось в этих преданиях и старалось все больше и больше увеличивать силу России

средствами, указанными Петром Великим, то есть просвещением. При Елисавете воспитался, и хорошо воспитался, на военной и гражданской службе целый ряд людей, которые были знамениты и при ней, и после нее.

При Елисавете 30 сентября 1744 г. издан был указ — не казнить никого смертью; указ остается в силе до сих пор, кроме случаев государственных преступлений и военного суда. В 1754 году все были обрадованы избавлением от страшной тяжести, от внутренних таможен, которые мешали торговле и разрывали Русскую землю на множество отдельных земель; продавцы необходимых и дешевых товаров при провозе их должны были беспрепятственно останавливаться и платить; вместе с внутренними таможенными уничтожено 17 мелких сборов. Денег было еще мало в народе; если бы помещик захотел сделать какое-нибудь улучшение в хозяйстве, а своих денег у него не было, то занять было негде, а если бы кто-нибудь и дал, то за большие проценты, за 15, за 20 процентов, что отнимало всякую охоту заниматься хозяйственными улучшениями; купец, который еще чаще имеет нужду занимать деньги для своих оборотов, также должен был платить большие проценты. Чтоб облегчить помещиков и купцов, заведены были от казны два банка, дворянский и купеческий; из одного дворяне, из другого купцы могли брать взаймы деньги только за шесть процентов. Большие неприятности были от того, что земли были плохо размежеваны, отсюда споры и сильные, иногда кровопролитные драки на межах; чтоб прекратить это, положено было начало генеральному межеванию. Для облегчения народа при рекрутских наборах вся Россия была разделена на пять частей, так что очередь поставки рекрута доходила до каждого общества и селения через пять лет. Народа было мало сравнительно с землей, пустых мест много, нынешние новороссийские губернии — Екатеринославская и Херсонская — представляли тогда пустую степь. Здесь, на границе с Малороссией, позволили поселиться православным сербам из Австрии; потом тут же позволено селиться и выходцам из Турции, но только людям православного исповедания. Поселения эти были военные, что было и нужно на границе.

Ч Т Е Н И Е X V

О том, что было сделано при императрице Елисавете для просвещения. О том, какие войны были при императрице Елисавете. Об императоре Петре III. О царствовании императрицы Екатерины II.

В распоряжениях, о которых говорилось в прошлом чтении, главное участие принимал сенатор граф Петр Иванович Шувалов; родственник его Иван Иванович Шувалов отличался своей

образованностью и заботами о распространении просвещения в России. По его старанию в 1755 году основан был первый русский университет в Москве и при нем две гимназии. В Москве университет учреждался потому, что город этот находился в середине государства, и потому, что в Москве было жить дешево. Московский университет представил о необходимости учредить Академию Художеств в Петербурге и гимназию в самом значительном городе на востоке, в Казани. К царствованию Елисаветы относятся и первые успехи русской словесности. При Петре Великом, когда образование только что начиналось и прежде всего нужны были учебные книги, мы видели, как трудно было составлять их на русском языке или переводить с иностранных языков на русский, потому что науки в России прежде не было и на русском языке ученых книг не писалось, он не был для этого обработан, приготовлен. Мы видели, как Петр Великий заботился о том, чтоб переводы были хороши, понятны, и после него об этом заботились; но чтоб создать хороший язык, на котором можно было бы обо всем хорошо, понятно писать, для этого нужны особенно даровитые писатели и ученые, мастера, художники словесные. В тридцатых годах в московском Заиконоспасском училище, в низших классах, на одной скамье с маленькими мальчиками, сидел человек лет двадцати. Маленькие товарищи смеялись над ним, кричали: «Смотри, какой болван лет в двадцать пришел по-латыни учиться». Молодой человек не обращает внимания на насмешки и учится, претерпевая сильную нужду, получая по три копейки в день жалованья: на денежку покупал хлеба, на денежку — квасу и этим питался, остальные деньги шли на бумагу, платье и обувь. Отчего же он так поздно поступил в училище? Он родился на Крайнем Севере, на берегах Белого моря, был крестьянский сын; случайно достал кое-какие книги, пристрастился к науке, захотел во что бы то ни стало быть ученым и тайком из отцовского дома убежал в Москву, в училище, и сел за латинскую грамматику вместе с маленькими мальчиками. То был сын холмогорского рыбака Михаил Васильевич Ломоносов.

Тяжело досталось ученье холмогорскому крестьянину, но прежде всего уже прошел по России Петр Великий, проповедуя, что России нужна наука, нужны ученые люди. Уже была Академия наук, которая собирала по училищам способных, прилежно занимавшихся учеников и отправляла их за границу оканчивать там ученье. Ломоносов попал в это число, поехал за границу изучать горное дело. И науками он занимался отлично, и когда узнал в 1739 году, что русское войско взяло турецкую крепость Хотин, то написал по этому случаю стихи, оду, и прислал в Петербург. Никто до сих пор не писал таких хороших стихов. Ломоносов возвратился из-за границы и был определен профес-

сором химии при Академии наук. Но Ломоносов не ограничился одной химией, он занимался и другими естественными науками и с таким успехом, что знаменитые иностранные ученые дивились редкому уму русского ученого. Но и этого мало: Ломоносов написал русскую грамматику, реторику, и, что всего важнее, в своих стихотворениях, речах, которые он говорил в торжественных случаях в Академии, в ученых рассуждениях и руководствах он представил образцы русского языка, создал русский язык для науки и литературы.

После Ломоносова в царствование Елисаветы был знаменит другой русский писатель, Сумароков, который преимущественно прославился своими трагедиями и комедиями; за комедии его называли «бичом пороков». Мы видели, что Петр Великий учредил в Москве общенародный театр; но театр этот не мог долго держаться: русских пьес не было, и русский язык не был еще обработан для перевода иностранных трагедий и комедий; но теперь, когда явились русские пьесы и язык образовался, то опять явился и утвердился уже и общенародный русский театр. Ярославский купец Волков, набравши охотников, стал играть русские пьесы в своем городе и с большим успехом. Когда узнали об этом при дворе, то Волкова с товарищами вызвали в Петербург, и здесь в 1756 году учрежден был публичный русский театр, а потом Волков был отправлен в Москву для учреждения и там театра. При Петре Великом начали издаваться первые русские газеты, а при Елисавете Петровне явились первые русские литературные журналы, собрания разных статей для пользы и удовольствия читателям. Первым таким журналом были «Ежемесячные сочинения», которые издавались при Академии наук.

При Елисавете Петровне были две войны, в начале царствования и в конце. Мы видели, что еще до вступления Елисаветы на престол шведы, желая воспользоваться смутами в России, объявили ей войну. Война продолжалась и по вступлении на престол Елисаветы и с большим успехом для русских, которые брали город за городом в Финляндии. Шведы, начиная войну, надеялись отобрать у России завоевания Петра Великого; а вместо того принуждены были в 1743 году заключить в Абове мир и уступить еще России часть Финляндии по речку Кюмень. Другая война была с Пруссией. В Пруссии в это время был королем Фридрих II, который хотел во что бы то ни стало увеличить свое государство и сделать его одним из главных в Европе и для достижения этой цели не разбирал средств; он напал на государыню австрийских земель Марию-Терезию безо всякой причины и отнял у нее одну из самых важных и богатых ее областей, Силезию. Другие государства Европы увидали, что надобно остановить Фридриха II, иначе никто не будет от него безопасен, тем более что он был необыкновенно

искусный полководец. Россия видела в Фридрихе II также очень опасного соседа, которому нельзя было давать усиливаться на счет слабых государств, и потому сблизилась с Австрией. Когда в 1756 году Фридрих II, чтоб удобнее воевать с Австрией, напал нечаянно на Саксонию и овладел ею, императрица Елисавета, исполняя союзный договор с Австрией, двинула свое войско в Пруссию и таким образом приняла участие в сильной войне, которая называется Семилетней. Самое замечательное дело русского войска в этой войне было 1 августа 1759 года между Франкфуртом-на-Одере и Кунерсдорфом, где под начальством графа Петра Семеновича Салтыкова оно страшно поразило самого Фридриха II; в следующем 1760 году русское войско заняло Берлин, столицу прусского государства. Когда Фридрих II, особенно вследствие участия России в войне, доведен был до самого печального положения, императрица Елисавета скончалась 25 декабря 1761 года на 53-м году от рождения.

Преемник Елисаветы Петр III Федорович очень любил и уважал Фридриха II и потому не только заключил с ним мир, но и союз, не потребовавши за это никакого вознаграждения. Петр Федорович царствовал только полгода; он отказался от престола в пользу супруги своей Екатерины Алексеевны (урожденной принцессы Ангальт-Цербстской), вскоре после чего постигла его смерть, 6 июля 1762 года.

Екатерина II вззошла на престол при счастливых обстоятельствах: самый умный, искусный и честолюбивый государь в Европе, прусский король Фридрих II был страшно истощен Семилетней войной, особенно благодаря участию в ней России; поэтому он не был больше опасен и старался действовать согласно с Россией; другие сильные государства, Австрия, Франция, были также истощены Семилетней войной и не были опасны; притом во время Семилетней войны образовались отличные русские генералы: Румянцев, Суворов и другие. К счастью для России, Екатерина II умела пользоваться благоприятными обстоятельствами, возвысила Россию на степень первой державы в Европе и приобрела для России чрезвычайно важные и полезные земли. По восшествии своем на престол Екатерина отказалась от всякой войны, чтоб заняться внутренними важными делами. Сама государыня и лучшие русские люди в это время думали, что самым важным делом было народное воспитание. «Самое надежное средство сделать людей лучшими — это усовершенствовать воспитание», — говорила Екатерина. Ко времени Екатерины русские люди благодаря распространению просвещения, привычки думать, наблюдать и читать, что другие народы надумали, пришли к такому убеждению, что мало человека выучить разным наукам, надобно его воспитать, сделать хорошим человеком, чтоб он свое знание не употребил во зло, а употребил в пользу себе и другим.

«Корень всему злу и добру воспитание,— говорили они.— Один украшенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях даже вреден бывает, если кто от самого детства не воспитан в добродетелях, твердо они в сердце его не вкоренены». Признавши необходимость хорошего воспитания, признали необходимым, чтоб воспитатели были русские, потому что воспитатели должны заменять родителей, а дети не могут признавать иностранцев своими родителями, иностранцы не могут сходиться с воспитанниками своими в религии и обычаях народных. С целью лучшего воспитания были учреждены в Петербурге и в Москве женские институты и обширные Воспитательные дома. Больше других занимался Воспитательными домами Иван Иванович Бецкий.

Петр Великий указал на необходимость устроить иначе содержание монастырей; после него все больше и больше убеждались, что не монашеское дело управлять деревнями и крестьянами, когда видели большие беспорядки в этом управлении, волнения крестьян монастырских, необходимость усмирять их оружием, жестоко наказывать. Екатерина в первые же годы своего царствования покончила дело. В это время крестьян, принадлежавших монастырям и архиерейским домам, было с лишком 910 000; одна Троицкая лавра владела больше чем 120 000 крестьян. Все эти имения были взяты у монастырей и архиерейских домов; доходы с них разделены на две части: одна пошла на содержание монастырей и архиерейских домов, на денежное жалованье архиереям, монахам и служащим в церковном управлении, другая назначена на содержание духовных училищ и благотворительных заведений, госпиталей, инвалидных домов.

Для населения пустынных окраин вызваны были иностранные колонисты; для сохранения жизни и здоровья народа увеличено число лекарей и аптекарей; самой губительной болезнью была оспа; изобретено было средство против нее, оспопрививание; но, несмотря на очевидную действительность этого средства, в других европейских государствах оказывалось ему сильное сопротивление; духовенство, самые медики противились его введению. Императрица Екатерина приказала ввести оспопрививание в России и, чтоб подать пример другим, привила оспе себе и четырнадцатилетнему единственному сыну своему, наследнику престола Павлу Петровичу; оспопрививание распространилось по всей России беспрепятственно.

Чтоб лучше познакомиться с обширной Россией, императрица Екатерина предпринимала далекие путешествия на восток, до Казани. Для ознакомления с своим народом, с его понятиями, образом мыслей она придумала другое средство. Давно уже слышались сильные жалобы на неудовлетворительность русских законов; начиная с Петра Великого в каждое царствование

принимались разные меры, как бы помочь делу, составить новое уложение, но дело было очень трудное и не шло вперед. Екатерина, отличаясь необыкновенной любознательностью, читала все лучшие книги и переписывалась с их сочинителями, она прочла все, что было написано о законах, о том, какие они должны быть, сама написала наказ, общие правила, каким должно было следовать при составлении уложения; например, императрица требовала, чтоб наказания за преступления не были жестоки, потому что в человеке есть стыд, который действует сильнее бича, бесчестие, соединенное с наказанием, должно считаться хуже всякого наказания, а чтоб это действительно так было, надобно утвердить в народе хорошее воспитание и распространить в нем просвещение. Должно отменить все наказания, которыми можно изуродовать тело человеческое; должно отменить пытку по ее бессмысленности: невинный, но слабый сложением человек не стерпит пытки и признается в том, в чем вовсе не виноват, а крепкий, здоровый злодей вытерпит боль, не признается и избегнет наказания.

Чтоб познакомить народ со своим наказом, внушить ему свои правила и в то же время чтоб познакомиться с понятиями и взглядами народа, которые в таком обширном государстве были чрезвычайно различны, Екатерина в 1767 году собрала в Москве депутатов, или выборных от Сената, Синода, коллегий и других присутственных мест, от дворян каждого уезда, от жителей каждого города, от военных, от крестьян, от инородцев, крещеных и некрещеных, каких много на окраинах России; каждый депутат получал от своих избирателей письменное наставление, чего просить, в чем их общество нуждалось. Собрание этих депутатов называлось комиссией для сочинения плана нового уложения.

Турецкая война помешала работам комиссии, депутаты, между которыми было много военных, поехали к армии. Несмотря на то, императрица была довольна комиссией. «Комиссия,—говорила Екатерина,—подала мне сведения о всей империи, с кем дело имею и о ком пециись должно; узнавши наказ, стали знать волю законодателя и по ней поступать».

Война, как обыкновенно бывает, помешала внутренним делам. Началась война с турками, но повод к ней подала Польша. Здесь умер король Август III, а так как правление в Польше было избирательное, то и начались выборы нового короля; начались ссоры между вельможами, одни хотели одного, другие другого; вмешались чужие государства, потому что им также хотелось одним одного, другим другого; наконец выбрали в короли своего же польского вельможу Станислава Понятовского, которого поддерживала Россия. Казалось бы, что будет мир и союз с таким королем, которого хотела Россия и который был ей обязан

престолом; но вышло иначе. Мы видели, что поляки хотели во что бы то ни стало ополячить всех русских в Белоруссии, Литве, в Подолии, на Волыни, в Галиции, ополячить, сделавши их католиками. Петр Великий помешал было этому, отправив в Польшу своего комиссара для защиты православных; но после него такой силы у России не было, комиссар был выведен и русские государи подавали только польскому правительству жалобы чрез своих посланников; но на эти жалобы не обращалось никакого внимания, и гонение на православных русских продолжалось. Екатерина II, любившая подражать Петру Великому и умевшая это делать, хотела и в Польше в защите русских людей возобновить его образ действий. Когда в 1763 году православный епископ Белорусский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения православных от католиков, то она потребовала от польского правительства, чтоб гонения прекратились и чтоб православные имели одинаковые права с католиками; Пруссия пристала к России и потребовала, чтоб и протестанты получили также одинаковые права; так как иноверцы в Польше, и православные, и протестанты, назывались латинским словом диссиденты, то все это дело и называется в истории диссидентским делом, диссидентским вопросом. Правительство польское хотя и неохотно, однако уступало требованию России и Пруссии; но несколько частных людей собрали вооруженные толпы, чтоб уничтожить решение правительства, объявляя, что Россия притесняет в Польше веру и свободу. Такие вооруженные сборища в Польше назывались конфедерациями и члены их конфедератами. Императрица, по просьбе самого польского правительства, велела своему войску усмирить этих конфедератов. Конфедераты одни, разумеется, не могли и думать успешно биться с русскими войсками и потому искали помощи у иностранных дворов; им удалось уговорить Турцию объявить России войну, которая началась в 1768 году тем, что крымские татары опустошили Новую Сербию, пограничную область, населенную при императрице Елисавете сербскими выходцами.

Россия никак не ожидала этой войны, не была к ней готова, и, несмотря на то, в следующем же 1769 году русские взяли крепость Хотин. В 1770 году генерал Петр Александрович Румянцев поразил стотысячное войско крымского хана на берегу речки Ларги, а потом 21 июля одержал блистательную победу и над турецким войском при Кагуле: у Румянцева при этом было не больше 17 000 человек, а у турок 150 000. В то же время русский флот из Балтийского моря переплыл в Средиземное море и Архипелаг под начальством графа Алексея Григорьевича Орлова. 24 июня произошел страшный бой в Хиосском заливе; турецкий флот скрылся в Чесменскую гавань, но русский флот напал на него здесь и сжег. В 1771 году оба берега Дуная были заняты

русскими войсками; с другой стороны, князь Василий Михайлович Долгорукий в две недели занял весь Крым, это разбойничье гнездо, откуда в продолжение стольких веков татары нападали на Россию, жгли наши города и села, самую Москву, выводили множество пленных. Большая была разница между старой и новой Россией: бывало, в старину гонец за гонцом скакал в Москву с известиями о приближении страшных крымских татар к Оке; а теперь гонец за гонцом являлся в Петербург к императрице с донесениями о необыкновенных успехах Долгорукого; на рассвете приедет один, в полдень другой, перед закатом солнца третий.

Успехи русских в войне с турками отозвались в Польше. Сначала поляки и сам король Станислав, в надежде на турок, отказались исполнить последнее постановление о равенстве православных с католиками и принуждены были дорого поплатиться за это, должны были уступить России Белоруссию, да Пруссии и Австрии отдать несколько областей. Это было в 1773 году; а в следующем 1774 году кончилась и турецкая война миром в Кучук-Кайнарджи: Россия получила Азов, две важные крепости при выходе из Азовского моря в Черное — Керчь и Еникале, да третью Кинбурн при выходе в Черное море из залива, который при днепровском устье; все эти места были теперь важны потому, что по мирному договору русские купеческие корабли могли свободно плавать из Черного моря в Средиземное; разумеется, мешал этому Крым, но в мирном договоре было также постановлено, что Крым будет совершенно независим от Турции, а без турецкого покровительства Крым был очень слаб перед Россией, мешать ничему не мог. Румянцев за свои победы, за то, что проложил русскому войску дорогу за Дунай, получил славное прозвание Задунайского, Долгорукий — Крымского, Орлов — Чесменского.

В то время когда русские войска были еще заняты в областях турецких, на восточной степной границе, на реке Яике, или Урале, в 1773 году казак Емельян Пугачев поднял бунт, выдавая себя за императора Петра III. Дело было не новое в казацких степях, откуда в Смутное время вышла целая толпа самозванцев, где буйствовал Разин в XVII веке, Булавин при Петре Великом; только теперь главное место бунта было перенесено подальше, вместо Дона казаки волновались за Волгой, на Урале. Они воспользовались тем, что в этих местах не было войска, воспользовались турецкой войной и сначала имели успех. Пугачев побрал маленькие крепости, взял из них пушки, и войско его от 300 человек увеличилось до 25 000; кроме яицких казаков татары, башкирцы, калмыки, беглые крестьяне, каторжники и всякий сброд составляли это войско. От главного войска отделялись шайки и ходили в разные стороны, истребляя помещиков, подни-

мая против них крестьян. Но как бы ни были велики нестройные толпы Пугачева, все же они не могли устоять, когда императрица отправила против них распорядительных начальников, сперва Александра Ильича Бибикова, а по смерти его — Петра Ивановича Панина, когда явилось и войско с хорошими предводителями, между которыми особенно отличился Михельсон; но беда была в том, что надобно было вести войну на обширных малонаселенных пространствах, очень трудно было угоняться за Пугачевым, особенно зимой; разобьют его здесь, а он явится в другой стороне опять с большим войском. В 1774 году Михельсон четыре раза разбил его, а он ушел за реку Каму, подошел к Казани и сжег ее; Михельсон нагнал его тут, поразил опять, а он ушел на эту сторону Волги, взял Пензу, Саратов и пошел вниз по Волге. Михельсон нагнал его и нанес окончательное поражение; но Пугачев все же ушел. В это время приехал к войску Суворов и пустился в степь искать Пугачева. Самозванец был теперь отовсюду окружен войсками правительства; сообщники отчаялись и выдали его; Пугачева привезли в Москву и казнили.

Когда войны прекратились, опять стало можно императрице заниматься внутренними делами. Устроена была судьба дворянского сословия. Мы видели, что прежде дворяне, получая поместья от государя, обязаны были служить, пока были в силах. Так как войско не было постоянно в сборе для ученья, то дворяне в мирное время жили по деревням своим. Когда при Петре Великом войско было преобразовано, стало всегда находиться под ружьем, в ученье, то дворяне должны были постоянно находиться при войске; и те, которые поступали в гражданскую службу, также были на ней постоянно, отставок им не давали, разве за старостью и болезнями. При императрице Анне срок службы дворянской был сокращен, именно на 25 лет, а по распоряжению императора Петра III дворяне получили свободу служить и не служить вовсе. Но люди были надобны на службу военную и гражданскую; Екатерина II не хотела принуждать дворян к службе, но хотела привлечь их к тому другими побуждениями. Она дала им грамоту, где вычислены их права; они могли служить и не служить, но неслужащие дворяне в каждой губернии и уезде составляли собрания, которые выбирали из себя членов в разные почетные должности и рассуждали о делах своего сословия; присутствовать в собрании мог каждый дворянин, но участвовать в выборах мог только тот, кто в государственной службе дослужился до офицерского чина: это и должно было заставлять дворянина служить.

В одно время с дворянской грамотой издано было Городовое положение, которое для городских жителей, кушцов и мещан дополняло устройство, данное им Петром Великим. Екатерина II исполняла намерения Петра Великого и относительно управле-

ния областями, и относительно устройства судов. Петр Великий, как мы видели, разделил Россию на губернии; но этих губерний было немного, и были они очень велики; Екатерина II разделила Россию на 50 губерний, причем главное внимание обращалось на число жителей; каждая губерния заключала в себе от 300 до 400 000 жителей и разделялась на уезды в 20 и 30 000 душ. Петр Великий не хотел, чтоб один человек управлял и судил; но тогда людей было очень мало, и он не мог исполнить свое желание. Теперь людей стало больше, и Екатерина II отделила в губерниях управление от суда; судебные места были отделены от губернских правлений и мест, которые заведовали доходами и расходами, кроме того, суд гражданский отделен от уголовного, явились особые места: казенная палата, палата гражданского суда, уголовная палата. Для устройства школ, богаделен и сиротских домов учреждены по губерниям приказы общественного призрения.

ЧТЕНИЕ XVI

Об училищах и писателях русских при Екатерине II; о второй турецкой, шведской и двух польских войнах при ней. О царствовании императора Павла Петровича

До времен Екатерины II по городам, кроме столиц, не было училищ для всех, за очень немногими исключениями; Екатерина положила основать в больших городах главные народные училища, а в уездных малые; для этих училищ были составлены очень хорошие по тому времени учебники; впрочем, главные народные училища, или, по-нашему, гимназии, успели открыть в немногих городах; а если еще не было достаточного числа училищ, которые бы приготавливали хороших студентов, то не нужно было и много университетов; потому при Екатерине II не было учреждено новых университетов, оставался один старый, Московский. Между тем для охотников читать увеличивалось число русских книг, увеличивалось число русских писателей, к которым принадлежала и сама императрица. Желая хорошо воспитывать свой народ, смягчить его нравы, уменьшить число преступлений и наказаний, Екатерина II сочиняла для детей нравоучительные сказки, для взрослых исторические представления, где выводила знаменитых людей древнего времени и заставляла их своими действиями и словами учить добру; если она замечала вредных людей, то сочиняла комедии, где выставляла этих людей в смешном виде; она знала, что если раз над чем-нибудь посмеялись, то этому подражать уже не будут. И другие писатели екатерининского времени твердили в своих сочинениях, что мало выучить человека разным наукам, надобно, главное, хорошо его воспитать,

сделать честным человеком. Из прежних писателей Ломоносов не долго жил при Екатерине II: он умер в 1765 году; но Сумароков пережил его двенадцатью годами и десять лет не переставал писать с прежним успехом между современниками; но между потомками больше знаменит другой писатель екатерининского времени, Фонвизин. В своих комедиях Фонвизин осмеивает, с одной стороны, пороки и грубость нравов, оставшиеся от старины, а с другой стороны, выставляет на позор людей, которые не исполнили желания Петра Великого и вместо того, чтоб перенимать у иностранцев одно полезное, знания, искусства, вместо того, чтоб становиться лучшими от образованности, не переставая быть русскими людьми, уважая и любя больше всего свое и своих,— вместо этого стали перенимать у иностранцев только наружное, употреблять кстати и некстати чужой язык и презирать свой народ и все свое, не разбирая, что хорошо, что дурно. Против старинной грубости нравов и невежества Фонвизин написал свою знаменитую комедию «Недоросль», а против пороков нового времени, против бессмысленного перенимания чужого написал комедию «Бригадир». Из стихотворцев екатерининского времени первое место занимает Державин, который в великодушных одах прославлял знаменитые события своего времени.

Императрица Екатерина оставила по себе не одни только те сочинения, о которых мы говорили; она оставила сочинения и по русской истории, которой занималась очень усердно, любила читать старинные летописи и поэтому мудро поступала, зная, как что произошло, зная, что свое и что чужое, что надобно сохранить или приобрести и что можно уступить. Довольно было сделано при ней и другими для русской истории. Мы уже упоминали, что при Петре Великом трудами своими по горному делу отличался Татищев Василий Никитич; этот Татищев был обязан своим образованием Петру Великому, который посылал его за границу учиться; по возвращении из-за границы он при Петре и после Петра служил по горному ведомству, потом управлял Оренбургским краем, наконец был Астраханским губернатором; но при этих занятиях Татищев успевал заниматься и русской историей, он составил свод летописей и написал к ним примечания. Этот важный труд не был напечатан при его жизни, не умели его ценить как следует; но при Екатерине II оценили и напечатали. Кроме того, князь Щербатов написал подробную древнюю русскую историю; так как иностранные писатели отзывались очень дурно о нашей истории, то нашелся русский человек с большим дарованием, который стал защищать ее: то был генерал Болтин. Сначала, разумеется, занимались древней русской историей, об ней толковали и спорили; но в царствование Екатерины II собрано было множество известий о делах Петра Великого: это сделал один трудолюбивый человек, Голиков, и издал под

названием «Деяния Петра Великого». Изданием исторических бумаг, журналов и книг был знаменит также Новиков.

Середина царствования Екатерины II, от 1775 до 1787 года, прошла спокойно, и Екатерина воспользовалась этим спокойствием, много сделала полезного, как мы видели. С 1787 года опять начинается война с Турцией. Причиной был Крым, который по Кучук-Кайнарджийскому миру был объявлен независимым. Но татары не умели быть независимыми. Турки не хотели отказываться от своего прежнего господства в Крыму, и им было легко иметь там влияние, потому что они с татарами были одной магометанской веры и султан турецкий считался главой всего магометанства; Россия, разумеется, не могла спокойно смотреть на то, что независимость Крыма была только мнимая; нашлись и из татар люди, которые не хотели подчиняться турецкому влиянию, хотели разных полезных перемен, хотели выйти из прежнего грубого состояния и потому хотели сближения с Россией. Таким образом составились здесь две партии — турецкая и русская и начали бороться друг с другом; ханы возводились на престол и свергались, смотря по тому, какая партия возьмет верх; Россия должна была поддерживать ханов, ей преданных, Турция поддерживала своих. Императрица нашла невозможным кончить эту неурядицу иначе как присоединением Крыма к России, что и было сделано в апреле 1783 года совершенно спокойно, потому что последний хан сам отказался от престола. Таким образом покончилось последнее татарское царство. Вспомним, как началось Русское государство и что оно должно было вытерпеть от кочевых, хищных народов, которые занимали всю юго-восточную часть нынешней России: земледельцу нельзя было выехать в поле работать; откуда ни возьмется половчин, убьет его, пленит семью; купцам нельзя было проехать Днепром из Греции в Киев; сами князья с войском должны были встречать и провожать их, чтоб половцы их не пограбили.

И от половцев житья не было; а тут пришли татары и запустили Россию, особенно Южную, наконец, наложили на нее дань, заставили русских князей ездить к себе в Орду и кланяться своим ханам. Мало-помалу Россия собралась около Москвы, освободилась от татар и взяла их царства, Казанское, Астраханское, Сибирское; но самое злое татарское царство, Крымское, оставалось, и не было от него покоя, сама Москва не раз видела крымских татар под своими стенами, горела от них, а что доставалось от них пограничным городам и селениям? Сколько русского народа было выведено ими в плен, продано на азиатских рынках и погибло без вести! Только при Петре Великом перестали посылать из Москвы в Крым ежегодную дань в виде подарков; но, пока Крым существовал, широкая пустыня должна была находиться между ним и Россией, потому что никто не смел

селиться здесь, боясь хищных татар. Наконец, Крым был взят, господство хищных степняков в Европе кончилось; и, где прежде не видно было жилья человеческого, там вдруг явились большие, богатые города; где жили прежде одни только дикие звери, там процвело земледелие, и пустыня стала житницей для чужих стран, явилась Новая Россия, три губернии — Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (потому что Крым назывался в старину Тавридой). Главным помощником императрицы Екатерины в этом великом деле присоединения Крыма и создания Новой России был Григорий Александрович Потемкин, который за то и получил название князя Таврического; Потемкин завел и Черноморский, или Севастопольский, флот.

Турция на первых порах признала присоединение Крыма к России; но, разумеется, не могла оставаться спокойной, особенно когда с разных сторон начали толковать ей, как опасно для нее усиление России, как необходимо положить ему предел, и в 1787 году Турция, надумавшись и собравшись с силами, вдруг объявила войну России. Россия была застигнута врасплох; беда пошла за бедой: неурожай, дороговизна, болезни в войске; страшная буря разбила новорожденный Севастопольский флот. Чтоб успешнее действовать против Турции, не иметь помех в Австрии, императрица Екатерина заключила с ней союз; за это рассердились Пруссия и Англия и стали вредить России. Императрица предложила союз Польше; но Польша отвергла предложение и передалась на сторону врагов России, заключила союз с Пруссией; наконец, шведский король Густав III безо всякой причины объявил войну России: он хотел воспользоваться затруднительным положением России, напасть на Петербург, около которого не было войска, и заставить Екатерину II уступить Швеции завоевания Петра Великого. Положение России было крайне тяжелое; но императрица Екатерина не упала духом и писала Потемкину: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может». Она приказала вести против турок наступательную войну; Потемкин осадил Очаков, который и был взят 6 декабря 1788 года. В следующем году Суворов одержал победу при Фокшанах и особенно блистательную победу при реке Рымнике, за что и получил прозвание Рымникского. На Севере опасность от шведов произвела сильное одушевление в народе: дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутов; Густав III увидал, что не может иметь никакого успеха в войне и в августе 1790 года заключил мир, не приобретя ни одной сажени земли от России; мир этот называется Верельским, потому что заключен в Верельской долине, на берегах реки Кюмени. Осталась одна турецкая война; в 1790 году Суворов взял приступом сильную крепость Измаил недалеко от Дуная, и в следующем году турки должны были согласиться на мир, который

и был заключен в Яссах: Крым был утвержден за Россией, и северный берег Черного моря был закреплен за ней приобретением Очакова и лежащей около страны.

Оставалось покончить с Польшей, которая сильно обнаружила свою вражду к России в последнее время, воспользовавшись ее затруднительным положением. Теперь обстоятельства были благоприятны для России: в Польше боролись две партии вельмож, из которых одна сама обратилась к императрице Екатерине с просьбой о помощи; Пруссия, которая сначала обещала полякам защиту и этим ободрила их действовать враждебно против России, теперь обратилась против них же; русскому войску не стоило большого труда пройти до Варшавы и занять ее; война кончилась в 1793 году тем, что Россия получила еще старые русские земли, нынешние губернии Минскую, Волынскую и Подольскую; Пруссия взяла также значительные польские земли. Поляки не хотели равнодушно переносить этих потерь и в 1794 году напали врасплох на русский отряд, остававшийся в Варшаве, и истребили из него больше 2000 человек. Они объявили войну и России и Пруссии, и сначала русские с пруссаками действовали вместе: прусским войском командовал сам король Фридрих Вильгельм II, а русским генерал Ферзен; но прусский король скоро ушел, узнавши, что сзади его вспыхнуло восстание в польских областях, принадлежавших Пруссии. Тогда русским одним надобно было оканчивать дело. В Польше явился Суворов, которому должно было соединиться с Ферзеном и идти прямо к Варшаве; польский главнокомандующий Косцюшко хотел помешать этому соединению и поспешил напасть на Ферзена при местечке Мацевеицах, в 12 милях от Варшавы, 30 сентября 1764 года; здесь поляки потерпели страшное поражение: Косцюшко, бросив свою саблю, сказал: «Конец Польше!» — и был взят в плен. После этого Суворов соединился с Ферзеном, пошел к Варшаве и взял ее предместье Прагу. Этим война кончилась; у Польши не оставалось больше никаких сил; король Станислав Август отказался от престола и переехал в Петербург; Россия получила Литву и Курляндию, а польские земли разобрали Пруссия и Австрия.

Так императрица Екатерина II покончила свое славное дело, дело присоединения Западной России. При великом князе Иоанне Даниловиче Калите начала собираться Русская Земля около Москвы; но собиралась только Россия Восточная, а Западная была отхвачена Литвой и поляками; с великого князя Иоанна III Васильевича начала понемногу и Западная Россия присоединяться к Восточной; потом при царе Алексее Михайловиче присоединилась значительная ее часть, и царь Алексей уже принял титул «Всея Великие и Малые и Белые России самодержца»; но это был только титул, а Екатерина II действительно стала государыней

Всея Великие и Малые и Белые России. Важно было не то, что Россия распространилась, приобрела обширные земли: важно было то, что эти земли были старинные русские, населенные русским православным народом, который избавился от католических гонений, избавился от беды перестать быть русским, ополячиться. Екатерина II любила давать славные прозвания своим полководцам; но самой ей принадлежит славное прозвание Собирательницы Русских земель. Мало того что Екатерина собрала старые русские земли, стала действительно государыней и Малые и Белые России, она создала еще Новую Россию; из обширной пустыни, где с незапамятных пор не было никакой безопасности для мирного человека, сделала богатую житницу, где в короткое время мог вырасти такой богатый и многолюдный город, как Одесса. Петр Великий дал России Балтийское море, а Екатерина II Черное, которое в старину называлось Русским.

Знаменитая приобретательница русских земель и русского моря кончила свою славную жизнь 6 ноября 1796 года. Вступивший после нее на престол сын ее, император Павел Петрович сначала хотел было царствовать мирно; но тогдашние обстоятельства в Европе не могли ему этого позволить. Еще с 1789 года во Франции начались смуты, дошедшие до того, что король был свергнут и умерщвлен, братья его и множество знатных людей принуждены были бежать; французы учредили у себя республику. Австрия, Пруссия, Испания, хотевшие было остановить их, были побеждены; соседние страны—Нидерланды, Швейцария, Италия—были завоеваны, и по всему было видно, что республика во Франции долго не продержится, что власть перейдет в руки самого победоносного из генералов, а таким был Наполеон Бонапарт. Бонапарт, прославившись победами своими над Австрией, отправился морем на завоевание Египта; Египет принадлежал Турции, Турция стала просить Россию о защите, и русский флот пошел к ней на помощь, а к началу 1799 года составил союз из России, Австрии, Англии и Турции, чтоб остановить успехи французов, принудить Францию войти в прежние границы и этим восстановить в Европе прочный мир.

Чтоб выгнать французов из Италии, пошло туда русское войско под начальством графа Александра Васильевича Суворова-Рымнскогого. Это был самый знаменитый из генералов, оставшихся от екатерининского царствования. Мы видели, что, начавши службу при императрице Елисавете, Суворов особенно прославился при Екатерине в войнах с турками и поляками. Он отличался тем, что умел верно рассчитать, где надобно нанести удар, как появиться внезапно перед неприятелем, напасть на него смело и решительно; правила свои он выражал тремя словами: глазомер, быстрота, натиск. Суворов умел также приобрести

любовь солдат в высшей степени: этому помогала необыкновенная его простота и умеренность в жизни, простота в обращении, шутки и прибаутки, чудачество, причем, однако, Суворов умел быть строгим, когда требовал исполнения служебных обязанностей.

Весной 1799 года Суворов приехал к армии в Северную Италию и начал дело тем, что разбил французов в трехдневном бою на берегах реки Адды, после чего занял два главных города Северной Италии, Милан и Турин, и в полтора месяца почти вся эта страна была уже очищена от французов. На помощь своим пошел из Южной Италии французский генерал Макдональд; Суворов напал на него на реке Треббии. Было начало июня, жар страшный, итальянский, к которому русские солдаты не привыкли; два дня бились они и едва могли держаться от зноя. Суворов сам лежал в истомлении у большого камня; к нему подъехал один генерал и стал говорить, что войско не может более выдерживать, надобно отступать. Суворов отвечал ему: «Попробуйте сдвинуть этот камень... не можете?.. Ну так и русские не могут отступать». Семидесятилетний старик поднялся, сел на лошадь и появлением своим заставил и солдат забыть усталость; французы были отброшены за реку со страшным для них уроном. Покончивши с Макдональдом, Суворов пошел на другого французского генерала, Жубера, с которым встретился у Апеннинских гор подле городка Нови. 4 августа произошла битва: французы потерпели жестокое поражение, генерал Жубер был убит; русские взяли у неприятеля почти все пушки и до 4500 человек пленных. Суворов за свой итальянский поход получил титул князя Итальянского.

Победа при Нови была последней победой Суворова в Италии. Здесь теперь русские войска и Суворов не были более нужны, здесь и одни австрийцы могли справиться с французами. Русские и Суворов были гораздо нужнее в Швейцарии, где французский генерал Массена бил австрийцев. Положено было, чтоб Суворов шел из Италии в Швейцарию и соединился там с русским генералом Римским-Корсаковым. У Суворова было только 20 000 войска, у Корсакова 24 000; а у французов 70 000; кроме того, Суворову надобно было переходить чрез высочайшие горы, а русский человек по горам лазить не привык; наконец, время было уже осеннее, ненастное, сентябрь месяц. Русские стали взбираться на высокую гору Сен-Готард, с неимоверными усилиями, то подсаживали друг друга, то упирались штыками. На гору взобрались, теперь надобно было спускаться, а внизу французы. К счастью, разостлался густой туман; русские просто скатились с горы на французов и обратили их в бегство; но этот тяжелый переход через Сен-Готард стоил Суворову 2000 человек. Беды этим не кончились, а только еще начинались. Надобно было пролезать

сквозь узкое и низкое отверстие, пробитое в утесах; надобно было проходить через знаменитый Чертов мост, перекинутый с одного утеса на другой над бездной, на высоте 75 футов, и при этом нужно было сражаться, каждый шаг покупать кровью. Наконец, пришли к такому месту, от которого впереди были одни тропинки, в позднее время года доступные только смелым охотникам, привыкшим с малолетства карабкаться по громадным утесам и ледникам.

Но Суворов во что бы то ни стало хочет идти дальше к назначенному месту, чтоб соединиться с Римским-Корсаковым и не отдать его на жертву французам. В воздухе была сырая мгла, так что нельзя было ничего рассмотреть, что наверху, что внизу; солдаты лезут ощупью; обувь у них избилась, сваливается с ног; сухарные мешки совсем опустели, так что нечем подкрепить истощенные силы; а тут страшные вести: Корсаков разбит французами и отступил дальше, а победитель его Массена собирается запереть русским дорогу. Массена был твердо уверен, что Суворов со своим 18-тысячным войском положит оружие перед неприятелем, которого было 70 000. 18 сентября Суворов собрал военный совет и объявил, что с тех пор, как Петр Великий был окружен турками при реке Пруте, никогда еще русское войско не находилось в таком затруднительном положении, как теперь. «Мы среди гор,— говорил он,— мы окружены неприятелем многочисленным: что нам делать? Идти назад стыдно: никогда еще я не отступал; у нас нет хлеба, нет пушек; помощи ждать не от кого. Одна надежда на всемогущего Бога да на храбрость войска. Мы русские! С нами Бог! Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!», потому что великий князь Константин Павлович находился при войске. Генералы отвечали, что войско готово идти всюду, куда поведет великий полководец. Решено было пробиваться силой, и пробились. 26 сентября русские вышли из гор в самом печальном виде, изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневными битвами, оборванные, босые, большая часть обоза погибла, не на чем было везти раненых.

Суворов, выведши войско из Швейцарии, расположил его сначала в Баварии, а потом перевел в Богемию и дождался, куда прикажут ему направить поход. Но император Павел решил прекратить войну, потому что был недоволен австрийцами: он приписывал поражение Корсакова тому, что австрийцы поспешили вывести свои войска из Швейцарии и оставили русских одних, тогда как французов было там в три раза больше. Суворов возвратился в Петербург, где и умер 6 мая 1800 года. Между тем во Францию возвратился из Египта Наполеон Бонапарт и овладел верховной властью, назвавши себя первым консулом. Он очень обрадовался неудовольствию императора Павла на

Австрию, стал искать мира с Россией и получил его. Скоро после того император Павел скончался, 11 марта 1801 года. Самым важным из его внутренних постановлений было учреждение об императорской фамилии, которым определялся порядок преемства престола.

ЧТЕНИЕ XVII

О царствовании императора Александра I Павловича, до 1814 года

Император Павел Петрович оставил четверых сыновей — Александра, Константина, Николая и Михаила, из которых старший, Александр Павлович, и вступил на престол. В начале его царствования, в 1801 году, учрежден был Государственный совет, а в следующем году вместо коллегий учреждены министерства. Приведено к концу дело императрицы Екатерины II, повсюду учреждены народные училища, и главные из них, находящиеся в губернских городах, названы гимназиями, а малые — уездными училищами; кроме того, для первоначального образования учреждены приходские училища. Основаны были три новых университета, в Казани, Харькове, а потом в Петербурге.

Между тем в Европе продолжалось бурное время, одна война шла за другой, и Россия должна была принимать в них участие. Мы видели, что во Франции овладел верховной властью генерал Наполеон Бонапарт. Сначала он назывался первым консулом, а потом принял титул императора. Так как Наполеон достиг верховной власти потому, что был искусный полководец, прославился победами, то, чтоб удерживаться на престоле и привязывать к себе войско, ему нужно было поддерживать и увеличивать свою военную славу, беспрестанно воевать, побеждать, увеличивать свое государство; он завоевывал соседние земли, свергал с престола законных государей и на их места сажал своих братьев и родственников. Ни один государь не считал себя безопасным, если не хотел быть в совершенной зависимости от Наполеона, исполнять все, чего только он ни потребует. Понятно, что государства, которые поважнее, должны были соединяться, чтобы защитить свою свободу и положить границы честолюбию Наполеона. Но беда была в том, что сначала эти союзы не были общие, не все государства вдруг соединились против Франции, и от этого Наполеон выходил каждый раз победителем, с новой славой и с новой добычей. Так, в 1805 году поднялась против него Австрия; император Александр помогал ей, но, как ни уговаривал он прусского короля Фридриха Вильгельма II вступить в союз, тот не согласился, и вышло то, что война кончилась победой Наполеона при Аустерлице в Моравии, и Австрия должна была помириться на тяжелых для себя условиях.

Тогда Наполеон стал очень неуважительно обходиться с Пруссией, думая, что она теперь одна не посмеет вооружиться против него; Пруссия, однако, решилась на это, надеясь на свое войско и на помощь России и Англии; но теперь Австрия не хотела и не могла, после недавней несчастной войны, пристать к союзу. Прежде чем русское войско пришло на помощь, Наполеон, который отличался быстротой своих движений, успел в один день уничтожить прусское войско, после чего почти все прусское королевство было завоевано в несколько недель. Русские, пришедшие на помощь пруссакам, должны были теперь одни воевать с Наполеоном. В двух битвах, при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, они дали ему такой отпор, какого он прежде никогда не встречал, и когда в третьем сражении, при Фридланде, ему удалось взять верх, то он поспешил заключить мир с императором Александром, имел с ним личное свидание, оказывал к нему знаки сильного уважения и дружбы, обещал помогать в исполнении всех его намерений. Мир был заключен в городе Тильзите в 1807 году. Наполеон отнял у Пруссии много земель, хотел притеснить ее и еще больше, да император Александр отстоял. Из польских земель, которые в прошлом веке отошли к Пруссии, Наполеон составил герцогство Варшавское и отдал его союзнику своему, королю Саксонскому, которого он усиливал, чтоб иметь опору против Пруссии и Австрии, а Россию хотел страшать поляками, которые надеялись, что он восстановит прежнюю Польшу, и думали, что в образовании герцогства Варшавского уже положено этому начало.

Война шла за войной. Только что кончилась французская война, началась шведская в 1808 году. Русские завоевали всю Финляндию, и в начале 1809 года по льду перешли через Ботнический залив в самую Швецию. Война кончилась в этом же году миром в Фридрихсгаме, по которому Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео, также Аландские острова. Но долго тянулась война турецкая, которая началась еще в 1806 году, благодаря тому же Наполеону, который уговаривал турок воевать с Россией; благодаря ему же война и затягивалась, потому что сам он после Тильзитского мира овладел Испанией и Португалией, а не хотел, чтоб России досталось что-нибудь значительное от Турции. В этой турецкой войне отличился граф Каменский, который в 1810 году одержал над турками блистательную победу при Батыне, недалеко от Рушука. В следующем году Каменский умер; начальство над войском принял Кутузов: он заманил турок на левый берег Дуная и нанес им страшное поражение при Слободзее; турецкое войско было уничтожено, и султан согласился на мир, который был заключен в Бухаресте, в мае 1812 года; Россия приобрела Бессарабию.

Бухарестский мир был очень выгоден для России тем, что в это время ей было не до турок, она должна была готовиться

к войне небывалой, к войне с целой Европой. С Наполеоном императору Александру жить долго в мире было нельзя; Наполеон не мог терпеть равных себе государей, ему хотелось, чтоб все государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться в Европе как угодно. Мешали ему в этом два государства: Россия да Англия. Англию достать ему было нельзя, потому что она на острове; Англия была сильна и богата своим флотом, своей обширной торговлей во всех частях света, своими фабриками и заводами. Что же Наполеон придумал, чтоб ослабить и разорить Англию? Так как все государства в Европе, кроме России, или принадлежали ему, его братьям и родственникам, или боялись его и делали все, что он хотел, то он всюду запретил пропускать английские товары, произведения английских фабрик, также колониальные товары, сахар, кофе и прочие, которые преимущественно Англия доставляла в Европу; где только найдут английские или колониальные товары, провезенные тайком, сейчас жгут, истребляют. И Россия при заключении Тильзитского мира обещала разорвать союз с Англией и не допускать английских кораблей в свои гавани. И этого было уже очень много, потому что русская торговля сильно потерпела от прекращения торговли с Англией. Но Наполеон требовал, чтоб Россия не пускала в свои гавани кораблей и таких народов, которые вовсе не были в войне с Францией, например американских кораблей, на том основании, что на этих кораблях могли привозиться английские товары; одним словом, Наполеон требовал совершенного прекращения русской морской торговли; требовал, чтоб в России пошлины на товары были такие же, как во Франции.

Император Александр велел отвечать ему, что он намерен свято сохранять союз с Францией; но что пошлины и другие постановления есть дело внутреннее, которым каждое государство распоряжается, смотря по тому, как выгоднее для его подданных. Наполеон не мог никак переносить таких ответов, не мог переносить, что есть страна, которой государь равен ему и может не соглашаться на его требования; Наполеон знал, что, пока Россия была сильна, пока ее государь не подчинялся ему, до тех пор у всех других народов, притесненных французами, особенно у немцев, была надежда, что Россия поможет им избавиться от французов. Наполеону поэтому нужно было отнять у них эту последнюю надежду, нужно было ослабить и Россию точно так же, как ослабил Австрию и Пруссию, и заставить ее также повиноваться себе, как повиновались ему эти страны, Австрия и Пруссия. До сих пор он воевал с русскими на чужой земле, то на австрийской, то на прусской; а теперь, чтоб нанести России самый чувствительный удар, чтоб заставить ее помириться на условиях, каких ему хотелось, ему нужно было победить русское войско в самой России; он привык предписывать мир государ-

ствам, овладевши их столицами: поэтому ему хотелось овладеть какой-нибудь русской столицей, Москвой или Петербургом, если не обеими вместе. Дело было опасное, страна дальняя, суровая, малоизвестная; но Наполеон надеялся на то, что теперь у него будет войско со всей Европы и России нельзя будет с ним бороться, испугается, станет просить мира и примет мир, какой ему будет угодно дать ей.

С 1811 года Наполеон стал собираться на Россию. Летом 1812 года он придвинул к русским границам 600 000 войска, в котором были кроме французов итальянцы, голландцы, австрийцы, пруссаки, немцы всех остальных немецких государств, испанцы, португальцы, поляки. 11 июня наполеоновская армия перешла реку Неман между Ковно и Гродно. Император Александр находился в то время в Вильне; узнав о вторжении неприятеля, он дал приказ войскам, в котором говорилось: «Не нужно мне напоминать вождям и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!» Тогда же император Александр объявил: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

В манифесте государя, изданном 6 июля, русские люди читали: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют». Русские люди немедленно откликнулись на этот призыв. В Смоленске дворянство заявило, что выставляет 20 000 ратников для земского ополчения. 11 июля государь приехал в Москву: здесь дворянство определило выставить 80 000 ратников и пожертвовало до трех миллионов деньгами, а купечество до десяти миллионов; и вообще, в России выставлено было добровольно до 320 000 ратников и пожертвовано не менее ста миллионов рублей денег.

Число настоящего войска, которое Россия могла выставить вначале против французов, простиралось до 200 000 человек. Войско было разделено на две части: одна была под начальством генерала Баркляя-де-Толли, а другая — князя Багратиона; потом обе части соединились. Жестокая битва у русских с французами была в начале августа месяца за Смоленск. Генералы: Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский — отлично отбивали неприятеля от этого города; но скоро не за что стало биться: от страшной стрельбы, от пожара Смоленск представлял груды развалин. Русские отступили, и французы заняли Смоленск; но здесь из 2250 домов уцелело только 350, улицы были завалены телами убитых и раненых. Наполеон увидал, что война в России вовсе не такая, к какой он привык в других странах, и попытался

завести мирные переговоры, толковал, что русские ему вовсе не враги, а император Александр друг, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара, что ничего не выйдет хорошего, когда он займет Москву. Ответа ему не было никакого; а русское войско все отступало; что тут было делать Наполеону? Возвратиться нельзя, стыдно; пошел дальше на Москву.

Император Александр назначил тогда одного главнокомандующего над всем войском, старого, шестидесятисемилетнего генерала Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов стал известен как отличный генерал при императрице Екатерине; его любили Румянцев и Суворов; недавно прославился он блистательным окончанием турецкой войны. 17 августа приехал к войску новый главнокомандующий. «Приехал Кутузов бить французов»,— говорили солдаты. Им тяжело было все отступать, хотя отступать и было нужно; и Кутузов сначала пошел назад, но остановился в 108 верстах от Москвы, в Можайском уезде, у Бородина. Здесь 26 августа на рассвете началось сражение, и к вечеру, когда оно прекратилось, с обеих сторон, у русских и французов, выбыло из строя более 100 000 человек. Поле сражения осталось за русскими, и Кутузов хотел на другой день опять начать битву; но когда ночью сосчитал урон, то нашел, что биться нельзя, и велел отступать к Москве; французы шли следом.

Узнав о приближении неприятеля, московские жители стали покидать свои дома и уезжать, преимущественно на север и восток; укладывались и увозились дорогие казенные вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы; Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами; бедные шли пешком, везли детей на ручных тележках. 1 сентября русское войско расположилось на биваках в двух верстах от Москвы по Смоленской дороге, на Поклонной горе (с которой путешественники, завидев Москву, кланяются ее святыне); на Поклонной горе сидел старик Кутузов; около него толпились генералы и толковали, что положение невыгодно, нельзя тут давать другого сражения, Москву не спасти, только последнее войско погубится; вечером в деревне Филях в избе, где остановился Кутузов, держали военный совет и решили—отдать Москву и войску перейти через нее на Рязанскую дорогу. 2 сентября на рассвете русские войска начали переходить через Москву, а за ними следом явились французы. Наполеон, увидавши Москву с Поклонной горы, сказал: «Так вот он наконец, этот славный город». Подъехав к заставе, Наполеон сошел с лошади и прохаживался взад и вперед, дожидаясь депутации; он по привычке думал, что вот явятся к нему самые знатные жители Москвы, поднесут ключи от города и будут говорить ему приветственные речи. Но он дождался понапрасну; пришло несколько иностранцев и объявили, что Москва пуста. Наполеон переночевал под городом, в Дорогоми-

ловской слободе, а на другой день, 3 числа утром, переехал в Кремль и поместился во дворце. Но еще накануне, 2 числа, начались пожары, а в ночь с 3 на 4 число пламя обхватило большую часть города; в полдень 4-го числа пожар вспыхнул в Кремле, и Наполеон с большим трудом выбрался за город и поместился в Петровском дворце. В продолжение трех суток сгорело в Москве три четверти домов, большая часть церквей была разрушена или разграблена. Русские, не захотевшие оставить Москву, натерпелись больших бед, почти все были обобраны дочиста; хлеба достать было негде, и, если где французы прознают хлеб, сейчас отнимут; собирали овощи по огородам, доставали мокрую муку с барок, севших на дно. Французы ели не вкуснее: у них разложены были костры из дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами, на кострах кипели котлы, в которых варилась конина; по улицам валялись головы сахару, мешки с кофе, а хлеба не было.

Приближение зимы, которую надобно было встречать в пустой, обгорелой Москве, сильно беспокоило Наполеона. Он не знал, что это такое делается, куда он зашел. Привык он, что как скоро овладевал столицей государства, то война кончена, у него просят мира, соглашаются на все его требования; а тут занял он столицу, столица оказалась пустая и сейчас же сгорела, и ниоткуда ни слуху ни духу. Попробовал он опять предложить мир императору Александру — ответа не было; попробовал пригрозить, что пойдет на Петербург — нет ответа. Император Александр сказал своим, когда узнал о потере Москвы: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь жить в Сибири, чем заключить мир, подписать стыд отечества и добрых подданных, пожертвования которых умею ценить».

Мы видели, что Кутузов 2 сентября провел войско через Москву на Рязанскую дорогу; но потом свернул на Калужскую и остановился при селе Тарутине за рекой Нарою: он прикрыл Калугу, где находились большие склады съестных припасов, Тулу, где оружейный завод, и удерживал свободное сообщение с хлебобродными губерниями. Здесь войско дождалось, когда начнутся проводы незваных гостей из Москвы; а между тем стали действовать партизаны: так назывались небольшие, легкие отряды войска, которые с необыкновенной быстротой появлялись, исчезали, знали все и не упускали случая вредить неприятелю, главное, не давали ему собирать съестные припасы; из партизанских вождей особенно прославились Давыдов, Фигнер и Сеславин. Кроме партизанов вставали крестьяне и также не упускали случая истреблять французов. Особенно много их было истреблено в Сычевском уезде Смоленской губернии, где жители действовали против неприятеля под начальством майора Емельянова; в Гжатском уезде вооруженными крестьянами предводительствовал гусар Самус.

Были и мученики народного дела: французы расстреляли смоленских помещиков — Энгельгарда и Шубина за то, что они участвовали в народной войне против них. Крестьяне Вохненской волости села Павлова действовали против французов на реке Клязьме под начальством своего же крестьянина Курина.

Французам к концу сентября приходилось все хуже и хуже в Москве: стреляли ворон, ели кошек, лошадиную падаль, отчего начались болезни; наступили сырые холодные ночи, а погреться нельзя, дров нет, от этого опять болезни; а к русскому войску при Тарутине с разных сторон шли обозы; благодаря большим пожертвованиям, доставленным жителями подмосковных и южных губерний, солдаты почти ежедневно имели мясо и вино. С каждым днем русская армия усиливалась, а неприятельская ослабевала. 3 октября Наполеон послал к Кутузову с мирными предложениями; фельдмаршал донес об этом императору, и тот отвечал: «В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

Наступила пора русскому войску действовать. Верстах в десяти от русского тарутинского лагеря, на реке Чернишне, стояла часть французского войска под начальством зятя Наполеонова, неаполитанского короля Мюрата; половина русского войска напала на французов, опрокинула их и отняла множество пушек. Наполеон, узнавши об этом, отдал приказ немедленно выходить из Москвы. Сам он выехал из Москвы 7 октября, но оставил здесь одного из своих генералов с приказанием взорвать Кремль и зажечь все общественные здания. В полночь на 11 октября запылал кремлевский Арсенал и другие здания, раздался страшный взрыв, за которым следовали еще шесть: разрушены были дворец, часть колокольни Ивана Великого, Арсенал, стены были повреждены во многих местах; но соборы уцелели. 11 октября все французы ушли из Москвы.

Между тем Наполеон шел к Калуге, и 11 октября французы заняли Малоярославец; но к этому же городу спешили русские из Тарутина. 12 числа у них с французами начался бой, Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки и, наконец, превратился в кучу развалин. После этого Наполеон пошел по Смоленской дороге, русские преследовали его с тыла и боков. Генерал Милорадович поразил французов при Вязьме, атаман донских казаков Платов напал на них на реке Вопа близ Духовщины. В начале ноября было большое сражение под Красным: здесь русские взяли больше 26 000 пленных и 126 пушек.

С того же времени, с ноября, наступили морозы и начали истреблять французов, в одну ночь замерзло по 300 человек. Наполеон спешил переправиться за реку Березину, но при этой переправе его армия потеряла 20 000 пленных, множество уби-

тыми, почти всю артиллерию и обозы; морозы, доходившие до 30 градусов, довершили истребление французов. Не доезжая Вильны, Наполеон покинул ничтожные остатки своей армии и уехал в Париж

Император Александр обещал не полагать оружия, пока ни одного неприятельского воина не останется в его царстве. Теперь к концу 1812 года ни одного неприятельского воина не было в России, кроме пленных. Но император Александр не мог и теперь положить оружие, потому что изгнанием французов из России была сделана только половина дела. Наполеон, получивший престол вследствие побед своих, считал войну, победы, завоевания необходимыми, чтоб держаться на престоле; теперь он потерпел страшное поражение, покрылся бесславием, и потому престол его был потрясен; чтоб удержаться на престоле, ему нужно было опять воевать, побеждать, завоевывать; нужно было загладить свое поражение, заставить забыть о нем. Следовательно, пока Наполеон был на престоле, спокойствия для Европы и для России быть не могло; прекратить теперь войну значило оставить Европу под владычеством Наполеона, значило оставить в его руках все средства тревожить Россию, мстить ей за неудачу и позор. Другие государства и самые главные, Пруссия, Австрия, так боялись Наполеона, что одни не могли тронуться; но готовы были встать, если б русское войско явилось среди них. И вот русские войска 1 января 1813 года перешли границу, реку Неман и в начале февраля дошли до реки Одера. Кутузов, получивший титул князя Смоленского за проводы французов по Смоленской дороге, умер в апреле месяце. Главное начальство после него принял князь Витгенштейн; но сам император Александр постоянно находился при войске. Пруссия перешла на сторону России; Австрия немного помедлила, но потом также присоединилась к России и Пруссии, кроме этих трех держав в союзе были еще Англия и Швеция. Мы видели, что до двенадцатого года Наполеон выходил всегда победителем потому, что никогда не составлялось против него сильного союза, то одна Австрия с Россией, то одна Пруссия с Россией; но теперь, когда Наполеон потерпел такое поражение в России, когда страх перед ним исчез и когда император Александр показал твердую решимость биться с ним до конца, то и составился такой сильный союз, с которым Наполеону уже нельзя было сладить, хотя сначала он быстро набрал новое войско, явился с ним в Германию и имел большие успехи. Союз держался крепко благодаря императору Александру, который умел ободрить при неудаче, уладить, согласить при разномыслии, поддержать твердость, уговорить вести дело до конца, не останавливаться на половине дороги. 17 августа в Богемии при Кульме французский генерал Вандам был поражен и взят в плен благодаря стойкости русских войск, бывших под

начальством графа Остермана-Толстого и Ермолова. Наконец, все союзные армии соединились и дали Наполеону битву в Саксонии, при Лейпциге. Бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября), билось полмиллиона войска, составленного из разных народов, гремело 2000 пушек; Наполеон потерпел страшное поражение, потерял около половины своего войска и ушел во Францию. Германия была освобождена.

Ч Т Е Н И Е X V I I I

О царствовании императора Александра I с 1814 года и о царствовании императора Николая Павловича

Мы видели, что в конце 1813 года, после страшной Лейпцигской битвы, которую справедливо называют битвой народов, французы должны были очистить Германию, а в начале 1814 года войска союзных государей уже перешли во Францию. Наполеон с остатком своего войска защищался упорно, но принужден был напоследок дать дорогу союзникам к своей столице, к Парижу. Они подошли к этому городу 17 марта, и после жестокой битвы 18-го числа, веденной преимущественно русскими, Париж сдался. 19 марта император Александр, вместе с королем Прусским, торжественно вошел в него; на парижской площади был отслужен русский благодарственный молебен за освобождение Европы, и вся Европа признавала, что этим освобождением была обязана русскому государю. Избавление не могло быть верным, пока Наполеон оставался во Франции и назывался императором французов, и потому император Александр в тот же день, 19 марта, объявил, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом и ни с кем из его родственников. Вследствие этого французы провозгласили государем брата последнего своего короля: Наполеон отрекся от престола, и ему дали во владение небольшой остров Эльбу подле Италии. Скоро, однако, он ушел с острова Эльбы опять во Францию, возмущил здесь войско, вошел в Париж и опять провозгласил себя императором французов; но был побежден, схвачен англичанами, когда хотел бежать в Америку, и заточен на один из африканских островов, остров св. Елены.

Император Александр не хотел за Москву мстить над Парижем, Париж остался цел и невредим. Москва, отомщенная великодушием в Париже, быстро оправлялась после пожара и разорения и становилась богаче и красивее прежнего. После недавней страшной беды и великой славы вспомнили старую беду и славу, вспомнили, как ровно за двести лет до нашествия французов Москва была захвачена поляками и сожжена, как русские люди, видя такую беду, не отчаялись, но собрались к Москве и очистили

ее и все государство от врагов. Император Александр велел в Москве, на Красной площади, поставить памятник: на нем представлен Минин, зовущий князя Пожарского принять начальство над войском и вести его на избавление Москвы и России. Надпись на памятнике говорит: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия».

И другой достойный памятник явился, памятник не Минину и Пожарскому только, а всем знаменитым людям древней России: то была «История Государства Российского», сочинение Николая Михайловича Карамзина. Карамзин воспитался и начал писать еще при императрице Екатерине и скоро стал первым русским писателем по красоте и легкости своего языка, а в царствование императора Александра I Карамзин посвятил свой талант написанию древней Русской истории, которую довел до 1612 года. В царствование же Александра I начал писать величайший из русских стихотворцев, Пушкин. Тогда же Крылов писал свои басни, которые учат наизусть и долго будут учить наизусть русские дети. Между ними есть одна, написанная по поводу событий двенадцатого года: это басня «Волк на псарне», где чрезвычайно живо представлен Кутузов под видом старого охотника, а Наполеон под видом волка, который, попавшись к врагам, старается завести с ними мирные переговоры.

После свержения Наполеона император Александр был главным государем в Европе; по его мысли, все важнейшие дела между государствами должны были решаться мирно, сообща, на съездах государей и министров их; такие съезды называются конгрессами. Конгрессов было несколько в разных городах; но самый важный был в Вене в 1814 и 1815 годах, на котором было решено, какому государю чем владеть после французского разгрома, потому что у Франции взяли все ее последние завоевания и свели Наполеону родню со всех престолов. На этом Венском конгрессе было решено герцогство Варшавское, которое составил Наполеон из польских областей, принадлежавших Пруссии, и отдал саксонскому королю, присоединить к Российской империи под именем Королевства или Царства Польского. Император Александр хотел облагодетельствовать поляков, дал им особое управление и привел страну в цветущее состояние, в каком она до сих пор никогда не бывала, усилились промыслы, торговля, разбогатели города; но поляки все не были довольны и своими требованиями сильно огорчали императора, а между тем тайком составлялись заговоры, как бы при первом удобном случае отделиться от России.

Много заботы и печали было императору Александру также от турок. Греки, бывшие под их властью с половины XV века, не хотели больше выносить тяжелого ига иноверных варваров и в 1821 году поднялись в Морее и на островах Архипелажских.

Турки рассвирепели и стали истреблять и тех греков, которые против них не восставали; Константинопольский патриарх Григорий и два других архиерея были распяты в церкви в самое Светлое Воскресение. Россия начала вступаться за своих единоверцев, образумливать турок; но султан не хотел ничего слышать, он думал, что Россия-то и всему виной, что греки восстали с ее ведома и согласия. Четыре года император Александр терпел; но по всему было видно, что без войны турок образумить нельзя; войны, однако, не было, потому что император Александр скончался во время пребывания своего в Таганроге 19 ноября 1825 года. Он слывет в истории под именем Александра Благословенного; ни один русский государь не имел такой силы в делах целой Европы, и эту силу приобрел он не покорением народов, а их избавлением от французского, наполеоновского ига.

Император Александр не оставил по себе детей; наследником престола считался старший после него брат цесаревич Константин Павлович, находившийся с войском постоянно в Царстве Польском, в Варшаве. Но он, при жизни еще императора Александра, отказался от престола, и потому вступил на него третий брат, великий князь Николай Павлович. С самого начала своего царствования император Николай I должен был вести, одну за другой, три войны. Первая война была персидская. Русские владения за Кавказскими горами распространялись не завоеванием, а добровольным подданством грузинских владельцев; персиянам, разумеется, это не нравилось, и они нападали на новые русские владения, за что и были с ними войны при Екатерине II и при Александре I; в обеих войнах русские были победителями; но персияне не переставали спорить о границах. По вступлении своем на престол император Николай получил известие от генерала Ермолова, который начальствовал тогда на Кавказе, что персияне замышляют недоброе против России, собирают войско. Летом 1826 года персияне действительно перешли границы и стремились к главному городу Грузии, Тифлису; но на дороге им была крепость Шуша, которая так отлично оборонялась, что персияне должны были простоять под ней больше полутора месяцев. Этим временем подоспело русское войско с генералом Паскевичем, который сильно разбил персиян под Елисаветполем и прогнал за границу. В следующем 1827 году пришел русским черед идти в Персию; персияне надеялись на свою сильную крепость Эривань; но Паскевич взял ее, взял большой город Тавриз и шел на столицу персидскую Тегеран; шах персидский испугался и в начале 1828 года заключил мир в Туркманчае, уступил России две области — Эриванскую и Нахичеванскую. Император за персидскую войну дал Паскевичу название графа Эриванского.

За персидской войной следовала турецкая. Между турками и греками все шла война, и война страшная; греки никак не

хотели идти в прежнюю неволю, а турки никак не хотели уступить им что-нибудь. Тогда летом 1827 года Россия, Англия и Франция написали договор: предложить султану: пусть Греция остается под его властью, пусть платит ему ежегодную дань, но чтоб не было в ней турецких правителей и чтоб все турки выселились из Греции; если же султан на это не согласится, то воевать с ним. Султан не согласился, и война началась тем, что три флота — русский, английский и французский встретились с турецким флотом при Наварине и в четыре часа истребили его. Это было в октябре 1827 года.

Сухопутная часть началась в следующем году, и вся тяжесть ее пала на одну Россию. Русские войска заняли Молдавию и Валахию и перешли Дунай в присутствии самого государя. Сильные крепости Браилов и Варна были взяты. С другой стороны, в Азии граф Паскевич взял знаменитые турецкие крепости Карс и Ахалцых. В следующем 1829 году Паскевич поразил две турецкие армии и овладел важным городом Арзерумом. В Европейской Турции граф Дибич поразил главное турецкое войско при Кулевче, где турки потеряли 5000 человек убитыми, весь обоз, пушки и знамена; а когда сдалась сильная крепость Силистрия, то Дибич перешел Балканские горы и 8 августа занял Адрианополь, самый важный турецкий город после Константинополя. И до Константинополя было уже очень недалеко. Тогда султан Махмуд испугался и стал просить мира. Прежде он не захотел дать Греции особое управление, а теперь согласился, чтоб Греция была совершенно от него независима, и таким образом благодаря России Греция освободилась от турецкого ига и составила особое, независимое королевство. По Адрианопольскому же миру получили большие права Молдавия, Валахия и Сербия. Давши так много своим единоверцам и единоплеменникам, Россия почти ничего не взяла себе, потому что четыре крепости, уступленные турками в Азии (Анапу, Потю, Ахалцых и Ахалкалаки), нельзя считать за важное приобретение.

Осенью 1829 года заключен был Адрианопольский мир, а осенью следующего 1830 года польские заговорщики успели произвести восстание в Варшаве. 17 ноября вечером заговорщики ворвались во дворец, где жил великий князь Константин Павлович, умертвили несколько близких к нему людей, но сам он успел выйти из дворца и удалиться к войску, находившемуся в окрестностях Варшавы. Польское войско перешло на сторону заговорщиков, и потому великий князь с русским войском должен был оставить Польшу. Благообразные, умеренные поляки не хотели отделяться от России, изменять императору Николаю, не думали, что Польша может сладить с Россией, не надеялись на помощь чужих государств; но рьяные заговорщики не хотели их слушаться и кричали, что польское королевство должно быть

восстановлено в прежних границах, что Литва, Белоруссия, Во-
лынь, Подолия должны отойти от России опять к Польше.
Отправили в Петербург поверенных к императору с разными
предложениями; но император объявил им, что он не войдет
в переговоры с бунтовщиками, у которых оружие в руках; если
поляки требуют себе русских земель, то он прежде всего русский
император и не может возвышать Польшу на счет России. Так
как в Варшаве произошли убийства, покушались на жизнь вели-
кого князя, то он, император, как царь польский, обязан пода-
вить возмущение и наказать преступников. Тогда мятежники
объявили в Варшаве, что они больше не признают императора
Николая своим царем.

Русское войско вступило в Польшу под начальством графа
Дибича, который за турецкую войну получил прозвание Забал-
канского. В начале 1831 года в окрестностях Варшавы, при селе
Грохове, он победил поляков; русские войска уже готовились
брать Варшаву; но поляки завели переговоры и воспользовались
остановкой военных действий, чтоб поправиться и распростра-
нить возмущение по Литве, на Воляни и в Подолии. Помогла им
также холера, от которой умер граф Дибич. Но возмутители
недолго радовались; они были прогнаны из Литвы, из Воляни
и Подолии; начальство над русским войском император поручил
Паскевичу-Эриванскому, который подступил к Варшаве; перед
приступом главнокомандующий послал сказать полякам, что
если они сейчас же признают императора своим королем и не
будут требовать литовских и западнорусских губерний, то могут
получить желаемые ими льготы. Поляки отвечали, что они под-
няли оружие за независимость Польши, которая должна быть
в прежних границах. «На подобные вещи можно отвечать только
пушечными выстрелами»,— сказал фельдмаршал. 25 августа под
Варшавой раздалась песня: «Ах зачем было огород городить, ах
зачем было капусту садить!» С этой песнью русские солдаты
пошли на приступ. 26 августа Варшава была взята; много поля-
ков бежало за границу, оставшиеся покорились безусловно,
и война кончилась. Граф Паскевич-Эриванский получил от госу-
даря новое прозвание князя Варшавского. Польша, вследствие
мятежа, потеряла свое прежнее управление, данное ей императо-
ром Александром Павловичем, потеряла и свое войско.

Поляки, бежавшие за границу, обрадовались в 1848 году,
когда по всей Европе пошли смуты. Им нельзя было ничего
сделать прямо в Польше, так они начали действовать около,
в австрийских владениях, в Дунайских княжествах— Молдавии
и Валахии; особенно сильное участие приняли они в возмущении
венгров против австрийского императора: если венгры успеют
победить Австрию, думали они, то и мы успеем победить Рос-
сию. Чтоб разрушить эти замыслы, император Николай ввел

свои войска в Дунайские княжества, а в 1849 году, по просьбе австрийского императора, отправил к нему на помощь войско против венгерских повстанцев. Это войско спасло Австрию: 1 августа главный венгерский начальник Гергей сдался русскому генералу Ридигеру с 30 000 войска и 120 пушками.

Из внутренних дел императора Николая Павловича важнее всего было издание Свода законов. После Уложения царя Алексея Михайловича, в продолжение почти 200 лет, накопилось множество постановлений, но они не были разобраны в каком-нибудь порядке; действующие не отделены от недействующих. От этого происходили страшные затруднения и большие злоупотребления, медленность в решении дел была чрезвычайная. По справкам, оказалось, что в разных судах по всей России накопилось 2 850 000 дел и 120 000 подсудимых сидело в заключении. Император Николай Павлович в самом начале своего царствования обратил внимание на это дело и поручил вести его Михаилу Михайловичу Сперанскому: в 1833 году вышел Свод законов действующих, а потом издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

На 1850 году, на половине нынешнего века, мы остановимся. О восточной войне, о славной защите Севастополя и о делах нынешнего царствования потомки наши напишут много, много книг; но мы, современники, все это хорошо знаем, а младшие, которые чего не помнят, спросят у старших, и те им расскажут не по книгам, а как очевидцы.

СТАТЬИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ДРЕВНЕЙ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ ИНОСТРАННЫЕ

Глава I. Век XII и XIII *

В XII веке о России знали, что это обширная страна, покрытая горами и лесами, в которых ловится животное, называемое соболем; зимою в ней так холодно, что жители не могут выходить из домов; границы ее — от Праги до большого города св. Николая, иначе называемого Пинего; купцов русских видали в Константинополе и в Александрии¹.

В XIII веке, благодаря путешествиям латинских монахов к монголам, южная часть нынешней России стала известна с большими подробностями². Нынешний Таврический полуостров известен под именем Казарии (Газария, Кассария, Цезария). Эта Казария имеет вид треугольника, на западной стороне которого находится город Керсон, где замучен был св. Климент, а на юге, против Синопе, город Солдайя (Судак), куда пристают все купцы, идущие из Турции в северные страны, и, наоборот, сюда же сходятся купцы, идущие из России и стран северных в Турцию: одни привозят дорогие меха, другие — бумажные и шелковые ткани и пряные коренья; русские купцы возят свои товары в крытых телегах.

Между Керсоном и Солдайей находится сорок крепостей, из которых почти в каждой жители говорят особым языком; между ними много готов, говорящих по-немецки. Миновав гористую страну, к северу встречают красивый лес на равнине, покрытой источниками и ручьями, а за этим лесом простирается обширная равнина до самого конца означенной провинции (Казарии), которая суживается и образует перешеек, омываемый с запада и востока морем.

На границах Казарии находится много больших озер, имеющих по берегам соляные источники, которых вода, втекиши в озера, образует соль, твердую наподобие льда; с этих озер татарские ханы Батый и Сартак получают большие доходы,

* Главы I—III//Отечественные записки 1853 Т 86 № 2, Т 88 № 6, главы IV—V//Отечественные записки 1854 Т 96 № 9

потому что изо всей России приходят туда за солью, и с каждой нагруженной телеги дают по две бумажные ткани, ценою в пол-иперперы; приходит также морем много кораблей за солью, и все платят пошлины. К востоку от Казарии лежит город Матрика³, где впадает река Танаис в море Понтийское.

Дон составляет восточную границу России; вытекает он из Мэотийских болот, которые простираются на север до самого океана; Дон течет к югу и, пред впадением своим в море Понтийское, образует море, имеющее в длину и ширину семьсот миль и нигде не имеющее более шести шагов глубины, вследствие чего большие корабли не входят туда, но купцы, приходящие из Константинополя к упомянутому городу Матрике, посылают суда к реке Танаису для закупки сушеной рыбы. На другой стороне этой реки находится город Орнас, в который стекались прежде купцы русские, аланские и казарские и который был взят и опустошен татарами⁴.

В Казарии и далее к востоку помещаются следующие народы: готы, аланы, казары, черкесы и грузины, которые все исповедуют христианскую веру; черкесы и аланы, или аас, обитают в высоких горах на стороне, обращенной к степи.

К северу от Казарии находится степная страна, в которой прежде кочевали команы, или кипчаки (половцы), и потому называемая Команией. В этой стране нет ни лесу, ни гор, но трава превосходная; не видно ни одного селения, ни даже следа какого-нибудь здания; виднеются только в большом количестве могилы половецкие. Направляя путь по ней к востоку, путешественник достигает великой реки Танаиса, разделяющего Европу от Азии.

На восточном берегу этой реки находится слобода, построенная Батыем и Сартаком и населенная русскими, которые обязаны перевозить через реку послов и купцов. Телеги перевозятся таким образом, что одним колесом ставят их на одну лодку, другим на другую, и потом лодки связывают. Жители слободы имеют ярлык от Батыя, освобождающий их от всякой другой повинности, кроме перевозки через реку путешественников, да и за это они берут с купцов большие деньги. Река Дон в этом месте так же широка, как Сена в Париже; в ней и в других реках означенной степной страны, текущих обыкновенно к югу, множество рыбы.

На западном берегу Дона находится большой лес. Жители слободы сеют пшеницу, но она нехорошо там родится; зато много родится проса. Страна за Доном превосходна: покрыта лесами и реками; к северу простираются густые леса, в которых обитают два народа: моксель-язычники⁵; города у них нет, но хижины по лесам; в изобилии у них свиньи, медь, воск, дорогие меха и соколы. За мокшею живут мерды (мордва), которых латины зовут merdini; эти мерды исповедуют магометанскую веру.

За мордвою находится Етилия (Волга), самая большая река; течет она из Большой Болгарии от севера к югу и впадает в некоторое озеро. Две реки—Етилия и Танаис на севере отдалены друг от друга только на десять дней пути, но к югу начинают более отдаляться друг от друга, ибо Дон впадает в Понтийское море, а Етилия образует, как сказано, особое море, или озеро, вместе со многими другими реками, впадающими в него из Персии; некоторые называют это море *Sirsan*⁶, по имени одного города, находящегося на его берегу в Персии; но Исидор называет его морем Каспийским. Подле этого моря, или озера, живут сарацины по имени лезги, а за ними находятся Железные Ворота, построенные Александром Македонским.

На Волге во время путешествия Рубруквиса находилась уже столица Золотой Орды, Сарай, только что основанный Батыем. Вот что говорит Рубруквис о местоположении Сарая: «Я достиг до двора Батыева (на возвратном пути из Монголии) в тот самый день, в который, год тому назад, отправился от него, то есть на другой день после Воздвижения. Получив проводника, я отправился снова за 15 дней до праздника Всех Святых к Сараю, держа путь прямо на юг, спускаясь подле Етилии, которая там ниже разделяется на три большие рукава (*brachia*), из которых каждый почти вдвое более Нила у Дамьетты.

В другом месте⁷ река образует четыре рукава (*brachia*) поменьше, так что мы должны были семь раз через нее переправляться. При среднем рукаве (*brachium*)⁸ находится город Суммеркент. Около этих мест бывает⁹ Батый на одной стороне реки, а Сартак на другой, около Рождества Христова, и более уже не спускается.

Сарай и дворец Батыя расположены на восточном берегу, и долина, по которой протекают означенные рукава (*brachia*) реки, имеет более 7 лье в ширину. Отправившись отсюда в праздник Всех Святых¹⁰, направляя путь постоянно к югу, в день Св. Мартина достигли мы Аланских гор. Во время пятнадцатидневного пути от Батыя к Сараю мы не встречали народа, кроме сына Батыева с соколами и сокольниками, шедшего впереди отца. От праздника Всех Святых в продолжение еще 15 дней¹¹ также не встречали народа».

В 12 днях пути от Етилии на восток находится большая река Яик¹², которая течет с севера из земли Паскатур¹³ и впадает в то же самое море, как и Волга. Язык паскатур и венгерский один и тот же; народ этот не имеет городов, но ведет пастушескую жизнь; он граничит с Великой Болгарией¹⁴.

Далее за паскатурами живут паросситы, люди с маленькими желудками, питающиеся испарениями от вареного мяса; за паросситами—самоеды, живущие звериной ловлей; у них шатры и одежда из звериных шкур; за самоедами на берегах океана

живут чудовища, люди с бычачьими ногами и собачьим лицом; два слова скажут по-человечески, а на третьем залают по-собачьи.

За полюсом арктическим живут многие татары; настоящие, чистые татары, сохраняющие древние обычаи предков и веру их языческую; они кочуют в горах и полях, питаются молоком и мясом, сохраняют между собою мир, повинуюсь одному властителю. У них множество верблюдов, лошадей, коров, овец и разных других животных; в стране их водятся большие белые медведи, длиною в двадцать палм; водятся большие лисицы, все черные; водятся онагры в большом количестве; водятся также маленькие животные, называемые соболями, у которых самый нежный мех.

Много там разных других животных, имеющих нежные и дорогие меха; водится там и множество животных вроде фароновых мышей; ловят их летом в таком количестве, что почти все лето только ими и питаются; множество там всякого рода лесных зверей, потому что страна очень лесиста. С этой страной граничит другая, находящаяся под властью того же самого царя.

Это страна гористая, и водится в ней множество пушных зверей; туземцы умеют так искусно ловить их, что почти ни один зверь не избежит их рук. Здесь не могут водиться большие и тяжеловесные животные, как, например, лошади, коровы, ослы и верблюды, потому что почва очень болотиста, от множества озер и источников; и по причине чрезмерного холода здесь почти круглый год держится лед, не столько твердый, впрочем, чтоб на нем могли держаться тяжелые повозки или тяжелые животные, а где нет льду, там такая грязь, что нет пути ни для повозки, ни для большого животного.

Эта область простирается в длину на тридцать дней пути; и так как там собирается множество дорогих мехов, которыми ведется прибыльная торговля, то жители изобрели следующее средство, чтобы купцы из других стран могли приходить к ним: в начале каждого дня пути находится городок, населенный людьми, которые принимают и провожают товары и купцов, приходящих из чужих стран.

В каждом городке держат по сороку собак, больших, как ослы; собаки эти приучены возить сани, в которые запрягают по шести собак; постылают на сани медвежьей шкуры и садятся на них по два человека — купец, который отправляется за мехами, и кучер, который правит собаками и знает хорошо дорогу. Так как сани сделаны из легкого дерева и гладко выстроганы, собаки сильны и привычны к такой возке и клажи на санях немного, то собаки легко везут их по грязи. Приехав к другому городку, купец меняет проводника и собак и продолжает путь таким же образом.

В соседстве с упомянутым Татарским царством, на крайнем севере, находится область, называемая Областью Мрака,

потому что солнце там не показывается, но большую часть года там так темно, как в сумерки. Жители этой страны красивы, велики и полны, но очень бледны, по причине отсутствия света солнечного; они никому не повинуются и живут как звери.

Соседи их, татары, часто нападают на них и грабят; и так как, по причине тумана и темноты, они сами не могли бы найти дороги назад домой, то придумали следующее средство: они отправляются в Страну Мрака на кобылах, у которых маленькие жеребята; этих жеребят они оставляют на границе, а сами едут в глубь Страны Мрака; потом, награбив добычи и желая возвратиться домой, дают кобылам волю бежать куда хотят, и те прибегают прямо к своим жеребяткам на границу.

О Северо-Восточной Руси XIII века сохранилось немного известий. Путешественники знают, что это большая область, лежит у арктического полюса, жители ее все христиане и в служении церковном следуют обычаю греческому. Мужчины и женщины в этой стране все белые, очень хороши собой, у всех волосы русые и красивые. В стране их водится множество пушных зверей: горностаев, соболей, рысей и лисиц; много также серебряных руд. Страна эта имеет чрезвычайно холодный климат и простирается до моря Океана; на этом море лежат острова, на которых водятся в изобилии кречеты, которых оттуда вывозят в разные страны.

Из городов и областей Юго-Западной Руси сохранились известия о Киеве и его области. Киев, по словам Плано Карпини, прежде был чрезвычайно велик и многолюден, но после татарского взятия и опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось домов двести, а жители находились в тяжком рабстве; по окрестной стране путешественники находили бесчисленное множество черепов и костей человеческих, разбросанных по полям. Несмотря на то, купцы из разных стран по старой привычке продолжали приезжать в Киев: так, вместе с Плано Карпини приехали туда купцы из Бреславля; потом приходило туда много купцов из Польши, Австрии, Константинополя; последние были итальянцы — генуэзцы, венециане, пизане. За Киевом Канев находился уже под непосредственным владычеством татар.

Глава II. XIV и XV век

Путешественники XIV века оставили нам описание торгового пути из Таны (Танаиса, Азова) чрез Астрахань в Китай¹⁵: от Азова до Астрахани считалось 25 дней пути, если ехать на телегах, запряженных волами; если же ехать на телегах, запряженных лошадьми, то будет только 10 или 12 дней пути; на этой

дороге попадают часто вооруженные монголы. От Астрахани до Сарая считается один день пути водой, от Сарая же до Сарайчика восемь дней пути водой; впрочем, ездят и сухим путем, только водой дешевле с товарами. От Сарайчика до Ургенца 20 дней пути на верблюдах.

Путешественники XV века¹⁶ знают Малую Россию (Rossia bassa). Здесь от польских границ до Луцка страна покрыта была почти непрерывным лесом; в Луцке находилась довольно хорошая деревянная крепость. Кроме Луцка упоминаются города: Житомир, Белгород¹⁷, Киев¹⁸. Житомир — укрепленный город, в котором почти все строения деревянные; между ним и Белгородом дорога идет лесом, очень опасным по причине всякого рода бродяг, в нем скитавшихся.

В Киев съезжается множество купцов из Великой России с разными мехами, которые они отправляют отсюда в Кафу с караванами; караваны эти подвергаются в дороге нападению татар. Киев имеет деревянную крепость, изобилует хлебом и мясом. Путешественники, отправлявшиеся из Киева в Крым, переезжали Днепр ниже Черкасс на плотках, привязанных к лошадиным хвостам. Равнины Крыма (или острова Кафы, как называли его итальянские купцы XV века) принадлежали татарам, которые управлялись особым ханом; но еще в памяти было прежнее название Крыма — Казария, и аршин, употреблявшийся в Азове (Тане) и других соседних странах, еще называли казарским аршином.

Татарские владения в Крыму были довольно населены и могли выставить до 4000 всадников; здесь находились две не очень, впрочем, важные крепости — Сольгати, которую туземцы называют Крымом, то есть крепостью, и Керкиарде¹⁹, что по-татарски значит «сорок мест».

По берегу Забакского (Азовского) моря первый встречающийся город — Керчь; за ним следуют: Кафа, Сольдадия²⁰, Грузуи²¹, Чимбало²², Сарсона²³ и Каламита²⁴. Кафа, производящая большую торговлю, населена жителями всех известных стран и славится своим богатством. Алания названа по имени народа аланов, которые сами себя называют ас; страна их покрыта горами, реками и долинами, и в ней встречается очень много искусственных земляных насыпей, без сомнения надгробных памятников. На вершине каждой из этих насыпей положен огромный, насквозь просверленный камень, в отверстие которого вставлен крест, также каменный.

В 1437 году семеро итальянских купцов из Таны сговорились рызрыть один из таких курганов, находившийся на другом берегу Дона, в 60 милях от Таны, и носивший название Контеббе. Курган имел около 50 шагов в высоту, и вершина его образовывала площадку, на которой находился другой небольшой курган,

с кругловатою маковкою в виде шапки. Этот верхний курган, имевший не более 12 шагов в вышину, окружен был дорожкой, по которой два человека могли свободно идти рядом; основание же его было кругло и как будто сделано по циркулю, а поперечник составлял около 8 шагов.

Когда стали рыть нижний курган, то нашли сначала слой чернозема, происхождение которого приписали растущей по кургану траве; потом нашли слой угля и происхождение его приписали истреблению ивовых лесов, которых поблизости находилось очень много; потом нашли слой золы в четверть толщиною, что приписали сожжению камыша, растущего неподалеку от кургана; далее слой просяной шелухи, также на целую четверть, что объяснили большим употреблением в этой стране просяного хлеба, и, наконец, слой рыбьей чешуи.

Прорыв отверстия в 60 шагов длины, 8 ширины и 10 вышины и не находя никакого сокровища, купцы решились сделать еще в главном кургане два новых отверстия в 4 шага длины и вышины и дорылись до нового слоя, белого и столь твердого, что легко могли вырубать в нем ступени.

Углубившись на 5 шагов в гору, нашли наконец несколько каменных сосудов, из которых одни наполнены были пеплом, угольем и рыбьими костями, а другие совершенно пусты, а также пять или шесть четоков (*pater nostri*), величиной с померанец, из жженой глянцевитой глины. Сверх того нашли в кургане половину ручки серебряного сосуда, в виде змеи.

Сильный восточный ветер²⁵, поднимавший земляные глыбы, дерн и каменья и кидавший их в лицо рабочим, заставил купцов отказаться от своего предприятия. Место, где они трудились, сперва носило название Гульбединовых Ям, потому что прежде был здесь каирец Гульбедин, а потом стали называть его Франкскими Ямами. Ходило предание, что здесь зарыт был клад эланским царем Индиобу, который, услышав о приближении татар, приказал приготовить себе по обычаю надгробный памятник; и, закопав в него тайно сокровища, набросал на них все означенные выше вещи.

Относительно произведений страны при нижних частях Дона дошли до нас следующие известия. Так как Тана окружена холмами и рвом, имеющим до 10 миль в окружности (там, где была некогда древняя Тана), то эти холмы и долины, ими образуемые, сделались убежищем для всякого рода птиц, которых слетелось туда такое множество, что вокруг стен и во рву куропатки и драхвы разгуливали целыми стадами; мальчишки без труда подбিরали их и продавали по аспру пару; один францисканский монах ловил сетями по 10, 20 и 30 птиц разом. Ночью, если окна в домах были отперты, птицы, привлеченные огнем, влетали даже в самые комнаты.

Диких зверей, оленей и других также множество, но они боятся подходить близко к городу. В степи, при татарских ордах, находилось бесчисленное множество скота. Купцы скупают у татар лошадей и отводят их в Персию и другие страны, однажды отправили в Персию караван из 4000 лошадей. Лошади пасутся в табунах; стоит только пойти в табун и сказать хозяину: «Мне нужно столько-то лошадей», и немедленно он отберет их, при помощи палки с петлей. Навык татар в этом деле так удивителен, что покупатель смело может указать на ту или другую лошадь: продавец немедленно набрасывает ей на шею петлю и выводит из табуна. Лошади татарские не отличной породы, малорослы, имеют отвислое брюхо и непривычны к овсу.

Другой род скота составляют быки, рослые и очень красивые; их так много, что они снабжают большую часть итальянских боен; для этого гонят их обыкновенно через Польшу и Валахию в Трансильванию, потом в Германию и оттуда в Италию.

Третий род домашнего скота составляют большие двугорбые, косматые верблюды; их отправляют в Персию, где их покупают по 25 дукатов за штуку. Наконец, четвертый род скота составляют овцы необыкновенной величины, с высокими ногами, длинной шерстью и толстым хвостом, весящим до 12 фунтов.

Почва земли очень плодородна; пшеница — очень крупная зерном и нередко родится сам пятьдесят, а просо сам сто. Иногда жатва бывает так обильна, что не знают, куда деваться с хлебом, и часть его по необходимости оставляют на месте.

Отправляясь из Таны по берегу Азовского моря, путешественники в три дня достигают страны, называемой Кремух. Это владение состоит из нескольких селений, могущих, в случае нужды, выставить до 2000 всадников; оно изобилует лесом и плодородными равнинами, которые орошаются множеством рек.

Знатнейшие жители страны живут хищничеством, преимущественно грабежом караванов. Они имеют прекрасных лошадей, отличаются мужеством и лукавством и лицом очень походят на итальянцев; земля их изобилует хлебом, скотом и медом, но зато в ней нет вовсе вина. За Кремухом обитают разные народы, недалеко один от другого, как-то: киппики²⁶, татакозцы²⁷, собайцы²⁸, кевертейцы²⁹ и ас, или аланы.

Земли их простираются на 12 дней пути вплоть до самой Мингрелии, страны, граничащей с кайтаками³⁰ (народом, занимающим все пространство между Мингрелией и Каспийским морем), частью же с Грузией, Черным морем, хребтом гор, тянувшихся по Черкессии, и рекой Фазисом, впадающим в Черное море.

Мингрелия камениста и бесплодна, не производит ничего, кроме проса; даже соль привозят туда из Кафы. Вся промышленность жителей состоит в выделывании небольшого

количества тканей, грубых и нечистых. В Мингрелии на берегу Черного моря находились города: Вати (Варти)³¹, небольшой город с крепостью, Севастополь³² и Кальтихея³³, производящий торг шелком, грубым полотном и воском.

Поднимаясь вверх по Фазису, путешественники приплывают к городу Ассо³⁴, который окружен рощами и стоит на самом берегу реки, имеющей в ширину около двух перелетов стрелы.

В Грузии города: Кутаис, небольшой городок с каменной крепостью, построенной на горе, где находится церковь, очень древняя по наружности; Скандер, горный замок; Гори (Goridas), довольно хороший город, выстроенный на небольшой равнине у подошвы горы, на которой возвышается деревянная крепость; недалеко, на высокой горе, окруженной лесом, находится храм, где сохраняется древняя чудотворная икона Богоматери; при храме живут 40 монахов; самый замечательный город — это Тифлис, чрез который протекает река Тигрис; он лежит на небольшом холме и защищен довольно хорошей крепостью, выстроенной на другой горе, гораздо выше первой.

Тифлис славился прежде своей обширностью, но теперь (1475 г.) очень разорен. Впрочем, те части его, которые уцелели от разрушения, довольно населены по своему пространству. Грузия — страна прекрасная, изобилующая скотом, хлебом, виноградом и всякого рода плодами; покрыта высокими горами и обширными лесами; жители ее вообще рослы и красивы.

Подле Грузии находится страна Мидия, представляющая большей частью вид самой прекрасной и плодоносной равнины. В Мидии находится город Шамаха, где готовят шелк, известный в Италии под именем таламанского, выделывают сверх того разные шелковые ткани, большей частью гладкие и не очень добротные. Шамаха не так обширна, как Тавриз, но лучше его во всех отношениях и обильнее всякого рода жизненными припасами.

Мидийскому государю принадлежит также город Дербент, лежащий на границе Татари; на половине пути из Шамахи в Дербент находится небольшой красивый городок, изобилующий прекрасными плодами, особенно яблоками. Дербент лежит на самом берегу Бакинского, или Каспийского, моря, построен еще Александром Великим и называется Железными Воротами, потому что из Татари нельзя проехать в Мидию и Персию иначе как чрез этот город по причине глубокого ущелья, простирающегося от него вплоть до самой Черкесии.

Город окружен крепкими, толстыми стенами, но так немногочислен, что едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к крепости, населена; со стороны же моря все почти здания разрушены. В Дербенте находится множество гробниц (sepulture); он изобилует всякого рода жизненными припасами, плодами и вином.

Бакинское (Каспийское) море очень пространно и не имеет вовсе заливов; оно не менее Черного моря, но гораздо глубже его. Прибрежные жители ловят в нем множество осетров и белуг, другой же рыбы ловить не умеют. Между прочим, водится там одна рыба, совершенно похожая на собаку, с головой, ногами и хвостом; и еще другая, в полтора локтя длиной, толстая и гладкая, у которой вовсе не видно головы; из нее добывают жир, употребляемый вместо масла для освещения и для натирания верблюдов; этот жир развозят в большом количестве по всем окрестным землям.

Суда, употребляемые на Каспийском море, имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название; узки в корме и носу, а в боках — очень выпуклы; их сколачивают деревянными гвоздями и смолят очень крепко; для управления имеют они две мачты и большой шест, служащий вместо руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течение звезд, и держатся берегов; в дурную погоду прибегают к парусу; иногда употребляют и весла, которыми, так же как и рулем, управляют очень дурно.

Из Каспийского моря суда входят в устья Волги (Эрдиль), величайшей из рек. Она берет начало в России, семьдесятю рукавами впадает в Бакинское море и во многих местах очень глубока; она изобилует всякого рода рыбой, особенно хариусами (*schenoli*) и муреною (*mogone*). На Волге находится множество островов; некоторые из них имеют до 30 миль в окружности и покрыты лесами, в которых растут такие огромные липы, что из одного ствола можно выдолбить лодку, на которой поместятся 8 или 10 лошадей и столько же людей.

На Волге, в 25 милях от ее устья, находится город Астрахань (Цитракань). Он не очень обширен и окружен низкой стеной; дома в нем почти все мазаные, хотя кое-где и видны еще свежие остатки больших зданий. Прежде, до разрушения ее Тамерланом, Астрахань была важным торговым городом; сюда привозились все товары, отправляемые из Венеции чрез Тану, в обмен за них брали разные пряности и шелк.

Неподалеку от Астрахани, на пути к морю, находится соляное озеро, столь обширное, что добываемой из него соли достаточно было бы для продовольствия большей части вселенной; оно снабжает превосходной солью почти все русские владения, для чего каждый год москвитяне отправляют суда свои в Астрахань; путь этот очень удобен, потому что Москва-река впадает в Оку, а эта последняя в Волгу; из Астрахани же отправляются сухим путем в Москву купеческие караваны с джездскими тканями, шелком и другими товарами, которые промениваются на меха, седла, мечи и прочее.

Из Астрахани сухим путем в месяц с небольшим достигают русской границы³⁵, где первый город, встречаемый путешествен-

никами, есть Рязань. Страна рязанская изобилует хлебом, скотом, медом и другими произведениями, лесиста и довольно населена. В Рязани готовят особенный напиток вроде пива, называемый бузою (bussa).

Далее за Рязанью встречается город Коломна, укрепленный, подобно Рязани, деревянными стенами; в обоих этих городах все строения деревянные, по недостатку камня.

За Коломной находится город Москва, столица великого князя русского. На реке, протекающей внутри самого города, построено несколько мостов; замок расположен на холме и со всех сторон окружен рощами.

Изобилие в хлебе и мясе здесь так велико, что 10 стар³⁶ пшеницы стоят червонец, три фунта мяса — один сольд³⁷, 100 кур или 10 уток — червонец; самый лучший гусь — не более 3 сольдов. Зайцев там очень много, но другой дичины почти совсем не видно. Москвитяне не делают у себя виноградного вина, и вообще у них нет никаких плодов, кроме огурцов, орехов и диких яблок. Вместо вина употребляют напиток, сделанный из меда, пшеницы и хмеля; хмель, приводя напиток в брожение, дает ему такую крепость, что им можно напиться допьяна, как вином; напиток этот очень недурен, особенно когда стар.

Страна их очень холодна, так что жители в продолжение 9 месяцев должны топить в домах печи. Этим временем пользуются они для заготовления запасов на лето, ибо в морозы на русских санях, запряженных в одну лошадь, очень легко перевозить всякие тяжести, тогда как летом дорога по причине тающего льда и больших лесов от грязи почти вовсе не проходима; летом никто не отваживается в дальний путь также по причине множества мошек, порождаемых окрестными лесами, почти вовсе не обитаемыми.

Но зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до двухсот штук, но резать их нельзя, не разогрев прежде в печи, ибо они тверды, как камень.

В конце октября река, протекающая посреди Москвы, покрывается крепким льдом, на котором купцы ставят лавки с разными товарами и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе; они думают, что это место, будучи с обеих сторон защищено строениями, меньше подвержено влиянию стужи и ветра. На реке бывают также конские ристания и другие увеселения. Москвитяне, как мужчины, так и женщины, вообще хороши собой.

В Москву во время зимы съезжается множество купцов из Германии и Польши для закупки различных мехов, соболей, волков, горностаев, белок и отчасти рысей. Меха эти добываются не в самой Москве, но гораздо далее на север и северо-восток,

привозятся же обыкновенно в Москву на продажу. Ими производит значительную торговлю также другой город, называемый Новгородом.

Этот обширный, но дурно укрепленный город лежит на северо-запад от Москвы, в расстоянии осьми дней пути. Монета новгородская состоит в слитках серебра весом около 11 унций, без штемпеля; золотой монеты они не чеканят, а вместо мелкой монеты служат куньи и беличьи мордки. Новгород может выставить до 40 000 конницы и бесчисленное множество пехоты.

В тридцати милях от Новгорода находится Псков, большой, сильно укрепленный город; дорога в него из Новгорода идет большими лесами. Псков лежит при слиянии двух рек: Moede и Plesko. Границей между новгородскими владениями служит река Нарова.

В шести милях от Нарвы находится русская крепость Нислот (новый городок); от этой крепости до Новгорода считается 24 мили; дорога идет равниной, наполненной лесами, озерами и реками. Такова же дорога из Москвы через Смоленск и Вязьму до границ литовских: все ровные, лесистые места; изредка встречаются небольшие холмы и маленькие деревушки.

В расстоянии пяти дней пути от Москвы, на левом берегу Волги, находится город Казань (в переводе Котел). Город этот производит значительную торговлю, снабжая Россию, Польшу, Персию и Фландрию мехами, которые сам получает от джагатаев и моксов.

Глава III. Первая половина XVI века ³⁸

Область Московского государства представляет обширную равнину, покрытую лесами и пересекаемую во всех направлениях большими реками, обильными рыбой. Реки эти, разливаясь от тающего весной снега и льда, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячей водой и глубокой грязью, не просыхающей до новой зимы, когда лютый мороз опять постелет по болотам ледяные мосты и сделает дорогу по ним безопасной.

Главные произведения страны: хлеб, лес, мед, воск и меха. Сосны в лесах московских величины невероятной, так что одного дерева достаточно на мачту самого большого корабля. Дуб и клен (roveri) гораздо лучше, чем в Западной Европе; эти два дерева, будучи распилены, представляют в разрезе удивительную и приятную смесь цветов, наподобие волнистого камлота. Пчелы кладут мед на деревьях без всякого присмотра; нередко в лесах попадаются целые рои этих насекомых, сражающихся между собой и преследующих друг друга на большом расстоянии.

Поселяне, которые держат домашних пчел вблизи жилищ своих и передают по наследству из рода в род, с трудом могут защищать их от нападения диких пчел. Рассказывали для смеха, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи, он в продолжение двух дней питался одним медом и наконец выведен был из этого отчаянного положения медведем, который спустился задними лапами в то же дупло; крестьянин ухватился за него руками и закричал так громко, что испуганный зверь выскочил из дупла и вытащил его вместе с собой.

Мехов множество разных видов. Собольи меха ценятся по черноте, длине и густоте волоса; цена увеличивается еще смотря по тому, в какое время пойман зверь. Около Устюга и в Двинской области соболи попадают очень редко, около Печоры ловятся чаще и лучшие. В Москве попадают иногда собольи меха, которые продаются по 20 и по 30 золотых.

У горностаевых мехов около головы и хвоста есть приметы, по которым можно узнать, в настоящее ли время пойман зверь; каждая шкурка продается по три и по четыре деньги; которые из них побольше, те не имеют такой белизны, какая бывает на молодых. Лисьи меха, особенно черные, стоят дорого: десяток продается иногда по 15 золотых.

Белычи меха привозятся из разных мест, больше всего из Сибири; лучшие, впрочем, добываются недалеко от Казани³⁹; потом привозятся из Перми, Вятки, Устюга и Вологды; привозятся обыкновенно в связках, в каждой связке по десяти шкурок; из них две самые лучшие называются *litzschna*, три похуже — *crasna*; четыре еще хуже — *rocrasna*, и одна последняя, самая дурная — *moloischna*. Каждая связка продается по одной и по две деньги; лучшие, отборные вывозятся за границу.

Рысьи меха дешевы; волчьи вздорожали с тех пор, как увеличилось на них требование в Германии и в самом Московском государстве. Бобровые меха у москвитян очень ценны, потому что почти все обшивают платье черными бобрами. Меха домашних котов носят женщины. Песцовые шубы обыкновенно надевают в дорогу, потому что они очень теплы⁴⁰.

В западной части государства⁴¹ водятся огромные и свирепые буйволы, похожие на быков и называемые бизонтами, также алцесы (*Alces*); звери, похожие на оленей и отличающиеся мясистою мордой, высокими ногами и тем, что сгибают на задних ногах без движения⁴²; москвитяне называют их лосями, а немцы геленями (*Helenes*). В лесах водятся также необыкновенной величины медведи и страшные, большие черные волки.

В страну югров и вогуличей лежит путь чрез высокие горы; на их вершинах ловят превосходных соколов, из которых одни бывают белые, другие пурпуровые, огромные и называются кре-

четами; с ними охотятся за лебедями, журавлями и другими подобными птицами.

Кречет — самая отважная птица. Известно, что если кто охотится с ястребом, или копчиком, или другого рода соколом и прилетит кречет, то всякая другая из означенных птиц покидает свою добычу.

Когда везут кречетов из тех стран, где они выводятся, то иногда сажают их в одну клетку по четыре, пяти и шести штук, и когда дают им есть, то они берут пищу по порядку старшинства. Как свирепы они против других птиц, так смиренны друг с другом: никогда не кусаются между собой; моются они не в воде, а в песке; так любят холод, что обыкновенно стоят или на льду, или на камне.

В Московии ловят одну черноватую птицу величиною с гуся с алыми бровями, которой мясо вкуснее фазаньего; по-русски она называется тетеревом.

В реке Волге ловят множество рыбы огромной величины и отличного вкуса, особенно сомов; зимой рыбу эту обкладывают льдом и таким образом сохраняют свежей в продолжение долгого времени; прочие сорта рыб ловятся в большом количестве также в Беле-озере.

В Московии нет ни винограда, ни маслин, ни даже вкусных яблок, ибо все нежные растения, кроме дынь и вишен, истребляются холодным северным ветром. Несмотря на это, поля покрыты пшеницей, просом и другими хлебными растениями, также всякого рода зеленью. На берегах Волги и Дона растет ревень (*reupontico*) и айр (*calamo aromatico*). Не имея собственного виноделия, москвитяне пользуются вином привозным и употребляют его только на больших пирах и в богослужении. Особенно ценится у них сладкое критское вино (мальвазия), которое пьют они только вместо лекарства или подают, когда хотят выказать особенную пышность; все это привозят Балтийским морем.

Москвитяне пьют также мед, пиво и водку, которую гонят из пшеницы, ржи и ячменя. Чтоб сообщить меду и пиву более вкуса, опускают в стакан кусок льда, которого целые глыбы в продолжение всего лета сохраняются в подземных погребках. Некоторые ловят также сок, выжатый из спелых вишен.

Означенными произведениями москвитяне производят обширную торговлю. Все количество смолы и воска, потребляемое в Европе, равно как дорогие меха, привозятся туда чрез Ливонию из московских владений; кроме того, москвитяне отпускают в Европу лес, лучший лен, коноплю, воловьей кожи.

Чагатаи, живущие к югу от ногаев близ Каспийского моря, снабжают москвитян шелковыми тканями; татары же, обитающие внутри земель, не доставляют им ничего, кроме быстрых лошадей и превосходных белых материй, не тканых, а сваланных

из шерсти; из них делаются епанчи, красивые и защищающие от дождя; у москвитян они берут в обмен сукна и серебряную монету.

На самом отдаленном берегу океана живут лапландцы; они променивают москвитянам на разные товары белые меха, известные под именем горностаевых; причем не только не ведут разговора с купцами, но даже избегают их взоров. По обоюдном сличении продаваемых товаров они оставляют на месте меха свои, и таким образом заочно, между неизвестными друг другу людьми, производится самая справедливая мена.

В Литву и Турцию вывозятся из Московии кожи, меха и длинные большие зубы животных, называемых моржами и находящихся на северном море. Турки делают из них рукоятки кинжалов. Европейцы думают, что это рыбы зубы, и так их называют.

В Татарию вывозятся седла, узды, платье, кожи; в другие места, между севером и востоком, оружие и железо вывозятся тайком или с особенного разрешения воевод; однако вывозят сукна и полотна, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки и т. п.⁴³ Привозимые товары большей частью суть: серебро в слитках, сукна, шелк, шелковые ткани и парчи, дорогие камни, жемчуг, сученое золото, перец, шафран.

Кроме литовцев и поляков, никакие другие народы не допускаются в Москву; шведы, ливонцы и германцы могут торговать только в Новгороде, турки и татары в холопьем городе, куда во время ярмарки стекаются купцы из отдаленнейших стран. Но всякие купцы могут свободно и беспопшлинно приезжать в Москву в свите послов, чем обыкновенно и пользуются.

Описание отдельных областей России.— Княжество Московское. Главная река этого княжества, Москва, берет начало в Тверской области, в 70 почти верстах от Можайска, недалеко от места, называемого Олешно; протекши отсюда 90 верст, достигает города Москвы и, приняв в себя несколько рек, впадает на востоке в Оку; в 6 верстах выше Можайска начинает быть судоходной; отсюда сплавляется в Москву строевой лес, а ниже города грузятся на суда разные другие товары. Судоходство, впрочем, начинается поздно и бывает трудно, по причине многих извилин, особенно между Москвой и Коломной, на пространстве 270 верст.

Река не очень рыбна, и водятся в ней только самые обыкновенные рыбы. Область Московская невелика и неплодоносна: песчаный грунт земли убивает жатву при малейшем излишестве сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуют зрению посеянного. Холода бывают так сильны, что земля трескается от мороза; вода, пролитая на воздухе, слюна замерзают прежде, чем касаются земли.

В 1525 году плодовые деревья погибли от морозов; в этом году гонцы замерзали на снях; люди, гнавшие скот из соседних

деревень, гибли вместе с животными; медвежьи поводчики найдены замерзшими на дорогах; медведи, гонимые голодом, выходили из лесов и врывались в селения в самые дома, а люди, выбегавшие в страхе пред ними из домов, гибли на дворе от стужи.

Таким морозам соответствуют жары летом: так, летом 1525 года все погорело от жара, и такая сделалась дороговизна, что начали платить по 20 и 30 денег за вещь, которая прежде стоила три деньги; леса и поля загорались от жара, дым стлался повсюду, и многие потеряли от него глаза. Что вся страна не так давно была покрыта лесами, показывают пни огромных деревьев, до сих пор еще повсюду видные; хотя она теперь и хорошо обработана, однако, кроме полевых произрастаний, все остальное привозится из соседних областей; она изобильна хлебом и обыкновенными овощами, но нет в ней сладких вишен и орехов, исключая самых обыкновенных; другие древесные плоды есть, но неприятные на вкус.

За дынями здесь особенный уход: из унавоженной земли делают высокие гряды, в которые кладут семена; если лето случится очень жаркое, то на грядах делают скважины вроде отдушин; при большом же холоде семена сохраняются теплотою навоза.

Меду в Московской области и диких зверей нет, исключая зайцев. Все животные меньше наших ростом.

В Московском княжестве считается до 30 000 конницы дворянской; кроме того, можно набрать 60 или 70 000 пехоты из поселян. Город Москва деревянный и довольно обширный⁴⁴; но издали кажется еще обширнее, чем на самом деле, потому что большие сады и дворы при каждом доме увеличивают пространство города; кроме того, на конце его находятся жилища кузнецов и других мастеров, для которых необходим огонь, и между этими жилищами находятся целые луга и поля.

Великий князь Василий строил для своих телохранителей за рекой новый город Нали (Nali), что по-русски значит infunde (наливай), потому что им одним позволено пить мед и пиво, когда хотят; поэтому они и удалены за реку, чтоб не заражали других своим примером.

Недалеко от города находятся монастыри, из которых каждый издали кажется городом. Обширность города не позволяет определить межу и достаточно укрепить его. Улицы в некоторых местах загорожены рогатками, при которых находятся сторожа, имеющие обязанность наблюдать, чтоб никто не ходил ночью после урочного часа; если кого поймают в запрещенное время, то бьют, грабят или сажают в тюрьму, исключая людей известных и почетных, которых сторожа провожают до дому.

Такие сторожа помещаются там, где лежит свободный вход в город, ибо остальную часть его обтекает Москва-река,

в которую под самым городом впадает Яуза, а чрез эту реку трудно переправляться, по высоте берегов; на Яузе построено много мельниц. Этими-то реками укрепляется город, который, кроме немногих каменных домов, церквей и монастырей, весь деревянный.

Число церквей в городе показывают едва вероятное; говорят, что великий князь Василий Иоаннович велел пересчитать церкви, и нашлось их более 41 500.

Обширный город этот очень грязен, почему на разных, чаще других посещаемых местах находятся мосты. Есть в нем крепость, построенная из кирпича, которая с одной стороны омывается Москвою, а с другой — Неглинною. Неглинная вытекает из болот и подле верхней части крепости так запружена, что является в виде пруда; вытекая из него, наполняет крепостные рвы, в которых находятся мельницы.

Крепость так велика, что кроме обширных и великолепных каменных палат великокняжеских заключает в себе дом митрополичий, дома братьев великокняжеских, вельмож и разных других лиц, все большие и деревянные; кроме того, много в ней церквей, почти все деревянных, исключая только две значительнейшие — Богородицы и Архангела Михаила ⁴⁵.

Климат в Московской области так здоров, что народ не помнит, когда была чума. Бывает, впрочем, здесь иногда болезнь, похожая на чуму, которую называют жаром (Calor); болезнь эта поражает внутренность и голову, и занемогшие в несколько дней умирают.

К востоку от Москвы находится большой город Владимир, с деревянной крепостью; лежит он в такой плодоносной стране, что из одной меры пшеницы выходит иногда 20, иногда 30 мер. С одной стороны Владимир орошается рекой Клязьмой, с прочих окружен огромными лесами; прямо к востоку от Владимира в дремучих лесах лежит Муром.

Нижний Новгород — обширный и деревянный город с каменной крепостью, построенной великим князем Василием при впадении Оки в Волгу; окрестная страна плодоносием равняется с владимирской; здесь граница христианского мира, ибо далее по Суре-реке живут черемисы-мухаммедане, за черемисами мордва.

Река Сура составляет границу Московского княжества с Казанским царством; при впадении ее в Волгу великий князь Василий построил крепость, названную Василь-городом; недалеко отсюда течет река Мокша, впадающая в Оку недалеко от Касимова-города, в котором живут татары; женщины их красят ногти черной краской и ходят с открытой головой и распущенными волосами.

От реки Мокши к востоку и югу простираются неизмеримые леса, населенные мордвой, народом, имеющим особенный язык

и подчиненным московскому государю; некоторые из них идолопоклонники, другие мухаммедане. Они живут разбросанными селениями, занимаются хлебопашеством, питаются мясом диких зверей и медом; богаты дорогими мехами; народ крепкий, храбро отбивающий от себя татар; они употребляют длинные луки и отличаются искусством в стрельении.

Область Рязанская, находящаяся между Окой и Доном, имеет деревянный город Рязань недалеко от Оки. Была в нем крепость, называвшаяся Ярославлем⁴⁶, но теперь от нее остались только одни следы. Недалеко от этого города Ока образует остров, называемый Струб, где некогда находилось особое независимое княжество.

Рязанская область превосходит плодоношением все остальные: одно зерно дает два или несколько колосьев, которые растут так густо, что лошади не могут чрез них проехать; великое множество здесь меду, рыбы, птиц и зверей; древесные плоды гораздо лучше московских; народ смелый и воинственный.

В Рязанском княжестве считается до 15 000 всадников из дворян. В расстоянии 24 почти миль германских от Рязани находится место Донков, орошаемое Танаисом; здесь купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, нагружают свои суда, что обыкновенно делается осенью, в дождливое время года, потому что в другое время Танаис там так мелок, что не может поднимать судов.

Город Тула — последний к степи. Здесь великий князь Василий Иоаннович построил каменную крепость, орошаемую двумя реками, Упой и Тулой. Упа, соединясь с Тулой, впадает в Оку в 20 германских милях выше Воротынска; недалеко от ее устьев находится крепость Одоев. Славная река Танаис (Дон) берет начало в 8 почти милях от Тулы к юго-востоку, из большого озера — Иванова, которое имеет в окружности 1500 верст (так в оригинале. — *Ред.*), в лесу; лес этот одни называют Оконицким⁴⁷, другие — Епифановским. Из того же озера вытекает другая большая река — Шать, которая, соединясь с Упой, впадает в Оку.

Танаис течет сначала прямо на восток и между Казанским и Астраханским царствами течет в 6 или 7 милях от Волги, потом, поворачив к югу, образует болота, называемые Меотийскими. Ближайший город к источникам его — Тула; в трех милях от устья находится Азов, называемый прежде Танаис; а на четыре дня пути выше Азова, при той же реке, находится город Ахаз; последний славится необыкновенным обилием в рыбе и приятностью местоположения, потому что различные травы, вкусные коренья и множество плодовых деревьев образуют по обоим берегам реки как бы сад, искусством насаженный; в этом же месте такое множество дичи, что путешественнику нужно только иметь при себе соль да развести огонь.

В этих странах расстояния считаются не милями, а днями пути. В Азов стекается множество купцов из разных стран; сюда вольный доступ всем народам, свобода каждому покупать и продавать все, что хочет; а вышедши из города, всякий может безнаказанно поступать, как ему угодно. Служилые люди, посланные в степь для наблюдения за татарами, сказывали Герберштейну, что около устьев Малого Танаиса, подле места Великий Перевоз у Святых Гор, видели они статуи и изображения мраморные и каменные.

Малый Танаис берет начало в Северском княжестве, почему и называется Донец Северский. Едущие из Московии в Азов сухим путем переправляются через Танаис около Донкова, старинного и разрушенного города, и отсюда направляют путь несколько к востоку: если в этом месте провести прямую черту от устьев Танаиса к его источникам, то выйдет, что Московия находится в Азии, а не в Европе.

Мценск — место болотистое; здесь прежде находилась крепость, которой следы и теперь еще существуют. Около этого места еще и теперь некоторые обитают в шалашах, а при угрожающей опасности скрываются в болото или в крепость.

В 18 милях от Мценска берет начало Ока, протекает мимо городов: Воротынска, Калуги, Серпухова, Коширы, Коломны, Рязани, Касимова-города и Мурома, а у Нижнего Новгорода впадает в Волгу; берега ее покрыты густыми лесами, изобилующими медом, белками, горностаями и куницами. Поля, орошаемые ею, необыкновенно плодоносны; рыба окская предпочитается рыбе всех других рек, особенно та, которая ловится около Мурома; в ней ловятся белуги, стерляди, севрюги, осетры, которых бывает три рода, и белорыбица; думают, что большая часть этой рыбы входит в Оку из Волги.

Из одних с Окою источников берут начало еще две реки: Сейм и Сосна. Кошира — город на берегу Оки; на той же реке Серпухов, около которого на ровном месте находятся железные рудники. Калуга также на Оке; здесь с большим искусством работают резные деревянные чарки и другую деревянную посуду для домашнего употребления, которая вывозится на продажу в Москву, Литву и другие соседние страны. Великий князь ежегодно высылает в Калугу отряды войска для оберегания границ от татарских нашествий.

Воротынское княжество имеет город и крепость того же имени.

В Северском великом княжестве — крепость Новгород, прежде столица князей, куда из Москвы идет дорога на юг через Калугу, Воротыnsk, Серенск и Брянск; границы княжества простираются до самого Борисфена; оно состоит из обширных пустынных полей, но около Брянска находится дремучий лес, про-

стирающийся на 24 мили. В Северском княжестве много городов и крепостей; между ними главные: Стародуб, Путивль, Чернигов. Земля там, где обрабатывается, плодородна; леса изобилуют горностаями, белками, куницами и медом; народ по причине беспрерывных войн с татарами очень воинственный.

На пути из Путивля в Тавриду, в степи, встречаются реки: Сна (Сула?), Самара и Ариель (Орель); из них две последние шире и глубже первой; при переправе через них путешественники часто подвергаются нападению татар и плену. За этими реками попадают две другие: Конская Вода и Молочная, через которые переправа производится особенным образом, именно на переплетенных ветвях, привязанных к лошадиным хвостам.

Река Угра, глубокая и мутная, берет начало в лесу недалеко от Дорогобужа и впадает в Оку между Калугой и Воротынском. Город и крепость Деметрович, между югом и западом, в 18 милях от Вязьмы, в 20 от Воротынска. Смоленск, на Борисфене, имеет крепость на восточном берегу реки, построенную из дуба; с одной стороны защищается она рекой, с другой — рвом и тыном; город окружен плодородными холмами и обширными лесами, в которых добывается много мехов. В крепости находится каменная церковь Богородицы, на посаде виднеются развалины многих каменных монастырей.

На пути из Москвы в Смоленск встречаются города: Можайск, Вязьма, Дорогобуж. Дорогобуж и Вязьма — города и крепости деревянные, на Борисфене; под Вязьмой течет река того же имени, которая в двух верстах от города впадает в Борисфен; отсюда нагруженные товарами суда спускаются обыкновенно в Борисфен, и обратно вверх по Борисфену идут суда до Вязьмы.

Можайск — город и крепость деревянные; в окрестностях водится множество зайцев, разных шерстей; здесь великий князь ежегодно охотится, а иногда выслушивает иностранных послов.

На запад от Москвы, среди обширных лесов, находится город и крепость Белая, на реке Опше. Крепость Ржева на реке Волге; есть и другая Ржева, называемая Пустой, в 20 милях от Пскова. На запад за первой Ржевой находится лес Волконский, из которого берут начало четыре реки. В этом лесу есть болото, называемое Фроновым⁴⁸: отсюда вытекает маленькая речка и впадает в озеро Волго, из которого вытекает снова; взяв от него свое название и протекиши много болот, приняв в себя много рек, 25-ю, а по иным, 70-ю устьями впадает в Каспийское море.

В том же лесу, в 10 почти милях от болота Фронова, находится деревня Днеперско, около которой берет начало Борисфен⁴⁹; недалеко от этого места находится монастырь св. Троицы, где берет начало другая река, больше первой, и называется уменьшительным именем Днепрец.

Обе эти реки соединяются между источниками Борисфена и болотом Фроновым. Здесь товары из Москвы и Холопьего Городка, нагруженные на суда, отправляются в Литву. Озеро Двина лежит в 10 почти милях от истоков Борисфена и в таком же расстоянии от болота Фронова; из него вытекает река того же имени, по большей части судоходная. Четвертая река — Ловать, самая малая из всех; она берет начало между озером Двиною и болотом Фроново или из самого болота.

Волок, город и крепость, находится в 24 милях от Москвы, 12 от Можайска и 20 от Твери; здесь великий князь ежегодно потешается соколиной охотой за зайцами. Великие Луки — город и крепость. Торопец тоже.

Тверь, или Отверь, на реке Волге; этот город обширнее и великолепнее самой Москвы. В Тверском княжестве считается до 40 000 всадников из дворян. В городе Твери 160 церквей деревянных, в крепости 9 церквей, из которых главная св. Спаса. Княжество Холмское выставляет 7000 ратников, княжество Зубцовское — 4000; княжество Клинское — 2000; все эти княжества причисляются к Тверскому. Торжок, которого одна часть принадлежит Новгороду, а другая — тверским князьям.

Новгород Великий — обширный город, орошаемый Волховом; это самый знаменитый и богатый из северных городов; он больше Рима, но зато строения в нем почти все деревянные. В Новгороде много богатых и великолепных монастырей и храмов, изящно и пышно украшенных; для описания одной церкви св. Николая нужно не менее целого года. Говорили, что сокровища Новгорода после его взятия были вывезены в Москву на 307 повозках, нагруженных золотом, серебром и разными драгоценностями.

Озеро Ильмень, называемое в древних русских письменных памятниках Ильмерь и которое некоторые называют Лимидис-озеро, находится от Новгорода в двух верстах, простирается в длину на 12, в ширину на 8 германских миль и принимает две значительнейшие реки — Ловать и Шалону, а выпускает Волхов, впадающий в озеро Ладогу. Это озеро имеет в ширину 60, в длину почти сто миль; на нем находится несколько островов.

Из Ладожского озера вытекает большая река Нева, впадающая в Германское море. При устье ее под властью московского князя находится крепость Орешек, по-немецки Нутембург. Руса (Russ), в древности называвшаяся Старая Руса (antiqua Russia), древний город, имеет соляную реку, которую жители запрудили широким рвом наподобие озера, откуда каналами провели воду в каждый дом, и вываривают соль.

Ивангород — каменная крепость на берегу Наровы, составляющая здесь границу Новгородской области с Ливонией. Нарова — судоходная река, вытекает из Чудского озера и, приняв

в себя две реки—Пскову и Великую, протекает мимо города Опочки. Плавание из Пскова в Балтийское море было бы удобно, если б тому не препятствовали пороги, находящиеся недалеко от Ивангорода. Плесковия (Псков) при озере, из которого вытекает река того же имени, впадающая в Чудское озеро.

В целой Московской области один Псков обведен стенами; город разделен на четыре части, из которых каждая имеет свои особые стены. Вотская страна в 26 или 30 милях от Новгорода; какое бы то ни было животное, если приведено будет в эту страну, меняет свой прежний цвет на белый.

Если идти из Ивангорода по морскому берегу к северу, то встретим реку Плюссу, при устье которой находится крепость Ямь. В 12 милях от Ивангорода находится крепость Вотры на реке того же имени; отсюда до реки Невы и Орешка считается 6 миль; от Орешка до реки Корелы, от которой получает свое имя город, семь миль; отсюда 12 миль до реки Пелны, отделяющей московские владения от Финляндии, которую русские называют Хаинской землей.

Есть еще другая Корела, в 60 или более милях от Новгорода: это особая область с особым языком, платящая дань шведам и москвитянам. На севере, между Двиной и Корелой, на море, в 8 милях от материка, находится остров Соловки; на нем вываривается много соли, ловится много рыбы (сельдей) и находится монастырь, в который не позволено входить женщинам. Говорят, что здесь в летнее солнцестояние солнце светит постоянно, за исключением только двух часов⁵⁰.

Дмитров, город с крепостью, находится от Москвы в расстоянии 12 миль, на реке Яхроме, впадающей в Сестру, а Сестра в Дубну, которая впадает в Волгу. Вследствие такого удобного течения рек здесь производится обширная торговля; ибо купцы без большого труда перевозят товары из Каспийского моря по Волге в разные страны и, наконец, в Москву.

Белоозеро, город с крепостью при озере того же имени, со всех сторон окружен болотами, что делает его неприступным; вот почему московские князья сохраняют там свою казну. Две дороги ведут из Москвы на Белоозеро: одна, ближайшая, чрез Углич, зимой; другая, летом, чрез Ярославль.

По причине болот и лесов, перерезанных реками, по обеим трудно ездить без деревянных мостов, сжатых льдом; мили здесь по трудности пути короче; к трудностям тут присоединяется еще и то, что по причине болот, лесов и рек земля не обработана и нет нигде городов.

Само озеро простирается на 12 миль в длину и на столько же в ширину; говорят, что в него впадает 360 рек. Вытекает же из него Шексна, которая в 15 милях выше Ярославля и в 4 ниже Мологи впадает в Волгу. Рыба, которая идет из Волги в эту реку

и озеро, становится лучше, и тем все лучше и лучше становится, чем долее живет в озере. Рыбаки так опытни в этом деле, что, поймав рыбу в Волге, узнают, сколько времени она была в озере.

Туземцы на Белоозере имеют свой особый язык, хотя теперь уже все говорят по-русски. Самый долгий день здесь в 19 часов. Рассказывал Герберштейну один значительный человек, что выехал он из Москвы на Белоозеро весной, когда деревья начали распускаться, и ехал очень скоро, но, переправившись за Волгу, остальную часть пути совершил на санях; несмотря, однако, на то, что зима здесь продолжительнее, хлеб поспевает и жнетса в то же самое время, как и в Москве.

На перелет стрелы от Белоозера есть другое озеро, производящее серу, которая выносятся и рекой, из него вытекающей; но туземцы не умеют пользоваться этим даром природы. Углич — город с крепостью на Волге.

В двух милях от Углича находится место Холопий Город, недалеко от которого видны развалины крепости при реке Мологе, которая вытекает из новгородских владений и, протекши 80 миль, впадает в Волгу; при ее устье находится город с крепостью того же имени.

На месте Холопьяго Города находится только одна церковь, и здесь-то происходит самая многолюдная ярмарка: сюда кроме шведов, ливонцев и москвитян приезжают также татары и другие обитатели Севера и Востока. Здесь происходит только мена товара на товар; золото же и серебро эти народы употребляют редко или почти никогда. Готовое платье, луки, ножи, посуда, топоры и тому подобные вещи меняются по большей части на меха. Переяславль — город с крепостью при озере, в котором, так же как и в Соловках, ловится рыбка сельди. Земля довольно плодородна и здесь; по собрании жатвы великий князь забавляется охотой. Тут же находится озеро, из которого добывается соль.

Через Переяславль идет дорога в Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и Углич. Там же есть река Нерел (Нерль), которая, вытекая из одного озера, впадает в Волгу выше Углича.

Ростов — город с крепостью на озере, из которого вытекает река Которость, впадающая у Ярославля в Волгу. Земля плодородна, большое изобилие в рыбе и соли. Ярославль — город с крепостью на Волге; земля довольно плодородна, особенно по Волге.

Княжество Ярославское простирается на 40 миль, княжество Кубенское на 30 миль, Шаховское на 30 миль⁵¹.

Вологда — провинция, город и крепость; вся страна покрыта большими лесами. Так как Вологда очень укрепена природой, то великие князья сохраняют здесь часть своей казны. В тот год, как Герберштейн находился в Москве, здесь была такая дороговизна, что 14 денег стоила мера муки, которая в других местах обык-

новенно продавалась по 4 и 5 денег. Рыбная река Вага берет начало между Белоозером и Вологдой, в болотах и дремучих лесах, и впадает в Двину. Прибрежное народонаселение живет охотой, здесь ловятся черные и пепельного цвета лисицы. Отсюда идет путь в Двинскую область.

Устюг, провинция, получает название от города и крепости, расположенных на реке Сухоне. Город находился прежде при устье реки Юг, потом, по местному удобству, перенесен на полмили выше устья. В Устюг приезжают пермь, печора, югры, вогуличи, пинежане и другие отдаленные народы и привозят дорогие меха, которые променивают на разные товары. В этой области хлеб редок или почти вовсе его нет, а питаются рыбой и дичью. Соль получается из Двины. Народ имеет особый язык, хотя более говорит по-русски. Соболей здесь немного и не отличные, но зато множество других зверей, особенно черных лисиц.

Двина, провинция и река, получают имя свое от слияния двух рек — Юга и Сухоны, потому что Двина по-русски значит две. Эта провинция, кроме крепости Холмогор, города Двины, которые лежат в середине между источником и устьем, да крепости Пинеги, лежащей в самом устье Двины, других городов и крепостей не имеет; селений много, но все они, по причине бесплодия почвы, находятся в дальнем друг от друга расстоянии. Пропитание жители снискивают себе рыболовством и звероловством, у морских берегов добывают белых медведей. Страна обилует солью.

Недалеко от Холмогор встречается река Пинега, из которой полуверстовым волоком суда перевозятся в реку Кульвию (Kulvia, Кулой). Река Кульвия берет начало на севере из озера того же имени и течет до океана на протяжении 6 дней пути. Если плыть по правому берегу моря, то встретишь следующие места: Становище, Калунцо (Caluncscho) и Агну (Agnu); проплыв далее Хорогойский Нос (Chorogoski Nos), Становище, Каменецк и Толстик, достигают реки Мезени, которой в 6 дней доплывают до селения того же имени, расположенного при устье реки Пешы (Piesza), по которой, поднимаясь опять к юго-востоку, в три недели достигают до реки Piescoja.

Отсюда, по перевозке чрез пятиверстный волок судов в два озера, открываются две дороги: одна, по левую сторону, ведет в реку Рубиху, а из нее в реку Чирку; другая, короче, из озера прямо в Чирку, откуда при хорошей погоде в три недели доходят до реки Чильмы (Czilme, Цылма), впадающей в большую реку Печору, которая при устье Чильмы имеет две версты в ширину; отсюда в 6 дней доплывают до города и крепости Пустоозера, где Печора впадает в океан шестью устьями.

Жители этих мест — люди простые, впервые приняли христианство в 1418 году. От устьев Чильмы до устьев реки Усы месяц

пути, если плыть по Печоре. Уса вытекает из горы Земной Пояс, из огромного в горе той камня, который называется Большой Камень, и течет на пространстве более 1000 верст. Потом с юга течет Печора; от устьев Усы до устьев реки Щугура (Sczuchogogo) проплывают в три недели.

Путешественники останавливаются между устьями рек Щугура и Подчерема (Poczheriema) и, достигнув соседней крепости Strupoli, находящейся на русском берегу в горах направо, складывают товары, привезенные из России.

За Печорой и Щугуром до горы Каменный Пояс, до моря, соседних островов и крепости Пустоозеро живут различные и бесчисленные народы, называемые одним общим именем самоед. У них большое изобилие в птицах и разных животных, как-то: в соболях, martes, бобрах, hermelli, белках, белых медведях, волках, зайцах; equivođuani, cete; в океане водятся моржи, кроме того, vess; в изобилии также рыба, называемая семгою (semsi), и множество других разного рода. Самоеды не приходят в Москву, ибо эти дикари избегают сообщества других людей.

От устьев Щугура вверх по реке до Pojassa, Artavische, Cameni и Большой Pojassa три недели пути. Потом до горы Камня три дня пути, спустившись с которой доходят до реки Artavische, оттуда идут к реке Сибут, от Сибута к крепости Лепин, от Лепина к реке Сосве (Sossa). Живущий по этой реке народ называется вогуличами. Оставя Сосву вправо, достигают реки Оби, берущей начало из Китайского озера. Эту реку едва можно переплыть в один день, ибо ширина ее 80 верст. И по Оби живут также вогуличи и угричи.

От острожка Обае, поднимаясь вверх по Оби, в три месяца достигают устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва. В этих местах находятся две крепости: Ером (Jerom) и Тюмень, где начальствуют князья югорские, платящие, как говорят, дань великому князю Московскому; множество там пушных зверей.

От устьев Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, от Грустины до озера Китай более трех месяцев пути. От этого озера приходит много людей, черных, не говорящих обыкновенным языком⁵²; они приносят разные товары, особенно жемчуг, драгоценные камни, покупаемые грустинцами и серпоковцами; последние получают название свое от крепости Серпоков в Лукоморье, находящемся за рекой Обью в горах.

Говорят, будто бы жители Лукоморья умирают к 27 ноября, а весной оживают к 24 апреля. С ними грустинцы⁵³ и серпоковцы торгуют необыкновенным образом: когда приходит лукоморцам время умирать или скорее спать, то они в известном месте оставляют свои товары, которые грустинцы и серпоковцы берут, оставив взамен на том же месте известное количество своих товаров; когда лукоморцы оживут и увидят, что мена для них

невыгодна, то требуют назад своих товаров, вследствие чего возрождаются между ними тяжбы и войны.

Спускаясь от Оби по левую сторону, встречаешь народ каламов (calami), которые переселились туда от Обиовы (Obiova) и Погозы (Pogosa). В низовьях Оби, подле Золотой Бабы (ad Auream Anum), находятся реки: Сосва (Sossa), Березва и Данадим⁵⁴, которые все вытекают из горы Большого Каменного Пояса.

Народы, живущие от этих рек до Золотой Бабы, говорят, платят дань великому князю Московскому. Золотая Баба — идол, находящийся при устье Оби, в провинции Обдора, на дальнейшем берегу. По берегам Оби и соседних рек рассеяно много крепостей, принадлежащих, как говорят, Московскому государю. Рассказывают или, лучше сказать, баснословят, что Золотая Баба есть статуя старухи, держащей на лоне своего сына, а подле находится еще другой ребенок, которого называют внуком; кроме того, там находятся некоторые инструменты, издающие беспрестанные звуки.

Река Косин (Cossin)⁵⁵ вытекает из гор лукоморских; в устьях его находится крепость Кошин, которую прежде владел князь Увенца, а теперь его сыновья. От истоков Косины до устьев два месяца пути.

Из одного места с Косином вытекает другая река, Касима (Cassima)⁵⁶, впадающая в большую реку Тахнин, за которую, говорят, живут люди удивительного вида: одни — покрытые шерстью, как звери, другие — с собачьими головами, а иные вовсе без голов и ног, только с длинными руками. Водится в реке Тахнине рыба, похожая во всем на человека, только не говорящая; она издает, как другие рыбы, приятный звук.

Лукоморье — страна приморская и лесная, обитаемая народом, который не имеет постоянных жилищ; поблизости находится татарское царство Тюмень, владелец которого не так давно причинил большой вред Московскому государю.

При реке Печоре находится город и крепость Папин, или Папинов Город, жители которого называются папины и говорят отличным от русских языком. За этой рекой находятся высочайшие горы, которых верхи по причине беспрестанных ветров не имеют ни леса, ни травы. Горы эти хотя в разных местах имеют разные названия, однако вообще называются Поясом Мира; на них вьют гнезда кречеты; там же растут кедры, около которых водятся самые черные соболи.

Великий князь Василий для покорения народов, живущих за горами, послал через Пермь и Печору двоих воевод: князя Семена Федоровича Курбского и князя Петра Ушатого. Курбский рассказывал Герберштейну, что он употребил 37 дней для восхождения на горы, и то не достиг вершины, называемой Столп. Горы эти простираются до океана, к устьям Двины и Печоры.

Княжество Суздальское с городом и крепостью того же имени.

Между всеми московскими областями по плодородию первое место занимает Рязань, за нею следуют Ярославль, Ростов, Переяславль, Суздаль, Владимир.

Кострома, город с крепостью на берегу Волги и Костромы. Княжество Галицкое с городом и крепостью. Провинция Вятка за рекою Камою; к ней кратчайший, но труднейший путь идет через Кострому и Галич, ибо кроме болот и лесов, которые находятся между Галичем и Вяткой и замедляют путь, еще черемисы, которые разбойничают по дороге; вследствие этого ездят в Вятку через Вологду и Устюг.

Область Вятка получает свое название от реки, на берегу которой находятся города Хлынов, Орлов и Слобода; при реке Речичане, впадающей в Вятку, находится город Котельнич. Страна болотиста и бесплодна, убежище беглых рабов, обилует медом, дичиной, рыбой, белками. Устье Вятки находится во власти татар, путь здесь считают чункасами, каждый чункас содержит пять верст. Река Кама впадает в Волгу в 12 милях ниже Казани, к этой реке принадлежит область Сибирь.

Обширная область Пермь имеет город того же имени на реке Вишоре, которая в 10 милях ниже впадает в Каму. Туда по причине болот и рек сухим путем можно проехать только зимой; летом же идет путь через Вологду, Устюг и потом рекой Вычегдою, которая в 12 милях от Устюга впадает в Двину. Впрочем, на возвратном пути из Перми в Устюг надобно ехать вверх по Вишоре, потом переплыть несколько рек, перетаскивая суда волоками из одной реки в другую. Хлеб в Перми редок. Ежегодная дань великому князю платится лошадьми и мехами. Язык у народа свой, и азбука своя, изобретенная епископом Стефаном, утвердившим их в вере; впрочем, еще и теперь живут в лесах многие некрещеные пермяки, которых монахи и отшельники, отправляющиеся туда, не перестают приводить к истинной вере. Зимой и здесь, как во многих других местах России, путешествуют на артах; артами называются деревянные длинные, в 6 локтей, подошвы, прикрепляемые к ногам. Держат для езды больших собак.

Положение Югорской области ясно из вышесказанного. Из этой области вышли венгры. Говорят, что югры и теперь говорят одним языком с венграми; они также платят дань мехами: хотя жемчуг и драгоценные камни привозятся отсюда в Москву, однако собираются они не в их (югров) океане, но в другом месте, преимущественно же привозятся с берегов океана и с устьев Двины.

Область Сибирь соприкасается с Вяткой и Пермью, есть ли в ней крепости и города, неизвестно. В ней берет начало река Яик,

впадающая в Каспийское море. Страна частью пуста по причине соседства татар, частью населена татарами шихмамайскими. Жители имеют свой особый язык, промышленяют преимущественно беличьими мехами, которые величиною и красотью превосходят беличьи меха, добываемые в других областях.

Черемисы живут в лесах под Нижним Новгородом, имеют свой особый язык, исповедуют религию мухаммеданскую; народ этот живет от Вятки и Вологды до Камы, не имея постоянных жилищ. Все, как мужчины, так и женщины, отличаются скоростью в беге и искусством в стрельбе; никогда не выпускают лука из рук; детям до тех пор не дадут есть, пока те не попадут в цель стрелой. В двух милях от Нижнего Новгорода находилось много домов наподобие города, где вываривалась соль. Татары недавно сожгли их, но теперь опять они выстроены по приказанию великого князя. Мордва живет по Волге ниже Новгорода Нижнего; этот народ во всем похож на черемис, только оседлее их.

Царство Казанское имеет город и крепость того же имени на Волге, на том берегу; граничит на восток и юг со степью, в которой на востоке живут шибанские и казацкие татары. Царь Казанский может выставить войско из 30 000 человек, преимущественно пехоты, в которой черемисы и чуваша отличнейшие стрелки; чуваша также отличные пловцы. Казанские татары образованнее других, имеют постоянные жилища, занимаются земледелием и торговлей. Великому князю Московскому удалось подчинить их себе, частью вследствие течения рек, которые стремятся из Московской области в Волгу, частью по причине взаимной торговли, без которой казанцы не могут обойтись. После татар казанских следуют ногайские, живущие за Волгой, у Каспийского моря, по реке Яику; у них нет царей, но вожди; в наше время владели ими три брата: первый, Шидак, владел городом Сарайчиком с принадлежащею к Яику страной; второй, Кошум (Cossum),— страной между Камой, Яиком и Волгой; третий, Шихмамай,— частью Сибири и окрестной страной. Все эти страны лесны, но та, которая идет к Сарайчику,— степная.

Между Волгою и Яиком, у моря Каспийского, жили некогда ханы заволжские; у этих татар встречается удивительное, едва вероятное явление: из семени, которое немного побольше и круглее дынного, вырастает что-то очень похожее на ягненка и потому называемое по-русски баранец, вышиною в пять локтей, с головой, с глазами, ушами— все как у молоденького барашка, и с тонкою шерстью, которой обшивают шапки; это растение имеет кровь, но не имеет мяса, а вместо мяса какое-то вещество, похожее на раковое мясо; волосы возмущаются наподобие рогов, корень прикреплен к животу; живет до тех пор, пока съест всю траву около себя. Вкус удивительно сладкий, потому его очень любят волки и другие хищные животные.

На 20 дней пути к востоку от орды шидаковой живет народ, который москвитяне называют юргенцами и которыми владеет Барак-Солтан, брат великого хана, или царя, китайского; от Барк-Солтана в 10 дней пути достигают до владений Бебеид-Хана — это великий хан китайский.

Астрахань, богатый город, великое торжище татарское, от которого вся окрестная страна получает название, лежит на 10 дней пути ниже Казани, на берегу Волги, почти при устье ее; некоторые же говорят, что устья Волги от Астрахани находятся в расстоянии нескольких дней пути. Волга при впадении своем разделяется на несколько ветвей, которых насчитывают 70; образует множество островов и вливает такое обилие вод в море, что кажется сама морем.

За Вяткой и Казанью в соседстве с Пермью живут татары, называемые тюменские, шибанские и казацкие. Тюменские живут в лесах, и считается их не более 10 000; кроме того, за Волгой живут другие татары, называемые калмыками, которые одни только отращают волосы. При Каспийском море лежит город Шамахия, дающая имя окрестной стране, жители которой искусны в шелковых изделиях.

Между Казанью и Астраханью, по берегам Волги на востоке до самого Днепра на западе простираются степи, на которых кочуют татары; здесь встречаются только два города: Азов и Ахаз; последний лежит в 12 милях выше Азова, на Дону, да еще по берегам Малого Дона живут оседлые и земледельческие татары.

От Азова до Шамахи 12 дней пути. Спускаясь от востока к югу, около Меотийских болот и Понта, где в болота впадает река Купа, живет народ афгазы. С этого места до реки Мерулы, впадающей в Понт, простираются горы, обитаемые царкасами, или цаками. Этот народ, безопасный в горах своих, не повинуется ни татарам, ни туркам. Некоторые утверждают, будто бы черкесы исповедуют христианскую веру греческого исповедания и при богослужении употребляют славянский язык. Черкесы самые смелые пираты; из рек, берущих начало в горах их, они выплывают в море и грабят все, что только могут; особенно страдают от них пльвущие из Кафы в Константинополь.

За рекой Купою лежит Менгарлия (Мингрелия), орошаемая рекою Гераклею; потом Костатис, древняя Колхида, по мнению некоторых; далее встречается река Фазис, имеющая в устье своем остров Сатабелл, стоянку Язона. За Фазисом — Трапезус. На Таврическом Херсонесе город Крым, древняя столица таврических царей. Весь Херсонес делится пополам лесом; та часть, которая принадлежит к Черному морю и где город Кафа, находится под турецким владением; другой половиной владеют татары.

Литва, в обширном смысле, простирается от города Черкас на Днестре до границ ливонских. Черкасы, живущие по берегам днепровским, суть русские, отличные от тех, которые живут в горах на берегу Черного моря. За черкасами к югу прекращаются христианские жилища.

При устье Днепра находится город и крепость Очаков, принадлежащий султану. От Очакова до Альбы, называемой прежде Монкастро, при устьях Днестра, 14 миль; от Очакова до Перекопа 14 миль; от Черкас до Перекопа 40 миль.

Выше Черкаса лежит город Канев (Cainow), в 18 милях от которого находится Киев. Подле этого города находится холм, на который въезд довольно труден; если при этом въезде у купеческой телеги что-нибудь изломается, то весь товар идет в казну: это сказывал Герберштейну палатин Гостовд, виленский наместник.

Выше Киева город Мозырь на реке Припети; Тур, рыбная река, впадает в Припеть; от Мозыря до Бобрянска 30 миль; поднимаясь далее оттуда на 25 миль, достигают Могилева, от которого в 6 милях лежит Орша. Означенные города, лежащие на западном берегу Днепра, принадлежат королю Польскому, лежащие же на восточном берегу принадлежат государю Московскому, исключая Добровны и Мстиславля, подчиненных Литве.

Город Борисов, в 22 милях от Орши на запад, при реке Березине, впадающей в Днепр ниже Бобрянска; Березина несколько шире Днепра, как он у Смоленска. Герберштейн думает, что это Березину древние считали Борисфеном: на это указывает самое имя, да и Птоломеево описание приличествует больше источникам Березины, чем Днепра.

Столица Литвы Вильна город обширный, расположенный между холмами, при слиянии рек Велии и Вильны; Велия несколько ниже Вильны; впадает в Кронон (Неман). Кронон течет мимо города Гродно и отделяет Пруссию от Самогитии в том месте, где впадает в Немецкое море и где находится город Мумель, потому что немцы называют Кронон Мумелем, а туземцы — Неменем.

Вильна окружена стенами, имеет много храмов и зданий каменных, несколько монастырей, из которых особенно славится францисканский; однако в ней гораздо больше русских церквей, чем латинских. В Литовском княжестве три католические епископии: Виленская, Самогитская и Киевская; а русских в Польше и Литве семь: Виленская, Полоцкая, Владимирская, Луцкая, Пинская, Хелмская, Перемышльская.

Литовцы промышляют медом, воском, золою: множество этого товара отправляется в Данциг, а оттуда в Голландию. Литва обилует тою же смолой и лесом для постройки судов, также хлебом; но в соли недостаток: ее привозят из Британии

и России. Между литовскими областями Волынь имеет народонаселение самое воинственное.

Литва очень лесиста, имеет огромные болота и много рек, из которых одни, как-то: Буг, Припеть, Тур и Березина, текут на восток и впадают в Днепр, а другие, как-то: Буг, Кронон и Нарев, текут на север. Климат здесь суровый; животные все малорослы; хлеба много, но жатва редко созревает.

Из зверей в Литве водятся зубры, туры, онагры, дикие лошади. Зубрами литовцы называют бизонтов. Немцы неправильно называют их Аугох или Угох; ибо это название принадлежит туру, имеющему совершенно форму быка, тогда как у бизонтов совершенно другая форма. У бизонтов есть грива и длинная шерсть на шее и груди, также борода; волос пахнет мускусом; голова короткая; глаза большие, свирепые, пламенные; лоб широкий; рога так широко разведены, что между ними могут усесться три довольно тучных человека; на спине горб; передняя и задняя части тела отвислы.

Кто хочет охотиться за бизонтом, должен обладать большой силой, легкостью и ловкостью. Для этого выбирается обыкновенно место, на котором находятся деревья в равномерном друг от друга расстоянии; деревья эти не должны быть очень толсты, чтоб легко можно было около них вертеться, и не очень малы, чтобы могли защищать человека. Под этими деревьями располагаются охотники: поднятый собаками, зубр бросается на первого встречного; тот, заслоняясь деревом, бьет животное *унабуло* куда попало; зубр не скоро падает под ударами, но все более и более разъяряется и действует не только рогами, но даже языком, который у него так шероховат и жесток, что он может им ухватить за платье человека и притянуть к себе, после чего уж не выпустить живым. Если охотник, утомившись борьбой и беганием вокруг дерева, захочет немного вздохнуть, то бросает зубру красный плащ, на который тот изливает всю свою ярость, рвет рогами, топчет. Если другой охотник захочет принять участие в борьбе, то ему легко обратить зверя на себя: стоит только раз произнести звук: «люлюлю».

Туры водятся только в Мазовии, соседней с Литвой; это не иное что, как дикие быки, отличающиеся от домашних только тем, что всегда бывают черные, только на спине имеют беловатую полосу. Туры немногочисленны; есть известные округа, которым вменено в обязанность заботиться о турах, которые содержатся в некоторого рода зверинцах. Телята, которые рождаются от тура и простой коровы, неживущи. В народе есть поверье, что пояс, сделанный из турьей кожи, способствует скорейшему разрешению от бремени.

Зверь, называемый литовцами лось, у немцев слывет под именем *Ellend*; некоторые по-латыни называют его *Alces*; поляки

называют онагром, то есть диким ослом, но неправильно. У лось копыта раздвоены; и хотя попадаются с цельными копытами, но очень редко. Лось на бегу быстрее оленя, имеет выдавшиеся уши и ноздри; рога несколько отличны от оленьих, цвет более беловатый. Лосье копыто считается предохранительным средством для падачей болезни: его носят в виде амулета.

Самогития, соседняя с Литвой провинция, лежит к северу, у Балтийского моря, не имеет значительного города или крепости, управляется пожизненным старостой, назначаемым великим князем Литовским. В Самогитии всего замечательнее то, что жители ее большей частью высокого роста, но детей рожают одних очень высокого роста, а других почти карликов.

Одеваются самогиты дурно, живут в низких длинных избах, посредине которых горит огонь; в одной комнате и люди, и домашний скот. Народ отважный и к войне охочий; лошади такие маленькие, что едва вероятно, как они могут переносить и военные походы, и работы полевые; землю пахут не железом, а деревом; это тем удивительнее, что почва твердая, не песчаная, на которой сосна не растет; отправляясь на работу, берут с собой несколько поленьев, которыми пахут: одно сломается, берут другое. Один староста хотел было ввести железные плуги, но в этот год, как нарочно, случился неурожай; народ приписал его железному плугу, и староста велел его покинуть. Самогития покрыта лесами, в которых иногда бывают страшные видения. Много еще здесь идолопоклонников, которые поклоняются черным змеям, считая их охранителями домов своих.

Путь Герберштейна. Он выехал в начале 1516 года из Аугсбурга и направил путь чрез Богемию, Моравию и Силезию к польским границам, которые начинались по переезде через Вислу в двух милях от силезского города Ptzin (Pszczyna), или Ples. Далее путь шел через Освенцим, Краков, Простовицу, Вислицу, Шидлов, Опатов, Завихост, Урзендов, Люблин, славившийся своей ярмаркой, на которую съезжались москвитяне, литовцы, татары, ливонцы, пруссы, русины, немцы, венгры, армяне, валахи и евреи; далее путь шел через Коцк, Мезерич, где оканчивалась Польша и начиналась Литва, первым городом которой был Мельник при Буге, потом Бельск, Нарев; из Нарева путь шел лесом на 8 миль; за этим лесом Гринки, Гродно, Прелай, Волноник (Олькеники), Рудники, Вильна.

Из Вильны Герберштейн поехал не большими московскими дорогами, из которых одна шла через Смоленск, а другая через Ливонию, но средней дорогой, через Неменчин и Свинтраву (Свенцьяны?), Дисну, Дрисвят, Бряслав, Дедину, Betha, Дриссу, Дорогоски, Полоцк. «Между Вильной и Полоцком,—говорит Герберштейн,—множество озер, болот и неизмеримые леса, простирающиеся на 50 германских миль».

Далее путь шел также болотами и лесами чрез Harbsle (Тамзелево?), Миленки (pastorum casae — пастушьи хижины), Nischam, Quasassen; за последним местом начинались московские владения, где первым местом была Корсула, из которой, переехав две реки, Великуречку и Dsternicza, и проехав две мили, путешественники достигли Опочки, города и крепости при Великуречке, на которой находился плавучий мост; лошади проехали его по колено в воде. В этих трудных по причине частых болот и лесов местах войско движется таким образом, что толпа поселян идет впереди, прочищает дорогу сквозь леса, стелет мосты по болотам и рекам.

За Опочкою следует Воронеж, город при реке Сорет, которая, приняв в себя Воронеж, недалеко от города впадает в Великуречку. В 5 милях от Воронца — Fiburg; далее в 3 милях от Фибурга — Володимерец, город с острожком. Отсюда в 3 милях Брод, сельский дом (coloni cujusdam domus); в 5 милях от него Порхов, город с крепостью при Шелоне-реке; в 5 милях Опока (villa), по которой река Витоха впадает в Сухану; отсюда, переправясь через 7 рек, достигли Reisch (villa), в 5 милях; Dverenbutig (villa), в 5 милях, полмили за которой река Пшеза (Мшага), приняв Струпин, впадает в Шелов; в последнюю впадают еще 4 реки, через которые проехали в тот день; Сотоки, в 5 милях, сельский дом, за которым в 4 милях находится Великий Новгород.

От Полоцка до Новгорода путешественники проехали столько болот и рек, что имен их и числа даже туземцы не знают. От Новгорода в 4 милях Brodnitz (Бронницы?), откуда целый день ехали по берегу Мсты, реки судоходной, берущей начало из озера Замстина. Seitskow⁵⁷, за р. Нишею, 6 милях Harosci⁵⁸ за рекой Калохою (Холова?), 7 милях. Oreat Beclclvitza⁵⁹ при р. Паламите (Поломед, или Поломата) 7 милях, здесь в один день проехали 8 рек и озеро.

Проехав три озера — Валдайское, Лютинич⁶⁰, Jhedra⁶¹, при котором находится город того же имени (в 8 милях от Kreat), приехали в Хотилову, после которой, проехав две реки, Шлингву и Снай (Шлину и Цну), в том месте, где они сходятся и впадают в Мсту, достигли Волочка; откуда, проехав 7 миль и переправясь через реку Тверцу, достигли города Выдропуска, от которого в 7 милях город Dverschak (Торжок); в 2 милях от него переехав в рыбацкой лодке реку Шегиму, приехали в город Осогу, потом плыли Тверцою 7 миль и причалили к Медине⁶²; пообедав здесь, опять взошли в судно и, проехав 7 миль, достигли Волги у Твери.

Взяв здесь судно большой величины, поплыли по Волге и, причалив с большим трудом по причине льда (в первых числах апреля), дошли пешком до одного сельского дома, где сели на маленьких лошадей и доехали до Ильинского монастыря; отсюда, переменяв лошадей, проехали через город Gerodin⁶³ при Волге — 3 мили, Schossa — 3 мили, Dschorno, почтовый двор, —

3 мили, город Клин при реке Януге—6 миль, Пешак, почтовый двор,—3 мили, Черна при реке того же имени—6 миль, Москва—3 мили.

Возвратный путь Герберштейна из Москвы шел через Можайск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Дубровну, Оршу, Друцк, Гродно, Борисов, Логошак, Радагостье, Красно Село, Модолешь (Молодечно?), Креву, город с покинутым замком, Медник, также город с покинутым замком, Вильну, Морошей⁶⁴, Гродно, Гринки⁶⁵, Нарев, Бельск, Брест, крепость с деревянным городом, Ламас, где граница Литвы и Польши, потом через Паргов, Люблин, Рубин, Урзендов, Завихост, Сандомир, Полоницу при реке Черне, в которой ловится отличнейшего вкуса рыба (lachs), Корчин, город с крепостью, обнесенной стеной, Проствицу, славную своим превосходным пивом, Краков.

Во второе путешествие свое Герберштейн въехал из Силезии в Польшу у Олешно и продолжал путь чрез Крепицу, Клобуцко, Ченстохов с монастырем, в который к образу Богородицы стекается множество народа, преимущественно русского, Шарки, Кромолов, Илкуш с оловянными рудниками, Краков, Корчин, Полоницу, Ossek, Покровицу, Сандомир, Завихост, Урзендов, Люблин, Парчов, Половицу (в Литве), Rostovsche, Pessiczatez, Брест, Каменец с каменной башней в деревянном замке, Scherschova, новопостроенный город в большом лесу при реке Лисне, Новый Двор, Пороссову, Solva, Слоним, Moschad, Czarnig, Oberno, Ottumt, Cadajenow⁶⁶, Минск, Борисов, Reschak, Могилев, Шклов, Оршу, Дубровну и т. д.

Возвращаясь, Герберштейн ехал от Москвы до Вильны означенным выше путем, потом от Вильны через Рудник, Волконик, Меречь, Osse, Гродно, Гринки, Нарев, Бельск, Mlienecz, Мельник, Loschitzi, Луков при реке Охи, Охи, город при реке того же имени, Стенжицу, при которой Вепрж впадает в Вислу, Зволену, Сенно, Полки, Шидлов, Вислицу, Проствицу, Краков, Кобылью Гору, Илкуш, Бензин, ниже которого река Пельца отделяет Польшу от Силезии.

Сноски

¹ Voyages de Benjamin de Tudelle etc. Paris, 1830. Вениамин предпринял путешествие в 1660 году; сам в России он не был, писал по чужим рассказам.

² Recueil de voyages et de memoires, publie par la Societe de Geographie. T. IV: Johannis de Plano-Carpini Antivariensis Archiepiscopi historia Mongolorum. In appendice: De itinere fratrum minorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonus viva voce retulit. Плано Карпини предпринял путешествие в 1245 году.—Ibidem: Itinerarium Willelmi de Rubruk (Рубруквис): Рубрук начал свое путешествие в 1253 году. Ibidem. T. I. P. 297. Peregrinatio Marci Pauli—1274 г.

³ *Matrica, Matrita, Matertra.*

⁴ Орнас одно и то же, что Танаис, город при устье Дона. См. исследование об этом в *Recueil de voyages...* Т. IV. P. 510.

⁵ *Moxel, moxes* — мокша.

⁶ *Sircan, Sirtan.*

⁷ *Alia, alias.*

⁸ Я нарочно привожу везде это слово, потому что некоторых смущало у Бержерона употребление различных слов *branches* и *bras*, тогда как в латинском тексте постоянно употребляется одно *brachium*.

Считаю нужным предостеречь исследователей, которые захотят пользоваться Бержероном, что в нем встречаются изумительные искажения смысла, как, например, в рассказе Плано Карпини о судьбе одного князя, которого Батый принудил жениться на жене умершего брата: слово *puer*, которое означает здесь «молодой человек» и относится к упомянутому князю, переводчик принял в значении дитяти (*enfant*) и, чтоб выпутаться из затруднения, искажил смысл самым смешным образом. К сожалению, Карамзин и Гаммер пользовались Бержероном; оттого у Карамзина читаем, например, в описании нравов татарских: «Скромны в обхождении с женщинами и ненавидят срамословие». Это перевод следующего места Плано Карпини: «*Mulieres eorum sunt castae, nec de impudicitia ipsarum aliquid inter eos auditur; verba tamen quaedam ex eis in joco satis habent turpia et impudica*»!!!

«Жены татарские целомудренны, и какое-либо распутство с их стороны там дело неслыханное; зато ради шутки иные из них пользуются довольно постыдными и непристойными словами» (пер. с лат.).

⁹ *Circa partes illas sunt (var. fuit) Baatu ex una parte fluminis.*

«Близ этих мест по одну сторону реки находится [*по др. находился*] Бату» (пер. с лат.).

¹⁰ *Sic recedentes ab eo* — должно разуметь Сарай.

¹¹ *Usque ad XV dies (var. V dies).*

¹² *Jagat, Jagac, Jagag.*

¹³ Баскарды, башкиры.

¹⁴ Билеры.

¹⁵ *Balducci Pegoletti* — в *Sprengel's Geschichte der geographischen Entdeckungen*. S. 257. — В числе путешественников в Россию в аделунговом обзоре помещены такие путешественники XIII и XIV веков, которые вовсе не касаются России или стран, вошедших в русскую государственную область; таковы, например, *Ricold de Montecroix*, *Oderico di Pardenone*, *Jean de Mandeville* и другие.

Из Мандевилевых известий укажем только на 47-ю главу, где находится рассказ об острове брахманов; этот рассказ любопытен для нас потому, что известие о брахманах попадает очень часто в старинных наших хронографах и вообще, как видно, было очень распространено между славянскими народами. Вот рассказ Мандевилля: «*Bracmannorum insula quasi ad medium Imperii consistit Praesbyteri Joannis. Hij vivunt naturali optimo more. Rudes enim et incomparati, simplices, et inscii omnis artis apparent. Non cupidi, superbi, invidi, iracundi, gulosi, aut luxuriosi nec jurant, fraudant, aut mentiuntur. Laborant corpore, sed intendunt animo implere quo ad valent naturale mandatam, hoc facias aliis quod tibi vis fieri: credentes et adorantes omnium creatorem Deum, et sperantes ab ipso simpliciter Paradisum.*

Sobrii quoque sunt, qua propter et longo tempore vivunt: et si quis ad eorum moribus degenerat, proscribitur perpetuo sine mora, omnibus nulla posita dillerentia personarum, unde et in justo Dei judicio, quod naturalem exercere justitiam contendunt, elementa eis naturaliter obsequuntur, et raro eos tangit tempestas, aut fames, pestilentia aut gladius.

Magna riporia dicta Chene currit per insulam, ministrans piscium et aquarum copiam: Istos olim Alexander rex Graecorum debellare cupiens, misit eis literas

comminationis, cui inter caetera notabilia remandaverunt, nihil se habere curiosi, quod rex tantus deberet concupiscere, nihilque ita se timere perdituros sicut racem bonam, quam hactenus habuerunt inconcussam» (Hakluyt's Collection, II, 133).

«Остров, [населенный] брахманами, лежит примерно посередине государства пресвитера Иоанна. Живут они согласно наилучшему естественному обычаю, будучи просты и безыскусны, прямодушны и чужды всяческих ухищрений. Не алчные и не гордые, не завистливые и не гневливые, не прожорливые и не падкие на роскошь, они не клянутся, не преступают клятв и не лгут. Переносят телесные тяготы, но всей душой стремятся, насколько в силах, исполнить естественную заповедь: делай другим то, что желаешь себе,—веруя в Бога, Творца всего сущего, поклоняясь Ему и уповаая лишь на то, что Он дарует им Рай.

Также они трезвы и воздержанны, отчего долго живут, а если кто отпадает от их нравов, тот немедленно и навсегда изгоняется из их среды, кто бы он ни был. И оттого что стремятся они к естественной праведности, им по праведному Божию суду естественным путем покоряются стихии и редко постигает их непогода или голод, мор или вражий меч.

Мощный ливень, именуемый Хене, временами проносится над островом, принося изобилие рыбы и воды. Некогда жаждущий покорить их себе греческий царь Александр направил им угрожающее послание, на которое те наряду с прочим ответили, что не озабочены обладанием чем-либо таким, чего мог бы желать столь великий царь, и что более всего опасаются утратить благодать мира, которая до тех пор пребывала с ними неизменно» (пер. с лат.).

¹⁶ Di messer Josofò Barbaro gentil'huomo Venetiano — il viaggio della Tana — в Delle navigationi et viaggi, raccolte da M. Gio. Battista Romusio; см. также в «Библиотеке иностранных писателей о России». СПб., 1836 г. Такие же: Il viaggio del Magnifico M. Ambrosio Contarini, ambasciadore della illustrissima signoria di Venetia al gran signore Ussun-Cassan re di Persia nell'anno MCCCCLXXIII.— Voyages et ambassades de vessire Guillebert de Lannoy. 1840 г. Lannoy был в России в 1413 году. См. также «Географ. известия импер. русс. геогр. общ.». 1850.

¹⁷ Beligraoch, Белый замок.

¹⁸ Киев у Контарини называется Магроманом.

¹⁹ Думают, что это нынешний Чуфут-Кале, предместье Бахчисарая.

²⁰ Судак.

²¹ Думают, что это нынешний Гурзуф, или Урзуф, селение в Таврической губернии.

²² Балаклава.

²³ Херсон.

²⁴ Развалины между Симферополем и Бахчисараем на берегу реки Альмы.

²⁵ Это было в апреле месяце.

²⁶ Их считают нынешними шапсугами.

²⁷ Считают нынешними племенами темиргойцев и бисленейцев.

²⁸ Думают, что это абазы.

²⁹ Считают кабардинцами.

³⁰ Живут на берегу Каспийского моря, от Утемиша до Ширванской области.

³¹ Думают, что это нынешний Батум, другие — что Бедиас.

³² Где ныне Искурия, или Сукум-Кале.

³³ Считают нынешней Кантрихе.

³⁴ Думают, что это Фазис.

³⁵ Контарини выехал из Астрахани 10 августа и приехал к русским границам 12 сентября.

³⁶ Stago = 3 четверикам.

³⁷ Сольд = 124-й части червонца, 20-й части ливра.

³⁸ *Lettera d'Alberte Campense in torno le cose di Moscovia*. См. «Библиот. иностр. писат. о России». — Herberstein. *Rerum Moscovitarum commentarii*. Pauli Jovii Novocomensis, de Igatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontific. Max. liber. De Moscovia, Mathiae a Mochovia. — См. *Rerum Moscovitarum auctores varii, Francofurti*.

³⁹ Место названо Schvvuuii.

⁴⁰ У Герберштейна находится еще следующее известие: *Madauricae pelles ex diversis partibus, ex Seavera bonae, ex Helvetiis meliores, ex Suvetia vero optimae afferuntur*. «Мадаврийские меха привозятся из разных сторон, из Северы — хорошие, из Гельвений — те, что получше, из Сувеции же — превосходные» (пер. с лат.).

⁴¹ *Ea in parte, quae vergit ad Prussiam*. Jov.

⁴² *Nulla suffraginum flexu*.

⁴³ Вот все это место в подлиннике: *In Tartariam vero sellae, frena, vestes, corium: arma autem et ferrum non nisi furtim, aut ex singulari praefactorum permissione exportantur, ad alia loca intra Orientem et Septentrionem. Pannaeas tamen et lineas vestes, cultellos, secures, acus, specula, marsupia, aut quid aliud ejus modi ducunt*. «В Татарию вывозят седла, уздечки, одежды, шкуры, но оружие и железо везут только тайком либо по особому разрешению начальников. В другие же места между Востоком и Севером везут холщовые и льняные одежды, ножи, топоры, иглы, зеркала, кошельки и прочее в том же роде» (пер. с лат.).

⁴⁴ По Иовию, Москва простирается на 5 миль.

⁴⁵ Так рассказывает Герберштейн; по Меховию, в Кремле 16 церквей, три каменные: Богородицы, архангела Михаила и св. Николая; из домов боярских только три каменные; избы все черные.

⁴⁶ То есть Переяславлем.

⁴⁷ *Okonitzki lies*.

⁴⁸ По Кампензе, Волга берет начало из большого озера Белого; по Иовию, из Чистых озер (*Candidi*).

⁴⁹ По Кампензе, Днепр берет начало близ знаменитой крепости Версуры.

⁵⁰ «Северная Двина, протекающая чрез страну Холмогорно, постоянно в известное время года разливается, подобно Нилу. Наводняя прилежащие поля, она утучняет их плодородным илом и тем самым умеряет суровость климата и противоборствует влиянию северных ветров.

Во время ее разлива, происходящего обыкновенно от таяния снегов и от сильных дождей, устье ее при впадении в океан уподобляется пространному морю, так что на гребном судне нельзя переехать его в один день; но лишь только вода начнет сбывать на всем пространстве, образуются обширные и плодороднейшие острова.

«Посеянный здесь хлеб родится без возделывания и почти в одно и то же время всходит, вырастает и колосится с удивительной скоростью». — Таково известие, находящееся у Павла Иовия. Противоположное известие о Двинской области Герберштейна читатель найдет ниже.

⁵¹ У Меховия упоминается еще княжество *Szuher sien*, простирающееся на 20 миль; у Кампензе оно называется *Szuherzonia*; у Кампензе упоминается еще земля *Rubenia*.

⁵² *Communis sermonis expertes*. Лербберг (стр. 38) переводит: *die gewöhnliche Landessprache (die tatarische) nicht sprechen* «которые не говорят на обычном в тех местах (татарском) языке» (пер. с нем.). — Относительно водного пути от Пинеги до Печоры ср. *Stuckenbergs Hydrographie*, II, 245. По его мнению, Пеша есть Пёза; *Piescoja* — Ровчуга; два раза упомянутое слово «становище» Штукенберге справедливо, кажется, принимает за нарицательное. — Но в книге: Большой Чертеж (по изд. Спасского, стр. 185) показана река Пеша и Пещеница; показан также город Ляпин (стр. 207), теперь село

Ляпино. О реке Ляпине см.: «Записки Географ. Общ.», кн. VI, стр. 311; там же см. о реке Щугуре, стр. 276, о реке Сосве, стр. 313.

⁵³ См. попытку объяснить это название у Лерберга — Untersuchungen, S. 40.

⁵⁴ Вероятно, Надим.

⁵⁵ Кошем.

⁵⁶ Косья?

⁵⁷ Зайцово?

⁵⁸ Крестцы?

⁵⁹ Яжелбицы?

⁶⁰ Любинец?

⁶¹ Едровское?

⁶² Медное.

⁶³ Городня.

⁶⁴ Меречь?

⁶⁵ Крынки?

⁶⁶ Кайданово.

Глава IV. Вторая половина XVI века

Вся страна заключает в себе следующие главные княжества и области: Владимирскую, Московскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую, Нижегородскую, Ростовскую, Ярославскую, Белозерскую, Рязанскую, Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую, Галицкую. Это коренные области, принадлежащие России; прочие области и земли, завоеванные русскими царями и присоединенные ими недавно к другим владениям, суть: Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Черниговская, Удорская, Обдорская, Кондийская, с значительной частью Сибири, где жители хотя и некоренные русские, однако повинуются русскому царю, управляются законами его земли, платят подати и налоги наравне с его народом. Сверх того, ему подвластны царства Казанское и Астраханское.

Россия занимает большое пространство в длину и ширину: от севера к югу (если измерять от Колы до Астрахани, что будет несколько по направлению к востоку) она простирается в длину на 4260 верст, или миль. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, дальше Колы, за Пешенгу, к Вардегузу, до реки Tromschua, которая протекает 1000 верст; но эти владения не принадлежат ему исключительно и границы их не определены еще ясно, потому что короли шведский и датский имеют там также несколько городов, которые между собою перемещаны, почему каждый из них объявляет притязание на все эти северные области. Ширина России (если идти от западной границы у Нарвы до восточной в Сибири) простирается на 4400 верст.

Почва в России большей частью песчана, но весьма разнообразна относительно земных произведений. В северной части, около пристани Св. Николая и Колы, и в северо-восточной, около Сибири, земля бесплодна и наполнена пустынными лесами по причине климата и страшной стужи зимой. Пространство вдоль реки Волги, между царствами Казанским и Астраханским (где, однако, почва очень плодородна), также не заселено, исключая той части на западном берегу Волги, где царь имеет несколько крепостей с пограничной стражей. Причиной тому крымские татары, которые сами не строят городов, ведут кочевую жизнь и не позволяют русским населять эти страны.

От Вологды до Москвы и далее на юг к крымским границам почва очень плодородна и страна приятна: в ней много пастбищ, хлебодородных полей; леса и воды в большом изобилии. То же должно сказать о пространстве между Рязанью, Новгородом и самой отдаленной частью Пскова на северо-запад. Между Москвой и Смоленском, на юго-запад, к Литве, почва также очень плодородна и местоположение приятное.

Различные времена года здесь все изменяют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом. Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда

на один или два ярда; такой снег больше бывает на севере. Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев, именно от начала ноября и до конца марта, когда снег начинает уж таять. От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод. В это время морозы бывают так велики, что вода, выливаемая по каплям или вдруг, превращается в лед, не достигнув еще земли.

В самый большой холод, если возьмете на открытом воздухе в руки оловянное или какое другое металлическое блюдо или кувшин, то пальцы ваши тотчас примерзнут и, отнимая их, вы сдерете кожу. Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас. Не одни путешественники, но и люди, в городах остающиеся, испытывают над собой действие мороза на рынках, на улицах: одни совсем замерзают, другие падают на дороге; многих путешественников привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении; иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и проч.

Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их; тогда жители принуждены спасаться бегством. Напротив, летом все принимает совершенно другой вид: леса (большей частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены и роскошны, повсюду такое множество разнообразных цветов, повсюду слышится такое громкое пение птиц (преимущественно соловьев, которые, кажется, поют здесь громче и разнообразнее, чем где-либо), что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием.

Такой быстрый переход от зимы к весне происходит, кажется, от благотельного влияния снега: всю зиму лежит он на земле белым покровом и защищает ее от мороза, а весной, когда солнце начнет греть и превращать его в воду, проникает и увлажняет землю, отчасти песчаную, так глубоко, что травы и растения от действия солнечных лучей показываются и всходят в короткое время во множестве и в большом разнообразии. Как холодна зима, так лето чрезвычайно жарко, особенно в июне, июле и августе.

Вся страна повсюду обильно орошаема ключами, реками и озерами. В изобилии вод виден промысл Божий, ибо если некоторые внутренние области и находятся на расстоянии 1000 миль или более от моря, то множество рек, которые, впадая одна в другую, все текут в море, вознаграждают за это неудобство. Озер также много, и они весьма значительны: некоторые, при соразмерной ширине, имеют в длину 60, 80, 100 и 200 миль.

Из плодов родятся яблоки, груши, сливы, вишни, красные и черные (последние растут без прививки), дыня — плод, похожий на тыкву, но слаще и приятнее вкусом, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много других ягод в каждом лесу и огороде. Хлебные же растения суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом. Все эти роды хлеба произрастают в очень достаточном количестве, даже с избытком, так что пшеница продается иногда по два алтына четверть. Рожь сеется осенью, а весь прочий зерновой хлеб — весной, и большей частью в мае. Пермь и другие народы, живущие на севере и в странах пустынных, получают хлеб из стран, лежащих к югу. Иногда они принуждены бывают печь себе хлеб из корня, называемого *Vaghnoy*, и из средней коры соснового дерева. Если бывает дороговизна (как, например, в 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтын четверть), то это зависит более от искусственного повышения цены, чем от причин физических

Естественных произведений, употребляемых самими жителями и отправляемых в большом количестве за границу, очень много, и они очень важны. Во-первых, меха всякого рода, из них главные: чернобурые лисьи, собольи, рысьи, бурой, красной, белой лисицы, куньи, горностаевые, серые и красные беличьи, бобровые, росомашьи, шкуры большой морской крысы, имеющей запах выхухоли. Кроме внутреннего употребления в государстве в большом количестве (ибо в продолжение всей зимы все носят меховую одежду) купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разных христианских народов вывозят иногда на 400 или 500 000 рублей.

Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов — в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые — из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие росомашьи меха вывозят также оттуда и из Перми, а лучшие куньи — из Сибири, Кадома, Муромы, Перми и Казани. Лучшие рысьи, беличьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми. Лучшего сорта бобры водятся в Мурманске близ Колы.

Второе произведение — воск, которого ежегодно отправляли в чужие края до 50 000 пудов; потом, к концу XVI века, стали отправлять только до 10 000 пудов.

Третье произведение — мед, который кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков (закключающихся в медах разного рода, малиновом, вишневом, смородиновом, черемуховом) и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед

преимущественно получается из земли мордовской и Кадома, близ земли черемисских татар; также в большом количестве из областей Северной, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

Четвертое — сало. Его готовят очень много для вывоза за границу не только вследствие значительного количества земли, удобной для пастбищ и скотоводства, но и по причине частых постов, частью же и потому, что люди зажиточные употребляют на свечи воск, а те, которые беднее и из низшего класса, жгут березу, высушенную в печах и расщепанную вдоль на тонкие палочки, называемые лучиной. Сначала сала вывозилось ежегодно до 100 000 пудов, но после стало вывозиться не более 30 000 пудов. Лучшее сало добывается в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой.

Не менее важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Сначала иностранные купцы вывозили за границу до 100 000 кож, но потом это количество уменьшилось до 30 000. Притом морем отправляют за границу значительное количество козьих кож. Лоси самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми, а мелкой — в царстве Казанском.

Важную отрасль промышленности составляет также ворвань, или рыбий жир. Тюлени, из которых добывается этот жир, ловятся следующим образом. К концу лета, перед наступлением холодов, рыбаки отправляются на судах в пристань Св. Николая, к мысу, называемому Лисьим Носом, где они оставляют эти суда до весны. Когда солнце начнет греть, а лед еще не совсем растаял в заливе, они возвращаются, переносят суда по морскому льду и употребляют их вместо домов для отдыха и жительства. Обыкновенно отправляются на 17 или 18 широких судах и разделяются на несколько артелей, от 5 и до 6 лодок в каждой.

Первые, которые найдут притон зверя, зажигают светоч, нарочно для того взятый; когда сторожевые в прочих артелях заметят это, то все собираются, окружают тюленей, греющихся на солнце, обыкновенно в числе 4 или 5000, и нападают на них, каждый с дубиной в руках. Если удастся ударить животное по носу, то оно скоро издыхает; если же по боку или по спине, то переносит удар и нередко, схватив дубину зубами, приклоняет ее к земле; тогда попавшийся охотник принужден кричать товарищам, просить их о помощи. Когда тюлени увидят себя окруженными, то собираются все в кучу, надавливают лед и стараются проломить его; от такого напора вода нередко выступает, и рыбаки погружаются в воду на один фут и более.

Побивши тюленей сколько было возможно, охотники приступают к дележу, так что каждая лодка делит свою часть на равные

доли. С собой они берут только содранную кожу с приставшим к ней жиром, а прочее оставляют на месте; потом идут на берег и, вырыв здесь ямы глубиной сажени в полторы или около того, бросают туда отделяемое от кожи сало или жир и кладут расклеванные камни для растопки сала. Лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется на смазывание шерсти для сукон, а из худшего сорта, который бывает красного цвета, делается мыло.

Икру добывают в большом количестве на реке Волге из рыб: белуги, осетра, севрюги и стерляди. Купцы французские и нидерландские, отчасти и английские отправляют много икры в Италию и Испанию.

Льном и пенькой сначала нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, но потом, к концу века, стали нагружаться не более пяти. Причиной уменьшения требований на эти и другие произведения, которые прежде отправлялись за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, которым овладели шведы. Другая причина заключалась в пресечении сухопутного сообщения чрез Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшей. Лен растет почти в одной только Псковской области и ее окрестностях; пеньку доставляют Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

Соли в России очень много. Лучшая соль и в большом количестве добывается в Старой Русе, где устроено много солеварен, в 250 верстах от моря. В Астрахани соль осаждается сама собой из морской воды; она скопляется большими пластами, которые срываются и развозятся купцами и другими промышленниками. Соль добывается и во многих других местах, а именно: в Перми, Вычегде, Тотьме, Кинешме, Соловках, Оконе (Осона), Вобасеу и Неноксе, притом все из соляных копей, за исключением Соловков, лежащих близ моря.

Деготь гонится в большом количестве из основых деревьев в областях Двинской и Смоленской, его много отправляется за границу. Кроме этих произведений, весьма важных и выгодных в торговле, есть разные другие, свойственные этой стране, хотя менее значительные, а именно: рыбы зубы, употребляемые самими жителями и вывозимые персиянами и бухарцами за границу для делания четок, ножей, сабельных рукояток и других вещей. Некоторые употребляют тертый из них порошок (подобно роговому порошку единорога) как противоядие. Рыбы, снабженные этими зубами, называются моржами и ловятся близ Печоры. Есть зубы длиной почти в два фута, а весом в одиннадцать и двенадцать фунтов.

В области Корельской и на реке Двине, у Северного моря, добывается мягкое ископаемое, называемое слюдой. Ее разрубают и потом разделяют на тонкие слои, употребляемые вместо стекла, рога и проч. Слюда пропускает свет изнутри и снаружи

лучше, нежели стекло, и заслуживает преимущество перед стеклом и рогом еще потому, что не трескается, как первое, и не горит, как последний.

Селитру приготавливают во многих местах, как-то: в Угличе, Ярославле, Устюге, а серу добывают в небольшом количестве на реке Волге, но не умеют очищать ее.

Русское железо несколько ломко; его весьма много добываются в Корелии, Каргополе и Устюжне Железопольской. Других руд нет в России.

Особого рода животные суть: лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, или лесная собака, рысь, бобр, соболь, куница, лисица, белый медведь, водящийся у морских берегов близ Печоры, горностаи, серая белка. Есть также род белки, у которой на спине клок волос, очень похожий на перья, а хвост шире, нежели у других белок; перескакивая с одного дерева на другое, она расправляет его и действует им как будто крылом, прыгает на большое расстояние и, по-видимому, летает, почему и называют ее летучей векшей. Зайцы и белки летом такого же цвета, как и в остальной Европе; зимой шкура зайца становится белой, молочного цвета, а белки делаются серыми.

Диких оленей и коз очень много. Лошади малорослы, но быстры и крепки; на них ездят без подков зимой и летом по всякой дороге. Овцы мелки, шерсть их груба и жестка. Птицы очень разнообразны: много ястребов; есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребов всего более. Из других птиц главные: лебедь, ручной и дикий (их весьма много), цапля, журавль, тетерев, одного цвета с фазаном, но, более того, и живет в сосновых лесах; фазанов и куропаток также много; совы очень велики, с широким рылом и ушами, похожими на человеческие.

Из рыб, живущих в пресных водах, кроме рыбы обыкновенной, как-то: карпа, щуки, окуня, линя, плотвы и проч. — есть много других пород рыбы, весьма хорошей и очень вкусной, как-то: белуга, или белужина, в четыре или пять аршин длиной, осетрина, севрюга и стерлядь, которая видом и вкусом несколько похожа на осетрину, но не так толста и велика. Эти четыре рыбы водятся в Волге, их ловят множество и рассылают на продовольствие всего государства. В реке Волге водится еще рыба, называемая белорыбицей, то есть белая семга, которая, по мнению русских, вкуснее красной семги; последняя также во множестве водится в северных реках: Двине, Коле и др. В озере, находящемся близ города, называемого Переяславлем, недалеко от Москвы, ловится небольшая рыба, известная под именем свежей сельди, видом и отчасти вкусом похожая на морскую сельдь.

К востоку от норвежской крепости Вардегуза лежит страна, называемая Лаппия, в которой живут два народа — лапонцы и скрикфинны. Скрикфинны — дикари, не знающие ни религии, ни общественного устройства, живут в палатках, сделанных из

оленьих кож, и не имеют постоянных жилищ; они низкого роста, одеваются в оленьи кожи, пьют только воду, едят сырое мясо.

Лапонцы похожи на них, но находятся в подданстве русского императора и рассказывают о себе, что исповедуют одну веру с русскими. Лаппия простирается в длину, начиная от самого дальнего пункта на севере (со стороны Нордкапа) до самой отдаленной части на юго-востоке (русскими называемой Святым Носом, а англичанами — мысом Благодати — Saregase), на 345 верст, или миль. От Святого Носа до Кандалакса чрез Варсугу (Værsega) (как измеряется ширина этого края) расстояние 90 миль или около того.

К юго-востоку от Лаппии лежит провинция Корелия, жители которой называются кореляне (kerilli), а к юго-востоку от Корелии находится Новгородия. В 10 милях к юго-востоку от Вардегуза находится мыс Кегор (Кекурский), самая северная точка Лаппии. Между Вардегузом и мысом Кегор находится большой залив, называемый Доммесгаф, в южной части которого лежит русский монастырь, называемый Pechinchow⁶⁷.

В девяти милях от Кегора находится Chebe Nauoloch⁶⁸; в десяти милях от Chebe Nauoloch — мыс Bonaventure; потом остров Kildina⁶⁹, в шести милях от которого лежит мыс Sowerbeere⁷⁰; в пяти милях от Sowerbeere — остров Св. Павла, в шести милях от которого остров Св. Петра; между этими островами находится прекрасный песчаный залив, где можно найти хорошее убежище от северных ветров. В 11 милях от острова Св. Петра находятся семь островов Св. Георгия, в четырнадцати с половиной милях от которых находится остров Juana Creos (Иванов Крест?); в семи милях от Juana Creos находится Cape Gallant (Cape Grace, Святой Нос); на этом мысу виднеется большой камень, на который экипажи мимо проходящих судов кладут разные приношения из съедобных вещей, думая чрез это спастись от кораблекрушений, часто случающихся здесь по причине туманов.

В семи милях с половиной от Святого Носа находится Крестовый остров (Crosse Island) под 66 градус. 24 мин. широты. За Crosse Island находится Лисий Нос, за Лисым, в трех милях, Собачий Нос. Четыре мили к северу от Собачьего Носа не видно уж более деревьев в морском берегу, который состоит из глины. В восьми милях от Собачьего Носа находится Coscaunos, в полмили от которой течет Coia-река⁷¹.

Город Св. Николая в 1568 году состоял только из четырех домов да пятого, построенного Английской компанией. Против монастыря Св. Николая в заливе лежит Розовый остров, получивший свое название от роз, которых на нем растет множество; на этом острове находятся хорошие пастбища, растут сосны и березы и течет прекрасный свежий источник подле дома, построенного англичанами.

В 35 милях от монастыря Св. Николая находится город Newnox (Ненокса), пред входом в гавань которого лежит мыс Толстик, а подле него — мыс Seusemski (Сюземский); недалеко отсюда течет река Owna и находится остров Sogisney. В 30 милях от последнего лежит остров Anger, а в 15 милях от Anger — остров Abdon, место, опасное для плаванья по причине множества скал.

В 15 милях от Абдона лежит Соловецкий монастырь, в котором живут 200 монахов; в 5 милях от монастыря находится красивый каменный дом, ему принадлежащий. Народонаселение этих мест дикое, говорит особым языком и принадлежит большей частью монастырю. Вся окрестная страна покрыта лесами, кой-где попадаются луга и пахотные земли, но по большей части страна необитаема по причине сильной стужи зимой.

В 100 верстах от залива Св. Николая находятся Холмогоры, большой город, построенный весь из дерева, без укреплений; в этом городе англичане имеют свои земли и красивые дома с принадлежностями. В Холмогорах зимой, в Николин день, бывает знаменитая ярмарка, на которую привозятся дорогие и редкие меха куны, лисьи (белые, черные и красные), бобровые, беличьи, олени, заячьи, горностаевые и другие. Эти меха привозятся сюда на спинах оленей из Печоры, Пинегы (Penninge), Лампаса и Пустозерка.

Жители этих мест скупают меха у самоедов и променивают их купцам холмогорским на сукна, олово и т. п., а купцы холмогорские отвозят их в Новгород, Вологду и Москву. В Холмогоры привозится также тюлений жир, который добывается весной; из Холмогор отвозят его в Новгород и продают немцам. Холмогоры снабжают соседние страны солью и соленой рыбой; семгу и соль отвозят в Москву, сушеную рыбу — в Новгород и продают там ливонцам. Треска и семга идут в Холмогоры из места, называемого Mallums.

К востоку находится Лампас⁷², место, где русские, татары и самоеды сходятся дважды в год на ярмарку и меняют товар на товар. К северо-востоку от Лампаса лежит страна самоедов, на реке Печоре. Самоеды эти находятся в подданстве русского императора.

К северо-востоку от Печоры лежит Вайгач, населенный дикими самоедами, которые не позволяют русским приставать к своей стране, убивают их и едят, как рассказывают сами русские. За Вайгачем лежит Новая Земля, обширная страна, но не имеющая жителей. От Холмогор до Мезенской (Mizenske) Слободы, где у самоедов бывает ярмарка, считается 230 верст; дорога идет чрез места: Усть-Пинегы, Palango⁷³, Leunona, Vescom⁷⁴, Loyava, Coula⁷⁵, Nendega, Lampas, Слобода. От Мезенской Слободы до Угото, где добываются лосиные кожи, считается 115 верст чрез места: Lampas, Pogorel⁷⁶, Zapolle.

От Печоры сухим путем на оленях, а летом водой шесть дней пути до реки Оби, которая наполнена отмелями; устье ее находится в 70 русских милях выше. Отсюда на три дня пути, на правом берегу реки находится место, называемое Чернолесье, недалеко от которой живет народ, называемый *Речей-сопу* (Пегие кони, Пегая орда); от Пегих коней до Желтых калмыков (*Joult calmachey*) три дня пути к юго-востоку. Эти два народа татарской веры и платят дань великому хану.

В 15 верстах от Холмогор впадает в Двину река Пинега, берега которой возвышенны и покрыты алебастровыми скалами и густыми лесами. Из Холмогор в Москву отправляются по реке Двине; на этой дороге к югу, в 100 верстах от Холмогор, находится город *Jemrs*⁷⁷; по всей этой дороге делают много смолы и золы из осиновых деревьев. Из *Jemrs* приезжают в город Устюг, при котором сливаются две реки: Юг, берущий начало в земле черемисской, близ земли Пермской, и Сухона, берущая начало из озера, недалеко от Вологды; обе реки впадают в Двину.

Из Устюга приезжают в город Тотьму; подле этого города река очень мелка и ложе ее каменисто для тамошних судов, которые называются насадами и дощанниками. Насады — суда плоскодонные, сидят в воде не глубже 4 футов и поднимают 200 тонн; в них нет ничего железа, они все из дерева и при ветре идут под парусами, в противном случае их тянут бечевою. На Двине много таких барок, и большая часть их принадлежит городу Вологде, ибо здесь много купцов, которые занимаются перевозкой на этих судах соли от морского берега в Вологду.

Вологда производит большую торговлю; в ней живет много богатых купцов; здесь большое изобилие в хлебе вообще, во всяких жизненных припасах и во всех русских товарах; нет города в России, который бы не торговал с Вологдой; все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде; в Вологде находится у англичан канатный завод; для этого производства Английская Русская компания выслала в 1557 году им мастеров.

Город велик, имеет крепость, построенную царем Иоанном IV; дома четырехугольные, сплошь деревянные, без железа и камня, покрытые березовой корой; церквей много, все они деревянные, по две на каждый приход, одна теплая, другая холодная. На крыши домов накладывают много земли для предосторожности от пожаров, которые случаются очень часто.

Вологда лежит под 59 град. 11 мин. От залива Св. Николая до Вологды водою 1100 верст, должно ехать днем и ночью в продолжение 14 суток; зимой, на саних, этот путь можно окончить в 8 дней; летом дорога неудобна по причине болот. Двина от гавани Св. Николая до Устюга течет по мелу и песку; рыба в ней приятна и мясиста; рыба минога (*mepe*) с большой головой водится около Вологды, жирна и нежна. Во все время пути из

Холмогор в Вологду путешественник не входит под кровлю дома, но останавливается в местах пустынных, на берегах рек и должен везти с собой съестные припасы.

Путь из Вологды в Москву идет через места: Commelski (27 верст), Olmor (25), Teloytske (20), Ure (30), Voslausko (30), Ярославль (30), Ростов (50), Rogarin (3), Переяславль (10), Dowbnaу (30), Godoroke (Gorodoke ?) (30), Owslay (30), Москва (25). Всего от Вологды до Москвы 14 ямов. Ярославль лежит при реке Волге, которая здесь в милью шириной; берега ее покрыты дубовым и березовым лесом; течет она по глинистому ложу. Ярославль славится обилием кож и овощей; круги воска свозятся сюда же на продажу, хотя в других областях его добывается больше.

Страна между Ярославлем и Москвою очень плодородна и наполнена многолюдными селами; хлеб свозится отсюда в Москву в таком количестве, что иногда попадаются обозы в 700 или 800 саней с хлебом или рыбой. Северные жители из-за 1000 верст приезжают в Москву покупать хлеб и привозят соленую рыбу, меха, кожи. Переяславль большой город, на берегу прекрасного озера. Вообще страна к северу от Москвы гораздо лучше населена, чем другая, потому что она безопасна от татарских опустошений.

Столичный город Москва имеет очертание кругловатое с тремя большими стенами, окружающими одна другую, между которыми проведены улицы. Самая внутренняя стена и заключающаяся в ней строение называются царским замком. Замок этот красив и крепок; стены у него кирпичные; к нему с севера примыкает город, окруженный также кирпичной стеной; с одной стороны замок окружен сухим рвом, с другой — рекой.

Дворец государев невысок и выстроен в виде четырехугольника, в замке находится девять храмов, довольно красивых. Число домов во всем городе по исчислению, сделанному незадолго до сожжения его крымцами (1571 г.), простиралось до 41 500. Но с этого времени остается много пустырей, особенно в южной стороне города, и народонаселение не достигает тридцати тысяч человек, включая жен и детей.

Москва немного более Лондона; дома все деревянные, дурно выстроенные, улицы неправильные, мостовые немощные; как в Москве, так и в других городах вместо мостовой лежат обтесанные сосновые деревья, одно подле другого. Дома строятся плотно и тесно, также из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (который собирается в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха. Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы. Можно выстроить порядочный дом рублей за двадцать, или за тридцать, или немного более даже там, где мало леса.

Из Москвы в Астрахань идет водный путь реками — Москвой, Окой и Волгой чрез следующие места: Коломну (20 миль), замок *Terrevettisco*⁷⁸, на правой стороне Оки — замок Переяславль (8 миль), на правой же стороне — развалины Старой Рязани (6 миль), замок *Teggesovia* (12 миль)⁷⁹, Касимов, Муром (20), Нижний (25). И Муром и Нижний — красивые города. От Рязани до Нижнего, по обоим берегам Оки, добывается самое большое количество воска и меда во всей России. После Нижнего встречается Васильгород (25), *Sabowshare* (Чебоксары) (16), Свяжск (25). Оставя Свяжск вправо, приезжают на остров, находящийся в одной мили от Казани, от которой течет река Казанка и впадает в Волгу.

Казань — красивый город с сильной крепостью. От Казани путешественники проезжают мимо острова, называемого островом Купцов, потому что прежде здесь купцы русские, казанские, ногайские, крымские и другие устраивали ярмарку, но после покорения Казани это запрещено. Потом путешественники проезжают устье Камы, в двадцати милях от которого встречаются рыбацьи хижины, носящие название Тетюши. Здесь ловится множество стерлядей! Ровно на половине дороги из Казани в Астрахань, на западной же стороне Волги, под 51 гр. 30 мин.⁸⁰ широты находится город *Oveak* в плодородной стране, где растет во множестве ликорис, растут яблоневые и вишневые деревья.

На этом месте, на высоком холме, был некогда очень красивый замок *Oveak* и подле него город, называемый русскими Содом; этот город и часть замка провалились по правосудию Божию за грехи народа, здесь обитавшего. Теперь видны развалины части замка и некоторые гробницы; на одном надгробном камне можно различить форму лошади и всадника, сидящего на ней с луком; на другом камне видна надпись, кажется, арабская.

Плывя от *Oveak*, путешественники достигают Переволока — место, называемое так потому, что здесь в прежнее время татары переволакивали свои суда из Волги в Дон. Это место было прежде очень опасно по причине разбойников, но теперь стало лучше, когда страна подпала под власть русского царя.

В семи верстах ниже от Переволока, на острове Царицыном, помещаются 50 пушкарей в карауле от татар. Между Царицыном и Астраханью находится пять других караулов, или сторожей: 1) Каменный караул в 120 верстах от Переволока; 2) Ступинов караул в 50 верстах от Каменного; 3) *Polooy* в 120 верстах от Ступинова; 4) *Keezeyug* в 50 верстах от *Polooy*; 5) *Ichkebre* в 30 верстах от *Keezeyug* и в 30 верстах от Астрахани.

Плывя от последнего караула, путешественники встречают старый замок — Старую Астрахань и, оставя ее направо, достигают Новой Астрахани, построенной на острове, с крепостью,

окруженной земляными и деревянными укреплениями, некрасиво и непрочно. Страна пустынная, без леса и лугов, бесплодная, воздух нечистый, вероятно, от сушенья рыбы, отсюда и множество насекомых — язва страны.

Русские привозят в Астрахань меха, кожи, деревянную посуду, узды, седла и разные другие безделицы, также хлеб и другие съестные припасы. Татары привозят разного рода шерстяные и шелковые товары и разные другие вещи, но в таком малом количестве и купцы так бедны, что не стоит и говорить об этом.

Волга впадает в море 70 устьями; Астраханский остров в длину 12 миль, а в ширину 3, лежит под 47 гр. и 9 мин. шир. Другие близлежащие острова суть *Assurgar* и *Bawhiata*; к северу от этих островов находится большой залив, называемый Синим морем. В 74 милях от устья Волги, под 46 гр. 54 мин. шир., лежит страна *Vaughleata*, где похоронен один татарский пророк. К востоку находится устье Яика, который берет начало в Сибири и, протекши Ногайскую землю, впадает в Каспийское море. На этой реке находится город Саройчик, принадлежащий татарскому князю.

Из Ярославля до Астрахани плывут по Волге 30 суток, и так как от гавани Св. Николая до Вологды плывут 14 суток, а из Вологды в Ярославль сухим путем приезжают в два дня, то из Белого моря в Каспийское — 46 дней пути. Каждое лето проходит по Волге 500 судов больших и малых со всех верхних частей реки, некоторые суда в 500 тонн. Они идут за ископаемою солью и за осетрами.

Соль лежит в 30 милях от Астрахани, в скалах; цвета она бывает красного. Промышленники сами ломают ее, не платя ничего, кроме пошлины государю, по копейке (*peny*) с пуда. Осетров ловят в 50 милях от Астрахани; здесь, на пространстве 50 миль, ловят рыбу в продолжение трех месяцев, от конца мая до конца августа, и потом ее солят; река здесь в пять или шесть миль шириной, но с островами.

После Москвы самый значительный город в России есть Новгород Великий, который хотя уступает Москве достоинством, но не мало превосходит ее величиной⁸¹; это самый важный торговый город во всем государстве; и хотя царь утвердил свой стол в Москве, однако удобство водных сообщений и близость моря заставляют купцов посещать Новгород предпочтительнее пред Москвой. Новгород славится обилием превосходного льна и пеньки; торгует также кожами, медом и воском; фландрские купцы устроили себе здесь контору. Между Псковом и Новгородом, на пространстве 180 миль, растет лен; пенька растет у Смоленска, на польских границах, на пространстве 300 миль; эту пеньку зимой привозят в Вологду и Холмогоры, и сто человек занимаются у англичан делом из нее канатов; один русский канат стоит двух данцигских.

Из Белого моря проезжают в Новгород следующим путем: проплыв 60 миль на запад от Соловецкого монастыря, вступают в узкий пролив между скалами и малыми островами, в 20 милях от которых находится река Овига⁸², а при ней лежит место Сорока⁸³; в 4 милях от Сороки находится водопад, для обхода которого волочат лодки сухим путем при помощи людей, живущих тут и принадлежащих Соловецкому монастырю.

От Сороки до других селений Слободы два места, которые должно обходить сухим путем. В 30 милях от Слободы находится деревня Паранда; от Паранды до места Voyets⁸⁴ 11 миль и две переволоки. От Voyets в 25 милях находится место Quequenich при озере. Отсюда дорога идет по озеру между многими островами. Жители говорят, что здесь столько островов, сколько дней в году.

В 60 милях от Квеквениха лежит деревня Теллекина⁸⁵, а в 13 милях от нее место Oreiche на maelay, откуда проезжают в Повенец, находящийся в миле от Онежского озера. В 50 милях от Повенца находится место Толво, в семи милях от которого лежит остров Саласалма; в 60 милях от Саласалмы — остров Vorgonia, в 48 милях от Vorgonia — монастырь Св. Климента. От Клементьевского монастыря до Вознесенского 160 миль; в пяти милях от Вознесенского монастыря входят в реку Свирь; в 90 милях отсюда находится место Vassian, в 10 милях от него — Selucah, откуда входят в Ладожское озеро, а из него в реку Волхов; озеро же Ладожское впадает в море.

При входе в Волхов находится монастырь Св. Николая Медведы, в 30 милях от него — монастырь Gosnopoli⁸⁶, в 46 милях от Gosnopoli место Moislave, в 35 от него место Grussina, в 40 от Grussina Petroe Suetoe, а в 20 от последнего Новгород. Но прямая дорога для перевоза английских товаров из Новгорода к монастырю Св. Николая, или Розовому острову, была следующая: 20 миль от Новгорода до Petroe Suetoe, 40 до Grussina, 35 до Moislave, 46 до Gosnopoli, 15 до города Ладоги, 15 до Selunaz, 180 от Ладоги до Вознесенского монастыря, 160 от Вознесенского монастыря до Клементьевского, 48 до Voronja, 67 до города Tolvo, 50 до Повенца, 30 до Mastelina, 10 до Tellekina, 30 до Tolvich, 35 до Yarraich, 20 до Varnich, 10 до Ostrovo, 15 до Lapina, 20 до города Somo.

Сноски

⁶⁷ Кн. Бол Чер, стр. 160. «А от тех речек (Таза, Денги, Воемы) берегом до усть реки Печени 30 верст; а река Печень вытекла из езера и пала в морскую проливу, а у морской проливы на усть реки Печени два монастыря Печенские»

- ⁶⁸ Цыпь Наволок.
⁶⁹ Кильдань.
⁷⁰ Тирибирский
⁷¹ Кн. Бол. Чер., стр. 128: «От устья реки Двины 60 верст пала в море река Мудюха. От Мудюхи 20 верст пала речка Куя».
⁷² Лампоженская слобода на р. Мезени.
⁷³ Нижнепаленская?
⁷⁴ Вешкомская.
⁷⁵ Кулой?
⁷⁶ Погорельская.
⁷⁷ Емецкое.
⁷⁸ Кн. Б. Ч., стр. 123: «А ниже Коломны 40 верст на Оке Перевитеск».
⁷⁹ Там же: «А ниже Старой Резани на Оке Терехов монастырь».
⁸⁰ По другим, 51 гр. 47 мин.
⁸¹ По другим известиям, равняется величиной Москве.
⁸² Выг.
⁸³ Теперь деревня Сороки.
⁸⁴ Воиц.
⁸⁵ Телейкина.
⁸⁶ Гостинопольское.

Глава V. Век XVII

Россия, или, как некоторые выражаются, Белая Россия, или, иначе, Московия, по имени столицы, простирается на 30 градусов, или 450 немецких миль, в длину и на 16 градусов, или 150 миль, в ширину. К северу граничит она с Ледовитым океаном, к востоку — с рекой Обью и Доном, к югу — с крымскими, или перекопскими, татарами, от которых отделяется реками: Донцом, Десною и Псёлом; к западу — с Литвой, Польшей, Ливонией и Швецией.

Реки: Волга, протекающая 600 миль от источника до впадения своего в Каспийское море; Днепр, отделяющий московские владения от польских и впадающий в Черное море; Двина, впадающая при Архангельске в Белое море; Ока и Москва менее трех упомянутых. Но кроме этих рек находится множество других: Московия — мать рек и озер. Воды эти доставляют жителям хорошую рыбу и удобства для торговли. Надобно заметить, что русские реки берут начало не из гор или скал, которых нет в Московии, но из болотистых мест.

Можно сказать, что Московия от одного конца до другого — не иное что, как непрерывный лес, орошаемый множеством озер и рек: от этого она невообразимо приятна и прекрасна весной и летом, если б только наслаждение не отравлялось роями комаров и других насекомых — порождения стоячих вод; ни днем, ни ночью нет от них покоя, так что путешественники принуждены укрываться в палатках, сделанных из частой материи, а извозчики и крестьяне, у которых нет таких палаток, разводят большой огонь и ложатся подле него так близко, как только будут в состоянии стерпеть жар, но и тут едва могут успокоиться.

Касательно естественных произведений, необходимых для существования человека, Московия производит все такого хорошего качества и в таком большом количестве, что не уступает никакой другой стране в Европе. Хлеба не знают куда девать, и голландцы ежегодно вывозят его. Меду множество, стада многочисленны, и всякий по справедливости может сказать, что это страна, кипящая млеком и медом. За внутренним потреблением, воску ежегодно вывозили за границу до 20 000 пудов. Лен и пенька растут во множестве. Жирного быка, хотя и небольшого (потому что скот вообще не крупен в России), можно купить за два талера, барана — за 10 копеек.

Из царства растительного замечательны также дыни, арбузы, яблоки, особенно наливные, ягоды разного рода; козья трава, которую не берет железо; волчий корень, растущий в Сибири и залечивающий раны; астраханский перец.

Из царства животных особенно замечательны пушные звери. Лисицы бывают четырех родов: 1) обыкновенные, простые; 2) такие, у которых на спине крест-накрест темные полосы; 3) белые — самые дешевые; 4) черные — самые дорогие,

продающиеся по 80 рублей за штуку. Соболи так разнятся в цене, что пара продается в Москве от 3 до 100 рублей; чем холоднее зима, тем мех у соболя чернее, гуще и длиннее. Росомахи, выхухоли, волки, зайцы⁸⁷, бобры, белки, горностаи, дикие кошки, дикие козы, зубры, медведи; медведей так много, что зимой небезопасно ездить по большим дорогам: они ходят стадами, иногда нападают на целые деревни и разрушают их; волки не менее свирепы; попадают белые волки, но не часто.

В Сибири и некоторых местах Европейской России водится зверь, называемый едун (Vielfrass), головой похожий на свинью, а туловищем — на волка, цветом он темный, но на спине имеет черную полосу, которая, будучи вырезана одна, ценится наравне с соболем или еще дороже.

Рыбы множество⁸⁸; икрой производится значительная заграничная торговля: ежегодно приходит за ней из Италии по два корабля.

Из царства ископаемого: соль ключевая в Перми, каменная в Уфимской области, озерная в Астраханской и в Сибири. Селитра и сера между Сибирью и Волгой. Железо в Олонецкой области. Слюда подле Архангельска. Кристаллы в Уфимской области. Мамонтовы кости в Сибири. Адамова кость, или Адамова земля, подле Архангельска; она черного цвета, тверда как камень, фигурой похожа на древесные ветви.

Города: Москва, главный город, имеет вид множества соединенных вместе селений, лежит под 55 град. 36 мин. широты и под 66 гр. долготы⁸⁹, простирается на три немецкие мили в окружности. Дома деревянные, исключая жилища вельмож, некоторых богатых купцов и немцев, отчего не проходит месяца или даже недели, чтоб не сгорало по нескольку домов, а при сильном ветре сгорают целые улицы.

Стрельцы и особенные, учрежденные для того стражи, должны помогать жителям в этих несчастных случаях. Пожары никогда не тушат водой, но обыкновенно сламывают вокруг находящиеся дома, для чего каждый солдат и ночной страж имеет при себе топор; в каменных же домах для избежания пожаров окна делаются маленькие, огороженные железными решетками. Потерявшие свои дома от пожара могут скоро водвориться в новых жилищах, потому что в Москве находится рынок, где продается много домов или совсем собранных, или разобранных, которые с небольшими издержками перевозятся на место и складываются. Улицы широки, но осенью и в дождливое время очень грязны, и потому большая часть их вымощена круглыми бревнами, положенными одно подле другого.

Город разделяется на четыре главные части: первая называется Китай-город, то есть средний город; он занимает средину и окружен толстой красной каменной стеной, которая называется

Красная стена; на южной стороне он окружен рекой Москвой, а на северной — Неглинной. Почти половину этой части Москвы занимает царский замок — Кремль, или Крым-город, окруженный тройной толстой каменной стеной и глубоким рвом. Внутри его находится много богатых каменных зданий, палат и церквей; кроме двух монастырей, мужского и женского, находится здесь 50 каменных церквей, из которых самые значительные: Богородицы, Михаила Архангела (где погребаются государи) и св. Николая. Первая церковь имеет огромную дверь, усеянную серебряными бляхами. Как эта церковь, так и вообще каменные церкви в целом государстве имеют по пяти башен; у кремлевских церквей эти башенки густо вызолочены, что издали представляют прекрасный вид.

Посередине Кремля стоит высокая башня — Иван Великий, с позолоченной главой и множеством колоколов; подле него находится другая башня, на которой висит огромный колокол в 356 (336) центнеров тяжестью, слитый в царствование Бориса Годунова; его раскачивают 24 человека, которые стоят внизу, на площади.

В Кремле же находится царская казна, провиантский и пороховой дворы. Вне Кремля, в отделении Китай-города, по правую руку от замковых ворот, находится искусно построенная церковь св. Троицы (Василий Блаженный). Подле этой церкви, на площади, лежат на земле две огромные пушки, направленные в ту сторону, откуда обыкновенно нападали татары.

Перед замком находится огромный и прекрасный рынок наподобие целого города, в котором целый день толпятся купцы и люди всякого состояния и обоего пола. На самом рынке и переулках его для каждого товара назначены особые места и лавки. Направо, если идти от посольского двора к замку, находится особенное место, где русские в хорошую погоду сидят на открытом воздухе и стригут себе волосы, которые тут лежат кучами. В Китай-городе живут гости, или лучшие купцы; живут также и князья.

Вторая часть Москвы называется Царь-город или Белгород, который расположен полумесяцем и окружен твердой каменной стеной, называющейся Белая стена. Река Неглинная протекает среди нее. Здесь живет много вельмож и князей, сыновей боярских или дворян, значительных граждан и купцов, также много ремесленников, особенно булочников; здесь же находятся лавки, где продается мука, мед, мясо; здесь скотный рынок и кружала, где продается пиво, мед и вино; здесь же находятся царские конюшни и литейный двор, расположенный на Поганом пруде.

Третья часть Москвы называется Скородом или Земляной город; он окружает Царь-город с востока, севера и запада. Река Яуза протекает через него и соединяется с Москвой. Здесь

находится дровяной и вышеупомянутый домовый рынок, где покупают готовые дома.

Четвертая часть Москвы называется Стрелецкая слобода; она находится на южном берегу Москвы-реки и окружена деревянными укреплениями; эта часть города великим князем Василием Ивановичем была назначена для иностранных солдат, поляков, литовцев и немцев, и называлась *наливками*, потому что жившие здесь иностранцы пользовались свободой держать вино и пить его во всякое время. Теперь эта часть города заселена стрельцами и простым народом. Пятая часть города — Немецкая слобода, или Кукуй.

В Москве 100 000 жителей, кроме войска, с которым будет до 300 000; в одном Кремле постоянно живет 20 000 ратных людей для охраны царской. Церквей, монастырей и часовен 2000⁹⁰; на каждые пять домов приходится по церкви⁹¹; каждый знатный господин имеет свою церковь; некоторые из этих церквей шириной не более пятнадцати пядей.

Что касается собственно Московской области и окружающих ее земель, то здесь вообще воздух свежий, здоровый; о заразных болезнях и сильной смертности мало слышно, и люди доживают до глубокой старости.

Несмотря на страшные холода зимой, травы и листья весной вырастают быстро и относительно времени возрастания и зрелости их нет никакой разницы от Германии, потому что землю и кусты покрывает глубокий снег, который, как платье, защищает их от холода. Зимой санный путь чрезвычайно удобен, чему способствуют также маленькие, но быстрые лошади, пробегающие в одну запряжку по 8, 10, 12 миль; отсюда и дешевизна проезда: за два, три, много четыре талера можно проехать 50 немецких миль.

Почва вообще плодородна, исключая окрестностей Москвы, где песок. Дороговизна случается редко. Много превосходного чернозема лежит впусе: он порос высокой травой, лошади по брюхо. Удивительно, что на русском берегу Наровы земля гораздо плодороднее и все растет скорее и лучше, чем на шведском. В Ингерманландии, Карелии, северных частях Ливонии и России сеют только за три недели до Иванова дня, и благодаря солнечному жару все поспевает в какие-нибудь семь или восемь недель. Прежде сеять нельзя, потому что земля еще мерзла и ветры холодные. Русские имеют ту выгоду перед ливонцами, что могут свой хлеб сухой сносить в житницы, тогда как ливонцы должны сушить его посредством огня.

В некоторых местах, особенно в Москве, растут прекрасные садовые плоды: яблоки, груши, вишни, сливы и *Johannis-beer*, что противоречит известиям Герберштейна, Гваньини и других, которые пишут, будто в России вовсе нет садовых плодов и вкусных

яблок; напротив, в России растут такие белые и нежные яблоки, что если посмотреть на свет, то видны зерна; растут в большом количестве поваренные травы: спаржа толщиной в палец, вкусные огурцы, лук и чеснок.

Салата русские не сажают и смеются над немцами, что они траву едят; но теперь (половина XVII века) некоторые и из русских начинают употреблять салат. Дыни растут не только в большом количестве, но они очень велики, вкусны и сладки, так что их можно есть без сахара; дыни эти требуют особенного ухода; например, семена их мочат в сладком молоке или в дождевой воде, смешанной со старым овечьим навозом. Прежде не было много красивых растений и цветов в Москве, но царь Михаил Феодорович хорошо устроил свой сад и украсил его всякого рода дорогими травами и цветами; до этого же времени русские не знали о хорошей полной розе, а украшали свои сады шиповником. Известный иностранный купец Петр Марселлис первый привез в Москву настоящие розы из герцогского готторпского сада, которые очень хорошо принялись.

Путь из Москвы до Астрахани идет водой по рекам Москве, Оке и Волге. Города и селения, расположенные на этом пути, следующие: сельцо Дворяниново в 80 верстах от Москвы, на левом берегу; в 40 верстах деревня Морчук⁹², на правом берегу; деревня и монастырь Porsenis; Коломна, город с каменными стенами и башнями. Подле впадения Москвы-реки в Оку монастырь Kolutin Serge. По соединении этих рек берега Оки по обеим сторонам чрезвычайно плодоносны и населенны, здесь самые обширные дубовые леса в целой России. На левом берегу виднеется большое село Гедино⁹³ в полмилю длиной с 800 крестьян; далее деревня Nicolò. В 37 верстах от Коломны, на правом берегу, деревня Омута⁹⁴, в трех верстах от которой находился на реке большой остров.

Между Коломной и Переяславлем-Рязанским значительнейшие селения: на правом берегу Seelza и Moroso, Переяславль в 107 верстах от Коломны, под 54 гр. 42 мин., развалины Старой Рязани; селений Sseloy на левом берегу⁹⁵, Kustrus⁹⁶ на левом берегу, 7 верст; Oblozitza — монастырь, 3 версты; Липпоно Исадо⁹⁷ на правом берегу, 2 версты; Муратов, две версты; Каллимино, 1 верста; Pastapolie⁹⁹ на правом берегу, 1 верста; Новосолски¹⁰⁰ на правом берегу, 3 версты; Шилко¹⁰¹ на правом берегу, 2 версты; монастырь Терихо¹⁰² на правом берегу, 10 верст; Тинерская слобода¹⁰³ на правом берегу, 10 верст; Swintzus¹⁰⁴ на правом берегу, 87 верст; Копаново¹⁰⁵ на правом берегу, 2 версты; Добрынин остров на правом берегу, 30 верст; Рубец¹⁰⁶, 7 верст; Курман на правом берегу, 7 верст; река Туз-река справа, 6 верст; Молеова¹⁰⁷ на правом берегу, 8 верст; Gabiloska на правом берегу, 2 версты; Бабино¹⁰⁸ на правом

берегу, 3 версты; расположено на красивом холме; Косимов на правом берегу, 3 версты; Починок-Татарский на правом берегу, 3 версты; *Regiovo*¹⁰⁹ на правом берегу, 7 верст; Кабак на правом берегу, 8 верст; *Vrooth*, 5 верст; река Мокша справа, 8 верст; Кабак, 2 версты.

Sateowa на левом берегу, 13 верст; Адрианова пустынь¹¹⁰ на левом берегу, 4 версты; Екатма на левом берегу, 3 версты, большое село с 300 крестьян принадлежит боярину Федору Ив. Шереметеву; *Rusbovov* на правом берегу, 20 верст; Воскресенская мель на левом берегу, 10 верст; Лехи¹¹¹ на левом берегу, 5 верст, большая деревня, принадлежащая князю Борису Михайловичу Лыкову; монастырь Пречистыя *Reseasko*¹¹² на правом берегу, 10 верст; Муром, обитаемый русскими и татарами; здесь начало мордвы; *Prewospalo* принадлежит князю Черкаскому; две реки — *Morsna* справа и *Клесна* слева. Здесь справа земля начинает возвышаться и образует очень высокий берег, безлесный, удобный для земледелия; левый же берег низок, дик и малонаселен; на высоком берегу в июле местами лежит еще снег и лед; *Избулец*¹¹³, Троицкая слобода, Дудин монастырь¹¹⁴, Носимки, Нижний Новгород.

Нижний лежит под 56 гр. 28 мин. широты, в расстоянии от Москвы водой на 150, сухим путем на 100 немецких миль; расположен по Оке, на правом, возвышенном берегу; окружен каменными стенами и башнями; но около крепости простираются жилые места еще на полмилю. Здесь соединяется с Окою Волга.

Нижний населен русскими, татарами и немцами; лютеране составляют здесь общину из 100 особ. Съестные припасы чрезвычайно дешевы: молодая курица стоит копейку, баран — 12, 15, 18 копеек. В Нижнем находятся большие канатные фабрики. Столбица¹¹⁵, Стоба, в 3 милях от Нижнего; *Welikofrat*¹¹⁶, село на правом берегу Волги, между двумя горами; *Tsimonski*¹¹⁷ на правом берегу, на холме; остров *Diorloi* налево, в 20 верстах от Нижнего. На правом берегу деревни: Безводная¹¹⁸, Кашница¹¹⁹, Руботка¹²⁰, Чечина¹²¹, Татгиниц¹²², Юркин¹²³; у последней, в 10 милях от Нижнего, лежат два острова — Маза¹²⁴, *Kremonki*¹²⁵, Пармино¹²⁶, 90 верст от Нижнего. Васильгород на правом берегу Волги, под 55 гр. и 51 мин., в 120 верстах от Нижнего; с юга под городом течет река Сура.

В 40 верстах от Васильгорода находится город Козьмодемьянск, на правом берегу, на горе; в окрестностях растут липовые леса; кору с деревьев сдирают и делают из них сани, сосуды и ящички; деревья рубят на цилиндрические куски, выделывают и употребляют вместо бочек и т. п., также выдалбливают целые лодки и гробы. За Козьмодемьянском на Волге острова: *Krius*, *Turich*, *Masloff*. Город Чебоксары в 40 верстах от Козьмодемьянс-

ка, на правом берегу, также деревянный, но красивее предыдущих.

Во всех этих приволжских городах при воеводах находится много войска, чтоб удерживать в повиновении окружающих татар. В 12 верстах от Чебоксар, у левого берега, находится остров Kosin, потом деревня Sundir¹²⁷, далее городок Кокшага¹²⁸, в 25 верстах от Чебоксар, деревня Wesoska¹²⁹ и город Свяжск. Последний построен на красивом холму, имеет крепость, несколько каменных церквей и монастырь. От Свяжска до Казани 20 верст.

Казань лежит на левом берегу Волги, в семи верстах от берега, среди топкого поля, на небольшом возвышении, под 55 гр. 38 мин. Около города обтекает речка Казанка. Крепость имеет толстые каменные стены, снабжена артиллерией и достаточным гарнизоном. В городе живут русские и татары; но в крепости одни только русские, и татарам запрещено входить в нее.

Начиная от Казани, по Волге лежит много плодоносных мест и по причине казаков и разбойников очень мало деревень и населения. В 26 верстах от Казани попадают деревня Klitrischa¹³⁰, в 30 — Кабак Тенкофский, потом Кабак Кешовский¹³¹.

В 60 верстах от Казани устье Камы, в котором лежат два острова; из них один побольше и называется Сокол; против него на твердой земле находится деревня Pagantzins и, 3 версты дальше, другая деревня — Коротай. В 10 верстах от устья Камы деревня Kirieska; потом налево река Zerdik, впадающая в Волгу в 30¹³² верстах от Камы. В 120¹³³ верстах от Казани город Tetus (Тетюши), на правом берегу, на высокой горе, с разбросанными домами и церквями, все деревянными; вместо стен окружен палисадом. От этого места вплоть до устья Волги не видно более ни одной деревни. Далее Tetus направо лежит остров Proleikarsa¹³²; остров Старица находится под 54 гр. 31 мин.

В 65 верстах от Tetus виднеется приятное зеленое место, где был некогда татарский город Unerofskogoga; здесь погребен один татарский святой. Налево остров Botenska в три версты длиной; противоположный ему берег твердой земли называется Полибно¹³³; тут же река Veitma¹³⁴.

На правом берегу два прекрасных места, на которых некогда были татарские города; из них один назывался Симбирская Гора и разрушен Тамерланом. На горе Арбухим находился город того же имени. Окрестная страна на правом берегу имеет прекрасную плодоносную почву, покрытую высокой травой; но жителей нет; местами видны знаки стоявших здесь некогда городов и деревень.

Река Atrobe под 53 гр. 48 мин. Соляная Гора на правом берегу; здесь русские имеют хижины, в которых живут соляные промышленники. Здесь лежит также остров Костовата, при кото-

ром Волга по причине низменных берегов широко разливается. Скоро затем виднеется направо же гора, подле которой течет река Уса; окрестная страна по причине частого кустарника представляет большие удобства для разбойников, тем более что около находятся также высокие горы, с которых они далеко усматривают путешественников.

Недалеко от Усы находится Девичья Гора, на правом берегу; гора эта высока, с крутым спуском к реке и красива; при конце горы начинается другая, новая, и тянется на несколько миль подле реки. Долина между этими двумя реками называется Яблочный Квас, потому что здесь растет множество диких яблок, из которых готовится упомянутый напиток. Потом налево, недалеко от берега, на равнине, находится круглая, голая песчаная гора, называемая *Gariol-Kurgan* и насыпанная, как говорит предание, над могилой татарского князя Момаона. В миле расстояния от этой горы, на той же стороне, высится гора *Socobey* и простирается на 15 верст до Самары; гора высока, скалиста и покрыта густым кустарником. Город Самара в 350 верстах от Казани, на левом берегу, в двух верстах от него, построен четырехугольником, имеющий несколько каменных церквей и монастырей.

За Самарой на правом берегу поднимаются опять горы, но не столь высокие, какие прежде. Первая гора простирается на 30 верст до реки Самары, против которой на правом берегу впадает другая река — Аскула. Волга здесь на три версты длиной. Затем следует гора Печерская на правом берегу, скалистая, обросшая кустарником и простирающаяся на 40 верст.

Во ста верстах от Самары, в самой середине реки, лежит остров *Batrach* в 3 версты длиной; а в 10 верстах от него другой — *Лопатин* в 5 верст длиной. Здесь справа впадает река *Сызрань* (*Сызан*). Потом встречается еще несколько маленьких островов посредине реки и за ними *Казачья Гора*, голая, в 50 верст длиной. При окончании ее впадает река *Pantzina* справа; потом встречается остров *Sareginsko*, река *Zagga*, остров *Сосновый*, гора *Гуслу*, подле которой река мелка, и потому это место называется *Овечьим Бродом*; здесь же находится много островов, обросших кустарником и потому удобных для разбойников. Остров *Schistamago* и другой — *Koltoff* в 50 верстах от Саратова; недалеко от этих островов, на правом берегу, лежит гора *Змеевая* на 40 верст в длину, названная так по своим извилинам. Между горой и Саратовом находится группа островов, носящая название *Сорока островов*.

Саратов лежит в четырех верстах от Волги, на ровном месте, при рукаве реки, под 52 гр. 12 мин., в 350 верстах от Самары. За этим городом встречаются два острова — *Kriusna* и *Sarunofka*. *Ахмацкая гора* ¹³⁵ в 50 верстах от Саратова, на правом берегу;

остров Ахмацкий и в 20 верстах от него Золотой в три версты длиной; за островом Золотая Гора в 70 верстах от Саратова; потом Меловая Гора, тянущаяся на 40 верст по берегу; вершина ее представляет необыкновенно ровную поверхность, как бы по шнуру сглаженную.

На левом берегу река Руслана и напротив нее, на правом, Круглая Гора *Urakoffskarul* в 150 верстах от Саратова; потом гора и река Камышенка. Река вытекает из ручья Илоба, который впадает в Дон.

В 90 верстах от Камышенки и в 90 верстах от Царицына река *Bolloclea* (Балыклея); в 16 верстах от нее начинается гора Стрельна. Под 48 гр. и 51 мин. Волга разделяется на Ахтубский рукав; в пяти верстах от этого раздела находятся развалины Царевгорода, основанного Тамерланом; большую часть камня отсюда русские перевезли в Астрахань и построили из него городские стены, церкви, монастыри и другие здания. Царицын под 48 гр. 23 мин., на правом берегу Волги, в 350 верстах от Саратова, на холму; город невелик, построен в виде параллелограмма, с шестью деревянными башнями и башнями; имеет гарнизон из 400 стрельцов. Отсюда до Астрахани простирается пустынная, песчаная и для земледелия неспособная почва.

Недалеко от Царицына, направо, лежит остров *Serpinske* в 12 верст длиной, на котором стрельцы пасут свои стада; за этим островом маленький ручей из Дона входит в Волгу; поднимающийся только лодки и легкие боты ручей называется *Kamons*. В этой стране в сентябре ежегодно бывают страшные жары. В 40 верстах от Царицына лежит гора и остров; оба носят название Насоновских. За ними встречается гора *Kamnapar*, остров Весовой направо, в 4 версты длиной; за ним река того же имени; потом река *Wolodinerski Ustga*; потом рукав Ахтубинская *Ustga*¹³⁶, остров *Ossino*. В этой стране и до самой Астрахани по обеим сторонам реки растет в кустарнике *glucerrhiza*, или сладкое дерево.

В 300 верстах от Царицына городок Черный Яр, на правом, высоком берегу, с 8 башнями; здесь уж не видно более ни одного дерева. Гора *Polowon*, названная так потому, что находится на половине дороги от Царицына к Астрахани. Рукав Волги — Бухвостова; остров Копона, против которого возвышенная твердая земля называется Копаный Яр, в 150 верстах от Астрахани. В 20 верстах Даниловская *Ustga*; в 15 — маленький круглый остров, покрытый деревьями и кустами, — *Katarinski*; потом остров *Ruguski*, остров *Itziburski*. В этой стране водятся бабы-птицы, которые штурк по сту одна подле другой сидят по берегу. Остров Бузан, река Балчик.

Астрахань лежит при главном рукаве Волги, на острове Долгом, под 46 гр. 22 мин. Климат здесь жаркий; в сентябре

и октябре так тепло, как в Голштинии среди жаркого лета, особенно когда дует северо-восточный ветер с Волги; но южный ветер с моря обыкновенно приносит холод. Зима хотя продолжается не более двух месяцев, однако бывает так холодна, что Волга замерзает и по ней можно ездить на санях.

Остров Долгий, равно как твердая земля на правом берегу реки, песчаны и бесплодны; но налево, к востоку, до реки Яика, находятся хорошие луга. По сую сторону реки к западу простирается обширная сухая степь вплоть до Черного моря; эта степь доставляет превосходную соль, которую берут в озерах *Mosakoffski* в 10 верстах, *Kainkowa* в 15 и *Gwostoffski* в 30 верстах от Астрахани. Озера эти имеют соляные жилы, чрез которые соль стремится наверх и от солнечного жара делается чистой, как кристалл, толщиной в палец, наподобие льдин, и имеет приятный фиалковый запах. Всякий может ее ломать, платя только в казну по копейке за два пуда. Чем больше берут соли, тем больше ее всплывает наверх.

На Волге, около Астрахани, до моря, отстоящего на 12 миль от города, производится богатая рыбная ловля: за грош можно купить 12 больших карпов, а за 15 грошей — 200 стерлядей. Раков выбрасывают вон, потому что ни русские, ни татары не едят их. Под Астраханью находится много островов, покрытых тростником и кустарником; на них водится много дичи: диких гусей и больших красных уток; также много диких свиней, которых татары истребляют, но сами не едят и продают русским за пустые деньги.

Садовые плоды так превосходны, что лучше нельзя найти в Персии, особенно яблоки, дыни и арбузы. Сперва здесь не было виноградных лоз: персидские купцы первые привезли их в Астрахань, и один старый монах посадил их в монастыре, находящемся подле города. Так как она хорошо принялась, то в 1613 году по царскому приказу тот же монах устроил настоящий виноградник; производство распространялось год от году все более и более, и теперь добываются превосходные, крупные и сладкие ягоды. Некоторые жители Астрахани имеют виноградные сады, и один из них приносит владельцу до ста талеров дохода.

Вина выделяется в Астрахани до 50 или 60 бочек; за виноделием надзирает Яков Ботман, учившийся в Готторпе при герцогских садах. Упомянутый старый монах имеет 106 лет от роду; он родом австриец; взят был в плен мальчиком, принял православную веру и постригся в монахи.

Царь Иоанн IV обнес Астрахань толстой каменной стеной, царь Алексей Михайлович велел распространить город и построить Стрелецкую слободу. Город со стороны Волги по причине многих башен и колоколен представляет красивый вид, но имеет по большей части деревянные строения. Астрахань снабжена

сильным гарнизоном при 500 пушках; в ней 9 стрелецких приказов, в каждом по 500 человек. Город производит обширную торговлю, доставляющую казне ежегодно 12 000 рублей, или 24 000 рейхсталеров таможенной пошлины. Сюда приезжают персияне, индийцы, бухарцы, крымские и ногайские татары, армяне.

В низовьях Волги, за Астраханью, травы достигают необыкновенной величины; например *esula*, или волчье молоко, и *angelica*. Вниз, в 15 верстах от Астрахани, находится Туманная Гора, около которой водится множество змей. В 30 верстах от Астрахани, при месте Иванчук, находятся главные рыбные ловли, или учуги, принадлежащие астраханскому Троицкому монастырю. Здесь Волга разделяется на множество рукавов и образует острова, которые, равно как и морской берег направо до реки Койсу, поросли тростником и низким кустарником.

В 15 верстах ниже учугов находится остров *Regul*, на котором выстроен высокий деревянный дом, где на высоком шесте виднеется баранья голова: здесь похоронен один татарский святой, и мимоидущие татары и персияне приносят в жертву барана, которого голова остается воткнутой на шесте до новой жертвы. За островом налево, на твердой земле, простирается длинный, плоский холм, на котором расположены татарские хижины.

В 15 верстах от моря находятся другие рыбные ловли; около этого места встречается много морских собак и пеликанов. Здесь же водятся другого рода птицы, похожие на уток, но побольше, с длинными шеями и круглыми жесткими клювами, пером черные, как ворон. Перья из крыла так же жестки, как вороньи, но больше и очень удобны для рисования; русские называют эту птицу бакланом. В 12 милях от Астрахани находится устье Волги.

В 60 милях от Астрахани водой и в 70—сухим путем, под 43 град. 23 мин., лежит город Терки в полмили от берега, на маленькой речке Тименке, которая составляет рукав большой реки *Bustro*. Берег низок, болотист, порос тростником; вокруг, сколько может обнять взор, чистое поле; нигде ни холмика. Между Терками и Астраханью большая степь, где не видно ни города, ни деревни, ни холма, ни дерева, ни реки (исключая *Kisilar*),—только ровная, сухая, песчаная, редкой травой покрытая земля. Терки—последний город, принадлежащий московскому царю; он окружен деревянными стенами и башнями, снабжен большими и малыми пушками, имеет двухтысячный гарнизон и, кроме того, три приказа в 500 человек стрельцов каждый.

В 8 милях от Терков остров, называемый русскими Цетлан, а персами—Ценцени, простирающийся на три мили; он песчан, местами порос тростником, лежит под 43 гр. и 5 мин. Отсюда к юго-западу виднеются высокие горы, подобно голубым обла-

кам на небе; в Западной Европе называются они Черкесскими горами, а русские и черкесы называют их *Salatto*; но это не иное что, как знаменитый Кавказ. Каспийское море в длину, то есть от севера к югу, простирается на 120 немецких миль, а в ширину, от востока к западу, от Хоресма до Кавказских гор,— на 90 миль.

На берегу этого моря под 85 гр. долготы и под 41 гр. 50 мин. широты находится Дербент. В длину от запада к востоку простирается он на полмили, а в ширину— на 450 шагов, простирается от гор к морю и расположен так близко от последнего, что волны плещут на стены. Стены высоки и широки, из твердого камня. Город разделяется на три части: верхний замок на горе, где живет губернатор персидский с 500 человек солдат; в средней части живут персы: эта часть очень опустошена; в нижней части нет домов, а только сады и поля; эта часть называется Греческим городом, потому что здесь, как говорят, жили греки.

В Дербенте нет вовсе христиан, а только мухаммедане и жи-ды. Промыслов особенных здесь также нет никаких; разве только то назвать промыслом, что татары привозят сюда краденых детей, также и взрослых русских и турок и перепродают их в Персию.

Между Кавказскими горами, на протяжении 20 или 30 миль, живут лезги, которые сами себя называют дагестанскими татарами; к югу страна их граничит с Дербентом, а к северу простирается до Терков. Лезги питаются от скотоводства, которое составляет занятие женщин; мужчины же занимаются воровством и разбойничеством, причем не разбирают ни друзей, ни родства.

Каждый город имеет своего князя, между которыми главный шемхал. Дагестанские княжества: *Osmin*, *Voinak*, в семи милях от которого находятся Тарки, главный город Дагестана. Тарки лежит высоко на горах и между горами, без стен, совершенно открыт, имеет 1000 домов; из окрестных скал вытекают ручьи, с шумом стремящиеся по городу. Таркские дагестанцы, равно как бойнаки и живущие к северу, называют себя кайтанами, а живущие к западу называются кумуками и казукумуками. Дагестанские реки: Койсу и Аксай, также *Bustro*, *Timenki*, или *Terk*.

По берегу моря, от Дербента до Килана, простирается часть провинции Ширвана, или древней Мидии, заключающая в себе 200 деревень и управляющаяся султаном Дербентским. Страна приятная, плодоносная, богатая рисом, пшеницей и ячменем, также хорошими древесными плодами; стада зимой и летом пасутся в поле; виноград растет в диком виде; много прекрасной дичи, особенно фазанов; также множество зайцев; водится здесь особый род лисиц, называемых шакалами; вместо рабочего скота употребляются буйволы.

К югу от Дербента лежит деревня *Niasabath*, под 41 гр. 15 мин.; к югу от нее на берегу, по дороге в Шамаху, деревня

Mordow, в болотистом, безлесном месте, отчего и получила свое турецкое название; в окрестностях ловится много лебедей в зимнее время. В этой и окрестных деревнях живет особый народ, называемый Padar, имеющий свой особый язык, родственный турецкому и персидскому; он исповедует мухаммеданскую веру, хотя и держится особенных суеверий; так, например, никто не смеет дуть на горячее кушанье: все ждут, пока оно само остынет. В трех милях от Мордова лежит гора Бармах; гора эта отстоит на два добрых мушкетных выстрела от морского берега, кругла, на вершине имеет высокую скалу, которая по-турецки называется бармах, то есть палец. Воздух на вершине ее так холоден, что травы и растения покрыты льдом, тогда как внизу прекрасная теплая погода; у подошвы пальца, по площадке, находятся развалины укреплений и надгробные камни. Эта крепость была построена Александром Македонским и разрушена Тамерланом. Здесь, недалеко от моря, находятся нефтяные ключи.

В пяти милях от Бармаха, в горах, деревня Chanegae, где много меду и разных плодов, но гнилая вода. В пяти милях от них и в трех от Шемахи деревня Ругтагаас, где находится гробница персидского святого Сеид-Ибрагима, а к востоку от деревни, в двух мушкетных выстрелах, на скалистой горе, гробница другого святого, Tigibabba, учителя Сеид-Ибрагима.

Шамаха, столица Ширвана, отстоит на 40 миль, или на 6 дней пути, от Дербента, лежит под 84 град. 30 мин. долготы, 40 град. и 50 мин. широты; расположена в горах, разделяется на две части, которые обе окружены стенами; имеет пять ворот, узенькие улицы, низкие дома, населенные персами, армянами и грузинами; на южной стороне находится большой базар, где два двора для иностранных купцов: один называется Шах-караван-сарай, где русские купцы торгуют оловом, медью, соболями и кожами; другой — Лозги-караван-сарай, где черкесы и татары торгуют лошадьми и невольниками; тут же торгуют и жиды, привозящие превосходные ковры из Тессерана. В Шамахе три бани.

Летом, в течение трех месяцев, здесь нестерпимый зной, от которого жители спасаются в горах; скот гоняют они в это время на гору Elburs, где хороший воздух и хорошие пастбища; Elburs — гора Кавказа, находится в стране Табессаран, граничащей с Грузией. Шамаханские горы невысоки и плодоносны; но зимой и весной в них дурная погода — дожди, снег.

Оставя горы и проехав четыре мили по равнине, встречаются деревню Kasilu, а за ней, в двух милях, деревня Туawat на берегу Кура; в четверти мили отсюда в Кур впадает Аракс под 30 град. 64 мин. Кур составляет границу между Ширваном и Моканом. В Мокане, равно как около Шамахи, в Карабахе и Merrage водится особый род оленей, которых турки называют tzeiran, а персияне — ali, с красной шерстью и завитыми, как у козлов,

рогами; они очень скоры на бегу. В реке Balhagu водятся много черепах, которые на высоком берегу и на холмах делают скважины в песке и кладут туда яйца, на солнечной стороне только. За Моканом простираются горы и земля Betzirvan. При конце гор Tizetlu течет река Карасу, выходящая из Киланских гор Бакуру и впадающая в Аракс.

Дорога из Москвы к Белому морю, в Архангельск, идет чрез Троицкий монастырь, потом Переяславль Залесский, подле которого добывается большое количество очень белой соли; далее чрез Ростов, Ярославль. Последний город самый красивый на всем пути из Москвы до Архангельска и служит складочным местом для кож, отправляемых внутрь государства и за границу. Ярославская область очень плодородна, особенно по волжским берегам.

Из Ярославля путь идет чрез Вологду, отсюда чрез Scuscajam, Хуска ¹³⁷ в 90 верстах от Вологды, Тотьму (140 верст от Хуска), Usgorodischna ¹³⁸, Bobroffskajam ¹³⁹, Устюг (250 верст от Тотьмы), хорошо поселенный и хорошо выстроенный город, которого главная торговля состоит в мехах, преимущественно лисьих. Ягриш ¹⁴⁰ (150 верст от Устюга), Арсиноа (140 верст от Ягриша); Архангельск (в 250 верстах от Арсиноа) находится при устье Двины, именно там, где река разделяется на два рукава и омывает остров Подеземски.

Сперва корабли входили в левый рукав реки при монастыре Св. Николая; но когда устье этого рукава обмелело от наносного песку, а правый рукав сделался глубже, то начали входить в него и на нем построили город. Город невелик, но знаменит обширной торговлей: ежегодно голландские, английские и гамбургские корабли приходят туда со всякого рода товарами; в это время поднимаются туда купцы изо всей России, преимущественно немцы из Москвы, и зимой на санях возвращаются домой; торговая пошлина, взимаемая в Архангельске, превышает 600 000 рейхсталеров.

Холмогоры — город, знаменитый своей зимней ярмаркой. Кола, маленький город, построенный между горами, подле небольшой реки, в 10 милях от Северного моря; к востоку от него леса и большие пустыни, к западу Мурманское море, к югу высокие горы; дома в Коле низки, выстроены из дерева и покрыты рыбьими костями; в целом городе одна улица.

Городок Vitzoga между двумя горами; все дома выстроены из рыбьей кости и покрыты ею, а сверху накинуты мох и дерн. Печора, маленький город, на берегу маленького моря того же имени. Из Печоры отправляются в Сибирь чрез Папинов город, построенный в небольшой болотистой долине, окруженной высокими горами; подле города течет красивая и рыбная река; дома дурно построены из дерева и земли, низки; мостовая из бревен, положенных одно на другое.

Но когда отправляются из Москвы в Сибирь, то с Устюга берут на Сольвычегодск, лежащий на реке Вычегде, на которой живут anisonii¹⁴¹. Вычегдой плывут до городка Javiniscum¹⁴², лежащего в семнадцати днях пути от Сольвычегодска. Вычегда вытекает из гор Югорских, соседних к востоку с Татарией; из тех же гор вытекает и Печора, впадающая в Вайгачский залив.

Отправившись из Явиниска, после трехнедельного пути достигают реки Немой¹⁴³, получившей такое название оттого, что очень медленно течет через леса. Проплыв пять дней по этой реке, тащат лодки волоком милоу в реку Вишеру, вытекающую из Камня; проплыв девять дней по Вишере, достигают Соликамска¹⁴⁴. Соликамск населен русскими и татарами, торгующими скотом, и особенно лошадьми; кроме того, в окрестностях добывается соль, которая отвозится в Казань: более 2000 работников занимаются здесь соляным промыслом. Пуд соли на месте стоит не более полкопейки, а в Казани — 12 и 13 копеек. От Соликамска до реки Сузоры (Susowa)¹⁴⁵ 30 и от Сузоры до Улко 40 миль.

По Сузоре достигают городка Niesna Susowa, в стране, населенной вогуличами. Потом путешественники оставляют вправо Сылву-реку и Кине, влево Серебряную, Ulko Mesovasa и Sullem, Ulko Serebrena и Doria. Потом встречается Ulkogorod, город с деревянными стенами и состоящий только из 20 семейств; далее город Аять на реке того же имени; город Ромашев на реке Решь. От Соликамска до Улко не встречается ничего, кроме пустынь и скал; но с Улко начинается почва плодородная и страна хорошо населенная, обильная всякого рода хлебом; на реке Сузове в 60 милях едва встречается одна деревня, а здесь не пройдет версты, как попадается хорошая деревня.

Newagorod — маленький, но красивый городок на реке Newa¹⁴⁶, которая составляет границу Сибири на этой стороне. Страна продолжает быть плодородной и хорошо населенной; дикие розы и другие красивые растения доставляют приятный вид.

Река Решь, в пяти милях выше Невы, впадает в другую реку, где теряет свое имя и называется с тех пор Niatza¹⁴⁷. Первый город на реке Видна (Zudna), другой Nigniska, в плодородной и населенной стране. Далее города: Irbitskoi, Kerginskoy, Subovara (Subvorawa), Ialan (Julaw), Krasna Hobod, Tumen. Тюмень, обширный и хорошо укрепленный город, населенный по большей части татарами. Город Makows при слиянии рек Пижмы и Туры, Sutska при слиянии Туры и Тобола; далее реки: Резда, Турба, Тавда.

Другое описание пути из Соликамска в Тобольск: отправляясь из Соликамска, товары вьючат на лошадей и везут через горы, покрытые липами, соснами и другими деревьями; на этом пути должно переезжать две реки: Сойбу и Коосну. Горы разделяются

на три части: Коосвинский Камень, Киргинский Камень и Подвинский Камень. Подвинский Камень выше всех и во многих местах покрыт снегом и облаками.

Город Верхотурье хорошо населен; здешний воевода каждый год рассылает хлебные запасы по всем рекам сибирским, во все города и остроги, даже за Обь, потому что здесь не занимаются хлебопашеством. Из Верхотурья отправляются по реке Туре и после пятидневного пути достигают города Яфаниум; потом по той же реке едут еще два дня, после чего река начинает течь такими извилинами, что гораздо выгоднее становится несколько раз перевозиться сухим путем. Из Туры впадают в Тобол и идут до города Тиннен, хорошо населенного; зимой из Яфаниума в Тиннен на санях ездят в двенадцать дней; в Тиннене производится большая торговля с татарами и самоедами. Из Тиннена приезжают в Тобольск.

Тобольск на реке Тоболе, впадающей в Иртыш, главный город Сибири и средоточие сибирской торговли. В реку Тобол впадает река Таффа¹⁴⁸, на которой лежит город Почем¹⁴⁹, в стране, обилующей пушными зверями; Почем отстоит на две недели пути от Тобольска. В 50 милях от истока Иртыша находится город Цергольт, а в двухстах милях от него — острог Ноксинский, в прекрасной, здоровой и плодоносной стране. Между острогом Ноксинским и Томском живут остяки.

Много острогов и городков между Обью и Иртышом; все они богаты, и живут в них друг подле друга русские, татары и самоеды; из них Тара находится в стране, где Обь и Иртыш отстоят друг от друга на 10 дней пути; Иоргут, Безон, Мангазея. По сю сторону Оби лежат города: Тобольск, Сибири-Березаи, по ту сторону — Нарым и Томск; здесь ездят на оленях и собаках; собак этих кормят рыбой, отчего они, по мнению жителей, крепнут. Иоргут лежит на острове Оби; к востоку от Нарыма, по реке Телт, находится острог Комгофский.

Река Обь берет начало из большого озера в Калмыцкой Татарии и впадает в Вайгачский залив. На Оби лежат города: Makrobskoi, Kunskoï, Bundsobbi. На Тоболе только один город Тобольский, а то все пустыня. На реках Nejeth, Type и Soieba городки: Miter, Bokrosnoi, Wergotsustchki, Belin, Latstchta. На реке Schaiabowej городки: Kanizko, Somskoï, Sakofscoi, Kemskoï, Oli; при последнем находятся горы Земной Пояс; на этих горах лежит большое черное озеро, по-самоедски Tasi, то есть Чертово озеро, потому что в нем нет ничего, кроме большой черной рыбы, которую нельзя употреблять в пищу по причине дурного запаха.

На реке Kرابабожа, впадающей в Вайгачский залив, городки: Oselinskoï, Simostschik, Oslimetkoï, Konoja, Gnisestla, Ninatschuja, Tschuogamskoï. Река Wobsthi вытекает из болот Черлюковской Татарии, течет чрез Сибирь и двинскую землю и впадает в Вай-

гачский залив; она течет по пустыне по причине бесплодия почвы. На реке Stlepa два городка — Kaile и Lapkloi. Еще две реки в необитаемой стране Kelim и Olenesk.

К востоку от Оби течет река Енисей, которая еще больше Оби; к востоку от Енисея находятся высокие горы, и некоторые между ними огнедышащие, а к западу простирается прекрасная плоская страна, богатая всякого рода травами, деревьями, цветами, плодами и птицами; эта плоскость весной на 70 миль покрывается Енисеем; обитаема она тунгусами.

Из страны Енисейска вытекает река Таос и впадает в Обь; вблизи Таоса из одного и того же места вытекает другая река, впадающая в Енисей, так что из Оби можно проехать водой чрез страну самоедов; потом, проехав только две мили сухим путем, можно выйти к реке Торчальф и по ней в Енисей.

Из Тобольска к китайским границам путь идет по Иртышу. Здесь встречается город Dergian¹⁵⁰ при впадении Дерянска в Иртыш, потом Samurskojam¹⁵¹. Из Иртыша впадают в Обь; здесь встречаются города Сургут, Нарым. Из Оби впадают в Кет и плывут до города Mokuskoj¹⁵², из которого сухим путем отправляются в Енисейск. Из Енисейска зимой отправляются на саних и встречаются на дороге деревню Бугучи, за которой начинается большой волок, или пустыня; по этой пустыне едут 8 или 10 дней, не встречая ни деревни, ни дома; потом встречается деревня Kasma; за ней город Илимский, потом Иркутск; за Иркутском Kabanja и Bolsko Sainko — небольшие, но хорошо укрепленные города, служащие защитой от монголов; потом крепость Удинская, лежащая на горе; озеро и местечко Уравена¹⁵³; местечко Plotbus на речке Skieta состоит из шести семейств. Нерчинск — последнее замечательное место в московских владениях. Аргунь — пограничный город с Китаем.

Есть шесть дорог из России в Китай: 1) чрез Индию; эта дорога очень опасна и почти невозможна по причине разбоев и обширных степей; однако татары астраханские и бухарские и армяне персидские ездят по ней. 2) Чрез Бухару, Самарканд, Кабул, Кашемирию и другие города узбекские, откуда идут в Барантому, столицу далай-ламы; дорога трудная по причине песков и нападений калмыков; однако москвитяне отправляются по ней. 3) По Оби и Иртышу до города Sinkame, откуда чрез землю калмыков и монголов до Кокутана, от которого до китайской стены не более 10 дней пути. 4) По Оби и Селенге до города Селенгинска, от которого сухим путем до Монголии; от Селингинска 8 недель пути до места, где живут тайша, или хан бехроесаин и кутух-лама. Это самая безопасная и удобная дорога; по ней обыкновенно ездят московские купцы; надобно, впрочем, запастись для некоторых мест водой и дровами. 5) Через Нерчинск и Даурию. 6) Через Нерчинск и Монголию по озеру

Далай, от которого в три недели достигают Китая. Из Москвы отправляются обыкновенно в конце февраля и менее чем в три недели достигают Тобольска; отсюда сухим путем едут через землю остяков до Енисейска, где садятся на суда и плывут по Тункуске и Ангаре, по озеру Байкалу, по реке Селенге к городу Селенгинску.

Торговля так обширна, что один Енисейск доставляет ежегодно 80 000 руб. таможенной пошлины. Плавание по главным рекам сибирским, Оби, Енисею, Лене и Амуру, затруднительно: по Оби по причине льдов при ее устье — льды остаются здесь почти целый год; Енисей имеет девять порогов, и девять раз надобно перегружать суда; устье Лены так же опасно, как и устье Оби, по причине скал и подводных камней. Амур имеет в устье непроходимые леса морского тростника, для очистки которого требуется много труда.

Дорога из Ладоги в Новгород идет рекой Волховом; в семи верстах от Ладоги эта река имеет падение и в семи верстах отсюда — еще другое, где плавание чрезвычайно опасно, потому что река мчится как стрела между большими камнями. Путешественники выходят из судов на берег и дожидаются, пока суда минуют опасное место. Путешественники проезжают следующие деревни: Городицу, Селце, Грунцо, Высокое, Кривцевицу, недалеко от которой находится Спасо-Хутынский монастырь на очень красивом месте; он имеет 60 братьев и 400 крестьян; ежегодно высылалось на царскую службу 100 человек в Новгород.

Новгород простирается на милю в окружности; но прежде был еще больше, что свидетельствуют разбросанные здесь и там развалины церквей и монастырей; город лежит на ровном месте, при богатом рыбой Волхове: между прочим, ловят здесь богатых и вкусных лещей. В окрестностях производятся значительное хлебопашество и скотоводство, добывается большое количество пеньки, льну, меду и воску; выделываются прекраснейшие кожи, которыми город производит большую торговлю; в городе три главные гостиницы, приносящие более 6000 талеров ежегодного дохода.

Псков, омываемый с юга широкой рекой Великой, лежит на совершенно ровном месте, окружен крепкой белой стеной с круглыми башнями, принадлежит к самым значительным торговым и укрепленным городам Московии и очень населен.

Дома в нем деревянные из круглых сосновых бревен; вместо окон четырехугольные скважины, куда едва можно просунуть голову. Дом состоит из двух комнат: курной избы и клети, исключая дома некоторых знатных людей, которые состоят из нескольких комнат с печами при трубах.

В Пскове 150 церквей; улицы очень нечисты и немощены, кроме главной, ведущей на торговую площадь: эта вымощена

вдоль бревнами. Псков производит большую заграничную торговлю мехами, кожами и домашней деревянной рухлядью. Тверь имеет 150 домов, окружена деревянными укреплениями и башнями. Торжок, с деревянными укреплениями, имеет более 30 церквей. Можайск обнесен каменными, но ветхими стенами; посад наполнен купеческими лавками.

Сноски

⁸⁷ Зайцы летом обыкновенного цвета, серые, а зимой белоснежные. Удивительно, что в Ливонии зайцы зимой белеют, как и в России, а в Курляндии нет, хотя эти провинции разделяются только Двиной, так что когда в Ливонии зимой поймают серого зайца, то говорят, что это курляндский перебежчик.

⁸⁸ Исключая карпов, которых можно добыть только в Астрахани по шиллингу за штуку; здесь они необыкновенно велики, но не так нежны и вкусны.

⁸⁹ По другим: 55 гр. 18 мин. широты и 64 гр. 30 мин. долготы.

⁹⁰ Так по Олеарию, Лизеку и Карллию; по Корбу — более 200 церквей, по Штраусу — 1700, по Таннеру — от 700 до 1700.

⁹¹ По Штраусу — 95 000 домов, по Лизеку — 42 000 домов.

⁹² Марчуги.

⁹³ Дединово.

⁹⁴ Белоомут.

⁹⁵ Семцы?

⁹⁶ Киструс.

⁹⁷ Исады.

⁹⁸ Муратово.

⁹⁹ Пуступолье.

¹⁰⁰ Новоселки.

¹⁰¹ Шилово.

¹⁰² Терехово.

¹⁰³ Тарновская.

¹⁰⁴ Свинчус.

¹⁰⁵ Котанова.

¹⁰⁶ Рубецкое.

¹⁰⁷ Малеева.

¹⁰⁸ Бабинки.

¹⁰⁹ Перва.

¹¹⁰ Андреяново.

¹¹¹ Ляхи.

¹¹² Решное?

¹¹³ Избелец.

¹¹⁴ Дуденево.

¹¹⁵ Столбище.

¹¹⁶ Великой Враг.

¹¹⁷ Зименка.

¹¹⁸ Безводное.

¹¹⁹ Кадницы.

¹²⁰ Работки

¹²¹ Чечениха

¹²² Татинец

¹²³ Юркино.

- 124 Места: Покровская Мыза, Черная Мыза, река Малая Мыза.
125 Кременка.
126 Бармино.
127 Сундырь.
128 Кокшайское Покровское.
129 Так у Олеария, у Штрауса — Wolofka.
130 Ключищи.
131 Тешевка, Теньки.
132 Пролейкаши.
133 Поливной Враг.
134 Ботьма.
135 Теперь Ахматский приверх.
136 Узень?
137 Должно быть одно и то же: Шуйское-на-Сухоне.
138 Устье Городищенское.
139 Есть река Бобровка; при ее устье ям; но на Шубертовой карте он назван не Бобровским, а Обнорским ямом?
140 Ср. река Ерга.
141 То есть Строгановы.
142 Яренск.
143 Нема.— Ср. Кн. Бол. Черт., стр. 144, 192, 193.
144 По другим, между Сольвыгодском и Соликамском помещается Кайгород, на реке Каме, в стране зырянской.
145 Сысола?
146 Нешаква?— «Около тех рек и меж ними живут многие слободы и деревни великие, которые пашут хлеб, и земля зело хлебородная, и с тех слобод привозят дощанниками Турой-рекой, а потом Тоболом и Иртышом хлеб в Тобольск ежегод служивым людям» («Путешеств. Спафари»).
147 Ница?— Ср. Кн. Бол. Черт., стр. 209.
148 Тавда.
149 Пелым.
150 На правой стороне Иртыша река Демьянка, а пониже реки стоит Демьянский ям («Путешеств. Спафари»).
151 Ям Самаровский стоит на правой стороне Иртыша (см. там же).— Действительно, на всем протяжении пути от Тобольска до Оби по Иртышу эти два места, Демьянский и Самаровский ямы, были (и суть) самые значительные.
152 «Течет речка Маковка из болот и впала в Кеть; а повыше той речки с версту на той же стороне урочище Маковки, и от той речки Маковки до маковского острогу 4 версты» (Спафари).
153 Острог Еравинский (Спафари).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Книги разрядные, по официальным оных спискам, изд. II Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии, т. I, II и III.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. III.

Русское посольство в Польше в 1673—1677 годах, соч. А. Попова.

История русского раскола, известного под именем старообрядства, соч. Макария, епископа винницкого.

История Московской славяно-греко-латинской академии, соч. С. Смирнова.

Несмотря на давно уже известное в нашей исторической литературе мнение, что Россия со времени Иоанна III заняла знаменитое место в политической системе Европы, мы не видим, чтоб в XV, XVI и первой половине XVII века Московское государство участвовало в делах остальной Европы; в это время мы не видим даже, чтоб оно входило в союз с каким-нибудь соседним государством против другого; правда, бывали попытки подобных союзов, но только попытки, дело прерывалось в самом начале: так, не повел ни к чему, разрушился в самом начале союз московского двора с австрийским против Польши при Иоанне III, союз московского двора с австрийским и бранденбургским против Польши же при Василии Иоанновиче; желание Димитрия Самозванца вступить в союз с Польшей, Империей и папой против Турции оказалось желанием преждевременным.

Но что прежде было желанием, о чем прежде велись только переговоры, то во второй половине XVII века приходит в исполнение: Московское государство действительно вступает в союз с Польшей, Империей, Венецией против Турции, и в этом союзе, конечно, мы должны видеть вступление России в политическую систему европейских государств. Что же побудило Россию, или Московское государство, во второй половине XVII века выйти из прежнего уединенного положения своего? Что уничтожило препятствия, не позволявшие ему прежде участвовать в общих действиях европейских держав?

Чтоб отвечать на этот вопрос, мы должны обратиться назад и взглянуть на состояние Европы в XVI и первой половине XVII века. Эти полтора века характеризуются сильным религиозным движением, которое имеет решительное влияние на будущее Европы: движение это одинаково сильно как в Западной, так и в Восточной Европе и следствия его одинаково важны как здесь, так и там. Западная Европа потрясается борьбой между католицизмом и протестантизмом и вследствие этой

* Отечественные записки. 1856. Т. 104. № 2; Отечественные записки. 1856. Т. 109. № 11.

борьбы разрывается на две половины; Восточная Европа потрясается борьбой между единоплеменными последователями двух церквей — восточной и западной, и следствием этой борьбы было падение одного обширного государства и окончательное усиление другого, под именем которого Европа Западная разумеет теперь Восточную.

В 1569 году последний из Ягеллонов, Сигизмунд Август, довершил заветное дело своей династии: на Люблинском сейме провозглашено было вечное соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским. Казалось, что главное препятствие к этому соединению — борьба между двумя вероисповеданиями — могло быть отстранено; в два последние царствования, Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, католицизм не возобновлял попыток усилиться в литовских областях на счет православия. Но именно в эти-то два царствования явился в польских и литовских владениях и усилился протестантизм.

В Западной Европе на помощь католицизму явился знаменитый орден иезуитов; католическое духовенство Польши и Литвы призвало иезуитов и к себе на помощь против протестантизма; иезуиты одолели этого противника благодаря разделению его сил, разветвлению на несколько отдельных учений. Но появление иезуитов, борьба их с протестантизмом произвели сильное религиозное движение, религиозную нетерпимость: в этом религиозном пламени должно было сгореть государственное тело Польши, уже ослабленное политическим неустройством.

Одолев протестантизм, иезуиты не удовлетвоались этой победой и напрягли все свои усилия для истребления другого, более опасного соперника — православия: то, что грозило такой опасностью Литве при Александре Казимировиче, то, чего остерегались Сигизмунд I и сын его, то возобновилось теперь с необычайной силой — возобновилась борьба между католицизмом и православием. На престол польский был избран Сигизмунд Ваза, сын шведского короля Иоанна, родной племянник последнего из Ягеллонов. В это время, когда пламень религиозной борьбы охватывал всю Европу, когда все вопросы решались под влиянием этой борьбы, когда вопрос о различии исповеданий стал господствующим вопросом для каждого, не было ничего удивительного, что Сигизмунд не отличался терпимостью: он объявил себя жарким приверженцем католицизма и отдался в руки иезуитов.

Первым следствием такого поведения Сигизмунда было то, что он потерял престол шведский, который получил по смерти отца. Шведы при Густаве Вазе приняли протестантизм; видя стремление Сигизмунда к восстановлению древнего исповедания, шведы объявили его лишенным престола и провозгласили королем своим третьего сына Густава Вазы, Карла (IX). Таким об-

разом, религиозная борьба вместо соединения под одной династией повела к этой вражде между Швецией и Польшей, ибо Сигизмунд и сыновья его, короли польские, как представители старшей линии дома Густава Вазы, не хотели отказываться от притязания на шведскую корону, вследствие чего еще при жизни Сигизмунда III Густав Адольф шведский отнял у Польши почти всю Ливонию и часть Пруссии.

Но религиозная борьба, расторгнувшая союз Швеции и Польши, имела еще большее влияние на судьбу Восточной Европы по отношению к Московскому государству. Страшная опасность грозила последнему от соединения Швеции и Польши под одной династией; в царствование Иоанна IV Польша и Швеция соединенными силами отодвинули Московское государство от берегов Балтийского моря; теперь более крепкий союз этих враждебных государств грозил держать Москву в постоянном отчуждении от остальной Европы; но вот вместо тесного союза между Швецией и Польшей загорается постоянная и ожесточенная борьба, и легко понять, как это обстоятельство было выгодно для Москвы, которая в бедственные времена Шуйского получает помощь от Швеции против Польши.

Но эта помощь не спасла Шуйского: все Московское государство, казалось, должно было погибнуть от страшных внутренних потрясений, утратить свою самостоятельность; но его спасает религиозная борьба, которая загорается вследствие известного нам характера Сигизмунда III, а характер этот образовался опять вследствие религиозной же борьбы. Сигизмунд не может согласиться, чтоб сын его Владислав, выбранный в цари московские, принял православие, хочет сам быть царем московским; Москва не может согласиться иметь царем католика, даже и Владислава, тем менее Сигизмунда, известного своим фанатизмом.

При опасности, которая начала грозить со стороны Сигизмунда православию, религиозный интерес становится на первый план в Московском государстве, заставляет смолкнуть все другие интересы, народ поднимается как один человек, и государство благодаря религиозному одушевлению очищается от врагов внутренних и внешних и закрепляет свою самостоятельность выбором царя единоверного.

Швеция и Москва потеряны для Сигизмунда и потомства его вследствие одной причины; но та же причина действует внутри, действует прямо на разложение государства Польского: является уния, которую Сигизмунд поддерживает всеми силами; начинаются злые гонения против людей, исповедующих русскую веру; казаки поднимаются под знаменем религиозным. Наконец, религиозные убеждения Сигизмунда III определили его отношения к соседним государствам на Западе: несмотря на сопротивление сеймов, обнаруживавших сильное отвращение к австрийскому

союзу, Сигизмунд два раза женился на австрийских эрцгерцогинях, позволил императору набирать вольницу в польских областях, послал ему на помощь знаменитых лисовчиков, вооружил флот на Балтийском море для соединенного действия с флотом императорским. Двор Сигизмунда наполнен был немцами, в церквях проповеди говорились на немецком языке; король сам страстно любил этот язык, любил одеваться по-немецки, заставлял носить немецкое платье и сына своего Владислава и, когда тот отказывался, сек его розгами.

В один день, 30 апреля 1632 года, католицизм лишился двух своих знаменитых борцов: генерала католической лиги Тилли и Сигизмунда III, короля польского. Сын Сигизмунда Владислав IV с молодых лет не разделял убеждений отца своего, хотел переменить политику последнего, но уже не мог: благодаря иезуитам католики в царствование Стефана Батория и особенно в царствование Сигизмунда III получили сильный перевес над диссидентами в Сенате и на сеймах и не хотели слышать ни о каких уступках в пользу других исповеданий.

На сейм, созванный по смерти Сигизмунда для избрания нового короля, явились казацкие послы с просьбой, чтоб греческая вера оставлена была в покое, чтоб число их войска и жалование ему были увеличены; представляли, что так как казаки составляют часть государства, то имеют право подавать голос при выборе короля и подают его в пользу королевича Владислава: они уже знали расположение к себе этого королевича. Сенат решил дать им такой ответ: действительно, казаки составляют часть государства, но в государственном теле занимают такое же место, какое волосы и ногти занимают в теле человеческом: если они очень длинны вырастут, то их надобно стричь; так, малое число казаков может служить на защиту государства, а большое опасно.

Диссиденты просили, чтоб отменены были все стеснительные постановления, выданные против них в царствование Сигизмунда III; чтоб позволено было им свободное отправление богослужения во всех местах королевства и имениях шляхетских, чтоб позволено было собирать синоды, учреждать школы, выдавать книги, заводить типографии; чтоб человек, который осмелится нанести оскорбление или церкви русской или религиозному собранию христиан какого-нибудь другого исповедания, был наказан как нарушитель общественного спокойствия и чтоб в суде, имевшем производиться над преступником, заседали в равном числе депутаты из католиков, из лиц, принадлежащих к восточной церкви, и из диссидентов; чтоб русская митрополия отдана была членам восточной церкви; чтоб владыки и архимандриты брали постановление от Константинопольского патриарха; чтоб униаты возвратили православным семинарии и типографии; чтоб

позволено было восстановить церкви диссидентов, разрушенные при короле Сигизмунде; чтоб в местах коронных и литовских позволено было людям греческого исповедания и диссидентам принимать на себя правительственные должности; чтоб лица, лишенные своих должностей под предлогом веры, получили их снова; чтоб шляхте греческого исповедания открыт был свободный доступ до государственных должностей и пожалований; так как в делах, касающихся людей греческого исповедания и диссидентов, труден доступ к королю, то чтоб при дворе королевском имели постоянно пребывание два агента: один греческого исповедания, другой диссидент, которые бы докладывали королю о делах своих исповеданий.

Католики сильно вооружились против этих требований; они говорили, что скорее согласятся потерять имущество и жизнь, чем исполнить эти требования в ущерб католицизму. Владислав еще не был избран в короли польские; он носил только наследственный титул шведского короля; несмотря на то, он предложил свои услуги для решения споров между православными и униатами. В первый раз пять часов сряду сидел он за этим трудным делом — и понапрасну; через день принялся опять за дело и достиг наконец того, что униаты уступили православным епископство львовское и архимандритию печерскую; православные получили церковь Св. Духа в Вильне, три церкви в Могилеве, две в Мстиславе.

Диссидентам позволено было строить божицы в своих наследственных имениях, не докладывая об этом епископу; даны были и некоторые другие незначительные права. Но ни те, ни другие не были довольны этими уступками. Избранный в короли польские, Владислав не переменил своего поведения, и католики начали упрекать его тем, что он явно держит сторону православных против униатов; что первые, в надежде на королевскую ласку, подняли головы; что король имеет с ними секретные разговоры.

В 1633 году королю удалось составить новую грамоту в пользу православных, в которой обещали им покой до будущего сейма и возвращение некоторых церквей, если только, впрочем, посол королевский выпросит на то согласие у папы. Надобно было к этой грамоте приложить печать канцлеру Великого княжества Литовского. Должность эту в описываемое время занимал князь Альбрехт Станислав Радзивил, один из самых ревностных католиков; он прежде всего призвал на совет духовника и других духовных особ и спрашивал их, может ли приложить печать по чистой совести?

Прежде чем отцы успели разрешить его сомнение, Радзивила позвали к королю, который приказал ему приложить печать; канцлер отвечал, что не может этого сделать, потому что дело не решено еще духовником. «Духовник ваш,— возразил король,— не

должен мешаться в вещи, которые могут замешать государство!» Радзивил отвечал, что готов во всем исполнить волю королевскую, но только не там, где дело идет о католической религии. Разгневанный Владислав сказал на это: «Ну так я же буду поступать по-вашему: ничего вам не дам» — и потом прибавил: «Опростается место канцлера коронного или литовского, отдам его еретику». Наконец Радзивил согласился приложить печать, только с протестацией, что, как человек, не согласен на это, но, как министр, исполняет волю королевскую, видя, что иноверцам дают льготы на время, и то с согласия римского двора.

Владислав не переставал действовать против иезуитских вымыслов, как он выражался. В марте 1635 года он поручил тому же Радзивилу вместе с Остроогом, стольником коронным, быть посредниками между униатами и православными; согласились на то, чтоб у первых отобрать кафедры луцкую и перемышльскую, православным позволить иметь в Вильне и в Киеве школы, но только «до логики». В то же время слышались жалобы со стороны диссидентов: в Кракове с большой пышностью хоронили одну знатную протестантку; католические студенты бросились на гроб, выхватили труп и бросили его в реку. В Вильне студенты пограбили жидов. Известно было, что к таким насильственным поступкам приучили польскую молодежь иезуиты.

Об отношениях католиков к православным и диссидентам в описываемое время самое ясное понятие можно получить из записок упомянутого выше Радзивила; так, например, под 9 марта 1635 года читаем: «В этот же день было погребение Абрагамовичевой, воеводиши смоленской, которой тело я из политики провожал, но от порога церковного воротился, потому что была она греческой веры»¹. Но если Албрехт Радзивил, канцлер, отличался такой горячностью к католицизму, то родственники его, Радзивил, воевода виленский, и другой, Януш Радзивил, подкоморий литовский, отличались такой же ревностью к протестантизму.

К каким столкновениям между вельможами вело это разное при нетерпимости, видно из следующего рассказа канцлера: за обедом у подканцлера коронного поссорились двое подкомориев, польский и литовский, по следующему случаю: епископ познаньский, бывший в числе гостей, стал укорять Януша Радзивила, подкомория литовского, что в его доме без епископского позволения происходят еретические собрания; просил, чтоб этого не было, а в противном случае грозил выгнать кальвинского пастора из Варшавы. Радзивил отвечал, что в его доме не бывает никаких сборищ, что двери его отворены для каждого: кто придет — никого не выгонит; но если прелат придет с тем, чтоб выгонять других, то он, Радзивил, не ручается, попадет ли епископ в дверь. Подкоморий коронный закричал, что готов на

смерть за оскорбление католицизма, и кончилось тем, что между обоими подкомориями назначен был на другой день поединок; едва брату королевскому Яну Казимиру удалось помирить их².

Не проходило сейма без смут вследствие распрей религиозных. Король Владислав не мог ничего сделать: он достиг только того, что нунций в донесении папе величал его покровителем еретиков и схизматиков; жалобы православных оставались без внимания, и весной 1648 года сведали о грозных движениях Хмельницкого.

Таковы были следствия религиозного движения в Восточной Европе; движения, начавшегося с реформации, когда диссиденты наводнили Польшу и Литву и для борьбы с ними были призваны иезуиты, развившие религиозную нетерпимость в королях, вельможах и народе. Мы видели, что это господствующее явление, движение религиозное, имело могущественное, решительное влияние и на отношения политические: вследствие ревности своей к католицизму, вследствие влияния иезуитов Сигизмунд III сблизился с австрийским домом и дважды вступал в брак с принцессами из этого дома; сын его, Владислав, желавший принять иной образ действия относительно религиозных вопросов, хотел показать эту разницу и в самом браке своем, объявил, что имеет намерение жениться на протестантке, племяннице английского короля Карла I, дочери несчастного Фридриха Пфальцского.

Для удовлетворения католиков он объявил, что если королева не захочет обратиться к католицизму, то он не позволит ей ни публичного, ни частного отправления своей религии, не введет еретических пасторов во дворец, не допустит к жене дам и слуг еретичек. Но прелаты и сенаторы католической стороны возражали, что нет ручательств, чтоб король не нарушил своего обещания, ибо могущество женщин известно. Владислав, не отличавшийся твердостью характера, плакал, говорил, что решится на все крайности, если сенаторы будут продолжать сопротивляться его намерению; но сопротивление продолжалось, и Владислав уступил: женился на принцессе австрийского дома.

Но подле религиозных движений XVI и XVII веков обнаружилось и другое господствующее явление европейской политической жизни — борьба против преобладания, к которому порывались некоторые государства: Голландия, Англия, Северная Германия, Швеция, под религиозным знаменем противились преобладанию габсбургского дома; Генрих IV и Ришелье стали смотреть на эту борьбу независимо от религиозного вопроса, и вот в то время, как Северная Германия боролась с Южной во имя религиозного различия, кардинал, управлявший католической Францией, вступил в союз с протестантами, чтоб противодействовать усилению габсбургского дома. Франция не могла смотреть спокойно на союз Австрии с Польшей и старалась ему

противодействовать. Таким образом, Польша становилась ареной, на которой боролись дипломаты двух враждебных кабинетов, и, при известном устройстве Польши, здесь между вельможами легко образовались две враждебные партии, австрийская и французская.

В марте 1637 года, тотчас по смерти императора Фердинанда II, посол французский явился в польский Сенат с просьбой, чтоб польское правительство перестало давать помощь войском императору и чтоб позволило Франции нанять 3000 казаков. Но посол выбрал неблагоприятное время: тогда уже был решен брак Владислава с австрийской принцессой, и потому требование Франции было отвергнуто; послу показали давний договор с австрийским домом о взаимной помощи, подтвержденный и присягой Владислава.

Французское правительство скоро нашло случай отомстить последнему. В следующем же 1638 году брат короля Владислава, Ян Казимир, отправился в Испанию; на дороге из Генуи, когда он вышел на берег близ Марсели, был схвачен губернатором этого города и посажен в тесное заключение. Причиной задержки выставлялось, во-первых, то, что королевич считался полковником императорской службы, а во-вторых, то, что он ехал к испанскому королю, неприятелю Франции.

Цель Ришелье при этом объясняли так, что ему хотелось заставить королевича силой передаться на сторону Франции и жениться на француженке, причем ему обещана была помощь Франции при достижении польской короны после болезненного брата, который не мог долго жить. Но цель кардинала достигалась еще скорее и проще: именно когда императорский посол приехал в Польшу с просьбой набрать 2000 казаков для войны с французами, то ему позволено было это сделать, только с условием, чтоб казаки были обращены против шведов, а не против французов, из опасения, чтоб последние не отомстили за это Яну Казимиру.

С просьбой об освобождении брата Владислав отправил во Францию Гонсевского, сына известного в нашей истории вельможи. Польский посол был принят с большим торжеством; но когда он коснулся предмета своего посольства, ему объявили, что трудно освободить королевича до водворения общего мира в Европе; что король Французский очень благосклонен к нему и желает, чтоб он женился во Франции.

Наконец королевича освободили, но только тогда, когда Гонсевский дал обещание, что Польша не будет давать помощи ни одному неприятелю Франции. Скоро французское правительство достигло главной своей цели — женитьбы польского короля на француженке: в 1644 году умерла жена Владислава IV, королева Цецилия Рената; немедленно явился французский посол изъяснить

соболезнование своего двора о смерти королевы и в то же время предложить королю супружество с француженкой; посол предложил на выбор пять невест: 1) дочь герцога Орлеанского, 2) Марию Невер, 3) Гиз, 4) Лонгвилль и 5) Конде.

Король и Сенат решили не отвергать предложения; в борьбе Франции с австрийским домом перевес явно склонялся на сторону первой; притом Франция была в тесной связи с Швецией: посредством ее влияния Владислав мог надеяться получить отчий престол шведский, и вот больной Владислав женился на Марии Невер.

Так две соперничающие державы Западной Европы, Австрия и Франция, старались утвердить свое влияние в Польше. Но на определение отношений Польши к этим державам могущественно действовали отношения к Турции; эти же отношения послужили связью между европейскими державами и Россией: первый союз, в который Россия вступила с европейскими державами, был союз против Турции.

После гибели Владислава III Ягелловича, короля польского и венгерского, под Варной в 1444 году у Польши не было войны с Турцией до царствования Сигизмунда III; этот король по связи своей с Австрией должен был начать войну с враждебной последней Турцией: в 1620 году при Цецоре поляки потерпели поражение, где лишились знаменитого гетмана своего Жолкевского, Польша должна была отказаться от Молдавии, которая до сих пор находилась в подручных к ней отношениях.

Турция не переставала быть страшной для Европы, преимущественно для австрийских владений и Венеции; но понятно, что и Австрия, и Венеция в борьбе своей с турками должны были обращаться с просьбой о союзе к государствам Восточной Европы, к Польше и России, находившимся постоянно во враждебных отношениях к Турции, или непосредственно, или посредством разбойнической орды крымских татар, не дававших покоя обоим государствам.

В 1646 году приехал в Польшу венецианский посол Теполо под предлогом поздравления короля Владислава со вступлением во второй брак, но, собственно, для того, чтоб возбудить Польшу в союзе с Россией к войне против турок. Король с большой охотой склонился на предложения Теполо, тем более что новый царь московский, Алексей Михайлович, предупредил желание Венеции; приславши известить Владислава о кончине родителя своего, царя Михаила Феодоровича, он в то же время приказал послу своему предложить Польше союз против крымских татар.

Но главным препятствием для приведения дела к концу было то, что Владислав не мог решиться на войну без согласия сейма, а получить согласие сейма не было надежды, потому что вельможи и шляхта питали сильное отвращение к войне; надобно было

делать приготовления к войне с турками под предлогом войны татарской, которую король мог начать без сейма; но для приготовлений нужны были деньги, а у короля их не было. Вследствие этого Владислав объявил Теполо, что он может начать войну только в таком случае, когда папа, Венеция и другие государи обяжутся давать ему 500 000 скудов ежегодно в продолжение двух лет; в таком случае великий канцлер Тржебинский предлагал Теполо уже и план войны: московское войско с небольшим польским отрядом двинется против татар, главное польское войско пойдет к Дунаю, а толпы казаков помчатся к самому Цареграду

Король уговорился с Теполо, что в начале будущей весны казаки выйдут в море на сорока чайках, для чего посол даст им 20 000 талеров. 250 000 талеров для короля Теполо занял у молодой королевы, привезшей с собой много денег из Франции, занял за семь процентов. Король ревностно занимался военными приготовлениями, беспрестанно ездил в арсенал, а между тем вельможи и шляхта были в сильном волнении, несмотря на то что король разослал ко всем сенаторам грамоты с увещаниями, чтоб не верили слухам о войне турецкой, что он предпринимает кое-что против татар, а против турок ничего не предпринимет без сейма, верили не только войне турецкой, но и тому, о чем король и не думал: распустили слухи, что готовится что-то вроде сицилийских вечереи или варфоломеевской ночи, потому что десять тысяч войска уже собрано королем подле Варшавы.

Напрасно Теполо старался убедить в выгодах и необходимости войны турецкой, ему отвечали: «Когда посол наш Оссолинский просил у венецианского правительства помощи против турок, опустошавших тогда Польшу, то Сенат отвечал, что «Венеция не может ни под каким видом разорвать мира с Портою»». Когда Теполо выставлял на вид, что война с турками— война, священная для христиан, от которой отказываться нельзя, то ему отвечали: «Папа и другие государи европейские возбудили короля Владислава III против турок и оставили его без всякой помощи на жертву последним; его пример теперь для нас наука: не горячиться больше других». На сейме король встретил непреодолимое сопротивление войне и принужден был распустить войско.

Но чего вельможи и шляхта не хотели при Владиславе, к тому принуждены были при несчастных его преемниках Царствование Яна Казимира, брата Владислава, представляло непрерывную цепь бедствий: в самом начале отпадение Малороссии, война московская, кончившаяся потерей Смоленска, Северной страны, Восточной Украины и Киева; война шведская, кончившаяся признанием независимости Пруссии, война междоусобная с Любомирским; наконец, отпадение Дорошенка (гетмана Западной,

оставшейся за Польшей, Украйны) к Турции вовлекало Польшу в опасную войну с последней. Ян Казимир отказался от престола, уехал во Францию и заключился там в монастыре. Любопытна судьба последних представителей знаменитого рода Густава Вазы, ибо в этой различной судьбе членов одного и того же рода всего лучше высказалось разделение, произведенное в Европе религиозными движениями: последний из старшей линии, Ян Казимир, истомленный бедствиями, которые были прямым следствием религиозных движений, ревности к католицизму и нетерпимости отца его, Сигизмунда, принужден оставить престол и умирает в монастыре; последний потомок младшей линии, Густав Адольф, падает на полях Лютцена героем, защитником протестантизма; причем надобно заметить, что в личном мужестве и Ян Казимир не уступал своему знаменитому дяде: при отречении от престола он имел полное право напомнить сейму о битвах, где он был первый при нападении и последний при отступлении.

После отречения Яна Казимира началось избрание нового короля. Соискателями явились: Вильгельм, герцог нейбургский, женатый на сестре Яна Казимира; французский герой принц Конде; Карл, герцог лотарингский, и великий герцог тосканский. Уполномоченным герцога лотарингского был граф Шаваньяк, который оставил любопытные записки об избирательном сейме.

Запасшись большой суммой денег, герцог с Шаваньяком приехали на польские границы и поселились в силезском местечке Тарновице, куда начала съезжаться к ним мелкая шляхта: надобно было привлечь этих людей угощениями и подарками; впрочем, издержки на них были не велики: гости были довольны, если находили вино, пиво, соль, хлеб и анис, наслаждались таким образом дня два или три, потом получали по талеру и разъезжались вполне счастливые. В то время как герцог забавлялся охотой в окрестных горах и угощением шляхты, император написал к нему, что сочинил оперу, в которой будет сам петь, и что герцог сделал бы ему величайшее удовольствие, если б приехал его послушать. Герцог немедленно поехал в Вену, поручив все хлопоты насчет избрания Шаваньяку.

Шаваньяк отправился в Варшаву на сейм. Тут он узнал, что вельможи разделились между Конде и герцогом нейбургским, но что большая часть их на стороне первого. Шаваньяк немедленно дал знать своему доверителю, что стороны нейбургской бояться нечего, но что разве чудом каким-нибудь можно будет помешать выбору Конде. Несмотря на то, стал хлопотать; успел привлечь на свою сторону подканцлера Ольшевского и некоторых других.

Сенат объявил, что отстранит от короны всех тех, кто будет подкупами склонять на свою сторону голоса; «несмотря на то, немало денег разошлось», говорит Шаваньяк. Однажды рано

утром явился к нему какой-то Петровский, прежде бывший иезуитом, с предложением, что берется отстранить Конде, и просил сто червонцев; получив деньги, отправился к собранной на сейме шляхте и начал проповедовать, что Конде подкупил целый стан рыцарский и половину Сената и потому должен быть исключен из числа соискателей; проповедовал очень красноречиво — и вот тысячи голосов закричали: «Исключим его, исключим!» Толпа с обнаженными саблями двинулась к Сенату и принудила архиепископа-примаса вычеркнуть Конде, потом отправилась к вельможам и заставила всех подписать это исключение.

Лотарингская партия усилилась; к Шаваньяку явился племянник Яна Собеского, маршалка великого коронного, с приглашением от жены последнего приехать к ней и поговорить наедине о важном деле; причем его введут задними дверьми, чтоб никто не знал об этом посещении. Шаваньяк охотно согласился и поехал вместе с присланным; дорогой он вынул часы; товарищ его попросил их посмотреть и начал расхваливать; Шаваньяк сейчас предложил ему их в подарок; тот пришел в такое восхищение, что немедленно открыл Шаваньяку важную тайну: при разговоре его с Собеской будет скрытно присутствовать епископ безьерский, посол французский! «Будьте осторожны,— говорил Шаваньяку молодой человек.— Собеская родом французенка, очень привязана к своей земле, дочь маркиза д'Аркэн, женщина ловкая и с детства приученная к интригам».

Собеская приняла Шаваньяка необыкновенно учтиво, рассыпалась в комплиментах, наконец приступила к делу. «Если герцог лотарингский,— сказала она,— хочет быть королем польским, то должен обещать: 1) мужу моему экономию самборскую, приносящую сто тысяч ливров годового дохода; 2) ей самой должен подарить большой брильянт, присланный ему старым герцогом, дядей его; 3) сто тысяч франков наличными для хорунжего коронного; 4) ходатайство у папы о кардинальской шапке для епископа безьерского; 5) герцог лотарингский женится на племяннице покойной королевы польской Марии Лудвики; 6) заключит союз с королем французским против императора».

Шаваньяк обещал исполнение четырех первых условий; но отказался от пятого и шестого: он уже обещал Сенату, что герцог женится только на той, кого выберет ему Речь Посполитая, притом Собеская и муж ее могут иметь сильное влияние на этот выбор; что же касается до союза с королем французским, то ему, Шаваньяку, странно слышать такое предложение, когда известно, что он находится в службе не герцога лотарингского, но императора. Тем кончился разговор.

Когда Шаваньяк приехал домой, то явился к нему опять племянник Собеского, на этот раз уже от дяди. Последний изъявлял сожаление, что жена его предложила такие неумеренные

требования, и просил Шаваньяка приехать для свидания с ним в полночь к воеводе подольской. Шаваньяк отправился и написал вместе с Собеским условия, подобные тем, которых требовала жена его, но с исключением обязательств насчет женитьбы герцога и союза с французским королем против императора.

Но все эти хлопоты Шаваньяка остались тщетными. В Польше издавна существовало разделение, соперничество, вражда между панам и шляхтой; как прежде, в XVI веке, наперекор панам, выбравшим императора Максимилиана, шляхта провозгласила королем Стефана Батория, так теперь стоило только большей части вельмож объявить себя на стороне герцога лотарингского, а другим — нейбургского, чтоб шляхта объявила себя за Пяста, то есть природного поляка, и выкрикнула королем Михаила Корибута, князя Вишневецкого, ведшего род свой от Гедимины.

Михаил был сын известного князя Иеремии Вишневецкого, заклятого врага казаков и потерявшего богатство свое во время войны с ними, так что князь Михаил, за четыре дня до избрания своего в короли, просил вспомоществования у Шаваньяка и получил от него двести талеров. Михаил вовсе не был способен управлять государством, особенно таким, какова была Польша, и в такое бурное, несчастное для нее время. Природу нового короля хорошо очерчивает следующий рассказ, сохраненный у некоторых историков³:

В день избрания Михаил, прежде чем отправиться на сейм, пошел к обедне в костел Пиаров: сначала молился очень усердно на коленях, но, когда священник стал читать Евангелие, Михаил так крепко заснул, что стоило большого труда разбудить его. Во время избрания он сидел спокойно между шляхтой воеводства сендомирского. Когда он услышал, что выкрикивают его имя, то первым движением его было выбежать вон и велеть подать себе верховую лошадь, чтоб скакать без оглядки; но толпы шляхты остановили его и стали поздравлять; сначала он оцепенел от этих поздравлений, а потом, пришедши в себя, залился горькими слезами.

Легко было предвидеть, какие следствия будет иметь выбор такого короля и при таких обстоятельствах. Вельможи были сильно раздражены этим выбором: в ту же ночь Собеский пришел к Шаваньяку с предложением свергнуть новоизбранного короля. Шаваньяк отвечал, что он приехал хлопотать об избрании короля, а не о свержении уже избранного и что Собеский с этим предложением должен обратиться прямо к герцогу лотарингскому. Собеский не принял этого совета; тем не менее вельможи не оставляли мысли свергнуть Вишневецкого или заставить его отказаться от престола; они нашли уже ему и преемника, только не герцога лотарингского, а графа Лонгвиля, племянника (сына сестры) принца Конде.

Каждый поступок несчастного Михаила возбуждал бурю в Сенате; так, последний выставил сильное сопротивление браку короля на австрийской принцессе Элеоноре; а после вельможи, вознамерившись свергнуть Михаила, порешили отнять у него и жену и выдать ее за нового короля, Лонгвиля; Михаил принял орден Золотого Руна — новая буря в Сенате: примас Пражновский объявил, что король чрез это сделался вассалом Испании. Сеймы прерывались. И вот, когда Польша находилась в таком волнении и расстройстве, гроза поднялась с юга: гетман Польской Украйны Дорошенко поддался туркам, которые овладели Каменцем, Подольем, Украйной, объявляя притязание и на Московскую Украйну на восточной стороне Днепра. Общая опасность, естественно, соединяла Московское государство с Польшей, далее повлекла к союзу с Империей и Венецией, равно угрожаемыми Турцией.

Так вследствие присоединения Малороссии к Московскому государству, вследствие сближения границ его с границами общего врага христианской Европы Московское государство должно было войти впервые в деятельный союз с последней. Но в каком же состоянии находилось Московское государство при вступлении своем в этот союз, который оно должно было поддерживать, во-первых, посредством своих дипломатов, во-вторых, посредством своего войска?

В XV, XVI и первой половине XVII века московский двор не очень удовлетворительно представлялся своими послами: это зависело как преимущественно от общего недостатка сведений и приемов, нужных для посла, так еще и от того, что в послах обыкновенно посылались люди молодые (то есть незнатные); их связывали наказания, или памятями, чрезвычайно подробными, определявшими каждое движение, каждое слово посла, который, очутясь при иностранном дворе, в кругу, совершенно для него чуждом, и занятый исключительно буквальным исполнением наказа (при всей своей подробности многих случаев не определявшего), естественно, поражал странностью своего поведения, хотя бы в других отношениях оно было и безукоризненно (что, к сожалению, не всегда бывало).

Английские вельможи от имени королевы Елисаветы приглашали московского посла Писемского охотиться на островах, бить оленей. Писемский отвечал: «На королевинном жалованье много челом бьем, а гулять нам ездить теперь не годится, потому присланы мы от своего государя к королевне о их великих делах, и мы у королевы на посольстве были, а делу государеву по ся места и почин не бывал; да нынче же у нас пост, мяса мы не едим: так оленина к чему нам пригодна?»

Незнание обычаев, соблюдавшихся при дворах иностранных, ставило московский двор и послов царских в затруднительное положение: при написании наказов и при исполнении их боялись, как бы чем-нибудь не умалить чести своего государя и в то же

время не оскорбить того государя, к которому отправлялось посольство; так, послам, отправлявшимся к императору германскому, давался наказ: «Если император после посольства велит идти к императрице, то отговариваться, что им у императрицы быть не наказано, и как ее имя и титул, то им неизвестно, и если они скажут что не так, то император бы на них за то не сердился».

Незнание обычаев заставило послов Ушакова и Заборовского, отправленных царем Михаилом к императору, поступить таким образом: приставом у них был Яков Баур, и они сажали его у себя на месте, как император сидит на своем месте, и учились у него кланяться три дня, и когда они у императора были, то кланялись ему до земли. Это заставило писать в наказе следующим послам: «Если ближние люди императора станут говорить им о поступке Ушакова и Заборовского, то отвечать: когда будем у императора, станем кланяться ему так, как в посольских обычаях ведется, и учиться у вас поклонам не будем: это не годится».

Поэтому, когда ближние императорские люди стали говорить гонцу Богданову, чтоб он прежде всего был у них для переговоров и посоветовался бы с ними, как ему представиться к императору и речь говорить, то Богданов отвечал: «Мне к вам не хаживать, грамоты государевой вам не казывать, говорить и советоваться мне с вами не об чем; тому, как у императора быть и речь говорить, мне у вас не учиться стать, потому что я все это знаю сам, как бывает между великими государями в посольских обычаях; я буду речь говорить и грамоту подам по посольскому обычаю, как бывает между великими государями, и во всем воздам честь императорскому величеству по их государскому достоинству».

Богданов требовал непременно, чтоб сам император отдал ему свою грамоту к царю, и говорил приставу, уверявшему его, что и прежние послы брали грамоту от канцлера, а не прямо от императора: «Ты на царских посланников затеваешь нарочно, что они взяли императорскую грамоту от канцлера, для того, чтоб я императорскую грамоту у тебя принял; если я грамоту у тебя приму и в том чести государя своего не остерегу, а он, великий государь, об этом узнает, то он за такую большую вину без всякого милосердия велит казнить меня смертью: а императорскому величеству зачем, чтоб я был без головы?»

Поведение Ушакова и Заборовского заставляло писать послам в наказах: «Государево дело делать во всем по государеву наказу и государевой чести, во всяких мерах остерегать и быть в словах осторожливым, а лишних и ненадобных речей ни с кем не говорить и вестей московских никаких никому не рассказывать. Говорить с иноземцами учтиво и остерегаться, чтоб простою не оказаться, и не запиваться, записывать всякие дела вправду, от себя ничего не затеая; быть между собою и с государевыми людьми, которые с ними посланы, в совете и самим

государево дело делать во всем по совету, а розни между себя не чинить, чтоб их розню и бессоветьем государеву делу какой помешки не было, а не так бы делать, как Заборовский с Ушаковым».

Но этот наказ не всегда был исполняем: так, например, в 1660 году отправлены были в Вену послами стольник Яков Лихарев и дьяк Иван Песков; по возвращении в Москву Песков жаловался, что Лихарев, сердясь на него, останавливался на особых дворах и держал у себя толмача, чтоб тот его потешал, в карты бы с ним играл и пел песню «Березу».

Лихарев в свою очередь доносил, что Песков, едучи по Польше, посылал людей своих по деревням брать силой лошадей, баранов, кур и эту добычу продавал и менял по городам и деревням; когда в Вене принесли к послам императорские подарки и сыну Пескова досталась серебряная лохань, то сам Песков начал говорить приставу задорные невежественные слова с криком, кричал, что император подарил его сыну лохань, а она вся в дырах, точно решето, и такое решето ему и сыну его не в честь; говорил, чтоб лохань переменили, дали получше. Пристав объявил, что такого позора от начала века не слыхано; но что император велел дать его сыну другую лохань и с рукомоϊником.

Сын Пескова ходил с приставом в ряды и купил лохань; но и эта не понравилась старику Пескову: он опять на пристава кричал и говорил, что новая лохань и с рукомоϊником весом легче прежней. И везде в других городах Песков приставов бранил, называл их пьяницами. Песков же доносил на Лихарева, что тот в Дрездене пил каждый день и пьяный из города выехал.

Читая подобные известия о поведении русских послов за границей, мы не должны, впрочем, воображать, чтоб это поведение очень поражало иностранцев, ибо и послы иностранные не отличались безукоризненным поведением. Так, когда императорские послы Аллегретти и Лорбах получили подарки от царя Алексея Михайловича, то Лорбах подал просьбу царю, в которой жаловался, что Аллегретти не делится с ним подарками поровну, и просил, чтоб государь назначил кого-нибудь из своих для раздела.

Об этих же послах читаем следующее известие: «Послы государю били челом, вышел из-за стола. А после того послы, вышел из-за стола, пили чашу государеву многолетнего здоровья; а бояре в то время выходили ж. А после того послам, вышедши из-за стола, пить было за боярское здоровье, а боярам пить было за здоровье цесаревых думных людей; а послам в сие время выходить же. И послы про бояр, а бояре про послов не пили, потому что послы, обрадовався государевой милости, упились пьяни и пошли из палаты вскоре беспамятно. А после стола явить было послам государево жалованье—соболи, да говорить речь на отпуске, и грамоты подать. И послам государево жалованье не

явлено, и речи не говорено, и грамоты не дано, для того что послы упились гораздо; а отложен им отпуск до иного дня. А как послы пошли из палаты вон и провожал их до кареты боярин Стрешнев; а карета была послам для того, что они были пьяни».

Но если не было большой разницы в поведении послов московских за границей и чужестранных в Москве, то большая разница чувствовалась в обращении с послами и в способе их содержания. В наказе приставам посольским во второй половине XVII века читаем следующее: «Если послам (иностранным) или дворянам их случится послать людей своих в торг, то отпускать их с приставами, с детьми боярскими и стрельцами; беречь накрепко, чтоб к послам на двор никакие люди, иноземцы или русские, не приходили и не разговаривали с ними ничего.

А если какой-нибудь русский человек или иноземец станет к послам, или к дворянам, или к людям их приходить и разговаривать, то, поотпустив от посольского двора, велеть такого хватать и присылать в Посольский приказ, а на дворе у послов и у ворот не хватать, чтоб послам это было неизвестно и несомнительно. А которые дети боярские будут на посольском дворе, тем приказать, чтоб они с посольскими людьми многих речей не разговаривали; а станут послы о чем-нибудь их спрашивать, то отвечать, что они люди служилые и тех дел не ведают.

А как послам укажет государь быть у себя на дворе, то говорить им, чтоб они, послы, и дворяне, и посольские люди все, которые поедут к государю на двор, шпаги с себя сняли, а в шпагах бы отнюдь никто на государеве дворе не был. Да беречь, чтоб в то время, как послы поедут к государю на двор, никто ни о чем с посольскими людьми не говорил бы, а если станет кто говорить, то, отведчи его, схватить и прислать в Посольский приказ».

Упомянутые императорские послы, Аллегретти и Лорбах, жаловались царю на такие стеснения: «Не только немцам или каким-нибудь другим иностранцам не позволяют входить к нам в дом, но и слугам нашим запрещен выход из него: при дворе повелителя нашего с посланниками вашей царской светлости так не обходятся. Просим, чтоб с нами обходились соответственно тому уважению, какое питается к повелителю нашему. Мы уже били об этом челом, но на челобитье наше нет ответа; а нужды наши умножаются день от дня: теперь один из наших людей, знатного рода, при смерти болен; ему нужно лекарство телесное и душевное, почему просим, чтоб велено было допустить к нему доктора Артмана и польского ксендза».

Иностранные послы жаловались также на неудобства помещения. При въезде послов наказывалось: «Велеть по дороге грязь вычистить, а где без мосту быть нельзя, на тех местах намостить, чтоб к приезду послов дорога вся была чиста. В отведенном для послов доме велеть в палатах и хоромах печи

починить, а которых починить за худостью нельзя, то сделать вновь; окончины, столы и лавки велеть взять у хозяина дома и в том с ним расписаться». Распорядившись таким образом, в Посольском приказе думали, что все сделано для удобства помещения послов; но когда последние приезжали, то являлись новые требования: «В двух избах столов нет, дворецкому надобны стол большой да скамья; да в три избы малые три стола надобны; да у дворецкого горница каплет, и ту горницу велеть перекрыть; да отпустить к послам десять тарелок оловянных да 36 тарелок деревянных. А как послы поедут с Москвы, и то все велеть взять назад».

Но послы не были довольны столами и тарелками. Они говорили приставам: «Когда к нам ваши и из других государств послы приходят, то им отводят жилые дворы, где постели и одеяла изготовлены бывають стройные, скатерти и сосуды всякие, из чего пить и есть, также и поваренные сосуды, все готово. И они, послы, думали, что и в Москве им будет так же, не взяли с собой постелей и сосудов, и теперь им без этого обойтись нельзя». Пристав отвечал: «У нас того не повелось: сосуды всякие и постели послы возят с собой». Требования, предъявленные послами, не остались, однако, без следствий: так, после распорядились, чтоб в посольской квартире лавки и столы были обиты сукном и скамьи обиты сукном же червчатым.

Но что всего важнее, одними материальными улучшениями не удовлетворялись. В наказе, данном послам, отправлявшимся к императорскому двору, читаем: «Если цесареви думные люди или приставы станут спрашивать о государе, то отвечать: «Великий государь наш царь Алексей Михайлович в совершенном возрасте, двадцати пяти лет, а дородством и разумом и красотой лица украсил его Бог больше всех людей, и ко всем людям, к подданным своим и к иноземцам, его царское величество милостив и щедр, саны и почести дарует каждому по достоинству, и никто, увидав его царское пресветлое лицо, печален не отходит; наукам премудрым, философским и ратному рыцарскому строю его царское величество навычен». Это признание важности, необходимости наук премудрых и философских начало уже оказывать благотворное влияние: между послами и сановниками, управляющими Посольским приказом, начинают являться люди, достойные своего важного звания.

Сноски

¹ Pamietniki Albrychta Stanislawa X. Radziwilla. I, 301.

² Там же. С. 343.

³ Kochowskiego — Rocznikow polski klimakter IV, 30.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Книги разрядные, по официальным оных спискам, изд. II Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии, т. I, II и III.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. III.

Русское посольство в Польше в 1673—1677 годах, соч. А. Попова.

История русского раскола, известного под именем старообрядства, соч. Макария, епископа винницкого.

История Московской славяно-греко-латинской академии, соч. С. Смирнова.

Известный уже нам литовский канцлер Радзивил, жаловавшийся постоянно на грубость московских послов, удивился, когда приехал в Польшу послом от царя Алексея Михайловича дядя этого государя по матери, Стрешнев. «Такого разумного человека и политика я еще не видывал между москвичами»,— говорит Радзивил в своих Записках. Самые лестные отзывы оставили нам иностранцы о двух сановниках, управлявших Посольским приказом в царствование Алексея Михайловича,— Ордине-Нащокине и Матвееве.

Первый прославляется великим политиком, мудрым министром; деятельность этого боярина, сколько она нам известна по своим, русским источникам, оправдывает такой отзыв современника-иностранца. С одной стороны, прославился он во внешних сношениях со Швецией и Польшей; с другой—распоряжениями относительно торговли с Востоком: он понимал важность положения России между Европой и Азией и старался сделать ее средоточием торговли между этими двумя частями света; при этом первая мысль о необходимости флота принадлежит также Нащокину. При таком ясном обширном уме Нащокин должен был понимать, как большинство людей, употреблявшихся в дипломатических сношениях, мало соответствует своему важному назначению.

Посольский приказ, по мнению Нащокина, должен состоять из людей беспорочных и отборных, которые должны устремлять мысленные очи на государственные дела, на расширение государства от всех краев. По людям Посольского приказа судят о России в чужих государствах; от них честь или бесчестье Отечеству, и потому эти люди должны быть лучшие, беспорочные; и думные дьяки не должны мешать великих государственных дел с кружечными делами, должны быть осторожны, скромны в сношениях своих с иностранцами, не должны плодить с ними непригожих речей. Матвеев, несмотря на то что был соперником Нащокина, одинаково с последним понимал новые потребности государства, и никто из современников не содействовал так сильно введению лучших обычаев в московском обществе, как Матвеев.

В книге г-на Попова мы встречаем следующий отзыв об отношениях деятельности Ордина-Нащокина к деятельности Матвеева. «Уроженец псковский, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин

смотрел постоянно на север. Его молодость прошла в военной и дипломатической службе на границах шведских.

Облеченный полномочием царя, он действовал постоянно с одной целью — завоевать Ингерманландию и Карелию, удержать Кокенгаузен и приобрести порты для России в Балтийском море. Мысль Иоанна Грозного ревностно продолжал Ордин-Нащокин, хотя осуществить ее суждено было Петру Великому. Увлекаемый мыслью о балтийских портах, он, кажется, не замечал, что на юге России предостоят выгоды важнейшие. Заключенный им Андрусовский договор был одним из блистательных подвигов, но мысль из простого перемирия сделать вечный мир надолго оставила бы успехи России.

Андрусовский договор только на время присоединил к России Киев, столицу древней Руси; он раздробил Малороссию на три части: области по сию сторону Днепра присоединились к России, Заднепровье оставалось за Польшей, Запорожье явилось каким-то самостоятельным, полувисимым от России и Польши владением. Он послужил поводом к образованию трех враждебных между собой гетманств — русского, польского и турецкого, наводнявших кровью Украину.

Важную ошибку московской дипломатии вовремя заметила сама Малороссия; она негодовала на договор, не хотела уступать Киев Польше. Впрочем предупредил последствия ошибки представитель Малороссии в Москве окольный Артамон Сергеевич Матвеев, начальник в то время Малороссийского приказа. Так же незнатного происхождения, как и Нащокин, уроженец московский Матвеев провел всю молодость в военной и дипломатической службе в Малороссии и на границах польских. Он смотрел не на север, а на юг: присоединить всю Малороссию, завладеть всем течением Днепра, войти в Черное море — вот постоянная цель его действий».

Этот отзыв мы не можем признать правильным. Из него выходит, как будто бы Ордин-Нащокин с самого начала своей деятельности управлял Посольским приказом и давал направление внешней политике московского двора. Нащокин долгое время был чиновник, прикованный к одному посту, именно к Ливонии; сфера его деятельности была ограничена делами шведскими: он вел себя здесь превосходно, охраняя выгоды Московского государства, содействуя распространению границ его здесь, стремясь удержать завоеванные у шведов места. Понятно, что это была его обязанность, и честь принадлежит ему за то, что он исполнял эту обязанность как нельзя лучше, — и только!

С какой же стати приписывать Нащокину известное направление, тогда как он не имел никакой возможности, никакого права выбирать между направлениями и был только чиновником, поставленным от правительства на известный пост, с обязанностью

охранять здесь выгоды государства? Кончились столкновения со Швецией, понадобился Нащокин на другом месте, и он отправился заключать мир с Польшей; мир этот, или перемирие, был необходим, потому что государство было в крайнем истощении от долгой изнурительной войны; Нащокин и заключил его.

Г-н Попов называет сначала Андрусовский договор блистательным подвигом, а потом видит в нем важную ошибку московской дипломатии; как согласить это — не знаем; г-н Попов говорит, что Андрусовский договор только на время присоединил к России Киев, но известно, что после Андрусовского договора Киев не отходил более от России; условие о временном присоединении Киева было внесено в договор только из снисхождения к Польше, чтоб не делать договор для нее уж слишком тяжким. Г-н Попов говорит, что Андрусовский договор раздробил Малороссию на три части, но раздробил Малороссию не Андрусовский договор, а известные предшествовавшие обстоятельства; перемирие, заключенное в Андрусове, только оставляло дело так, как оно было, как оно сделалось.

Но если Ордина-Нащокина нельзя обвинять в том, что он, обратив все внимание свое на север, пренебрегал югом, ибо он не мог самовольно выбирать направление своей деятельности, то и Матвеева нельзя хвалить именно за то, что он обратил все свое внимание на юг, ибо и он не имел возможности выбирать направление, но влекся непреодолимой силой обстоятельств к одной стороне, где вследствие столкновений с Турцией сосредоточились главные интересы; что обстоятельства переменялись, что московские дипломаты должны были, оставя север, сосредоточить все внимание свое на юге, это всего яснее видно из перемены направления в деятельности Нащокина, который во второй период своей службы занимается южными отношениями, и Матвеев наследует только это направление.

Вельможа, управлявший Посольским приказом во время двоевластия, князь В. В. Голицын, шел по дороге, проложенной его предшественниками. По одним иностранным известиям, это был самый образованный вельможа при московском дворе; по другим, это был великий человек, сделавший очень много для славы и благоденствия народа: он хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей сделать людьми образованными, трусов — храбрыми, пастушеские хижины превратить в каменные палаты. «Прием, какой мне сделал Голицын, — говорит Нёвилль, — заставил меня подумать, что я при дворе какого-нибудь итальянского государя. Разговор, производившийся на латинском языке, касался всех современных европейских событий, особенно английской революции».

По старине, гостю подали всякого рода вин и водок, но хозяин, вместо того чтоб принуждать гостя угощаться,

обязательно советовал ему не пить. Дом Голицына, по свидетельству того же Нёвилля, был один из самых великолепных в Европе, украшен богатыми обоями, картинами; из подражания ему строилось в Москве множество каменных домов.

Но если таковы были начальники Посольского приказа во второй половине XVII века, то понятно, что между подчиненными их, между людьми, посылавшимися к иностранным дворам в качестве послов и резидентов, должны были находиться люди, усвоившие направление своих начальников. К числу таких людей принадлежал стольник Василий Михайлович Тяпкин, бывший резидентом при польском дворе в 1673—1677 годах. Что Тяпкин принадлежал к числу людей, хотевших удовлетворить новым потребностям общества, видно из того, что, привезши в Польшу сына своего, он отдал его в школу, где молодой человек выучился по-латыни и по-польски.

На прощание молодой Тяпкин говорил речь королю, о которой так сказано в Статейном списке: «Благодарил его величество за его государское жалование, за хлеб и соль и за науку школьную, которую употреблял, будучи в его государстве. И говорил речь по-латыни, довольно переплетаючи с польским языком, как тому обычай наук школьных надлежит. Так явственно и изобразительно орацию свою его королевскому величеству предложил, еже не в малом речении» и проч. Так молодой Тяпкин в польских школах приобрел обычай, который также чрез школу и посредством иностранцев укоренялся все более и более в Москве, обычай пестрить свой язык не только словами, но и целыми фразами из иностранных языков.

Этот обычай введен не Петром Великим; он вошел прежде него, вошел необходимо, потому что все соседние образованные народы ему следовали, хотя этот обычай, разумеется, свидетельствовал только о их полуобразованности; но народы не делают скачков, и прежде достижения образованности должны проходить чрез полуобразованность. Молодой Тяпкин смешивал польский язык с латинским: так писались в Польше обыкновенно серьезные сочинения в XVI, XVII и XVIII веках; Иоанн Собеский в переписке с женой точно так же перемешивал польский язык с французским, например: «*Vous me parlez des amities, des heredités, о чем тут у нас и не снилось. Те forgent de nouvelles semblables à plaisir, которых дела хорошо идут, которые хорошо едят и ни о чем другом не думают, как только о своих плезирах. У нас здесь довольно du chagrin, придавать нам ее еще не нужно.*»

Старый Тяпкин понимал новые потребности, понимал, что для чести России он не должен отставать от других резидентов, но средств у него к тому не было; как обыкновенно бывает в подобные эпохи, все делается только вполтину, старое сильно еще тянет назад; сочли за необходимое отправить в Польшу

резидента, а достаточного содержания ему не дали, скупались по-прежнему, рассчитывали каждую копейку.

Тяпкин писал в Москву, что при всех резидентах есть секретари из равных им братьев, которые в случае нужды могут исправлять их должность, а при нем никого нет; другие резиденты имеют возможность посылать своих гонцов, а он сам едва может прокармливаться. «Все резиденты,— писал Тяпкин,— персоны (портреты) своих государей поставляют на стене под балдахинами, зело изрядно украшенными, и под ними кресла посольские поставлены бывають, где он повинен заседать. А ежели гость от велелепных особ у посла бывает с посещением, то там гостя должны посадить. А которые бы послы и резиденты не имели своих государей персон, будучи в посольстве своем, и тем великий зазор приписуется». Повторяя просьбу о присылке портрета царя Феодора Алексеевича, прибавляет: «Воистину зело то честно и славно будет государеву имени».

По старому обычаю, в Москве привыкли, что послы содержались на счет тех государств, к которым были отправляемы, и потому резиденту Тяпкину давалось ничтожное сравнительно с его потребностями содержание; его главная обязанность состояла в том, чтоб доставать нужные для его двора известия, но для этого надобны были деньги. Тяпкин пишет: «Истину скажу и Богом свидетельствуюсь, что все эти известия дорого мне достаются, и я задолжал, покупая их, ибо мне не присылаются деньги никогда на такие потребные для государства дела, покупаю из своих убогих крох... Два года я на свои деньги нанимаю священника и одеваю и кормлю с собою, также и семь стрельцов, которые воистину обносились и ободрались платьишком и совершенно наги и босы».

Спустя несколько времени он уже уведомлял, что от скудости все стрельцы от него бежали, исключая двоих, которые больны. Из Львова он писал, просил жалованья, говоря, что не имеет возможности на свой счет ехать на коронацию, если поляки откажут ему в кормах и подводках: «Занять не добуду без заклада, а заложить отнюдь нечего: была одна ферезюшка соболья под золотом, та и доднесь у мещанина пропадает в Варшаве, а выкупить нечем. Великому государю как Бог известит, а мне стало здесь ей жить и питаться нечем. Лошадь одна лучшая была, на которой ездил во двор его королевского величества и к панству, и та в осадное время от смраду великого в городе заповетрилась и пала. Теперь и выбресть не на чем в люди, в таком знаменитом государстве будучи». Как обыкновенно также бывает в подобные эпохи, если являлись люди, понимавшие новые потребности и старавшиеся удовлетворять им, то таких людей было еще не много; подле них нужно было употреблять людей, имевших совершенно другие понятия и ставивших товарищей своих в очень затруднительное положение.

Так, например, во время пребывания Тяпкина в Польше приехал к королю царский гонец и был принят по старому обычаю, со всеми торжественными обрядами. Гонец явился пьяный и, кое-как исполнив все обряды посольские, в то время, когда уже должен был выйти из шатра, начал говорить витиеватую речь королю, в которой предлагал ему завоевать Адрианополь, Царьград, всю Турцию и поделиться добычей с царем. Под конец речи просил короля произвести в полковники одного из своих приставов, польского капитана. Удивленный король сказал при этом: «Ради Бога, чего он от меня требует и о чем говорит, я не понимаю!» В тот же день прислали к резиденту с просьбой объяснить речь гонца. Тяпкин отвечал, что он прислан в Польшу резидентом, а не переводчиком.

Тяпкин мог воспитать своего сына в польских школах, находясь долгое время резидентом в Польше; богатые вельможи московские могли выписывать к себе учителей оттуда же, как это и делали, например, князя Голицыны; наконец, Малороссия присоединенная и Белоруссия, находившаяся некоторое время под московской властью, могли также доставлять учителей, ибо в этих странах школьное образование распространено было прежде. Здесь этому распространению всего более содействовало враждебное движение со стороны католицизма, иезуитов, которые употребляли свои обширные ученые средства для ослабления соперничающего исповедания: «В таких обстоятельствах что оставалось делать православным? Училищам надобно было противопоставить училища, сочинениям — сочинения, а для этого нужны были люди ученые и, значит, опять нужны были училища»¹.

Самым замечательным из западнорусских ученых, явившихся при царе Алексее Михайловиче в Москву для удовлетворения возникшим здесь потребностям образования, был Симеон Полоцкий, которого царь определил наставником к сыну своему, царевичу Феодору. По преподаванию Полоцкого можем судить, как вообще эти ученые выходцы наставляли наших предков XVII века; вот отрывок из этого преподавания:

Вопрос: Что прежде бысть, грамота ли от ума состроена, или ум от грамоты состроен?

Ответ: От ума грамота состроена, понеже Бог созда человека по образу своему и по подобию. По образу, убо разумна чувства, а по подобию бессмертна душой. Бог, дав человеку разум, дает ему стяжати разумного ум да умом все совершает. Посему и грамота состроена от ума человеческого Божиим промыслом по многих летах от создания человеческого, а ум от грамоты прежде не состроен. Прещедрый Бог, егда человека сотвори, тогда и ум ему дарова. Но обаче грамотой собирается ум памяти ради. Не толико много разумных, елико простых. Разумен кто

без грамоты, разумен той и с грамотой. А неразумен без грамоты, скуден ума таковой. От грамоты — учение и память, а крепость — от ума.

Вопрос: Какова есть грамота и коль угодна или полезна?

Ответ: Такова есть грамота: не может ее минути ничтоже, еже есть в разуме, кроме тех, их же не леть человеку глаголати. А еже возможно глаголати человечески, то все грамотой известуется; понеже есть грамота от Бога талант неоскудеваемый. Грамота есть толь угодна: мудрость многа, учение богоблаженное; изяществу навикновение, невежеству искоренение: сим учением приходят человецы в страх Божий и в древнее свое достоиние первородие, обновление Божие благословения и сотворения.

Грамота есть внутреннее и внешнее сугубое разумение и всякого объятия умного, преданного от Бога человеческому роду. Грамота есть неведомых тайн откровение, неразумению разрешение, истине свобождение. Грамота есть бывших и минувших воспоминание; настоящим же и пребывающим предложение, разуму исправление, грядущим же, будущим и последним извещение и наказание и память превечная. Грамота есть самовластие умного, вольное разумение и разлучение добродетели и злобы. Добро творящим на разум и на благое пребывание; заблудшим от истины на исправление. Грамота есть обновление троежителству: первое духовному, любовному; второе душевному, дружелюбному, законному, воздержательному, подобному, то есть благонравному; третье плотскому, слабостному, неподобному».

Симеону Полоцкому обыкновенно приписывают грамоту об учреждении в Москве Славяно-греко-латинской академии. «Судя по содержанию этой грамоты, которой вводится такой обширный курс учения, по тем преимуществам, которые предоставлялись ученому сословию, по всей справедливости можно заключать, что при составлении грамоты руководствовались уставами западных университетов и академий. Представителем западного образования был у нас при царе Феодоре Алексеевиче наставник его иеромонах Симеон Полоцкий, учившийся в польских академиях и имевший большую силу при дворе. Его влиянием только и можно объяснить, что западные академии взяты были в пример при устройстве академии Московской; сочинителем грамоты, кроме него, признать некого» (История Москов. сл.-гр.-лат. акад., стр. 15).

Нет достаточных оснований отрицать, что грамота об учреждении Академии принадлежит Симеону Полоцкому, но мы желали бы, чтоб более было обращено внимания на дух, на цель учреждения, которые ясно высказываются в грамоте.

«В училище установляем блюстителя и учителей, благочестивых и от благочестивых родителей рожденных и воспитанных в православной христианской восточной вере. Они могут быть из

русских и из греков; греки допускаются только такие, которые будут иметь от православных патриархов свидетельства о их в восточной христианской вере крепком утверждении; кроме того, они и в России должны быть крепко свидетельствованы в вере, дабы кто-нибудь из них не сделал так же, как прежде Исидор-митрополит.

Новообращенным из римской веры, лютерской, кальвинской и иных ересей блюстителями и учителями не быть ради лучшего хранения нашей веры; ибо они привыкли злостростным образом, тайно, мало-помалу ереси свои в учеников вкоренять.

Если же приедут ученые люди из литовской страны или из Малой России, чтоб быть в нашем училище блюстителями и учителями, и станут говорить, что они благочестивы, от благочестивых родителей рождены и в православной вере воспитаны, таким не верить без подлинного об них известия и свидетельства достоверных благочестивых людей, если бы даже кто из них и писанием правду веры нашей восточной доказал, а неправды, на нее взводимые римлянами, лютерами, кальвинами и другими еретиками, обличил, ибо эти прелестники обыкновенно являются сначала совершенно благочестивыми и по благочестию ревнителями крепкими, а потом, когда получают доверенность, то и станут мало-помалу сеять слова, противные нашей вере, и непорочную целость ее терзать.

Блюститель и учителя должны целовать крест в крепком и ненарушимом содержании восточной православной христианской веры и в охранении и защищении ее от всяких других вер и ересей. По случаю нарушения клятвы учитель по вине да накажется и от чина своего учительского да извержется, а за хуление православной восточной веры без всякого милосердия да сожжется; если и покается, и тогда да накажется и от чина своего учительского да низвержется. Преподавание обнимает все не запрещенные церковью науки; не должно преподавать запрещенных наук, особенно магии естественной, и учителей подобных наук вместе с учениками сожигать. Никто не смеет держать домашних учителей иностранных языков, но пусть, если хочет, посылает детей своих в академию, в единое общее училище, ибо от домашних учителей, особенно иностранных и иноверных, может быть принесена противность нашей вере и разногласие.

Все ученые иностранцы, приезжающие в Россию, подвергаются испытанию в академии и только вследствие одобрения ее принимаются в службу; не получившие же одобрения изгоняются из государства. Академия должна блюсти за тем, чтоб в вере противностей, распрей и раздоров не являлось от противно православной вере мудрствующих. Блюститель должен доносить царю о таких противниках. Список именам всех новообращенных должен быть отдан блюстителю, который наблюдает за их пове-

дением; и если кто из них пошатнется в новом исповедании, таких ссылать в дальние города, на Терек и в Сибирь. И о том блюститель с учителями особенно должен стараться, чтоб всякого чина духовные и мирские люди волшебных чародейных, гадательных и всяких от церкви возбраняемых богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя не держали, по оным не действовали и других тому не учили.

Людам, не учившимся свободным наукам, не держать у себя польских, латинских и немецких, лютерских и кальвинских и прочих еретических книг и их не читать за неимением довольного рассуждения и ради в вере нашей усумнения, и нигде никому из этих еретических книг и их восточной нашей православной вере и церковным преданиям противных толкований, состязаний не иметь и подлогов не подлагать; потому что обычай есть престелникам такой подлог подлагать: говорят, что они затевают споры не ради в вере и церковных преданиях усумнения, но чином науководного состязания. И такие книги еретические сожигать или к блюстителю и учителям приносить. Если какой-нибудь иностранец или русский обличен будет в хуле на православную веру, то отдавать такого на суд блюстителю с учителями, и если обвинение окажется основательным, то преступник подвергается сожжению» и проч.

В этой грамоте останавливает нас не западное направление ее составителя, Симеона Полоцкого, не то, что новая академия устраивалась по образцу западных академий, но то, что Московская академия, подобно Киевской, возникла вследствие необходимости оборонять православие от противных учений, вследствие сознания, что против ученых противников можно действовать с успехом только научными же средствами. На академию смотрели как на крепость, которую хотели снабдить хорошим, испытанным гарнизоном; этот гарнизон — учителя со своим блюстителем — должен был стоять на страже православия; следить за иноверцами, за новообращенными, судить их по первому обвинению, также следить за книгами, запрещенными церковью; новые потребности требовали образования, изучения иностранных языков; для этого люди, наиболее сочувствовавшие новым потребностям, брали в дома к своим детям учителей иностранцев, иноверцев; это было опасно для православия, и вот учреждается общее училище, где учителя испытываются в благочестии. Эта осторожность, с какой допускались учителя в новую академию, требования верных свидетельств в православии показывают нам ясно, какой интерес стоял на первом плане при учреждении Московской академии.

Между прочим, как любопытная черта времени останавливает нас в приведенной грамоте запрещение, чтоб никто — ни духовные, ни мирские люди — не держали у себя волшебных книг

и по тем не действовали. Верования в силу чародейства были тогда общими во всей Европе: в Германии в описываемое время и позже процессы ведьм были делом обыкновенным; в царствование Людовика XIII вся Франция была встревожена известием, что в одном монастыре священник сделал бесноватыми всех монахинь.

Ближе к нам, в Польше, господствовали те же верования, что всего лучше видно из известных уже нам записок канцлера Радзивила. Так, например, описывая страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, Радзивил говорит, что при этом выходили из облака маленькие черные люди и кричали: «Бей! Убивай!» «Думаю,—говорит Радзивил,—что эту бурю произвели ведьмы». При описании другой бури, бывшей в июне того же года, он говорит, что в вихре видели страшного медведя. После этого мы не удивимся, что образованнейший вельможа московский, князь В. В. Голицын, верил в возможность порчи: в 1689 году в Земском приказе пытан Иван Петров, сын Бунаков, по челобитью боярина князя В. В. Голицына, для того что он вынимал у него, князя Василия, след.

Но если русская церковь признала, что наука необходима для охранения чистоты ее учения, если это признание высказывалось ясно и в XV веке, в послании Геннадия Новгородского, и в XVI веке, в «Стоглаве», и, наконец, так решительно высказалось в XVII веке, в учреждении Славяно-греко-латинской академии, то понятно, что церковь же первая должна была выдержать сильную борьбу с людьми, которые считали незаконным всякое движение, особенно в сфере религиозной, не понимая, что движение совершается с целью возвращения к первоначальной чистоте.

Религиозный интерес в древней России был исключительно духовным интересом, но при недостатке просвещения и здесь у большинства форма, плоть, брала верх над духом, не умели отличить существенного от несущественного; и то несущественное, которое было, однако, близко, ежедневно становилось существенным, предметом первой важности. Просвещенный греко-римский мир при появлении и утверждении христианства обращал внимание на главные, существенные предметы нового учения, следствием чего было постепенное решение вопросов, постепенное утверждение догматов на вселенских соборах; но какие вопросы занимали древних русских людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопрос о том, какую пищу употреблять в известные праздники, если они придутся в постные дни, вопрос, возобновлявшийся с одинаковой силой и на юге, и на севере.

В первой четверти XV века в Псковской области возник вопрос о том, двойть или тройть аллилуйю в припеве «Аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа, слава тебе, Боже!», и в половине XVI века

клирик Василий, написавший Житие св. Евфросина Псковского, старался показать, что только «сугубое аллилу» правильно. При Иоанне III правительство церковное и гражданское сильно занимал вопрос о том, как ходить во время освящения церковей — по солнцу или против солнца?

Неправильному, по мнению некоторых, решению этого вопроса приписывались общественные бедствия. Кто-то придумал, что полагать крестное знамение надобно не тремя перстами, а двумя, как благословляют священники, и, чтоб придать важность этому мнению, приписал его блаженному Феодориту, отцу церкви V века.

Интерес религиозный был силен; человек грамотный и чувствовавший потребность в умственной пище должен был обращаться исключительно к предметам религиозным, к книгам церковным, останавливался на некоторых местах, начинал объяснять себе их; но как мог он их себе объяснить при отсутствии просвещения? у кого мог найти руководство, исправление в случае ошибочности своих мнений? У людей вроде тех, на которых жаловался новгородский архиепископ Геннадий во второй половине XV века: «Вот приводят ко мне мужика: я приказываю ему читать «Апостол», а он и ступить не умеет; приказываю дать ему «Псалтирь», а он и по той едва бредет. Я отказываю ему, и на меня жалобы: «Земля такова; не можем добыть человека, который бы грамоте умел»», и проч. Легко было появляться учителям, толковникам-самозванцам, ибо кто мог проверить законность их звания?

Стоило только быть грамотным, начетчиком, говоруном, чтоб приобрести авторитет непререкаемый среди людей безграмотных или мало читавших. Часто такой грамотей говорит нелепо, темно, но говорит он о вещах высоких, внушающих всеобщее благоговение, беспрестанно приводит слова Священного писания, отцов церкви; чем непонятнее, темнее говорил он, тем больше возбуждалось к нему уважение: это называлось говорить высоко.

Иногда такой мудрец не ограничивался одними устными беседами, составлял какое-нибудь сочинение, и сочинение это удостоивалось такого же почетного приема, особенно если сам автор или переписчик подписывал на нем имя знаменитого отца церкви. Если теперь говорится о некоторых людях, что они верят всему печатному, то в описываемое время верили решительно всему писаному; объяснить себе такое состояние общества легко.

Но вред для церкви, от недостатка просвещения происходивший, не ограничивался тем, что распространялись устно и письменно ложные мнения и приписывались древним писателям церкви: ошибки вносились в самые книги священные и богослужебные от невежества переписчиков. Ошибки эти были ненамеренные

и намеренные: первые происходили, когда переписчик или не умел разобрать слова в списываемой рукописи, или описывался; вторые, когда переписчик намеренно изменял слова или речения в угоду наперед составленному мнению или предполагая, что в списываемой рукописи ошибка, что его обязанность исправить ее по своему разумению.

Уже митрополит Киприан жаловался на искажение книг церковных; в первой половине XVI века вызван был из Афонской горы ученый инок, Максим Грек, для их исправления. Максим действительно оказал услуги в деле исправления книг и в борьбе с суевериями, но успеху дела мешало, во-первых, недостаточное знакомство исправителя с языком славяноцерковным, во-вторых, отношения политические, навлекшие на него гнев великого князя Василия и митрополита Даниила.

Исправитель был заточен, дело исправления рушилось, и в каком жалком положении находилась в это время наша церковная литература, видно всего лучше из того, что в проповедях главного пастыря церкви, митрополита Даниила, встречаем ложнофедоритовское мнение о двуперстном сложении. На Соборе 1551 года царь Иоанн опять поднял вопрос об исправлении книг. Вопрос поднять было нетрудно, необходимость меры сильно чувствовалась всеми лучшими людьми; но как было приступить к делу? Кто мог взять на себя надзор над ним?

Неудивительно после того, что между правилами Собора 1551 года замешались положения о сугубой аллилуйе, о двуперстном сложении, о том, что не должно брить бород и стричь усов, приводится мнимое правило пятого Вселенского собора (после которого не осталось ни одного правила), заповедь о милосердии основывается на мнимых словах праведного Еноха, приводится новая заповедь: пять дней в неделе дела делать, а два — субботу и воскресенье праздновать — и утверждается на мнимом правиле апостолов Петра и Павла.

Относительно этих правил, известных под именем «Стоглава», писатели церковной истории остановились на следующем мнении: «Эта книга, по всей вероятности, содержит в себе черновые записки о деяниях и Уложении московского Собора, бывшего в 1551 году; но записки, частью измененные, частью дополненные и вообще приведенные в настоящий свой вид уже после 1554 года лицом неизвестным, хотя, быть может, и присутствовавшим на соборе. Некоторые из постановлений, изложенных в «Стоглавнике», были действительно утверждены и изданы самим собором, только в новом исправленном виде; другие, к числу которых относятся и статьи о крестном знамении и о сугубой аллилуйе, не были изданы и действующими в нашей церкви, следовательно, и не должны быть вменяемы собору. Книга эта, как видно, составлена одним из самых жарких ревнителей раскольниковских

мнений, который, прикрывая себя именем собора, хотел возвести некоторые из них на степень догматов и оградить анафемой, но только весьма неразумно и неосновательно».

Так в XVI веке слагались мнения, на которых в XVII веке утвердился раскол. Вскоре после Стоглавого собора явилось в Москве книгопечатание, посредством которого искажения и ложные мнения распространились еще более, потому что вначале по недостатку знания не умели выбирать лучших текстов, и потом, когда сочли необходимым выбирать и исправлять текст, исправителями, также по недостатку просвещения, назначались люди, способные только еще более испортить дело.

Первые книги, напечатанные при митрополитах Макарии, Афанасии и Кирилле, изданы были частными лицами только по приказанию царя Иоанна IV, и ниоткуда не видно, чтоб книги эти до напечатания были исправлены по каким-либо спискам греческим или славянским или печатались под надзором самих митрополитов.

При первых патриархах, Иове и Гермогене, книги печатались частными же лицами, иногда с ведома патриархов, иногда без ведома; о некоторых книгах, напечатанных в то время, известно, что они были свидетельствованы при печатании или самими патриархами, или людьми, от них избранными; но это свидетельство, по всем вероятностям, состояло в сличении печатного текста с избранным рукописным подлинником.

В первый раз необходимость исправления книг пред напечатанием не только по славянским спискам, но и по греческим была признана по окончании Смутного времени в царствование Михаила Феодоровича, в 1617 году; исправление Требника было поручено троицкому архимандриту Дионисию, вместе с некоторыми старцами его монастыря и одним белым священником; из этих исправителей старец Арсений Глухой знал греческий язык.

Полтора года трудились исправители и удостоились чести быть мучениками знания: когда они явились в Москву в исправленным Требником, то их огласили еретиками, подвергли истязаниям и поруганиям, заключили в оковы и почти всех разослали в заточение по монастырям; только по прошествии года по настоянию иерусалимского патриарха Феофана дело их подверглось соборному рассмотрению и они были освобождены.

Печатание других книг продолжалось с меньшей исправностью, ибо новые исправители не имели тех достоинств, какие были у исправителей Требника; особенно издание книг подверглось произволу невежественных исправителей при патриархе Иосифе, вследствие чего к концу первой половины XVII века раскольнические мнения достигли у нас высшей степени успеха. Будучи внесены в печатные богослужебные и учительские книги, которые предки наши называли вообще богодухновенным или

божественным писанием, и распространившись в тысячах экземплярах печатных книг по всем концам России, мнения эти огласились теперь всюду и были принимаемы верующими с уважением, как святыня.

В особенности поразителен был успех мнения о двоеперстии, самого главного из раскольнических мнений, которое всего ревностнее старались распространить справщики книг при патриархе Иосифе. Они внесли наставление о двоеперстии в пять различных книг, наиболее употребительных или важных (Псалтырь следованную, Псалтырь учебную, Катехизис малый, книгу о вере и книгу Кириллову), из которых каждую издали в числе тысячи двухсот экземпляров, и едва прошло несколько лет, как двоеперстие сделалось господствующим во всей России.

Все люди молодые, учившиеся грамоте и закону Божию по означенным книгам, все люди книжные, любившие читать их, и пастыри церкви, руководствовавшиеся ими в отправлении священнодействия и в своих наставлениях народу, начали креститься двумя перстами. Сам патриарх Иосиф крестился двумя перстами. Сам Никон, сперва митрополит Новгородский и потом Всероссийский патриарх, крестился точно так же и в оправдание себя ссылался именно на печатанные книги, незадолго пред тем изданные. Одни только люди престарелые да многие из людей простых и неграмотных не хотели принять нововведения и твердо держались древнего обычая знаменаться тремя перстами.

Из такого положения русская церковь была выведена стараниями святителей греческой церкви, которые, приезжая в Москву, указывали на отступление русских людей от обычаев православной церкви, требовали исправления книг, требовали заведения училищ, ибо ясно видели, что все дело происходит от отсутствия просвещения.

Следствием их внушений было знаменитое никоновское исправление книг, поведшее к полному обнаружению раскола, история которого показывает ясно, что отсутствие просвещения не спасает от движения мысли, и движения необходимо неправильного, не спасает от дерзости нововводителей. Тяжелым опытом создала это Россия в XVII веке, и потому «Духовный Регламент» имел полное право сказать в XVIII в.: «Дурно многие говорят, что учение виновное есть ересей; наши русские раскольщики не от грубости ли и невежества толь жестоко возбесновались? И если посмотрим чрез историю, яко чрез зрительные трубки, на мимошедшие века, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением, временах».

Сноска

¹ «История Киевской Академии», стр 9

ОСТРОЖКОВСКИЕ И ПОДМОСКОВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ *

В 1613 году очищением Москвы от поляков, избранием царя Михаила окончивалась великая, решительная борьба, от которой зависела вся последующая судьба Восточной Европы. С одной стороны — Московское государство, пораженное страшными бедствиями и несокрушенное, умевшее защититься от врагов внутренних и внешних внутренними нравственными средствами; с другой — Польша, не могшая воспользоваться самыми благоприятными обстоятельствами для утверждения своего могущества, первенства в Восточной Европе, показывали ясно, в чьих руках будет находиться с тех пор судьба последней.

Великая борьба окончилась; но надобно было скрепить ее результаты взаимным торжественным признанием их обеими борющимися сторонами; и здесь-то предстояла величайшая трудность: чрезвычайно трудно было для Польши признать, что влияние ее на московские дела кончилось, признать самостоятельность, могущество этой страшной Москвы, выразившиеся в свободном избрании своего царя.

Надежды Польши упрочить навсегда влияние свое над Москвой были так велики, так были близки к осуществлению, что отказаться от них было очень тяжело; по крайней мере хотели за этот отказ богатых вознаграждений; но могла ли Москва легко согласиться дать эти вознаграждения? Сюда присоединилось еще личное раздражение: переговоры велись людьми, которые принимали деятельное участие в последних событиях, были оскорбителями или оскорбленными.

При таких-то условиях, мало обещавших успеха делу, в конце 1615 года между Смоленском и Острожками начались переговоры между великими послами с русской и польской стороны. Русскими послами были боярин князь Иван Михайлович Воротынский, боярин князь Алексей Сицкий, окольный Артемий Измайлов. Князь Воротынский был в это время при новом московском дворе одним из последних представителей тех князей и бояр, которые, несмотря на опалы Грозного, сохраняли свое первенствующее положение и остались верны старым родовым преданиям; бури Смутного времени подломили эти последние столпы старого московского боярства: Шуйские, князь Василий (бывший царь) и князь Дмитрий Ивановичи, умерли, третий брат, князь Иван Иванович, оставался в Польше, в плену; князь Василий Васильевич Голицын также в плену польском; князь Андрей Васильевич Голицын, не уступавший брату в силе духа, погиб в Москве от поляков. Оставался князь Иван Воротынский.

* Отечественные записки 1857 Т 105 № 11

Этот боярин в событиях Смутного времени до самого конца не отличался большими способностями и энергией, которые могли бы дать ему видное место; но когда королевич Владислав был провозглашен царем и когда, по удалении Жолкевского из Москвы, Гонсевский окружил себя людьми низкого происхождения, боярские убеждения заговорили в Воротынском; он вместе с князем Андреем Голицыным высказался против поляков, за что оба были посажены под стражу.

Голицын погиб, как мы видели; но Воротынский спасся и теперь, как знатнейший из старых бояр, знавший хорошо последние события и не запятнавший себя, подобно Мстиславскому и другим, слабостью и потворством королевским замыслам, был отправлен в челе великих послов для заключения мира. Со стороны польской уполномоченными, или комиссарами, были: киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Хоткевич и знаменитые по московским событиям канцлер литовский Лев Сапега и Александр Гонсевский; посредником был посол императорский Еразм Гайделиус.

Так как польские уполномоченные должны были прежде всего требовать, чтоб присяга, данная в Москве Владиславу, была сохранена, то московские уполномоченные должны были прежде всего показать, что дело порушено поведением короля Сигизмунда, который хотел московского престола для себя, а не для сына. Исчисление неправд королевских уполномоченные должны были начать с начала, то есть с тех пор, как польское правительство завело смуту в Московском государстве, признав самозванца законным царевичем и помогши ему вступить в Россию.

В прежних сношениях паны выставляли на вид, что еще при жизни первого самозванца князь Василий Иванович Шуйский с братьями и многими боярами били челом королю, чтоб он их от Расстриги оборонил и дал в цари сына своего. Воротынский по данному ему наказу должен был отвечать на это: «Я, князь Иван Михайлович, в то время был в своей братьи, в боярах, честен, и любил меня мои братья бояре все, Шуйские были мне друзья и ни в чем от меня не скрывались. Вы это теперь говорите потому, что князя Василия Ивановича Шуйского с братьями нет, а на мертвых все можно затеять. А мы, бояре, этого не дельвали, и в разуме нашем этого не бывало».

Если паны прямо укажут, что бояре наказывали об этом королю с Иваном Безобразовым да с Михайлой Толочановым, то отвечать: «Иван Безобразов да Михайла Толочанов из русских людей были Расстриге первые друзья и верники: как Расстрига пришел в Монастыревский, то еще тогда Михайла Толочанов сделался у него верником, за его измену царь Борис жену и детей его разослал по городам, по тюрьмам. А Иван Безобразов сделался близок к Расстриге по воре Федьке Андронове, и как

Расстригу убили, то он с Москвы сбежал и в Тушине у вора был: так как можно было с такими людьми приказывать к королю о таком деле!» Если Александр Гонсевский скажет, что после Расстригина убийства был он у князя Дмитрия Шуйского и просил бояр не забывать, о чем приказывали к королю, и князь Дмитрий не запирался, то отвечать: «Князя Дмитрия теперь нет: что захочешь, то на него и затеешь».

Потом Воротынский должен был говорить о поведении Гонсевского и поляков в Москве: «Немногие тогда наши братья бояре жили на своих дворах; многих бояр и боярских жен с дворов послали, стали жить на них польские и литовские люди, именем и запасами их завладели. Когда гетман Жолкевский пошел под Смоленск, то ты, Александр Гонсевский, стал жить на дворе царя Бориса, Михайла Салтыков, мимо своего дворишка, стал жить на дворе Ивана Васильевича Годунова, Федька Андронов — на дворе благовещенского протопопа, а на дворе благовещенских протопопов никогда никто не ставал и не жывал.

Меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да князя Александра Засекина отдали за приставов; по всем воротам поставили сторожей своих; решетки у улиц посломали, московским людям с саблей не только при бедре, но и кушчам с продажными саблями, плотникам с топорами ходить и ножи при бедре носить никому не велели, дров мелких крестьянам на продажу привозить не давали, жен и дочерей брали на блуд, по вечерам побивали всяких людей, кто идет улицей из двора во двор, к заутрене не только мирским простым людям, но и священникам ходить не давали. Федьке Андронову велел государь ваш быть казначеем и думным дворянином, Степану Соловецкому в Нижегородской четверти думным дьяком, Ваське Юркову у денежных сборов, Евдокиму Витовтову в разряде думным первым дьяком, Ивану Грамотину печатником, посольским и поместным дьяком, в Большом приходе князю Федору Мещерскому, в Пушкинском приказе князю Юрию Хворостинину, в Панском приказе ведомому вору Михалке Молчанову, в Казанском дворце Ивану Салтыкову. А ты, Александр Гонсевский, по королевской же грамоте сделался по имени боярином в Стрелецком приказе. Видел ты сам, какую беду мы, бояре, от твоих советников, от худых людей, от Федьки Андропова с товарищами, терпели, никто нас при прежних государях так не бесчестил, как этот детина, и ты ему все позволял; если б не ты, то ему как было и помыслить, чтоб против нас говорить и нас бесчестить? Разоренье Московскому государству сделалось от государя вашего и от вас, мститель за то будет вам, женам вашим и детям Бог — сами увидите; сам себя государя вашего сын от Московского государства отженул многими своими неправдами и кроворазлитием. Как приходил с войском ты, гетман Карл Хоткевич,

то ты, Александр Гонсевский, нам всем говорил, чтоб нам быть под королевской рукой; изменников князя Юрия Трубецкого, Ивана Грамотина, Василия Якова затем к нам присылал».

Если паны скажут, что бояре сами присылали к королю, давали ему знать, что от вора (Лжедмитрия Тушинского) в Москве смута: присылал вор в Москву попа Харитона с грамотами; и с воров из Москвы ссылались; бояре сами разыскивали дело, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича Воротынского, да до князей Андрея Голицына и Засекина, и за то бояре сами велели их стеречь, и если скажут паны, что в вас, больших людях, была измена, то королю как было своего сына на государство дать? И станут паны класть боярские грамоты, как о том деле писали, то Воротынскому отвечать:

«На меня, князя Ивана с товарищами, затеяли вы и вора-попа научили, а бояре — что вы им велели, то они и делали. От вас большая смута, и ссора, и кроворазлитие. Если б государь ваш положился тогда на нас, природных бояр, а тебя, Александра Гонсевского, в уряд и изменников-воров в приказы не присылал, худых людей, то ничего бы худого и не было, было бы все доброе. Видали мы и от прежних государей себе опалы, но во всем государстве управление всякое лежало на нас, а худыми людьми нас не бесчестили и части нашей природной не отнимали, а когда мы избрали на государство вашего королевича, то он еще и не приезжал, а у нас у всех честь отнял, прислал тебя, велел тебе государственные и земские дела всякие ведать в таком великом государстве, а у своего государя он и до сих пор в раде не бывал; а с тобою прислал Московского государства изменников, самых худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских, а надавал им окольников, казначейство, думное дьячество, не было в худых людях никого, кого б от государя вашего думным не звали: кто дает Льву Сапеге пару соболей, тот дьяк думный, а кто сорок, тот боярин и окольниковый. Такой мы от государя вашего чести дожили, потому так и случилось».

Если скажут, что еще в бытность гетмана Жолкевского в Москве Василий Бутурлин посылан был от бояр в Рязань, там с Прокофьем Ляпуновым сговорился и Ляпунов под столицу начал подступать, а Василий Бутурлин воротился назад в Москву, пехоту немецкую уговаривал королю изменить, о чем сам у пытки сказал, — отвечать: «Если Василий Бутурлин какое дурно и помыслил с молодости, то бояре сами велели его пытать, и Василий с пытки на себя ни в какихмышлениях не говорил, а приезжал к нему от Прокофья Ляпунова человек спрашивать о том, что на Москве делается».

Воротынский должен был также выговорить Гонсевскому расхищение казны царской:

«Ты, Александр, с советником своим, с торговым детиною Федькою Андроновым, с казначеем государя своего, походили

в казне наших государей и царские сокровища осмотрели, и тебя взяла зависть, отроду того не видывал; писал ты об этом к государю своему и к приятелю Льву Сапеге, захотели вы царскую казну у себя видеть: от этого все зло приключилось; и в летописях об этом будем писать для будущих родов».

Если станут говорить, что королю московской казны ничего не досталось, отвечать: «Как вам, панам, не стыдно! Ты, Александр, с Федькою Андроновым лучшее выбирали и к королю посылали, а иначе ночью к тебе возили. Для прилики велели вы казну переписывать боярам, и как бояре запечатают и придут опять в казну, а печатей боярских нет, печать Федьки Андропова. Федьке о том говаривано от нас, бояр, много; и он сказывал, что велел распечатать ты, Александр Гонсевский».

Воротынский должен был показать список вещам, которые отосланы были к королю, и сказать: «Об этом известно, но этого немного, а большее изорочье и лучше этого из казны взято и послано к королю тайно, а другое ты себе брал и приятелям своим посылал». Если будут говорить, что король не хотел брать Москвы себе, а хотел послать сына, то уличать грамотами, писанными к князю Ивану Куракину, Михайле Салтыкову и к Андронову. Если Гонсевский будет говорить, что он владел в Москве польскими людьми, а до московской управы ему и дела не было; когда же он, бывало, пойдет вверх к боярам поговорить о каких-нибудь делах, то ему на дороге русские люди подавали много челобитен; он эти челобитные брал и приносил к боярам, и по тем челобитным делали и указывали все бояре, а подписывали челобитные русские дьяки, грамоты к королю писали бояре же, а он этих грамот не переделывал,—отвечать: «Пан Александр! Дело вот как было: к боярам ты ходил, челобитные приносил; придешь, сядешь, бывало, а возле себя посадишь своих советников: Михайлу Салтыкова, князя Василья Масальского, Федьку Андропова, Ивана Грамотина, а мы, бояре, того и не слышим, что ты с своими советниками говоришь и приговариваешь, и что велишь по которой челобитной сделать, так и делают, а подписывают челобитья твои же советники, дьяк Иван Грамотин, Евдоким Витовтов, Иван Чичерин, да из торговых мужиков Степан Соловецкий; а старых дьяков ты всех отогнал прочь.

А уж всем боярам была смерть, что к тому недостойный торговый детина Федька Андронов придет и сядет с нами, с Милославским, да со мною, Воротынским, и с другими нашими братьями вместе, и нам указывал, и мимо нас распоряжался: Бог видит сердца наши, в то время мы все живы не были. А грамоты от бояр все писались по твоей воле; бояре у вас были точно в плену: велят руки прикладывать, и они прикладывают». Если паны скажут, что сами бояре казну прежних

государей продавали, сосуды серебряные переливали в деньги и раздавали их польским и литовским людям, которые стояли в Москве, для их обереганья от вора, и станут класть боярскую грамоту о том, которая была послана с Иваном Безобразовым 19 января, то отвечать: «Бояре были в казне невольны: владел всей казной Андронов и над ним Гонсевский и продавали казну, мягкую рухлядь и платье, приговаривали — быть у продажи боярам и дьякам, но они лишь только сидели да смотрели».

Наказ заключился словами: «Говорить несердито, выговаривать гладко и не ожесточить, чтоб жестокими словами не разорвать с ними». Но это предписание очень трудно было исполнить, если в точности надобно было исполнить первые предписания наказа. Так, когда послы, следуя наказу, начали дело тем, что стали вычитать многие неправды Сигизмунда-короля, то польские послы начали сердиться и говорить с великим шумом, что им за позор государя своего стоять и биться. Этим первый съезд и кончился. Во второй съезд киевский бискуп говорил речь из бытий и из хроник польских о клятвопреступлении при прежних израильских и римских царях, приводя к тому, что московские послы на первом съезде вычитали многие королевские неправды. Потом польские послы велели Яну Гридичу говорить речь по письму, и Ян Гридич говорил по тетради длинную речь о Расстриге, оправдывая государя своего короля; потом говорил речь по письму же Александр Гонсевский, вычитал неправды царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, что они сносились с иностранными государствами на короля. Московские послы опровергали все эти обвинения, причем против королевского имени не вставали и шапок не снимали. Этим кончился второй съезд.

Между тем князь Воротынский и товарищи его несколько раз виделись с посредником, императорским послом Гайделиусом, который говорил с ними на старом славянском языке без толмача. Гайделиус, как видно из его слов, понимал все грудности дела, он говорил: «Вы называете своего государя, а польские послы называют государем вашим своего королевича, и у одного государства стало два государя! Тут между вами огонь и вода: чем воду с огнем помирить?» Дворяне московского посольства проводывали у дворян австрийского, на чем поляки хотят мириться? Те отвечали: «Литва вам зло мыслит, мириться вам с ними вот чем!» (указывали на самопал).

На этом основании Воротынский писал в Москву, что Гайделиус доброхотает королю, и в ответ получил грамоту: «К цесареву послу сами ни о чем не посылайте говорить, и на съезде сами ему ни о чем не говорите, ни в чем на него не ссылайтесь и не полагайтесь, но во всем его остерегайтесь и ни в чем ему не верьте». Несмотря на то, когда Гайделиус прислал

сказать Воротынскому, что хочет с ним видеться, то послы приняли его у себя в остроге и улаживали с ним, как им съезжаться с польскими послами опять.

По обычаю, они отписали и об этом подробно в Москву и получили в ответ такую грамоту: «Мы тому подивились, каким обычаем вы так делаете? Сами к нам писали, что цесарев посол доброхотает королю да и по всему, по приезду его, и по листам, которые он писал к боярам и к вам, и по разговору его с вами, видно, что он доброхотает королю, а вы его пустили в острог, и все ему показали, и писать дали; но известное дело, что он писал не о том только, как вам с польскими послами съезжаться, а писал, что высмотрел и приметил в остроге. И вы бы вперед цесарева посла в острог не пускали и о съезде его не задирали, да и ни о чем не задирали бы, к его словам говорили бы только смотря по делу, и не жестоко, гладко, чтоб его не ожесточить».

На третьем съезде (29 ноября) Ян Гридич опять говорил речь по тетради мало не до самого вечера. В речи писано много и пространно о клятвопреступлении, писано из польских и литовских хроник, приведены многие притчи и философские науки — все для оправдания короля и для того, чтоб московские люди взяли королевича на государство. «А мы (доносят послы в Москву) их речей слушать не хотели, говорили им с бранью и с шумом, что нам этого слушать и им говорить не пригоже, потому что это значит восхищать суд Божий на себя, то дело минувшее». Литовские послы говорили также с шумом: «Мы ваши речи у всех у вас слушали порознь, и вы если не станете наших речей слушать, то нам и съезжаться нечего; как выслушаете наши речи, тогда и будете говорить».

Польские послы хотели дать московским послам тетрадь, по которой говорил Гридич, но те тетради не взяли, потому что в ней написаны многие непригожие слова про государя для того, чтоб королевича привести к Московскому государству. Воротынский оканчивает свое донесение в Москву так: «Стояв, государь, с ними за твое государское имя накрепко и отказав им, что вперед от них о королевиче и слушать не хотим, потом разъехались». Присланная им в ответ государева грамота говорила: «Вы сделали хорошо, что за наше государское имя стояли и письменных у них речей не взяли; и вы бы делали, как вас Бог вразумит, смотря по их речам».

На четвертом съезде (1 декабря) московские послы письменно отвечали на те речи польских послов, которые прочитаны им были на предыдущем съезде. В ответе своем киевский бискуп оправдывал во всем Гонсевского и говорил, что Гонсевский пан радный и человек честный и про такого человека говорить дурно не надобно. Воротынский возражал: «Знали мы Александра тогда, когда он в Москве со Львом Сапегой был в подьячих (при

Борисе Годунове), а теперь он у государя вашего честь выслужил бездушеством и московским разореньем; а если б не это, то он по-прежнему был бы в подьячих».

Это было сказано в присутствии самого Гонсевского, который отвечал сердитыми, укорительными, непригожими речами; а Христоф Радзивил говорил, что королевичу целовали крест все и теперь королевич на Московское государство готов; и если его на государство не возьмут, то они, паны, за его позор готовы все головы свои положить сейчас. Московские послы отвечали им в брань, что никаких речей о том слышать не хотят. Гонсевский ставил себе в оправдание и в похвалу, что он, будучи в Московском государстве, царскую казну брал и к королю и к королевичу отсылал. «Если все ваши люди (говорил он послам) королевичу крест целовали, то вы все и казна были его: как хотели, так и владели; а когда московские люди начали королевичу изменять, то я против них стоял и этим государю своему честь сделал, а себе похвалу».

Все польские послы стояли за Гонсевского и разъехались в больших сердцах; Гонсевский на разъезде кричал Воротынскому: «Либо из своего горла кровь источу, либо, пришед под Москву, столицу вашу подпалю». Воротынский отвечал ему: «По милости Божией поспеешь и ты туда же, где советник твой, Федька Андронов».

Между тем в Москву приходили вести, что Польша находится в затруднительном положении, что турки на нее напали, что шляхта негодует на короля за дела московские, не хочет ему помогать, и вследствие этих слухов царь писал Воротынскому: «Если польские послы станут с вами говорить шумно и сердито, то и вы с ними говорите, смотря по их речам, смело же и сердито, смотря по тамошнему делу. А если литовские послы станут с вами говорить пословно, то и вы говорите с ними гладко и пословно».

После четвертого шумного съезда Воротынский виделся с Гайделиусом, который объявил ему, что император велит ему ехать назад, и потом спрашивал, почему русские послы не съезжаются с литовскими. Воротынский отвечал: «Вина на стороне литовских послов, которые толкуют все о королевиче. Во всех государствах ведется, что обирают на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у нас при королевиче конечное разоренье учинилось».

Гайделиус: За такими речами, надобно думать, никакого покоя не будет; литовским послам за королевича своего стоять; но если вы перестанете называть своего государя, то и литовские послы перестанут говорить о своем королевиче.

Воротынский: Нам об этом и помыслить нельзя; литовские послы вперед о королевиче говорить не перестанут, и нам с ними никакого доброго дела не дельвать.

Гайделюс: Можно сделать так, что, оставя с обеих сторон государские имена, мириться земле с землей.

Воротынский: Так делается в безгосударное время, а нам Бог дал государя; у нас земля не своевольная, без государева повеленья ничего не делается.

Гайделюс: Целовали вы крест королевичу, а теперь его государем принять не хотите, так вам чем его успокоить и на чем ему прожить?

Воротынский: У нас про то давно отказано, и вперед о том говорить и слушать не хотим; в Московском государстве королевичу нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось.

Гайделюс: Слышал я это от литовских послов, что они о королевиче вперед говорить не станут, а хотят говорить о том, как бы успокоить государство; но королевича надобно наделить за то, что он от государства Московского отступится.

Воротынский: Королевичу отказано, и наделу ему у нас никакого нет; это значит говорить через суд Божий: Бог того не похотел, что ему нами владеть и государем быть, а нам чрез волю Божию как то делать? И за то ли его наделять, что он Московское государство разорил, выжег и кровь христианскую многую пролил? Великому государю царю Михаилу Федоровичу Московское государство поручил Бог от прародителей, и ему за то никого не отдаривать и через волю Божию ни у кого не выкупать царство, дар Божий.

Гайделюс: Надобно мириться земле с землей, не называя государя. У государя вашего с королем войны не будет, когда государства помирятся: король в Литве без панов радных и без всех сеймовых станов ничего не сделает.

Воротынский: У нас в Московском государстве того искони не повелось, чтоб без государского указа земля что сделала; изначала ведется, что владеют всем государством одни государи, а бояре и вся земля без царского повеленья не может ничего сделать.

Пятый съезд послов (26 декабря) начался перебранкой за то, что, несмотря на мирные переговоры, с обеих сторон неприятельские действия продолжались. «Брань была великая,— доносил Воротынский в Москву,— с обеих сторон принимались за сабли; Александр Гонсевский грозил боем, а цесарев посол нас с ними разнимал». Когда успокоились, литовские послы предложили заключить мир земли с землей, потому что о королевиче у них от панов радных и от всей Речи Посполитой наказа никакого нет, нельзя им у него титул московского государя отнять; для этого пусть отправят из Москвы послов на сейм просить, чтоб королевич сложил с себя московский титул, этим ему честь учинится.

Когда московские послы отказали им в этом по-прежнему, то они объявили, что иначе они мира не заключат и должны

прервать переговоры, потому что спешат на сейм. Воротынский отписал об этом в Москву, откуда прислали ему последнюю меру: заключить перемирие с уступкой всего, что за Литвой, но чтоб Владислав обязался в перемирные годы никакими мерами и умыслами Московского государства не наступать.

Между тем польские послы обратились прямо к боярам, прислали к ним в Москву грамоту, в которой жаловались на поведение Воротынского с товарищами и объявляли условия, на которых они согласны помириться, именно: заключить перемирие между государствами, а не государями, с уступкой Польше Смоленска и других городов, к нему приписанных. «О королевиче же Владиславе нам ничего постановить нельзя,—писали послы,—мы здесь не от государя-королевича, но от брата нашей панов радных и от Речи Посполитой в посольстве присланы; королевич сам волен в том, что от Бога получил, а мы и народы наши, чего ему не дали, того брать у него не можем».

Но еще прежде московские бояре писали к панам радным, жалуясь на литовских послов; между прочим, в грамоте их сделан был намек на Гонсевского в таких выражениях: «На тех бы не смотреть, которые всякое злое дело и ссору делали между государствами для своей корысти, а их отцы и деды в такой чести не бывали и никаких добрых дел между государями не дельвали».

Паны радные переслали грамоту послам под Смоленск, те обиделись и отвечали боярам: «Мы очень подивились словам вашим, грубым, укорительным и непригожим: между нами в посольстве все люди отеческие, честные, старожитных, знатных родов, да и не ведется того в народе нашем, чтоб к таким великим делам людей недостойных припускать, как у вас теперь на Москве повелось, что люди простые, страдники, поповские дети и резники негодные мимо многих княжеских и боярских родов не по пригожу к великим государственным и земским и посольским делам припускаются. И вам бы, братье нашей, самим поостеречься и таким недостойным страдникам не давать воли, которые воровством научились жить, злостью и упрямством своим вас великих честных людей, заводят стоять на кровь людскую».

Желая напугать московское правительство насчет участи Филарета Никитича, послы заключают грамоту так: «Если вы будете все упрямитесь, то мы всем государством станем крепко стоять, а король и королевич, сославшись с великими государями, перед их послами учинят суд с митрополитом Филаретом, покажут на него листами патриарховыми, Шейным живым и другими многими свидетельствами, людьми и письмом, что он искал Московского государства сыну своему Михаилу; уличив его, с ним покончат, и королевич Владислав поспешит против сына его с войском к Москве». Бояре отвечали им: «Если б митрополит Филарет подыскивал государства сыну своему, то он

с братьями и племянниками своими портил бы дело, в то время, когда мы, бояре, с гетманом Жолкевским о королевиче Владиславе договаривались, и в послых к государю вашему не пошел бы, и сына своего в Москве с вашими людьми не оставил бы, а он в то время в Москве был после патриарха власть самая большая, братья его и племянники бояре большие же.

А когда великий государь наш Михаил Феодорович сидел в Москве у ваших людей в плену, и если бы митрополит Филарет в самом деле что-нибудь замышлял, то вы сыну его смолчали ли б? На которых вы и несправедливое подозрение имели, и тех за приставов давали и пытали, а иных и смертью казнили. Ты, Александр Гонсевский, всем нам, боярам, говорил, что Московского государства подыскивается Прокофий Ляпунов; потом паны радные писали к нам, что подыскивается князь Василий Васильевич Голицын в совете с митрополитом Филаретом, а теперь пишете, что митрополит искал государства сыну своему! И вы сами себя в своем письме обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого возложить.

Пишете, что у нас недостойные люди к великим делам припущены, но у великого государя нашего в думе во всяких чинах и приказах все отечские дети, кто чего достоин по своему отечеству, разуму и службе. А государь ваш и его сын, наруша крестное целование, прислали на Москву в казначеи кожевника детину Федьку Андропова, в думные дьяки овчинника Степана Соловецкого, да замочника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовидного, да попovichа Ваську Юрьева; и вам, братье нашей, надобно писать о том с рассуждением».

На шестом съезде Воротынский объявил, что им без государева именованья никаких дел не делать. Литовские послы, выслушав это, разбегались с бранью и с шумом, объявили, что вперед съездов не будет, что они едут в Польшу. Гайделиус, съехавшись с Воротынским 3 января, объявил, что литовские послы действительно разъезжаются. Воротынский дал знать об этом в Москву и получил ответ: «Вы бы теперь с литовскими послами на съездах говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтоб ни под каким видом вам с ними не разорвать».

Литовские послы дали знать Воротынскому чрез Гайделиуса, что до тех пор не поедут на съезд, пока московские послы не объявят, что согласны мирить государство с государством. Воротынский дал знать в Москву, и оттуда ему написали, чтоб согласился, и когда съедутся, то сперва говорить о делах; а как государево имя писать, о том сперва не говорить, чтоб их больше в дело втянуть, а когда о всяких делах договор учинится и придет к записям и к утверждению, тогда о царском и королевском имени говорить, а съездам сроки отсрочивать подолее, чтоб с литовскими послами попроволочить до тех пор, пока послы

государевы с послами шведского короля Густава-Адольфа покончат и укрепят. Поэтому, когда Гайделиус несколько раз приезжал и требовал, чтоб Воротынский объявил ему последнюю меру, тот не соглашался и настаивал на съезд с самими литовскими послами.

Гайделиус прибегнул к угрозам, объявил, что он уедет к государю своему, обо всех неправдах и о бесчестье, нанесенном царскому маестату и ему, послу, донесет своему государю, все расскажет, как его задерживали и бесчестили; государь его за свое бесчестье сам станет; литовские послы перед московскими во всем прямы: поставили у себя его, Гайделиуса, третьим и хотят через него узнать от московских послов о мирных условиях, а московские ему ничего не объявляют.

Воротынский отвечал, что они переговаривать о мире готовы; тогда Гайделиус сказал: «Теперь надобно говорить о том, как королевича в записях закреплять, чтоб право его по гетманскому договору и крестное целование было цело и ненаруσιμο; до истечения перемирных лет они короля и королевича укрепят, что им войны не начинать, но чтоб после перемирных лет право королевича было цело и ненаруσιμο; потом послы должны уступить Польше все северские города и все города Смоленского княжества: Белую, Дорогобуж, Торопец со всеми уездами, как было замирено между королем Казимиром и великим князем Василием Васильевичем; наконец, заплатить жалованье польскому войску и на этих условиях заключить перемирие на полтора года».

Воротынский отвечал: «Мы согласились делать мир между землями, а теперь ты говоришь, что литовские послы хотят писать о нарушении гетманского договора! Это они начинают опять новое безмерье». Гайделиус уехал в сердцах.

28 января был последний съезд: приехал Гайделиус, приехали польские послы, но уже не все и потребовали перемирия на условиях, предложенных Гайделиусом; московские послы не согласились, два раза ворочали польских послов и при конце съезда объявили, что насчет Смоленска обошлются с государем. На этот запрос им отвечали из Москвы: «Вы это сделали слабостью, некрепко, объявили про Смоленск на обсылку, не дождавшись у них самих больших уступок, и ворочали их сами дважды, как бы добывая челом. Так вы бы за Смоленск стояли накрепко и о съезде сами литовских послов не задирали, а ждали присылки от них».

Но в Москве напрасно ждали больших уступок со стороны польских послов. Приехал Гайделиус и объявил Воротынскому, что уезжает на другой день. На прощанье он говорил: «Не подосадуите, что на съезде говорил я с вами не пословно и сердито за литовских послов; мне и самому от них было большое

бесчестье. Приехавши к государю своему, я расскажу ему вашу правду и сходство к доброму делу, а литовских послов упрямство».

Потом Гайделиус дал знать, что литовские послы стоят на прежних условиях и разъезжаются. В такой крайности Воротынский решился послушаться приказа из Москвы и послал требовать съезда, но ему отвечали, что литовские послы уже уехали. Это было 3 февраля 1616 года. Московский летописец так объясняет причину неудачи посольства: «У литовских послов все на них положено, московским же обо всем велено писать к государю на Москву, а с Москвы к ним полного указа не посылали. Всему же доброму дела нарушению причина была от дьяка Петра Третьякова».

Начались опять военные действия. Гонсевский оттеснил русские войска от Смоленска, в 1617 году сам королевич Владислав принял начальство над польским войском и подошел к Москве. Но приступ к столице был отбит. Слабые в чистом поле по неимению искусства ратного, русские упорно оборонялись в городах; Владислав не нашел нигде ни малейшего к себе расположения.

В таких обстоятельствах он собрал совет и спрашивал, что делать. Все единогласно отвечали, что русских можно сломить только продолжительной войной, для которой нет денег; турки вооружаются на Польшу, и потому должно поскорее заключить мир с Москвой. Вследствие этого решения послали сказать в Москву, что хотят доброго дела и покоя христианского, и условились съезжаться для переговоров на реке Пресне под Москвой.

Уполномоченными со стороны поляков были Адам Новодворский, бискуп Каменецкий, канцлер литовский Лев Сапега и староста велижский Александр Гонсевский; с русской стороны — боярин Федор Иванович Шереметев, князь Данила Мезецкий, окольный Артемий Измайлов, дьяки Болотников и Сомов.

Русские послы отправлялись от бояр и от всей думы; им дан был наказ: против королевского имени шапку снимать только в том случае, когда литовские послы станут снимать шапки при государеве имени. Если литовские послы не будут упоминать о государе Михаиле Феодоровиче, то говорить им: «Сами вы писали, что доброго дела и покоя христианского хотите, а теперь вы такое несходительство к доброму делу объявили, имени великого государя нашего в речах своих не именуете, и тут какому доброму делу быть и чьи мы с обеих сторон послы? Вы имени нашего государя в речах своих не именуете, а мы вашего короля называть не станем». Так с ними о всяких делах говорить и в речах своих государя их короля не называть, разве где придется попрекнуть его разореньем Московского государства.

Если послы литовские станут просить городов, или королевских и королевичевых подъемов и накладов, или каких-нибудь

убытков, то послам говорить: «Какие убытки учинились от государя вашего и от польских и литовских людей в Московском государстве, того и в смету нельзя положить, что отослано к королю всяких узорочей, что по королевским грамотам дано на рыцарство, депутатам, немцам, полковникам, ротмистрам, депутатам сапегина войска, по договору гетмана депутатам же, Сапеге, послам литовским и польским, на приказные расходы, к тебе, Александру (Тонсевскому), на двор полковникам и ротмистрам, по твоим картам русским людям, пушкарям и стрельцам московским, которые были у вас, золотом, серебром и всякой рухлядью, по меньшей цене, как объявилось по записке и как сказал Федька Андронов, на 340 379 золотых польских».

19 октября был первый съезд. Послы приехали каждые в сопровождении 500 человек и разговаривали, не сходя с лошадей. Лев Сапега в длинной речи начал уговаривать русских послов, чтоб они согласились принять Владислава, и высчитывал выгоды, которые произойдут для Московского государства от этого принятия.

Шереметев отвечал по-прежнему, что говорить о королевиче непригоже: «Не дали нам его тогда, когда мы все его хотели и долго ждали; потом стало великое кроворазлитие, и мы другого себе государя избрали, и присягнули ему, и венчали его царским венцом; потому и не можем от него отступить, а хотим с вами учинить покой на двадцать лет, между государями, если уступите нам Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Вязьму, Козельск и Белую, которые за вами».

Польские комиссары обратили в смех это предложение и настаивали на правах королевича. Шереметев отвечал: «Скажите одно: хотите ли мимо королевича делать с нами доброе дело? Тогда и мы вместе с вами будем искать всякими мерами на обе стороны покой постановить. А если от королевича не отступите, то бояре приказали вам прямо сказать, что уже больше с вами съезжаться не будем». Поляки сказали на это: «Если вы с нами доброго дела становить не будете, то вам же хуже, потому что государь-королевич пойдет с войсками за столицу и, что еще там осталось земли невыжженной и неопустошенной, отдаст войску, а оно будет так хозяйничать, что останется только вода да земля». С этим разъехались, назначив второй съезд на 21 октября.

Отправляясь на этот съезд, Шереметев с товарищами получил наказ: поступиться на перемирие Смоленска, если паны перестанут говорить о королевиче; перемирие заключить на двадцать лет, по второй мере на пятнадцать, по последней на десять; людей всех, которые захотят в сторону великого государя, из Смоленска отпустить; также церковное строение, образа, книги, колокола, наряд и всякие пушечные запасы, что были

в Смоленске, отдать, а мир заключить между королем и великим государем по прежнему обычаю. Если никак на это не согласятся и захотят разрывать, то заключить перемирие между государствами.

Если же послы склонности никакой к доброму делу не покажут, станут говорить о королевиче или какие-нибудь гордые высокие слова на раздор, то им отговаривать по их речам гладкостью, выговаривать, как Бог вразумит, а уступок не объявлять. О королевиче в польской грамоте написать, что поляки ему в перемирные годы на Московское государство помогать не будут, а в московской записи написать, что королевичу к Московскому государству причитанья не иметь.

На съезде поляки опять начали требованием, чтоб Москва взяла в цари Владислава; Шереметев по-прежнему отказал; тогда поляки объявили: или уступите нам Псков, Новгород, Тверь, Торопец, Смоленск и Северскую землю, дайте вознаграждение королевичу за право на престол московский, заплатите большие деньги войскам королевским за то, что вас защитили от калужского самозванца, или посадите королевича на царство, а там уже отец с сыном уговорятся. Шереметев отвечал: «Земли, которые вы просите, не только те, которые за нами, но и те, которые теперь за вами,— Смоленск и Киев,—отчина нашего государя». Он предложил Смоленск и Рославль, поляки не согласились и разбегались.

23 октября был третий съезд. Поляки потребовали уступки Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Торопца, Белой и Северских городов; рубеж будет по реку Угру; перемирие между государствами года на два или на три. Когда московские послы не согласились на это, то поляки сказали: «Уже королевич двинулся из-за Тушина и стоит обозом на реке Химке; завтра, даст Бог, идет за столицу, в нетронутые места, потому что у Можайска, где все опустошено, войско прокормить зимой нельзя. Так если хотите доброе дело с нами становать, становите теперь: завтра рано утром мы с вами съедемся».

24 октября на четвертом съезде поляки вместо всей земли Северной потребовали уступки Брянска, Стародуба, Почапа, Трубчевска, Новгорода-Северского и с Камарицкой волостью, также Себежа, Заволочья, Невеля, Великих Лук, Серпейска, Мещовска и Мосальска; но Шереметев уступал только Стародуб и Почеп; потом поляки предложили заключить перемирие на год или на два, причем оба государства удерживают за собой то, чем владеют. Московские послы на это не согласились, и так как уже было поздно, то определили съехаться на другой день, только не на Пресне, а по троицкой дороге, у реки Язуы.

25 октября съехались на назначенном месте. Шереметев уступил еще Дорогобуж, Невель и Себеж, но никак не хотел уступить Трубчевска, Новгорода-Северского, Великих Лук и Заволочья.

Так как польские комиссары не могли долее оставаться под Москвой, когда Владислав шел далее на север, то положено было съезжаться у Троицкого монастыря. Но войско требовало денег, без которых не хотело далее вести войны; в такой крайности, чтоб ускорить дело, комиссары отправили в Москву к Шереметеву и товарищам его Христофа Сапегу, воеводу витебского, Гридзика-секретаря и пана Карзнецкого с объявлением, что уступают Великие Луки и Заволочье и требуют Брянска, Трубчевска и Новгорода-Северского; послали к Сапеге и форму записи перемирной.

Три раза Шереметев съезжался с этими посланниками в Москве, и наконец пришли к соглашению: Москва уступала Трубчевск и Новгород-Северский, но оставляла за собой Брянск, за который отдавала Серпейск, псковский пригород Красный и в Северной стране Попову Гору. Для окончательного скрепления договора положено было съехаться у Троицкого монастыря.

Туда отправились те же лица: Шереметев, князь Мезецкий и Измайлов. В наказе говорилось: боярину Федору Ивановичу Шереметеву ехать в Троицкий монастырь и оттуда обослаться с польскими и литовскими панамы радой и съездное место приговорить. На съезде требовать, чтоб отданы были боярам князь Иван Иванович Шуйский, князь Юрий Никитич Трубецкой с женой и детьми и все литовские люди, которые теперь при королевице и которые в Литве, если сами захотят. Если только будет можно, снести с князем Иваном Шуйским и другими русскими людьми, объявить им, что о них есть статья в договоре и надобно ли говорить о них на съездах? Если они государеву жалованью обрадуются и захотят, чтоб о них говорили, то говорить; если же русские люди ответят, чтоб о них не говорили, то и не говорить.

Приехав к Троице, Шереметев послал Солового-Протасьева в Сватково, где жили польские комиссары, спросить их о здоровье и пригласить на съезд. Лев Сапега и Гонсевский начали говорить Протасьеву с сердцем: «Посланников наших, Христофа Сапегу с товарищами, великие послы задержали долгое время и вымогли на них неволей, что лучший северский город Брянск оставили в своей стороне к Московскому государству, а написали в своем образцовом перемирном списке за Брянск Попову Гору, а мы такого города Поповой Горы не знаем и не слыхивали, да и Велижской области рубежей не описали». Протасьев отвечал, что за Брянск уступили три города: Серпейск, Красный и Попову Гору. Сапега сказал на это: «С вами нам теперь говорить об этом нечего, будем о том говорить с вашими великими послами, как будем на съезде». Протасьев возразил: «Если вы, великие послы, конченное дело станете начинать снова, то царские великие послы, сверх договора, о чем с посланниками вашими договорились и уложили, ни о чем с вами говорить не станут». Гонсевский

говорил с сердцем: «Я сам в Пскове бывал и псковские пригороды все знаю: в Красном не только что города, давно и закладки никакой нет, все пусто».

Наконец, комиссары сказали Протасьеву, чтоб на другой день с обеих сторон отправлены были дворяне для отыскания съезжего места, чтоб при съездах у послов было по 100 человек конных да по 50 пеших. Лев Сапега, прощаясь с Протасьевым, сказал ему: «Как приедете к вашим великим послам, то поговорите о нас, чтоб нам ваши великие послы прислали рыбки». Протасьев отвечал: «К великим послам рыба никакая из городов за вашими литовскими людьми к Москве не прихаживала ниоткуда».

На другой день дворяне, высланные с обеих сторон, приискали место, удобное для съездов: в троицкой деревне Деулине, по углицкой дороге, от Троицы три версты, а от Сваткова пять верст. Здесь 23 ноября был первый съезд. Комиссары начали говорить, что московские послы вымогли сами у их посланников Брянск: «Вы в своей записи написали о королевиче, что это дело минувшее, но вам это дело минувшим называть не годится: это дело Божие; прошлую пятницу видели вы на утренней заре звезду с лучом, а стояла она над вашим Московским государством, и вы по той звезде увидите, что над вами делается за такие неправды».

Московские послы отвечали: «Это знаменье небесное; бывает оно всякими различными образами, и о том рассуждать никому не пригоже, и знать того Бог никому не дал, которому государству что от того будет. Мы думаем, что это знаменье совершится над вашим государством; небесное знаменье — тварь Божья, Ему, Творцу, и работает, а рассуждать про то никому не надобно. А если вы, великие послы, посланников своих договор станете переговаривать, то вперед чему же верить?» Комиссары продолжали говорить с сердцем, подушаемые особенно Гонсевским: «Вы из наших посланников вымогли много статей вопреки нашей образцовой записи!» Московские послы отвечали: «Если уже ваша посольская верящая грамота, что дали вы вашим посланникам, не пряма стала, то вперед чему верить? А нам обеих записей переменить сверх договору и сверх совету братья нашей великого государя бояр и всех его думных людей и всего великого Российского государства отнюдь нельзя».

Гонсевский говорил: «Какая это ваша склонность к доброму делу: многие бельские волости оттягиваете ко Ржеву, а велижские многие волости написаны к Торопцу! За бельские волости и велижский рубеж еще крови много прольется! А теперь вы приехали к нам с указом и велите делать по-своему так же, как и посланникам нашим; не дай Бог у вас литовским послам и посланникам в Москве бывать! Хорошо с вами съезжаться на поле: тут вы нам не указываете, потому что у нас с вами все ровное, а в Москве

литовским послам дело делать несчастье, все вымогают силой; я был у вас в Москве при царе Василье и едва голову на плечах вынес, и много статей государь ваш на мне силой вымог, чего было мне делать нельзя. А прежде царь Борис на канцлере Льве Ивановиче перемирье на двадцать лет вымог силой, а вы теперь на посланниках наших вымогли силой то, о чем им не было наказано, мы бы с вами на столько лет перемирья не заключили».

Московские послы отвечали: «В Москве всем послам честь оказывают, и никогда ни у которых словес силой ничего не вытягивали; вы это говорите, покрывая свои неправды, что никогда договора не сдерживаете и крестное целование нарушаете». Лев Сапега сказал на это: «Птичку хоть в золотую клетку посади да маком и сахаром ее корми, а воли и свету видеть не давай, то ей все это ни во что; так и человек, будучи в неволе, делает и то, что не годится. Я к вашему царю Борису приходил от короля в послах и был у него задержан долгое время; бояре ваши вымогли на мне перемирие на много лет силой; вы и теперь приехали нас обманывать; но мы еще на своей воле, а не в вашем задержанье». И говорил многие сердитые и непростойные речи.

Тогда московские послы, видя, что комиссары сердятся, и боясь от них разорванья, согласились взять у них новую запись, чтоб сравнить ее с прежней. Сравнивши, нашли во многих статьях прибавки; например, прибавлено было в королевском тигуле: «черниговский»; в статье об отпуске смоленского архиепископа Сергия прибавлено: «если сам захочет»; в прежней грамоте, написанной посланниками комиссарскими в Москве, о царе Михаиле было сказано: «которого у себя теперь великим государем московским *мают*», а в новой записи стояло: «которого у себя ныне государем московским *менуют*». Последнюю перемену, впрочем, комиссары обещались уничтожить. Обо всем этом Шереметев дал знать в Москву и получил ответ: «Стоять накрепко; но если захотят разорвать, то согласиться на эти прибавки».

На втором съезде московские послы начали с того, что стали отвергать прибавки. Комиссары отвечали им с сердцем, грозили, что полки, под начальством гетмана Радзивила, занятые прежде шведской войной, теперь, после перемирия с шведами, стали свободны и придут на помощь к королевичу. «Еще вам кровь христианская не наскучила,—говорили они,—на вид с нами переговоры ведете, а все маните и обманываете, только мы никаких ваших обманов не боимся, а надеемся на волю Божию, и на свою перед вами правду, и на свое рыцарство: можем с вами управиться, если доброе дело между нами не сделается, навесьть вам такими своими указами на себя такой покой, что ни одного младенца в Москве и в других городах не останется. Нам тех слов: «Кого вы ныне великим государем *маете*»—не писать:

будет государю вашему от нас и той чести, что мы его в своей записи написали: «Кого вы себе великим государем *менуете*».

Московские послы возражали, что комиссары сами на первом съезде обещали уничтожить перемену о государе: «Вперед уж чему верить? Как вам, панам, великим и честным людям, не стыдно! Что приговорите, а на том не стойте». Комиссары продолжали: «Только бы вы все Московским государством захотели себе добра да добились челом государю своему королевичу, и тогда бы всем вам всякий покой был и кровь христианская унялась бы». Московские послы отвечали: «Мы про вашего государя такие же непригожие речи говорить станем, только вам такие непригожие речи про великого государя нашего говорить, и за то будет еще больше крови литься». Комиссары продолжали говорить с сердцем: «Мы от вас никакой правды не ждем, все делаете проволокой. Мы еще из Варшавы писали к вам о посольстве и послали Яна Гридича, чтоб вам съехаться с нами и говорить о добром деле на границе; но вы Гридича задержали долгое время и потом отпустили его ни с чем; приехав в Вязьму, мы опять послали к вам, и вы к нам писали, что съезжаться между Вязьмой и Волоком, мы ждали долго и не дождались; пришед под Можайск, мы опять к вам писали, и вы отвечали, что будете на съезд на реку Истру, и тут вас не дождались; опять к вам писали, и вы отвечали, чтоб съезжаться на реке Химке, но и на Химку ехать вы не захотели, а прислали, чтоб съезжаться под Москвой, на реке Пресне; таким образом вы дело тянули чуть не два года и теперь дотянули до зимы. Ратные люди приходят к нам с шумом, говорят, что они зимой из вашей земли идти не хотят, хотят королевичу служить всю зиму без денег».

Лев Сапега кричал: «Вот вам присягу даем, что больше с вами толковать не будем, завтра же затынем на вас ратных людей, а сами пойдем в Литву на сейм». Московские послы отвечали: «Вы грозите нам войной и, наруша договор посланников своих, хотите опять начинать кровь, но рать — дело Божие, кому Бог поможет; в городах теперь у нас много людей в сборе, а на весну и из других государств на помощь много людей будет».

Нашлось и новое затруднение: комиссары не ручались, что запорожцы, лисовчики и полк Чаплинского послушаются их приказа и выйдут из московской земли немедленно по заключении договора. Московские послы говорили, что они об этом и слушать не хотят. Комиссары уступили, согласились обязаться, что выведут с собой лисовчиков и Чаплинского, но не хотели обязываться относительно запорожцев. В это время к окну съезжей избы, подле которого сидели московские послы, подошел Соловой-Протасьев и сказал тихонько: «Говорил мне литвин Мадольнский, что ночью приезжал в Сватково к комиссарам королевич, и говорил, что пришла к нему из Польши грамота:

с Москвой скоро мириться не нужно и хочет королевич дать полякам деньги».

Услышав эту весть, московские послы начали уступать, а поляки становились еще заносчивее. Гонсевский говорил: «Хоть мы, помирясь, из вашей земли и выйдем, но ваши казаки другого вора добудут, а к ним и наши воры пристанут, и у них и без королевича будет другой Дмитрий». Послы отвечали ему: «Тебя еще не насытила кровь христианская, не без отмищенья тебе от Бога будет!» Разъехались, уговорившись съехаться снова.

Неприятные вести продолжали приходиться и когда послы возвратились к Троице: рассказывали, что миру не бывать, приходит к королевичу рыцарство и говорит, что оно миру с московскими людьми никак не хочет; черкасы — гетман Сагайдачный с товарищи — присылали к королевичу казака-путивльца, чтоб им из московской земли вон не выходить; донские казаки с королевичем ссылаются, хотят ему служить. Афанасий Толочанов рассказывал послам, что во время последнего съезда приезжали к их сотне два казака и говорили: «Поляки и Литва и все рыцарство стоят за королевича и мириться мешают; они все, казаки, хотели отъехать к государю в Москву, но приехал оттуда к ним Левка Пивов и сказал, что на Москве их братью казаков, которые выедут от Литвы, казнят и в тюрьмы сажают, и они за этим к государю не поехали». Поляки, подъезжая к сотне, говорили: «Присылают к нам казаки московские и просят, чтоб дали им чаплинцев, лисовчиков и черкас, говорят: «Пусть себе поляки лежат на лёже, а они, казаки, будут промышлять над городами — Владимиром, Суздалем и другими»». Поляки же говорили дворянам влех: «Есть у них калужского вора сын, учится грамоте в Печорском монастыре, в Москве повесили не его, его унесли казаки». Поляки грозили дворянам: «Если послы доброго дела не сделают, то быть нашим саблям на ваших шеях».

На съезде первого декабря московские послы соглашались на все перемены; но явилось новое затруднение: комиссары не соглашались написать, что отдача городов со стороны русской и отпуск митрополита Филарета Никитича с польской стороны произойдут в одно время; они представляли, что Филарет не может скоро приехать из Мариенбурга, где содержался. Комиссары встали уже и пошли из избы, объявив, что переговоры прерваны; московские послы воротили их, и наконец комиссары сказали: «Для покоя христианского, для вашего, великих послов, прошенья, видя ваше к доброму делу сходительство, уступаем вам, соглашаемся, чтоб в перемирных записях отпуск преосвященного митрополита Филарета Никитича и боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищами, размен пленных и отдача городов были написаны на один срок, февраля 15 число по вашим святцам, а по нашему, римскому, календарю февраля

25». Не был доволен один Гонсевский, который беспокоился об определении границ своего староства Велижского.

Когда послы с обеих сторон целовали крест, Гонсевский плакал и говорил: «Я у крестного целованья выговариваю, что если не разведут прямых рубежей между Велижем, Белой и Торопцом, то я буду свои рубежи везде оборонять: я их выслужил у короля кровью». Он положил под крест на блюдо записку о рубежах, но московские послы эту записку скинули, говоря, что это к посольскому делу нейдет; и Гонсевский, поцеловавши крест, заплакал. Когда обменялись с обеих сторон записями, то комиссары обрадовались и говорили с царскими послами мирно, тихо, гладко и пословно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрагамовичева, воеводша смоленская 478
- Авакум Петрович, глава и идеолог рус. раскола, протопоп, писатель 55
- Август II Сильный, курфюрст саксонский, король польский 148, 149, 151—154, 156—159, 243, 347, 348, 350, 357
- Август III, король польский 234, 243, 376
- Адам Новодворский, польский уполномоченный 517
- Адашев Алексей Федорович, окольный, член Избранной рады 300, 303—305
- Алексей, митрополит 282, 289, 306
- Алексей Алексеевич, царевич, сын царя Алексея Михайловича 76, 333
- Алексей Михайлович, царь 40, 56, 71—80, 91—93, 103, 108, 140, 151, 166, 177, 190, 216, 328, 331—336, 350, 384, 401, 462, 481, 488, 490, 491, 496
- Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 368, 369
- Александр, князь литовский, позже король польский 296, 297, 474
- Александр I Павлович, император 388—393, 395—398, 400
- Александр Великий, см. Александр Македонский
- Александр Македонский, царь 404, 410, 465
- Александр Михайлович, князь тверской, вел. князь владимирский 281
- Александр Ярославич Невский, князь новгородский, вел. князь владимирский 272, 275—280, 303, 349
- Аллагретти, императорский посол 488, 489
- Альбрехт, король польский 296
- Анастасия, Анастасия Романовна, см. Захарьина Анастасия Романовна
- Андрей Боголюбский, князь владимиро-суздальский 271, 279
- Андрян, патриарх московский 122, 125, 356
- Андронов Федька (Федор), «торговый мужик», кожевник, польский прислужник в Москве 506—510, 512, 515
- Анна, царевна греческая, жена Владимира, вел. князя киевского 258
- Анна, княгиня 300
- Анна Иоанновна, рус. императрица 161, 168, 172, 179—184, 186, 187, 199, 206, 207, 211, 221, 222, 229, 235, 237, 369, 370, 379
- Анна Леопольдовна, правительница России при малолетнем сыне — императоре Иване VI Антоновиче 183, 370
- Анна Петровна, царевна, дочь Петра I 369

- Антон, принц брауншвейгский 370
 Антоний, монах, основатель Киево-Печерского монастыря 262, 267, 268
 Апраксин Федор Матвеевич, граф, ген.-адмирал 229, 235, 360
 Аристотель Фиоравенти, архитектор, создатель Успенского собора в Москве 292
 Архэн д, маркиз 484
 Арсений Глухой, старец 503
 Артман, доктор 489
 Аскольд, др.-рус. князь 253, 254
 Афанасий, митрополит 503
 Ахмат, хан Золотой Орды 295, 296
- Багратион Петр Иванович, князь, генерал 391
 Баженок, замочник, один из польских агентов в Москве 515
 Барк (Барак)-Солтан, хан 430
 Барклай-де-Толли Михаил Богданович, князь, ген.-фельдмаршал 391
 Барсуков, судовладелец 362
 Басманов Петр Федорович 314
 Баторий Стефан, король польский, полководец 38, 39, 102, 150, 306, 307, 314, 476, 485
 Батый (Бату), хан Золотой Орды 272—275, 278, 286, 402, 404, 436
 Баур Яков, пристав 487
 Бебеид-хан, вел. хан 430
 Бегич, начальник войск Мамаю 284
 Безбородко Александр Андреевич, князь, гос. деятель, дипломат, секретарь Екатерины II 244
 Безобразов Иван 506, 510
 Белевские, князья 296
 Бержерон 436
 Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф, гос. деятель, дипломат, ген.-фельдмаршал, канцлер 187, 360
 Бестужев-Рюмин Михаил Петрович, граф, дипломат 187, 360
- Бестужева-Рюмина Аграфена Петровна, графиня 187
 Бецкий (Бецкой) Иван Иванович, ген.-поручик, деятель просвещения 375
 Бибиков Александр Ильич, сенатор, ген.-аншеф 379
 Бирон Эрнст Иоганн, граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны 181—183, 186, 187, 199, 370
 Богданов, гонец 487
 Божениновы, судовладельцы 362
 Болеслав, король польский 261
 Болинброк Джон С., англ. полит. деятель, мыслитель 209
 Болотников, дьяк 517
 Болтин Иван Никитич, гос. деятель, историк 381
 Борецкие, бояре 294
 Борецкая Марфа, боярыня, вдова новгородского посадника 294
 Борис, князь ростовский, сын князя Владимира I 71, 260, 261, 263
 Борис Годунов, царь 74, 78, 92, 309, 311—316, 320, 327, 455, 506, 507, 510, 512, 522
 Ботман Яков, монах 462
 Брант Карстен, гол. корабел 341
 Булавин Кондратий Афанасьевич, донской казак, предводитель восстания 108, 351, 378
 Бунаков Иван Петрович 500
 Бутурлин Василий 229, 508
- Вандам, фр. генерал 395
 Василий, клирик 501
 Василий, император греческий 258
 Василий, царь, см. Шуйский Василий Иванович
 Василий II Васильевич Темный, вел. князь московский 281, 288—290, 293
 Василий III, вел. князь московский, сын Ивана III 74, 297, 298, 303, 417—419, 427, 456, 502, 516, 522

- Василий IV Шуйский, царь 74, 473, 475
- Василий Дмитриевич, вел. князь московский, сын Дмитрия Донского 281, 286—288, 299
- Василий Ольгович, князь козельский 273
- Василий Юрьевич Косой, князь 288
- Вильгельм, герцог нейбургский 483
- Виниус Андрей Андреевич, думный дьяк 348, 349, 362
- Витгенштейн Петр Христианович, граф, ген.-фельдмаршал 395
- Витовт, вел. князь литовский 287, 296
- Витовтов Евдоким 507, 509
- Вишневецкий, князь польский 313
- Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат Ивана IV 304
- Владимир Андреевич Храбрый, князь серпуховский 284—286
- Владимир Всеволодович Мономах, последовательно — князь смоленский, черниговский и переяславский; позже вел. князь киевский 28, 263, 265—267, 269—271, 277
- Владимир Святославич, вел. князь киевский 257—261, 262, 263, 265, 267, 269, 279, 280, 283, 297
- Владимир Юрьевич, князь 272, 273
- Владислав, королевич польский, позже король польский Владислав IV 102, 319—321, 326, 327, 475—482, 506, 514, 515, 517—519, 520
- Владислав II Ягеллонович, король польский и венгерский 481, 482
- Всеволод 272, 273
- Всеволод I Ярославович, вел. князь киевский 265
- Всеволод III Большое Гнездо, вел. князь владимирский 271, 272
- Всеволод Георгиевич, см. Всеволод Большое Гнездо
- Волков Федор Григорьевич, актер, театральная деятельность 373
- Волхонский, князь 187
- Волынский, воевода московский 284
- Волынский Артемий Петрович, гос. деятель, дипломат, кабинет-министр при Анне Иоанновне 186, 187, 199, 370
- Воротынский, князь 296
- Воротынский Иван Михайлович, князь, посол в Польше 505—517
- Выговский Иван, гетман Украины 332
- Габсбурги, Габсбургская династия, династия, правившая в Австрии 225, 226
- Гайделиус Еразм, императорский посол 506, 510, 512, 513, 515—517
- Гаммер 436
- Гваньин Александр, автор «Описания всей страны, подчиненной царю Московии» 456
- Гедимин, вел. князь литовский 279, 283, 485
- Геласий, митрополит крутицкий 311
- Геннадий, архиепископ новгородский 500, 501
- Геннин Вилим Иванович, начальник олонецких и уральских заводов 362
- Генрих IV, король французский 479
- Георгий, слуга Бориса, князя ростовского 260
- Георгий Владимирович Долгорукий, см. Юрий Долгорукий
- Георгий Всеволодович, вел. князь владимирский 272—274
- Герберштейн Сигизмунд, дипломат, путешественник 420, 424, 427, 431, 433, 435, 437, 438, 456
- Гергей, венгерский военачальник 401
- Гермоген, архиерей казанский, позже патриарх 316, 320, 321, 323, 324, 503

- Гизы, французский феодальный род 481
- Глеб, князь муромский 71, 260, 261, 263
- Глинские, бояре, князя 299, 300
- Глинский Михаил, князь 300
- Глинский Юрий Васильевич, князь 300
- Годунов Иван Васильевич 507
- Годуновы, бояре 78
- Головин Федор Алексеевич, боярин, ген.-адмирал 347, 360
- Головкин Гаврила (Гавриил) Иванович, граф, канцлер 360
- Голиков Иван Иванович, историк, археолог 381
- Голицын Андрей Васильевич, князь 505—508
- Голицын Борис Алексеевич, князь 96
- Голицын Василий Васильевич, князь, боярин, фаворит правительницы Софьи Алексеевны 94, 109, 110, 338
- Голицын Василий Васильевич, князь, боярин, воевода 320—322, 327, 493, 494, 500, 505, 515, 524
- Голицын Дмитрий Михайлович, князь 370
- Голицын Михаил Михайлович, князь, сенатор, ген.-фельдмаршал 186, 360
- Голицыны, князя 180, 370, 496
- Гонсевский Александр, староста велижский 320, 480, 506—515, 517, 518, 520, 521, 524, 525
- Гостовд, виленский наместник 431
- Грамотин Иван, думный дьяк, печатник 507—509
- Григорий, патриарх константинопольский 398
- Григорий VII Гильдебранд, папа римский 128
- Гридзик, секретарь 520
- Гридич Ян, секретарь королевский 510, 511, 523
- Губельдин, каирец 408
- Густав I Ваза, король шведский 474, 475, 483
- Густав II Адольф, король шведский 150, 327, 475, 483, 516
- Густав III, король шведский 383
- Давлет-Гирей, хан 32
- Давыдов Денис Васильевич, герой войны 1812 г., поэт 393
- Даниил, митрополит 502
- Даниил Александрович, князь московский, сын Александра Невского 280
- Даниил Романович, князь галицкий 274, 277—279
- Демидовы, заводчики, землевладельцы 190
- Дербыш, хан Астраханского царства 301
- Державин Гаврила Романович, поэт, государственный деятель 381
- Дибич-Забалканский Иван Иванович, граф, ген.-фельдмаршал 399, 400
- Димитрий, см. Дмитрий Донской
- Димитрий, сын Ивана Ивановича Молодого, князя тверского 74
- Димитрий (Дмитрий) Ростовский, митрополит ростовский, писатель 124, 204, 356, 357
- Дмитрий, воевода князя галицкого Даниила 274
- Дмитрий Донской, вел. князь московский и владимирский 281—286
- Дмитрий (Димитрий) Иванович, царевич, младший сын Ивана IV 77, 95, 309, 311—313, 315
- Дмитрий Самозванец, см. Лжедмитрий I
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь 288, 289, 293
- Дионисий, митрополит 309, 323, 334, 503
- Дир, др.-рус. князь 253, 254
- Долгорукие, князя 72, 180, 370

- Долгорукий Василий Владимирович, князь, сенатор, фельдмаршал 360
- Долгорукий (Долгоруков) Василий Лукич, князь, дипломат, член Верховного тайного совета 186, 360
- Долгорукий Василий Михайлович, князь 378
- Долгорукий Григорий Федорович, князь, ген.-фельдмаршал, посол в Польше 360
- Дорошенко Петр Доросеевич, гетман Правобережной Украины 108, 482, 486
- Дохтуров Дмитрий Сергеевич, генерал 391
- Евдокия, см. Лопухина Евдокия Федоровна
- Едигер-Магмет, хан Казанского царства 301
- Екатерина I, императрица, жена Петра I 168, 185, 187, 207, 368, 369
- Екатерина II Алексеевна, императрица 104, 165, 169, 170, 179, 181, 184, 185, 193, 194, 199, 210, 213, 224, 236—246, 360, 371, 374—377, 379—385, 388, 392, 397, 398
- Екатерина Алексеевна Скавронская, см. Екатерина I
- Екатерина Иоанновна, царевна, дочь Ивана V Алексеевича 370
- Елена, дочь Ивана III Васильевича 296
- Елизавета Петровна, императрица, дочь Петра I 161, 169, 170, 172, 178, 179, 181—185, 187, 188, 192—195, 198, 199, 206, 207, 210—214, 216—219, 221, 222, 224, 228, 229, 234—238, 240—242, 245, 246, 363, 369—374, 377, 385
- Елисавета, см. Елизавета Петровна
- Елисавета (Елизавета) I Тюдор, королева английская 486
- Емельянов 393
- Енох, проповедник 502
- Ермак Тимофеевич, атаман 308, 309
- Ермолов Алексей Петрович, генерал 396, 398
- Жолкевский Станислав, вел. гетман, польский канцлер 319, 320, 481, 506—508, 515
- Жубер, генерал Франции 386
- Заборовский, посол московский 487, 488
- Заруцкий Иван Мартынович, атаман 322, 324, 326
- Засекин Александр, князь 507, 508
- Захарьина Анастасия Романовна, царица, первая жена Ивана IV Грозного 299, 306, 309
- Зубов Платон, князь, фаворит Екатерины II 244
- Иван I Данилович Калита, великий князь московский 272, 280—282, 288, 292, 296, 384
- Иван III Васильевич, вел. князь московский 34, 35, 38, 74, 289—292, 294—297, 300, 303, 328, 342, 384, 474, 501
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 35, 38, 39, 50, 71, 78, 92, 95, 130, 151, 192, 298—301, 303—310, 313—315, 333, 339, 447, 462, 475, 492, 502, 503, 505
- Иван V Алексеевич, царь 73, 74, 76, 77, 80, 81, 94, 96, 336, 338, 339, 341, 342, 369
- Иван VI Антонович, император 183, 187, 198, 370
- Иван Иванович Молодой, князь тверской 74
- Иван Дмитриевич, сын Лжедмитрия I и Марины Мнишек 326
- Игнатий, архиеп. рязанский, позже патриарх 315, 316
- Игорь Святославич, вел. князь киевский 166, 254, 255, 257, 268

- Иеремия 495
 Иеремия, патриарх константинопольский 311
 Измайлов Артемий, окольный, посол в Польше 505, 517, 520
 Иларион, митрополит 262
 Индиобу, царь эланский 408
 Иоаким, патриарх 328, 338
 Иоанн, митрополит 289
 Иоанн, король шведский 474
 Иоанн, см. Иван VI Антонович
 Иоанн, сын царя Ивана IV Грозного 306
 Иоанн Грозный, см. Иван IV Васильевич Грозный
 Иоанн Данилович Калита, см. Иван Калита
 Иоанн Златоуст, церковный деятель 127
 Иоанн Молодой, см. Иван Иванович Молодой
 Иов, архиепископ ростовский, позже патриарх 309, 311—315, 503
 Ирина, царица, жена Федора Ивановича 309, 312
 Иосиф, патриарх 503, 504
 Иосиф II, эрцгерцог австрийский, позже император Священной Римской империи 240, 241
 Исидор, митрополит 498
 Исидор Севильский, автор «Этимологии» 404
 Казимир Ягайлович, князь литовский, король польский 290, 294—296, 516
 Казы-Гирей, хан 32
 Каменский, граф 389
 Кампензе 437, 438
 Кантемир Антиох Дмитриевич, поэт, дипломат 207, 211
 Карамзин Николай Михайлович, писатель, историк 35, 194, 397, 436
 Кардиль 471
 Карзнецкий, польский пан 520
 Карл, герцог лотарингский 483
 Карл Великий, король франкский, позже император, из династии Каролингов 105
 Карл I, король английский 479
 Карл V, император Священной Римской империи 56
 Карл VI, император Священной Римской империи 226, 227
 Карл IX, король шведский 474
 Карл IX Густав, король шведский 103, 317
 Карл X Густав, король шведский 150
 Карл XI, король шведский 152
 Карл XII, король шведский 153, 154, 156, 157, 238, 348, 350—352, 357, 358
 Кауниц Верцель Антон, канцлер австрийский 230
 Кейт 229
 Кетлер Готард, магистр Ливонского ордена 303
 Кирриан, митрополит 502
 Кирилл, епископ туровский 268
 Кирилл, митрополит 503
 Клешнин Андрей, окольный при Борисе Годунове 311
 Конде, французский феодальный род 481
 Конде, французский принц 483—485
 Конисский Георгий, епископ белорусский 377
 Коновницын Петр Петрович, граф, генерал 391
 Константин, греческий император 258
 Контарини Амвросий, венецианский посол, путешественник 437
 Константин Всеволодович 272
 Константин Мономах, греческий император 265
 Константин Павлович, вел. князь, сын Павла I 387, 388, 398, 399
 Константин Палеолог, греческий император 290
 КORB Иоганн Георг, автор «Дневника поездки в Московское государство в 1698 г.» 471

- Корсаков, см. Римский-Корсаков
Костюшко (Косцюшко) Тадеуш, руководитель польского восстания 384
Кошум, вождь ногайских татар 429
Котян, половецкий хан 271
Кроа де, герцог, фельдмаршал 142
Крылов Иван Андреевич, писатель, баснописец 397
Ксения, жена Федора Никитича Романова 313
Кузьма Минин Сухорукий, см. Минин Кузьма
Кукша, проповедник христианства 268
Куракин Борис Иванович, князь, дипломат 360
Куракин Иван, князь 509
Курбатов, крепостной боярина Шереметева 138
Курбский Андрей Михайлович, князь, воевода 304, 305
Курбский Семен Федорович, князь, воевода 427
Курин Герасим Матвеевич, крестьянин, руководитель партизанского отряда в войну 1812 г. 394
Кутузов Михаил Илларионович, князь, фельдмаршал 389, 392—395, 397
Кучум, сибирский хан 30, 307—310

Ламберг 438
Ласси 229
Левенгаупт Адам Людвиг, генерал Швеции 351
Леонтий, проповедник христианства 268
Лефорт Франц Яковлевич, адмирал, швейцарец на русской службе, сподвижник Петра I 89, 90, 111, 342
Лжедмитрий I, самозванец, царь 313—318, 321, 322, 473
Лжедмитрий Тушинский, самозванец, претендент на русский престол 508
Лизек 471
Лисовский, польский пан 317
Лихарев Яков, стольник, московский посол в Вене 488
Ломоносов Михаил Васильевич, ученый, поэт 211—214, 222—223, 372, 373, 381
Лонгвиль, граф 485, 486
Лонгвиль, феодальный французский род 481
Лопухина Евдокия Федоровна, первая жена Петра I 367, 368
Лорбах, посол 488, 489
Луговский Томила, думный дьяк 321, 327
Лыков Борис Михайлович, князь 458
Любомирский, литовский магнат 482
Людовик, король польский 286
Людовик XV, король французский 230, 232, 241
Людовик XIII, король французский 500
Людовик XIV, король французский 148, 201, 234
Людовик XVI, король французский 241
Лютер Мартин, деятель Реформации в Германии 48
Ляпунов Захарий Петрович, дворянин 72
Ляпунов Прокофий Петрович, думный дворянин, организатор первого земского ополчения против поляков 321—323, 508, 515

Магмет-Амин, хан 295, 297
Магницкий Леонтий Филиппович, педагог 354
Мадолинский 523
Мазепа Иван Степанович, гетман Украины 351, 352
Макарий, митрополит 503
Макдональд Жак Этьенн, герцог, генерал Франции 386
Максим Грек, ученый инок 502

- Максимлиан, император Священной Римской империи 56, 485
- Мамай, темник, фактически правитель Золотой Орды 284, 285
- Мандевиль 436
- Мария Лудвика, королева польская 484
- Мария-Терезия, эрцгерцогиня австрийская, позже императрица Священной Римской империи 226, 227, 230, 373
- Марков 244
- Марселис Петр, иностранный купец 457
- Марфа Алексеевна, царица, дочь Алексея Михайловича 346
- Марфа Ивановна, монахиня, см. Нагая Мария
- Марья, царица, см. Нагая Мария
- Марья Алексеевна, царица, дочь Алексея Михайловича 368
- Масальский Василий, князь 509
- Массена, генерал Франции 386, 387
- Матвеев Андрей Артамонович, дипломат 360
- Матвеев Артамон Сергеевич, боярин, приближенный царя Алексея Михайловича 71—75, 80, 81, 336, 338—340, 491—493
- Махмед-Гирей, хан 32
- Махмуд, султан турецкий 399
- Мезецкий Данила, князь 517, 520
- Меншиков Александр Данилович, светлейший князь, генералиссимус, сподвижник Петра I 142, 156, 180, 185, 347, 350, 360, 369
- Меншиковы, род 228
- Меховий (Матвей Меховский), ректор Краковского университета 437, 438
- Мещерский Федор 507
- Милорадович Михаил Андреевич, граф, генерал 394
- Милославская Мария Ильинична, первая жена царя Алексея Михайловича 71, 73, 336
- Милославские, бояре, князья 71, 73, 75, 80, 81, 338, 340
- Минин (Сухорукий) Кузьма, земский староста, руководитель 2-го Земского ополчения 72, 323—325, 391, 397
- Миних Бурхард Кристоф, граф, гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 180—182, 229, 237, 370
- Митрофан, епископ воронежский 204, 273, 357
- Михаил, см. Михаил Федорович
- Михаил Александрович, князь тверской 283
- Михаил Борисович, князь тверской 296
- Михаил Корибут Вишневецкий, князь 485, 486
- Михаил Павлович, вел. князь, сын Павла I 388
- Михаил Федорович, царь 39, 72, 74, 78, 79, 313, 315, 318, 325—328, 342, 457, 481, 487, 503, 505, 513—515, 517, 522
- Михаил Ярославич, князь тверской 280
- Михельсон, генерал 379
- Мнишек Марина, жена Лжедмитрия I, позже Лжедмитрия II 313, 315, 317, 324, 326
- Мнишек Юрий, сендомирский воевода 313, 316
- Молчанов Михалк (Михаил) 507
- Момаон, хан татарский 460
- Мономах, см. Владимир Мономах
- Мономаховичи, потомки Владимира Мономаха 269
- Морозов Борис Иванович, боярин, воспитатель царя Алексея Михайловича 328
- Мстислав Владимирович 271—273
- Мстислав Мстиславич Удалой, князь 271, 272
- Мстислав Романович, князь киевский 271, 272
- Мстиславские, князья 309

- Мстиславский 506, 509
Мюллер 208, 210
Мюрат, король неаполитанский, зять Наполеона 394
Нагая Мария, седьмая жена Ивана IV Грозного 309, 311, 312, 315
Нагие, бояре 309, 311, 312, 315
Наполеон I Бонапарт, император Франции 234, 385, 387—397
Нарышкина Наталья Кирилловна, вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I 71—73, 75—77, 79, 81, 338—340, 342, 360
Нарышкины, бояре 81, 336, 339
Наталья Кирилловна, см. Нарышкина Наталья Кирилловна
Невер Мария, невеста Владислава IV 481
Неверовский Дмитрий Петрович, ген.-лейтенант 391
Невилль 493, 494
Неплюев Иван Иванович, сенатор, дипломат 360
Нестеров, обер-фискал 139
Нестор, монах, летописец 268
Никита, боярин, см. Юрьев Никита Романович
Никифор, митрополит киевский 267
Николай II Павлович, вел. князь, позже император 209, 388, 396, 398—401
Никон, митрополит новгородский, позже патриарх 205, 335, 336, 504
Новиков Николай Иванович, просветитель, писатель, издатель 382
Новосильские, князья 296
Огильви, фельдмаршал 142, 156
Одоевские, князья 296
Олеарий Адам, путешественник 471, 472
Олег, др.-рус. князь 253—255
Олег, князь рязанский 284
Олег Святославич, князь 269
Ольга, княгиня, жена Игоря 256—258, 261
Ольгерд, великий князь литовский, сын Гедимина 283, 284, 286, 296
Ольговичи, род 269
Ольшевский, подканцлер 483
Ордин-Нашокин Афанасий Лаврентьевич, боярин, воевода, дипломат 491—493
Орлов Алексей Григорьевич, граф, ген.-аншеф 377, 378
Орлов Григорий Григорьевич, граф, фаворит Екатерины II 244
Ослабя, монах Троице-Сергиева монастыря 284
Оссолин, посол польский 482
Остерман Андрей Иванович, граф, дипломат 180—182, 184, 186, 187, 229, 360, 370
Остерман-Толстой 396
Острожский Константин Константинович, князь, воевода киевский 329
Острожский Константин, князь литовский 297
Остророг, стольник коронный 478
Отрепьев Юрий (Григорий), см. Лжедмитрий
Павел Иовий Новокомский, епископ, путешественник 437, 438
Павел I Петрович, император 375, 380, 385, 387, 388
Павел II, римский папа 291
Палицын Авраам (Авраамий), келарь Троице-Сергиева монастыря, писатель 323, 325, 391
Панин Никита Иванович, граф 199, 244
Панин Петр Иванович, граф, ген.-аншеф 379
Паскевич Иван Федорович, граф, ген.-фельдмаршал 398—400
Паткуль, ливонский дворянин 152
Пересвет, монах Троице-Сергиева монастыря 284

- Песков Иван, дьяк, посол в Вене 488
 Петровский, бывший иезуит 484
 Петр, митрополит 272, 280, 281, 289, 306
 Петр I Великий, император 6, 34, 35, 40, 41, 43, 46, 56—59, 63, 65, 69—74, 76, 77, 79—85, 88—96, 110—115, 117—124, 126, 132—145, 147—149, 151—156, 158—160, 162, 164—185, 187, 193, 197, 201—213, 215—217, 219—229, 234, 236, 238, 245, 246, 307, 327, 336, 338—373, 375, 377—383, 385, 387, 492, 494
 Петр II Алексеевич, император 168, 369
 Петр III Федорович, император 238, 239, 242, 370, 371, 374, 378, 379
 Пивов Лев 524
 Писемский, московский посол в Англии 486
 Плано Карпини (Джиованни дель Плано Карпини), монах, путешественник 406, 436
 Платов Матвей Иванович, граф, генерал, атаман донских казаков 394
 Плещеев, московский дворянин 282
 Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, боярин, руководитель 2-го земского ополчения 72, 322, 324, 325, 391, 397
 Поликарпов, переводчик 209
 Помпадур, фаворитка Людовика XV 230, 232
 Понятовский Станислав Август, король польский 243, 376, 378, 384
 Попов А. 473, 491, 493
 Посошков Иван Тихонович, экономист, публицист 202, 204
 Потей Игнатий, епископ владимирский на Волыни 329
 Потемкин Григорий Александрович, князь, генерал, фаворит Екатерины II 244, 383
 Пражновский, примас 486
 Прокопович Феофан, гос. и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I 124, 202, 204, 206, 364
 Пугачев Емельян Иванович, донской казак, предводитель казацко-крестьянского восстания 108, 378, 379
 Пушкин Александр Сергеевич 397
 Рагоза Михаил, митрополит киевский 329
 Радзивил, воевода виленский 478
 Радзивил, гетман 522
 Радзивил Альбрехт Станислав, князь, канцлер Великого княжества Литовского 477, 478, 491, 500
 Радзивил Христоф 512
 Радзивил Януш, подкоморий литовский 478
 Раевский Николай Николаевич, генерал 391
 Разин Степан Тимофеевич, донской казак, предводитель казацко-крестьянского восстания 92, 108, 332, 333, 336, 351, 378
 Разумовский Кирилл Григорьевич, граф, ген.-фельдмаршал 223
 Репнин Аникита Иванович, князь, канцлер 360
 Репнины, князья 229
 Ржевский Иван Никитич, дворянин 322
 Ридигер, генерал 401
 Римский-Корсаков, генерал 386, 387
 Ришелье Арман Жан дю Плесси, кардинал 479, 480
 Роман, князь галицкий 277
 Роман Данилович, князь галицкий 277, 278
 Романов Иван Никитич, боярин 315
 Романов Никита Иванович, боярин, родственник царя Михаила Федоровича 79
 Романов Федор Никитич, патриарх, отец царя Михаила Федоровича

- 72, 78, 313, 315, 320—322, 325, 327, 514, 515, 524
- Романовы, боярский род, позже императорская династия 72, 78, 304, 313, 315, 326
- Рубруквис (Рубрук Виллем), монах, фламандский путешественник 404
- Румянцев Петр Александрович, граф, ген.-фельдмаршал 236, 374, 377, 378, 392
- Рюрик, легенд. основатель династии Рюриковичей 104, 117, 250, 253—255
- Рюриковичи, династия русских князей 103
- Сагайдачный, гетман 524
- Саллюстий, рим. историк 200
- Салтыков Иван 507
- Салтыков Михайла 507, 508
- Салтыков Петр Семенович, граф 236, 374
- Самозванец, см. Лжедмитрий I
- Самус, майор 393
- Сапега Лев Иванович, канцлер литовский 317, 506, 508, 509, 511, 517, 518, 520—523
- Сапега Христоф, воевода витебский 520
- Сартак, татарский хан 402—404
- Святослав I, великий князь киевский, сын князя Игоря 166, 255—257, 267
- Святослав I Окаянный, князь туровский, позже киевский 71, 260, 261, 266
- Святослав Ольгович, князь черниговский 271
- Селим, султан 302
- Сергий, архиепископ смоленский 522
- Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря 282, 284
- Сеславин Александр Никитич, ген.-лейтенант 393
- Сигизмунд I, король польский 297, 474, 475
- Сигизмунд II Август, король польский 305, 474
- Сигизмунд III Ваза, король польский 102, 314, 316—321, 325, 328, 474—477, 479, 481, 483, 506, 510
- Сильвестр, епископ могилевский 365
- Сильвестр, священник Благовещенского собора 300, 303—305
- Симеон (Семен) Гордый, вел. князь московский и владимирский 281—283
- Симеон Полоцкий, русский общественный и церковный деятель, писатель 76, 77, 79, 83, 338, 340, 496, 497, 499
- Синеус, легенд. князь 250
- Сицкий Алексей, князь, посол в Польшу 505
- Скопин, см. Скопин-Шуйский
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, воевода, боярин, полководец 317—319
- Скоробовидный Кирилл, суконник, один из польских агентов в Москве 515
- Скоропадский Иван Ильич, гетман Левобережной Украины 352
- Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта), думный дворянин, приближенный Ивана IV 306
- Смирнов С. 473, 491
- Собеская, жена Яна Собеского 484
- Собеский Ян, см. Ян Собеский
- Соловецкий Степан, овчинник, один из польских агентов в Москве 507, 509, 515
- Соловой-Протасьев 520, 521, 523
- Сомов, дьяк 517
- Софья, принцесса, жена царевича Алексея Петровича 368
- Софья Алексеевна, царевна, соправительница при Иване V и Петре I 79—81, 83, 94—96, 108, 109, 338—343, 346

- Софья Витовтовна, жена Василия Дмитриевича, вел. князя 287
- Софья Фоминична, жена Ивана III, вел. князя 74, 290—292
- Спафари (Спафарий Н. Г.), русский дипломат, ученый, писатель 472
- Сперанский Михаил Михайлович, граф, гос. деятель 401
- Станислав Август, см. Понятовский Станислав
- Станислав Лещинский, король польский 154, 157, 350, 357
- Стефан, епископ 428
- Стрешнев, боярин, посол в Польше 489, 491
- Строгановы, купцы и промышленники 188, 190, 191, 307—309, 472
- Суворов Александр Васильевич, граф, князь, генералиссимус 236, 374, 379, 383—387, 392
- Сумароков Александр Петрович, писатель 213, 214, 217—219, 373, 381
- Сусанин Иван, крестьянин, народ. герой 326
- Сципион 46
- Тамерлан (Тимур), полководец 287, 288, 413, 459, 461, 465
- Таннер 471
- Татищев Василий Никитич, историк, гос. деятель 209, 210, 360, 362, 381
- Теполо, венецианский посол 481, 482
- Терлецкий Кирилл, епископ луцкий 329
- Тилли Иоганн Церклас, граф, генерал 476
- Тиммерман Франц Федорович, голландец 341
- Толочанов Афанасий 524
- Толочанов Михайла 506
- Толстой Петр Андреевич, граф, гос. деятель, дипломат 180, 185, 360, 369
- Тохтамыш, хан Золотой Орды 32, 285—287
- Третьяковский Василий Кириллович, поэт, философ 219
- Третьяков Петр, дьяк 517
- Тржебинский, вел. канцлер 482
- Трубецкой 229
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, воевода 322, 325
- Трубецкой Юрий Никитич, князь 508, 520
- Трувор, легенд. князь 250
- Тяпкин, сын стольника Тяпкина В. М. 494
- Тяпкин Василий Михайлович, стольник, посол в Польше 494—496
- Увенца, князь 427
- Улу-Махмет, хан Золотой Орды 288, 289
- Ульрика Элеонора, королева шведская 358
- Ушаков, московский посол 487, 488
- Ушатый Петр, воевода 427
- Федор, сын Бориса Годунова 314, 315
- Федор (Феодор) Алексеевич, царь 56, 73, 74, 76, 77, 79, 80, 83, 177, 336, 338, 340, 347, 495—497
- Федор Иванович, последний царь из династии Рюриковичей 74, 309—313
- Федор Никитич, см. Романов Федор Никитич
- Феодор, царь, см. Федор Алексеевич
- Феодор Иванович, см. Федор Иванович
- Феодорит, отец церкви V в. 501
- Феодосий, монах Киево-Печерского монастыря 268
- Феофан, патриарх иерусалимский 503
- Фердинанд II, император Священной Римской империи 480

- Ферзен Иван Евстафьевич, генерал 384
- Фермор Вилиам Виллианович, генерал 235
- Фигнер Александр Самойлович, полковник 393
- Филарет, см. Романов Федор Никитич
- Филипп, королевич шведский 326
- Филипп, митрополит 305, 306
- Фома, брат императора Константина Палеолога 291
- Фонвизин Денис Иванович, писатель, просветитель 381
- Фридрих Вильгельм, курфюрст бранденбургский 147, 227
- Фридрих Вильгельм II, король прусский 384, 388
- Фридрих II, король прусский 144, 188, 225—229, 233—237, 239—244, 373, 374
- Фридрих Пфальцский, король чешский 479
- Харитон, поп 508
- Хворостинин Юрий, князь 507
- Хлопка Косолап, атаман 313
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович, гетман Украины, руководитель освободительной войны украинского народа 108, 331, 332, 479
- Ходкевич Ян, гетман литовский, военачальник 324, 325, 506
- Хоткевич Карл, гетман 507
- Цецилия Рената, королева польская, жена Владислава IV 480
- Чаплинский 523
- Чарторыйские, польский княжеский род 243
- Черкасский, князь 458
- Черкасский Алексей Михайлович, князь, гос. деятель 186
- Чичерин Иван 509
- Шаваньяк, граф лотарингский 483—485
- Шакловитый Федор Леонтьевич, окольныйчий, фаворит царевны Софьи Алексеевны 95, 96, 342
- Шафиров Петр Павлович, гос. деятель, дипломат, вице-канцлер, сподвижник Петра I 360
- Шейн Михаил Борисович, боярин, воевода 318, 514
- Шереметев Борис Петрович, граф, ген.-фельдмаршал, сподвижник Петра I 138, 142, 156, 349, 360
- Шереметев Федор Иванович, боярин 458, 517—520, 522
- Шереметевы, бояре и графы 229
- Шидак, вождь ногайских татар 429
- Шихмамай, вождь ногайских татар 428
- Шлиппенбах Вольмар Антон фон, генерал Швеции 349
- Штраус 471, 472
- Шубин 394
- Шувалов Иван Иванович, граф, гос. деятель, фаворит Елизаветы Петровны 222, 223, 371
- Шувалов Петр Иванович, граф, ген.-фельдмаршал 194—198, 371
- Шуваловы, графы 194
- Шуйские, бояре и князья 71, 309, 505, 506
- Шуйский Андрей, боярин, князь 299
- Шуйский Василий Иванович, князь, позже царь Василий IV 311, 314—320, 505, 506, 510
- Шуйский Дмитрий Иванович, князь, брат Василия Шуйского 319, 505, 507
- Шуйский Иван Иванович, князь 505, 520
- Шуйский Иван Петрович, князь 307
- Щекловитый, см. Шакловитый Ф. Л.
- Щеня-Оболенский Данила, московский князь 297

- Щербатов Михаил Михайлович, князь, историк, публицист 381
- Элеонора, принцесса австрийская 486
- Энгельгард 394
- Эпаминонд, фиванский полководец 46
- Юрий Данилович, князь московский 280, 281
- Юрий Дмитриевич, князь звенигородский 288
- Юрий Долгорукий, князь суздальский и вел. князь киевский 271
- Юрков Василий, попович, один из польских агентов в Москве 507, 515
- Юрьев Никита Романович, боярин 309, 313
- Яворский Стефан, митрополит рязанский, писатель 122, 124, 125, 202, 204, 206, 356
- Ягайло, великий князь литовский, сын Ольгерда 284, 286, 287
- Ягеллоны, династия королей польских 474
- Ягужинский Павел Иванович, ген.-прокурор Сената 360
- Ядвига, королева польская 106, 286
- Яков Василий 508
- Яковлев Корнил, атаман донских казаков 333
- Ян Казимир, брат короля польского Владислава IV 479, 480, 482, 483
- Ян Казимир, король польский 150, 331
- Ян Собеский, король Речи Посполитой 109, 484, 485, 494
- Ярослав I Владимирович Мудрый, вел. князь киевский 71, 260—263, 265
- Ярослав Всеволодович, князь различных княжеств, позже вел. князь киевский 274, 275
- Ярослав Ярославич, князь тверской 280

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ (1873/1874)

6—246

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЧТЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

247—401

СТАТЬИ

402—526

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ДРЕВНЕЙ РОССИИ

402—473

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В XVII ВЕКЕ

474—505

ОСТРОЖКОВСКИЕ И ПОДМОСКОВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

506—526

УКАЗАТЕЛЬ

527—540

Соловьев С. М.

С 60 Сочинения. В 18 кн. Кн. XXI. Дополнительная.
Работы разных лет.— М.: Мысль, 1998 — 540, [3] с.
ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00881-1

Двадцать первая книга Сочинений в основном составлена из работ, не публиковавшихся с конца XIX в.

В том вошли «Лекции по русской истории», «Общедоступные чтения о русской истории» и статьи, посвященные следующим вопросам: обзору свидетельств о России, оставленных иностранными путешественниками; влиянию религии на политическую и военную историю России, Малороссии и Польши; неизвестным страницам политической истории России «смутного времени».

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)

Научная

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА ХХІ

Дополнительная

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Художественный редактор Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ

Технический редактор С. П. ЛЕБЕДЕВА

Корректор Г. С. МИХЕЕВА

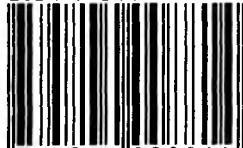
ЛР № 010150 от 25.12.96

Сдано в набор 03.02.98. Подписано в печать 10.03.98. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печатных листов 34. Усл. кр.-отт. 34,75. Учетно-издательских листов 36,79. Тираж 10 000 экз. Заказ № 720.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московское предприятие «Первая Образцовая типография» Государственного комитета Российской Федерации по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

ISBN 5-244-00881-1

9 785244 008814

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

в 1996—1997 гг.

выпустило в свет:

Ф. И. Успенский. История Византийской империи. VI—IX вв. 1996. 65,92 уч.-изд. л. Тираж 7000 экз.

Ф. И. Успенский. История Византийской империи. 867—1057 гг. 1997. 41,25 уч.-изд. л. Тираж 7000 экз.

Ф. И. Успенский. История Византийской империи. XI—XV вв. 1997. 70,2 уч.-изд. л. Тираж 7000 экз.

Книга классика российского византиеведения академика Ф. И. Успенского (он фактически работал над ней всю свою творческую жизнь) является ценнейшим вкладом отечественной науки в мировую историографию. В трех томах своего капитального исследования, проведенного на богатейшем фактическом материале, почерпнутом из источников на греческом, западноевропейских, тюркских и славянских языках и дополненного данными археологии (Ф. Успенский с 1895 г. ряд лет жил в Константинополе, путешествовал по Малой Азии, Сирии и Палестине), автор создает впечатляющую картину истории и культуры великой империи, влияние которой заложило один из краеугольных камней современной цивилизации и которая многими своими страницами теснейшим образом связана с историей нашей Родины. Уникальный труд академика Успенского представляет значительный интерес для занимающихся как историей России, так и общими проблемами всемирной истории.

